

A $\frac{139}{36}$

$\frac{802-11}{275}$

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Часть III.

№ 5. — МАЙ. — июль

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1842.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

СКАЗАНІЯ

ПОЛЬСКАГО ИСТОРИКА КОВЪРЖИЦКАГО

О ПОХОДАХЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СИГГИЗМУНДА И КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА
ВЪ РОССІЮ.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Событія 1618 — 1619.

Григорій Волковъ отъ имени бояръ жаловался, что вооруженный Владиславъ угрожаетъ столицѣ, тогда какъ Русскіе не чуждаются мира; напротивъ опасаются, что Выборные не думаютъ искренно о согласіи; ибо войска, пушечныя для разграбленія деревень и городовъ, предаются жестокостямъ, и если скончается Конашевича не прекратятъ грабежа, и не будутъ освобождены въ лагерь Владислава, то самыя сношенія о мирѣ должны

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Мая 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ П. Корсаковъ.

РЕДАКТОРЪ КОНСТАНТИНЪ МАСАЛЬСКІЙ.

прекратиться; лагерь же королевича всего лучше расположить при Звѣнигородѣ — мѣстѣ удобномъ для переговоровъ.

Волкову отвѣчали: «Ступай и донеси своимъ боярамъ: пусть они не надѣются, чтобы войска прекратили грабежъ, * пока Русскіе не покорятся своему законному государю; пусть знаютъ болре, что скоро придутъ новыя войска для наказанія вѣроломныхъ. Отозвать дружины Конашевича въ лагерь бояре желаютъ съ коварною цѣлю: ибо чего останется тогда Полякамъ ждать, какъ не голодной смерти? Лагерь же отодвинуть къ Звѣнигороду хотятъ для того, чтобы дить время въ пересылкѣ гонцовъ; но этого никогда не будетъ; войско скоро явится подъ стѣнами Москвы.»

Въ тотъ же вечеръ прискакалъ изъ Москвы гонецъ съ письмомъ, въ которомъ было сказано, что если Выборные желаютъ продолжить переговоры о мирѣ, то съ обѣихъ сторонъ нужно выслать по три придворныхъ сановника (Nobiles avlici) между Ходынкою и Прѣсною, условиться о мѣстѣ и времени совѣщаній, и принять присягу въ безопасности пословъ.

Выборные разгнѣвались, отвѣчали, что Русскіе выдумали съѣздъ придворныхъ сановниковъ, чтобы дѣлать провоочки, и девятаго Октября обѣщали сами явиться у Ходынки.

И Выборные дѣйствительно отпавились сами, послававъ напередъ Селянку пригласить пословъ къ переговорамъ; но какъ они ни подѣ какимъ видомъ не хотѣли явиться прежде съѣзда придворныхъ, то послы, не сдѣлавъ ничего, должны были воротиться въ лагерь.

Между-тѣмъ, какъ Русскіе старались выиграть время медленностью въ переговорахъ, въ лагерь прибыли Казаки и Лисовчики, которые, пустившись за добычею изъ-подъ Можайска, произвели въ разныхъ мѣстахъ Моско-

* Отлично благородно! Теперь и самъ Али-паша едва ли далъ бы такой отвѣтъ.

ви опустошеніе. Подкрѣпленный новыми силами гетманъ Ходкевичъ рѣшился сдѣлать нападеніе на Москву. Тамъ, думалъ онъ, заключается все могущество и власть Михаила, тамъ дворъ, вся казна государства, и все войско, но больше людей, нежели силъ, ибо безоружные жители будутъ только помѣхою. Русскіе могутъ быть приведены въ ужасъ, когда увидятъ, что Владиславъ находится уже не въ окрестностяхъ, а подъ самыми стѣнами, и пока еще не совѣмъ забыто уваженіе къ Владиславу, можетъ заблестать его звѣзда; а если въ отдаленіи отъ столицы королевичъ будетъ доказывать свои права, то Москва не будетъ имѣть недостатка ни въ совѣтѣ, ни въ войскѣ.

Приступъ назначенъ въ полночь съ десятаго на одиннадцатое Октября. Войска распределены слѣдующимъ образомъ: къ Воротамъ Арбатскимъ отряженъ Варооломей Новодворскій, впереди должна идти его пѣхота съ топорами для ломки укрѣпленій; за ними двѣ хоругви пѣхоты Бутлера и Беглія назначены развлекать непріятеля безпрестанною стрѣльбою. Сзади двадцать человекъ понесутъ петарды къ воротамъ, за ними будутъ слѣдовать Новодворскій, Яковъ Собѣскій, главные придворные Владислава и пятьдесятъ отборныхъ панцерныхъ изъ отрядовъ Ходкевича, Козаковскаго и Собѣскаго. Въ резервъ имъ оставлены нѣсколько сотенъ пѣхоты Лермунта и Сейя, и конница Лисовчиковъ съ Чаплинскимъ. Если бы выломаны были Ворота Арбатскія, то сотни Бутлера, Беглія и Венгры должны были немедленно вкочить на стѣны, а чрезъ ворота вторгнуться въ городъ войска Лермунта, Лисовчики и резервные рейтары съ Гаденіемъ и Собещанскимъ.

Развлекать непріятеля съ другой стороны отпавленна къ Иверскимъ Воротамъ пѣхота Нѣвляровскаго и Прилупскаго; за ними больше двухъ-сотъ копѣйщиковъ Брена и Фуллера; за тѣмъ несли двадцать петардъ, подъ начальствомъ завѣдывающаго ими Француза, — и

подъ прикрытіемъ старосты заторскаго Мартина Лесніовольскаго, и отборныхъ воиновъ изъ сотни Казановскаго, готовыхъ на все.

Для подкрѣпленія, сзали шли нѣсколько сотенъ пѣхоты Аппельмана, десять—тысячъ Запорожскихъ Казаковъ и шесть хоругвий рейтаровъ Клебецкаго, Розни, Адеркаса, Соколовскаго, Потемкина и Платемберга. Всѣ эти войска должны были ринуться въ городъ по сигналу, когда будутъ выломаны ворота.

Это нападеніе не могло имѣть ожидаемаго успѣха, потому—что защитники Москвы отъ перебѣжавшихъ изъ нѣмецкой пѣхоты все знали о намѣреніяхъ Поляковъ; по—этому при воротахъ успили гарнизонъ, укрѣпили ихъ надежице, по стѣнамъ расположили войско и разставили орудія.

По данному сигналу, сдѣлали приступъ къ обѣимъ воротамъ. Къ Арбатскимъ Новодворскій придвинулъ петарду, сдѣлалъ брешь въ ближайшемъ укрѣпленіи, и когда къ воротамъ представлялъ другую петарду, отъ которой и зависѣлъ весь успѣхъ, то при первомъ выстрѣлѣ ему раздробили руку, еще незажившую отъ раны, полученной при Можайскѣ. Затѣмъ непріятель не далъ дѣйствовать петардами, съ быстротою молніи бросился къ воротамъ и завязалъ ужасную рѣзню: сражались бердышами, мечами, особенно производили опустошеніе пули. Поляки нѣсколько часовъ стояли твердо, какъ слѣдуетъ воинамъ храбымъ, но истомленные напрасно ожидали помощи отъ Лисовчиковъ и пѣхоты Лермунта: они оставались неподвижными, какъ вкопанные. Съ разсвѣтомъ осаждавшіе должны были отступить. Потеря была съ обѣихъ сторонъ почти равная. * Тридцать человѣкъ были убиты, и трупы ихъ увлекли

* Если такъ говоритъ Полякъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Русскіе потеряли меньше.

Русскіе, чтобъ насытиться мщеніемъ; раненыхъ оказалось почти сто человѣкъ. Изъ извѣстнѣйшихъ людей палъ Яниковскій, товарищъ изъ сотни Козаковскаго; изъ магнатовъ ранены, кромѣ Новодворскаго, Яковъ Собѣскій, сынъ воеводы люблинскаго, принадлежавшій къ числу Выборныхъ, Христофоръ Сапѣга, сынъ воеводы витебскаго, Стечкѣвичъ, Пассекъ, Коморскій, Сей и Бегель. Отъ переметчиковъ и шпионовъ узнали, что со стороны Русскихъ ранено немного больше.

У Воротъ Иверскихъ Мартинъ Лесніовольскій съ своимъ французскимъ машинистомъ не сдѣлалъ ровно ничего, потому—что ровъ былъ широкъ, перекладины принесли короткія, по которымъ нельзя было перейти на другую сторону, и сколько осаждавшіе ни употребляли усилій, Русскіе всегда отражали, а что они очень хорошо приготовились къ отпору, очевиднымъ доказательствомъ служить то, что Поляки принуждены были бросить имъ двѣ петарды.

Таковъ былъ конецъ нападенія, не имѣвшаго успѣха потому, что Русскіе его ожидали; впрочемъ нельзя сказать, чтобы не были виноваты и польскіе военачальники. Я удивляюсь, что Ходкевичъ, отличающійся доблестями вождя, сдѣлалъ это нападеніе такъ гласнымъ, что объ немъ знали даже рядовые, а отъ нихъ узнали чрезъ переметчиковъ и Русскіе. Если ужъ ночь употребили для сокрытія тайны нападенія, то почему было не дѣлать также во мракѣ неизвѣстности и самыя замыслы? Извѣстно, что военныя совѣщанія тогда только имѣютъ силу и подають надежды, пока остаются въ тайнѣ. Ночное нападеніе на Можайскъ и Борисовъ, угрожавшее имъ гибелью, также не удалось потому, что сдѣлалось гласнымъ.

Другая ошибка состояла въ томъ, что Новодворскому, упорно сражавшемуся при Арбатскихъ Воротахъ, не подано помощи: испуганные Русскіе уже начинали сходиться со стѣнъ, какъ ихъ остановила нѣмецкая пѣхота,

сказавъ, что отступать еще не время. Сверхъ-того Поляки не осматрѣли чрезъ шпионовъ ровъ, не приготовили перекладишь и лѣстницъ, тогда какъ Выборные на военномъ совѣтѣ сильно настаивали, что однѣ пестарды недостаточны и надежды полагать на нихъ нельзя, если не будетъ лѣстницъ, чтобы можно было взойти на стѣны.

Хотя города взять и не успѣли, однако жъ нападеніе не осталось безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. Русскіе сдѣлались готовѣе къ переговорамъ, а понесенныя потери не позволяли ни той, ни другой сторонѣ замедлять ходъ мира. Русскіе настоятельно требовали предварительныхъ условій о переговорахъ послать; хотя Выборные не считали этого нужнымъ, и знали, что этимъ потеряется время, но хотѣли лучше уступить настояніямъ непріятеля, нежели навлечь на себя обвиненіе республики въ разрывѣ договора о мирѣ, котораго она жаждала.

Для предварительныхъ условій назначены Малинскій, Неборовскій и Рыдзницкій; имъ поручено договориться о мѣстѣ и времени переговоровъ, и о безопасности пословъ. Много стоило имъ труда вести дѣло съ народомъ хитрымъ, подозрительнымъ, безпрестанно противопоставлявшимъ новыя затрудненія. Наконецъ назначили мѣсто переговоровъ подъ самыми стѣнами столицы, при рѣкѣ Прѣсной; съѣзду быть условились наканунѣ ноябрскихъ календъ, а въ безопасности договаривающихся и всѣхъ, кто при томъ будетъ, съ обѣихъ сторонъ приняли присягу.

Между-тѣмъ, чтобы не тратить времени понапрасну, и не оставлять войска въ одномъ мѣстѣ, гдѣ могъ случиться недостатокъ въ продовольствіи, Казаки, по приказанію королевича, отправились къ Коломиѣ и Переяславу, и всю эту изобильную страну предали огню и мечу; равнымъ образомъ и Лисовчики пустились въ набѣги, и счастливо разносили месть непокорному народу, оставляя за собою кучи пепла и груды труповъ;

но отъ неожиданнаго выстрѣла изъ крѣпостцы, слѣланной какимъ-то русскимъ дворяниномъ, палъ на мѣстѣ самъ предводитель Лисовчиковъ Чаплинскій, и тѣмъ остановились успѣхи оружія. Когда въ лагерѣ узнали о смерти Чаплинскаго, то всѣ заплакали объ этомъ мужѣ доблестномъ, котораго мужеству и подвигамъ постоянно удивлялись.

Въ день, назначенный для переговоровъ, Выборные отправились къ Прѣснѣ подъ самыя стѣны Москвы: епископъ каменецкій Адамъ Новодворскій, воевода сохачевскій Константинъ Плихта, канцлеръ великаго княжества литовскаго Левъ Сапѣга, референдарій княжества Александръ Госѣвскій и Яковъ Собѣскій, въ сопровожденіи пяти-сотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Войны слѣдовали въ полномъ вооруженіи, по бокамъ ѣхали ихъ начальники, а впереди Выборные съ пятью-десятью человѣкъ изъ дворянъ и почетнѣйшихъ военныхъ. Ихъ ждали уже московскіе послы Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, Данилъ Ивановичъ Мезецкій, Артемій Васильевичъ Измайловъ, Иванъ Ивановичъ Болотниковъ, думный дякъ, и Матвѣй Сомовъ (Samovus) дякъ посольства. Не вдаль отъ стѣнъ города стояли въ боевомъ порядкѣ двѣ-тысячи конницы и пѣхоты.

Русскіе первые спросили Выборныхъ о здоровьи; Поляки отвѣчали имъ тѣмъ же весьма вѣжливо. Сойти съ коней Русскіе не захотѣли и начали говорить, что они прибыли, по волѣ великаго князя московскаго Михаила, для переговоровъ о мирѣ между великимъ княземъ и королемъ польскимъ Сигизмундомъ; но прежде всего предваряютъ, чтобы не было и помину о королевичѣ Владиславѣ и его минныхъ правахъ, которые уничтожены временемъ и миновались невозвратно; а если Выборные будутъ продолжать говорить объ этомъ, то не могутъ ожидать дальнѣйшихъ сношеній; да будетъ извѣстно, что всѣ чины и сословія русскіе ни въ какомъ случаѣ, ни съ потерей имущества, ни съ лишеніемъ даже са-

мой жизни, не оставляя своего великаго князя Михаила. Къ этому, съ обычною говорливостію и необыкновеннымъ хвастовствомъ, присовокупили, что они никогда не хотѣли бы вступать въ мирныя переговоры, если бы не вызвали ихъ къ тому сами Поляки.

Какъ въ продолженіе переговоровъ нѣсколько разовъ одно и тоже толковали о правахъ Владислава, то я кратко изложу всю сущность дѣла.

На первую рѣчь отвѣчалъ канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, что они напрасно хвастаются, когда извѣстно, что сами же чрезъ Желябужскаго (Zelebovius) и другихъ гонцовъ почти просили о мирѣ, и сами первые побудили къ тому Выборныхъ. Затѣмъ Сапѣга увѣщевалъ ихъ не нарушать клятвы, данной королевичу, котораго сами просили у короля Сигизмунда отпустить на московскій престолъ. «Подумайте, продолжалъ онъ, какимъ хотите запятнать себя злодѣніемъ, нарушая клятву, за которую мстителемъ будетъ Богъ. Не играйте святымъ Его именемъ, за оскорбленіе коего, какъ доказываютъ многіе примѣры, погибли ужаснымъ образомъ цари и царства. И такъ примите королевича, котораго избрали на престолъ вы сами, и которому добровольно присягнули, подумайте, какаа польза и какаа честь будетъ всему вашему государству: вы будете имѣть великимъ княземъ истиннаго потомка кесарей и королей, царствовавшихъ въ христіанскомъ мірѣ; будете жить безъ страха, и вамъ останется только снова повиноваться своему государю и любить его. * Обсудите, ка-

* Здѣсь должно прежде всего помнить, что всѣ рѣчи Выборныхъ суть хула врага, незаслуженная, вздоръ и чепуха. Выслушаемъ хладнокровно эти разглагольствія, въ опроверженіи коихъ нѣтъ ни малѣйшей надобности; Россія нѣтъ нужды оправдываться ни передъ кѣмъ и ни въ чемъ.

† Если дѣйствительно такъ говорилъ Сапѣга, а не придуманы всѣ эти возгласы послѣ; то канцлеръ литовскій не зналъ Россіи, и любилъ попустословить.

кія проистекуть выгоды отъ союза Московіи съ Польшею. Кромѣ сношеній одного народа съ другимъ, которыя будутъ поводомъ къ брачнымъ союзамъ и родству, общими силами легко можно будетъ смирать враговъ, особенно Турокъ и Татаръ, заклятыхъ враговъ христіанскаго имени; прекратятся всѣ споры о провинціяхъ, крѣпостяхъ и городахъ: всякій споръ удобно разрешится между отцомъ и сыномъ. И такъ лучше покоритесь законному вашему государю, не берите на себя клятвопреступленія, дабы не заслужить мщенія неба; отъ Владислава же легко можете надѣяться прощенія, и отъ милости его щедрыхъ наградъ.»

Русскіе отвѣчали такъ: «Не споримъ, что мы сами добровольно избрали Владислава великимъ княземъ, присягали ему, объ немъ молились; его имя носили указы, грамоты, печати, серебряная и золотая монета, и до пріѣзда его мы сдали кievскому воеводѣ Станиславу Жолкѣвскому столицу, велико-княжескій скипетръ, корону, казну и всѣ регаліи. Но когда мы такъ усердно желали его прібытія, онъ не явился, и даже послы, отправленные за нимъ, противу всѣхъ правъ народовъ, были задержаны и заключены въ неволю. Король хлопоталъ не объ сынѣ, а о себѣ, и чрезъ подосланныхъ имъ людей старался склонить бояръ, чтобы они вручили власть лучше ему, утверждая, что королевичъ, по молодости, не можетъ управлять государствомъ. Ужась объемлетъ духъ, когда подумаешь о жестокости вашихъ воиновъ: утѣсня непомѣрно жителей, они требовали не только съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, сластей, денегъ, не только расхищали все, что было у насъ лучшаго; но даже въ присутствіи мужей и отцовъ безчестили ихъ женъ и дочерей. И сколько нанесено ранъ, происходило раздоровъ, ссоръ! На простой народъ они

* Вотъ въ этомъ ужъ вѣрно ни одна душа въ Россіи не сомнѣвалась, да и надобности въ прошеніи никакой не было.

смотрѣли съ презрѣніемъ, и не иначе называли ихъ, какъ московскими собаками, предателями и разбойниками. Ихъ святотатственныя руки не пощадил даже храмъ Божіихъ: столицу сожгли и обратили въ пепелище; казну, обогащенную долговременною бережливостію великихъ князей, расхитили; государство опустошили, имущества разграбили. Вотъ безчеловѣчныя дѣйствія вашего войска! И еще ли слѣдовало намъ работѣнно терпѣть все это? Еще ли слѣдовало обольщать себя вашею ложью о мнимомъ скоромъ прибытіи королевича? Мы съ нетерпѣніемъ ждали Владислава, умоляли его, настаивали, долго сносили ваше высокомеріе; наконецъ оказалось, что нѣтъ никакой надежды на прибытіе королевича; между-тѣмъ корабль государства безъ кормчаго подвергался произволу бурь; и тогда-то самая необходимость заставила насъ избрать другаго великимъ княземъ; и мы избрали Михаила Феодоровича, ему клялись въ вѣрности, ему посвятили и себя и все, что имѣемъ, и не оставимъ его, пока живемъ, пока останется въ насъ хоть одна капля крови. И вамъ, послы, не слѣдовало произносить хулу на того, кто носитъ имя Помазанника Господня; и если вы не воздержитесь, то сейчасъ услышите, что скажемъ мы о вашемъ королѣ. Безъ всякой нужды распространялись вы въ похвалахъ своему королевичу, когда мы и слышать объ немъ не хотимъ. Бросьте толковать о дѣлѣ, которое потеряно отъ времени, и безвозвратно.»

Нѣсколько разъ происходили такіе споры; Русскіе всегда твердо стояли за Михаила, а при одномъ напоминаніи, что Владиславъ избранъ былъ княземъ, каждый разъ въ такое приходили ожесточеніе, что готовы были прервать переговоры. Особенно имъ придало духу то, что перехватили гонца съ королевскими письмами къ Выборнымъ, въ которыхъ Сигизмундъ предписывалъ: если Русскіхъ ничѣмъ нельзя склонить къ при-

нятію Владислава, договориться о вѣчномъ мирѣ или перемиріи. На третьемъ совѣщаніи Русскіе показали Выборнымъ королевскія письма и уличали ихъ, что дѣйствуютъ противъ воли короля. Выборные оправдывались другими письмами, утверждая, что онѣ недавно привезены отъ короля двумя изъ ихъ товарищей.

При такомъ положеніи дѣлъ исчезла самая надежда возвести Владислава на московскій престолъ. Выборные принимали въ соображеніе, что смирить Русскіхъ оружіемъ невозможно, что войско каждый день уменьшалось, оставшіеся въ лагерѣ безпрестанно жаловались на недостатокъ въ продовольствіи и неполученіе жалованья, и даже готовъ былъ вспыхнуть мятежъ; притомъ же король предписывалъ не войну, а миръ; по всѣмъ этимъ причинамъ Выборные стали заботиться о томъ, какъ бы кончить войну, и заключить миръ безъ ущерба достоинства короля и правъ королевича.

Выборные, на общемъ между собою совѣщаніи, представили Владиславу, въ какомъ непріязненномъ расположеніи къ нему Русскіе, и преклонить ихъ можно было бы развѣ силою оружія; затѣмъ епископъ каменецкій показалъ хартію подписанную Владиславомъ въ Варшавѣ, * королевскія письма, предписывающія миръ, и тайную инструкцію, данную Выборнымъ; въ заключеніе Выборные просили королевича склониться на ихъ желаніе, и нѣкоторое время не домогаться своихъ правъ.

Владиславъ отвѣчалъ, что никакія писанья не заставятъ его отказаться отъ столь очевидныхъ правъ, ко-

* Къ крайнему удивленію, эта хартія сохранилась, только подпись Владислава перерѣзана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Хартія эта находится въ Санктпетербургѣ, и мы постараемся переволъ напечатать въ Сынѣ Отечества.

торья онъ готовъ предать на судъ всего міра; со временемъ легче можно будетъ побѣдить упорство Русскихъ, но онъ уже самъ не хочетъ царствовать надъ Русскими, противъ ихъ воли, и желаетъ лучше исполнить волю своего любезнѣйшаго отечества, польской республики, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы Рускіе въ лицѣ своихъ пословъ явились къ нему съ повинною, просили прощенія въ мятежѣ, дали денегъ, и тогда онъ разрѣшитъ Русскихъ отъ присяги, ему данной.

На первомъ послѣ того съѣздѣ съ Русскими Выборные объявили требованіе королевича, сильно отстаивали права Владислава, законно избраннаго, и предложили вѣчный миръ, ежели Рускіе уступятъ крѣпости и города, взятыя во время царствованія польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, а королевичу отдадутъ Псковъ съ окрестными землями.

Рускіе послы отказались отъ вѣчнаго мира и, по свойственному имъ варварству, съ презрѣніемъ отвѣчали: «Пусть не ласкаетъ себя королевичъ мыслию, что мы придемъ къ нему съ повинною, и дадимъ деньги и города въ выкупъ за мнимое право, которое отъ вашей живности потеряно навсегда. Пусть убирается королевичъ отсюда и ѣдетъ къ своему отцу; а вы, Выборные, бросьте строптивость, и будьте въ своихъ требованіяхъ умѣреннѣе.»

Выборные, зная упорство Русскихъ, ничѣмъ непреклонное, спросили, на какихъ условіяхъ и на какой срокъ желаютъ они заключить перемиріе.

Послы отвѣчали: «Оставьте за собою Смоленскъ, по возвратите прочія крѣпости, — и тогда можете просить перемирія на двадцать лѣтъ.»

При этомъ смѣшномъ требованіи Русскихъ, Выборные изъяснили неудовольствіе. Послѣ долгихъ споровъ, наконецъ Рускіе предложили Стародубъ, Черниговъ, Муромскъ (Muromscum), Почепъ, Невель и Сѣбежъ, если будетъ заключенъ вѣчный миръ. Выборные не доволь-

ствовали этимъ, и требовали еще Брянска съ волостью Комарицею, Новгорода Сѣверскаго и Трубчевска, и соглашались отдать Вязму и Козельскъ.

Русскіе стояли на своемъ, и дѣло дошло до того, что переговоры были прекращены, и Выборные объявили слѣдующее: «Вы съ презрѣніемъ отвергаете выгодныя условія мира и тѣмъ лишаете народъ покоя, котораго онъ жаждетъ; знайте же, что Владиславъ поведетъ свои войска во внутренность Россіи, перезимуетъ тамъ, и тогда найдетъ способъ управиться съ непокорными полданными.»

Это нисколько не испугало Русскихъ, потому что переметчики несправедливо увѣрили ихъ, что Владиславъ скоро выступитъ изъ Московія, чтобъ зимовать въ странахъ теплыхъ, а если еще будетъ упорствовать, то два злѣйшіе врага — голодъ и холодъ, въ конецъ истребятъ его войско.

Обстоятельства требовали снять лагерь, бывшій въ Тушинѣ: Влостовскій, долго медлившій въ дорогѣ, прибылъ съ деньгами отъ казначея королевства польскаго, и войско уже съ давняго времени жаловалось, что его приковали къ одному мѣсту, и отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ становилось непокорнымъ; для лошадей не было пастбищъ, люди постоянно должны были находиться подъ открытымъ небомъ, ибо Рускіе сожгли не только ближнія деревни, но и все, что можно было бы употребить на палатки. Ропотъ войска унялся, когда сняли лагерь, и пошли во внутреннія страны государства.

Войско проходило подъ самыми стѣнами Москвы въ боевомъ порядкѣ, съ развернутыми знаменами. Удивленные Рускіе тотчасъ прислали къ Выборнымъ сказать, что они напрасно прервали начатые переговоры о мирѣ, и приглашали продолжать ихъ, съ надеждою на скорое окончаніе. Ни достоинство Выборныхъ, ни самое мѣсто не позволяли продолжать сейчасъ переговоры, а ѣздить

къ Москвѣ изъ-подъ Троицкой Лавры, гдѣ королевичъ хотѣлъ остановиться, тоже было неудобно, потому-что Лавра отстоитъ отъ столицы почти на осмнадцать миль, по-этому избрали Христофора Сапѣгу, сына воеводы витебскаго, Карсницкаго и королевскаго секретаря Гридзицкаго, для переговоровъ; дали имъ тайную инструкцію, и уполномочили: если Русскіе согласятся на условія, для Польши выгодныя, тотчасъ заключить миръ и утвердить присягою. Противъ назначенія мѣста для переговоровъ недалеко отъ Троицкой Лавры Выборные не спорили.

Владиславъ двинулся внутрь Московіи, куда не заходилъ еще ни одинъ изъ польскихъ государей. Троицкая Лавра, пріобрѣвшая извѣстность въ предвидущія войны, опасалась близкаго сосѣдства Владислава, равнымъ образомъ и Переславль, многолюдный городъ, съ часу на часъ ожидалъ своего паденія. Войско расположилось въ ближнихъ селеніяхъ. Королевичъ съ охранною стражею остановился въ Рохачевѣ, часть войскъ Ходкевичъ разставилъ близъ Переслава, епископъ каменецкій, Адамъ Новодворскій, канцлеръ Левъ Сапѣга и референдарій Госѣвскій заняли деревню Святково близъ мѣстопребыванія Владислава.

Войско хотя и перешло въ лучшія мѣста, но принесло съ собою язву мятежа, который противъ ожиданія вспыхнулъ въ отрядѣ Козаковскаго. Кюдзинскій опять сталъ требовать жалованья; съ шумомъ, крикомъ и угрозами обступили жильє Выборныхъ, и клялись, что черезъ три дня возьмутъ знамена, и уйдутъ изъ Московіи. Выборные умоляли ихъ не оставлять королевича въ непріятельской землѣ, а если уже непременно хотятъ уйти, то сдѣлали бы это безъ шума, потому-что, если непріятель, котораго гонецъ въ то время былъ въ лагерѣ, узнаетъ о явномъ бунтѣ, то сдѣлается высокомеріе и будетъ упорствовать въ заключеніи мира на условіяхъ, для королевича невыгодныхъ. Четыре дня Выборные

упрашивали бунтовщиковъ; они едва-едва склонились на просьбу самого Владислава потерпѣть до осьмныхъ календъ Ноября; то просьбами, то обѣщаніями усмирили бунтующихъ; но они таки послали двухъ депутатовъ къ королю требовать уплаты сорока-тысячъ золотыхъ, и если между тѣмъ будетъ заключенъ миръ, то хотѣли немножко получить отъ казначея королевства, а остальнаго обѣщали спокойно ждать, но не иначе, какъ за предѣлами Московіи.

Потомъ духъ мятежа обнаружился въ войскахъ литовскихъ, которыя, не получивъ жалованья, съ угрозами требовали уплаты, и такія предложили условія, на которыя Выборные не могли согласиться ни въ какомъ случаѣ. Много дней возились съ ними Выборные, и сколько было споровъ, и непріятностей, пока бунтовщики укротились и обѣщали ждать отъ тринадцатаго Декабря десять недѣль, и въ это время или воевать, или, если будетъ заключенъ миръ, служить республикѣ.

Начало зла казалось уничтоженнымъ, но бунтъ еще и послѣ не разъ обнаруживался подъ благовиднымъ предлогомъ недостатка въ продовольствіи. Владиславъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что при такомъ расположеніи войска нельзя продолжать войну.

Между-тѣмъ Выборные получили извѣстіе отъ казначея королевства, что для уплаты жалованья войску имѣется только сто-тысячъ; по сведеннымъ счетамъ этой суммы было весьма недостаточно, а войско уменьшалось, и болѣе и болѣе склонялось къ бунту. Ходкевичъ и Выборные были въ большомъ затрудненіи, какъ поддержать войну, если бы Русскіе не захотѣли заключить миръ или протянули время до зимы, когда наступятъ сильныя морозы. По общему совѣщанію рѣшили, чтобы королевичъ, съ Ходкевичемъ и частью войска, шель на зимнія квартиры въ Смоленскъ или Вязму, а прочему войску, подъ начальствомъ двухъ Выборныхъ, оставаться въ непріятельской землѣ; набѣгами, убійст-

вами и пожарами стараться побѣдить упорство Русскихъ, и чтобы быть сильнѣе, призвать Запорожцевъ и Лисовчиковъ. Когда войско узнало объ этомъ, то объявило, что служить дальше не хочетъ, письменно предложило Выборнымъ непомѣрныя требованія и наконецъ грозило бунтомъ и вооруженною конфедераціею. Самъ Владиславъ не могъ съ нимъ сладить: онъ видѣлъ, что если продлится война, то Русскіе должны будутъ согласиться на условія выгодныя Польшѣ и дѣло можно будетъ окончить со славою; по-этому и хотѣлъ прекратить переговоры.

Выборные не противились, только бы королевичъ укротилъ войско, и если нужно еще воевать, то уже не ждалъ бы денегъ изъ Польши, а всю надежду и для жалованья и для награды возложилъ бы на казну московскую.

Когда объявлено было это войску, то оно не стало слушаться самого королевича и со дня на день становилось буйнѣе. Тогда Выборные, изложивъ королевичу свое мнѣніе, представивъ бѣдность казны, нужды войска, слабость своихъ силъ, угрожающій холодъ зимы, указавъ на груды труповъ, падавшихъ безпрестанно отъ голода и недостатка въ припасахъ, просили уступить воля самой судьбы, отложить мнѣніе до удобнѣйшаго времени, а съ своей стороны обѣщали заключить миръ на такихъ условіяхъ, которыя не наведутъ сомнѣнія на его права.

Королевичъ готовъ былъ согласиться, потому-что переговоры шли медленно, и Русскіе упорствовали. Обѣ договаривающіяся стороны, послѣ долгихъ споровъ, прислали сказать посламъ, въ чемъ они не могутъ согласиться, а именно: Поляки домогались, чтобы въ числѣ крѣпостей данъ былъ имъ Брянскъ; Русскіе хотѣли заключить перемиріе на двадцать лѣтъ, а Поляки только на десять. Обѣ стороны хотѣли знать мнѣніе Выборныхъ. Сашѣга, отъ имени своего и товарищей, тайно пи-

салъ къ Выборнымъ, что домогаться Брянска бесполезно, потому-что Русскіе стоятъ за него крѣпко, и спрашивалъ, не слѣдуетъ ли удовольствоваться Серпейскомъ, который предлагаютъ Русскіе. Русскіе въ письмахъ, присланныхъ чрезъ Огарева, ясно выразили ту же мысль.

Польскіе депутаты, передавая дѣло на судъ Выборныхъ, просили увѣдомить, какъ можно скорѣе, и въ случаѣ согласія на предложеніе Русскихъ обѣщали скорый конецъ переговорамъ.

Выборные отвѣчали: «Такъ какъ Русскіе не хотятъ отдать Брянска, а въ замѣнъ предлагаютъ Серпейскъ, далеко не равняющійся Брянску, то пусть дадутъ еще Масальскъ и Заволочье, и не даятъ времени; остальное услышать отъ депутатовъ.» А къ депутатамъ Выборные писали, чтобы они береглись хитрыхъ Москалей, и уступками не испортили дѣла, а требовали бы, сколько возможно, Брянска, или вмѣсто его Серпейска, Масальска и Заволочья; а если уже Русскіе останутся непоколебимы, то удовольствоваться Серпейскомъ; перемиріе же заключить на четырнадцать, и ни въ какомъ случаѣ не больше, какъ на пятнадцать лѣтъ.

Послѣ переговоровъ, вѣданныхъ депутатами съ благородіемъ и искусствомъ, прибыли къ Лаврѣ сами депутаты; за ними ѣхали и русскіе послы, но свернули въ сторону, и послали впередъ Ивана Васильевича Полѣева (Polejavo) объявить Выборнымъ о прибытіи пословъ, и условиться о мѣстѣ и безопасности договаривающихся.

Для переговоровъ назначена деревня Дзулино. Туда пріѣхали Выборные и русскіе послы, и траковали, сидя за однимъ столомъ. Русскіе не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ, развѣ позволить то самъ великій князь, паходившійся въ Москвѣ. Но какъ въ пересылкахъ прошло бы время и сомнительныя выраженія могли бы испортить все дѣло, то договаривающіеся, потолковавъ между собою, наконецъ, одиннадцатаго Декабря, заклю-

чили мирныя условія, подписали ихъ, приложили къ нимъ печати и поклялись хранить ихъ свято и ненарушимо.

Условія заключали въ себѣ осмнадцать пунктовъ, слѣдующаго содержанія: Перемиріе заключается на четырнадцать лѣтъ съ третьяго Января 1619, до третьяго Января 1633 года, послѣ того въ продолженіе шести мѣсяцовъ, то есть, до третьяго Іюля 1633 года договориться или о продолженіи мира, или объ открытіи войны. Въ продолженіе перемирія король Сигизмундъ, королевичъ Владиславъ и республика польская не должны имѣть неприязни, не нападать на крѣпости, земли и владѣнія русскія, также не строить новыхъ укрѣпленій, къ чему съ своей стороны обязываются и Русскіе. Русскіе отдають Польшѣ Смоленскъ, Бѣлую, Рославль, Дорогобужъ, Серпейскъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій съ землями по обѣимъ сторонамъ Дисны, Черниговъ, Монастырище (Monastercum), и Муромскъ (Morumcum). Поляки возвратятъ: Борисовъ, Козельскъ, Масальскъ, Мещовскъ и Вязму съ прилежащими землями, а въ замѣнъ ихъ получаютъ: Стародубъ, Почепъ, Попову Горю, Невель, Сѣбежъ, Красный и округи Торопецкій и Велижскій. Всѣ крѣпости и города отдаются съ военными снарядами и жителями, а земли съ поселянами, исключая купцовъ, которымъ дозволяется выѣхать въ другія мѣста. Михаилу въ титулѣ не писать *ливонскій, смоленскій и черниговскій*, а писать такъ въ титулѣ Сигизмунда. Образъ Святаго Николая Чудотворца, взятый въ Можайскѣ, Поляки обязываются возвратить. Благородные плѣнники, содержащіеся въ Польшѣ, то есть: митрополитъ ростовскій Филаретъ, Василій Голицынъ, Оома Дуговской, Шеннъ съ женою и сыномъ, и архіепископъ смоленскій, будутъ освобождены къ двадцать-пятому Февраля. Русскіе къ тому же времени отпускаютъ взятыхъ при осадѣ Москвы и содержащихся въ темницахъ Струса, Харшискаго, Ходимирскаго и

другихъ. Шуйскому, Трубцекому и другимъ благороднымъ дается свободный пропускъ въ отечество, если пожелаютъ.

Вотъ вся сущность условій; объ остальномъ, касающемся безопасности купцовъ, и тому подобномъ, я умолчу. О Василіи Шуйскомъ, бывшемъ великомъ князѣ московскомъ, въ условіяхъ ничего не сказано. Онъ представленъ былъ Жолкѣвскимъ на сеймѣ, потомъ заключенъ въ Гостинскій замокъ вмѣстѣ съ своими братьями, содержался подъ почетною стражею, и въ томъ же году отъ тоски умеръ, равно какъ и братъ его Дмитрій. Они погребены были у воротъ замка, но по окончаніи войны, король повелѣлъ перенести тѣла ихъ въ Варшаву, воздвигнули надъ ними великолѣпный мавзолей съ надписью на мраморной доскѣ, на память потомству и въ наставленіе королямъ и князьямъ о непостоянствѣ человѣческаго счастья. Но когда пишу сіи строки, по истеченіи двадцати-двухъ лѣтъ отъ погребенія Шуйскихъ, король Владиславъ, заключивъ съ Московіею вѣчный миръ, дозволилъ русскимъ посламъ перевести прахъ Шуйскихъ въ Московію, а доску съ надписью, чрезъ посла своего, кіевскаго кастеляна, Адама Киселя, отослалъ къ великому князю, чего Русскіе очень хотѣли, чтобы уничтожить самую память о плѣнѣ ихъ князя. Впрочемъ въ предмѣстьи Варшавы, называемомъ Красновскимъ, каплица (часовня) до-сихъ-поръ называется *Шуйскою*. Многіе обвиняли Владислава за отдачу доски, а нѣкоторые утверждали, что ее вымолил неотступными просьбами Кисель, чтобы быть лучше принятымъ въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ поздравленіями сыну Михаила, вступившему по смерти его на престолъ, поднести и доску.

Доска эта имѣла слѣдующую надпись:

* Польщаемъ надпись потому, что напечатанная у Карамзина взята изъ Нѣмцевича, и имѣетъ разницу.

Iesu Christi Dei Filii
 Regis Regum Dei exercituum
 Glorіае
 Sigismundus Tertius Rex
 Poloniae et Sveciae
 (Exercitu Moschovitico ad Clusinum caeso
 Moschoviae Metropoli Deditione acceptā
 Smolensco Reipublicae restituto
 Basilio Szuyscio Magno Duce Moscoviae
 Et fratre ejus Demetrio Militiae Praefecto
 Captivis jure belli receptis
 Et in arce Gostinensi sub custodia habitis
 Jbique vita Functis)
 Humanae sortis memor.
 Ossa illorum huc deferre
 Et ne se regnante etiam hostes
 Injusteque sceptrā parantes
 Justis sepulturāque carerent
 IN НОС
 A se ad publicam posteritatis memoriam
 Regni que Sui nomen
 Extracto Tropaeo
 Deponi jussit.
 Anno a Partu Virginis MDCXX,
 Regnorum Poloniae XXXIII,
 Sveciae XXVI.

Вотъ эта надпись въ переводѣ:

«Во славу Иисуса Христа Сына Божія, Царя царей, Бога воинствъ, Сигизмундъ третій, король польскій и шведскій, разбивъ московское войско при Клушинѣ, взявъ московскую столицу, возвративъ республикѣ Смоленскъ, плѣнивъ по праву войны великаго князя московскаго Василія Шуйскаго и брата его главнаго воеводу Дмитрія, содержавшихся подъ стражею въ Гостинскомъ Замкѣ, по смерти ихъ, памятуя о человѣческой судьбѣ, повелѣлъ кости ихъ сюда перенести, дабы въ царствованіе его самые враги и незаконные государи не лишались своихъ правъ и погребенія, и по-

ложить ихъ въ семь памятникѣ, поставленномъ на память потомству и для славы своего царствованія. Лѣта отъ Рождества Христова 1620, царствованія въ Польшѣ 33 и въ Швеціи 26.»

Всѣ радостно праздновали заключеніе мира. Русскіе, въ доказательство неизмѣнной будущей дружбы, общали безопасность и пособіе больнымъ, которые лежали въ палаткахъ и въ селеніяхъ, и не могли подняться съ мѣста; а Выборные, увѣдомивъ немедленно Запорожскихъ Козаковъ о заключеніи перемирія, строго подтвердили, чтобы они вышли изъ Московіи и не опустошали областей. Разлившись по обширнымъ странамъ Московіи, Казаки все безжалостно предавали огню и мечу, опустошили плодороднѣйшія провинціи на Окѣ, убивали жителей, не давали никому и ничему пощады, и всѣ страны, гдѣ ни проходили, превращали въ одно обширное пепелище. Занявъ Калугу, жителей вырѣзали, имущества разграбили, а строеніе сожгли. Окрестности опустошили въ конецъ, народъ истребили, и вездѣ своею жестокостію разносили ужасъ невыразимый. Ихъ безчеловѣчіе много содѣйствовало къ побужденію Русскихъ заключить миръ.

Когда объявлено было въ лагерѣ перемиріе, то Холкевичъ началъ двигать войска. Посредниѣ шелъ Владиславъ съ своимъ прикрытіемъ и пѣхотою, отрядъ Козаковскаго съ правой стороны держалъ путь въ землю Сѣверскую, съ лѣвой, по берегу Волги, слѣдовали войска литовскія. Хотя дороги вездѣ были свободны отъ неприятеля, но холодъ производилъ ужасное опустошеніе: многіе отморозили разные члены, а еще больше людей умерло. Особенно подверглась гибели пѣхота, потому что до Вязьмы нужно было идти по снѣгу немовѣрно глубокому. Сверхъ-того нельзя выразить всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ отъ голода; проходя по мѣстамъ опустошеннымъ, на каждомъ шагу падали и люди и лошади. Нужно признаться, что если бы еще не былъ

заключенъ миръ, то сбылись бы надежды Русскихъ: голодъ и холодъ доконали бы войска королевича.

Ничто не веселило Владислава, желавшаго совершенной побѣды надъ непріателемъ. Жестоко скорбѣлъ онъ, что не дана была ему нужная помощь. Особенно пришелъ онъ въ уныніе, когда въ Дорогобужѣ получилъ отъ Андрея Шольдерскаго письма отъ короля, увѣрявшаго, что на будущемъ сеймѣ не трудно будетъ выпросить деньги и войско, и приказывалъ Выборнымъ не торопиться заключеніемъ мира. Шольдерскій ѣхалъ медленно, и долго оставался въ Смоленскѣ, а писемъ переслать не могъ, потому-что дороги не безопасны были отъ грабежей.

Въ Смоленскѣ Владиславъ остановился зимовать, а Канцлеръ Левъ Сапѣга, епископъ каменецкій, Адамъ Новодворскій, и сынъ воеводы люблинскаго Яковъ Собѣскій отправились на Сеймъ и прибыли къ самому концу. Отъ имени короля вице-канцлеръ Андрей Липскій жестоко поносилъ Выборныхъ за заключеніе безславнаго мира. Хотя они и могли бы въ свое оправданіе показать подлинныя письма короля; но предоставили свое дѣло суду потомства.

Наконецъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Варшаву и королевичъ, и былъ принятъ съ великою радостію цѣлымъ дворомъ и чинами.

Съ латинскаго

Н. Борншевскій.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Исторія

и

Политика.

=

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

—

Въ послѣдней статьѣ нашей мы рассказывали читателямъ шумныя пренія, которыя происходили во французской палатѣ депутатовъ по случаю назначенія дополнительныхъ кредитовъ по бюджетамъ 1841 и 1842 годовъ. Надобно знать что такое эти дополнительные кредиты. Извѣстно, что палаты ежегодно утверждаютъ бюджетъ или росписаніе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Но въ теченіе года не рѣдко оказывается недостатокъ въ суммахъ, назначенныхъ на нѣкоторые предметы; сверхъ-того случаются чрезвычайныя издержки, не предвидѣнныя въ бюджетѣ: въ такомъ случаѣ суммы на подобные расходы ассигнуются королевскими повелѣніями, подъ отвѣтственностію министра, до котораго это касается; но такія назначенія должны быть

утверждены законодательною властію при первомъ собраніи палаты. Онѣ имѣютъ полное право отвергнуть подобный кредитъ, и тогда издержка падаетъ на счетъ министра, который контрастировалъ королевское повелѣніе. Впрочемъ это бываетъ очень рѣдко. На нашей памяти, — а мы уже давно слѣдимъ постоянно за событіями въ политическомъ мірѣ, — подобный случай былъ только однажды, именно при Карлѣ X: палата депутатовъ не утвердила ассигнованія пятидесяти или шестидесяти-тысячъ на отдѣлку столовой въ домѣ министра *Пейрони*. Само собою разумѣется, что это надѣлало много шума. Но возвратимся къ настоящему.

Въ засѣданіи девятаго Апрѣля палата отдыхала отъ шумныхъ преній, слушая доклады по прошеніямъ. Въ числѣ этихъ прошеній были нѣкоторые довольно странныя: такъ, напримѣръ, въ одномъ просятъ правительство исходатайствовать отъ папы дозволеніе католическимъ священникамъ переходить по произволу въ міряне, въ другомъ драматическіе артисты добиваются права получать орденъ почетнаго легіона; въ одной просьбѣ требуютъ строгихъ мѣръ противъ незаконныхъ связей, до того обыкновенныхъ во Франціи, что въ нѣкоторыхъ классахъ онѣ просто вошли въ обычай, такъ-что это отразилось даже и въ языкѣ: женатый Французъ обидится, если вы станете говорить ему объ его *femme*, — *C'est mon épouse, monsieur*, скажетъ онъ вамъ: то есть онъ заключилъ съ нею бракъ по законамъ гражданскимъ и духовнымъ, а не просто живетъ въ брачномъ сообществѣ. Злоупотребленіе трудно искоренить, когда оно уже перешло въ нравы народа. Само собою разумѣется, что всѣ эти прошенія оставлены безъ вниманія.

Въ засѣданіяхъ одиннадцатаго Апрѣля начались пренія о проектѣ закона касательно нѣкоторыхъ измѣненій въ уголовномъ кодексѣ, въ особенности по части судопроизводства. На основаніи этихъ новыхъ правилъ, французскій подданный, совершившій преступленіе въ

чужихъ краяхъ, можетъ быть, по возвращеніи своемъ, преслѣдуемъ судебнымъ порядкомъ; слѣдственнымъ судьямъ даровано право, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ предварительному задержанію обвиненныхъ, просто приглашать ихъ въ судъ, если только они пользуются французскимъ гражданствомъ. Этотъ проектъ, разсмотрѣніе котораго заняло нѣсколько засѣданій, утвержденъ въ засѣданіи двѣнадцатаго числа большинствомъ 133 голосовъ противъ 98. Въ этомъ же засѣданіи министръ публичныхъ работъ, господинъ *Тестъ*, предложилъ проектъ закона, на основаніи котораго: 1) компаніи страсбургско-базельской желѣзной дороги дозволяется употребить на окончаніе работъ 6 милліоновъ капитала, назначеннаго на погашеніе ея долга; 2) предлагается выдать той же компаніи 2 милліона франковъ заимообразно, и 3) компаніи версальской желѣзной дороги по лѣвому берегу Сены, освобождается на извѣстное время отъ платежа казны процентовъ съ 5 милліоновъ франковъ, данныхъ ей заимообразно.

Мы уже не разъ говорили о проектѣ господина *Гольбери* издавать на счетъ правительства бюлетень парламентскихъ совѣщаній, въ которомъ рѣчи депутатовъ были бы излагаемы вполне, или по-крайней-мѣрѣ въ подробномъ, вѣрномъ изложеніи. Коммиссія, избранная палатою, долго разсматривала это предложеніе; наконецъ составила планъ, по которому издержки простирались бы до 859,000 франковъ, и представила докладъ своей; но въ засѣданіи одиннадцатаго Апрѣля палата положила заняться этимъ проектомъ послѣ бюджета: то есть, онъ отвергнуть или отложить до будущаго года, и то если какой-нибудь депутатъ вздумаетъ возобновить его. Дѣло въ томъ, что какъ скоро бюджетъ утвержденъ, палата депутатовъ, если не *de jure*, то по-крайней-мѣрѣ *de facto*, — не по праву, а на самомъ дѣлѣ, — закрывается, потому что всѣ депутаты тотчасъ разъѣзжаются, такъ

что официальное закрытіе палаты происходитъ при какихъ-нибудь пятидесяти, шестидесяти депутатахъ.

Преніе о важнѣйшемъ изъ проектовъ, которыми палата депутатовъ должна была заняться въ нынѣшнемъ собраніи, проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ, должно было начаться двадцать-пятого Апрѣля; но при открытіи засѣданія, президентъ сказалъ: «Милостивые государи, я сейчасъ получилъ извѣстіе о печальномъ событіи: министръ финансовъ скончался. Я полагаю, что палата изъяснитъ горестъ свою объ этомъ событіи тѣмъ, что отложить засѣданіе свое до завтра.» Это предложеніе было единодушно принято. Господинъ *Гуманъ* скончался въ тотъ же день, въ двѣнадцатомъ часу утра отъ апоплексическаго удара. До самой минуты своей смерти онъ занимался дѣлами, такъ-что, когда генеральный секретарь министерства финансовъ, господинъ *Нотанъ*, взомель въ кабинетъ министра, господинъ *Гуманъ* сидѣлъ въ креслахъ у письменнаго стола; голова его наклонилась въ сторону, правая рука повисла; фраза, имъ написанная, была еще не кончена, и перо еще не обсохло. Господинъ *Гуманъ*, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ во Франціи, пользовался общимъ уваженіемъ по своему характеру и глубокимъ познаніямъ; онъ занималъ въ пяти различныхъ кабинетахъ мѣсто министра финансовъ и скончался шестидесяти-семи лѣтъ. Смерть его произвела глубокое впечатлѣніе во всѣхъ классахъ народа, въ особенности же на биржѣ: при этой вѣсти всѣ фонды упали; но они поднялись снова, когда на другой день узнали, что на мѣсто *Гумана*, министромъ финансовъ назначенъ членъ палаты депутатовъ, господинъ *Лакавъ-Лаплавъ*, принадлежащій къ охранительной партіи и занимавшій ту же должность въ министерство графа *Моле*. Господинъ *Лакавъ-Лаплавъ* былъ докладчикомъ комиссіи, разсматривавшей бюджетъ расходовъ. На мѣсто его назначенъ докладчикомъ господинъ *Втиюри*; но съ тѣмъ, чтобы онъ не

измѣнялъ принятаго уже комиссіею доклада его предшественника.

Вообще послѣднее время было очень несчастно для Франціи: она лишилась нѣсколькихъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ гражданъ. Маршалъ *Монсей* (герцогъ *Конельяно*), генераль *Геймесъ* (Неупès) и перъ *Бертенъ де-Во*, скончались въ Парижѣ, маршалъ *Клозель* въ своемъ помѣстьѣ, банкиръ *Агуадо* въ Испаніи. Маршалъ *Монсей* родился 31 Іюля 1754 года въ Безансонѣ, и на осмнадцатомъ году вступилъ въ военную службу; шестнадцать лѣтъ спустя былъ уже бригаднымъ генераломъ, а въ 1804 году получилъ чинъ маршала. Въ царствованіе Лудовика XVIII, послѣ стодневнаго правленія, онъ отказался предсѣдательствовать въ военной комиссіи, наряженной для того, чтобы судить маршала *Нея*. За это онъ былъ отставленъ отъ службы и просидѣлъ три мѣсяца въ крѣпости Гамъ. Потомъ онъ снова вошелъ въ милость, и въ эпоху возстановленія Бурбоновъ пользовался такимъ же уваженіемъ, какъ и послѣ Іюльскаго переворота. Въ послѣднее время онъ былъ директоромъ инвалиднаго дома и давно уже чувствовалъ себя весьма слабымъ; впрочемъ и не мудрено: онъ умеръ 88 лѣтъ, а вся жизнь его была исполнена воинскихъ трудовъ и тревогъ.—Генераль *Геймесъ* былъ адъютантомъ короля. Это тотъ самый генераль, который во время взрыва адской машины *Фіески*, ѣхалъ за Лудовикомъ-Филиппомъ и былъ тяжело раненъ. — *Бертенъ де Во* былъ братъ *Бертена старшаго*, отвѣтственнаго издателя *Journal des Débats*, который принадлежалъ имъ обоимъ. *Бертенъ де Во* занимался въ особенности политическою частію этого превосходнаго журнала, который въ началѣ вторичнаго царствованія Бурбоновъ, ревностно поддерживалъ правительство; потомъ, когда *Шатобрианъ* удался изъ министерства, онъ перешелъ на сторону оппозиціи, сильно содѣйствовалъ паденію министерства *Виллеля* и былъ самымъ страшнымъ про-

тивникомъ князя *Полиньяка* и его товарищей. По своему огромному вліянію, онъ не мало споспѣшествовалъ вступленію *Лудовика-Филиппа* на престолъ и съ-тѣхъ-поръ ревностно защищалъ охранительныя правила, подерживая всѣ министерства, которыя дѣйствуютъ согласно съ этой системою. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ только двухъ кабинетовъ: именно тѣхъ, которые состояли подъ предводительствомъ *Лафитта* (въ началѣ нынѣшняго правленія) и *Тьера* (министерство 1 Марта 1840). Вліяніе братьевъ *Бертея* на дѣла было такъ велико, что почти ни одно министерство не составлялось безъ совѣта этихъ простыхъ журналистовъ.—*Маршалъ Клозель* былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ наполеоновскихъ генераловъ; по званію маршала получилъ уже въ царствованіе *Лудовика-Филиппа*. Онъ былъ два раза генералъ-губернаторомъ французскихъ владѣній въ Сѣверной Африкѣ; впрочемъ управленіе его было несчастливо; между прочимъ, онъ предводительствовалъ первымъ неудачнымъ походомъ въ Константинополь, при которомъ Французы понесли ужасную потерю. *Маршалъ Клозель* принадлежалъ въ палатѣ депутатовъ къ лѣвой сторонѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и скончался, какъ мы говорили, въ помѣстьи своемъ, близъ Тулузы.—*Господинъ Агуадо* былъ родомъ Испанецъ, но жилъ всегда въ Парижѣ и имѣлъ тамъ значительный банковскій домъ. Онъ въ особенности занимался испанскими финансовыми дѣлами и получилъ еще отъ Фердинанда VII титулъ маркиза *Де-ла-Саль-Марильясъ*. *Господинъ Агуадо* былъ, можетъ-быть, богатѣйшій человекъ во всей Франціи: онъ получалъ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ дохода и благороднымъ употребленіемъ своего огромнаго состоянія снискалъ себѣ многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, особенно между художниками, которымъ онъ всегда покровительствовалъ. Его картинная галерея одна изъ прекраснѣйшихъ во всей Европѣ. Онъ поѣхалъ на короткое время въ Испанію и скончался отъ

апоплексического удара въ Хигонѣ, что въ Астуріи. Вдовѣ своей онъ оставилъ имѣніе, приносящее 72,000 франковъ дохода, всѣ свои драгоценности и все движимое имущество; въ числѣ первыхъ находится алмазь столь чистой воды и столь большой, что его цѣнять не менѣе какъ въ 500,000 франковъ. Двое сыновей его получили по 80,000 дохода.

Но возвратимся къ палатѣ депутатовъ. Общія пренія о проектѣ закона на счетъ желѣзныхъ дорогъ начались въ засѣданіи двадцать-шестого числа и не представляли ничего особенно замѣчательнаго: ораторы говорили, тратились на краснорѣчіе, а палата ихъ не слушала. Въ засѣданіи двадцать-осьмого Апрѣля приступлено было къ рассмотрѣнію отдѣльныхъ статей проекта. Первый говорилъ господинъ *Кордье*. Онъ предложилъ измѣненіе, или, лучше сказать, новый проектъ, въ нѣсколькихъ параграфахъ, совершенно противоположный министерскому проекту. Онъ хотѣлъ, чтобы построеніе желѣзныхъ дорогъ было предоставлено на извѣстныхъ условіяхъ компаніямъ, съ правомъ владѣть ими въ теченіи тридцати-семи лѣтъ. Господинъ *Дюфоръ* объявилъ отъ имени комиссіи, а господинъ *Тестъ* отъ имени правительства, что они рѣшительно противятся этому предложенію; притомъ оно никѣмъ не было поддержано, а потому и не подвергнуто рассмотрѣнію.—*Господинъ Риве*, говоря о первой статьѣ, утверждалъ, что проектъ закона не удовлетворяетъ общей пользѣ и притомъ составленъ слишкомъ поспѣшно. Ораторъ доказывалъ это въ особенности тѣмъ, что тракты предполагаемыхъ дорогъ совсѣмъ не опредѣлены, и назначены одни только крайніе пункты, какъ-бы для того, чтобы при общихъ выборахъ обѣщаніями желѣзныхъ дорогъ привлечь мѣстности на свою сторону. Министръ публичныхъ работъ отвѣчалъ, что для начертанія столь обширной системы необходимо было опредѣлить прежде всего начальныи пунктъ и конецъ всякой дороги;

что направленіе пути между этими двумя пунктами, конечно, требует зрѣлаго обсужденія; но должно быть рассмотрѣно отдѣльно отъ общаго плана. При этомъ онъ объявилъ, что для всѣхъ линій, предложенныхъ правительствомъ, нашлись уже компаніи и притомъ, весьма благонадежныя, а это обстоятельство правительство необходимо должно было имѣть въ виду при составленіи своего плана, потому—что нельзя строить такихъ дорогъ, которыя не общають выгоды или крайней—мѣрѣ вознагражденія издержекъ постройки. Потомъ разсматриваемо было предложеніе маркиза *Морнеля*: построить одну линію желѣзныхъ дорогъ отъ Лилля и Валансьена до Парижа, а отъ Парижа къ Средиземному Морю, чрезъ Марсель и Сеттъ. Онъ полагалъ, что только предварительное устройство одной линіи дастъ возможность приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ на счетъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, и что предполагаемая имъ дорога вполне соотвѣтствуетъ какъ торговымъ, такъ и политическимъ выгодамъ Франціи. Министръ публичныхъ работъ и помощникъ его, господинъ *Легранъ*, предсѣдатель совѣта мостовъ и шоссе, сильно противились этому предложенію, которое поддерживалъ между прочимъ депутатъ *Фульдъ*, еврейскій банкиръ, извѣстный своими познаніями въ финансахъ. Онъ утверждалъ, что проектъ господина *Морнеля* освобождаетъ правительство отъ такихъ предпріятій, которыхъ оно не въ состояніи выполнить. Это замѣчаніе побудило новаго министра финансовъ взойти на кафедру. Господинъ *Лаквѣ-Ланланъ* сказалъ, что предмѣстникъ его, господинъ *Гуманъ*, никогда не питалъ опасеній, изъясненныхъ господиномъ *Фульдомъ*, и что онъ самъ отнюдь не полагаетъ, чтобы настоящее предпріятіе превъшало силы Франціи. Потомъ онъ обозрѣлъ финансовое положеніе государства въ царствованія Людовика XVIII и Карла X. Онъ утверждалъ, что съ—тѣхъ—поръ государственные доходы увеличились съ ста

милліонами и безпрестанно возрастають. Въ заключеніе онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, палата смѣло можетъ принять предложенный ей проектъ закона, насколько не опасаясь чрезмѣрно обременить финансы Франціи. Господинъ *Дюфоръ* объявилъ, что коммиссія единодушно отвергаетъ предложеніе маркиза *Морнеля*. Оно было отринуто, и палата приступила къ разсмотрѣнію первой статьи проекта закона, которая въ измѣненномъ коммиссіею проектѣ правительства изложена слѣдующимъ образомъ: «Устанавливается система желѣзныхъ дорогъ, на основаніи которой должны быть проведены слѣдующія линіи: отъ Парижа: 1, до бельгійской границы чрезъ Лилль и Валансьенъ; 2, къ береговому пункту Ла—Маншскаго Канала; этотъ пунктъ имѣть быть опредѣленъ въ послѣдствіи; 3, къ германской границѣ чрезъ Нанси и Страсбургъ; 4, къ Средиземному Морю, чрезъ Лионъ, Марсель и Сеттъ; 5, къ испанской границѣ чрезъ Туръ, Поатье, Ангулемъ, Бордо и Байонну; 6, къ Океану, чрезъ Туръ и Нантъ, 7, къ центру Франціи, чрезъ Буржъ, Неверъ и Клермонъ; 8, чрезъ Бордо, въ Тулузу, и наконецъ 9, отъ Средиземнаго Моря къ Рейну, чрезъ Лионъ, Дижонъ и Мюльгаузенъ. — Первый параграфъ, въ которомъ опредѣлено устроить сѣть желѣзныхъ дорогъ, не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Дорогу изъ Парижа къ бельгійской границѣ, безъ дальнихъ преній, положено устроить. Въ слѣдующемъ параграфѣ, по предложенію двухъ депутатовъ, съ согласія коммиссіи и правительства, сдѣлано измѣненіе: положено, что дорога къ Ла—Маншскому Каналу можетъ примыкать къ нему въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ. Четвертый параграфъ, о дорогѣ къ германской границѣ, принятъ почти безъ преній; зато пятый о линіи къ Средиземному Морю возбудилъ жаркіе и продолжительные споры: каждый изъ депутатовъ, избранныхъ въ департаментахъ, чрезъ которые она должна пролегать, защищалъ выго-

ды своего округа, нисколько не заботясь объ общей пользѣ. Дѣло въ томъ, что въ части этой дороги, именно между Авиньономъ и Марселемъ избраны были четыре направленія; но два изъ нихъ тотчасъ отвергнуты совѣтомъ мостовъ и шоссе; изъ двухъ остальныхъ одно, предлагаемое инженеромъ *Монрише*, идетъ прямо изъ Авиньона въ Марсель чрезъ долину Дурапсы; другое, по проекту инженеровъ *Талабо* и *Дидіона*, тянется чрезъ Арль, вдоль долины Роны. Совѣтъ мостовъ и шоссе принялъ сначала первое, но чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ отдалъ преимущество второму, хотя оно длиннѣе перваго и будетъ дороже стоять; сверхъ того подвергаетъ желѣзную дорогу большой опасности въ случаѣ разлитій Роны, какія были на примѣръ въ 1840 и 1841 годахъ, притомъ она оканчивается на мѣстѣ, пятидесятью метрами выше уровня моря и не доходитъ до гавани. Правительство и коммиссія согласились съ совѣтомъ мостовъ и шоссе, а депутаты *Ланге* и *Моте* предлагали принять проектъ *Монрише*; но предложеніе ихъ послѣ двухъ-дневныхъ преній, отвергнуто и параграфъ принять въ томъ видѣ, какъ изложенъ коммиссіею. Слѣдующій параграфъ, въ которомъ говорится объ устройствѣ дороги къ испанской границѣ, утвержденъ въ томъ самомъ видѣ, какъ предложила его коммиссія. Проектъ желѣзныхъ дорогъ къ Океану не встрѣтилъ большаго сопротивленія; предположеніе о дорогѣ къ центру Франціи, напротивъ, возбудило жаркія пренія, и наконецъ ее опредѣлено довести только до Буржа. Послѣ того приступлено было къ разсмотрѣнію той части проекта, въ которой говорится о линіи желѣзныхъ дорогъ отъ Средиземнаго Моря до Рейна, чрезъ Лионъ, Дижонъ и Мюльгаузенъ. По этому параграфу предложено было множество измѣненій; между прочимъ господинъ *Жанве* хотѣлъ, чтобы желѣзная дорога была проведена изъ Бордо чрезъ Тулузу въ Марсель. Коммиссія была не

согласна, министръ публичныхъ работъ говорилъ въ пользу этого предложенія, и оно наконецъ принято.

Такимъ образомъ классификація проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ кончена; за тѣмъ подлежало обсудить средства, предложенныя правительствомъ для исполненія этого гигантскаго плана. Система министерства состоитъ, какъ мы уже однажды говорили, въ томъ, чтобы постройка желѣзныхъ дорогъ производилась при содѣйствіи правительства, департаментовъ и частныхъ компаній. Правительство принимаетъ на себя третью часть издержекъ по покупкѣ земель и всѣ искусственныя и земляныя работы; департаменты, черезъ которые будутъ проходить дороги, платятъ остальные двѣ трети за землю; на долю компаній падаетъ кладка шинъ, устройство станцій, заведеніе машинъ и экипажей, содержаніе дороги. За это онѣ пользуются извѣстное число лѣтъ дорогою, устройству которой такимъ образомъ содѣйствовали. По расчету министра публичныхъ работъ, каждое пространство дороги, равняющееся часу ѣзды, обойдется правительству въ 600,000, компаніямъ въ 500,000, департаментамъ во 100,000 франковъ; эта статья была предметомъ жаркихъ и весьма продолжительныхъ преній. Господинъ *Шасслу-Лоба* предложилъ измѣненіе, состоящее въ томъ, чтобы всѣ средства, которыми можетъ располагать правительство, были употреблены на постройку одной только дороги, именно изъ сѣверныхъ департаментовъ въ южные. Необходимость такой мѣры онъ основывалъ преимущественно на финансовомъ положеніи государства; однимъ словомъ, господинъ *Шасслу-Лоба*, возобновилъ вопросъ уже рѣшенный въ самомъ началѣ преній. Министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ *Дюшатель*) старался доказать, что нынѣшнее состояніе французскихъ финансовъ отнюдь не препятствуетъ устройству цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, если это признано нужнымъ. Господинъ *Тверъ* всѣми силами поддерживалъ предложеніе

господина *Шасслу-Лоба*. Онъ произнесъ длинную рѣчь о необходимости заняться сначала устройствомъ одной дороги. При этомъ случаѣ онъ въ первый разъ публично говорилъ о своемъ путешествіи по Германіи, въ особенности для того, чтобы доказать неосновательность мнѣнія будто бы Германія обладаетъ уже цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. «Въ Германіи, сказалъ онъ, желѣзныхъ дорогъ не много больше, чѣмъ у насъ, во Франціи. Я ѣздилъ по нимъ всѣмъ и говорю, какъ очевидецъ. Правда, тамъ составлены обширные планы; но исполненіе ихъ еще менѣе вѣроятно, чѣмъ той сѣти, которую мы разсматриваемъ. Не берусь предсказывать будущаго, но утверждаю, что до-сихъ-поръ большія линіи желѣзныхъ дорогъ существуютъ только на планахъ. Есть дорога между Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Магдебургомъ и Берлиномъ, во сто или въ сто-десять лѣтъ. Но знаете ли что она стоитъ? По 100,000 прусскихъ таллеровъ (около 400,000 франковъ) за лѣтъ. Если бы постройка желѣзныхъ дорогъ во Франціи стоила не дороже этого, то у насъ было бы давно уже лѣтъ двѣсти этихъ путей. Дорога между Кѣльномъ и Ахеномъ представляла большія трудности, которыя однако жъ далеки отъ тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ во Франціи; и эта дорога не состоялась бы, еслибъ Бельгійское правительство не взяло 4,000 акцій. И такъ въ долинѣ Эльбы существуетъ сто лѣтъ желѣзныхъ дорогъ, въ долинѣ Рейна двадцать. Соединеніе этихъ двухъ линій между собою представляетъ величайшія затрудненія, и если прусское правительство не приметъ постройки на себя, то ни одна компанія не возьмется за это дѣло. Впрочемъ, дорога отъ Магдебурга до Кѣльна столь важна въ политическомъ отношеніи, что, по всей вѣроятности, прусское правительство рѣшится сдѣлать это усиліе, чтобы соединить при-рейнскія свои провинціи съ центромъ государства. Во всякомъ случаѣ исполненіе этого плана такъ же далеко, какъ

и исполненіе проекта, который мы разсматриваемъ. Не менѣе сомнительна и дорога между Дрезденомъ и Франкфуртомъ, хотя на линіи ея будутъ находиться два города, могущественные по своему богатству. Но рѣшатся ли капиталисты лейпцигскіе и франкфуртскіе употребить на нее огромныя суммы, когда дорога изъ Франкфурта въ Майнцъ, находящаяся въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и простирающаяся только на семь или восемь лѣтъ, приноситъ не болѣе четырехъ процентовъ прибыли? Это весьма сомнительно. Надобно взглянуть на долину Саалы, чтобы убѣдиться, какъ затруднительно будетъ устройство дороги отъ Эльбы до Рейна, которая должна пролегать черезъ горы Турингіи. Что касается до желѣзной дороги отъ Триеста до Вѣны, которой такъ страшатся земляки мои, жители Марсели, то она, по моему мнѣнію, столь же мало вѣроятно, какъ прочія: пробраться сквозъ юліійскія Альпы, обойти штирійскія, сдѣлать огромный кругъ въ Венгрію, чтобы достигъ наконецъ Вѣны — совсѣмъ не легко. Но предположимъ, что этотъ планъ совершится: онъ никогда не подорветъ транзитной торговли Марсели. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только взглянуть на путь, который должны будутъ совершать колоніальные товары: надобно провезти ихъ черезъ Гибралтарскій Пролівъ, обогнуть Сицилію, перевезти ихъ въ Адриатическое Море и потомъ уже, черезъ Венгрію, доставить въ Вѣну.» — Тутъ господинъ *Могенъ* замѣтилъ, что не этотъ путь повредитъ транзитной торговли Марсели, а предполагаемая дорога, которая со стороны Баваріи соединится съ каналомъ, между Дунаемъ и Майномъ. — Господинъ *Тьеръ* возразилъ, что это каналъ превосходный, что можетъ статься онъ и будетъ когда-нибудь оконченъ, но что для этого надобно много времени и много денегъ, гораздо болѣе денегъ, чѣмъ сколько имѣетъ ихъ Баварія. Но если это предположеніе и состоится, то оно повредитъ вы-

годамъ не Франціи, а Голландіи и въ особенности Роттердама. Что касается до желѣзной дороги изъ Мюнхена въ Аугсбургъ, на протяженіи двадцати или двадцати-пяти лѣтъ, и дороги изъ Вѣны въ Брюль, длиною въ сорокъ лѣтъ, то, по мнѣнію господина *Тьера*, онѣ не могутъ оказать никакого вліянія ни на торговлю Франціи, ни на систему ея обороны, а потому онъ почелъ излишнимъ распространяться объ этихъ дорогахъ. Послѣ этой блестящей рѣчи и нѣкоторыхъ другихъ, измѣненіе, предложенное господиномъ *Шасслу-Лоба* отвергнуто большинствомъ двухъ-сотъ-двадцати-двухъ голосовъ противъ ста-пятидесяти-двухъ, и такимъ образомъ главное основаніе проекта закона, чтобы постройка всѣхъ дорогъ начата была въ одно время, утверждено. Въ-слѣдъ за тѣмъ приняты, почти безъ преній, всѣ остальные статьи, въ которыхъ изчислены суммы потребныя на устройство проектированныхъ дорогъ и наконецъ, послѣ шестнадцати-дневныхъ преній весь проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ утвержденъ (въ засѣданіи четырнадцатаго Мая), большинствомъ ста-шестидесяти-двухъ голосовъ (245 противъ 83).

Проектъ объ острочкѣ до слѣдующаго собранія силы закона о сахарѣ, проектъ, который надѣлалъ столько шума, когда былъ только-что внесенъ въ палату, * принятъ въ засѣданіи шестнадцатаго Мая, послѣ весьма непродолжительныхъ и самыхъ мирныхъ преній, большинствомъ 220 голосовъ противъ 25.

Рѣшеніе палаты депутатовъ на счетъ закона о желѣзныхъ дорогахъ, имѣетъ высокое политическое значеніе. Оно есть родъ программы, которою Франція даетъ знать прочимъ державамъ, что она желаетъ мира и будетъ сообразовать съ этимъ свою политику. Сверхъ того принятіе проекта желѣзныхъ дорогъ есть вѣрнѣйшій оплотъ противъ революціонныхъ началъ.

* См. С. О. № 4, Отд. II стр. 6 — 12.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на Бельгію, гдѣ желѣзныя дороги укрѣпили правительство и умирили партіи. Всякій, владѣющій чѣмъ-нибудь во Франціи, приметъ, болѣе или менѣе, участіе въ этомъ дѣлѣ, или посредственно чрезъ присоединеніе своихъ капиталовъ къ капиталамъ неотверженнаго государственнаго долга, * на счетъ которыхъ положено будетъ основаніе желѣзныхъ дорогъ, или прямымъ образомъ, ввѣривъ свои капиталы обществамъ, которымъ предоставлено будетъ окончательное устройство дорогъ въ частности. Всѣхъ будетъ занимать успѣхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя только въ мирное время могутъ приносить ожидаемую отъ нихъ пользу. Такимъ образомъ число лицъ, любящихъ миръ и порядокъ, увеличится и работы на желѣзныхъ дорогахъ послужатъ громоотводомъ для грозныхъ тучъ празднаго либерализма. Охранительныя начала получаютъ во Франціи болѣе свободное развитіе и поддержать благодатный миръ. Господинъ *Ламартинъ*, президентъ комиссіи желѣзныхъ дорогъ, съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на вопросъ, потому-что онъ въ теченіе трехъ мѣсяцовъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы убѣдить членовъ комиссіи и палату, что лучше принять весьма несовершенный проектъ господина *Теста*, чѣмъ, отсрочивъ разрѣшеніе вопроса, оставить политическимъ партіямъ свободное поле. Онъ самъ сознается, что комиссія исправила далеко не всѣ недостатки проекта; но онъ заботился въ особенности о томъ, чтобы крѣпкими желѣзными шинами приковать во Франціи спокойствіе и порядокъ. Все прочее имѣетъ въ глазахъ его второстепенную важность и можетъ быть приведено въ лучшій порядокъ въ слѣдующихъ собраніяхъ палаты.

* Извѣстно, что неотверженнымъ государственнымъ долгомъ (*dette flottante*) называется такой, котораго уплата не обезпечена ассигнованіемъ капитала, назначеннаго на погашеніе его; остальной долгъ называется отверженнымъ, *dette consolidée*.

Кстати о желѣзныхъ дорогахъ, расскажем здѣсь о несчастномъ событіи, которое случилось на желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Версаль, (по лѣвому берегу Сены). Восьмого Мая, въ шестомъ часу вечера, огромный поѣздъ въ двадцать-восемь экипажей пошелъ изъ Версаля въ Парижъ. Его влекли два паровоза, маленькой четырехъ-колесный впереди, большой шести-колесный за нимъ. На первомъ былъ главный машинистъ, Англичанинъ *Доржъ*, человекъ извѣстный своей опытностію въ этомъ дѣлѣ; на второмъ господинъ *де Мило*, главный надзиратель поѣздовъ. Между Бельвю и Мёдономъ задняя ось перваго паровоза сломилась и притомъ вдругъ съ обоихъ концовъ. Разумѣется, что онъ остановился и упалъ; второй паровозъ наткнулся на него и разбился; пять или шесть первыхъ вагоновъ, повинуясь ужасной силѣ, которая влекла ихъ съ чрезвычайною быстротою, были выброшены на обломки паровозовъ и составили огромную груду. Печь втораго паровоза, вышибенная ударомъ, упала между шинъ; вѣтеръ раздулъ пламя, и вся эта масса загорѣлась. Экипажи, какъ обыкновенно, были заперты и ключи у кондукторовъ. Спасти пассажировъ было невозможно, и въ нѣсколько минутъ всѣ они, большею частью изувѣченные, облитые кровью, сдѣлались жертвою пламени. Число убитыхъ полагаютъ до шестидесяти; раненыхъ, изъ которыхъ многіе въ послѣдствіи умерли, до ста-пятидесяти. Въ числѣ первыхъ находится и знаменитый морякъ, контръ-адмиралъ *Дюмонъ-Дюрвилъ*, съ женою и сыномъ. Разумѣется, что это страшное несчастіе сдѣлалось предметомъ изслѣдованій и безчисленныхъ разсужденій. Правительство тотчасъ нарядило судебное слѣдствіе для открытія истинныхъ причинъ этого ужаснаго случая; поручило комиссіи, составленной изъ инженеровъ и машинистовъ, заняться изысканіемъ мѣръ предосторожности, которыя могли бы быть приняты на желѣзныхъ дорогахъ для безопасности пас-

сажировъ; объ этомъ говорили въ обѣихъ палатахъ и разсуждали въ парижской академіи наукъ. Мы сообщимъ нашимъ читателямъ результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій тогда, когда они сдѣлаются вполне извѣстными.

Въ палатѣ перовъ во все это время происходило мало замѣчательнаго. Въ засѣданіи одиннадцатаго Апрѣля, маркизъ *Боасси* и сынъ маршала *Нея*, требовали отъ министра иностранныхъ дѣлъ объясненій на счетъ задержанія французскаго купческаго судна *le Marabout* англійскимъ бригомъ *The Rose* и другаго корабля «Сенегамбіи», бригомъ *The Sarrazin*. Господинъ *Гизо* отвѣчалъ, что *le Marabout* задержанъ капитаномъ англійскаго каперскаго судна по подозрѣнію въ торгѣ неграми-невольниками и отправленъ въ Кайенну для изслѣдованія дѣла судебнымъ порядкомъ, на основаніи трактатовъ 1831 и 1833 годовъ объ искорененіи торговаго неграми. Но англійскій капитанъ нарушилъ свои обязанности, отправивъ часть пассажировъ этого судна въ Ріо-Янейро. Кайенскій судъ рѣшилъ, что корабль *le Marabout* не производилъ торговаго неграми, и въ первой инстанціи хозяину этого корабля предоставлено право требовать двѣсти-шестьдесятъ-тысячъ франковъ вознагражденія отъ англійскаго правительства. Этотъ приговоръ будетъ сообщенъ англійскому кабинету и отъ него зависить, сказалъ господинъ *Гизо*, или тотчасъ выплатить означенную сумму, или провести дѣло по всѣмъ инстанціямъ. Что касается до судна «Сенегамбіи», то оно было задержано въ англійской гавани и потому тутъ нельзя ссылаться на договоры 1831 и 1833 годовъ. Этотъ корабль имѣлъ порученіе отъ французскаго правительства и потому остается изслѣдовать не слѣдуетъ ли и за это вознагражденія.—Въ засѣданіи пятнадцатаго числа, палата приняла большинствомъ девяносто девяти голосовъ противъ шести, проектъ закона о возобновленіи привилегіи руанскаго банка.—Въ засѣданіяхъ семнадцатаго Мая, въ

палатѣ перовъ происходило объясненіе на счетъ событія, случившагося на версальской желѣзной дорогѣ, а въ палатѣ депутатовъ началось разсмотрѣніе бюджета на 1843 годъ.

Въ Парижскомъ судѣ исправительной полиціи проповодилось недавно дѣло газеты *le Temps*, подвергнутой судебному преслѣдованію за то, что она нѣкоторое время выходила безъ подписи отвѣтственнаго издателя, и что господъ *Костъ* и *Комиль*, попеременно подписывавшіе газету, не владѣютъ третью залога. Вотъ въ чемъ дѣло. По закону девятаго сентября 1835 года, при основаніи журнала надобно представить въ казну известную сумму (для политическихъ газетъ сто-тысячъ франковъ) въ обезпеченіе штрафовъ, которымъ онъ можетъ быть подвергнутъ. Отвѣтственный издатель (*gérant responsable*) долженъ владѣть третью этого залога. За нарушеніе этого закона взыскивается штрафъ въ десять-тысячъ франковъ и по тысячѣ франковъ за каждый номеръ, изданный безъ надлежащей подписи; сверхъ того газета запрещается. Такъ какъ подобныхъ номеровъ газеты *le Temps* вышло восемьдесятъ-три, то подсудимые приговорены къ уплатѣ девяносто-трехъ-тысячъ франковъ, и изданіе должно прекратиться. Само-собою разумѣется, что это рѣшеніе произвело страшный шумъ въ журналистикѣ; но этого имъ нечего бояться. Конечно, лишиться такой огромной суммы не весело, но журналъ можно тотчасъ возобновить подъ другимъ названіемъ. Есть другой законъ прошлаго года, который гораздо опаснѣе для журналовъ. Большая часть французскихъ газетъ, особенно провинціальныхъ, живутъ одними объявленіями, которыя печатаются за деньги, и важную часть ихъ составляютъ судебныя объявленія. Въ прошломъ году королевскимъ судамъ дано право назначать газету, въ которую посылаются судебныя объявленія. Суды, конечно, избираютъ для этого тѣ газеты, которыя поддерживаютъ правительство, и такимъ образомъ

многіе оппозиціонные журналы въ провинціяхъ уже уничтожились.

Теперь посмотримъ, что дѣлаютъ Французы въ Алжиріи. Генераль *Бюжо* дѣйствуетъ, по прежнему, весьма успѣшно; но его непріятель, кажется, далеко не такъ слабъ, какъ предполагали. Абдель-Кадеръ нашелъ себѣ союзниковъ въ пограничныхъ племенахъ мароккскихъ владѣній, вольницѣ, которая не слишкомъ повинуется центральному правительству мароккского императора, и вмѣстѣ съ ними дѣлаетъ опустошительные набѣги на племена, вступившіе въ союзъ съ Французами. Онъ терпитъ потери всякой разъ, какъ европейскія войска гдѣ нибудь его настигнутъ; но потомъ является снова въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, непрерывно тревожа Французовъ, онъ истощаетъ ихъ силы, а нападая на ихъ союзниковъ, доказываетъ туземнымъ племенамъ, что они не могутъ полагаться на защиту Европейцевъ, и эти племена, разумѣется, измѣняютъ своимъ христіанскимъ покровителямъ. Съ этимъ человѣкомъ трудно сладить и, пока онъ живъ, французскія владѣнія на сѣверѣ Африки, врядъ ли будутъ упрочены; а послѣ него явится другой — хотя, конечно, *Абдель-Кадеровъ* немного. Что касается до союза его съ Марокками, то французское правительство намѣревалось послать въ Тангеръ эскадру, чтобы потребовать отъ императора объясненій; но, кажется, оставило это намѣреніе, потому-что боялось возбудить недобѣрчивость другихъ державъ, или потому-что самъ императоръ писалъ къ генералу *Бюжо*, что онъ не оказываетъ и не будетъ оказывать никакого пособія *Абдель-Кадеру*; но не имѣетъ никакой власти надъ пограничными племенами и не въ состояніи усмирить ихъ. Какъ бы то ни было, а французскія дѣла въ Алжирѣ, кажется, далеки еще отъ удовлетворительной развязки.

— Въ Англіи почти ничѣмъ больше не занимаются, кромѣ финансовыхъ плановъ сэра *Роберта Пилла*. Раземо-

трѣніе въ нижней палатѣ билля о налогѣ съ имущества, о которомъ мы говорили въ предыдущей статьѣ, шло чрезвычайно медленно и не представляло большой занимательности. Замѣчательно, что въ этотъ разъ министерство изображаетъ положеніе страны самыми мрачными красками, а оппозиція напротивъ того представляетъ все въ лучшемъ видѣ; она, не смотря на свое беспіе разсуждаетъ спокойно и хладнокровно, а министры говорятъ съ большою запальчивостію и въ рѣчахъ своихъ часто употребляютъ самыя жестокия выраженія на счетъ своихъ противниковъ. Это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что министерство, будучи принуждено прибѣгнуть къ налогу, старается доказать необходимость этой мѣры, и очень хорошо знаетъ, что оно ничего не теряетъ, представляя въ неблагопріятномъ видѣ положеніе, въ которомъ прежнее министерство оставило государство; а оппозиція со своей стороны, разумѣется, для собственной своей выгоды утверждаетъ противное. Билль о налогѣ съ имущества положено было прочесть въ первый разъ въ засѣданіи осьмнадцатаго Апрѣля. Лордъ *Джонъ Россель* предложилъ отложить чтеніе на шесть мѣсяцовъ (читатели наши уже знаютъ что это значитъ); но предложеніе его отвергнуто, и билль прочтенъ въ первый разъ. Большинство въ пользу министерства простиралось при этомъ случаѣ до 97 голосовъ (285 противъ 188). Послѣ этого билль, по приказанію нижней палаты, былъ напечатанъ. Онъ состоитъ изъ ста-осмидесяти-деяти статей и занимаетъ сто-тридцать страницъ въ листъ. Составленіемъ его занимались сэръ *Робертъ Пилль*, господинъ *Гульбурнь* и сэръ *Джемсъ Клеркъ*. Въ засѣданіи двадцать-второго числа, билль предложено было прочесть во второй разъ, и пренія возобновились съ новымъ жаромъ. Мы не станемъ обозрѣвать ихъ, потому-что разсужденія вертятся все около одной точки: приверженцы министерства доказываютъ неспѣзбную необходимость налога съ иму-

ществомъ причинами, приведенными въ первой рѣчи сэра *Роберта Пилля**; оппозиція, представляя положеніе государства въ благопріятномъ видѣ, старается убѣдить палату, что нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ столь крайней и необыкновенной мѣрѣ. Не смотря на безполезность всѣхъ своихъ попытокъ, оппозиція не покидаетъ мѣста битвы и всѣми возможными средствами затрудняетъ ходъ дѣла. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи двадцать-второго Апрѣля, сэръ *Чарльзъ Бюллеръ* возобновилъ предложеніе лорда *Джона Росселя*, не принятое въ засѣданіи осьмнадцатаго числа, то есть, предложилъ отсрочить чтеніе на шесть мѣсяцовъ; но предложеніе его было отвергнуто большинствомъ 156 голосомъ противъ 76, и билль прочтенъ во второй разъ. Господинъ *Рикардо*, въ засѣданіи двадцать-пятого числа, когда билль разсматривался въ комитетѣ,** предложилъ, чтобы налогъ не простирался на пожизненные доходы; но предложеніе его отвергнуто было большинствомъ 253 голосовъ противъ 117. Въ засѣданіи двадцать-девятого Апрѣля, господинъ *Черманъ Крафордъ* предлагалъ, чтобы ремесленники были освобождены отъ налога съ доходовъ, а сэръ *Чарльзъ Нэпиръ*, чтобы ему не были подвергнуты оберъ-офицеры; то и другое предложеніе отвергнуто, первое большинствомъ 259 голосовъ противъ 50; второе 205 противъ 32. Въ засѣданіи втораго Мая, господинъ *Юмъ* требовалъ, чтобы взиманіе этого налога началось не съ Апрѣля, а съ Юля мѣсяца***, а господинъ, *Бэрингъ*, чтобы отъ него

* См. С. О. № 4. Отд. II, 22 — 24.

** Надобно знать, что только общія пренія о билляхъ происходятъ собственно въ палатѣ, а разсмотрѣніе статей въ такъ называемомъ комитетѣ: это та же палата, только подъ предѣлательствомъ не оратора (Speaker) но другаго члена, комитетскаго президента, который потомъ представляетъ палатѣ отчетъ о томъ что сдѣлано въ комитетѣ.

*** Финансовый годъ считается въ Англіи не съ перваго Января

освобождены были иностранные владѣльцы англійскихъ фондовъ, проживающіе въ Великобританіи; эти предложенія отвергнуты, равно какъ и два другія, сдѣланныя господиномъ Юмомъ въ засѣданіи седьмага Мая, о томъ, чтобы при взиманіи налога съ доходовъ отъ промысловъ и ремеслъ, принимать въ основаніе не среднюю сумму дохода послѣднихъ трехъ лѣтъ, а только доходъ послѣдняго года, и чтобы дѣйствіе билля продолжалось не три года, а только годъ. Наконецъ, въ этомъ же засѣданіи, приняты послѣднія статьи билля и тотчасъ составленъ о немъ докладъ. При чтеніи этого доклада, въ засѣданіи одиннадцатаго Мая, господинъ Вудъ предложилъ нѣкоторыя мѣры для того, чтобы каждый уплачивалъ налогъ съ дѣйствительнаго своего дохода, а господинъ Гиль, чтобы всякій доходъ, протекающій не отъ недвижимой собственности, приводить въ капитальную его цѣнность и взыскивать съ этой суммы по пяти процентовъ. Оба предложенія отвергнуты весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Эти пренія еще не кончились, а между-тѣмъ, въ засѣданіи десятаго Мая, сэръ Робертъ Пиль уже предложилъ, чтобы палата обратилась въ комитетъ для разсмотрѣнія предложенія его объ измѣненіи таможеннаго тарифа, * объявивъ уже заранѣе, что эту мѣру онъ считаетъ нераздѣльною съ биллемъ о налогѣ съ доходовъ и оба эти дѣла кабинетными вопросами. Онъ произнесъ длинную рѣчь въ защиту своего предложенія. Господинъ Лабурьеръ, бывшій президентомъ коммерческой палаты въ Мельбурново министерство, замѣтилъ, что основанія предлагаемаго тарифа точно тѣ же, какими хотѣли руководствоваться предшественники нынѣшнихъ министровъ, и изъявилъ сожалѣніе свое о томъ, что эти коммерческія реформы не могли быть

рѣ, а съ пятаго Апрѣля, вѣроятно, потому, что прежде этого времени нельзя заключить счетовъ протекшаго года.

* См. С. О. № 4. Отд. II стр. 24.

приведены въ дѣйствіе ранѣе и притомъ въ большемъ объемѣ, то есть, со включеніемъ пошлины на сахаръ и закона о ввозѣ хлѣба, о которыхъ лордъ Джонъ Россель предлагалъ палатѣ. Маіоръ Виганъ требовалъ, чтобы прежде разсмотрѣнія этихъ мѣръ, въ палату представлены были отчеты о ввозѣ съѣстныхъ припасовъ за послѣдніе годы; но предложеніе его отвергнуто большинствомъ 219 голосовъ противъ 152.

Вотъ нѣкоторыя подробности о планѣ сэра Роберта Пилья. Предметы, на которые онъ предлагаетъ уменьшить привозную пошлину, суть между прочимъ: иностранное дерево для мебели, металлы вообще и въ особенности мѣдь. Пошлина на привозный скотъ была такъ высока, что равнялась запрещенію; сэръ Робертъ Пиль предлагаетъ понизить ее, чего очень боятся англійскіе сельскіе хозяева. Чтобы успокоить ихъ, первый министръ старался доказать, что не смотря на предполагаемое имъ пониженіе пошлины, соперничество иностранцевъ въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ быть значительно. Страны, изъ которыхъ можно ожидать привоза рогатаго скота въ Англію, суть: Франція, Португалія, Испанія, Бельгія, Голландія, Пруссія, пріорейскія провинціи, Голстинія, Ютландія и Данія. Во всѣхъ этихъ странахъ цѣны мяса съ 1822 года значительно возвысились, изъ чего надобно заключить, что потребленіе его усилилось несравненно въ большей степени, чѣмъ размноженіе скота и, слѣдственно, во всѣхъ этихъ странахъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, будетъ оставаться очень немного рогатаго скота для заграничнаго отпуска. Сообщивъ нѣкоторыя подробности о привозѣ и вывозѣ рогатаго скота въ разныхъ государствахъ, сэръ Робертъ Пиль прибавилъ: «Такимъ образомъ, официальные свѣдѣнія показываютъ, что во всѣхъ этихъ странахъ, за исключеніемъ Голстиніи, Ютландіи и Даніи, количества рогатаго скота, производимаго ими, едва достаетъ на соб-

ственное ихъ продовольствіе, такъ что правительства тѣхъ странъ, опасаясь, чтобы при пониженіи въ Англіи привозной пошлины на рогатый скотъ, усиленный отпускъ его не возвысилъ цѣны мяса въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ, принуждены будутъ усилить пошлину на вывозъ скота на своей границѣ. Избытокъ скота производимаго въ Голстиніи, Ютландіи и Даніи противъ потребленія его въ тѣхъ странахъ не можетъ быть такъ великъ, чтобы англійскіе сельскіе хозяева должны были опасаться урона для своей торговли отъ соперничества иностранцевъ. «Если правительство, сказалъ сэръ Робертъ Пиль въ заключеніи своей рѣчи, обязано покровительствовать внутренней промышленности и земледѣлію, то оно въ той же мѣрѣ обязано заботиться о выгодахъ потребителей. Предлагаемый нами планъ имѣетъ цѣлію уравновѣсить, по возможности, выгоды производителей и потребителей. Второстепенные виды правительства заключались при этомъ въ томъ, чтобы облегчить заключеніе нѣкоторыхъ торговыхъ трактатовъ и уничтожить контрабанду.» Въ засѣданіи тринадцатаго Мая, начались пренія объ этомъ предметѣ въ комитетѣ. Прежде всего лордъ Говикъ предложилъ подать объявить, что по его мнѣнію вовсе несообразно съ цѣлію налагать разныя пошлины на одиѣ и тѣже статьи, смотря потому привозятся ли онѣ изъ колоній или изъ чужихъ краевъ. Министры противились этому измѣненію. Сэръ Робертъ Пиль между прочимъ сказалъ, что если руководствоваться мнѣніемъ лорда Говика, то колоніальное могущество Англіи непременно должно рушиться, потому что онъ хочетъ поставить колоніи въ отношеніи къ метрополи совершенно на одну ступень съ иностранными державами. Предложеніе лорда Говика, послѣ долгихъ преній, было отвергнуто большинствомъ 281 противъ 108.

Кромѣ этого, въ парламентѣ не происходило ничего особенно замѣчательнаго. Въ Китаѣ британскія войска взяли города Юко, Тзики и Фунгоа, отстоящіе на сорокъ, на двадцать и на тридцать миль отъ Нинпо. Китайцы

повсюду строятъ укрѣпленія и притомъ съ европейскимъ искусствомъ. Говорятъ, что этимъ управляютъ трое Сѣверо-Американцевъ. Такъ напримѣръ, весь каналъ Макао представляетъ непрерывную фортификаціонную линію, и если бѣ Китайцы имѣли нѣкоторыя познанія въ артиллеріи, то могли бы совершенно уничтожить непріятельскій флотъ, который бы захотѣлъ приблизиться къ Кантону. Въ Шаншинѣ, по близости отсюда, какъ бы волшебствомъ возвыглись огромныя укрѣпленія, которыхъ постройку Китайцы тщательно скрывали, и поперегъ рѣки построены палисады, чтобы преградить путь малымъ судамъ. Между-тѣмъ, кажется, что англійскій уполномоченный, полковникъ Поттингеръ, оставилъ свое намѣреніе снова атаковать Кантонъ.

Въ Афганистанѣ со времени послѣднихъ извѣстій не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Остѣндское правительство отправило значительныя туда отряды, но они еще сосредоточиваются и не начали рѣшительныхъ дѣйствій.

— Теперь мы должны рассказать нашимъ читателямъ объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи — Гамбургъ. Въ ночь на пятое Мая, въ части стараго города, лежащей близъ гавани, малонаселенной, но наполненной богатѣйшими складами товаровъ, вспыхнулъ пожаръ, въ домѣ одного сигарочнаго фабриканта. Поддерживаемый сильнымъ юго-восточнымъ вѣтромъ, огонь напелъ богатую пищу въ деревянныхъ зданіяхъ, высушенныхъ продолжительнымъ восточнымъ вѣтромъ, и въ огромныхъ запасахъ горючихъ жидкостей и скоро воспламеняющихся товаровъ. Пожаръ быстро распространялся и, восторжествовавъ надъ всеми человѣческими усиліями, истребилъ два изъ пяти городскихъ приходоу. Въ этихъ двухъ приходоу главныя публичныя зданія и самая цвѣтущая промышленность сосредоточивались вокругъ историческихъ церквей, рагуши и биржи. Обыкновенныя пожарныя пособія не могли произвести ни-

какого дѣйствія, потому-что горѣли даже каналы, покрытые спиртомъ и масломъ. Начальство принуждено было прибѣгнуть къ артиллеріи сосѣднихъ городовъ. Огромныя зданія были взрываемы порохомъ и разбиваемы пушками, чтобы лишить огонь пищи, и наконецъ этимъ геройскимъ средствомъ удалось прекратить пожаръ, но не прежде осьмаго числа. Потери Гамбурга несмѣтны: сгорѣло 1740 домовъ (не считая амбаровъ и надворнаго жилья) на сорока-осьми улицахъ и площадяхъ, по поземельной цѣнѣ на сорокъ-восемь милліоновъ банковыхъ марокъ, (около семидесяти-двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями). Потерю колониальными товарами считаютъ въ пять милліоновъ марокъ. Тысячи народа остались безъ крова и безъ пропитанія. Но—честь и слава гамбургскому купечеству!—ни одинъ изъ тамошнихъ торговыхъ домовъ, не смотря на свои огромныя потери, не объявилъ себя банкротомъ; биржа тотчасъ была открыта въ новомъ зданіи; банкъ, котораго капиталы, хранившіеся въ подвалахъ и, по распоряженію начальства залитые водою, уцѣлѣли, не прекращалъ своихъ платежей.

Это несчастное событіе возбудило во всей Европѣ живѣйшее участіе. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ, тотчасъ составились комитеты для вспоможенія несчастнымъ жителямъ Гамбурга. Государь Императоръ, при первомъ извѣстіи объ этомъ бѣдствіи, пожаловалъ пятьдесятъ-тысячъ рублей серебромъ. Правительства и частные люди во всѣхъ государствахъ соревнуютъ между собою въ благотворительности. Это дѣластъ честь нашему просвѣщенному вѣку.

— Въ газетахъ, полученныхъ при заключеніи нашей статьи, содержится извѣстіе, что въ Лондонѣ сдѣлано покушеніе на жизнь королевы. Вечеромъ, тридцать-перваго Мая, какой-то молодой человекъ, *Джонъ Франчисъ*, выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета, когда она возвращалась изъ Парка. Къ счастью королева осталась невредима. Убийца тотчасъ схваченъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

==

ОТРОЧЬ-МОНАСТЫРЬ.

ТВЕРСКОЕ ПРЕДАНИЕ XIII СТОЛѢТІЯ.

—

I.

«Гей! сѣдайте коней, псовъ спускайте со своръ,
 «Созывайте псарей всѣхъ на княжескій дворъ!
 «Мнѣ подайте конье, принесите шелома,
 «Онъ наслѣдь мое отъ сраженій съ врагомъ;
 «Лютый звѣрь не уйдетъ въ темный лѣсъ отъ меня,
 «Скоро солнце взойдетъ..... Подавайте коня!»
 Ярославъ, юный князь, такъ рабамъ говорилъ.
 Конь осанкой гордаясь, грызъ желѣзо удила,
 Длинной гривой играя, рылъ копытомъ песокъ;
 Вотъ онъ дико заржалъ, и державный фздокъ
 Въ полѣ вихремъ летитъ; пыль взвилася столбомъ,
 И отъ конскихъ копытъ все проснулось кругомъ.
 Слышно ржанье коней, лай охотничьихъ псовъ,
 Крикъ удалыхъ псарей, звуки громкихъ роговъ.

№ 5. Отд. III.

1

Ёдетъ князь, копьемъ игралъ,
 Шпора бурнаго коня,
 Конь, какъ серна молодая,
 Черезъ рвы перелетая,
 Мѣдной збруею звѣня,
 Разгулялся въ чистомъ полѣ;
 Скачетъ весело, шута,
 И онъ рѣзвится на волѣ,
 Какъ безпечное дитя.
 Имъ напрасно управляетъ
 Князя сильная рука;
 Конь ужъ чувствуетъ, конь ужъ знаетъ
 Молодаго сѣдока.

Ярославъ звѣря ждетъ. Вдругъ изъ чащи деревъ,
 Свирѣпый кабанъ показался;
 Всю окрестность потрясъ звѣря яростный ревъ, —
 Онъ дико кругомъ озирался.
 Онъ добычи искалъ; на конѣ ворономъ
 Увидѣлъ ловца предъ собою.
 Злостью блещутъ глаза, и могучимъ скачкомъ
 Бросается къ жаркому бою.
 Конь отпрыгнулъ назадъ; дико въ гнѣвѣ заржалъ,
 Врага онъ глазами измѣря;
 Князь копьемъ потрясалъ, и минуты онъ ждалъ
 Пронзить разъяреннаго звѣря.
 И три раны нанесъ звѣрю мѣткимъ копьемъ
 Мгновенно одну за другою;
 Разъяренный кабанъ, роя землю клыкомъ,
 Готовится къ новому бою.
 Онъ могучимъ скачкомъ, сбиль лихаго коня;
 Конь на землю палъ уязвленный,
 А за нимъ лютый звѣрь, и рева и степя,
 Палъ, храбрымъ ловцомъ побѣжденный.
 Ярославъ затрубилъ; изъ далекихъ концовъ,
 Всѣ скачутъ псари удалые.
 Въ знакъ победы такой всѣхъ могучихъ ловцовъ
 Обходятъ ковши золотые.
 Всѣ пируютъ кругомъ; только храбрый ихъ князь
 Печаленъ, и съ мрачной душою

Онъ стоитъ, на конѣ головою склоняся,
 Коня орошая слезою.
 «Мой товарищъ, прости! Сколько лѣтъ ты меня
 «Носилъ на сраженье съ врагами!
 «И теперь не найти мнѣ такого коня,
 «Межъ всѣми моими конями!
 «Схороню я тебя, другъ мой вѣрный въ бояхъ;
 «Тяжка мнѣ такая утрата!
 «Уложу я тебя на широкихъ поляхъ,
 «Какъ друга, какъ милаго брата!»
 Подводить князю жеребца,
 Онъ ёдетъ, самъ куда не зная,
 Теперь побѣда удалая
 Не тѣшитъ князя-удальца.
 Оковано печальной думой
 Его высокое чело;
 Но вдругъ увидѣлъ князь угрюмой
 Вдали господское село.
 «Какая тамъ видна усадьба?»
 Князь спросилъ своихъ псарей.
 — Село Едмонтово; тамъ свадьба
 Григорья-отрока. — «Скорѣй
 Туда, туда! Хотя незванымъ
 Къ нему явлюсь; но знаю я,
 Что буду гостемъ тамъ желаннымъ,
 Радужно приметъ онъ меня.»
 Господній храмъ горитъ огнями,
 Тяжелый колоколъ гудитъ;
 Народъ веселыми толпами
 На свадьбу барскую спѣшитъ.

II.

Отъ Твери недалеко,
 За крутой горою,
 Есть усадьба на рѣкѣ
 Съ церковью святою.

Тамъ пирушка на весь міръ,
 Тамъ Григорья свадьба.
 На богатѣй барскій пиръ
 Вся звана усадьба.
 Старъ и младъ идутъ во храмъ
 Помолить Святую,
 Поклониться образамъ
 За чету младую.
 Весь народъ стоитъ кругомъ,
 Предъ святымъ амвономъ,
 Ждетъ невѣсту съ женихомъ
 Съ колокольнымъ звономъ.

Въ храмѣ Божіемъ женихъ,
 Съ свитою большою,
 Онъ изъ отроковъ младыхъ,
 Лучше всѣхъ собою.
 Черный шелкъ его кудрей,
 Закрываетъ плечи;
 Чудный блескъ его очей,
 Умъ его и рѣчи,
 На-яву и тихомъ снѣ,
 Всѣхъ дѣвицъ смущали,
 И невѣсты при лунѣ,
 Все объ немъ гадали.
 Да, и матушки, не разъ,
 Дочкамъ говорили,
 Чтобъ объ немъ въ вечерній часъ
 Господа молили.

И невѣста въ-слѣдъ за нимъ —
 Бѣдетъ. Какъ прекрасна!
 Подъ покровомъ дорогимъ
 Грудь вдыхаетъ страстно.
 Такъ изъ кѣтки золотой,
 Птичка вылетаетъ;
 Ей милѣе міръ земной;
 Воля ожидаетъ

Пташку рѣзвую въ поляхъ:
 Ей все мило, ново,
 На деревьяхъ, на цвѣтахъ,
 Ей постель готова.
 Ксенья! То же ждетъ тебя,
 Съ горемъ ты не знайся;
 Не страдая, по любя
 Жизнью наслаждайся.

Вотъ невѣста входитъ въ храмъ,
 Съ ликами и звономъ;
 Помолилась образамъ,
 Стала предъ амвономъ.
 Начинается обрядъ;
 На главахъ прекрасныхъ
 Два вѣнца огнемъ горятъ;
 И на лицахъ ясныхъ
 Радость солнышкомъ блеститъ,
 Все въ нихъ страстью дышитъ;
 Но, вотъ кто то въ рогъ трубитъ,
 И Григоріи слышитъ
 Ржанье княжескихъ коней,
 Слышитъ князя голосъ;
 И забилось въ немъ сильнѣй
 Сердце, — дыбомъ волосъ.

Образамъ всѣмъ помолясь,
 Съ свитою большою,
 Входитъ въ храмъ великій князь:
 Подошелъ къ наюю,
 И привѣтствовалъ чету
 Онъ улыбкой ясной:
 И невѣсты красоту,
 Станъ ея прекрасный
 Князь увидѣлъ. Потухалъ
 Лучъ отрадный счастья!

Страстью блещет княжій взглядъ,
Князя грудь вздыхаетъ,
И вначальный онъ обрядъ
Знакомъ прекращаетъ.

« Не тебѣ владѣть такой,
« Милою подругой,
« Не твоею быть женой,
« А моею супругой!
Молвилъ князь: « Моимъ вѣнцомъ,
« Ей главу покрою,
« Грудь украсу жемчугомъ,
« Стань — златой парчею;
« Ей полцарства я отдамъ,
« Окружу рабами,
« Положу къ ея ногамъ,
« Княжества съ князьями.
« Но, во зло употребить,
« Не хочу я власти,
« Предоставимъ ей рѣшить
« Споръ объ нашемъ счастьи.»

Отрокъ, гордо поклонясь,
Молвилъ: « Я согласенъ,
« И хоть ты великій князь
« Молодъ и прекрасенъ;
« Но останется вѣрна
« Миѣ моя невѣста:
« Мною душа ея полна,
« Въ ней тебѣ нѣтъ мѣста.»
— Вотъ увидимъ мы сейчасъ,
Князь промодвилъ: Ксенья
Разрѣши, кому изъ насъ
Дашь ты предпочтенье.
Ты согласна или нѣтъ
Быть моею женою? —
« Да!» былъ Ксеніи отвѣтъ,
« Свѣтъ миѣ милъ тобою!»

Такъ голубку коршунъ злой
Изъ гнѣзда уноситъ;
Голубокъ же ни слезой
Хищнаго не просить,
Чтобъ подругу юныхъ лѣтъ
Не терзала когтями:
Въ немъ пощады, сердца нѣтъ!
Горести слезами
Хищной птицы не тронуть:
Голубь одинокій,
Броситъ гнѣздышко, и въ путь
Полетитъ далекій.
И надъ моремъ, на скалахъ
Голубокъ увянетъ,
Вѣтръ его завьетъ прахъ
И слѣда не станетъ.

Такъ безжалостно рука
Вѣтку отдѣляетъ
Отъ родимаго сучка;
Вѣтка увидаетъ.
И она не разцвѣтетъ
Жизнию прелестной;
Ее вѣтеръ унесетъ
Въ край пустой, безвѣстный.
Если бъ солнце Богъ затмилъ,
Если бъ звѣздъ теченье,
Въ небесахъ остановилъ
На одно мгновенье,
Что бы сталося съ землей,
Мрачной и печальной?
Землю скрылъ бы снѣговой,
Саванъ погребальный!

Вотъ Григорью что сулить
Будущности море,
И уже на сердцѣ лежитъ
Грусть, печаль и горе.

Онъ тотъ голубь, что лишень
Дорогой подруги;
Онъ листокъ, что унесенъ
Вдаль порывомъ вьюги;
Онъ земля, гдѣ вѣтъ мгла
Черными крылами,
Гдѣ смерть грозная прошла,
Миръ устлавъ костями.
Бѣдный отрокъ! Чтò съ тобой?
Чтò не молвишь слова?
Или сердце жребіи злой
Перенестъ готово?

«Все готовъ я перенестъ,
«Съ вѣрой и надеждой!
«Схороню обиду, честь
«Подъ простой одеждой!
«Я упиюсь святой мольбой,
«Въ рай свѣтла дорога,
«Стану съ чистою душой
«Предъ престоломъ Бога!
«Богъ грѣхи мои простить
За мои мученья,
«Благодатью осѣнить
«Духъ мой Провидѣнье.
«Тамъ не встрѣчусь съ княземъ я,
«Тамъ нѣтъ грѣшнымъ мѣста,
«И не встрѣтитъ тамъ меня
«Гордая невѣста!»

Такъ молитву сотворя,
Думалъ отрокъ бѣдный:
Отъ святаго олтара
Горестный и блѣдный
Отошелъ, — и скрылся онъ
Средь толпы народной.
Онъ изъ храма вышелъ вонъ,
По лицу холодный
Потъ струился; свѣтлый взоръ

Къ небу устремленный,
Выражалъ не злой укоръ,
По обѣтъ смиренный:
Бросить дворъ, бѣжать людей,
Славою не льститься;
По въ лѣсахъ среди степеней
Господу молиться.
Вотъ и кончился обрядъ;
Приложась къ наложу,
Бѣдетъ юный князь назадъ
Съ молодой женою.
Скачутъ ловкіе псаря
Съ радостною вѣстью,
И весь граждане Твери,
Съ хлѣбомъ-солью, чествою,
Ждутъ княгиню въ домъ ввести,
Угостить богато,
Ей подарки поднести
Серебро и злато.
Князя встрѣтилъ весь народъ
Съ кликами веселья,
И княгиню князь ведетъ
Самъ на новоселье.
И въ Твери великій пиръ,
Весь народъ ликуетъ;
Пиръ богатый на весь міръ,
Старъ и младъ пируетъ.
Искрометное вино
Здѣсь для всѣхъ готово;
Лишь увидать въ бочкахъ дно
Бочки полны снова.
Князь съ сінопичемъ челою
Гордо разѣзжаетъ,
И гостей хмѣльнымъ виномъ
Самъ онъ угощаетъ.
Весь народъ кричитъ: «ура!»
Онъ не знаетъ ночи
И до поздняго утра
Не смыкаетъ очи.

III.

Въ высокой гридницѣ князь юный пировалъ,
 И гридница полна боярами, князьями;
 Князь свадьбу праздновалъ; къ себѣ гостей созвалъ,
 И за столомъ сидѣлъ со знатными гостями,
 Въ ковшахъ серебряныхъ журчить искристый медь,
 Играетъ весело въ нихъ пѣна золотая,
 А кравчій княжескій вѣзмъ кубки подастъ
 И гости пьютъ вино. Какъ дѣва молодая,
 Прекрасенъ Ярославъ; открытое чело
 Не отуманено; но радостью сияетъ,
 И юное лицо, какъ солнышко, свѣтло,
 И съ устъ коралловыхъ улыбка не сбѣгаетъ.
 Поклономъ ласковымъ приветствуетъ князей,
 Къ устамъ подноситъ ковшъ, виномъ некристымъ полный,
 И снова подчууетъ приветливыхъ гостей,
 И гости пьяные шумятъ, какъ моря волны:
 Хваляся удачю и силой межъ собой,
 Бояре и князя на княжеской пирушкѣ
 Внимаютъ весело всѣ пѣснѣ удачей
 Да пьютъ за молодыхъ прадѣдовскія кружки.
 Разгуленъ шумный пиръ; но вдругъ великій князь
 Очами грозными гостей своихъ обводитъ,
 Глядитъ внимательно, и гнѣвомъ распялся
 Кого-то ищетъ онъ, но въ залѣ не находить.
 «За чѣмъ Григорія не вижу на пиру?
 Сердито молвилъ князь, гдѣ онъ, куда сокрылся?»
 — «Сегодня встрѣтилъ я Григорья по утру,
 Отсюда далеко; усердно онъ молился
 Во храмѣ Божіемъ, склонившись головой;
 Какъ плачь скорбящаго, священныя нагѣвы
 Во храмѣ слышала я, и чистою слезой
 Онъ образъ орошалъ Святой, Пречистой Дѣвы.
 Смиренье ангела я зрѣлъ въ его очахъ,
 Въ молитвахъ онъ просилъ — послать ему терѣнье
 И укрѣпить стопы въ божественныхъ путяхъ,
 Врагамъ же даровать миръ, счастье и прощенье.
 Едва я въ юношѣ Григорія узналъ;

Но онъ мнѣ не открылъ ни горя, ни печали.
 Такъ князю гордому бояринъ отвѣчалъ.
 Князь съ гнѣвомъ выслушалъ; глаза его сверкали,
 Какъ звѣзды яркія; исчезъ съ его лица
 Румянецъ юности, уста его покрылись
 Ужасной блѣдностью устъ хладныхъ мертвеца.
 И гости знатные бесѣдовать страшились.
 Но грусть безмолвная смѣнила ярый гнѣвъ,
 Въ немъ сердце гордое раскаяньемъ забилось;
 Князь грозенъ былъ, но тихъ, какъ побѣжденный левъ,
 И свѣтлая слеза въ бокалъ его скатилась.

— «Онъ молится о мнѣ, князь мрачный говорить;
 А не клянетъ меня. За зло добромъ мнѣ плата!
 Не мщеніе, не гнѣвъ въ душѣ его горитъ
 Какъ ни горька его обида и утрата!
 И чѣмъ я искуплю вину мою предъ нимъ?
 Слезой раскаянья? — Ничтожная отрада!
 Я сдѣлаю ль его бояриномъ моимъ?
 Для сердца бѣднаго напрасная награда!
 Гдѣ я найду себѣ отраду и покой?
 Среди моихъ пировъ, въ объятяхъ милой Ксеньи,
 Григорій явится съ утрекомъ предо мною,
 Напомнитъ грозно мнѣ о тяжкомъ преступленіи!
 И отрокъ будетъ правъ, и я смирюсь предъ нимъ
 Я — грозный властелинъ, могучій побѣдитель! —
 Предъ робкимъ юношей, предъ подданнымъ своимъ
 Покинетъ головой Твери младой властитель!»

Всѣ молча слушали раскаянья слова;
 И всѣ страшилися разгнѣвать снова льва,
 Боились гости всѣ очей его могучихъ,
 И съ мѣстъ не трогали ковшей своихъ шипучихъ.
 Убынье царствуетъ за княжескимъ столомъ;
 И чаши не звѣяютъ, не ходитъ круговая;
 На руку мощную склонился князь челомъ,
 И слушаетъ его бесѣда разгульная:

— Въ ту сторону послать за отрокомъ гонцовъ,
 Вести его сюда или волей или силой!
 Грозить немилостью небесъ, святыхъ отцовъ!
 Грозить ослушному опалой и могилой!»
 Князь молвилъ, и уже готовятся гонцы,
 Нетерпѣливо ждутъ осѣдланые кони,
 Едва конюшіе ихъ держатъ подъ уздцы
 И рвутся, бурные, на волю для погони.
 «Насильемъ новымъ я грѣха не искулю»,
 Сказалъ великій князь, задумываясь снова.
 «Монаха честнаго въ пустыню я пошлю
 Съ крестомъ, съ молитвою, съ мечемъ святаго слова.
 Пусть рѣчью праведной онъ сердце разтравитъ
 Григорію-отроку; пусть онъ въ мои чертоги
 Вернется бѣднаго скитальца убѣдить,
 И совратитъ его съ излучистой дороги,
 Не хитрымъ языкомъ обманчивыхъ рѣчей,
 Не властью сильною или неравной битвой
 Онъ выведетъ его изъ дебрей и степей,
 Но словомъ искреннимъ, сердечною молитвой.
 Моемъ раскаяннѣмъ неживымъ языкомъ,
 Онъ скажетъ отроку: «Князь требуетъ прощенья!
 Зоветь тебя къ себѣ, зоветь тебя въ свой домъ
 И будетъ праздновать день славный примиренья.
 Онъ назоветъ тебя сподвижникомъ своимъ,
 И въ думѣ княжеской, ты отрокъ безбородый
 Возсѣдешь наравнѣ съ бояриномъ съдымъ,
 И съдѣлаетъ тебя онъ первымъ воеводой.»
 Предъется почестью и милостью моею,
 Вернется онъ ко мнѣ безъ гнѣва и безъ страха.....
 Остановитъ гонцовъ!... Къ нему послать скорѣй
 Краснорѣчиваго, маститаго монаха!»
 И князя юнаго прояснилось чело,
 Улыбка на устахъ прекрасныхъ заиграла,
 Ярмо тяжелое отъ сердца отлегло,
 И мысль печальная отъ князя улетала:
 Ковши запынились и медомъ и виномъ,
 И снова началась разгульная пирушка,

Ковши сшибаются, и всѣхъ гостей кругомъ
 Обходить весело напыщенная кружка.

IV.

Два инока, надъ тихою рѣкой,
 Въ моленіи проводить дни святые,
 Здѣсь дышитъ все отрадной тишиной
 И благочестіемъ; въ часы ночные
 Тѣ иноки бесѣдуютъ въ-двоемъ;
 Рѣка журчитъ, ихъ разговоръ ей вторитъ,
 И никого нескромнымъ языкомъ,
 Никто изъ нихъ упрекомъ не позоритъ.
 Одинъ — чернецъ, достигшій дряхлыхъ лѣтъ:
 Другой же юнъ; онъ бросилъ лживый свѣтъ
 Для истины, для благъ уединенья,
 Судьбины злой онъ перенесъ гоненья,
 Все перенесъ, какъ юноша — мудрецъ,
 И смерти ждетъ. Медлительный конецъ.
 Ужъ близокъ былъ; глубокия морщины
 Шли по челу страдальца; огонь въ очахъ
 Уже погухъ; багрянецъ на щекахъ,
 Предвѣстникъ наступающей кончины.
 Богатство ихъ: изба, да Божій храмъ,
 Широкий дубъ, раскидистая ива,
 Да потомъ ихъ воскормленная нива,
 Гдѣ Божій день встрѣчаютъ по утрамъ.
 Ужъ вечеръ былъ; мелькали въ небѣ звѣзды,
 Туманомъ легкимъ покрывался брегъ;
 Замолкли птицы, сиряталися въ гнѣзды,
 Рыбакъ усталый вѣхалъ на ночлегъ;
 Пастухъ давно отвелъ въ деревню стадо:
 Все тихо спитъ; на берегъ рѣчномъ,
 Лишь иноки, вечернею прохладой
 Дыша, въ тиши бесѣдуютъ въ-двоемъ.

СТАРИКЪ.

Мнѣ не забыть минуты незабвенной,
 Когда самъ князь, самъ гордый Ярославъ

Меня позовалъ, и рѣчью умиленной,
 Предъ образомъ Спасителя упавъ,
 Какъ грѣшникъ злой, раскаляемъ томимый,
 Меня просилъ, чтобы тебя извелъ
 Изъ этихъ мѣсть.

юноша.

Я отрокъ былъ любимый,

Мой вѣкъ среди всѣхъ наслажденій текъ;
 Я былъ любимъ моею невѣстой, — знаю;
 Но я винить судьбины не дерзаю:
 Она права въ дѣлахъ своихъ. Старикъ,
 Еще я юнъ, и можетъ-быть языкъ
 Дерзнетъ сказать.... Оставимъ рѣчь пустую,
 Забудемъ мы на вѣки жизни былую.
 Я мало жилъ; но скоро прожилъ я
 И мысли всѣ и сердца наслажденья;
 И чтѣ теперь осталось отъ огня
 Душевнаго? Лишь пепелъ разрушенья!
 Ты въ очи мнѣ потухшія взгляни,
 Святой старикъ, въ нихъ отразились ясно
 Всей юности померкнувшіе дни;
 Прощедшее, которое напрасно
 Воспоминаніемъ тревожить; но, старикъ,
 Я чувствую — нѣмъ языкъ мой языкъ,
 Веди меня, веди скорѣе въ келью,
 Готовъ меня къ святому новоселью.
 И побрели прибрежною тропой
 Два инока, — и въ храмъ вошли. Смирненно
 Склонился отрокъ слабой головой
 Предъ образомъ Господнимъ; вдохновенно
 Онъ посмотрѣлъ на небо, и въ очахъ
 Была любовь и вѣра; вся въ думачъ
 Его глава сияла; къ небу руки
 Онъ поднималъ; слабѣющія звуки
 Изъ устъ лились, какъ стихнувшій потокъ.
 Возвелъ онъ очи съ вѣрой на Востокъ,
 Онъ былъ душой въ краю Иерусалима,
 Гдѣ Божій Сынъ на казнь неколебимо,

Шелъ за грѣхи искупленныхъ людей,
 Молясь и за преступныхъ палачей.
 Врата отверзлись; съ чашей искупленья
 Святой старикъ предъ инокомъ стоялъ,
 И таинство Святаго Причащенья
 Надъ юношей-страдальцемъ совершалъ.
 При тускломъ блескѣ гаснущей лампы
 Свершень обрядъ. — «Одной прошу награды.
 Промолвилъ иннокъ: я, за пошу бѣдъ;
 Чтѣбъ Ярославъ былъ счастливъ, въ цѣвть лѣтъ,
 Чтѣбъ совѣсти не зналъ онъ угрызений,
 Чтѣбы онъ жилъ среди благословеній.»
 Умолкъ. Склоняся на руку старика
 Оставилъ храмъ. Прозрачная рѣка
 Еще спала; востокъ алѣлъ зарею,
 Проснувшись птицы, вились надъ землею,
 И селянинъ брѣлъ въ поле; за водой
 Шла дѣвушка; за ближнею горой
 Рожокъ былъ слышенъ. Небо чисто, ясно,
 И звездочка за звездочкой прекрасной
 Скрывалась; день тревоги и заботъ
 Выходилъ. «Смотри, вотъ смерть ко мнѣ идетъ!»
 Промолвилъ иннокъ: ты, старикъ почтенный,
 Не оставляй кровь нашу уединенный!
 Надъ скромною могилою моею
 Молись всегда.» Последний блескъ очей
 Ужъ потухалъ; смерть грозная, казалось,
 Торжественно, но тихо приближалась:
 Уже она мертвящею рукой
 Надъ хотѣла саванъ гробовой
 На бѣднаго страдальца; ужъ хотѣла
 Взять чистый духъ, отвять его у тела,
 Но вдругъ вдали раздался рогъ; коней
 Послышалось ржанье; звукъ брони
 Потрясъ окрестность. На краю могилы,
 Въ послѣдній разъ пришли къ страдальцу силы;
 Онъ посмотрѣлъ доверчиво кругомъ;
 Великій князь съ поникнувшимъ челомъ
 Предъ нимъ стоялъ; слеза изъ глазъ катилась:

То буря сердца въ князь разразилась,
 Раскаянья священной слезой.
 — Григорій, дай мнѣ счастье и покой!
 «Прости меня!» — Да, князь, я умираю!....
 «Дай руку мнѣ.... Я, князь, тебя.... прощаю.»
 Князь руку далъ, и яркій блескъ кольца
 Яснѣ сталъ на палецъ мертвеца.
 Князь снялъ кольцо и бросилъ; имя Ксены
 Увидѣлъ онъ, какъ-будто въ преступленьи
 Она сама державнаго винить.
 Князь далеко. Окрестность снова спитъ,
 Замолкло все, — звукъ рога, коней ржанье,
 И тошетъ все въ торжественномъ молчаньи.
 Подъ ивою, гдѣ келья и заборъ,
 Старикъ съдой могилу рылъ; безмолвно
 Онъ возводилъ на небо грустный взоръ
 И продолжалъ работу хладнокровно.
 Уже светло; на колокольнѣ звонъ
 Зоветъ къ мольбѣ, но инокъ утомленъ
 И не идетъ въ Господній храмъ впервые.
 На зовъ святой. Вотъ солнца золотые
 Горять лучи.... вотъ солнце за горой
 Давно сокрылось.... слабой рукой
 Могилу бѣдный инокъ зарываетъ —
 Онъ отрока-страдальца погребаетъ!
 Проходитъ годъ. Гдѣ былъ глухой пустырь,
 Уже стоитъ высокая вѣстель,
 И Твери молодой властитель
 Название далъ ей: Отрочъ-Монастырь.

Ж. Третьяковъ.

СВАТОВСТВО.

—
 ПРОВИНЦИАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.
 —

I.

Въ тѣсной комнатѣ, на лежанкѣ, сидѣла Акулина Лаврентьевна; синяя, шалопоная, съ цвѣточками, кацавейка, опущенная бѣличьимъ мѣхомъ, небрежно падала съ костлявыхъ плечъ, на которыхъ торчала сухая, морщиноватая шея, бѣлая какъ лимонъ. Изъ-подъ коричневаго холстиннаго платья Акулины Лаврентьевны высовывалась одна нога, обутая въ шерстяной чулокъ и въ опойковую полуботинку съ отпоротой подошвой, — другая нога была поджата и служила подушкой. Темнорусые, слегка напудренные пухомъ волосы этой особы понемножку выползали изъ-подъ высокаго рогаваго гребня, потому-что были не помажены. Акулина Лаврентьевна находила, что частое помаженіе волосъ причиняетъ головную боль. У окна, обращеннаго на улицу, на большомъ кожаномъ кре-

* Эти сцены, написанныя женскимъ перомъ, присланы къ намъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ провинціи. Сочинительница просила не представлять ея имени. *Ред. С. О.*

слѣ, сложивъ нога на ногу, сидѣла Маланья Лаврентьевна, сестрица Акулины Лаврентьевны. Что онѣ были родныя сестры, въ этомъ никто не сомнѣлъ бы усомниться, увидѣвъ ихъ чрезвычайное, стереотипное сходство въ чертахъ лица, въ фигурѣ, въ ростѣ, даже въ одеждѣ, отъ полуботинокъ до высокаго роговаго гребня. Единственнымъ отличіемъ старшей сестрицы, Маланьи Лаврентьевны, служило то, что она, по-видимому, была больше напудрена пухомъ, но это только такъ казалось отъ сильной просѣди. Маланья Лаврентьевна, съ приличною важною и спокойствіемъ, вязала чулокъ, поглядывая иногда то на улицу, то на молодаго человѣка, своего племянника, Василья Михайловича, который сидѣлъ противъ нея на диванѣ, и потягивалъ съ наслажденіемъ дымъ изъ трубки, съ-настоящимъ мусатовскимъ табакомъ. Онъ читалъ въ-слухъ романъ или, какъ онъ называлъ, романчикъ «Софья Кучко или Любовь и Мищеніе». Это великое произведеніе, — четыре тома, каждый въ шестьдесятъ страницъ, — было тогда въ большой модѣ и на расхватъ покупалось у провѣзжихъ разносчиковъ. Василій Михайловичъ съ трудомъ досталъ это произведеніе у одного изъ своихъ пріятелей, коллежскаго регистратора Григорья Ивановича Лычкина.

Григорій Ивановичъ, страстный любитель поэзіи и самъ «питомецъ музъ», съ особенною ловкостію умѣлъ доставать книжки почитать, и никогда не пропускалъ случая услужить ими своему другу, а тотъ, въ свою очередь, дѣлился этими изысканными дарами со своимъ семейнымъ кругомъ и, читая въ-слухъ, усыпалъ цвѣтами Геликона избитую, грязную дорогу жизни своихъ тетушекъ. Василій

Михайловичъ читалъ или, лучше сказать, декламировалъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, и чтеніе его, кромѣ наслажденія эстетическаго, имѣло еще силу лекарственную и душеспасительную. Въ домѣ Акулины Лаврентьевны и Маланьи Лаврентьевны, до обѣда, всегда господствовалъ духъ раздора со своими неизбежными спутниками: шумомъ, крикомъ, бранью и побоями, которые терпѣла единственная дворовая дѣвка, Палажка, громоотводъ обихихъ барынь, поставленныхъ судьбою къ кормилу одного хозяйства. Но тотчасъ послѣ обѣда и *кофійю*, тетушки садились слушать, какъ Вася читаетъ книжку. Возволнованныя кухонныя страсти утихали, водворялась тишина, миръ и всеобщее блаженство, весьма благопріятное пищеваренію. Словомъ, книжки для Акулины Лаврентьевны и Маланьи Лаврентьевны заключали въ себѣ драгоценныя свойства кремортартара, *pastilles digestives* и опиума, и онѣ сами не рѣдко сознавались, что чтеніе послѣ обѣда «очень полезно». Но случалось, что Вася претерпѣвалъ и гоненіе за свое благодѣяніе. Чтò дѣлать! таковъ ужъ свѣтъ. Люди всегда и вездѣ — люди. Неблагодарность — первый и послѣдній ихъ порокъ. Бывало, тетушки слушаютъ, слушаютъ, да мало-по-малу и погрузятся въ сладкую дремоту, а Василій Михайловичъ все читаетъ да читаетъ, мѣрно, плавно. Вдругъ сильное мѣсто, — «куражное», какъ говорилъ Василій Михайловичъ, — онъ воспламенится, задекламируетъ, закричитъ..... тетушки вздрогнутъ, вскочатъ, съ перепугу начнутъ отплеиваться, браниться, и выгонятъ восторженнаго чтеца съ возмутительною книжкой. Тогда Василій Михайловичъ, который не могъ читать про-себя, усядется, бывало, на крыльцо,

а Барбось, косматая дворняжка, подползетъ, свернется клубкомъ у ногъ барыни, и неприятно прерванная декламация продолжается съ неожлажденнымъ жаромъ, къ обоюдному удовольствію оратора и четвероногого слушателя. Барбось былъ несравненно терпѣливѣ тетюшекъ: какъ ни разглагольствуетъ, какъ ни кричитъ, какъ ни размахиваетъ руками и ногами одержимый книгобъсіемъ Василій Михайловичъ, Барбось не лаетъ, лежитъ себѣ смиренно, и только отъ времени до времени потряхиваетъ однимъ ухомъ.

Но въ описываемый нами достопамятный день тетюшки не засыпали отъ чтенія Василья Михайловича, хотя и слушали невнимательно. Особенно Маланья Лаврентьевна все поворачивалась и, въ нетерпѣніи, рвала нитку своего вязанья. Наконецъ она приняла рѣшительный видъ, сложила чулокъ на колѣни, вдвинула очки на лобъ и перебила чтенца.

— Полно, Васенька! Чтò у тебя сегодня за книжка такая? Все любовь да любовь, страсти да страсти..... Будто это такъ и бываетъ! будто это и въ правду случается!....

— Какъ же-съ, тетенька! возразилъ племянникъ, раскуривая трубку: вѣдь это напечатано! Станутъ ли печатать неправду?

— И! батюшка, нынче и печатному не вѣръ: свѣтъ совсѣмъ съ правды сбился.

— Помилуйте-съ, тетенька! Неужто ужъ ничему нельзя повѣрить-съ? А мнѣ такъ кажется, что очень можетъ такъ приключиться, какъ тутъ напечатано,

и что герой говорить совершенную правду-съ..... вотъ здѣсь.....

И Василій Михайловичъ снова хотѣлъ приняться за декламацию, но Маланья Лаврентьевна рѣшительно его остановила.

— Погоди, погоди, Васенька; успѣешь еще прочесть; ты и такъ, кажись, полкниги прокаталъ..... Береги глазки..... Я хотѣла поговорить съ тобой о дѣлѣ..... Былъ ли ты у этихъ..... какъ ихъ зовутъ..... Лориныхъ?

Василій Михайловича словно варомъ обдало: онъ завертѣлся на своемъ мѣстѣ.

— Былъ-съ.

— Чтò жъ, будутъ ли они къ намъ? Вѣдь завтра мои именины.

— Какъ же-съ; они сказали, что долгомъ почтутъ поздравить васъ съ днемъ ангела.

— То-то же! а я думала, что они ужъ загордились..... Кто же съ тобой говорилъ? Петръ Ивановичъ или сама Вѣра Петровна?

Василій Михайловичъ опять завертѣлся, натянулся дыму, плюнулъ и, помолчавъ немного, отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, Петръ Ивановичъ.....

— Такъ Вѣра Петровна не выходила?

— Нѣтъ-съ.

Маланья Лаврентьевна наморщилась.

— О-охъ! промолвила Акулина Лаврентьевна: знать нашъ Вася ей не полюбился!

— Да чтò жъ мнѣ дѣлать-съ, тетенька? Какъ имъ угодно-съ!....

— Вотъ еще «какъ имъ угодно»! Да ужъ мы положили, что ты долженъ на ней жениться!

— Да чтò жъ, когда они такъ горды!.... Я и

самъ такой же-съ! сказалъ Василій Михайловичъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства.

— Другъ ты мой, Вася! да вѣдь у нея пятьдесятъ душъ, да приданаго тысячь на пять, а у тебя-то почти что ничего.....

— У меня! сказалъ Василій Михайловичъ, оправляясь: а шесть-сотъ рублей жалованья? а годовой доходъ! Вѣдь я смотритель учебнаго заведенія; у меня тридцать мальчиковъ въ командѣ!

— Ну, какой доходъ!.... хорошо еще, что нынѣшнимъ лѣтомъ выгадала я на капустѣ нашего огорода рублей сто, а то бы не на что было и шинели сшить..... А вотъ, какъ женишься на Вѣрѣ Петровнѣ.....

— Помилуйте, тетушка! да къ ней вовсе приступа нѣтъ; два раза былъ у нихъ и, что называется, глазъ не показывается. Такъ чего же мнѣ, смотреть? И я не хочу.

— Полно, полно, Вася! куда ты какъ обычливъ сталъ?

— Да что жъ и въ самомъ дѣлѣ, сестрица! сказала Акулина Лаврентьевна: и я вступлюсь за Васю. Что она, въ самомъ дѣлѣ, съ своими пятьюдесятью душонками заважничала! Будто невѣсть мы не найдемъ! Да мало ли ихъ? Сами свахъ засылають..... Приходила же вчера Фекла Савишна.....

— Что ты, что ты, сестрица! вскричала Маланья Лаврентьевна: помилуй, родная! Ужъ ты и впрямь не думаешь ли женить Васю на Маришкѣ? на этой толстолицей лавочницѣ! на мужичкѣ!.... Да чета ли она ему? да подъ стать ли ему такая дрянь?.... А какая роденька-то? Лабазники, да мясники, да широжники!....

— Ну ужъ, сестрица! хороша твоя и Вѣра Петровна! Что въ ней, что она образована по-французски? Поди-ка, и каши сварить не умѣетъ! Повѣрь, наплачешься съ такой женой..... А все съ книжками возится, да мало того, что читаетъ, такъ, кажется, сама изволить стихи писать! Какой ужъ тутъ прокъ?.... Вотъ и въ спесь ударилась, зачванилась..... А все Лизавета Гавриловна учить!.... То же щелкоперая дѣвчонка!.... Ну ужъ, будь я на мѣсть Петра Ивановича, я бы ни ногой не пустила Вѣры Петровны къ этой верхоглядкѣ!

— Что ты ни говори, сестрица, возразила Маланья Лаврентьевна, а Вася очень приглянулся Вѣрѣ Петровнѣ: я это замѣтила намедни. Она на него такъ умильно поглядывала.....

— Что вы, тетушка! Вѣра Петровна всего только два раза видѣла меня и притомъ, если бы я имъ понравился, такъ изъ чего бы имъ гордиться?

— Эхъ! то-то и есть, молоденецъ ты, Вася. Она вѣдь дѣвушка свѣтская, — видишь, всегда какъ перетянута, — неужто же ей такъ, съ перваго раза, и сказать тебѣ, что ты ей нравишься?

— Да она со мною вовсе не говорила!....

— А ты самъ говорилъ съ ней?.... Не бось, не осмѣлился? А поговори-ка, такъ, знаешь, по книжному, о томъ о семъ..... вѣдь ты, слава Богу, довольно-таки на своемъ вѣку книжекъ начитался!

Василій Михайловичъ самодовольно взглянулъ на Софью Кучко, и, кивнувъ головой, пустилъ три густыя струи дыму ртомъ и ноздрями. Наступило минутное молчаніе. Василій Михайловичъ воспользовался имъ, чтобы опять приняться за декламацию.

— Тетушка, сказалъ онъ, позвольте принести свѣч-

ку; надобно кончить; вы знаете, книжка дана на срокъ.

— Полно, Вася, когда теперь читать? Ты и забьешь, что надобно сходить еще къ Григорію Ивановичу? Не забудь попросить его завтра на пирогъ.

Василіи Михайловичъ, какъ покорный племянникъ, безъ малѣйшаго противорѣчія, тотчасъ вышелъ изъ горницы и черезъ нѣсколько минутъ воротился уже «во всемъ парадъ», въ синемъ форменномъ фракѣ, застегнутомъ до самаго верха, съ остроугольными высокими воротничками, съ галстухомъ, связаннымъ въ огромный бантъ, съ гигантскимъ взбитымъ хохломъ, въ сапогахъ со скрипомъ. Накинувъ шинель, онъ простился съ тетушками и ушелъ.

— Какой молодецъ!.... какой красавецъ!.... говорили тетушки, провожая его глазами: ужъ и такъ хорошъ, а какъ принарядится, такъ просто чудо! Ка-бы намъ поскорѣе женить его.....

— Да, да, женить, женить, непременно! прибавила Маланья Лаврентьевна: вотъ, завтра прѣдутъ. Надобно все хорошенько сладить. Дѣвушка она богатая, хорошая..... разумеется она у насъ такой воли не возьметъ..... щеголять такъ не станеть, въ шелковыхъ платьяхъ да въ соболяхъ. Пѣтъ, матушка, уймешся! По собраніямъ да по маскарадамъ рыскать не станешь!.... Только пошли ее, Господи, нашему Васинькѣ; я за все берусь; она не станеть у меня даромъ свѣчей жечь по ночамъ!.....

— Да и днемъ, чтобы не читала, прибавила Акулина Лаврентьевна: что за вздоръ такой!..... Ну, ужъ пусть мужъ читаетъ: ему дома дѣлать нечего; а жена шей, вяжи, дѣло дѣлай, работай..... Не бось, красавица-то не уметь палецъ о палецъ стук-

нуть!..... Охъ, сестрица бѣда намъ будетъ съ ней!.....

— И! ничего, сестрица! вышколамъ. Будемъ жить да поживать. Она вѣдь богата, и намъ будетъ при-вольгѣе..... Сошьемъ себѣ по драдемавому салону, да по чепчику тюль-грѣховому.....

— А если она покусится, сестрица?

— Что ты, мать моя! да добро-то вѣдь въ нашихъ рукахъ будетъ!

Старыя сестрицы замолкли и призадумались. Ветхія сердца ихъ трепетали при мысли о новомъ драдемавомъ салонѣ. Онѣ носились по безбрежному океану обольстительныхъ надеждъ. Вдругъ Акулину Лаврентьевну словно кошка царапнула. Она соскочила съ лежанки, такъ, что гребень полетѣлъ подъ столъ и коса разсыпалась.

— Ну, а если не удастся! что тогда? вскричала она чуть не съ отчаяніемъ.

Маланья Лаврентьевна была очень непріятно пробуждена отъ сладостнаго мечтанія о неограниченномъ властвованіи надъ будущею племянницей. Однако жъ она скоро оправилась и сказала спокойно:

— Тогда у насъ найдется другая. Вѣдь Варвара Сергѣевна еще ждетъ жениха! Одну лови, другую выемотривай. Вѣдь и та пригодится.

— Ахъ, батюшки! я и забыла! вскричала Акулина Лаврентьевна: пригодится, да еще какъ пригодится! прибавила она, поднимая гребень и скручивая волосы: только бы намъ не упустить ихъ обихъ!

— Не упустимъ, только не зъвай. После-завтра поѣдемъ къ ней въ пансіонъ, поразговоримся хорошенько, въ случаѣ завтрашней неудачи!..... Вѣдь и

она невеста не бѣдная: у нея наличныхъ тысячъ-пятнадцать! Только ты, сестрица, не говори Васѣ: ему, кажись, больно понравилась Вѣра Петровна. Смотри, онъ всю ночь нынче не спалъ; все тоскуеть, да кручинится.....

— Ну, авось, Богъ дастъ, продолжала ободренная двойною надеждой Акулина Лаврентьевна: все уладится какъ нельзя лучше..... Не та, такъ другая, а ужъ добудемъ Васенькѣ невесту, не посрамимъ себя.

Акулина Лаврентьевна вышла за чѣмъ-то по хозяйству, а Маланья Лаврентьевна снова на всѣхъ парусахъ пустилась въ открытое море мечтаній.

Вдругъ въ прихожей послышался шумъ шаговъ.

— Кто тутъ? закричала она съ сердцемъ, бросившись къ двери.

— Я-съ, тетенька! отозвался тоненькій голосокъ Василя Михайловича.

— Чтò такъ скоро, Васенька?..... А! Григорій Ивановичъ, и вы къ намъ? сказала она ласково, увидѣвъ Лычкина.

— Какъ ваше здоровье, сударыня?

— Слава Богу, покорно благодарю..... Какъ вы можете?

— По маленечку-съ. Василій Михайловичъ шелъ ко мнѣ; я его встрѣтилъ на дорогѣ; онъ сказалъ: «зайдемъ ко мнѣ!» Я и зашелъ-съ.

— Милости просимъ. Прощу садиться.

Григорій Ивановичъ, бережно уложилъ свою шинель на лавку въ передней, и, раскланиваясь, мало-помалу проникалъ въ середину комнаты, но на бѣду взялъ слишкомъ много вправо, наткнулся и чуть не опрокинулъ стола.

— Какъ здѣсь темно-съ! проговорилъ онъ, ухватившись обѣими руками за дрожащую мебель.

— А вотъ, сейчасъ, я принесу свѣчку, сказала Маланья Лаврентьевна и вышла.

Григорій Ивановичъ, осязательно убѣдившись въ непоколебимой твердости стола, усялся на диванъ. Василій Михайловичъ также вышелъ, чтобы переодѣться по домашнему. Гость остался одинъ. Вы, кажется, не знаете Григорія Ивановича? Очень сожалю. Это весьма достойный вниманія молодой чело­вѣкъ. Онъ коллежскій регистраторъ; танцуетъ французскую кадрили; носитъ бумажныя перчатки; любитъ изящную простоту, и потому хохолъ у него не взбитъ, а лежитъ всегда гладкимъ большимъ валькомъ поперегъ головы. Но главное достоинство Григорія Ивановича заключается въ душѣ, въ высшей степени поэтической: онъ величайшій стиходѣй во всемъ уездѣ. Всѣ мѣстные альбомы украшены его акростихами, элегіями, мадригалами, сонетами и триолетами. Только къ одной Вѣрѣ Петровнѣ онъ никакъ не могъ втереться въ альбомъ, не смотря на всѣ свои старанія: она не жаловала его стиховъ, — не извѣстно почему, но ужъ конечно не потому, чтобы въ нихъ не было вдохновенія. Григорій Ивановичъ безъ вдохновенія ни на шагъ, — особенно когда сидитъ; а садится онъ тотчасъ какъ входитъ въ комнату, потому-что, стоя, не можетъ думать ни о чемъ; тогда всѣ мысли его какъ-то разбѣгаются. Но на диванъ или на спокойномъ стулѣ, онъ у него всегда въ надлежащемъ порядкѣ, и Григорій Ивановичъ обрѣтается въ совершенномъ самосознаніи. Вѣрѣ Петровнѣ также не нравилось, что Григорій Ивановичъ, танцуя, кладъ

руки въ карманъ и притопывалъ въ мазуркъ. Да на всѣхъ не угодишь! А Григорій Ивановичъ пере- нялъ этотъ обычай отъ одного прѣзжаго пріятели изъ Москвы, и былъ твердо увѣренъ, что слы- дуетъ самой послѣдней столичной модѣ лучшаго тона.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Маланья Лаврен- тьевна со свѣчкой, а за ней Василий Михайловичъ съ трубкой.

— Ахъ, батюшки! а вы, Григорій Ивановичъ, здѣсь сидѣли въ потемкахъ..... одни..... сказала Маланья Лаврентьевна: вамъ скучно было!

— Помилюйте..... Мнѣ-то-съ?

— Да, правда, прибавила она, поставивъ свѣчку на столъ: вѣдь вы люди умственные: вамъ и въ потьмахъ весело. Вотъ, и мой Васенька по цѣ- лымъ вечерамъ сидитъ, въ углу, въ потемкахъ, ужъ сколько разъ я ему скажу, да ты бы, Васень- ка, къ огоньку; да ты бы, Васенька, съ нами..... Не тутъ-то было. Сидитъ себѣ, да думаетъ.

Василій Михайловичъ хотѣлъ замять разговоръ, помочилъ пальцы и потянулся снять со свѣчки.

— Пстой, Вася, я пойду принесу щипсы, да кста- ти велю закрыть ставни.

Маланья Лаврентьевна вышла и не возвращалась. Черезъ переднюю и сѣни послышались шумъ въ кухнѣ, крикъ и брань. Духъ раздора, не со- всѣмъ усыпленный въ этотъ вечеръ благотворнымъ чтеніемъ, возсталъ съ новою силой и породилъ без- дну смуть въ мірѣ горшковъ и ухватовъ. Это одна- ко жъ не помѣшало пріятелямъ наслаждаться вожде- льнымъ спокойствіемъ въ гостиной. Василий Ми- хайловичъ закурилъ трубку и подалъ другую Гри-

горію Ивановичу, который перебиралъ листы «Со- фьи Кучко».

— Ну, какъ тебѣ правится этотъ романъ? спро- сить Лычкинъ.

— Хорошенькій, по-крайней-мѣрѣ очень занима- тельнъ: и тетушки хвалятъ.....

— Да, разумеется..... патриотизмъ. Романъ русскій, историческій..... это правда. Но я вообще не люблю романовъ..... и повѣстей въ журналахъ не читаю. Не стоить. Все дрянъ. То ли дѣло — лирическая поэ- зія! Напишешь нѣсколько строчекъ, а стоить цѣлой книги.....

— А ты, Григорій Ивановичъ, ничего не пишешь прозой? спросилъ Василий Михайловичъ.

— Мнѣ писать прозой?..... Неужели ты думаешь, что я не напишу, если захочу? Мнѣ только не хо- чется терять времени. А ужъ навѣрное написалъ бы лучше всѣхъ повѣстей журнальныхъ.

— Да, нынче въ самомъ дѣлѣ хорошія повѣсти рѣдки! сказалъ Василий Михайловичъ, со вздохомъ: а я такъ люблю повѣсти! Будь другъ, Григорій Ива- новичъ, напиши повѣсть! Сдѣлай милость, по- тѣшь!.....

— Проза — вещь самая пустая, продолжалъ Гри- горій Ивановичъ: нынче прозой пишетъ всякій ре- бенокъ, даже женщины и дѣвушки: чуть съ грѣ- хомъ по поламъ грамотъ выучатся, тотчасъ пускают- ся писать повѣсти, печатаютъ въ журналахъ..... Тоже топорчатся, чванятся..... Я-де писательни- ца!..... Охъ, ужъ мнѣ эти писательницы!

— Да что ты, Григорій Ивановичъ, не напеча- ташь своихъ стиховъ въ журналахъ?

— Я? А для чего бы это?

— Ну, такъ, для славы.

— Для славы! Поди ты!..... Да понимаешь ли ты что такое слава? Взоръ, пустое, ничтожное слово, игрушка, которой играетъ всякій, кто только хочетъ..... Вотъ! стану я добиваться славы! стану я печатать свои сочиненія!.... Пытали у меня просить, да нѣтъ, не дамъ, и не дамъ.

Григорій Ивановичъ безсовѣстно лгалъ: онъ въ теченіе пяти лѣтъ правильно каждую третью посылалъ въ обѣ столицы цѣлыя кипы своихъ лирическихъ вдохновеній, и закидалъ всѣ редакціи письмами и просьбами напечатать *онья*. Ему страхъ хотѣлось попасть въ *печатные* поэты. Но редакторы, — такіе варвары! — не только ничего не напечатали, даже не отвѣчали на письма, хотя при каждой посылкѣ находился точный адресъ Григорія Ивановича. Цѣну стихамъ онъ также назначилъ сначала сообразную со своимъ достоинствомъ, потомъ умѣренную, дешевую, наконецъ объявилъ, что даромъ отдастъ. И то не берутъ! И стихи и письма всѣ пропали безъ вѣсти. Василью Михайловичу частію были извѣстны эти обстоятельства. Но онъ заговорилъ о печати безъ всякаго злаго умысла, такъ, спроста; потомъ ужъ спохватился, что этимъ можно обидѣть пріятеля, и, придумывая, какъ бы ловчѣе переменить разговоръ, пошелъ къ окну набивать новую трубку.

— Притомъ, продолжалъ Григорій Ивановичъ, прижавъ золу въ своей трубкѣ и щелкнувъ пальцами: нынче на печатныхъ-то не угодишь. Того и гляди, разругають. Все нововведенія, братецъ. Чуть напишешь этакъ, знаешь, что не каждому дураку въ

голову лезетъ, тотчасъ скажутъ «темно, вычурно, надуго!» Ужъ какъ взбѣсилъ меня наемни печатный-то поэтъ, изъ Петербурга, что былъ у насъ на выборахъ, помнишь?

— А! помню. Ну, что жъ?

— Зашелъ онъ ко мнѣ.....

— Онъ былъ у тебя! перебилъ Василій Михайловичъ, прискокнувъ отъ удивленія.

— Да, былъ. Наслышался обо мнѣ, и хотѣлъ непременно познакомиться. Узналъ, гдѣ живу, и пришелъ.

Григорій Ивановичъ опять лгалъ. Онъ затащилъ пріѣзжаго къ себѣ почти насильно, и хотѣлъ навязать ему свои стихи, для болѣе вѣрнаго доставленія въ столицу. Василій Михайловичъ слушалъ, не переводя дыханія.

— Я ему показалъ свои стихи, продолжалъ Григорій Ивановичъ: не знаю, что мнѣ вздумалось отдавать свою душу на судъ человѣку, который самъ ни о чемъ не имѣетъ понятія.....

— Но ты мнѣ часто говорилъ, что его стихи порядочные?

— Порядочные..... и только....

— Да что жъ онъ сказалъ тебѣ?

— Сказалъ, что мои стихи не хороши, съ усиленіемъ договорилъ Григорій Ивановичъ.

— Что же ты? спросилъ Василій Михайловичъ съ нетерпѣніемъ.

— Въ бѣшенствѣ, я изодралъ ихъ на мелкіе клочки, и бросилъ ему подъ ноги.....

И лицо Лычкина покраснѣло отъ досады, брови сдвинулись. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, и опять сѣлъ.

— И тебѣ ихъ было не жаль, безсовѣстный? ска-
заль Василій Михайловичъ укоризненнымъ голосомъ:
и ты не бросился подбирать эти клочки, и онъ
былъ такъ безжалостенъ, что не остановилъ тебя?
Ахъ! если это узнаетъ тетенька Акулина Лаврен-
тьевна!

— Не безпокойся, сказалъ спокойно Григорій
Ивановичъ! они у меня еще два раза списаны. Не-
ужели ты думаешь, что я положусь на сужденіе
какого-нибудь столичнаго франта, который изъ за-
висти скажетъ, что мои стихи дурны? Я самъ знаю,
что они прекрасны, особливо тѣ стихи, которые я
ему читалъ; я самъ плакалъ надъ ними! Надъ этими
же самыми стихами, прошлаго года, плакали и всѣ
наши сосѣдки. Эти стихи у меня были назначены
въ альбомъ Вѣры Петровны, да раздумалъ: не дамъ.
Я сердить на нее за то, что на послѣднемъ балѣ
въ пансіонѣ обманула меня, не пошла на мазурку.
Пусть же останется безъ стиховъ!

При имени Вѣры Петровны Василій Михайловичъ
кашлянулъ и пересѣлъ на другое мѣсто. Григорій
Ивановичъ посмотрѣлъ на него пристально.

— Послушай, Василій Михайловичъ, сказалъ онъ
съ значительною улыбкой: никакъ ты и въ самомъ
дѣлѣ влюбленъ въ Вѣру Петровну!

— А неужели я не могу ужъ и влюбиться? от-
вѣчалъ Василій Михайловичъ, тяжело вздохнувъ и
склонивъ голову на грудь.

— Любовь чувство пріятное и вмѣстѣ тяжкое, ска-
заль Лычкинъ будто про-себя: ахъ! и я любилъ!.....
Любовь сдѣлала меня поэтомъ; и первые стихи, ко-
торые я написалъ, составляютъ надгробіе моей лю-
безной.

— Такъ она умерла? спросилъ Василій Михайло-
вичъ съ участіемъ.

— Умерла!!!!

Послѣдовало молчаніе.

— И ты забылъ ее? спросилъ снова Василій Ми-
хайловичъ.

— Забылъ..... Я забылъ!..... Точно, я забылъ ее,
я взмѣнилъ ей. Я обручился съ другою невѣстой,
— съ поэзій! Жизнь будетъ моею смертію, а жизнью
вѣчность. Послѣ смерти узнаютъ, послѣ смерти толь-
ко оцѣнить человека, котораго преслѣдовали, уни-
жали..... Можетъ-быть, этотъ самый поэтъ, кото-
рый только вчера говорилъ, что у меня нѣтъ даро-
ванія; этотъ поэтъ завтра же, на моей могилѣ, ска-
жетъ: я былъ несправедливъ!.....

— Послушай, Григорій Ивановичъ, перебилъ его
Василій Михайловичъ, которому разсужденія друга
начинали надоѣдать: я хотѣлъ сообщить тебѣ важ-
ную тайну.....

— Чтò такое?

Василій Михайловичъ задумался на минуту.

— Я хочу жениться, сказалъ онъ едва внятно.

— Жениться! На комъ?

— А вотъ, увидишь.

— Нѣтъ, ждать не хочу. Скажи, пожалуйста.

— А ты ни кому не скажешь?

— Нѣтъ, увѣряю тебя.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Можетъ-быть и неправда..... можетъ-быть еще
и не на ней..... какъ случится.....

— Да скажи, на комъ?

— Видишь ли, надо тебѣ напередъ сказать, что.....
Итъ!..... молчи!..... тетеньки идутъ.....

II.

Въ кабинетъ Лизаветы Гавриловны была опущена сторка. Эта маленькая комната, совершенно отдѣленная отъ прочаго жилья длиннымъ коридоромъ, потому произведена въ чинъ кабинета, что вполне соответствовала понятію Лизаветы Гавриловны объ уединеніи и полусвѣтѣ. И точно, полусвѣтъ былъ въ ней прекрасный: лучи солнца, пробиваясь у краевъ зеленой, слегка волнующейся, занавѣски, играли по полу, усыпанному клочками бумаги, клубками шерсти и шелку, лентами и обрывками кружевъ; на стѣнѣ противъ окна, надъ диваномъ, висѣли портреты Байрона, Шекспира и Пушкина; на другой стѣнѣ, противъ дверей, надъ открытымъ заваленнымъ пютами фортепьяно, портретъ Моцарта, украшенный вѣнкомъ изъ бумажныхъ незабудокъ; въ одномъ углу этажерка, нагруженная разбросанными книгами, въ другомъ запыленные пальцы съ неконченною вышивкой; подъ окномъ столъ, на немъ раскрытыя книги, раскиданныя бумаги, чернилица съ принадлежностями, стаканъ мутной зеленой воды, въ которой мокла акварельная кисть; рядомъ эскизъ романтическаго ландшафта, тарелочки, раковинки, ящикъ съ перемъшанными красками; вездѣ пыль, соръ и самый живописный беспорядокъ, который показывалъ, что тутъ обитаетъ существо поэтическое, презирающее всякую прозу и порядокъ. Возлѣ

стола, въ покойномъ креслѣ, сидѣла, небрежно растянувшись и склонивъ голову на одну руку, Лизавета Гавриловна, съ книгой. Хотя въ комнату все было свалено какъ попало, однако жъ въ одеждѣ молодой хозяйки, по-видимому, соблюдалась большая заботливость. Черные волосы тщательно причесаны, бубли завиты; въ шелковой маantilь, во всемъ нарядѣ видна изящная простота и вкусъ. Лизавета Гавриловна прилежно читала; въ комнатѣ царствовала глубокая тишина.

Вдругъ со стукомъ быстро отворилась дверь. Лизавета Гавриловна вздрогнула, вскочила и бросилась въ объятія Вѣры Петровны, которая оттолкнула ее.

Блѣдное и разстроенное лицо Вѣры Петровны, такъ поразило Лизавету Гавриловну, что она едва только могла сказать:

— Вѣрочка, другъ мой, что съ тобой?..... А я такъ ждала тебя, хотѣла прочесть.....

— Отстань, пожалуйста! мнѣ не до тебя..... Боже мой!..... И я это вынесла..... и я это вытерпѣла..... Ахъ!..... мнѣ тошно..... мнѣ душно..... воды..... воды, поскорѣе!

Вѣра Петровна, какъ сумасшедшая, сбросила на полъ салопъ; шляпка покатила подъ диванъ. Лизавета Гавриловна налила стаканъ воды.

— Ахъ, папенька!..... какъ можно было вѣхать туда? Надобно долго придумывать, чтобы выдумать такое мученіе..... Это нестерпимо!..... это ужасно!

— Что такое? скажи ради Бога.....

— Они меня измучили, истерзали, раздробили на части мое блѣдное сердце..... Это, просто, убійственно!.....

— Да объяснись, пожалуйста.

— Объяснись! когда я не въ силахъ выговорить слова, когда я не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса!

— Не хочешь ли почитать Шатобриановыхъ «Мучениковъ»? Это тебя успокоитъ, сказала Лизавета Гавриловна, взявъ со стола книгу, которую читала.

— Поди ты съ своими романами..... Мнѣ не до нихъ теперь. Ахъ, Боже мой!..... и какъ можно было выдумать такую небывицу, сплестъ такую сказку, сдѣлать меня посмѣшищемъ цѣлаго города!..... до такой степени унижить благородную дѣвушку, осмѣлиться сказать ей, предложить ей свою руку и самое ничтожное въ мѣрѣ сердце..... И кто же? Канцеляристъ, писарь, синій фракъ, это крошечное творение!.....

— Кто такой? спросила изумленная Лизавета Гавриловна?

— Василій Михайловичъ Заикаловъ!.....

Вѣра Петровна заплакала.

Лизавета Гавриловна взяла ее за талию и посадила на диванъ.

— И ты плачешь? сказала она: стыдись! а гдѣ у тебя сила души, гдѣ презрѣніе,—это единственное орудіе женщины,—гдѣ оно? Фи!..... брось все эти пустяки. Расскажи мнѣ лучше, какъ все это случилось? Это должно быть очень занимательно.....

Вѣра Петровна вскочила и прошла по комнатѣ.

— Слушай, сказала она садясь: вчера Заикаловы звали насъ къ себѣ на именины; сегодня мы къ нимъ потащились. Больше трехъ часовъ я должна была просидѣть тамъ въ ужасной тоскѣ и скукѣ, и сверхъ того еще что они сотворили!...

— Что такое?

— Я тебѣ сказала, что Василій Михайловичъ вздумалъ предлагать мнѣ свою руку и сердце..... и еще въ какихъ выраженіяхъ!

Лизавета Гавриловна покатила со смѣху.

— Тебѣ смѣшно, сказала Вѣра Петровна надувшись: а каково-то было мнѣ! Этотъ франтикъ, эта ходячая чернилица..... Ахъ, Господи! а его милыя тетушки..... это, просто, невыносимо!....

— Полно сердиться, сказала Лизавета Гавриловна: рассказывай порядкомъ какъ было дѣло: это должно быть очень забавно.

— Тебѣ все забавно!..... А впрочемъ въ самомъ дѣлѣ, было очень смѣшно. Слушай. Пріѣхали мы, усѣлись и не поднимались съ мѣста до самаго объѣда. Разговоръ шелъ, какъ слѣдуетъ, о погодѣ, о урожаѣ хлѣба, о лажѣ на деньги; потомъ позвали насъ за столъ! Кормили на убой ровно полтора часа. Не знаю за какой грѣхъ посадили меня рядомъ съ Васильемъ Михайловичемъ! Вообрази!

— Премило. И онъ тебя вѣрно подчивалъ шариками?

— Еще бы шариками!..... онъ, просто, заплѣлъ мнѣ цѣлую элегію, вѣроятно работы своего задушевнаго пріятеля Лычкина; разсыпался въ такихъ любезностяхъ, что я не знала куда дѣваться, потому-что съ другой стороны меня преслѣдовалъ длинный носъ Маланьи Лаврентьевны. Она туда же пустилась въ любезности..... Ну, надоѣли до смерти!

— А былъ кто-нибудь изъ барышень?

— Какъ же; Устинья Анасьевна, дочь квартальнаго, или какъ она говорить, фартальнаго. Ахъ, душа моя, рядомъ съ нею сидѣлъ еще новый любез-

никъ Карпъ Савичъ Струшиловъ, капитанъ какого резервнаго полка, премилый человекъ, жаль только что заикается. Если бъ ты слышала, этотъ протяжный голосъ Устиньи Ананьевны, которая распѣвала разговаривая, эти громкіе возгласы Карпа Савича, который давился словами, развѣвая ротъ до ушей и вышуча глаза, минутъ пять затягивался, а потомъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ раздражался какою-нибудь пошлою любезностью! Прибавь къ этому сахарную фигурку Лычкина, въ розовомъ галстухѣ, въ полосатомъ жилетѣ, и кукольную рожу моего сосѣда, котораго нельзя было видѣть во всей его красотѣ, потому-что козыи ножки были спрятаны подъ столomъ. Представь себѣ тетушекъ въ чепцахъ, съ крыльями вѣтряныхъ мельницъ вмѣсто оборокъ; представь себѣ Устинью Ананьевну, олицетворенный идеалъ узднаго совершенства; представь себѣ все это и подивись не тому, что я не умерла со смѣху, а тому, что мнѣ вовсе не хотѣлось смѣяться!.....

— Чтò же тебя такъ мучило?

— Ахъ, сумасшедшая! говорятъ тебѣ сто разъ, что за меня сватался Василій Михайловичъ!.....

— Чтò же ты, отказала ему?

— Я просто уѣхала, не сказавъ ни слова. Папенька тамъ остался.

— Ты не разсердишься, Вѣрочка, если я скажу тебѣ истинную правду?

— Чтò такое?.....

— Чтò среди всего смѣшнаго, чтò тамъ было, мнѣ кажется, ты была уморительнѣе всѣхъ!.....

— Я? вскричала Вѣра Петровна, покраснѣвъ отъ досады: я была смѣшна?..... Прекрасно!..... только

этого не доставало!..... Я посадила бы тебя на мое мѣсто, я заставила бы тебя вытерпѣть такую пытку, какую я вытерпѣла.....

Лизавета Гавриловна долго смотрѣла ей въ лицо, потомъ сказала со смѣхомъ:—Ну, Вѣрочка, вѣрно, онъ, если не правится, то по-крайней-мѣрѣ очень занимаетъ тебя! А то изъ чего бы тебѣ такъ бѣситься?

— Нравится, занимаетъ!..... Я его просто ненавижу, презираю; онъ несноснѣе самой жизни, которая иногда бываетъ такъ тягостна!

Эта поэтическая фраза, произнесенная съ необыкновеннымъ чувствомъ, въ минуту прогнала всю веселость Лизаветы Гавриловны.

— Тебѣ неспошна жизнь? сказала она, положивъ руку на плечо своей подруги: такъ у тебя есть горе? Но для чего отчаиваться!..... Страданіе — нашъ удѣлъ, наше назначеніе!..... Да, это наше назначеніе! продолжала она съ глубокимъ вздохомъ и поднимавъ глаза на портреты надъ диваномъ: вотъ посмотри на этихъ великихъ людей: какова была ихъ жизнь? Полна разочарованія, тоски, гоненія судьбы, гоненія людей. Они все претерпѣли, все перенесли. Другъ! если у тебя есть тоска на сердцѣ; если она тяготитъ тебя; если безнадежная грусть заставляетъ тебя ненавидѣть жизнь вещественную, положительную, то вспомни, что есть другая жизнь, выше земной!..... это жизнь идеальная, фантастическая, жизнь, которою я живу теперь. Если бъ ты только знала, если бы ты испытала ее! Это жизнь, обширная, раздольная, чудная, увлекательная, полная удовольствія, надеждъ, желаній, наслажденій..... Какое необъятное пространство для мыслей и чувствъ, ка-

кое обширное, необозримое поле для мечты! Душа, отбросив тяжкія, пыльные оковы, свободно разгуливает по облакамъ и, вмѣстѣ съ луною, заглядываетъ въ каждый уголокъ міра, улетаетъ въ небо, создаетъ новые міры, свѣтлые, чистые, воздушные, фантастическіе.....

— Перестань, ради Бога, Лиза! перебила ее Вѣра Петровна: что тебѣ за охота мучить меня этими фантазіями, когда у меня не то на умѣ. Ты меня скоро увѣришь, что можно питаться воздухомъ, когда хочется ѣсть, какъ мнѣ теперь! Вели подать чего-нибудь; я нынче съ досады и злости ничего въ ротъ не брала.

— Погоди немного; я сейчасъ буду ѣбдять.

— Какъ!..... Ты еще не ѣбдала?..... Зачита-лась.....

— Да, я читала Шатобриана. Что за писатель! что за разсказъ, что за характеры!..... особливо.....

— Вѣрю, вѣрю, что прекрасно, только, пожалуйста не приставай ко мнѣ сегодня: ты меня просто, умуришь.

— Да что съ тобой сдѣлалось? вскричала Лизавета Гавриловна съ досадой: ты, кажется, совсемъ съ ума сошла!..... Ничего не слушаетъ, какъ будто, Богъ знаетъ, что случилось! Неужели это глупое сватовство такъ тебя тревожить?

— Нѣтъ, совсемъ не то..... но я боюсь сказать тебѣ..... мнѣ страшно, тяжело.....

— Что такое?

— Я вчера получила письмо.....

— Отъ кого?

— Отъ моихъ знакомыхъ.

Вѣра Петровна опять заплакала.

— Какое несчастіе случилось? скажи скорѣе, ради Бога! Твои родные нездоровы?

— Нѣтъ.

— Твои знакомые?

— Нѣтъ.

— Кто же? Я не понимаю.....

Вѣра Петровна пуше зарыдала.

— Ваше состояніе разстроилось?..... Деревня сгорѣла?.....

— Не то! не то!

— Что же?

— Онъ женился!!!

И Вѣра Петровна упала на диванъ въ полуобморокъ.

— Кто, онъ? спросила Лизавета Гавриловна въ изумленіи.

— Charles!....

Сказавъ это, Вѣра Петровна вскочила и бросилась къ подругѣ на шею.

— Да кто это такой? скажи, ради Неба!....

— Ты его не знаешь!.... Вотъ письмо..... читай.

Вѣра Петровна вынула изъ своего ридикюля письмо съ черной печатью. Лизавета Гавриловна развернула его. Это было огромное посланіе, писанное самымъ мелкимъ почеркомъ, со всеми точками, тире и восклицательными знаками, составляющими неотъемлемую принадлежность дамскихъ писемъ. Тутъ въ преогромныхъ фразахъ извѣщалось о свадьбѣ какого-то Шарля. Больше Лизавета Гавриловна ничего не могла понять.

— Кто-то женится, сказала она, подавая письмо Вѣрѣ Петровнѣ.

— Это онъ!....

— Кто онъ?

— Мой Charles!

— Твой?

— Мой! потому-что я его любила, люблю и буду любить вѣчно!

— Ты его давно любишь, этого неблагодарнаго? спросила Лизвета Гавриловна съ нѣжнымъ участіемъ.

— Почти три года.

— Такъ давно?.... Ахъ, онъ злодѣй! извергъ!.... Какъ же это случилось? Расскажи, душечка!

— Это въ то время, какъ мы были съ тобою въ деревнѣ. Боже мой, какъ я была тогда счастлива!.... Для меня все еще было такъ свѣжо, такъ ново, такъ пріятно..... А теперь!.... О! какъ много значать три года!.... Это цѣлая вѣчность. Помнишь, Вѣрочка, какъ мы, въ саду, въ бесѣдкѣ, вмѣстѣ читали твоего любимаго поэта? Какъ мы тогда объ плакали! Тогда я не думала, что такъ скоро буду плакать о самой себѣ!

— Да полно! наплачешься послѣ; рассказывай скорѣе, какъ ты влюбилась! вскричала Лизвета Гавриловна съ нетерпѣніемъ.

— Да! Я была счастлива! продолжала Вѣра: я блаженствовала, я умирала отъ счастья!... И въ одну минуту схоронить всѣ надежды, всѣ вѣрованія! отказать отъ райскаго блаженства..... О! это ужасно!.... Нѣтъ! пусть онъ женился, пусть онъ умретъ, если захочетъ; я буду любить его, страстно любить, больше всѣхъ, больше жизни, больше счастья, больше всего на свѣтѣ.

— Ахъ, какая несносная! проговорила съ досадой Лиза и съѣла, такъ, что диванъ затрещалъ.

— Ты сердисься, Лиза?.... Но какъ же ты хочешь, чтобы я вспомнила объ немъ равнодушно? Ахъ, если бы ты видѣла, какой онъ красавецъ! Онъ пріѣзжалъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ и гостилъ у насъ цѣлыя двѣ недѣли..... Ты въ то время была больна..... А я..... ахъ, какъ я была счастлива!

— А что онъ брюнетъ или блондинъ?

— Блондинъ.

— Фи! я не люблю блондиновъ!

— Ахъ, я увѣрена, если бъ ты увидѣла, ты непременно полюбила бы его. Онъ такой милый, такой любезный.....

— И такой обманщикъ! прибавила Лиза.

Вѣра Петровна тяжело вздохнула.

— Что же ты теперь намѣрена дѣлать? спросила подруга.

— Какъ что?.... Любить и умереть!....

— Какъ вы съ нимъ разстались? гдѣ вы прощались?

— Прощаться! помилуй! да я ему вѣдь не говорила, что я его люблю!

— А онъ?

— О! онъ говорилъ очень много, да все такъ неопредѣленно, неясно, что я не могла отвѣчать.

— Такъ вы не объяснялись?

— Нѣтъ.

Лизвета Гавриловна захохотала.

— Ну, Вѣрочка, ты было меня очень испугала, а теперь я вижу, что это все пустяки, смѣхъ. Вотъ намъ подали обѣдать. Пойдемъ, пойдимъ съ горя.

Вѣра Петровна надулась и не отвѣчала ни слова.

— Есть о чемъ толковать! продолжала Лизавета Гавриловна: о блондинѣ! Да хоѣ бы они все переженились!.... Возьми, пожалуйста, пирожковъ, Вѣрочка.

— Я его никогда не забуду, проговорила Вѣра Петровна, доѣдая супъ.

— Полно, Вѣрочка! стоитъ ли думать о человѣкѣ, который, можетъ-быть, даже не обращалъ на тебя вниманія!

— Хорошо тебѣ такъ разсуждать, Лиза! Ахъ, если бы ты видѣла это поэтическое лицо! этотъ взоръ! эту стройную фигуру, тонкую, до того, что можно обхватить! говорила Вѣра съ восторгомъ, накладывая себѣ на тарелку гречневой каши.

— Послушай, Вѣрочка, сказала Лизавета Гавриловна: поѣдемъ завтра въ пансіонъ; я до смерти люблю смотреть какъ прыгаютъ эти барышни.

— Поѣдемъ.

Вѣра Петровна выронила это слово точно вздохъ, и закусила ложкой каши.

— Кушай блины, Вѣрочка.

— Пожалуй..... Ахъ, измѣнникъ Charles!....

Ш.

Большая зала пансіона мадамъ де-Фрондебетъ освѣтилась четырьмя лампами и двумя сальными свѣчками, и огласилась визгомъ разстроенной скрипки, на которой игралъ музыкантъ, въ голубомъ сюртукѣ, длинный, сухой, какъ смычокъ. Передъ

нимъ, на стуль, лежала куча писанныхъ нотъ, *гросфатеровъ* и *алагрековъ*, въ которыхъ заключалась цѣлая бездна наслажденія для пансіонерокъ и неисчерпаемый источникъ тяжелой работы для музыканта. Согнувшись въ дугу, воткнувъ острый подбородокъ въ скрипку, насупившись и машинально притопывая одной ногой, невольный волшебникъ взмахнулъ жезломъ..... и все заплясало.

Среди залы танцмейстеръ, Орестъ Аполлоновичъ Припрыжкинъ, — въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ башмакахъ съ бантами, въ черномъ фракѣ, котораго остроконечныя фалдочки развѣвались при каждомъ движеніи, — хлопоталъ около двухъ ученицъ, стоявшихъ въ позитурѣ, чтобы начать гавоть. Онъ размѣривалъ, какъ имъ поставить ноги, вывернулъ локти, приподнял головы, отошелъ на нѣсколько шаговъ, полюбовался, потомъ сказалъ, когда онъ уже готовы были припрыгнуть подъ звукъ скрипки.

— Погодите, погодите..... Ну-съ, начинайте-съ!.... разъ, два, три! разъ, два, три!

Начали.

Дѣвицы преусердно выдѣлывали каждое *асамбле*; все шло, казалось, благополучно, какъ вдругъ Орестъ Аполлоновичъ закричалъ: — Позвольте, позвольте, Анна Павловна!

Снова пошла выправка. Анна Павловна, раскраснѣвшись и едва переводя духъ, слушала строгіе выговоры учителя, за несоблюденіе такта, за неправильное выворачиваніе ногъ. Разъ пять или шесть, заставляя онъ ее передѣлывать одно *па*. А между тѣмъ другая сестра Анны Павловны стояла на мѣстѣ, съ величайшимъ трудомъ удерживаясь

въ третьей позиціи, покачивалась, какъ на вѣтру, и чуть не падала. Прочія пансіонерки шептались, перемигивались и помирали со смѣху.

Въ углу, подъ образами, сидѣла классная дама; возлѣ нея, съ правой стороны, Маланья Лаврентьевна, въ двуличневомъ полупелковомъ платьѣ, въ голубомъ платкѣ съ цвѣтными каймами и въ тюлево-вомъ чепчикѣ съ алыми лентами. Возлѣ Маланьи Лаврентьевны сидѣлъ Василій Михайловичъ, въ синемъ фракѣ, въ ярко-зеленомъ жилетѣ, въ черномъ галстухѣ съ огромнымъ бантомъ и высокимъ жабо. Поджавъ ноги подъ стулъ, и просунувъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ нижнія петли фрака, онъ уставлялъ глаза въ потолокъ неподвижно и безмолвно. Онъ былъ занятъ весьма важною мыслью, — ему страхъ хотѣлось быть интереснымъ, казаться человѣкомъ мыслящимъ. Углубившись въ созерцаніе трафаретной лиры на потолокъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ, что происходило у него подъ носомъ.

Лизавета Гавриловна и Вѣра Петровна подошли къ классной дамѣ. Тетушка Маланья Лаврентьевна вскочила и съ нѣжностью заключила ихъ обѣихъ въ объятія.

— Васенька! сказала она, толкнувъ племянника подъ бокъ.

Василій Михайловичъ оторопѣлъ, всталъ, поклонился и опять сѣлъ.

Дѣвушки ушли, и Василій Михайловичъ опять заложилъ пальцы въ петли и уставлялъ глаза въ потолокъ. Маланья Лаврентьевна въ-полголоса разговаривала съ классною дамой.

— Лиза, другъ мой, Лиза! и они здѣсь! Ахъ, я умру съ тоски, сказала Вѣра Петровна, садясь возлѣ дверей гостиной: зачѣмъ мы сюда пріѣхали? Что это, нигдѣ прохода нѣтъ отъ этой глупой чучелы!... это несносно! это ужасъ!

— Ахъ, Вѣрочка, какая ты злая! Ну, чѣмъ онъ тебя мѣшаетъ? вѣдь онъ не подойдетъ къ тебѣ!

— Еще бы онъ смѣлъ подойти ко мнѣ? да тогда я ему, просто, въ глаза скажу, что онъ дуракъ! Ахъ, Лиза, Лиза! вскричала Вѣра Петровна, судорожно схвативъ подругу за руку: посмотри, Маланья Лаврентьевна встала и, кажется, идетъ прямо къ намъ. Лиза, душечка, уйдемъ скорѣе!

И она увлекла ее въ классную.

Маланья Лаврентьевна точно встала съ коварнымъ намѣреніемъ подойти къ Вѣрѣ Петровнѣ, которой неумѣстный побѣгъ взбѣсилъ ее до того, что она чуть не закричала «держи, держи ее!» Она круто поворотила назадъ, и, кусая губы, сѣла на прежнее мѣсто.

Василій Михайловичъ въ это время слѣдилъ за движеніемъ смычка въ другомъ углу залы и не примѣчалъ душевныхъ страданій тетушки. Онъ не замѣчалъ даже, что прямо противъ него, у противоположной стѣны, сидѣла другая его тетушка Акулина Лаврентьевна, которая разговаривала съ матерью Варвары Сергѣевны Левиной.

Танцы продолжались, смѣнялись одни другими, танцмейстеръ суетился около барышень, скрипка пицала безъ умолку, и веселая толпа пансіонерокъ не уставала кружиться, прыгать, танцовать.

— И вы не устали? сказала Акулина Лаврентьевна, взявъ за руку Варвару Сергьевну и сажая ее подле себя.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ.

— А вотъ, выйдете за-мужъ, тогда не станете такъ много танцовать.

Варвара Сергьевна покраснѣла и опустила глазки.

— Застыдились? продолжала Акулина Лаврентьевна, улыбаясь.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ.

— Такъ Васенька мой вамъ не противенъ?

— Нѣтъ-съ..... Я не знаю-съ какъ маменька.....

И Варвара Сергьевна замялась, покраснѣлась.

— Разумѣется! Я знаю, вы дочка покорная; а все бы мнѣ хотѣлось знать, что вы думаете объ Васѣ?

— Левина..... Варенька!.... Варенька Левина!.... ахъ, какая глухая! раздался рядомъ голосъ пансіонерки: мы сейчасъ будемъ танцовать гавоть... пойдемъ скорѣе!.... Что тебѣ за охота, продолжала она отводя Вареньку въ сторону: цѣлые танцы сидѣть возлѣ этого накрахмаленнаго скелета?

— Да маменька велѣла! Она тутъ же сидитъ, ты видишь..... Гдѣ жъ мы станемъ танцовать?

— Экая ты недогадливая! не понимаешь что я только для того такъ сказала, чтобы избавить тебя отъ этой старухи! Пойдемъ на-верхъ.

— Зачѣмъ?

— Бѣтъ пирожки. Сейчасъ принесли мнѣ изъ дому, горяченькіе.....

— Да насъ увидятъ.

— Не увидятъ; мы скоро воротимся.

— О чемъ же ты плачешь, Вѣрочка? говорила съ участіемъ Лизавета Гавриловна, взявъ за руку и цѣлуя въ плечо своего друга: по-крайней-мѣрѣ изъ жалости ко мнѣ утри свои слезы. Развѣ ты не знаешь, что твоя печаль мучитъ, терзаетъ меня? что я готова пожертвовать жизнію, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, счастье?

— Лиза, я плачу не отъ горя! я плачу отъ радости. У меня на сердцѣ такъ много блаженства..... Онъ не женится! его свадьба разстроилась, разошлась совсѣмъ. Это ужасное письмо, которое я получила нынче утромъ, долго лежало на почтѣ, а дяденька мой вчера только изъ Москвы. Ахъ, какъ онъ обрадовалъ меня, Лиза!.... Онъ сейчасъ рассказываетъ папенькѣ..... я подслушала. Ахъ, какъ я счастлива, Лиза!.... Я упрошу папеньку, я поѣду въ Москву, черезъ мѣсяцъ..... что я говорю!.... черезъ недѣлю, на дняхъ..... Я хочу его видѣть, хочу быть съ нимъ, хочу умереть возлѣ него!

— Прекраснаго же онъ о тебѣ мнѣнія будетъ, Вѣрочка! и ты не боишься уронить себя въ глазахъ человѣка, котораго любишь?

— Уронить себя!.... чѣмъ?..... безкорыстной, преданной, страстной, святой любовью? Можетъ ли онъ не любить меня, когда въ немъ моя жизнь, мое счастье? Если онъ не любилъ, не любить меня, то полюбить..... полюбить, клянусь тебѣ, или я умру съ отчаянія!

И Вѣра Петровна горько заплакала.

— О, не умирай, не умирай, милый другъ! вскричала Лизавета Гавриловна, испуганная отчаяніемъ подруги: ты должна жить для мѣня.... я этого хочу; слышишь ли, я этого требую!.... Безумной, ничтожной,

презрѣнной страсти ты хочешь принести въ жертву свою жизнь, свое счастье; жизнь и счастье твоего друга!

Вѣра Петровна бросилась въ ея объятія.

— Лизочка!

— Вѣрочка!

— Да! живи для меня! продолжала Лизавета Гавриловна, пламенно прижимая ее къ сердцу: Брось эти пустыя, несбыточные мечты; давай жить вмѣстѣ, плакать, читать, писать вмѣстѣ!.... Пусть люди называютъ эту жизнь мечтательной, но что намъ въ людяхъ, что намъ приговоръ міра, когда мы найдемъ въ ней невыразимое наслажденіе!.... Какое удовольствіе, какія радости пошлой, суетной, земной жизни, могутъ сравниться съ тѣмъ чистымъ, светлымъ, небеснымъ блаженствомъ, которому дѣдаетъ насъ причастнымъ поэзія?.... Оставимъ землю, оставимъ людей, и будемъ счастливы въ уединеніи!....

— Нѣтъ, Лиза, не останавливай меня! сказала Вѣра Петровна торжественно: я рѣшилась..... Меня призываетъ судьба..... я поѣду въ Москву, увижу его и..... умру!

Въ эту минуту дверь изъ залы отворилась и Маланья Лаврентьевна вошла въ гостиную.

— Вы здѣсь, Вѣра Петровна? а я васъ такъ долго искала!

— Лиза, спаси меня! шепнула Вѣра Петровна, схвативъ подругу за руку.

Маланья Лаврентьевна безъ церемоніи съела возлѣ Вѣры Петровны.

— Какъ мы все сожалѣли вчера, матушка, Вѣра Петровна, что вы отъ насъ такъ скоро уѣхали!

— У меня болѣла голова, сказала Вѣра Петровна отрывисто.

— А Васенька мой былъ въ отчаяніи!

При имени Василя Михайловича, Вѣра Петровна покраснѣла отъ досады.

— Лиза, уведи меня отсюда, ради Бога! сказала она тихо.

— Когда же вы опять къ намъ? спросила Маланья Лаврентьевна.

— Мы на дняхъ ѣдемъ въ Москву.

— Такъ мы завтра все къ вамъ! Не прогнѣвайтесь.

— Очень сожалѣю, что не могу принять вашего предложенія, потому-что завтра весь день насъ не будетъ дома.

— Вѣрочка, я думаю намъ пора домой, сказала громко Лизавета Гавриловна, вставая съ мѣста. Я сегодня въ собраніи.

— Еще успеете одѣться, возразила Маланья Лаврентьевна: только шесть часовъ!

— Пора, пора, поѣдемъ, сказала Лиза, таща Вѣру за руку.

— Да зачѣмъ вы съ собой везете Вѣру Петровну? она бы здѣсь посидѣла вечерокъ; кибитка наша просторная; Вася пойдетъ пѣшкомъ, а мы поѣдемъ.

— Поѣдемъ, Лиза!

Поспѣшно поклонясь Маланья Лаврентьевна, они вышли изъ гостиной, потомъ изъ залы, никѣмъ не замѣченныя.

— Вотъ тебѣ воспитаніе! да еще свѣтское, модное воспитаніе! говорила Маланья Лаврентьевна сквозь зубы: видишь, какъ летятъ, ни съ кѣмъ не простились, а это все Лизавета Гавриловна. Ну, покуда

Въра Петровна съ ней, ждать нечего! Такая гордянка; и вспомнить не могу; только знай шумить шелковымъ платьемъ, да треплетъ букли, воображаетъ, что очень хороша! Однако жъ мое дѣло плохо, очень плохо! что-то Акулинушка!

И входя въ залу, она встрѣтилась съ сестрой.

— Ну, что?

— Наша взяла! Варвала Сергѣевна безъ ума отъ Васеньки! а я знаешь слово за слово, то да се, да и поладила съ ея матерью. Говорю, этакъ, что онъ, дескать, малой тихой, въ карты не играетъ, вина не пьетъ; что онъ получаетъ шесть-сотъ рублей жалованья; своя прислуга, казенная квартира, отопленіе..... Она мнѣ и говоритъ: «Что же, я согласна. Какъ Варинька?» А Варинька безъ ума отъ Васи: онъ нынче хоть куда у насъ! такой авантажнѣй! говоритъ такъ политично, присутственно! А Варвара-то Сергѣевна слушаетъ да все краснѣетъ, да платочкомъ утирается.

— Такъ значить, дѣло на ладу?

— Вѣстимо. Ну, а ты что?

— Что! отвѣчала съ досадой Маланья Лаврентьевна: провалъ возьми эту Лизавету Гавриловну! она ее увезла; а Въра Петровна и слушать не хочетъ; куда какъ горды!... Поѣдемъ домой, сестрица.

— Поѣдемъ, сестрица. Ты тоже поди, поцѣлуйся съ Варварой Сергѣевной: всё-таки лучше.

— Поѣдемъ Васенька!

Василій Михайловичъ разшаркался передъ своею второй невѣстой и отправился искать шляпы, между-тѣмъ какъ тетюшки награждали большую

часть пансіонерокъ своими полновѣсными поцѣлуями.

— Ну, матушка, сказала Акулина Лаврентьевна, обращаясь къ мадамъ де-Фрондебёфъ: вы ужъ уладьте наше дѣльце, въ накладъ не будете!

— Да какъ же, Акулина Лаврентьевна, мнѣ объ ней не постараться? Вѣдь, она лучшій цвѣточекъ изъ моего пансіона!

— Да вѣдь и онъ, матушка, человекъ хорошій: шесть-сотъ рублей жалованья, вина не пьетъ, въ карты не играетъ..... Прощайте, моя родная!...

И объ тетюшки въ сопровожденіи племянника вышли изъ залы. Еще на крыльцѣ, покуда подвозили колымагу, Акулина Лаврентьевна не утерпѣла, чтобы не спросить своего племянника:

— Ну, что, Вася, кто лучше, Въра Петровна или Варвара Сергѣевна?

— Мнѣ онъ объ равны, отвѣчалъ Василій Михайловичъ, подсаживая тетюшекъ: какава ни есть, все одно.

Двѣ тошя клячи потащили тетюшекъ и племянника на покой.

IV.

Прошло три дня. Мы опять въ знакомой комнатѣ двухъ тетюшекъ. Вечеръ. Акулина Лаврентьевна по-прежнему сидитъ на лежанкѣ; Маланья Лаврентьевна у окна, по-прежнему вяжетъ чулокъ; а Василій Михайловичъ, съ трубкою въ зубахъ, въ седьмой разъ перечитываетъ послѣднія страницы «Софьи

Кучко». О, Софья Кучко! Исторія твоя не долга, однако, покуда ты читалась, много переменъ произошло въ судьбѣ Василія Михайловича. Вотъ уже онъ и женихъ, женихъ цвѣточка мадамъ де Фрондебёфъ, женихъ несравненной Варвары Сергѣевны.

Пріятный полусвѣтъ въ комнатахъ; радужныя мечты летаютъ въ облакахъ табачнаго дыма, надъ головами жениха и его тетусекъ. Василій Михайловичъ не надумается о своемъ счастьи, — хотя, впрочемъ, не рѣшено, чтобы онъ когда-нибудь дѣйствительно думалъ, — а тетуски по тихоньку толкуютъ о разныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, по случаю предстоящей свадьбы. Разговоръ идетъ тихій, такой, какому слѣдуетъ быть въ сумерки и въ полусвѣтъ. Ничто не нарушало мирнаго спокойствія, предвѣстника того блаженства, о которомъ такъ много хлопотали тетуски. Вдругъ въ прихожей кто-то зашаркалъ; всѣ встрепенулись; дверь отворилась. Вошелъ Григорій Ивановичъ Лычкинъ.

— Здравствуйте-съ, сказалъ онъ, обращаясь къ тетускамъ и крѣпко пожавъ руку Василью Михайловичу.

Григорій Ивановичъ былъ въ новомъ коричневомъ фракѣ, разфранченный и раздушенный. По привычкѣ, онъ тотчасъ сѣлъ.

— Откуда это вы, Григорій Ивановичъ? Точно съ праздника.

— Да-съ, съ обѣда.

— У кого же это вамъ Богъ привелъ сегодня пировать.

— У Петра Ивановича Лорина-съ. Сегодня у нихъ сговоръ-съ.

— Какъ! развѣ Вѣра Петровна выходитъ за-мужъ? Да за кого же это?

— За Карпа Савича-съ.

— Чтò вы! Григорій Ивановичъ! да вѣдь ему за пятьдесятъ будетъ, вскричала съ удивленіемъ Маланья Лаврентьевна.

— Чтò ты, сестрица, перебила ее Акулина Лаврентьевна: да Карпъ Савичъ прекраснѣйшій человекъ и женихъ хоть куда. Жаль только его, бѣднаго, что на такую невѣсту попалъ. Пропадетъ онъ съ нею! Оборони, Господи, всякаго отъ такой жены..... Нашего Васеньку Богъ миловалъ..... А былъ грѣхъ, нечего танти, хотѣли-было сватать, да одумались. Жаль, жаль Карпа Савича!

— Не бойсь, сестрица, возразила Маланья Лаврентьевна: приберетъ къ рукамъ. Вѣдь онъ по военному; онъ ей спеси-то пособьетъ! Такъ и надо! По дѣломъ ей гордянкъ.....

Маланья Лаврентьевна чуть-чуть не проговорила, но Акулина Лаврентьевна кашлянула, и она замолчала.

— Ну, пусть ихъ, съ Богомъ живутъ, какъ знаютъ, заговорила Акулина Лаврентьевна: намъ не до нихъ: у насъ своя свадьба. Вы не знаете, Григорій Ивановичъ? Васенька у насъ тоже женится! Милости просимъ, вѣнецъ держать, да пиръ пировать.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень радъ. Честь имѣю поздравить. Да на комъ же это ты женишься, Василій Михайловичъ.

Василій Михайловичъ только-что затынулся, хотѣлъ отвѣчать и подавился дымомъ.

— На Варварь Сергѣевнѣ, батюшка, отвѣчала за него Акулина Лаврентьевна: вотъ невѣста-то, ужъ не чета этой занозѣ, Вѣрь Петровнѣ.

— Поздравляю, поздравляю! говорилъ Григорій Ивановичъ, кланяясь и пожимая руку Василью Михайловичу: однако жъ, извините, мнѣ надобно идти: я такъ только, мимоходомъ, на минутку забѣжалъ. Надобно къ утру бумагу изготвить начальнику. Прощайте! прощай, Василій Михайловичъ..... Да! а когда же у васъ свадьба-то?

— Да завтра милости просимъ на сговоръ; у Левиныхъ будетъ; часу въ пять пожалуйте, отвѣчала Малацья Лаврентьевна.

— Очень радъ, очень радъ! Непременно буду: Прощайте!

Григорій Ивановичъ ушелъ. Въ передней онъ споткнулся и чуть не сбилъ съ ногъ Палажку, которая шла въ комнату съ письмомъ.

— Письмо, сударыни! сказала она, остановившись посреди комнаты.

Палажка, обращаясь къ барынямъ, всегда говорила во множественномъ числѣ. Это она придумала, какъ средство къ возможному съ своей стороны предупрежденію смутъ междоусобной борьбы двухъ соправительницъ за первенство, борьбы, которой пагубныя слѣдствія переносила она же, какъ единственная представительница народонаселенія кухоннаго государства.

— Письмо, тетенька, сказалъ Василій Михайловичъ, взявъ и передавая его Малацья Лаврентьевнѣ.

— Отъ кого? спросили объ тетушки вмѣстѣ, и Акулина Лаврентьевна соскочила съ лежанки.

— Незнаю-съ, сударыни. Апютка Варвары Сергѣевны принесла, да и убѣжала тотчасъ.

— Подай свѣчку! вскрикнули опять объ барыни. Палажка вышла. Тетушки вооружились очками и въ томительномъ ожиданіи понюхали разъ пять табаку. Письмо переходило нѣсколько разъ изъ рукъ Маланьи Лаврентьевны въ руки Акулины Лаврентьевны и обратно. Наконецъ Палажка принесла свѣчу.

— Прочитай, Васенька, сказала Маланья Лаврентьевна.

Василій Михайловичъ сломалъ печать, откашлялся и прочиталъ:

«Милостивый Государь,

«Василій Михайловичъ,

«Я сейчасъ только прѣехала изъ Москвы и услышала о глупости, которую моя сестра изволила сдѣлать, давъ вамъ слово выдать за васъ мою племянницу. Моя племянница ничего не имѣетъ и зависитъ совершенно отъ меня. Я васъ видѣла пропалаго года и, извините, нахожу, что вы ей не пара. Ваша физиономія мнѣ что-то не понравилась; а то, что не нравится мнѣ, не должно нравиться и моей племянницѣ. Вы меня очень одолжите, если оставите Вареньку въ покоѣ. Мое почтеніе вашимъ тетушкамъ.

«Готовая къ услугамъ вашимъ

«Авдотья Левина.»

Тетушки оставили другъ на друга глаза, разинули рты и окаменѣли. Василій Михайловичъ молча положилъ письмо на столъ и пошелъ набивать трубку. Нѣсколько секундъ царствовало безмолвіе, страшное, ужасное безмолвіе, — тишина передъ грозой.

— Это что значить!.... это что такое! вскрича-

ли вдругъ объ тетушки на-перебивъ: отказъ!.... да еще какой!.... Да откуда ее принесло не въ свое дѣло мѣшаться!.... Вишь, финазомія не понравилась!.... Прошу покорно! не понравился!.... Да кто она такая!.... да какъ она смѣетъ!....

И пошло, и пошло, посыпались брань, ругательства, не выразимыя на бумагѣ; крикъ, шумъ такой, что окна дрожали. А Василій Михайловичъ ни слова, ходитъ себѣ изъ угла въ уголь, да трубку за трубкой выкуриваетъ. Тетушки покричали, пошумѣли съ часъ времени, и уходились. Акулина Лаврентьевна влѣзла опять на лежанку, Маланья Лаврентьевна погрузилась въ кресла и положила ногу на ногу. Наступило время размышленія. Василій Михайловичъ сѣлъ на диванъ.

— А что, сестрица, сказала, послѣ довольно долгого молчанія, Акулина Лаврентьевна: непереговорить ли и въ самомъ дѣлѣ съ Феклой-то Савишной?.... Марина Тимофеевна дѣвушка не совсѣмъ чтобы бракованная..... за нею тысячь пять наличнаго, да платевъ и серебра будетъ на тысячу.....

— Ово, конечно! отвѣчала другая тетушка. — Какъ ты думаешь, Васенька?

— Я-съ?.... Какъ угодно, тетушка-съ, отвѣчалъ спокойно племянникъ и вышелъ на крыльцо докурить трубку и дочитать Барбосу патетическій романъ: «Софья Кучко или Любовь и Мищеніе.»

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

=

МАНУЭЛА Д'АВИЛЕСЬ.

ПОВѢСТЬ Г. ПИТРЪ-ШЕВАЛЬЕ.

—

I.

Въ Панолѣ, маленькой деревнѣ Старой Кастиліи, двадцать-пятаго Августа 1838 года, справляли «праздникъ колосьевъ», — la fiesta de las espigas. Погода стояла прекрасная; поселяне окончили жатву, и съ громкими пѣснями, съ шумнымъ весельемъ везли и несли золотые снопы на гумна и въ амбары. Вечеромъ, кончивъ работу, поставили на улицѣ длинный шествъ съ привязанными на концѣ послѣдними колосьями, въ видѣ трофеевъ, и молодые парни и дѣвушки, подъ звуки гитаръ и кастаньетъ, подняли живую, потѣшную пляску, рѣзвились, играли и праздновали благополучное окончаніе жатвы, какъ праздновали этотъ день и отцы и дѣды ихъ съ незапамятныхъ временъ. Вездѣ, на улицѣ, на

дворахъ и въ домахъ, сіяла и звучала радость. Только въ одномъ домѣ, прямо подъ окнами котораго кишѣла пляска, было тихо и печально. Тамъ, въ просторной чистой комнатѣ, у маленькаго рѣзнаго стола, сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти, одряхлѣвшій болѣе отъ трудовъ, чѣмъ отъ старости; сѣдая какъ лунь голова его склонялась на грудь, но въ глазахъ еще горѣлъ живой огонь твердой, благородной души; на лицѣ, покрытомъ морщинами, еще видны были черты когда-то пріятнаго, мужественно-прекраснаго, и выраженіе истинной честности и добросердечія, котораго не стираютъ никакіе годы. По наряду, въ-половину сельскому, въ-половину военному, видно было, что онъ нѣкогда служилъ. Это былъ сеньоръ донъ Педро Ріасъ-де-ла-Сарга, дворянинъ благородный, но бѣдный, какъ всѣ Кастильцы. Отъ всего великолѣпія когда-то знатной фамиліи у него осталось одно вѣтвистое родословное древо, котораго корни терялись въ отдаленныхъ вѣкахъ; деревенскій домикъ въ Панольтѣ, вмѣсто замка, да позади его небольшое поле, составляли всѣ владѣнія стараго ветерана. Извѣстно, что въ Испаніи бѣдность еще не означаетъ нищеты, такъ же, какъ слово земледѣлецъ не всегда означаетъ простаго мужика. Сеньоръ Педро, со своимъ домикомъ и небольшимъ участкомъ пахатной земли, былъ, сравнительно, богаче многихъ вельможъ; но это богатство состояло не въ роскоши, а въ довольствѣ.

Старикъ, вспоминая бывшее молодечество, чистилъ любимый своей книжалъ, разряжалъ и опять заряжалъ пистолеты, съ тѣмъ чтобы повѣсить ихъ на стѣну и въ слѣдующій день снова приняться за ту же работу. Онъ являлся со своимъ оружіемъ, какъ мать съ ребенкомъ, любовался имъ какъ женихъ любитъ невѣстой. Но въ этотъ день донъ Педро и на книжалъ свой смотрѣлъ не такъ весело, какъ обыкновенно.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, у открытаго окна, стоялъ

молодой человекъ, лѣтъ двадцати, донъ Стефано Ріасъ-де-ла-Сарга, одинъ изъ пяти сыновей донъ Педро, — остальные четверо находились въ арміи донъ Карлоса. Стефано былъ первый красавецъ и совершеннѣйшій хидальго въ Панольтѣ и во всей окрестности. На немъ былъ знаменитый праздничный испанскій костюмъ, извѣстный подъ именемъ костюма *махо*, * — короткій камзолъ чернаго сукна, украшенный шелковыми шурками и бантами такого же цвѣта, окаймленный такою же вышивкой и бахромой, и подбитый желтымъ атласомъ; маленькій жилетъ съ золотыми пуговицами, изъ-за отворотовъ котораго выглядывала вышитая бѣлая рубашка съ откиднымъ воротомъ, а подъ нимъ шелковая же косынка, скрѣпленная золотымъ кольцомъ въ видѣ запонки; короткіе штаны изъ чернаго шелковаго трико, подвязанные подъ колѣнками шурками съ кисточками; бѣлые шелковые чулки, и сапоги изъ тонкой желтой кожи съ отворотами. Прибавьте къ этому извѣстную сѣтку, и черную шляпу съ маленькими полями и длиннымъ перомъ, и вы имѣете полное понятіе о праздничномъ нарядѣ *махо*.

Надѣвая такое платье, истинную ливрею удовольствія, жители Кастиліи отбрасываютъ свою обыкновенную важность въ пріемахъ, чтобы совершенно предаться разгулу веселья. Но Стефано Ріасъ не слѣдовалъ общему обычаю: его мрачная печаль составляла рѣзкую противоположность съ блескомъ одежды. Опершись одной рукою на амбразуру окна и держа въ другой полу-растрепанный пучекъ жасминовъ, онъ задумчиво смотрѣлъ на пляску жнецовъ и дѣвушекъ; на приглашенія и спросы, которые тѣ дѣлали ему мимоходомъ, онъ отвѣ-

* *Махо* — лицо, выбираемое испанскими поселянами, въ извѣстный день, царемъ праздника, — нѣчто въ родѣ французскаго *roi des fous*, — съ нимъ выбирается и дѣвушка, царица праздника, *maja*.

чалъ только печальнымъ киваніемъ или улыбкою еще болѣе печальною.

Только отъ времени до времени глаза его метали молнійныя искры и на губахъ пробѣгала улыбка вмѣстѣ со вздохомъ. Это случалось тогда, когда кака-то молоденькая, хорошенькая танцовщица случайно приближалась къ окну, когда онъ воображалъ, что чувствуетъ мимолетный вѣтерокъ отъ ея мантіи и сладкій ароматъ букета, приколотаго на ея груди.

— Какъ она мила! говорилъ онъ тогда, слѣдя взоромъ за порхающею красавицею.

И, чтобы долѣе видѣть ее, онъ совсѣмъ облокотился на окно.

— Донъ Стефано! сказалъ вдругъ старикъ, давно слѣдившій за движеніями сына.

— Какъ они всѣ увиваются около нея! продолжалъ молодой человѣкъ, не разслушавъ отцова голоса.

— Донъ Стефано! повторилъ громче сеньоръ донъ Ріасъ.

— Какъ прелестно она танцуетъ! прибавилъ мечтатель тише прежняго.

— Донъ Стефано! закричалъ старшій Кастилецъ изъ всей силы.

И, пробудившись наконецъ отъ забытья, махо обернулъ.

— Вы звали меня, батюшка?

— Да, звалъ, и очень громко! сказалъ съ улыбкою Педро: о чемъ ты такъ задумался, мой сынъ?

— Задумался? Ни о чемъ; такъ..... смотрю на пляску жнецовъ.

— Когда бъ ты ни о чемъ не думалъ, такъ подражалъ бы жнецамъ вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ издали.

— Сердце не лежитъ къ пляскѣ, батюшка! со вздохомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ и отошелъ отъ окна.

— Отчего такъ?

— Не знаю.

— Такъ я знаю, отчего, сказалъ старикъ про-себя и продолжалъ громко и спокойно: на, мой другъ, повѣсь на мѣсто пистолеты и кинжалъ. Поговоримъ о дѣлѣ.

Стефано исполнилъ приказаніе какъ можно медленно и съ смущеніемъ подошелъ къ отцу.

— О чемъ хотите вы говорить, батюшка, спросилъ онъ подергивая шурки своего камзола.

— Я хочу сказать тебѣ на кого ты похожъ сталъ съ нѣкоторыхъ поръ со своимъ страшнымъ таинственнымъ видомъ, съ мрачными мечтами и безконечными вздохами.....

— Я васъ не понимаю.....

— Да, да; чтѣ и говорить!

— Какую таинственность, какую мечтательность вы замѣчаете во мнѣ?.... Я сегодня, съ утра, веселюсь, какъ и всѣ..... вотъ мой праздничный букетъ, котораго я не оставлялъ во весь день.

— Правда, правда, насмѣшливо возразилъ донъ Ріасъ: но посмотри, пожалуйста, въ зеркалъ на улыбку, съ какою ты говоришь это.

— Увѣрю васъ.....

— Увѣрю тебя, что ты, двѣ капли воды, похожъ на своего достойнаго отца.....

— На васъ!

— На меня, да не такого какъ теперь, сѣлаго и дрилаго, а на такого, каковъ я былъ лѣтъ сорокъ назадъ, когда влюбился въ прекрасную донью Пакиту де-Хомбресъ, твою матушку.

— Влюбленъ! бормоталъ Стефано: вы думаете, что я влюбленъ?

— Не думаю, а вижу, знаю, увѣренъ. И я за это упрекну тебя только въ томъ, что ты мнѣ ничего не хочешь довѣрить.

Донъ Педро съ нѣжностью распростеръ руки, и Стефано упалъ на грудь отца.

— Батюшка! все, все узнаете! — Правда, продолжалъ онъ усноковившись и сѣвъ на стулъ возлѣ старика, я люблю и страдаю уже болѣе мѣсяца. Здѣсь есть дѣвушка, которая занимаетъ все мои мысли; которой образъ стираетъ въ умѣ моемъ память обо всемъ, даже объ моей матери; которая заставляетъ меня забывать о цѣломъ свѣтѣ, даже объ васъ батюшка. Если я ни съ кѣмъ не говорю, такъ это оттого, что я не умѣю найти ни одного слова кромѣ ея имени, котораго не смѣю произнести; если я смотрю на все равнодушно, то это оттого, что не нахожу въ цѣломъ свѣтѣ ничего, что бы стоило одного ея взгляда, одного ея слова; я отдалъ бы жизнь за такой взглядъ, за такое слово, если бы оно мнѣ доказало, что я любимъ.

— Такъ! такъ! клянусь честью, я самъ былъ точно таковъ въ твои лѣта. И такимъ долженъ быть каждый Испанецъ, у котораго есть сердце. Я всегда замѣчалъ, что тѣ, которые сильно любятъ, всегда бываютъ благородны и храбры. Лишь бы предметъ любви былъ достойный.

— О! что касается до этого, батюшка.....

— Вѣрю, вѣрю; я надѣюсь на тебя. И, прежде нежели спрошу, кого ты любишь, обѣщаю дать тебѣ волю жепиться не болѣе какъ на трехъ условіяхъ.

— На какихъ? живо спросилъ Стефано, какъ-будто ожидая отъ словъ отца уничтоженія всѣхъ сомнѣній.

— Во-первыхъ, продолжалъ деревенскій хидальго такимъ тономъ, какъ-будто знатный грандъ говорилъ со своимъ первороднымъ сыномъ: во-первыхъ, будущая твоя жена должна принести родовое имя такое же благородное и чистое какъ имя Ріасовъ-де-ла-Сарга. Благородство и честь дороже богатства, мой сынъ; и, какъ я ни разоренъ, однако жъ не требую другаго приданаго.

— Потомъ.....

— Потомъ, она должна быть достойной дочерью вѣрнаго подданнаго нашего короля Карла V, и честнаго защитника богохранимой испанской монархіи.

Прознося эти слова, старикъ почтительно поклонился; молодой человѣкъ приподнялъ шляпу.

— Наконецъ, прибавилъ донъ Ріасъ торжественно, въ день свадьбы вы оба дадите клятву, что если смерть, — это можетъ случиться каждыи день, — постигнетъ одного изъ четырехъ сыновей моихъ въ королевской арміи, ты въ ту же минуту возьмешь мое оружіе (онъ указалъ на книжалъ и пистолеты, висѣвшіе возлѣ огромнаго ружья) и не колеблясь оставишь Панолу, чтобы замѣнить павшаго брата.

— Первые два условія совершенно исполнены, возразилъ Стефано: третье исполню я, когда прійдетъ время. Но, къ несчастію, есть еще одно, о которомъ вы забыли, и которое не зависитъ ни отъ васъ ни отъ меня. Чтобъ быть счастливымъ, мнѣ надо быть любимымъ, а въ этомъ-то я и сомнѣваюсь.

— Ты сомнѣваешься! вскричалъ съ гордостью донъ Педро: посмотрѣлъ бы я, чортъ возьми! какая дѣвушка въ Панолѣ вздумаетъ презрѣть руку донъ Стефано Ріаса-де-ла-Сарга!

— Не знаю, презрѣла ли бы она мою руку, но знаю что любовь моя пугаетъ ее: она старательно избѣгаетъ моихъ взглядовъ и моей внимательности; она не позволяетъ мнѣ слова сказать: боится признанія.

— Э! вздоръ! вскричалъ старикъ со смѣхомъ: ты самъ трусишь, не смѣешь рта разинуть; она боится не признанія, а твоего страшнаго, нахмуреннаго лица..... Вишь, ты какимъ бандитомъ смотришь..... Дѣвушки, мой другъ, для того прикидываются крѣпкими на ухо, чтобъ лучше расслышать рѣчь молодца.

— О! воскликнулъ молодой человѣкъ сложивъ руки: если бы я только могъ надѣяться, что она выслушаетъ меня безъ гнѣва!

— Безъ гнѣва! полно, ребенокъ! Развѣ любовь когда-нибудь оскорбляла дѣвушку? Брось смѣшной страхъ, мой рыцарь печальнаго образа; подойди смѣло и поговори съ этою неприступною красавицей, какъ говоришь со мною; выскажи прямо и просто все, что на душѣ. Увидишь, что будетъ. А тамъ остальное ужъ уладимъ. Свадьбу, не-бойсь, не оттянемъ.

— Дай Богъ, чтобъ вы не ошиблись, батюшка, тихо проговорилъ Стефано съ печальною улыбкой.

— А! да! а имя прекрасной невѣсты? я и забылъ спросить.

Молодой человекъ дрожавшими устами уже хотѣлъ произнести это имя, какъ вдругъ послышался шумъ въ сѣняхъ и прервалъ объясненія. Жнецы и дѣвушки пестрою толпой ворвались въ комнату съ крикомъ: «*La maja! la maja!* подайте намъ *маху!*»

Всѣ мужчины были одѣты подобно Стефано Ріасу, болѣе или менѣе богато, смотря по достатку каждаго; кто съ гитарой, кто съ кастаньетами; нѣкоторые съ посохами, украшенными пучками разноцвѣтныхъ лентъ, и у всѣхъ по пучку жасминовъ въ петлицѣ камзола. Дѣвушки въ черныхъ шелковыхъ корсажахъ, въ коротенькихъ юбочкахъ, красныхъ чулкахъ и мантильяхъ; всѣ съ кастаньетами.

Когда вся эта веселая толпа, танцуя и рѣзвясь, окружила стараго донъ Педро, крики «*La maja! la maja!*» раздались пуще прежняго.

— Ну! ну! дѣти, за чѣмъ дѣло стало? спросилъ старикъ.

— *La maja!* продолжала кричать неугомонная молодежь.

— *La maja!*.... или смерть! прибавилъ одинъ записной острякъ, немпожко подгулявшій.

— Такъ что же, кого же вамъ? говорите. Мою племянницу Мануэлу, что ли?

— Да! да! закричали всѣ, хоромъ.

— Развѣ она не съ вами, друзья мои? Мнѣ казалось, что вы ужъ съ самаго начала выбрали ее въ царицы праздника.

— Разумѣется! отвѣчалъ одинъ изъ крикуновъ: мы съ пѣснями провели ее по послѣднему снопу.

— И она пошла очень охотно, прибавилъ другой.

— Да, до-сихъ-поръ все шло хорошо, подхватилъ третій.

— Но въ самую лучшую минуту все испорчено! переребилъ опять первый: только-что хотѣли исполнить обрядъ *выбора махи*.... она и убѣжала!

Педро захохоталъ.

— Мы ей представляли, продолжалъ ораторъ, что это обычай священный въ Панаолѣ; что у насъ всегда такъ водится; что въ праздникъ колосьевъ выбранная дѣвушка должна пройти по послѣднему снопу, который свяжутъ въ полѣ; а потомъ всѣ молодые люди, влюбленные въ нее, по-очередно подносятъ ей свой букетъ; что она должна выбрать изъ нихъ одного, которому позволить просить своей руки; грозили даже, что она осрамится, если не исполнитъ начатаго обряда, что въ такомъ случаѣ ни одинъ порядочный хидальго не захочетъ потомъ свататься къ ней.... да мало ли что мы говорили! Слушать не хочеть! Я, говоритъ, недавно прѣехала изъ Наварры, и не обязана знать вашихъ обычаевъ. Вырвалась и побѣжала; только пятки засверкали.

— Вишь какая дикарка! смѣясь сказалъ донъ Педро: да что жъ вы не удержали ея? Неужто не могли сладить? Надобно было по-крайнѣй-мѣрѣ пуститься въ слѣдъ.

— Мы и погнались, да изволь догнать птицу, когда не имѣешь крыльевъ! Мы бѣжали, а она летѣла, и передъ носомъ у насъ захлопнула дверь.... Она должна быть здѣсь, продолжалъ онъ, указывая на запертую боковую дверь: наши ребята стерегутъ всѣ выходы; мы

пришли къ вамъ, сеньоръ Педро, искать своихъ правъ, и при васъ хотимъ заставить доню Мануэлу исполнить обрядъ выбора махи, по всѣмъ правиламъ.

— Вы совершенно правы, дѣти, отвѣчалъ старикъ съ важностью судьи: вы будете удовлетворены тотчасъ же. Стефано, поди, приведи Мануэлу; это твоя обязанность. Если она не послушается, скажи, что я зову.

— Иду, батюшка, отвѣчалъ Стефано послѣ минутной нерѣшимости.

Опъ пошелъ, но вдругъ остановился передъ самою дверью.

— Но можетъ быть ея тамъ нѣтъ? замѣтилъ онъ съ смущеніемъ.

— Тамъ! тамъ! мы знаемъ навѣрное! закричали двадцать человѣкъ разомъ.

— Но если она не захочетъ идти?

— Захочетъ! перебилъ донъ Ріасъ такимъ тономъ, что Стефано рѣшился отворить дверь.

И черезъ минуту раздался громкій радостный крикъ, затрещали кастаньеты, зазвенѣли гитары, когда Мануэла, потупивъ глаза, вышла къ собранію объ руку съ Стефаномъ.

Мануэла была дочь двоюродной сестры донъ Ріаса и такого же хидальго-земледѣльца и роаялиста, какъ онъ. Она оставила свою родину, наваррское село Тафаллу, въ слѣдствіе смерти отца и матери, погибшихъ въ междоусобную войну, которая опустошала тотъ край. Старый Педро принялъ ее въ свое семейство и лелѣлъ какъ любимую дочь, въ ожиданіи, пока сыщется для нея приличная партія.

Описывать красоты ея мы не станемъ. Ей былъ осемнадцатый годъ; черные какъ смоль волоса; черные огненные глаза..... и этого довольно; остальное потрудитесь сами дорисовать.

Долго продолжался споръ, убѣжденія и просьбы съ одной, отговорки съ другой стороны, но наконецъ Ма-

нуэла должна была покориться не строгой, но тѣмъ же менѣе непреклонной волѣ стараго дяди, который увѣрилъ ее, что она совершенно свободна въ выборѣ. Церемонія началась. Большая часть бывшихъ тутъ молодыхъ хидальговъ вынули изъ петлицъ свои букеты, такъ, что маха увидѣла столько же поклонниковъ, кандидатовъ въ женихи, сколько было крикуновъ. Мануэла стояла посреди комнаты, возлѣ дяди; по сторонамъ ея толпы дѣвушекъ, безъ зависти любовались милою парницей праздника, составляя ея веселый дворъ; у противоположной стѣны, молодые соперники, готовясь къ любовному объясненію, жгли другъ друга ревнивыми взглядами. Позади ихъ, въ самомъ углу, стоялъ Стефано, и молча блуждалъ задумчивымъ взоромъ по сторонамъ. Остальные мужчины, съ гитарами и кастаньетами, расположились у дверей и тихо наигрывали прелюдію къ предстоявшей сценѣ.

Первый хидальго, выступившій изъ рядовъ искателей, былъ смуглый, статный молодой человѣкъ, довольно пріятной и немножко гордой наружности. Онъ ловко поклонился Мануэлѣ и сказалъ:

— Я донъ Херонимо Кальдаросъ; мнѣ объ Рождествѣ будетъ двадцать-шесть лѣтъ. Въ деревнѣ говорятъ, что меня трудно женить; это оттого, что я ждалъ самой прекрасной махи. Самая прекрасная маха — вы, Мануэла д'Авилесъ. Хотите ли вы положить на свое сердце этотъ букетъ, который былъ на моемъ сердцѣ?

Донъ Херонимо поднесъ свой пучекъ жасминовъ дѣвушкѣ; она краснѣя взяла его и уронила на полъ.

— Отвергнуть! отвергнуть! шептали присутствующіе, между-тѣмъ какъ молодой человѣкъ возвращался въ толпу и выступалъ другой на его мѣсто.

— Я донъ Хуанъ Рибейра сказалъ этотъ неровнымъ голосомъ: мать моя увѣряетъ, что я самый лучший молодецъ въ Наваррѣ, а отецъ говоритъ, что я самый богатый. Отъ васъ, донья Мануэла, зависить, буду ли

я самымъ счастливымъ. Хотите ли вы положить на свое сердце букетъ, который былъ на моемъ сердцѣ?

— Отвергнуть! пробормотали снова присутствующіе, видя жасмины, скользящія мимо руки Мануэлы на полъ.

Подошелъ третій, и всѣ улыбнулись. Это былъ острякъ-весельчакъ, котораго мы уже видѣли; красивый парень, правда, да немножко небрежный и въ одеждѣ и въ обращеніи.

— Перлъ Панолы! сказалъ онъ съ торжественнымъ жестомъ: вы меня знаете съ-тѣхъ-поръ, какъ живете въ деревнѣ, и знаете также по котю я вздыхаю день и ночь. Я люблю васъ столько же, сколько хересь и малагу. Хотите ли вы положить на свое сердце.....

Онъ не договорилъ, потому-что букетъ его уже летѣлъ на полъ при всеобщемъ хохотѣ; съ важностью взявъ за руку своего пресмишка въ искательствѣ, онъ продолжалъ:

— Коли ужъ я вамъ не по вкусу, маха, — а не совѣтовалъ бы отвергать: ну, чѣмъ я не молодецъ,— такъ, пожалуй, вотъ мой двоюродный братъ, донъ Бальдикасъ, который еще какъ-нибудь можетъ замѣнить меня; возьмите его.

Новый вздыхатель, покрытый шелкомъ и бархатомъ, усѣянный лентами и бантами, подошелъ и сказалъ еще торжественнѣе:

— Я донъ Хенрикъ Бальдикасъ-и-Малакасъ-и-Кастикасъ-и-Сальшикасъ, потомокъ славнаго Сида Кампеадора! Хотите ли вы, донья Мануэла д'Авилесъ-и-Пересъ-и-Бермутесъ, положить на свое сердце этотъ букетъ, который былъ на моемъ сердцѣ?

Донъ Бальдикасъ-и-Малакасъ-и-Кастикасъ-и-Сальшикасъ ушелъ ни съ чѣмъ, не смотря на рекомендацію своего предшественника и собственную свою знатность; и десять другихъ послѣдовали ему съ такимъ же усѣхомъ. Пучки жасминовъ градомъ сыпались къ ногамъ дѣвушки. Отвергнутыхъ прибыло столько, что они уже

не могли скрывать свое смущеніе въ толпѣ. Зрители жарко разговаривали въ полголоса; гитаристы забывали свою обязанность. Старый донъ Педро, по-переменно, то съ улыбкой, то съ безпокойствомъ, спрашивалъ самъ себя, отчего его племянница такъ чересчуръ разборчива; но подъ конецъ всегда сознавался, что она имѣетъ полное право на то. И остальные пскатели, со своими букетами, стояли въ тревожной нерѣшимости — пытаться ли имъ или нѣтъ. Однако жъ нашлись еще трое смѣльчаковъ, которые по-очередно осмѣлились подступить къ махѣ.

Первымъ двумъ она не дала и договорить; всѣ глаза съ участіемъ обратились на послѣдняго. Мануэла выслушала его объясненіе, взяла букетъ, съ кокетливымъ состраданіемъ посмотрѣла на него и, слегка вздохнувъ, прибавила къ любовнымъ трофеямъ, которыми былъ устланъ полъ.

Между изумленными хидальгами поднялся громкій ропотъ.

— Всѣ отвергнуты! всѣ! вскричали зрители и искатели: это оскорбленіе! это не видано, не слыхано!

— Да что жъ дѣлать, когда ей никто не правится! замѣтили съ плутовскою усмѣшкой нѣкоторыя дѣвушки: нужто же она не любя должна выбрать жениха?

Завязался споръ; присутствующіе раздѣлились на двѣ партіи, за Мануэлу и противъ нея. Но донъ Ріасъ, заставивъ ихъ замолчать, обратился къ племянницѣ.

— Мануэла, душа моя, сказалъ онъ: обдумала ли ты, что дѣлаешь?

— Да, дялюшка, отвѣчала донья Мануэла довольно твердо: не вы ли сказали, что я совершенно свободна въ выборѣ?

— Свободна, безъ сомнѣнія..... Ты можешь выбрать, кого хочешь, но нельзя же отказать, всѣмъ до одного.

Мануэла потушила глаза и не отвѣчала.

— Извините, батюшка, еще одинъ остался! сказать тутъ Стефано среди общей тишины.

— Кто же это? съ живостью спросили со всѣхъ сторонъ.

— Я! отвѣчалъ молодой человѣкъ, показывая свой букетъ.

Всѣ вскрикнули отъ удивленія; Мануэла затрепетала такъ сильно, что принуждена была опереться на руку дяди, а донъ Педро, изумленный больше всѣхъ, поспѣшно подошелъ къ сыну:

— Какъ! Стефано! вскричалъ онъ съ радостью: это она, которую ты.....

— Да, батюшка, отвѣчалъ тотъ: я люблю Мануэлу.

— Ага! теперь я понимаю, отчего она была такъ разборчива! Дѣло, дѣло! Ну, подходи, Стефано.

Зазвенѣли гитары, затрещали кастаньеты, и донъ Стефано, блѣдный, смущенный, подошелъ къ царю своего сердца.

— Мануэла, я люблю васъ! сказалъ онъ просто: хотите ли вы положить на свое сердце букетъ, который былъ на моемъ сердцѣ?

Онъ произнесъ эти слова такъ нѣжно, такъ выразительно; движеніе, съ которымъ онъ поднесъ символическіе цвѣты, было такъ убѣдительно, такъ страстно; во взорѣ его было столько страху и надежды, что всѣхъ присутствующихъ проникло одно, общее, чувство участія; у донъ Педро и Мануэлы навернулись слезы.

«Удержи букетъ, Мануэла! удержи!» казалось говорили всѣ глаза, исключая глазъ отвергнутыхъ искателей. Нѣсколько голосовъ даже дерзнули сказать эти слова, чтобъ выразить общее желаніе, и тихіе звуки кастаньеты и гитары, мало-по-малу усиливаясь, казались также таинственною мольбой.

Мануэла, блѣдная пуще Стефано, дрожащею рукою взяла букетъ, посмотрѣла на него нѣсколько минутъ съ

видимымъ удовольствіемъ и сдѣлала движеніе, чтобы бросить. Вдругъ остановилась и еще разъ посмотрѣла. Наконецъ, отвернулась и уронила.

— И онъ отвергнутъ! вскричала вся толпа съ горестнымъ изумленіемъ.

Музыка вдругъ смолкла; ее замѣнилъ глухой ропотъ и движеніе въ собраніи; Стефано, со слезами, бросился въ объятія донъ Ріаса.

— Я говорилъ вамъ, батюшка, что люблю безнадежно! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Сынъ мой, блѣдный сынъ мой! тихо шепталъ старикъ, раненый въ сердце, и заплакалъ. Мануэла упала на ступи и также заплакала. Посторонние молча разошлись. Весь праздникъ разстроился. Потомъ дѣвушка встала и, сказавъ дрожащимъ голосомъ донъ Педру, что хочетъ поговорить съ нимъ на-единѣ, ушла въ свою комнату. Старикъ черезъ нѣсколько минутъ последовалъ за нею. Стефано вышелъ въ садъ.

Солнце закатилось; небо потемнѣло; только на западѣ кое-гдѣ края облаковъ были еще освѣщены багрянымъ отблескомъ потухающей зари. Вечерній вѣтерокъ разносилъ по теплomu воздуху ароматы жасминовъ и лимонковъ; въ другомъ концѣ деревни еще слышались тихіе звуки гитары, мѣшавшіеся по временамъ съ отдаленнымъ гудѣніемъ гремушекъ запоздалыхъ муловъ.

Воротившись, Стефано нашелъ отца и Мануэлу въ большой комнатѣ. Дѣвушка затрепетала и не смѣла взглянуть на него; потомъ нашла предлогъ и, обнявъ дядю, ушла. Оставшись на-единѣ со старикомъ, Стефано долго смотрѣлъ на него съ сомнѣніемъ и безнадежною скорбію, потомъ спросилъ:

— Чтò же, батюшка! вы мнѣ ничего не скажете?

Донъ Педро молча протянулъ руку, въ которую молодой человѣкъ тихо опустилъ свою.

— Одно слово, батюшка! продолжалъ Стефано съ

переплѣнемъ: можетъ ли Мануэла любить меня? могу ли я надѣяться быть ея мужемъ?

— Другъ мой, отвѣчалъ донъ Ріась: еще не все потеряно!.... Приидетъ время, можетъ-быть, когда тебѣ позволено будетъ говорить Мануэлѣ о любви; и тогда ты узнаешь тайну, которою я не хочу обременять тебя теперь; ты ее узнаешь, когда она сдѣлается безопасною для тебя.

— Обыкновенное утѣшеніе, промолвилъ Стефано съ проницательною улыбкой: однако жъ, благодарю васъ, батюшка; я знаю, что не отъ васъ зависитъ утѣшить меня лучше.

Онъ прошелъ три раза по комнатѣ, дико смотря въ землю, остановился на нѣсколько минутъ передъ дверью Мануэлы, потомъ вдругъ перешелъ отъ насильственнаго спокойствія въ бѣснованіе отчаянія.

— О! проклятая страсть! проклятая страсть! кричалъ онъ, бѣгая изъ угла въ уголъ и сжимая голову кулаками.

Потомъ, сорвавъ съ себя шляпу и сѣтку, съ бѣшенствомъ бросилъ ихъ въ уголъ; оборвалъ спурки и ленты своего камзола, и снова подступилъ къ отцу, осыпая его вопросами, чтобы волей-неволей выпытать тайну Мануэлы.

— Забудь ее, сынъ мой, сказалъ старикъ: ты долженъ заглушить въ своемъ сердцѣ самую память объ этой любви.

— Правда, отвѣчалъ глухимъ голосомъ Стефано: но, къ несчастію, это невозможно! Помните, батюшка, какъ мы читали въ древней исторіи жизнеописаніе оивскаго полководца Эпаминонда? Этотъ полководецъ, въ сраженіи, получилъ рану въ грудь копьемъ; лекаря объявили, что для исцѣленія раны прежде всего нужно вынуть оставшіяся въ ней колючки желѣза, прибавивъ однако жъ, что эта операція можетъ стоить больному

жизни. Вы знаете, что полководецъ согласился на операцію....

— И умеръ, сказалъ донъ Педро, глядя на сына.

— Такъ, батюшка, продолжалъ Стефано съ усиленіемъ: любовь къ Мануэлѣ въ моемъ сердцѣ — то же, что колючка копыя въ груди Эпаминонда!

Сказавъ это, молодой человекъ повернулся и тихо вышелъ.

— Боже мой! Боже мой! говорилъ донъ Ріась, провожая его взоромъ: зачѣмъ Мануэла пришла въ этотъ домъ, и какъ мы вынутаемся изъ бѣды?

II.

Ночью шелъ мелкій дождь. Это было въ первыхъ числахъ Сентября. Рано утромъ, — солнце только-что взошло; оно было окружено нѣсколькими свѣтло-сѣрыми облаками и имѣло видъ именно такой, въ какомъ Кастильцы сравнивали его съ королемъ испанскимъ, завернутымъ въ плащъ. Сквозь складки этого плаща пробивалось нѣсколько лучей, и капли, висѣвшія на листьяхъ, сверкали подобно миллионамъ алмазовъ; легкій вѣтерокъ играя сбрасывалъ эти блестящіе перлы на влажную землю; птицы щебетали и порхали по деревьямъ. На улицахъ Панолы было еще пусто; только изрѣдка проходилъ погонщикъ съ муломъ, и все опять утихало. Вся деревня спала, не спалъ одинъ донъ Стефано Ріась. Поднявшись, по обыкновенію, до зари онъ у открытаго на улицу окна прикрѣплялъ къ длинному древку желѣзо пикадорскаго копыя, и по временамъ забывалъ работу, погружаясь въ глубокую думу.

Кромѣ любви, которая пуше чѣмъ когда-либо волновала его душу, онъ думалъ также о бурѣ войны, раз-

развишею уже и надъ Кастиліей. Эспартеро съ конституціонными войсками уже занялъ нѣсколько соседнихъ селеній; роялисты—герильясы спѣшили отовсюду на защиту претендента. Донъ Стефано Ріасъ готовился туда же.

Вдругъ раздавшійся вблизи голосъ привлекъ его вниманіе: кто-то пѣлъ мавританскій романсъ «Любовь Адемара и Адальфы.» Кастильское ухо донъ Стефано Ріаса тотчасъ отличило, что интонація у пѣвца была не совсѣмъ испанская, но онъ сталъ машинально вслушиваться внимательно. Голосъ пѣлъ:

Тщетно, тщетно Адемаръ
Топить дни въ пирахъ разгульныхъ:
Онъ не можетъ позабыть
Ни любви своей, ни горя.
Вѣдь надежда юныхъ дней
На цвѣтокъ весны похожа:
Лепестки въ-мигъ облетятъ,
Но не вдругъ иссохнетъ стебель.

«Страхъ, сны и нѣжности, любви,
«При тебѣ меня волнуетъ,»
Въ первый счастья вѣглый день
Мавру милая сказала:
«Ты мнѣ короля милѣй;
«Всей душой тебя люблю я!
«Поклянись, что лишь меня
«Ищешь взоръ твой подъ забраломъ!

«Бьешь ли ты копьемъ вола,
«Иль на скакунѣ гарцуешь, —
«Мышлю: будь мой мужъ король,
«Не была бы я счастливѣй!
«Мнѣ завидуютъ тайкомъ
«Всѣ красавицы Гренады!
«Но вѣрна ль любовь того,
«Кто любить не первый началъ?»

Словно мѣсяцъ, по грозѣ,
Раздираетъ мрачный завѣсъ,

Тутъ изъ-подъ густыхъ бровей
Очи Мавра засверкали.
«Недостойный это страхъ!»
Молвилъ: «вѣрь, я Мавръ, я рыцарь!
«Начали твои уста,
«Но мое окончить сердце!»

Правъ былъ благородный Мавръ:
Дни пируя онъ проводитъ,
А не можетъ позабыть
Ни любви своей, ни горя.
Вѣдь надежда юныхъ дней
На цвѣтокъ весны похожа:
Лепестки въ-мигъ облетятъ,
Но не вдругъ иссохнетъ стебель.

Эти слова напомнили молодому человѣку Мануэлу. Онъ взглянулъ на дверь ея комнаты и тяжело вздохнулъ. Услышавъ эту пѣсню въ полночь, Стефано могъ бы подумать, что какой-нибудь домовый во все горло издѣвается надъ его собственнымъ горемъ; но было утро, и пѣлъ очевидно живой человѣкъ, который скоро явился и самъ. Это былъ рослый мужчнна, завернутый въ широкій плащъ, безъ шляпы. Незнакомецъ живо обернулся проходя подъ открытымъ окномъ, съ безпокойствомъ осмотрѣлся во всѣ стороны, закинулъ полы плаща на плечи и съ легкостью кошки вскочилъ въ окно. Это сдѣлалось такъ быстро, что незнакомецъ даже не замѣтилъ Кастильца.

Стефано съ изумленіемъ отступилъ при этомъ странномъ посѣщеніи, потомъ хотѣлъ—было схватить гостя, котораго принялъ за вора, но перемѣнилъ эту мысль, видя что тотъ запираетъ окно и, скрывшись за занавѣсомъ, смотритъ на улицу. Вдругъ послышался конскій топотъ. Сотня всадниковъ проскакала вдоль улицы, и незнакомецъ только тогда вздохнулъ свободно, когда послѣдній изъ нихъ скрылся въ пыльномъ облакѣ.

— Скачите прямо въ адъ, черти! сказалъ онъ съ

улыбкою человека, который весело отдѣлялся отъ бѣды: пусть ихъ продолжаютъ такимъ образомъ хоть одну часть, и мнѣ можно будетъ предаться сладостямъ покоя, необходимаго усталому путешественнику.....

Говоря это, незнакомецъ въ первый разъ обернулся и увидѣлъ Стефано. Оба слегка вздрогнули, потомъ медленно поклонились и, казалось, обдумывали, что сказать.

— Смирно! гляди въ оба! сказалъ про-себя незнакомецъ, плотнѣе закрываясь плащомъ: этотъ Испанецъ смотреть, кажется, не очень дружелюбно.

— Что это за человекъ? думалъ въ то же время Стефано, который невольно приблизился къ отцовымъ пистолетамъ.

Онъ уже протягивалъ къ нимъ руку, но тотчасъ же опустилъ ее, увидѣвъ, что незнакомецъ подходитъ съ видомъ самымъ любезнымъ.

— Онъ невооруженъ, подумалъ Стефано: послушаемъ напередъ, чего ему нужно.

— Благородный молодой человекъ, — вы, конечно, благородны, какъ всякій истинный Кастилецъ, — началъ говорить незнакомецъ: сдѣлайте одолженіе, скажите, къ кому я имѣлъ честь забраться въ домъ..... такъ воровски?

— Вы въ домъ благороднаго и честнаго поселяннина Паноля, и говорите съ его сыномъ, отвѣчалъ Стефано, осмотрѣвъ гостя съ головы до ногъ.

— Очень радъ. Надѣюсь, что сынъ благороденъ не менѣе отца, и благодарю Провидѣніе, что я попалъ къ честнымъ людямъ. Войдя безъ доклада въ первое попавшееся окно, я точно также могъ бы попасть къ бездѣльникамъ: стало-быть, я очень счастливъ. Позвольте же мнѣ имѣть честь познакомиться съ вами.

— Готовъ съ удовольствіемъ; но позвольте узнать также, кто вы, откуда, зачѣмъ пришли?

— Вы, любезный Кастилецъ, я вижу, любите гово-

рить очень сжато, замѣтилъ многорѣчивый гость: я стараюсь подражать вамъ въ этомъ, чтобы какъ возможно скорѣе удовлетворить ваше желаніе.... Но сначала, продолжалъ онъ съ поклономъ: позвольте предложить вамъ еще два прелиминарныхъ вопроса: во-первыхъ, — скажите откровенно, — вы стоите за королеву Изабеллу..... или за кого другаго?

— Мой дѣдъ палъ жертвою конституціи; мой отецъ сражался противъ Мины, съ гордостью отвѣчалъ Стефано: я стою за монархію и независимость Испаніи!

— За донъ Карлоса..... это ясно! сказалъ незнакомецъ, отдавая честь по военному.... Любезный непріятель, прибавилъ онъ въ полголоса, на вашемъ мѣстѣ я говорилъ бы точно то же. Хотя я передъ вами представитель другаго мнѣнія, однако жъ надѣюсь, что это нисколько не помѣшаетъ нашему личному доброму согласію. Я вашъ гость и не сражаюсь съ вами за мнѣнія. Словомъ, короче сказать, я прямо перехожу ко второму вопросу: готовы ли вы, при случаѣ, помочь въ бѣдѣ непріятелю, который на эту пору желаетъ вамъ не больше зла, чѣмъ своему родному брату?

— Я не знаю непріятелей безъ оружія, отвѣчалъ Стефано: и съ той минуты какъ вы подъ моею крышею, вы мой гость.

— Такъ давайте же руку, чортъ возьми! вы молодецъ! вскричалъ незнакомецъ.

Въ то же время онъ распахнулъ плащъ, скрывавшій остальную его одежду, и карлиста обдало дрожью когда онъ увидѣлъ мундиръ французскаго волонтера иностраннаго легіона, составлявшаго часть конституціонной арміи.

— Да, вы молодецъ! повторилъ иностранецъ, сжимая руку изумленнаго Испанца: не худо бы, если есть у васъ, бутылочку чего-нибудь или хоть стаканчикъ чего хотите..... дайте горло промочить, такъ я вамъ въ

двухъ или, пожалуй, хоть въ двухъ-стахъ словахъ расскажу, что привело меня сюда.

Стефано досталъ изъ шкафа вино и налилъ два стакана.

— Тутъ нѣтъ политики, сказалъ гость, принимаясь за стаканъ: это помирило бы на часъ и донъ Карлоса съ Христиной.... За здравіе честныхъ гражданъ Испаніи и ихъ хорошенькихъ женъ!

Донъ Стефано также выпилъ, и гость, расправивъ усы, началъ свою исповѣдь:

— Я, Карль-Павель-Эдуардъ д'Эрвилье, военный по рожденію и по ремеслу; гдѣ нѣтъ войны, тамъ и меня нѣтъ; а чуть гдѣ случай помѣниться пулей и скрестить саблю, — я какъ тутъ: это мой вкусъ. Словомъ, коротко сказать, на эту пору я покуда поручикъ въ первомъ и единственномъ полку французскихъ волонтеровъ ея величества Изабеллы II.... Pardon, извините, благородный Кастилецъ. Я въ минуту перескажу вамъ, какъ попалъ въ эту службу.... когда не соскучитесь. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, оставивъ французскую службу, съ галуномъ сержанта, шелъ я домой, къ нашимъ границамъ, въ окрестностяхъ Байонны. Тутъ я встрѣтилъ испанскаго офицера, вербовавшаго солдатъ на службу правительницы Христины. Онъ изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ, что я изъ своихъ походовъ принесъ только бѣденскій сержантскій галунъ, и, подзадоривъ меня описаніями наслажденій на балахъ и пиррахъ своей земли, вдругъ говоритъ: «Не хочешь ли, братецъ, офицерекихъ эполетъ?» — «Почему не хотѣть!» — «Такъ, вотъ, говоритъ, веди въ огонь своихъ земляковъ съ этимъ знаменемъ.» И показалъ мнѣ знамя такое законченное пороховымъ дымомъ, такое изорванное пулями и забрызганное кровью, что не только я, но и самый величайшій трусъ расхрабрился бы. Я ухватился за него и говорю: «Иду съ вами! и буду защищать это знамя съ честностью солдата. Какое

мнѣ дѣло до вашихъ мнѣній: я не политикъ, я иду просто драться.» И пошелъ. Вотъ какимъ образомъ я попалъ въ поручики ея величества.... виновать! извините, я хотѣлъ сказать, правительницы Христины. Теперь приступаю къ дѣлу. Главная квартира Эснартеро, какъ вы знаете, теперь въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. Мнѣ вздумалось побывать въ Панолѣ; отпросился на день и отправился. Я надѣялся встрѣтить здѣсь баталіонъ перваго и единственнаго полка волонтеровъ ея величества.... то есть, я хотѣлъ сказать, Изабеллы; который баталіонъ, — не во гнѣвъ вашей милости, — долженъ былъ сегодня сдѣлать привалъ въ этой деревнѣ. Но кромѣ глупости, что пустился одинъ, до свѣту, въ эту опасную дорогу, я, къ стыду моему долженъ признаться, вѣроятно слишкомъ поторопился и далъ два промаха, достойные лоботряса-рекрута: во-первыхъ, я не видалъ какъ обогналъ я реченный баталіонъ; одинъ! во-вторыхъ, подвернулся на глаза герильясамъ донъ Карлоса; два! Эти звѣри.... виновать! извините! да иначе какъ ихъ назовешь?.... Эти звѣри вздумали поподчивать меня на завтракъ десяткомъ пуль. Да, къ счастью, мнѣ удалось уйти изъ-подъ ихъ караула. Помогъ мнѣ плащъ, который я у нихъ же взялъ. Наконецъ, однимъ словомъ, я — бочкомъ, бочкомъ, да и тягу. Но вотъ бѣда! Только ушелъ, слышу, догоняютъ! Одинъ, безоружный, въ неизвестномъ мѣстѣ, противъ сотни бѣшеныхъ враговъ что будешь дѣлать? Я бѣжалъ съ четверть часа, что было духу, но проклятыя клячи герильясовъ слѣдовали по пятамъ, и я теперь былъ бы ужъ на томъ свѣтѣ, если бы честный хидальго, посланный геніемъ-хранителемъ, не указалъ мнѣ проселочной тропинки, которою я поскорѣе добрался до этой деревни. Но герильясы скакали сюда же и я опять бы попался, какъ мышь въ ловушку, если бы не спасло двойное вдохновеніе. Во-первыхъ, чтобы обмануть преслѣдователей, я зашѣлъ измѣненнымъ голо-

сомъ и, мимоходомъ сказать, вы можете—быть замѣтили, что я бралъ ноты не совѣзмъ вѣрно. Но представьте себѣ мое положеніе, миллионъ бомбъ! и согласитесь, что для виртуоза, у котораго надъ горломъ ружейное дуло, я пѣлъ еще довольно порядочно. Наконецъ, словомъ, герильясы дались въ обманъ: они считали меня ушедшимъ за деревню, между-тѣмъ какъ я прыгнулъ въ это окно. И когда подумаю, — продолжалъ рассказчикъ смѣясь, — что мои любезные дружки мчатся во весь опоръ по столбовой, между-тѣмъ какъ я здѣсь съ вами спокойно осушаю эту бутылку стараго хересу, то не могу не восхищаться отъ души музыкальною способностью, которой достало у меня на приличное времени и мѣсту исполненіе романса о любви Адемара и Адальфы.

На-чали тво-и-и-и у-ста;

Но мое око-о-он-читъ сердца!

— Вотъ въ чемъ дѣло! сказалъ поручикъ, оканчивая свой рассказъ мужественнымъ ударомъ по столу.

— Теперь, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, видя, что Стефано слушаетъ его охотно: теперь, любезный мой хозяинъ, потрудитесь понять мое положеніе. Я ворвался въ вашъ домъ какъ мошенникъ, вы этимъ не обижаетесь, это я вижу; хорошо! Вы даже принимаете меня очень ласково; вы просите меня садиться; прекрасно!... (Говоря это поручикъ, все время стоявшій, взялъ стулъ и сѣлъ подлѣ Стефано). Словомъ, продолжалъ онъ, выливая остатокъ вина въ свой стаканъ, вы, такъ сказать, собственною рукою наливаєте мнѣ чашу гостеприимства; чудесно! (Онъ поклонился Кастильцу и съ наслажденіемъ началъ прихлѣбывать золотистую влагу.) Но, смирно! слушай команды! воскликнулъ онъ, щелкнувъ языкомъ: да не усыплять насъ очарованія Капуи!

— Чтѣ вы хотите сказать? спросилъ Стефано, который не могъ не смѣяться на болтовню своего гостя.

— А вотъ чтѣ, благородный Кастилецъ: на герильясовъ хотя и пачала куричья слѣпота, однако жъ они протрутъ глаза. Не нашедши меня на дорогѣ за деревней, они могутъ сказать: «Стой: дай-ка, заглянемъ назадъ въ Панолу.» Вамъ понятно, что я здѣсь долженъ быть не для ихъ милости. Слѣдовательно, если вы, какъ я надѣюсь.....

— Я васъ спрячу, будьте спокойны, отвѣчалъ Стефано, и уже оглядывался, гдѣ бы найти мѣсто.

— Погодите минуту; успѣемъ! сказалъ поручикъ, дружески ударивъ его по плечу: герильясы воротятся не раньше, какъ черезъ четверть часа. Вы разсудите, что я пришелъ въ Панолу не только для этого пріятнаго приключенія, въ которое попалъ; и у меня есть до васъ еще просьба, — если это не покажется вамъ слишкомъ безсовѣстнымъ съ моей стороны, — пособиите мнѣ еще въ одномъ дѣлѣ, которое и есть настоящая цѣль моего путешествія.

— Говорите, отвѣчалъ Стефано, сѣвъ на свое мѣсто. Французъ пригладилъ усы, поправилъ воротникъ и обдернулъ мундиръ.

— Я пришелъ отыскать здѣсь..... дѣвушку, сказалъ онъ, любуясь собою въ противоположномъ зеркалѣ.

— Дѣвушку? вскричалъ Стефано, у котораго это слово пробудило странное предчувствіе.

— Это васъ интересуетъ, не правда ли? спросилъ поручикъ съ коварною улыбкой: да и стоить! увѣрю васъ. Это исторія особенная..... Милліонъ бомбъ! слушайте, продолжалъ онъ съ видомъ челоуѣка неспособнаго скрыть тайну: не бесполезно вамъ знать эту исторію, чтобы и вы могли доставить мнѣ положительныя свѣдѣнія. Сверхъ-того, если есть еще бутылочка хересу, такъ это поможетъ намъ безъ скуки дожидаться герильясовъ.

— Охотно, сказалъ Стефано и поспѣшилъ достать бутылку.

Собесѣдники усѣлись подлѣ стола и поручикъ снова далъ волю своему языку.

— Слушайте, сказала д'Эрвилье съ важностью: теперь шутки въ сторону, увѣрю васъ. Съ годъ тому назадъ, полкъ, въ которомъ я команду батальономъ, послѣ довольно сильной перепалки занялъ одно наварское село.....

— Наварское село! повторилъ донъ Стефано.

Новое предчувствіе промелькнуло въ его душѣ; поручикъ показался ему какимъ-то страшнымъ чудовищемъ.

— Одинъ домъ особенно защищали такъ стойко, что намъ надобно было, такъ сказать, поднять его на штыки, и наши разъяренные солдаты хотѣли истребить въ немъ все живущее. Я, признаться, не люблю этой звѣрской рѣзни: опрокинулъ, побѣдилъ, и полно. У меня сердце поворотилось, когда увидѣлъ двадцать сабель, поднятыхъ надъ головами двухъ бѣдныхъ стариковъ и дѣвушки, которой красота конечно не могла пробудить другаго чувства, кромѣ самаго миролюбиваго.....

— Два старика и дѣвушка!... повторилъ Стефано задумчиво.

— А! не правда ли, это васъ занимаетъ?

— Болѣе нежели вы думаете! Продолжайте, продолжайте.

— Наконецъ, однимъ словомъ, я бросился между жертвъ и нападающихъ, кричу, командую..... солдаты не слушаютъ: они дотога были распалены схваткою, что не видѣли и не узнавали никого, и опомнились только тогда, когда ранили меня штыкомъ въ грудь. Но дѣвушка и старики были спасены. Мило! не правда ли?

Эти простыя слова, произнесенныя съ прямотушіемъ истинно храбраго человѣка, наэлектризовали Стефано. Онъ съ этой минуты смотрѣлъ на д'Эрвилье, какъ на великаго человѣка.

— Скажите, что это достойно удивленія! вскричалъ онъ, наливая стаканъ, поднятый поручикомъ: но продолжайте, продолжайте!

— Добрые люди, обязанные мнѣ жизнью, началъ опять д'Эрвилье: изъявляли признательность, доходившую до крайности. Они удержали меня въ своемъ домѣ, положили въ лучшую свою постель; ходили за мной, нѣжили, лелѣли, какъ ребенка. Особенно дочь разсыпалась на четверо, просидѣла у моего изголовья двѣ недѣли, словомъ, осыпала услугами истинно сестринскими..... Бѣдненькая! я какъ теперь вижу ее, сидящую у моей постели, въ образѣ добраго ангела-хранителя. И что ротъ откроетъ, то благодарить меня за спасеніе отца и матери, что движеніе сдѣластъ, то старается услужить мнѣ чѣмъ-нибудь, старается предупредить малѣйшія мои желанія. Сначала мнѣ было жалко ея; я хотѣлъ непременно завести иной порядокъ, но что я ни говорю, бывало, словно пѣсню поешь! А скоро и я сталъ находить въ этомъ больше удовольствія, чѣмъ чувствовалъ состраданія. Наконецъ, коротко сказать, — въ трехъ словахъ, — волненіе, красота дѣвушки..... и трепетъ..... Вы понимаете!....

— Понимаю. Вы влюблись.

— До безумія! до совершеннаго безумія!

Донъ Стефано не могъ удержаться отъ движенія, которое поручикъ принялъ за знакъ сочувствія.

— Понятно вамъ это состояніе, молодой человѣкъ? спросилъ онъ, пристально смотря ему въ глаза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Испанецъ нетерпѣливо: оканчивайте скорѣй!

— Тотчасъ; я приближаюсь къ развязкѣ. Замѣтивъ, что сердце мое ранено любовью, я въ ту же минуту, не смотря ни на право ни на лѣво, хлопъ..... и выстрѣлилъ объявленіемъ. Дѣвушка поблѣднѣла, потомъ покраснѣлась пуще и пуще, и послала меня къ родителямъ. Я и пошелъ скорымъ шагомъ, — съ этой мину-

ты я былъ радикально исцѣленъ отъ всѣхъ недуговъ. Почтенный старикъ не по силамъ трудился, защищая свое родное пепелище и захворалъ на смерть. Умирающій съ радостною молитвой соединилъ наши руки и благословилъ. Стоя на колѣняхъ у его кровати, мы поклялись въ вѣчной вѣрности.... Это конечно, не пово, но было трогательно: старикъ плакалъ отъ радости, старуха мать плакала, дѣвушка также.... Словомъ, мы всѣ плакали какъ ребята....

Милліонъ бомбъ! того и смотри, что опять будетъ то же! перервалъ самъ себя поручикъ, утирая глаза кулакомъ.

— Черезъ три дня, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, добрый старикъ смѣнился съ караула. А я со своимъ полкомъ выступилъ въ Старую-Кастилію. Съ-тѣхъ-поръ прошло болѣе семи мѣсяцовъ, въ теченіи которыхъ я не получалъ никакого извѣстія о моей невѣстѣ. Вотъ, нынче, случайно услышалъ, будто мать ея также умерла, будто сама она выѣхала изъ Наварры и находится теперь здѣсь, въ Панолю. Будучи, какъ вы уже знаете, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этой деревни, я, разумѣется, не терялъ ни минуты.... Но, что съ вами, молодой человѣкъ? Вы не слушаете меня! сказалъ поручикъ, видя, что Стефано всталъ, блѣдный.

— Я наслушался довольно, отвѣчалъ Испанецъ глухимъ голосомъ: это наварское село, въ которомъ съ вами случилось приключеніе....

— Село Тафалья.

— А дѣвушка....

— Мануэла д'Авилесъ.

— Мануэла! воскликнулъ Стефано, опрокинувшись на стулъ и закрывъ лицо руками.

— Что съ вами? что съ вами? спросилъ поручикъ, не понимая волненія Стефано: вы знаете Мануэлу д'Авилесъ?.... Она здѣсь, въ этой деревнѣ?.... Вы мол-

чите?.... Милліонъ бомбъ! неужто она умерла.... или вышла за-мужъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Кастилецъ съ усміемъ: будьте спокойны; Мануэла дѣйствительно здѣсь, она васъ любитъ.... постоянно.... нѣтъ сомнѣнія.... она ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ....

— Вотъ это дѣло! вскричалъ д'Эрвилье: въ противномъ случаѣ я жестоко обманулся бы.... Да и можно ли было не повѣрить такой клятвѣ, да еще испанской клятвѣ, что называется!.... Это не шутка, чортъ возьми!.... Словомъ, наконецъ, гдѣ моя невѣста?

Донъ Стефано покраснѣлъ: дурная мысль мелькнула въ головѣ его.

Однако жъ онъ собрался съ духомъ, чтобъ отвѣчать Французу, какъ вдругъ его избавилъ на эту минуту отъ затрудненія приходъ новаго лица.

III.

Лицо это мы уже видѣли на праздникѣ колосьевъ. То былъ не кто иной, какъ донъ Хенрикъ Бальдикасъ-и-Малакасъ-и-Кастикасъ-и-Сальпикасъ, потомокъ Сиада Кампеадора.

— Ничего, не бойтесь: это пріятель! сказалъ Стефано поручику, который хотѣлъ уже скрыться.

И д'Эрвилье, обратившись къ вошедшему, по странному, вычурному наряду узналъ добраго человѣка, который указалъ ему дорогу въ деревню.

— А! это вы, сеньоръ?

— А! вы здѣсь, монсеньоръ?

И донъ Хенрикъ, замѣтивъ мундиръ конституціонныхъ волонтеровъ, который д'Эрвилье старался закрыть плащомъ, шепнулъ ему на ухо: — Не скрывайтесь; меня вамъ нечего бояться.

— Не сомнѣваюсь, сеньоръ! отвѣчалъ поручикъ съ улыбкой.

Донъ Хенрикъ, въ своемъ бархатномъ панцирѣ и кольчугѣ изъ шелковыхъ лентъ, казался ему существомъ довольно невиннымъ, но въ настоящемъ положеніи онъ долженъ былъ опасаться малѣйшей нескромности каждаго.

— Встрѣтивъ васъ сегодня утромъ, началъ опять донъ Хенрикъ съ самоувѣренностью, я тотчасъ догадался, кто вы.

— Я не могу похвалиться такой проникательностью, сеньоръ, и если позволите спросить имя благодѣтеля моего.....

— Донъ Хенрикъ Бальликасъ-и-Малакасъ-и-Кастикасъ-и-Сальпикасъ, потомокъ Сиды Кампеадора!

— Достойный правнукъ славнаго Кампеадора, сказалъ съ улыбкою поручикъ, извините, что я давеча оставилъ вашу милость немножко неучтиво.

— Помилуйте, вы были въ смертельной опасности! На вашемъ мѣстѣ я побѣждалъ бы еще скорѣй..... Но мнѣ тѣмъ пріятнѣе встрѣтить васъ здѣсь, что я могу сказать вамъ, гдѣ ваши преслѣдователи.

— Гдѣ?

— Въ полу-миль отъ Панолы; они вѣроятнo возвращаются съ тѣмъ, чтобы искать васъ здѣсь.

— Я это предвидѣлъ.

Тутъ поручикъ обратился къ Стефано, который былъ погруженъ въ думу.

— Я отыщу вамъ безопасное убѣжище, сказалъ Кастилецъ вставая: побудьте минутъ пять съ донъ Хенрикомъ.

Стефано выбѣжалъ въ садъ, гдѣ нашелъ наконецъ довольно воздуха для своей отягченной груди. Видя, что д'Эрвилль провожаетъ уходящаго безпокойнымъ взоромъ, донъ Хенрикъ подошелъ и сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— Довѣрьтесь этому молодому человѣку: онъ достойный Кастилецъ, сеньоръ..... *хотя и не раздѣляетъ.... нашихъ мнѣній.....*

При послѣднихъ словахъ донъ Хенрикъ принялъ видъ привидѣнія, которое открываетъ страшную тайну.

— Нашихъ мнѣній? повторилъ д'Эрвилль: развѣ вы, сеньоръ.....

— Христиность!.... какъ и вы..... съ головы до ногъ..... только въ тайнѣ..... внутренно..... Ст! они всѣ карлисты въ этой варварской деревнѣ! и если бы они подозрѣвали, что я думаю не такъ, какъ они.....

— Такъ что же вы не разстаетесь? Что не идете въ армию Христины?

— Да..... вотъ видите..... нельзя.....

— Отчего же?

— Невозможно!....

— Почему же?

— Видите ли, мой славный предокъ Сидъ Кампеадоръ также иногда, — хоть не часто, да иногда, — былъ очень чувствителенъ, очень благоразуменъ.....

— И очень храбръ, сеньоръ! онъ былъ храбрѣйшій изъ Испанцевъ.

— Правда, но мнѣ небо дало только его благоразуміе.

— А храбрость досталась другимъ?..... Что же вы дѣлаете въ пользу своей партіи, высокородный Кастилецъ?

— Что я дѣлаю?.... Я молюсь, усердно молюсь! Я бы желалъ, чтобъ всѣ враги нашей королевы были нанизаны на шпагу.... только не на мою: сохрани Богъ!.... я не могу видѣть крови: я тотчасъ упаду въ обморокъ; у меня нервы очень слабы.....

— Правнукъ Сиды Кампеадора, вы мокрая курица! проворчалъ Французъ сквозь зубы.

— Что вы изволили сказать, сеньоръ?

— Я говорю, что вотъ герильясы воротились въ де-

ревню, отвѣчалъ поручикъ, прислушиваясь у окна и сильно сжавъ руку своего собесѣдника.

Тотъ задрожалъ, какъ осиновый листъ, и вскричалъ.

— Гдѣ же Стефано? гдѣ Стефано?

— Здѣсь, отвѣчалъ сынъ донъ Ріаса, входя и бросивъ на поручика взглядъ, который, если бѣ былъ замѣченъ, испугалъ бы всякаго.

— Ни слова о томъ, что я говорилъ вамъ, сеньоръ! шепталъ въ это время донъ Хенрикъ Французу.

— Герильясы ужъ въ деревнѣ, сказалъ поручикъ, не слушая Сидова потомка: мнѣ надо поскорѣй засѣсть куда-нибудь или написать духовную.

— Да, да, говорилъ Стефано въ сильномъ волненіи, озираясь вокругъ страшными, дикими глазами; я нашелъ вамъ мѣсто..... я найду..... я..... О! адская пытка! продолжалъ онъ про-себя съ тайнымъ бѣшенствомъ: этотъ человѣкъ приходитъ шута отнять у меня жизнь, а я долженъ спасать его!

— Ну, куда же вы меня спрячете? спросилъ поручикъ.

Этотъ простой вопросъ и довѣрчивый тонъ заставили покраснѣть Кастильца.

— Пойдемте, сказалъ онъ; здѣсь въ домѣ не хорошо; но тамъ въ концѣ сада, пройдя заборъ..... возьмите этотъ кинжалъ, закройтесь плащомъ..... пойдете!

Они вышли. Донъ Хенрикъ также почелъ благоразумнымъ обратиться.

— Замѣйте хорошенько, гдѣ идете, говорилъ Стефано дорогою поручику: вамъ надобно будетъ одному воротиться назадъ, если ваше убѣжище сдѣлается опаснымъ.

Они, наклоняясь, пробрались между кустарникомъ и скрылись въ глубинѣ сада, гдѣ стоялъ полуразрушенный павильонъ. Туда Стефано ввелъ своего гостя и въ полголоса условился съ нимъ объ остальномъ, на вся-

кій не предвидимый случай, потомъ воротился домой, ожидать герильясовъ.

Съ каждымъ шагомъ къ дому волненіе Стефано усиливалось. Неожиданное открытіе тайны Мануэлы, ея клятва, — испанская клятва, какъ говорилъ поручикъ, — близость нечаяннаго соперника, у котораго онъ даже не имѣлъ права оспоривать правъ, шумъ приближавшихся герильясовъ, которые могли уничтожить это право и его искателя, ужасная борьба ревности и долга гостепріимства, — все это производило въ головѣ несчастнаго молодого человѣка страшный хаосъ. Нѣсколько разъ онъ уже хотѣлъ бѣжать, скрыться, какъ скрылъ гостя, чтобы предоставить всю развязку судьбѣ и случаю. Пуще всего опасался онъ встрѣтиться съ Мануэлой, которая теперь была для него совершенно потеряна. Самыя убійственныя прежнія предположенія его были ничто въ сравненіи съ настоящею увѣренностью, и онъ теперь сожалѣлъ о тѣхъ пыткахъ сомнѣнія, которыя такъ часто заставляли его желать основательнаго повода къ совершенному отчаянію. Съ такими мыслями вошелъ онъ въ комнату.

— Что такое? что здѣсь дѣлается? спросилъ его донъ Педро Ріасъ, пробужденный тревогою въ деревнѣ.

Молодой человѣкъ затрепеталъ, остановился при видѣ отца, и не отвѣчалъ.

— Стефано, что съ тобой? продолжалъ старикъ, смотря на сына съ безпокойствомъ: я спрашиваю, что здѣсь дѣлается; отчего ты не отвѣчаешь? Отчего ты такъ смущенъ, мой сынъ? Дай руку; ты хочешь сообщить мнѣ что-нибудь?

— Да, батюшка! отвѣчалъ наконецъ молодой человѣкъ, судорожно сжавъ дрожащую руку старика: я хочу просить....

— Чего, мой другъ?

— Вашего оружія! съ усиліемъ отвѣчалъ Стефано, указывая на ружье и пистолеты, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Моего оружія? Что жъ ты хочешь дѣлать?

— Что дѣлаютъ всѣ! вскричалъ молодой человѣкъ отрывисто: не сами ли вы говорили, что ничто не должно останавливать меня, когда призываетъ служба отечеству?

— Такъ что жъ?

— Я прошу позволенія тотчасъ же отправиться къ братьямъ. Я также хочу сражаться съ врагами Испаніи!... я хочу отличиться на полѣ битвы! хочу выйти изъ тягостнаго бездѣйствія, которое моритъ меня въ Паноль!...

— Ты хочешь удалиться отъ Мануэлы, вотъ и все! возразилъ старикъ, печально покачавъ головой: между тѣмъ ты еще не знаешь....

— Я знаю больше нежели вы, батюшка! быстро прервалъ Стефано: я знаю больше нежели сама Мануэла!

— Что ты хочешь сказать?

— Развѣ она не сговорена за французскаго волонтера арміи Христины, который спасъ ея отца и мать? Развѣ она не ждетъ этого Француза, чтобы выйти за него замужъ? Словомъ, развѣ не въ этомъ заключается вся тайна, которую она вамъ сообщила?

— Правда.... но кто могъ открыть тебѣ это?

— Человѣкъ, который скрылся въ нашемъ домѣ отъ преслѣдованій герильясовъ, самъ поручикъ д'Эрвилль!

— Возможно ли!

— Я вамъ говорю, продолжалъ Стефано, задыхаясь отъ ревности: пусть Мануэла утѣшится за свое долгое терпѣніе! женихъ не забылъ ея; онъ пришелъ выполнить данное слово, и она наконецъ будетъ счастлива! Но вы понимаете, батюшка, что мнѣ невозможно оставаться здѣсь.... въ этомъ домѣ, въ этой деревнѣ.... Я пойду, забудусь въ громѣ пальбы, въ пороховомъ дымѣ; убивая всѣхъ иностранцевъ, которыхъ

встрѣчу въ полѣ, я утѣшусь въ томъ, что не могъ уничтожить одного....

— Донъ Стефано! сказалъ старикъ, взявъ за руку выпешаго изъ себя молодого человѣка: не мнѣ упрекать тебя въ ненависти къ врагамъ законнаго нашего государя и въ желаніи бить ихъ вездѣ, гдѣ встрѣтятся съ оружіемъ въ рукахъ. Но берегись смѣшивать личную месть съ долгомъ въ отношеніи къ отечеству! Когда поручикъ д'Эрвилль пришелъ сюда, то онъ уже не волонтеръ конституціонной арміи, не непріятель, не соперникъ твой, но твой гость, мой сынъ! и ты своею жизнью долженъ отстаивать его жизнь.... Да, Стефано, твоею жизнью! повторилъ донъ Ріасъ, на лицѣ котораго въ эту минуту выражалась вся возвышенность кастильскаго чувства чести: я лучше тысячу разъ хочу видѣть тебя мертвымъ, лучше убью тебя собственными руками, чѣмъ повѣрю, что ты не шути чувствуешь то нечестивое сожалѣніе, которое сейчасъ замерло на твоихъ устахъ!

— Батюшка! сказалъ глухимъ голосомъ Стефано: на что мнѣ губить своего гостя? Мануэла развѣ полюбитъ меня за то что я предамъ того, котораго она предпочла мнѣ? Презрѣвъ меня безпорочнаго и честнаго, развѣ она можетъ полюбить опозореннаго, преступнаго?.... Но, будьте спокойны, батюшка! прибавилъ онъ съ достоинствомъ: мнѣ не нужна выгода для поддержанія моей чести. Я все устроилъ такъ, что поручику нечего опасаться.

Донъ Педро пожалъ руку сына и спросилъ просто:

— Гдѣ онъ?

— Въ концѣ сада, въ развалинахъ.... я взялъ предосторожность, на случай....

— Хорошо, мой сынъ! я оставляю его подъ твоей защитой.... И теперь, продолжалъ онъ, видя, что взоръ молодого человѣка остановился на оружіи: я понимаю, что ты не можешь долѣе жить въ этой деревнѣ, мой

бѣдный Стефано! Хотя ты послѣдній мой сынъ, единственная моя радость; хотя я могу умереть здѣсь одинъ, не имѣя никого кто бы закрылъ мнѣ глаза..... однако жъ, только опасность минуетъ поручика, ты возьмешь это ружье и пойдешь.

При этихъ словахъ у старика наворачнулись двѣ крупныя слезы, двѣ изъ тѣхъ слезъ, которыя останавливаются на рѣсницахъ, чтобы упасть назадъ, на сердце. Жалость сдвинула грудь Стефано при этомъ зрѣлищѣ; но сыновья нѣжность скоро опять уступила мѣсто ревности: эгоизмъ этой пагубной страсти еще сильнѣе эгоизма любви.

— Простите, батюшка, сказалъ молодой человѣкъ рѣшительно: простите, что я такъ много требую! но я не завтра, а сегодня хочу идти; не вечеромъ, а теперь, въ эту же минуту.....

— Теперь! вскричалъ донъ Педро, слѣлавъ пугливое движеніе, чтобы удержать его.

— Я не могу дожидаться свадьбы Мануэлы и д'Эрвилье! сказалъ Стефано раздрающимъ голосомъ: ихъ радость убьетъ меня, батюшка!.... Но я нашелъ средство спасти поручика, не откладывая своего путешествія.

— Какое это средство?

— Я пойду тотчасъ присоединюсь къ герильясамъ, которые идутъ д'Эрвилье въ деревнѣ. Увидѣвъ, что я держу ихъ сторону, имъ и въ голову не прійдетъ обыскивать нашъ домъ, и я упорно безопасность моего соперника, уведя его преслѣдователей.

— Ты правъ, отвѣчалъ донъ Педро послѣ короткаго молчанія, и, не въ силахъ будучи говорить болѣе, молча указалъ на оружіе.

— Благодарю, батюшка! благодарю! вскричалъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

Онъ поспѣшно взявъ ружье, заткнулъ пистолеты за поясъ, надѣлъ шляпу и готовился проститься съ отцомъ, какъ вдругъ отворилась дверь и вошла Мануэла.

Отецъ и сынъ оторопѣли и остановились. Дѣвушка въ свою очередь смотрѣла то на того, то на другаго, и съ безпокойствомъ остановила глаза на Стефано.

— Чтѣ вы дѣлаете, братецъ? спросила она, осматривая его съ головы до ногъ.

— Сестрица, отвѣчалъ Стефано, присосѣй на мѣстѣ: сестрица, я иду....

— Идете! вскричала Мануэла и бросилась къ нему. Онъ идетъ, дядюшка? спросила она обращаясь къ донъ Педро.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ старикъ со вздохомъ.

— Это удивляетъ васъ, Мануэла? сказалъ молодой человѣкъ съ горькою усмѣшкой: не долженъ ли я удалиться отъ той, которой имѣлъ несчастье признаться въ любви, тогда какъ сердце ея уже принадлежитъ другому?

— Другому?.... Онъ знаетъ все! подумала дѣвушка. Но къ чему же это оружіе? спросила она: вы идете на войну?

— Да, Мануэла; тамъ, говорятъ, легче всего можно найти забвеніе или.... смерть.

Хотя эти слова были сказаны шепотомъ, однако Педро и Мануэла разслышали.

— Вы говорите о смерти! вскричала дѣвушка съ ужасомъ: Боже мой! чтѣ все это значитъ? прибавила она, бросаясь отъ одного къ другому.

Бѣдная дѣвушка предчувствовала какое-то несчастье, котораго причины не могла отгадать, и угрызеніе совѣсти волновало ея душу вмѣстѣ съ безпокойствомъ.

— Стефано, продолжала она, чтѣ здѣсь такое? Я слышала шумъ въ деревнѣ. Жизнь ли наша въ опасности?.... Вы идете защищать насъ этимъ оружіемъ?

— Вамъ нечего опасаться, отвѣчалъ молодой человѣкъ: напротивъ, всѣ ваши желанія скоро исполнятся, и мое отсутствіе должно довершить ваше счастье.

— Ваше отсутствіе, братецъ! вскричала Мануэла съ живѣйшею скорбію..... Какъ вы можете такъ говорить, продолжала она подавляя слезы.

— Прощайте, Мануэла, сказалъ Стефано съ усиленіемъ: будьте столько же счастливы, сколько я буду несчастенъ!... До свиданія, батюшка! до свиданія! продолжалъ онъ, обнимая отца.

— Прощай, мой сынъ! шепталъ старикъ: служи вѣрно королю, и помни, что не все угѣшеніе пропало, когда сохранена честь. До свиданья!

Отецъ и сынъ еще разъ обнялись, и Стефано поспѣшилъ къ двери.

— Онъ идетъ! онъ и въ правду идетъ! говорила Мануэла, слѣдившая за этою сценой съ трепетомъ и слезами: и онъ оставляетъ меня, не пожавъ руки, даже не взглянувъ на меня!... О! да это ужасно! Это невозможно! вскричала она рѣшительно, бросившись за уходящимъ: Стефано! говорила она съ судорожнымъ трепетомъ: Стефано! вы не уйдете такъ!

— Чтò она дѣлаетъ, Боже мой! шепталъ старикъ, котораго слабость и волненіе принудило опереться на стулъ.

— Вы удерживаете меня, Мануэла? спросилъ Стефано съ изумленіемъ.

— Да! отвѣчала она, схвативъ его за руку: да, останьтесь, Стефано! вы не можете оставить меня такимъ образомъ?

— Я долженъ!

— Я васъ прошу, братецъ!

— Оставьте меня; мнѣ не надо вашего состраданія...

— Состраданія!... Боже праведный!... когда я умоляю васъ..... на колѣняхъ!

— Прощайте, Мануэла!

— Нѣтъ! погодите, по-крайней-мѣрѣ нѣсколько минутъ.....

— Подождать! вскричалъ молодой человѣкъ злобно: подождать, чтобы увидѣть васъ въ объятіяхъ другаго?.... Никогда!

— А! простонала Мануэла, выпуская его изъ своихъ слабѣющихъ рукъ: все другой! все другой!....

Потомъ, видя, что онъ уже на порогѣ, позвала его еще разъ съ крикомъ отчаянія, безумія, и протянула къ нему руки:

— Если же я люблю васъ, Стефано! если я не любила никого, кромѣ васъ!.....

Ударъ гроза въ комнату, она не произвела бы такого дѣйствія какъ этотъ крикъ, вырвавшійся изъ сердца. Педро слышалъ только страшный взрывъ, а Стефано видѣлъ одну ослѣпительную молнію.

— Меня! Вы любите меня? спросилъ Стефано, невѣрными шагами приближаясь къ Мануэлѣ, между-тѣмъ какъ отецъ его, уничтоженный, опускался на стулъ: о! повторите это слово, Мануэла! повторите, ради Бога! чтобы я увѣрился, что слышалъ его!

— Да, я люблю васъ! сказала дѣвушка съ нѣжностью: я не люблю никого въ свѣтѣ, кромѣ васъ!.... Останетесь ли вы наконецъ?

— Останусь ли я? вскричалъ Стефано, далеко бросивъ ружье и пистолеты: у вашихъ ногъ останусь, Мануэла! у вашихъ ногъ я умру.... Вы меня любите! Боже мой!... (И онъ осѣпалъ ея руки поцѣлуями и слезами). Она меня любитъ батюшка!.. (И онъ побѣждалъ обнявъ отца и опять воротился къ дѣвушкѣ). О! взгляни на меня Мануэла! взгляни мнѣ въ глаза; я въ твоихъ глазахъ еще разъ прочту это слово, которое возвращаетъ меня къ жизни..... и котораго я такъ долго ждалъ напрасно!

— Вы прождали бы его не такъ долго, если бъ я раньше смѣла сказать его вамъ, отвѣчала дѣвушка тихо: болѣе двухъ мѣсяцовъ эта тайна давила мнѣ сердце.

— Я самъ, я также виноватъ! я находилъ васъ такою строгою, холодною, что даже не смѣлъ надѣяться. Безумный! сколько драгоценнаго времени я потерялъ...

Но мы вознаградим эту потерю съ сегодня, не правда ли, моя милая?

Говоря это, онъ обвилъ рукою станъ дѣвушки и смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Мануэла также забыла цѣлый свѣтъ и всею душой предалась любви. Невольно очарованный этою нѣмою прекрасной сценой, донъ Педро возвелъ къ небу орошенные слезами глаза и говорилъ:

— Боже мой! Боже мой! не пробуди насъ отъ этого сна.

— Помните день жатвы? спросила вдругъ дѣвушка съ нѣжнымъ кокетствомъ.

— Да, этотъ роковой день, когда вы жестоко бросили мой букетъ?

— Я не совѣмъ его бросила, Стефано! вы не замѣтили?

— Въ самомъ дѣлѣ! Возможно ли!

— Я тайно выдернула одинъ цвѣтокъ, который спрятала на груди, какъ священное сокровище. Смотрите, прибавила она таинственно, показывая бѣлые поблекшіе лепестки: они не покидали моей груди съ-тѣхъ-поръ, какъ были туда положены. Я сохранию ихъ навсегда въ память вашего перваго признанія!

— О! дайте, дайте мнѣ поцѣловать ихъ!

Стефано покрывалъ поцѣлуями маленькій жасминный цвѣтокъ и милую руку, которая держала его.

IV.

Между-тѣмъ шумъ, производимый герильясами, приближался. Они обыскивали уже ближніе дома; слышенъ былъ звонъ сабель, стукотня, споръ, крики, но слышалъ одинъ донъ Ріасъ, и вздрогнулъ; Мануэла и Стефано были далеко. Старикъ торопливо всталъ, опираясь на палку, и положилъ руку на плечо сына.

— Стефано! сынъ мой! сказалъ онъ торжественно: а поручикъ д'Эрвилье?

— Поручикъ? повторилъ молодой человѣкъ.

— Твой гость, несчастный гость, котораго ты предаешь!

— А! промолвила Стефано, вдругъ пришедши въ себя.... Правда! прибавилъ онъ глухо, смотря на дѣвушку.

Мануэла была въ такомъ восторгѣ, что даже не слышала словъ донъ Педро.

— Мануэла! проговорилъ молодой человѣкъ съ нетерпѣніемъ: Мануэла!..

— Что, Стефано?

— Мануэла, вы сказали, что не любите никого кромѣ меня, между-тѣмъ.....

— Что же?

— У васъ есть женихъ, Мануэла!

— Д'Эрвилье! вскричала дѣвушка, какъ-будто вскочивъ отъ сна: прости меня, о Боже! я забыла его! продолжала Испанка, упавъ на колѣни.

— Если этотъ женихъ, говорилъ Стефано, прійдетъ требовать исполненія слова, которое вы ему дали, вы ему скажете, — не правда ли? — что одна признательность, не любовь, заставила васъ произнести это слово? что ваша рука, обѣщанная безъ участія сердца, теперь не можетъ принадлежать ему?

— Да, отвѣчала Мануэла: я ему скажу..... я..... О! но мнѣ кажется, что онъ уже не воротится, Стефано!

— А если онъ уже воротился? спросилъ твердый голосъ.

Педро сталъ между сыномъ и племянницей, и передъ строгимъ лицомъ старика-Испанца дѣвушка опустила глаза, какъ передъ олицетвореніемъ своей клятвы.

— Батюшка! шепталъ Стефано, пытаясь обезоружить взглядъ, который кололъ и его.

— Молчи! возразилъ старикъ: любовь уже слишкомъ много говорила здѣсь; пора и чести сказать слово..... Если поручикъ д'Эрвилье въ этомъ домѣ, Мануэла?

— Боже мой!

— Если, болѣе вѣрный нежелю ты, онъ тотчасъ требуетъ того, что ты обѣщала ему у смертнаго одра своего отца, и чего онъ пришелъ искать здѣсь съ опасностію своей жизни? Я спрашиваю тебя, Мануэла, что ты ему скажешь?

Донъ Педро произнесъ эти слова такимъ поразительнымъ голосомъ, что Мануэла воображала слышать голосъ роднаго отца, возставшаго передъ нею изъ могилы. Тренца, какъ преступница передъ судьей, она отвела глаза отъ Стефано и подняла ихъ на грознаго старика.

— Я сказала бы поручику д'Эрвилье, что я его обрученная невѣста передъ Богомъ и людьми, и что я никогда не буду женою другаго, пока онъ живъ и желаетъ быть моимъ мужемъ!....

— Стало-быть, ты умрешь, но сдержишь слово. Это хорошо. Поди же, мой другъ, сказалъ старикъ, приготовься принять своего жениха.

Онъ проводилъ дѣвушку за руку до дверей ея комнаты.

— Вы отнимаете у меня счастье, батюшка, вскричалъ Стефано.

— И возвращаю тебѣ честь, мой сынъ, отвѣчалъ старикъ..... Стеречи поручика, прибавилъ онъ: вотъ герильясы.

Герильясы дѣйствительно вышли изъ сосѣдняго дома и готовились перейти къ донъ Педро Ріасу.

— Какой сонъ! какое пробужденіе!.... говорилъ Стефано въ отчаяніи, глядя на дверь маленькой комнаты: Мануэла признается, что любитъ меня и.... говорить, что никогда не будетъ моею женою, куда живъ д'Эрвилье!.... Покуда онъ живъ! И я самъ долженъ отвѣчать за его существованіе своею жизнью!.... О! отчаяніе наводитъ на ужасныя мысли!.... надо съ ума сойти!.... Бѣжать! если еще есть время! бѣжать отъ этихъ

мѣстъ, гдѣ каждая мысль клятвопреступленіе и злодѣйство! Побѣгу къ герильясамъ, остановлю ихъ прежде нежелю они войдутъ въ этотъ домъ!.... Потому-что..... Боже мой! если они прійдутъ теперь и спросятъ, гдѣ непріятель, котораго ищутъ..... ахъ и смерть!.... я не знаю, достанетъ ли у меня силъ.... О! бѣжать! бѣжать!

И схвативъ ружье, пистолеты, безъ шляпы, онъ хотѣлъ выбѣжать на улицу и.... въ дверяхъ наткнулся на капитана, который остановилъ его поднятою рукою.

— Поздно!.... простоналъ молодой человекъ, роня оружіе и падая на ступь.

— По два часовыхъ къ каждому окну и къ каждой двери! скандовалъ капитанъ своему отряду; потомъ, обращаясь къ поручику и десяти солдатамъ и стуча по порогу концемъ шпаги, прибавилъ: начтъ бѣглець долженъ быть здѣсь, если онъ въ этой деревнѣ. Ищите же хорошенько, ребята; вы знаете, что кто первый наложитъ на этого Француза руку, тому предостается честь перваго выстрѣла въ него; сверхъ-того двѣнадцать дублоновъ награды.

Съ этимъ онъ вошелъ въ комнату.

— Дружище, сказалъ капитанъ, ударивъ Стефано по плечу, между-тѣмъ какъ солдаты пошли обшаривать углы дома: скажи на милость, что ты хотѣлъ дѣлать съ этимъ оружіемъ? защищать лично себя или христиносскаго офицера, который у тебя спрятанъ?

— Здѣсь никто не спрятанъ, отвѣчалъ молодой хилальго твердо: Ріасы-де-ла-Сарга извѣстны во всей провинціи своею преданностію Испаніи и Карлу V; у меня четыре брата служатъ въ королевской арміи, и я взялъ это оружіе, съ тѣмъ, чтобы проситься въ ваши ряды.

— Ну, да! вскричалъ капитанъ: отговорка прекрасная, хоть и смѣшная. Вѣроятно, для того же, чтобы

быть нашимъ, ты, любезный, съ ужасомъ бросилъ ружье, когда увидѣлъ, что мы пришли раньше, нежели ты думалъ?

Не зная, что отвѣчать на это замѣчаніе, Кастилецъ притворился, будто не разслышалъ.

— Бѣглецъ здѣсь! сказалъ тутъ капитанъ съ увѣренностью; потомъ, обращаясь къ нѣсколькимъ возвратившимся солдатамъ, спросилъ: ну, что въ этой сторонѣ?

— Никого нѣтъ.

— А въ той?

— Одинъ старикъ и дѣвушка.

— Привѣсть старика! Онъ долженъ быть жаденъ или слабъ: мы испугаемъ его, либо денегъ дадимъ, прибавилъ капитанъ про-себя, и обращаясь къ Стефану, продолжалъ: а ты, другъ, съ моимъ поручикомъ и этими тремя молодцами, ступай въ верхній этажъ, отвори всѣ двери, вообще дѣлай все, что они прикажутъ.... Не жалѣйте ни угрозъ ни обѣщаній, шепнулъ онъ на-ухо поручику, украдкой подавая кошелекъ съ золотомъ: вы знаете, что я хочу поймать Француза, во что бы то ни стало.

Стефану думалъ—было воспротивиться приказанію капитана, но разсудилъ, что этимъ только подтвердитъ подозрѣніе, и пошелъ.

Въ то же время, черезъ другую дверь, вошелъ донъ Педро.

— Друзья, сказалъ онъ спокойно и гордо: меня удивляетъ, что вы такимъ образомъ нарушаете покой моего дома; одно мое имя должно бы было показать вамъ, что я вѣрный слуга Испаніи и короля, не хуже васъ. Сынъ жертвы конституціи и старый врагъ Мины не забудетъ своего долга въ отношеніи къ отечеству.

— Прекрасно сказано, сеньоръ, возразилъ капитанъ: но къ несчастію, этого мало. Намъ нуженъ ясный и опредѣлительный отвѣтъ на одинъ простой вопросъ:

пришелъ ли къ вамъ, въ теченіе этихъ двухъ часовъ, офицеръ волонтеровъ Христины, и гдѣ онъ у васъ спрятанъ?

— Можете искать, возразилъ донъ Педро и спокойно сѣлъ.

— Вы довольно хорошо играете свою роль, сказалъ капитанъ, пристально глядя старику въ глаза: однако же, я думаю, вы внутренно не такъ спокойны, какъ стараетесь казаться.

— Вы ошибаетесь, молодой человекъ, отвѣчалъ донъ Педро съ достоинствомъ.

Настало довольно продолжительное молчаніе, которое было прервано выстрѣломъ, въ верхнемъ этажѣ. Всѣ въ комнатѣ вздрогнули, и капитанъ послалъ узнать, что это было.

— Вѣроятно, сказалъ онъ, разговоръ съ молодымъ хидальгомъ разгорячается.

— Несчастный! подумалъ въ то же время донъ Педро: лишь бы они не убили моего сына!

— Донъ Педро Ріасъ, слушайте, сказалъ капитанъ: если Французъ, котораго мы ищемъ, не у васъ, такъ по-крайней-мѣрѣ вы знаете.... Вы знаете! чортъ возьми! вскричалъ онъ, предупреждая возраженіе старика, и окинувъ взоромъ комнату, которая казалась ему довольно бѣдною, продолжалъ шепотомъ: сколько онъ вамъ обѣщалъ за свое спасеніе?

— Подкупъ! проговорилъ донъ Педро съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Вы не обязаны сознаваться въ этомъ, продолжалъ капитанъ, но извѣстно, что въ ваши лѣта, порядочная сумма что-нибудь значить. Сколько вы хотите, сеньоръ? говорите, однимъ словомъ.

— Молчите, капитанъ! И чтобы никто не зналъ, что вы смѣли....

— Насъ никто не слышитъ. Довольно пятидесяти дублоновъ?

Донъ Ріасъ не отвѣчалъ.

— Хотите сто?... полтора?... двѣсти?....

— Отстаньте, говорю я вамъ! вскричалъ донъ Педро съ негодованіемъ: честь благороднаго Кастильца не продается, и вы напрасно позорите здѣсь свою.

— Старый чортъ! подумалъ капитанъ..... Такъ попытаемъ угрозой, прибавилъ онъ, взявъ пистолетъ..... Когда вы такъ отвѣчаете передъ деньгами, то посмотримъ, что заговорите передъ этимъ! сказалъ онъ громовымъ голосомъ, уставивъ дуло въ лобъ донъ Ріаса: гдѣ Французъ, котораго вы спрятали?

Донъ Педро молчалъ.

— Гдѣ Французъ? продолжалъ капитанъ, взводя курокъ.

Тоже молчаніе.

— Отвѣчай или умри! Гдѣ поручикъ д'Эрвилль?

Старикъ не мигнулъ, и капитанъ выстрѣлилъ бы, если бъ въ эту минуту не вбѣжалъ солдатъ, ходившій наверхъ.

— Капитанъ! кричалъ онъ: птичка вылетѣла.... или по-крайней-мѣрѣ поднимается!

Донъ Педро затрещалъ. Капитанъ заткнулъ пистолетъ за поясъ и подавъ герильясу знакъ продолжать.

— Нашъ бѣглець, началъ снова тотъ, указывая въ окно, сидитъ въ развалинѣ, что вы видите тамъ, въ концѣ сада.

— Онъ пропалъ! подумалъ Педро.

— Почему ты это знаешь, спросилъ капитанъ.

— Отъ молодого челоѣка, который на верху, съ поручикомъ.

— Отъ Стефано! вскричалъ старикъ, поблѣднѣвъ отъ ужаса.

— Ага! вѣрно, сынъ по-гибче отца, промовилъ капитанъ.

— Поручикъ, продолжалъ герильясъ, не нашедши ничего, но нашедши того парня довольно подозритель-

нымъ, наступилъ ему на горло: сначала предлагалъ кошелекъ, не помогло: отпирается, да и только. Поручикъ хватъ изъ пистолета, и опалилъ голубчику усь. Струсилъ; такъ и вскрикнулъ, да и забормоталъ что-то. Поручикъ опять ему предлагаетъ на выборъ — пулю въ лобъ или кошелекъ въ руки. Шелковый сталъ. Взялъ кошелекъ и указываетъ на развалины. Тамъ, говоритъ, сидитъ онъ, въ павильонѣ, за снопами по-вой соломы. Ступайте, дескать, поскорѣе, окружите со стороны большой дороги, поймаете.....

Между-тѣмъ, какъ капитанъ съ удовольствіемъ слушалъ этотъ рассказъ, стараго Кастильца волновали ужасъ и сомнѣніе. При послѣднихъ словахъ онъ не выдержалъ, вскочилъ и закричалъ:

— Стой, мерзкая тварь! Это невозможно! это низкая клевета! Мой сынъ неспособенъ.....

— Смотри самъ, возразилъ герильясъ, указывая на дверь.

Вошелъ Стефано съ поручикомъ и тремя солдатами. Въ рукахъ у него былъ кошелекъ. Лицо его, блѣдное, искаженное, обнаруживало тревожное состояніе души, и донъ Педро уже не могъ сомнѣваться въ страшной истинѣ. Онъ тяжело вздохнулъ и въ безсиліи опустился въ креслы. Стефано неровными шагами прошелъ комнату, не замѣтивъ отца; у открытаго окна онъ остановился, неподвижно, безмолвно, устремилъ дикій взоръ на большую дорогу. Лѣвая рука его судорожно сжимала кошелекъ капитана. Но можно было видѣть, что это движеніе машинальное, что онъ не изъ-за этого золота предалъ своего соперника.....

Припоминая смущеніе сына, его нетерпѣливое желаніе скорѣе уйти, донъ Педро объяснилъ себѣ страшное преступленіе и понялъ, что Стефано продалъ своего гостя только длятого, чтобы погубить соперника. Страсть, конечно, вскружила ему голову до безумія, такъ-что онъ не зналъ, что дѣлаетъ, какъ теперь, по-

видимому, не знаетъ, что думаетъ. При всемъ томъ однако жъ старикъ не могъ убѣдить себя въ возможности такого безчестія, такого безумія, и глаза его, устремленные на Стефано, казались столько же дикими, какъ и у молодого человѣка.

Капитанъ, поговоривъ шепотомъ съ поручикомъ, подалъ знакъ двумъ герильясамъ остаться въ комнатѣ.

— Постерегите этого молодчика, сказалъ онъ, смотря на Стефано съ презрѣніемъ, какимъ платятъ продажнымъ измѣнникамъ: и при первомъ подозрительномъ движеніи, дайте намъ знать выстрѣломъ, разможивъ ему голову. Когда же пальба дастъ вамъ знать, что онъ насъ не обманулъ, тогда бросьте его и идите на большую дорогу.

— Слушаемъ, капитанъ.

Двое герильясовъ стали по сторонамъ Стефано, между-тѣмъ, какъ капитанъ и остальные пошли черезъ садъ, въ молчаніи заряжая ружья.

V.

Мертвая тишина царствовала въ комнатѣ, гдѣ осталась донъ Педро съ сыномъ и двумя часовыми. Стефано не слышалъ ничего, что вокругъ происходило, и продолжалъ смотрѣть блуждающими глазами на улицу. Старикъ, безъ силъ и безъ голоса, походилъ на человѣка, потерявшаго однимъ ударомъ все, что имѣлъ на землѣ. Увы! онъ оплакивалъ драгоценнѣйшее свое сокровище, честь своего имени, проданную роднымъ сыномъ! Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мысли его представляли безобразный хаосъ, въ которомъ быстро перекрещались скорбь и стыдъ, сомнѣніе и отчаяніе, позднее раскаяніе въ довѣрїи къ Стефано и столько же бесполезное желаніе воспрепятствовать послѣдствіямъ предательства.

— Невозможно! невозможно! простоналъ онъ наконецъ съ отчаяніемъ и гнѣвомъ.

Онъ опустилъ съдую голову на руки, и крупныя слезы заструились изъ-подъ сухихъ пальцевъ.

— Боже мой! Боже мой! рыдая говорилъ онъ: я однимъ днемъ пережилъ себя; дай мнѣ умереть!

Стоявъ этотъ долетѣлъ до слуха Стефано и, казалось, разбудилъ его.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ, окинувъ комнату блуждающимъ взглядомъ.

И въ первый разъ Стефано увидѣлъ донъ Ріаса.

— Батюшка! вскричалъ онъ и отвернулся, чтобы скрыть смущеніе, которое палило ему лицо: Боже мой! онъ былъ здѣсь!..... онъ все видѣлъ!..... прибавилъ онъ глухо.

При словѣ «батюшка», столь знакомомъ, и когда-то столь нѣжномъ, старикъ задрожалъ отъ бѣшенства.

— Не называй меня отцомъ! вскричалъ онъ, обращая на сына огненный взоръ: ты не можешь быть моимъ сыномъ!.... Нѣтъ! когда добродѣтельная Пакиа Пересъ подарила мнѣ пятого сына, то какой-нибудь демонъ, конечно, укралъ его и положилъ въ колыбель тебя, и я принялъ за свою кровь чудовище, которое взросло подъ моими отеческими ласками; змѣю, которую я отогрѣлъ на моей груди, для того, чтобы она задушила меня! Не называй меня отцомъ своимъ, несчастный, или по-крайней-мѣрѣ увѣрь меня, что мои глаза неспособны видѣть, мои уши неспособны слышать; увѣрь меня, что я видѣлъ во снѣ, будто сынъ мой трусъ, измѣнникъ, убійца!.... Увѣрь меня, Стефано! увѣрь меня!

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но взглянулъ на часовыхъ и остановился. Усиліе сохранить молчаніе такъ дорого ему стоило, что ноги у него подкосились, и онъ принужденъ былъ опереться на руку одного изъ часовыхъ.

— Ну, ну, шепталь герильясы, что ты разбѣжился? Передумалъ? Не слушай старика; посмотри-ка лучше на кошелекъ. Двадцать-пять золотыхъ, повенькихъ! чортъ возьми, это знатная награда за пустую услугу!

Стефано желалъ провалиться сквозь землю, чтобы не слышать этихъ словъ. Изъ блѣднаго лица его стало багровымъ. Онъ снова устремилъ взоръ на дорогу. Педро между-тѣмъ поднялся съ кресла и медленно подошелъ къ сыну.

— Онъ даже не слушаетъ меня! Онъ не можетъ отвести глазъ отъ этой проклятой дороги!.... Подумаешь, что онъ съ жадностью сторожитъ, точно ли поймаютъ его соперника!.... Несчастный! вскричалъ старикъ наконецъ надъ самымъ ухомъ Стефано: коли такъ, то будь же ты.....

Молодой человекъ обернулся и, страшно сверкнувъ глазами, остановилъ руки старика, поднятыя для проклятія.

— Нѣтъ! продолжалъ Педро, противъ воли обезоруженный, но разгораясь больше и больше: нѣтъ! проклясть его, дѣйствительно, значить еще поступить съ нимъ, какъ съ сыномъ..... Не языкъ, но руки, собственныя руки мои должны наказать его..... Я самъ буду здѣсь судьей..... я самъ долженъ стереть позоръ и преступленье съ моего родового имени, которое никогда не бывало запятано подлымъ поступкомъ!.... Я сотру этотъ позоръ..... Испанецъ не сробѣетъ передъ тѣмъ, что могъ сдѣлать Римлянинъ!....

Страшно было посмотрѣть на донъ Ріаса при этихъ словахъ. Глаза вышучились, сѣдые волосы поднялись дыбомъ. Герильясы затрепетали передъ выраженіемъ его взгляда. Дрожащими стопами дошелъ онъ до середины комнаты, съ трудомъ наклонился, поднялъ одинъ изъ брошенныхъ пистолетовъ, судорожно взвелъ курокъ и прицѣлился въ голову сына..... Отворилась дверь; вошла Мануэла.

— Что вы дѣлаете! вскричала она, схвативъ старика за руку.

Донъ Педро остановился, затрепеталъ и уронилъ пистолетъ.

— Мануэла! воскликнули отецъ и сынъ вмѣстѣ.

— Все муки разомъ! прибавилъ Стефано, закрывая лицо руками.

— А!.... Это ты.... Мануэла! проговорилъ Педро съ смущеніемъ: что я хотѣлъ сдѣлать, несчастный! прибавилъ онъ, приложивъ руку ко лбу, на которомъ выступилъ холодный потъ.

— Донъ Стефано подъ стражей!.... Боже мой! Что же все это значить?..... что здѣсь происходитъ? вскричала Мануэла.

Тутъ она съ ужасомъ вспомнила, что Ріасъ говорилъ о прибытіи ея жениха; она трепеща удостовѣрилась, что д'Эрвиле нѣтъ въ комнатѣ и хотѣла подойти къ Стефано, но донъ Педро остановилъ ее.

— Дитя! сказалъ онъ, не подходи къ этому извергу!.... Ты, которая призналась сейчасъ, что любишь его, поспѣвши объявить, что презираешь недостойнаго!.... Онъ трусъ! онъ предатель: онъ продалъ своего гостя, твоего жениха!

— Онъ продалъ моего жениха, онъ! вскричала Испанка съ ужасомъ: о! это невозможно! прибавила она съ неподражаемымъ простодушіемъ.

— Смотри! сказалъ старикъ, указывая въ окно: видишь, тамъ люди на большой дорогѣ?

— Герильясы! Что жъ они?

— Это онъ, это Стефано послалъ ихъ туда! Они пошли захватить и убить д'Эрвиле!

— Боже милосердый!....

Дѣвушка съ ужасомъ отступила отъ Стефано. Тотъ хотѣлъ броситься за нею, но остановленный часовымъ и, вспомнивъ страшный приказъ капитана, въ третій разъ оборотился къ окну.

— И не только продать, продолжалъ донъ Ріасъ: онъ еще наблюдаетъ за успѣхомъ своей измѣны, онъ нетерпѣливымъ взоромъ провожаетъ своихъ сообщниковъ въ преступленіи.... Узнаешь ты въ этомъ моего сына, Мануэла? узнаешь ты въ этомъ человѣка, котораго ты любила?

И онъ, въ изнеможеніи, снова упалъ въ креслы. Въ глазахъ его уже не было слезъ: онъ изскли, но сердце внятно стучало въ волнующейся груди. Дѣвушка смотрѣла на него и цѣпенѣла; герильясы отворотились отъ зрѣлища, которое противъ воли трогало и ихъ, а Стефано, продолжая устремлять взоръ въ окно, казалось, призывалъ на свою голову громъ небесный.

Вдругъ это желаніе какъ-бы исполнилось: домъ задрожалъ отъ страшнаго залпа.... еще выстрѣлъ.... другой... третій, и все смолкло. Водарилась могильная тишина.

Всѣ поняли, что означала эта пальба. Герильясы вскрикнули отъ радости; Мануэла бросилась укрыться въ объятіяхъ донъ Ріаса, а Стефано, полумертвый, прислонился лбомъ къ оконницѣ.

— Ну, любезный, вотъ твой гость убитъ, сухо сказалъ одинъ изъ часовыхъ: стало-быть ты не даромъ взялъ деньги. Желаю тебѣ повеселиться на нихъ....

— Пойдемъ, товарищъ, перебить другой: теперь намъ печего его стеречь.

Герильясы вышли. Мануэла и донъ Педро проводили ихъ глазами до порога и, когда тѣ скрылись за дверьми, снова упали съ отчаяніемъ другъ другу въ объятія.

— Онъ убитъ! мрачно проговорилъ старикъ.

— Онъ убитъ! повторила дѣвушка.

— Онъ спасенъ! вскричалъ Стефано, и швырнулъ далеко кошелекъ съ золотомъ: онъ спасенъ, батюшка!... онъ спасенъ, сестрица!

— Спасенъ! повторили тѣ вмѣстѣ и вскочили.

Стефано побѣжалъ къ маленькой двери, ведущей въ житницу, и закричалъ:

— Сюда, д'Эрвилье!.... Да, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, и поспѣшно возвратившись въ комнату: да, батюшка; да, Мануэла, поручикъ живъ и здоровъ: вы его тотчасъ увидите.....

— Возможно ли! воскликнулъ Педро, переходя отъ смерти къ жизни.

— Какъ же это? спросила дѣвушка менѣе твердо.

— Оставивъ д'Эрвилье въ развалинахъ, живо отвѣчалъ Стефано, блуждая глазами отъ спрашивающихъ къ двери житницы и обратно: я условился подать знакъ pistolетнымъ выстрѣломъ, когда ему надобно будетъ оставить свое убѣжище и возвратиться въ домъ; въ такомъ случаѣ я велѣлъ ему идти вдоль садоваго забора до этой житницы, въ которую отсюда есть входъ, и гдѣ онъ вторично можетъ спрятаться, между-тѣмъ, какъ герильясы будутъ обыскивать павильонъ. Вы понимаете теперь мой ужасъ при выстрѣлѣ, которыми погрозили мнѣ поручикъ герильясовъ: принявъ, конечно, этотъ выстрѣлъ за условный знакъ, д'Эрвилье могъ выйти раньше времени и наткнуться прямо на своихъ враговъ. Единственнымъ средствомъ вывести герильясовъ отсюда было — послать ихъ туда другою дорогою. Это я сдѣлалъ, притворившись предателемъ, принявъ кошелекъ, въ которомъ находилась цѣна крови моего гостя, навлекая на себя проклятіе отца, какъ измѣнникъ, подвергаясь презрѣнію сестры, какъ убійца!.... Въ четверть часа я испыталъ всѣ пытки ада! Но я побѣдилъ страшный соблазнъ ревности; я спасъ своего гостя и соперника; я достоинъ васъ!

Молодой человѣкъ еще не кончилъ, донъ Педро и Мануэла уже были у ногъ его.

— Донъ Стефано Ріасъ! сказалъ старикъ торжественно, прости! прости, мой сынъ!

— Прости, Стефано! прости! иъжно повтoрjала Мануэла.

Стефано прижалъ обоихъ къ своей груди, и въ этихъ объятiяхъ нашель утѣшенiе за все свои страданiя. Между-тѣмъ д'Эрвилье не являлся на призывъ. Удивленный этимъ замедленiемъ, молодой человекъ кликнулъ снова. Отвѣта не было, и удивленiе его перешло въ безпокойство. Онъ подбѣжалъ къ двери и закричалъ еще разъ:—д'Эрвилье! — Нѣтъ отвѣта. Тайный ужасъ обнялъ его. Донъ Педро также сталъ звать, и у обоихъ замерло сердце.

— Царь небесный! говорилъ Стефано, совершенно потерявшись: гдѣ жъ онъ?..... что съ нимъ сбѣлосъ?..... д'Эрвилье!.....

Голосъ его дрожалъ; онъ бросился въ житницу: все тихо и пусто. Страшная мысль мелькнула въ его головѣ.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ въ ужасѣ: если я ошибся!..... если я ошибся!.....

— Ошибся! что онъ говоритъ? повтoрили старикъ и дѣвушка, и присосли на мѣстѣ.

Прошли двѣ минуты въ глубокомъ молчанiи. Стефано возвратился, блѣдный, растрепанный, чуть дыша и едва держась на ногахъ.

— Бѣда! бѣда! вскричалъ онъ: д'Эрвилье нѣтъ! не бывалъ! онъ не принялъ этого выстрѣла за сигналъ! онъ остался въ павильонѣ..... и эта пальба.....

Онъ остановился, не смѣя досказать своей мысли. Педро и Мануэла поняли се и вскрикнули. Въ тоже время послышался шумъ и крики на улицѣ.

— Побѣда! побѣда! повтoрили многiе голоса.

— Нѣтъ сомнѣнiя! несчастный погибъ! вскричалъ Стефано съ порывомъ отчаянiя, воображая слышать голоса герильсовъ, которые разстрѣляли поручика: я предалъ его палачамъ, думая спасти отъ смерти!

Побѣдные клики раздались скоро въ дверяхъ дома, и Мануэла въ страхѣ опять бросилась на грудь Педро.

Но отчаянiе всѣхъ троихъ тотчасъ же уступило мѣсто изумленiю и радости, когда вмѣсто ожидаемыхъ убийцъ они увидѣли подь окномъ отрядъ христiносовъ подь предводительствомъ самого поручика д'Эрвилье, который не вошелъ, а вбѣжалъ въ комнату.

— Д'Эрвилье! вскричали въ одно время Стефано, донъ Рiасъ и Мануэла.

— Христiносы! непрiатели! тотчасъ же прибавилъ старикъ-Кастилецъ, между-тѣмъ какъ Мануэла пряталась позади его.

— Скажите лучше: друзья и слуги! отвѣчалъ поручикъ, подавая Стефано руку: тутъ теперь ни карлисты, ни христiносы, чортъ возьми! Тутъ благородные Испанцы, которые спасли честнаго Француза, и человека признательнаго, который приноситъ имъ свою благодарность..... Вотъ и все!

— Но..... возразилъ молодой человекъ, вы обязаны не намъ.....

— Не вамъ? миллионъ бомбъ! А кому же?... что вы говорите!.....

— Да какъ же это случилось?

— А! да; потерпите минутку. Вотъ въ чемъ дѣло. Напередъ и прежде всего, я долженъ засвидѣтельствовать вамъ, что вы вели себя по-геройски..... настоящий Испанецъ, чортъ возьми! Потомъ вотъ что: я съ полчаса сидѣлъ въ павильонѣ довольно спокойно,—однако не очень; сижу и смотрю то на дорогу, то въ садъ, и ужъ началъ порядкомъ скучать. Вдругъ слышу условленный выстрѣлъ. Надо убираться. Я вышелъ и хотѣлъ, по сказанному, отправиться къ житницѣ..... Смотрю, вмѣсто герильсовъ, подходятъ наши! воонтеры ея величества..... виновать, Христiны! Это баталiонъ, о которомъ я вамъ говорилъ, и который пришелъ въ Панолу хоть немножко поздно, однако жъ еще во время, какъ

видите. Наконецъ, однимъ словомъ, то были вотъ эти ребята, которыхъ имѣю честь представить вамъ, господа..... Слушай!..... На пле-е-чо! На кра-а-уль!.....

Солдаты исполнили команду какъ нельзя лучше.

— Вы понимаете, продолжалъ поручикъ, что вмѣсто житницы, гдѣ вы меня ждали, я предпочелъ идти къ товарищамъ, которыхъ послалъ мнѣ Богъ на спасенье, — простите, не посоветился причинить вамъ маленькое безпокойство! — перебрался черезъ плетни, черезъ пни, черезъ кочки, и влетѣлъ въ середину баталіона, словно тридцати-шести-фунтовикъ..... Рассказываю имъ покороче, какъ можно, въ чемъ дѣлю и, чтобы отомстить герильясамъ, иду сюда. Не прошли мы десяти шаговъ, новая исторія! Любезные дружки ужъ вышли отсюда, идутъ въ павильонъ и, воображая накрыть меня въ клѣткѣ, сами, такъ сказать, понали волку въ пасть..... Смирно! слушай!..... говорю я своимъ. Наша позиція выгодна. Засѣли въ кусты и ждемъ. Дали герильясамъ подойти въ безпорядкѣ на двадцать шаговъ, да тутъ изъ сотни карабиновъ залпъ. Тридцать человекъ такъ и положили на мѣстѣ, остальнымъ въ догонку нѣсколько гостинцевъ..... И все! Объ остальномъ вы догадываетесь: я не хотѣлъ оставить Нанолы, не поблагодаривъ васъ и не узнавъ о томъ, о чемъ говорилъ вамъ сегодня утромъ. Скомандовалъ: правое плечо впередъ! скорымъ шагомъ маршъ!..... А на дорогѣ поймалъ еще двухъ бездѣльниковъ, которые васъ караулили и отъ которыхъ я узналъ, сколько вы за меня потеряли..... да и конечно, они еще не все знаютъ..... такъ позвольте же поблагодарить васъ, благородный Кастилецъ!..... Представится случай, съ удовольствіемъ дамъ себя застрѣлить за васъ и за вашихъ родныхъ. Дайте мнѣ обнять васъ, какъ брата.... гдѣ ваше семейство? Подавайте всѣхъ сюда!

Молодые люди крѣпко обнялись.

— Но это еще не все! продолжалъ поручикъ, озира-

ясь въ комнатѣ: у васъ, конечно, есть отецъ, мать, сестра, жена можетъ-быть..... гдѣ они? Этотъ почтенный старикъ не отецъ ли вашъ?

И получивъ утвердительный знакъ, онъ безъ церемоніи бросился къ донъ Ріасу на шею. Старый походный товарищъ Фердинанда, отъявленный врагъ конституціи, не могъ не покраснѣть въ объятіяхъ христисоса, но во всѣхъ движеніяхъ и въ голосѣ Француза было столько живой, глубокой признательности, что старикъ невольно былъ тронуть.

— Да что же въ самомъ дѣлѣ, неужто у васъ нѣтъ женщинъ въ домѣ? спросилъ д'Эрвилль, продолжая свои попки.'

И тутъ, не смотря на стараніе Мануэлы скрыться, онъ увидѣлъ ее за большими креслами донъ Ріаса.

— А! вотъ! сказалъ поручикъ, поправляя усы и все еще не узнавая своей невесты: прекрасная Испанка. позвольте..... Милліонъ бомбъ! что это такое?.... Не обманываюсь ли я?.... Нѣтъ! это Мануэла д'Авилесъ, изъ Тафалы, моя миленькая невеста!

— И моя племянница, сеньоръ, сказалъ съ важностію донъ Педро, чувствуя, что ему нужно будетъ выдержать характеръ за троихъ.

— Да, это я, мосьё д'Эрвилль, лепетала Мануэла, блѣднѣя.

— Вотъ кака! встрѣча! весело вскричалъ офицеръ.

Онъ обнялъ дѣвушку, какъ обнималъ старика, объясняя себѣ ихъ волненіе очень просто по собственнымъ своимъ чувствамъ. Между-тѣмъ въ домѣ донъ Ріаса вся радость вдругъ исчезла, какъ исчезаетъ солнце при возвращеніи грозы. И дѣйствительно буря страстей и ревности уже поднималась; борьба чести и любви снова запылала въ сердцахъ хозяевъ, драма приближалась къ развязкѣ.

VI.

Я сохранилъ этому человѣку жизнь, а онъ отнимаетъ у меня счастье! думалъ Стефано, не смѣя взглянуть на поручика.

— О! матушка! матушка! прійди, помоги мнѣ!.... шептала Мануэла, возведя глаза къ небу.

— Ну, еще нѣсколько минутъ выдержать, и все будетъ кончено! говорилъ про-себя донъ Ріасъ.

— Клянусь честью! вскричалъ д'Эрвиллѣ, оправившись отъ изумленія: я не воображалъ, что вы такъ близко, Мануэла! Надобно признаться, что сегодня для меня день не то чтобы будничннй!.... Сколько всякаго счастья и радости!.... Судьба сегодня играетъ со мной, какъ пляшка съ ребенкомъ!.... Наконецъ, однимъ словомъ, чудо что такое!.... А теперь вы здѣсь, я здѣсь, и прекрасно! У насъ есть четверть часа времени на разговоръ; поговоримъ немножко да хорошо. Вы, моя красавица, легко поймете причину, которая привела меня въ Панолу?

Донъ Педро, вида смущеніе племянницы, поспѣшилъ отвѣчать за нее.

— Вы безъ сомнѣнія пришли напомнить Мануэлъ слово, которое она дала вамъ у одра умирающаго отца? Она его не забыла, сеньоръ. Она знаетъ свои обязанности обрученной невесты!.... Вамъ стѣдуетъ сказать слово!....

— Довольно! перебилъ Французъ, удивленный заботливостью старика объ отвѣтѣ за свою племянницу, и замѣтивъ сильное смущеніе дѣвушки. — Отвѣчайте мнѣ сами, Мануэла, продолжалъ онъ, пристально смотря ей въ глаза: расположены ли вы добровольно исполнить свое обѣщаніе?

Донъ Ріасъ опять хотѣлъ заговорить, но поручикъ остановилъ его движеніемъ руки, и Мануэла сама должна была рѣшиться отвѣчать.

— Добровольно?.... лепетала она: безъ сомнѣнія!.... мосье д'Эрвиллѣ; моя рука!.... и сердце должны принадлежать вамъ!....

— Фразы! подумалъ поручикъ, поблѣднѣвъ въ свою очередь: я въ отставкѣ, это ясно! — Тысяча-тысячъ чертей! все женщины вертушки!.... ворчалъ онъ сквозь зубы, закусивъ усь. — Но надо знать, кто мой наслѣдникъ? продолжалъ онъ спокойнѣе, машинально обращаясь къ Стефано. Тотъ стоялъ, столько же блѣдный, смущенный, какъ Мануэла, и смотрѣлъ въ землю. — Знаемъ! продолжалъ про-себя поручикъ, вспомнивъ волненіе, какое произвело въ молодомъ человѣкѣ его утреннее признаніе, и разгадавъ всю загадку: они любятъ другъ друга!.... они имѣли довольно времени объясниться!.... это очень просто!

И между-тѣмъ какъ все смотрѣли на него со страхомъ и мучительнымъ ожиданіемъ, онъ, проворчавъ еще что-то въ родѣ тысячи чертей, топнулъ ногой и отвернулся, чтобы не выдали его лица, на которомъ выразилась глубокая скорбь. Однако жъ онъ скоро оправился и продолжалъ про-себя:

— Баста! что тутъ долго думать! Этотъ храбрый молодой человѣкъ не виноватъ, что ему дѣвушка поправилась такъ же, какъ и мнѣ. Притомъ это не помѣшало ему спасти меня отъ смерти, на бѣду своей любви и съ опасностью быть застрѣленнымъ!.... Стало-быть!....

Онъ одной рукой закрутилъ усь, а другую судорожно прижалъ къ сердцу. Потомъ, обратившись къ Мануэлѣ, сказалъ съ притворною, веселою улыбкой:

— Суларья! я буду говорить съ вами откровеннѣе нежели вы со мной, хотя мнѣ это гораздо труднѣе чѣмъ вамъ. Вы, правда, сказали, — не совсѣмъ рѣши-

тельно, — что ваше сердце и рука некоторымъ образомъ находятся въ моемъ распоряженіи..... Но..... позвольте..... я въ двухъ словахъ объясню вамъ настоящую причину моего прихода.....

Слова эти обѣщали не то, чего всѣ страшились; Стефано и Мануэла вздрогнули отъ удивленія и надежды.

— Приступимъ къ дѣлу съ фронта, продолжалъ поручикъ, постепенно утверждаясь въ своей роли: и вы, мои мрачные господа Испанцы, не считите этой исторіи болѣе трагическою, нежели я считаю..... Что, на примѣръ, воображаете вы видѣть въ особѣ Карла-Павла-Эдуарда д'Эрвилье? Офицера болѣе или менѣе храбраго и сентиментальнаго, не правда ли? образцоваго жениха, который послѣ годовой отлучки, возвращается съ сердцемъ такимъ же пламеннымъ и неизмѣннымъ, какъ въ первый день сватовства? Если такъ, то вы имѣете весьма неточное понятіе о французскомъ офицерѣ вообще и о женихѣ въ особенности..... Французскій офицеръ, со шпагою въ рукахъ, дерется славно, это извѣстно! но, относительно къ вѣрности, я къ стыду моему долженъ признаться, что французскій офицеръ не стоитъ вашей подметки, благородные господа Кастильцы! Наконецъ, короче сказать, однимъ словомъ, мы въ любви просто шалуны.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричали Стефано и Мануэла, не зная, что сказать отъ изумленія, радости и мгновенно блеснувшей надежды.

— Вы шутите, сеньоръ? спросилъ донъ Ріасъ серьезно: вы хотите сказать, что обманули мою племянницу, иш.....

— Объяснимся, почтенный хидальго, перебилъ поручикъ: когда я говорилъ Мануэлѣ, что люблю ее и буду любить до смерти, то былъ столько же правдивъ какъ теперь, клянусь честью!.... Я ошибался только въ расчетѣ касательно своей чувствительности..... Будучи

неспособенъ хранить вѣрность до гроба, я хранилъ ее, въ походахъ, до ближняго города, отъ Наварры до Бискайн, отъ Бискайн до Арагоніи, и такъ далѣе, гдѣ имѣлъ слабость завести множество другихъ, болѣе или менѣе прочныхъ связей.....

Говоря это, съ притворнымъ смѣхомъ, который раздражалъ ему душу, онъ показалъ свою лѣвую руку, украшенную нѣсколькими кольцами и перстнями.

— Довольно, сеньоръ! сказалъ донъ Педро, у котораго строгость Кастильца довольно плохо прикрывала удовольствіе отца: вы берете обратно слово, данное моею племянницѣ; но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы пришли напоминать ей ея слово?

— Кто сказалъ, что я за тѣмъ пришелъ? Напротивъ; будучи здѣсь, по близости, я подумалъ и сказалъ себѣ: ты вѣтренникъ, поручикъ д'Эрвилье, ты каждый день влюбляешься въ другую красавицу, а твоя невѣста, какъ настоящая Испанка, конечно, вѣрна своему слову и ждетъ тебя, вертопраха, отказывая другимъ болѣе достойнымъ..... Поди же развяжи ей руки и отдай ей слово назадъ, если это ей, можетъ-быть, пріятно..... Вотъ, въ слѣдствіе этого разсужденія, я и пришелъ взаимно перемѣнить наши обручальные кольца.

Эти слова едва были выговорены, какъ Мануэла уже сняла свое кольцо и подала поручику. Такая простодушная поспѣшность ожгла сердце бѣдному д'Эрвилье. Онъ дрожащими руками снималъ и какъ-будто не подходилъ требуемаго кольца между другими. Это обстоятельство было понято любовниками съ другой стороны, и они громко захохотали.

— Боже, благодарю тебя! тихо сказалъ Педро, одинъ сохранившій спокойствіе.

Стефано и Мануэла не выдержали долѣе и бросились другъ другу въ объятія.

— Чудо! воскликнулъ поручикъ, до конца подавивъ

свою скорбь: вотъ, что называется, испанская откровенность.

Стефано быстро оборотился, чтобы пожать д'Эрвилье руку, но вздрогнулъ и остановился, увидѣвъ двѣ крупныя слезы на его щекахъ. Силы поручика были истощены и сердце его разрывалось подъ веселою улыбкой.

— Д'Эрвилье! сказалъ молодой человѣкъ, смотря ему въ глаза: д'Эрвилье! вы плачете?....

— Отъ радости, отвѣчалъ тотъ и отворотился.

Но очарованіе Кастильда было разрушено. Волненіе и двусмысленныя слова поручика стали ему понятны. Онъ вполне постигъ весь героизмъ своего благороднаго соперника.

— Д'Эрвилье! продолжалъ онъ шепотомъ, между тѣмъ какъ Мануэла обнимала донъ Ріаса: д'Эрвилье! все, что вы сказали, блистательная ложь!..... Вы любите Мануэлу!..... Вы желаете жениться на ней! вы ей не измѣнили! вы отказываетесь для меня!..... Я не хочу разрушать вашего счастья!.....

— Молчите! возразилъ также тихо поручикъ: не портите моей работы, чортъ возьми! Да!..... Коли вы ужъ догадались!..... Это правда, я съ тѣмъ пришелъ, чтобы жениться!..... Я никого не любилъ кромѣ Мануэлы!..... Эти перстни наслѣдственные!..... Мои измѣны — выдумка!..... Но молчите! еще разъ говорю вамъ, молчите! Мое несчастье не должно отравлять счастья той, которая васъ любитъ. Притомъ, вы спасли мою жизнь съ опасностью собственной, я долженъ утвердить ваше счастье!..... Самоотверженіе за самоотверженіе!.... Теперь мы квиты! Прощайте.

— Прощайте! отвѣчалъ Стефано со слезами на глазахъ.

Они обнялись. Д'Эрвилье простился съ донъ Ріасомъ, поцѣловалъ руку Мануэлы, и вышелъ.

— Правое плечо впередъ! маррригъ-маршъ! скомандовалъ онъ на улицѣ.

Барабаны ударили, и батальонъ потянулся изъ деревни. Подошедши къ окну, Стефано услышалъ, какъ петвердый голосъ напѣвалъ:

Начали твои уста,
Но мое окончить сердце....

— Мануэла! Мануэла! вскричалъ Стефано, когда хрипиносы исчезли изъ виду: вотъ, наконецъ, ты свободна, и мы будемъ счастливы! Но не забудемъ никогда поручика д'Эрвилье!...

Любовь слишкомъ рано обнадежила ихъ. Они забыли, что между чашею радости и устами можетъ упасть слеза, и что въ самыхъ тѣсныхъ объятіяхъ остается мѣсто для несчастья.

VII.

Не прошло четверти часа по уходѣ д'Эрвилье; Стефано и Мануэла, рука объ руку, стояли у окна и прислушивались къ отдаленному барабанному бою, съ которымъ улетало все ихъ горе, а донъ Ріасъ, спокойно утонувъ въ креслахъ, отдыхалъ отъ тревоги и любовался счастьемъ своихъ дѣтей. Вдругъ отворилась дверь; вошелъ рослый мужчина, весь въ черномъ.

— Донъ Родриго! мой сынъ! вскричалъ старикъ.

— Братецъ! воскликнули Стефано и Мануэла.

И пришедшій уже былъ въ объятіяхъ своего семейства. Въ первую минуту удивленія и радости, никто не примѣтилъ цвѣта одежды и печальнаго выраженія лица неожиданнаго гостя. Донъ Педро первый увидѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Родриго! съ какою ты вѣстью? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Стефано и Мануэла съ ужасомъ переглянулись. Родриго упалъ на грудь отца.

— Мои дѣти! вскричалъ тотъ: что стало съ моими дѣтьми?...

— Батюшка! отвѣчалъ Родриго: у васъ было пятеро сыновей.... Теперь осталось трое.

— Двое сыновей..... Умерли!..... Двое!..... шепталъ старикъ и упалъ назадъ въ кресла.

— Они умерли на службѣ королю..... Они пали при мѣ, на полѣ сраженія.

— Карлосъ и Пабло! дѣти мой, дѣти мой! проговорилъ старикъ съ отчаяніемъ: для чего я пережилъ васъ!.....

Мануэла упала на колѣни и оросила своими слезами руки несчастнаго отца. Родриго и Стефано упали другъ другу въ объятія. Долго не слышать было ничего кромѣ рыданій въ комнатѣ, гдѣ только-что господствовала радость. Донъ Педро первый прервалъ молчаніе.

— Благодарю тебя, сынъ мой, сказалъ онъ Родриго: благодарю, что ты самъ принесъ мѣ эту вѣсть. Принесенная гѣмъ-нибудь чужимъ, она, можетъ-быть, убилъ бы меня. Но теперь я знаю, что она значить.....

Донъ Родриго потушилъ глаза и не отвѣчалъ. Братъ его смотрѣлъ на отца; Мануэла поблѣднѣла какъ смерть.

— Я также понимаю, батюшка! сказалъ Стефано, съ усиліемъ, пожимая руку брата: я вамъ поклялся итти замѣнить перваго изъ братьевъ, который падетъ на полѣ битвы, за короля. Я готовъ, батюшка.

Мануэла хотѣла броситься къ Стефано, но силы измѣнили ей, и она безъ чувствъ упала на руки Родриго. Тотъ унесъ ее въ сосѣднюю комнату, между-гѣмъ какъ донъ Ріасъ твердою рукой удержалъ Стефано. Черезъ нѣсколько минутъ, двое молодыхъ людей, съ ружьями на плечахъ, тихо вышли изъ Панолы.

Прошелъ мѣсяць; Педро и Мануэла не получали никакихъ вѣстей о Стефано. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ старикъ узналъ, что донъ Родриго убитъ такъ же, какъ Пабло и Карлосъ. Еще черезъ мѣсяць его извѣстили, что изъ пяти сыновей у него остался только одинъ, Стефано. Тогда, поручивъ племянницу одному семейству, которое выѣзжало во Францію, донъ Педро Ріасъ взялъ свой послѣдній пистолетъ и старую саблю и, опираясь на палку, пошелъ присоединиться къ остатку арміи донъ Карлоса.

Вечеромъ, четырнадцатаго Сентября 1839 года, въ маленькомъ городкѣ Г***, въ Гасконскомъ Заливѣ, на границѣ Франціи и Испаніи, обыкновенное спокойствіе жителей было нарушено сильною тревогой и шумомъ. Гарнизонъ, преданный Христинѣ, забиралъ подъ стражу горсть солдатъ донъ Карлоса. Только и рѣчи было что о совершенномъ низложеніи претендента, который, какъ сказывали, принужденъ бѣжать во Францію. Посреди хлопанья множества отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, стука оружія, крика женщинъ и дѣтей, и суетящихся матросовъ и солдатъ, бѣжалъ чловѣкъ, довольно видный, даже красивый, но оборванный и грязный какъ нищій. «Держи! держи его!» кричали гнавшіеся за нимъ полицейскіе. Но бѣглець продрался сквозь толпу, которой было не до него, достигъ двери одного проходнаго дома и очутился въ другой части города. Тамъ онъ увидѣлъ толпу поденщиковъ, которые возвращались съ работы изъ гавани, и присталъ къ нимъ. Добрые люди, понявъ, что чловѣкъ въ опасности, не обнаружили ни удивленія, ни неудовольствія, и спокойно продолжали путь, загородивъ его собою со всѣхъ сторонъ. Съ ними бѣглець вошелъ на постоялый дворъ. Тамъ у низкой, загрязненной двери,

онъ встрѣтилъ человѣка, лѣтъ сорока—пяти или пятидесяти, не высокаго роста, сутуловатаго; рыжеватые волосы его были зачесаны съ затылка черезъ лысое темя на лобъ; густые, длинные, рыжіе усы совершенно закрывали ротъ, лишенный большей части зубовъ, отчего подбородокъ выставился и почти сходилъ съ горбатымъ носомъ. Такія черты не выражали особеннаго величія; платье тоже показывало простаго поденьщика, но во взглядѣ и всѣхъ движеніяхъ незнакома видна была привычка повелѣвать.

— Кто вы? спросилъ онъ бѣглеца.

Отвѣта не было. Пришедшій, по-видимому, обдумывалъ, что сказать.

— Кто вы! отъ чего бѣжите? Говорите откровенно! Если вы не мошенникъ, не убійца, такъ добро пожаловать!

— Я солдатъ, отвѣчалъ тотъ: меня преслѣдуютъ за преступленіе противъ военнаго устава.

— Солдатъ? чей? съ живостью спросилъ поденьщикъ.

— Изъ волонтеровъ Христіны.

— Какое же ваше преступленіе?

— Отпустилъ двухъ карлистовъ, которые были у меня подъ стражей.

При первомъ изъ этихъ двухъ отвѣтовъ поденьщикъ покраснѣлъ отъ гнѣва, при второмъ улыбнулся и сказалъ:

— Спасибо. Теперь, прибавилъ онъ, что вы намѣрены дѣлать? Чѣмъ могу я вамъ быть полезенъ? Вамъ медлить некогда, мнѣ тоже, такъ говорите скорѣй.

— Я думаю ѣхать во Францію, на свою родину, да не знаю какъ.....

— Во Францію? такъ мы попутчики. Я тоже ѣду. На заливѣ меня ждетъ судно. Поѣдьте. Не нужно ли вамъ чего справить въ городѣ?

— Нѣтъ; у меня, какъ у философа, все съ собой.

— У меня тоже.

Поденьщикъ закинулъ на спину свой кожаный мѣшокъ и подалъ Французу знакъ слѣдовать. Но на порогѣ тотъ остановилъ его.

— Позвольте, минуту. Хотя я чужой здѣсь, въ городѣ, однако жъ побѣгомъ обратилъ на себя вниманіе, и первый встрѣчный можетъ узнать меня въ этомъ рублищѣ.

— Правда. На—те же, возьмите мой камзолъ, шапку и этотъ мѣшокъ, а я надѣну вашъ балахонъ.

— Но какъ же? Тогда васъ пріймутъ за меня!

— Не беспокойтесь; мнѣ стѣитъ только слово сказать, и меня тотчасъ отпустить.

— Кто же вы? спросилъ Французъ съ изумленіемъ.

— Хидальго, путешествующій по дѣламъ, отвѣчалъ незнакомецъ со вздохомъ, показывая паспортъ отъ правительства Христіны.

Нѣсколько минутъ спустя путешественники были въ безопасности, на кораблѣ, гдѣ нашли еще человѣкъ двадцать такихъ же поденьщиковъ, и Французъ узналъ между ними тѣхъ, которые помогли ему скрыться отъ преслѣдованія полицейскихъ.

Въ продолженіи получаса плаваніе было успѣшное, хотя и трудное. Но лишь-только солнце закатилось, поднялась сильная погода съ грозой; шквалы рвали паруса, волны хлестали черезъ бортъ. Опасность съ каждою минутой возрастала, и страхъ пассажировъ сообщился даже экипажу. Смятеніе на палубѣ все болѣе и болѣе удаляло возможность спасенія. Кто кричалъ и клялся, кто молился; всѣ суетились и мѣшали одинъ другому. Только два человѣка оставались спокойны. Одинъ былъ знакомый намъ Французъ, другой—его товарищъ, усатый поденьщикъ. Оба внимательно слѣдили за движеніями рулевого. Вдругъ морякъ, окаченный и

опрокинутый волной, бросилъ руль, упалъ на колѣни и закричалъ:

— Помилуй, Господи!..... тонемъ!

Этотъ отчаянный крикъ, сигналъ смерти, еще увеличилъ ужасъ и беспорядокъ на суднѣ.

Но тутъ Французъ подошелъ, схватилъ оставленный румпель, громкимъ повелительнымъ голосомъ отдалъ нужныя приказанія, ободрилъ своимъ примѣромъ упавшихъ духомъ матросовъ и сильною рукою управилъ судно. И въ короткое время онъ достигъ бережья, защищеннаго отъ вѣтра, гдѣ плаваніе стало совершенно безопасно. Тогда онъ передалъ управленіе судна оторопѣвшему рулевому и отошелъ въ сторону, не обращая вниманія на изъявленія благодарности, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ.

— Любезный другъ, сказалъ подошедши къ нему и подавая руку усатый его покровитель: я не предполагалъ въ васъ ни такой ловкости, ни такой неустрашимости! Я почитаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай услужить вамъ, и, если имѣю нѣкоторое право на вашу признательность, такъ позволяете узнать ваше имя.

— Чтѣ вамъ до моего имени?

— Я буду чтить его по достоинству своимъ уваженіемъ.

— Карль-Павель-Эдуардъ д'Эрвилье, бывшій поручикъ полка французскихъ волонтеровъ въ арміи Христины.

— Теперь расскажите мнѣ вашу исторію.

Д'Эрвилье захохоталъ.

— О чемъ вы смѣетесь?

— Мнѣ смѣшно, что вы, кажется, принимаете меня за интереснаго героя. Но вы очень ошибаетесь, благородный хidalго.

— Пусть ошибаюсь. Рассказывайте.

— Положимъ, я стану рассказывать. Да вы то кто же, какъ васъ зовутъ?

— Я вамъ сказалъ, что путешествую по дѣламъ.....

— По тайнымъ, конечно?

— Я имѣю, какъ и вы, пужду, скрываться. Притомъ какой Испанецъ теперь смѣетъ называться своимъ именемъ?

— Правда. Но условимся объ одномъ.

— Объ чемъ?

— Когда я вамъ расскажу свою исторію, вы мнѣ расскажете свою!

— Согласенъ.

— Дѣло!

Довольный этимъ условіемъ, д'Эрвилье описалъ незнакомцу извѣстныя намъ приключенія свои, и когда дошелъ до того, какъ отпустилъ арестантовъ, Испанецъ, видимо тронутый, закидалъ его вопросами.

— Какъ! этотъ дряхлый старикъ и раненый молодой человекъ — донъ Ріасъ-де-ла-Сарга и его младшій сынъ Стефано?

— Его послѣдній сынъ.

— А остальные четверо?

— Убиты на службѣ претендента, въ рядахъ предводителя Кабреры.

Испанецъ склонилъ голову и вздохнулъ.

— И старшій Ріасъ послалъ донъ Карлосу послѣдняго своего сына?

— Да. Мало того, онъ отправилъ свою племянницу во Францію (тутъ д'Эрвилье въ свою очередь вздохнулъ), и самъ, на семидесятомъ году, едва въ состояніи будучи держать свой пистолетъ и саблю, опираясь на клюку, пошелъ къ Кабрерѣ..... Судите же, каково мнѣ было, когда я увидѣлъ его, съ сыномъ, въ плѣну,

осужденнаго на позорную смерть!... Могъ ли я не спасти его?

— Бѣдный старикъ! шепталъ Испанецъ со скорбію, отвернувъ лицо.

Потомъ, схвативъ Француза за руки, онъ прибавилъ:

— Вы благородный человѣкъ!

— Надѣюсь, что и вы на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы то же, отвѣчалъ поручикъ простодушно: я самъ не менѣе обязанъ этимъ благороднымъ Кастильцамъ. Я еще не совсѣмъ рассчитался съ ними. Я ихъ отыщу; они должны быть тамъ же, куда и мы пристанемъ, и тогда надѣюсь доказать, что французское гостепримство стоить испанскаго.

Въ это время судно вошло въ гавань, гдѣ, на берегу, толпилось множество любопытнаго народа.

— Теперь ваша очередь рассказывать! сказалъ д'Эрвилье своему товарищу: дайте же и мнѣ узнать ваше имя и вашу исторію.

— При высадкѣ вы узнаете и то и другое; теперь некогда, отвѣчалъ тотъ, обмѣнявшись знакомъ съ кѣмъ-то стоявшимъ на берегу.

Д'Эрвилье замѣтилъ женщину, необыкновенной красоты, шедшую объ-руку съ молодымъ человѣкомъ, поодаль отъ толпы прочихъ любопытныхъ. Между-тѣмъ какъ пассажиры высаживались, поручикъ съ удивленіемъ слѣдилъ за своимъ таинственнымъ товарищемъ, потому-что, при его появленіи, въ толпѣ произошло сильное волненіе. Байонскій меръ и всѣ городскія начальства явились въ челѣ одного баталіона пѣхоты. Незнакомецъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу и, взявъ за руку женщину и молодаго человѣка, которые его ожидали на берегу, сказалъ меру:

— Король Карлъ V, принцесса де-Бейра, инфантъ

донъ Себастьянъ и послѣдніе ихъ товарищи просятъ у Франціи пріюта.

Пораженный д'Эрвилье не слышалъ отвѣта мера.

Черезъ нѣсколько недѣль праздновали свадьбу въ хорошенькомъ домѣ, въ деревнѣ О***, лежащей въ полутора миляхъ отъ Байоны. Этотъ домъ былъ скромнымъ наслѣдіемъ поручика д'Эрвилье, а вѣнчали донъ Стефано Ріаса съ доньей Мануэлою д'Авилесь.

Человѣкъ, который велъ или, лучше, котораго велъ невѣста въ церковь, былъ дряхлый, слѣпой старикъ, донъ Педро Ріасъ; онъ съ каждымъ шагомъ, казалось, приближался ко гробу, но на морщинистомъ, исхудавшемъ лицѣ его выражалась тихая, благодарственная молитва.

Въ слѣдующемъ году, новые изгнанники бѣжали черезъ границу изъ Испаніи во Францію. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, обращалъ на себя особенное вниманіе своимъ нарядомъ. На немъ былъ мундиръ христіанскаго офицера, а подъ мышкою онъ держалъ узелъ, въ которомъ находился мундиръ карлистскій. Надѣвая то одинъ, то другой, смотря по мѣсту, гдѣ проходилъ, онъ благоразумно подражалъ Лафонтеновой летучей мышѣ.

— Я христіанъ, вотъ мой синій мундиръ!

— Я карлистъ, вотъ мой зеленый мундиръ!

Но иногда молодецъ ошибался въ своей политической ловкѣ и показывалъ зеленое платье христіансамъ, а синее карлистамъ. Однако жъ и тутъ онъ вывертывался, развязывая узелъ и доказывая, что онъ только такъ перерядился. И такимъ образомъ, прыгая съ кочки на кочку, онъ живой и здоровый добрался до Франціи,

гдѣ могъ безопасно носить оба платья, и синее и зеленое.

Этотъ чудакъ былъ нашъ старый знакомецъ, сеньоръ донъ Хенрикъ Бальдикасъ-и-Малакасъ-и-Кастикасъ-и-Сальникасъ, потомокъ славнаго Сиды Кампеадора.

В. Д.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

o

ЖИВОТНОМЪ МАГНИТИЗМЪ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Je m'esbahyz que le roy les laisse prescher par son royaume telz scandales. La peste ne tue que les corps, mais telz imposteurs empoisonnent les âmes!

Rabelais.

=

VI.

Мы оставили въ послѣдней статьѣ французскихъ магнитистовъ, предающихся притворной радости: они очень хорошо чувствовали, какъ заключенія Гюссонова доклада неопредѣлительны и двусмысленны; но faisant bonne mine au mauvais jeu, они назвали себя торжествующими, объявили, что одержали блистательную побѣду, и увѣрили съ тономъ упрека, что это «навсегда бы должно-бы-

ло утвердить магнитизмъ, что слѣдовало бы учредить кафедры для этой важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, во всѣхъ нашихъ факультетахъ¹; но что академія, заглушивъ голосъ истины, съ непростительнымъ упрямствомъ оставалась при своемъ скептицизмѣ и предубѣжденіяхъ, и тому подобное. Такія фразы никого не обманываютъ; правда только то, что академія немного поздно и уже по прочтеніи доклада, замѣтила какой она дала промахъ, подвергнувъ магнитизмъ вторичному, ученому изслѣдованію: ей бы слѣдовало держаться правила — на нѣтъ и суда нѣтъ! Тщетно она, противъ существующихъ постановленій, запретила напечатаніе доклада: рукописныя копіи его достались магнитистамъ, которые спѣшили ихъ напечатать и тѣмъ ободрили двухъ новыхъ поборниковъ, выступить на бранное поле, для защиты месмеризма. Это были господинъ Филассьё, получившій въ это время степень доктора въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ, за написанное имъ разсужденіе о животномъ магнитизмѣ,² и знакомый нашимъ читателямъ докторъ Фуассакъ³, тотъ самый, который, въ 1825 году, первый вызвался представить академіи ясновидицу, дѣвицу Céline, не исполнившую потомъ ни одного изъ данныхъ обѣщаній.

Сочиненіе Filassier наполнено утвержденіями и наблюденіями, далеко превышающими все объявленное предъдущими магнитистами; авторъ съ макиавелевскою хитростью увѣряетъ, что онъ самъ долго не вѣрилъ въ магнитизмъ, сомнѣвался въ истинѣ его, до-тѣхъ-поръ, пока не убѣдился собственнымъ опытомъ, и совѣтуетъ всякому руководствоваться подобною осторожностью при

¹ Ricard, Traité pratique du magn. animal, etc. Paris, 1841, p. 137.

² A. Filassier, Quelques considérations pour servir à l'histoire du magnétisme animal, Paris, 1832. 4°.

³ Foissac, Rapports et discussions de l'academie royale de médecine sur le magnétisme, avec des notes explicatives, Paris, 1833.

обсужденіи этой теоріи. Господинъ Филассьё забываетъ, или не хочетъ помнить, что собственный опытъ только тогда облегчаетъ открытіе истины, когда мы умѣемъ съ критическою строгостью разсматривать явленія, и слѣдовать за связью между явленіемъ и его причиною. Такъ наприимѣръ, когда извѣстный фокусникъ Боско, съ годъ тому, давалъ въ одесскомъ театрѣ публичныя представленія, нѣсколько сотъ человѣкъ, всякій разъ, были личными свидѣтелями самыхъ удивительныхъ штукъ; партеръ и раекъ уносили съ собою непоколебимое убѣжденіе, что Боско умѣетъ «силою воли» дѣлать изъ воды вино, отсѣкать головы разнодѣтнымъ голубямъ и воскрешать ихъ потомъ — бѣлыхъ голубей съ черными головами, и наоборотъ: однако жъ всѣ соглашались съ нами, что тутъ недостаточно собственнаго опыта столькохъ, совершенно безпристрастныхъ зрителей, какіе посѣщаютъ раекъ одесскаго театра, чтобы вѣрить въ «сверхъестественное могущество» фокусника, и учредить особыя кафедры въ университетахъ, для преподаванія его штукъ: хорошо еще, что Боско съ откровенностью, рѣдкою у магнитистовъ, при всякомъ представленіи повторялъ, что онъ не волшебникъ, что все дѣлается просто и безъ колдовства, а то, — чего доброго! — мосьё Рикаръ сталъ бы требовать, чтобы и «престигигатія» включена была въ составъ медицинской науки: она вѣдь основана на неоспоримыхъ фактахъ!

Возвратимся теперь къ господину Филассьё¹: его фокусы не хуже Босковыхъ. «Неограниченная сила магнитизера надъ сноходцемъ, говоритъ онъ, и столь же безпредѣльное, страдательное повиновеніе этого послѣдняго, открываютъ обширное поле для лечебныхъ вашихъ дѣйствій; вы можете сдѣлать все, съ суще-

¹ Тутъ и въ слѣдующихъ страницахъ, вездѣ, гдѣ наставлены знаки, мы приводимъ собственные слова сочинителей, безъ всякой перемѣны.

ствомъ, погруженнымъ вами въ сонъ: вы *хотите*, и оно вдругъ переносится «изъ атмосферы людей и предметовъ, вредныхъ для него», въ другую, благодѣтельную; ему холодно, вы его согреваете; ему жарко, вы его освѣжаете; вы *дуете* на всѣ его страданія, и онъ тотчасъ исчезнуть, какого бы рода ни были». — «Тоскуеть ли сноходець по роднымъ, по отчизнѣ, вы представите ему ихъ, хотя вы сами ихъ никогда не видали.» — «Вы уничтожаете его чувствительность, когда ему надобно перенести жестокою операцію. Вы переѣняете вѣду въ ту жидкость, которую онъ желаетъ, или которую вы находите для него полезною.» (Ну, право, Боско долженъ быть магнитизеръ!) «Я еще больше сдѣлать», продолжаетъ господинъ Филасьё (не пугайтесь, любезнѣйшія читательницы: вы, можетъ-быть думаете, что онъ отсѣкалъ головы брюнеткамъ и представлялъ ихъ къ туловищу блондинокъ, или наоборотъ? нѣтъ, нѣтъ!) «Я подавалъ сомнамбулѣ порожній стаканъ; она плала, дѣлала всѣ движенія глотанія и.... жажда ея была утолена; *ничьмъ* я успокоивалъ голодъ ея, изъ ничего приготавливалъ для нея пышные обѣды...»² Какой подрывъ для бѣдныхъ трактирщиковъ! Имъ придется съ голоду умереть, когда москѣ Филасьё *ничьмъ* станетъ кормить людей! Но нѣтъ худа безъ добра; зато какое драгоценное изобрѣтеніе для политической экономіи! Теперь нечего бояться неурожая: магнитизеры ничѣмъ успокоятъ голодные желудки народовъ континентальной системы: Филасьё воду превратитъ намъ въ кофе, въ шоколадъ, въ любую жидкость!

Удивительно только одно, почему коммисіи, въ продолженіи пяти лѣтъ, не удалось увидѣть ни одного изъ этихъ чудесъ? и другое: гдѣ Филасьё, юный медикъ, только-что кончившій курсъ, успѣлъ столько ихъ на-

² *Bouillaud*, въ diction. de médecine et de chirurgie pratiques, T. IX. Paris, 1834, p. 303.

дѣлать? Онъ намъ приводитъ также примѣръ, какимъ образомъ онъ усыпилъ женщину (не согласившуюся быть магнитизированною), дѣлая нужныя «*passes*» надъ другою особою, но съ *твердою волею* дѣйствовать на эту женщину «*belle brune, grasse, bien épaisse et bien longue, ne connaissant pas même de nom le magnétisme*»: она заснула! Тогда вынесли свѣчи изъ комнаты, и не смотря на глубокую темноту (всѣ этого рода опыты сотворяются всегда по ночамъ), она съ совершенною точностью опредѣлила время на часахъ, положенныхъ ей на лобъ, или на сердечную ложечку (*épigastre*)¹. Другая женщина, «образованная» господиномъ *Шанеленомъ*, котораго наши читатели уже знаютъ, съ удивительною подробностію знавала, не только болѣзни представлявшихся ей пациентовъ; но «ощущала» также всѣ умственные и нравственные качества ихъ, характеръ, наклонности и самыя *сокровенныя мысли* ихъ. (Напрасно начальство не подвергаетъ законныхъ преступниковъ, отпирющихся воровъ, и прочихъ, магнитизированію: тогда, вмѣсто всѣхъ допросовъ и полицейскихъ слѣдствій,

¹ Замѣтимъ одинъ разъ навсегда, для избѣжанія повтореній, что магнитисты забываютъ, какъ легко опредѣлить время (даже не прикладывая вовсе часовъ къ желудку) въ большихъ городахъ, гдѣ часы на церквяхъ и другихъ общественныхъ зданіяхъ, бьютъ не только половины, но даже четверти; уже не говори о томъ, что вездѣ въ домахъ есть стѣнные часы, которые вѣрно не останавливаются нарочно, во время магнитическихъ опытовъ. Этимъ средствомъ такъ называемымъ «сноходцаемъ», всегда не трудно бываетъ опредѣлить положеніе стрѣлокъ на часахъ, тѣмъ болѣе, что ошибка въ пяти или въсколькихъ минутахъ не принимается въ уваженіе. Впрочемъ докторъ *Fouilhoux* рассказываетъ (*Encyclopédie des sciences médicales*. T. V. Paris, 1833, p. 148), что въ одномъ магнитическомъ засѣданіи, вида какъ сноходица постоянно узнавала время, хотя магнитизеръ часто переставлялъ стрѣлки на своихъ часахъ, онъ рассматривая эти послѣдніе, нашель, что они были съ *репетицією*, но были такъ тихо, что стукъ ихъ, ощущаемый при прикосновеніи къ животу, не доходилъ до ушей зрителей.

ясновидицы тотчас открыли бы всё тайные замыслы и намѣренія ихъ; напрасно также магнитизеры не дѣйствуютъ на господь Ротшильда, Лафита или самыхъ французскихъ министровъ, наканунѣ биржевыхъ дней: они узнали бы, намѣрены ли они покупать или продать испанскіе фонды, и такимъ образомъ Филасье и собраты могли бы себѣ составить огромныя состоянія). Филасье однажды представилъ той же ясновидящей, *волося* большого своего пріятеля, жившаго въ пятидесяти лѣтъ отъ Парижа, и она тотчасъ опредѣлила недугъ его; «прописываемое ею леченіе, совершенно сходствовало съ тѣмъ, которое я самъ совѣтовалъ своимъ паціентамъ.»

Дѣвица Lef..., изъ знатной фамиліи, магнитизированная господиномъ Шапеленомъ, описала отцу своему наслажденія магнитическаго сна, слѣдующими словами: «Ахъ, если бы ты зналъ, какъ я счастлива въ этомъ состояніи; я не могу сравнить его ни съ чѣмъ, и никогда не хотѣла бы выйти изъ него!» Ясновидящая способность этой дѣвицы наконецъ дошла до того, что она «спавши въ гостиной мосье Шапелена, въ Парижѣ, *видѣла* мать свою, жившую тогда въ Arcis-sur-Aube, описала ея занятія въ ту минуту, ея положеніе и *сокровенныя думы*; потомъ предсказала какія посѣщенія она получитъ чрезъ нѣсколько дней, о чемъ будетъ говорить съ гостями,» и проч. и проч.; разумѣется, что это сбылось по предсказанію. (Bouillaud, I. c. p. 325).

Мы не приводимъ другихъ наблюденій господина Филасье; онъ посягъ на себѣ столь же явныи отпечатокъ истины, какъ и всё приведенныя здѣсь. Икаль только, что онъ не представилъ ему годомъ раньше, прежде нежели коммиссія кончила докладъ свой: Гюссонъ вѣрно помѣстилъ бы ихъ въ немъ, и сдѣлалъ бы его такимъ образомъ еще болѣе основательнымъ и любопытнымъ. Выишемъ еще слова, которыми господинъ Фи-

ласье заключаетъ свою диссертацию: «Такъ точно, какъ «безнравственные магнитизеры или шарлатаны могутъ «во зло употреблять магнитизмъ «pour des plaisirs infames» «или для низкой корысти, такъ и ясновидящія, по-«лучившія дурное направленіе или предоставленныя са-«мимъ себѣ, могутъ дѣлать употребленіе пагубное для «нихъ или для больныхъ, ищущихъ ихъ помощи, изъ «способности, дарованной имъ природою. Въ большихъ «городахъ находится множество такихъ *миимыхъ пред-«сказательницъ*: онѣ всё почти женщины! ¹ Лишен-«ныя ясновидѣнія, онѣ не оставляютъ, основанной на «*обманъ*, промышленности своей, «et leurs divinations fabu-«leuses, suivies par des êtres crédules, deviennent fatales!...» «Этотъ шарлатанизмъ, пагубный и лживый во всѣхъ «отношеніяхъ, безпрестанно распространяется!» ²

Какъ это утѣшительно для больныхъ, которые вѣрно не въ состояніи дѣлать различіе между истинною и мнимою премудростью, когда сами магнитисты этого не умѣютъ!

Фуассакъ напечаталъ докладъ коммиссін, съ объясненіями и примѣчаніями, и доказываетъ, между прочимъ, что такъ называемое «снохожденіе» существовало всегда, и у всѣхъ народовъ, и что сомнамбуловъ, смотря по царствующимъ понятіямъ и предразсудкамъ вѣка, называли «сноволкователями, шюями, сивиллами, гадателями, предсказателями, видящими, вдохновенными, феями, колдунами, *extatiques convulsionnaires* ³» и такъ дабѣ.

¹ Мы объяснимъ ниже причины, почему почти всё ясновидящія — женщины.

² Bouillaud, I. cit. стр. 338.

³ Фуассакъ здѣсь намекаетъ на фанатиковъ, извѣстныхъ въ исторіи Франціи, подъ названіемъ «trembleurs des Cévennes» (въ 1681 году) и на «convulsionnaires», танцовавшихъ на могилѣ діакона *Paris*, на кладбищѣ *St. Médard* въ Парижѣ (1732); сравн. *Bertrand*, I. cit. стр. 434 и слѣдующія; *Burdin et Dubois*, Histoire, etc. du magnétisme, стр. xxvii. и слѣдующія; также: Théâtre sacré des Cévennes, стр. 38, 43, и пр.

Вотъ къ какимъ нелѣпымъ мнѣніямъ, несчастный докладъ комиссіи подалъ поводъ! Но къ счастью магнитисты вскорѣ сами разрушили слабый успѣхъ, пріобрѣтенный ими въ глазахъ публики, *удивительными* своими опытами, при которыхъ присутствовали «женщины съ *нѣжными сердцами*, но отличными умомъ (слогъ господина Филасье), и ученые съ строгимъ разсудкомъ, привыкшіе различать истину отъ лжи!» Какой-то докторъ *Берна*, двадцать-перваго Февраля 1838 года, письменно предложилъ медицинской академіи въ Парижѣ, убѣдить членовъ ея, не имѣющихъ еще собственного опыта, въ дѣйствительности магнитическихъ явленій. Академія вновь назначила комиссію, которой докладчикомъ былъ остроумный профессоръ Dubois (d'Amiens), и которая руководствовалась при изслѣдованіяхъ своихъ, совершенно другими предосторожностями, чѣмъ предыдущая комиссія. Результатъ всѣхъ опытовъ господина Берна былъ совершенно неудачный, и мы представляемъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя изъ заключеній рапорта, читаннаго профессоромъ Дюбуа въ академіи, седьмага Августа 1837 года; мы извлекаемъ ихъ изъ превосходнаго сочиненія: *Histoire académique du magnétisme animal, etc.*, p. C. Burdin j. et Fr. Dubois (d'Amiens), Paris, 1841, стр. 469 - 511.

1. Изъ всѣхъ фактовъ, которыхъ мы были свидѣтелями, явствуетъ, что намъ не дано было никакого предварительнаго доказательства, что такъ называемое магнитическое снохожденіе дѣйствительно существуетъ: магнитисты только *утверждали* передъ каждымъ опытомъ, что «субъектъ» его находился въ сомнамбулизмѣ; но никогда этого не *доказывалъ*.»

2. Другой опытъ долженъ былъ, по содержанію программы господина Берна, удостовѣрить насъ въ уничтоженіи «чувствительности» у сноходцевъ, не употребляя однако жъ для испытанія этого состоянія другаго средства, кромѣ небольшихъ булавокъ, которыми намъ по-

зволялось колоть только до глубины $\frac{1}{2}$ линіи, и то единственно на рукахъ или на шеѣ. Но такъ какъ глаза и большая часть лица сноходицы были покрыты повязкою, то намъ нельзя было судить, выражается ли въ нихъ ощущеніе боли, или нѣтъ? Къ тому же, эта боль была очень умѣренна, и ощущалась въ частяхъ тѣла, пріученныхъ, можетъ-быть, къ такого рода впечатлѣніямъ.»

3. Касательно увѣренія магнитиста, что онъ однимъ дѣйствіемъ своей воли «можетъ возстановить чувствительность въ частяхъ, прежде лишенныхъ ея», комиссары замѣчаютъ, что какъ онъ не могъ фактически доказать предшествовавшаго уничтоженія чувствительности, то черезъ это одно, ему и невозможно было удостовѣрить ихъ въ возстановленіи ея; «сверхъ-того, изъ всего видѣннаго нами слѣдуетъ, что всѣ попытки магнитиста въ этомъ отношеніи рѣшительно не удались.» Мы должны были единственно полагаться на утвержденія сноходицы; но если она *уверяла* напримѣръ, что лѣвая нога ея сдѣлалась нечувствительною, то тутъ еще не было доказательства, что эта конечность находилась въ магнитическомъ онѣмѣніи.»

4. «Все сказанное на счетъ чувствительности, относится совершенно и къ такъ называемому «уничтоженію и возвращенію *движеній*.» Комиссары не получили ни малѣйшаго доказательства.

6. Перемѣщеніе органа зрѣнія. Всѣ опыты сюда относящіеся были рѣшительно неудачны. «Мы не только не получили никакихъ абсолютныхъ, неопровержимыхъ фактовъ, но изъ всего того, что мы видѣли, можно вывести странныя подозрѣнія, относительно *правдивости* ясновидящей.»

7. «.... Такъ, напримѣръ, ясновидящая не только не могла различать ни одного предмета, съ завязанными глазами, но что думать объ этой женщинѣ, которая такъ подробно описываетъ предметы, которые ей вовсе

не были представляемы? которая въ бѣлой бумажкѣ видить трефоваго валета, въ академическомъ жетонѣ узнать золотые часы съ бѣлымъ циферблатомъ и черными числами?

«Однимъ словомъ, господинъ Берна, вѣроятно, обманулъ самого себя, обѣщавъ представить академіи рѣшительные факты, и увѣряя, что они должны послужить объясненіемъ для физиологіи и терапии. Эти факты вамъ теперь извѣстны, они столько же мало говорятъ въ пользу самаго магнетизма, какъ и не могутъ имѣть ничего общаго съ упомянутыми науками»..... подписали *Roux* предсѣдатель, *Bouillaud*, *H. Cloquet*, *Eméry*, *Pelletier*, *Caventou*, *Cognac*, *Oudet*, *Du Bois*.

Докладчикъ первой комиссіи, Гюссонъ, чувствуя важную сдѣланную роль онъ долженъ былъ играть, если бы мнѣніе Дюбуа принято было академіею, протестовалъ противъ его заключеній, хотя принужденъ былъ сознаться, что «опыты сдѣланы были со всѣми нужными предосторожностями, и по-этому заслуживаютъ *полнаго и совершеннаго довѣрія*»; но «изъ немногихъ фактовъ, говорить господинъ Гюссонъ, нельзя дѣлать общихъ выводовъ,» забывая, что онъ самъ именно это сдѣлалъ въ своемъ докладѣ, и что всѣ заключенія комиссіи 1825 года основываются на весьма немногочисленныхъ и не довольно строго наблюдаемыхъ опытахъ. Гюссонъ, кромѣ того, жаловался, что Дюбуа позволилъ себѣ насмѣшки на счетъ молодого собрата, доктора Берна который, кажется, былъ обманутъ двумя женщинами, назвавшими себя сноходцами..... и доказалъ что онъ или не знаетъ всѣхъ неправильностей и отступленій, свойственныхъ явленіямъ, которыми онъ занимается, или слишкомъ мало предостерегся направленія нѣкоторыхъ сомнамбуловъ, пользоваться легковѣріемъ публики.» Эти слова господина Гюссона очень хорошо характеризуютъ ничтожность увѣреній магни-

тистовъ; иначе какъ же они при безпредѣльной силѣ своей, позволяли бы такъ легко обманывать себя и кому еще: простымъ, необразованнымъ женщинамъ! Кто намъ ручается, что всѣ прочія ихъ наблюденія, о которыхъ мы еще подробнѣе поговоримъ, и которыми они подчуютъ добродушную публику, также не произведены обманывающими, хитрыми сноходцами? Если бы господинъ Берна не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ субъектахъ, то неужели онъ вызвался бы просвѣтить невѣрующую академію «принимая на себя, доставить тѣмъ, для которыхъ авторитетъ ничего не значить, личный опытъ, какъ лучшій способъ къ убѣжденію?» (*Ricard*, 1. с. стр. 153).

Послѣ неудачныхъ опытовъ господина Берна, комиссія пригласила, посредствомъ журналовъ, всѣхъ, занимающихся животнымъ магнетизмомъ, доставить ей случаи присутствовать при ихъ экспериментахъ, но никто не явился, и по-этому Дюбуа заключилъ докладъ своей слѣдующими словами: «Вамъ теперь одно доказано, милостивые государи, если еще существуютъ другіе магнетисты, то они не смѣли представиться свѣту, не дерзнули подвергнуться подтвержденію или опроверженію академіи.» Черезъ нѣкоторое время однако жъ, какой-то господинъ Петриконі, судебный чиновникъ въ Корникѣ, прислалъ въ парижскую медицинскую академію записку¹, въ которой онъ увѣряетъ, «что съ глубочайшимъ чувствомъ истины и убѣжденія, будетъ имѣть честь представить свои опыты для *пользы человечества*» (это слово, безпрестанно вертится на языкѣ почтенныхъ магнетизеровъ). Потомъ рассказываетъ примѣры удачныхъ исцѣленій самыхъ трудныхъ болѣзней, или приводитъ случаи, въ которыхъ ясновидящіе предугадывали полъ утробныхъ младенцевъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія ихъ, и тому подобное.

¹ С. Burdin et Dubois 1. с. стр. 339 — 371.

Но любопытнѣе всего, повѣствованіе объ одномъ безграмотномъ сноходцѣ Л.... «не имѣвшемъ никакого понятія о географіи, а тѣмъ менѣе о лунѣ», и который въ сомнамбулизмѣ описалъ видъ этой планеты, различалъ на ней «высокія, свѣгомъ покрытыя горы, непроходимыя лѣса, неизвѣстные ему деревья; чудные плоды, вовсе непохожіе на наши», рѣки, водопады озера, животныхъ, хижины, деревни и — *людей!* «Они небольшого роста, не выше трехъ футовъ, лица ихъ остроконечно, какъ рыло, и каждый чело-«вѣкъ носитъ палку въ рукахъ.» — Къ чему эти палки? «спрашиваетъ магнитизеръ. — «Вѣроятно, чтобы лучше ходить, потому-что у нихъ у всѣхъ кривыя ноги.» — Какъ они одѣты?—«Въ короткое платье и штаны, входящія только до половины ноги, сшитыя изъ *толстаго сукна* (слушайте, слушайте!). На другой половинѣ луны, которой мы не видимъ, сноходецъ также различалъ «домъ и города, но лучшаго устройства, хотя не замѣтно было никакихъ слѣдовъ земледѣлія, потому-что люди питались плодами.» Внутри домовъ и на площадяхъ разложены были большіе огни, около которыхъ кривоногіе обитатели луны и сидѣли, и *курили!*» Все это заслуживаетъ полного вашего вниманія, говоритъ господинъ Петрикони академикамъ, какъ сказанное *не астрономомъ а невѣждою.* (Невѣжда, разумѣется, былъ сноходецъ, а не магнитизеръ). Въ заключеніе онъ проситъ академію исходатайствовать у правительства, чтобы оно покровительствовало магнитизму, этому открытію, истинно чудесному!»

Между тѣмъ, членъ академіи, господинъ Бурденъ, предпочитая вѣроятно убѣдиться, умѣютъ ли сноходцы различать предметы на землѣ, прежде нежели онѣ отправляются на луну, назначилъ премію *трехъ-тысячъ франковъ* тому, который сумѣетъ читать безъ помощи глазъ и свѣта, то есть, прочтетъ какія-нибудь писемца, находящіяся видъ предѣловъ зрительныхъ органовъ, и

безъ помощи ослзанія. Казалось бы, что послѣ всѣхъ увѣреній магнитистовъ, послѣ книги господина Филасьё и опытовъ Гюссона, должно-было представиться множество охотниковъ выиграть премію господина Бурдена: но нѣтъ! всѣ эти дѣвицы, отгадывающія *сокровенныя* мысли, пользующія больныхъ, находящихся въ 50 лѣтъ отъ нихъ, по разсмотрѣніи одного волоса ихъ¹; эти магнитисты изъ *ничего* создающіе пышные обѣды — всѣ они сохранили благоразумное молчаніе, не шевельнулись, и скромно остались подалеже отъ академіи, слѣдуя, безъ сомнѣнія, прекрасному совѣту господина Рикара «*Dieu veuille, qu'ils ne soient plus tentés d'aller se bruler à la flamme infernale des corps savants!*» (1. с. стр. 190).

Нѣсколько магнитистовъ впрочемъ предложили академіи представить ей *свидѣтельства*, что ихъ сноходцы умѣли видѣть съ закрытыми глазами, на что, разумѣется, она не могла согласиться; но наконецъ явился докторъ Пижеръ, изъ Монпелье, который имѣлъ сноходцу, читающую съ завязанными глазами «если только буквы сами по себѣ были освѣщены.» Это условіе противорѣчитъ разсказу господина Филасьё, о его жирной и плотной брнеткѣ, которая въ *совершенной темнотѣ* узнавала положеніе стрѣлокъ на часахъ, и также вышеизложенному нами замѣчанію, что по не существованію въ организмѣ другаго оптическаго сваряда, кромѣ глазъ,

¹ Читатели наши вѣрно еще помнятъ изъ прошлогоднихъ журналовъ, разсказъ объ одномъ шарлатанѣ въ Америкѣ, лечившемъ весьма удачно болѣзни отсутствующихъ особъ, если только онѣ ему присылали запечатанную сткляночку съ водою, въ которой большой держалъ палецъ свой въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. По смерти этого фокусника, нашли въ кабинетѣ его огромный шкафъ съ этими баночками, которыхъ онъ вовсе не распечатывалъ, оставялъ такъ у себя; между тѣмъ изъ книгъ его видно было, что число вылеченныхъ имъ больныхъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, составило многія тысячи! *Sapienti sat!*

при закрытіи ихъ, предметы не могутъ быть воспринимаемы посредствомъ отражающихся отъ нихъ лучей свѣта, а какъ-нибудь иначе: къ чему же въ такомъ случаѣ освѣщеніе предметовъ? Впрочемъ господинъ Бюрденъ согласился на это условіе господина Пижера, требовавшаго сверхъ того, чтобы ясновидящая его имѣла право водить свои пальцы по стеклышку, положенному, надъ письменами, которыя ей слѣдовало разбирать. Опять новое ограниченіе, не совсѣмъ соответствующее расхваленному всемогуществу всевидящаго *внутренняго чувства*, этого удивительнаго *истинника*, не знающаго никакихъ предѣловъ времени и пространства! Неменѣе того академикъ Бюрденъ и тутъ изъявилъ свое согласіе отдать 3000 франковъ снوخодку, если только коммиссія предварительно убѣдится, что по-крайней-мѣрѣ глаза его будутъ совершенно закрыты, и что ему невозможно читать посредствомъ ихъ.

Собираясь пріѣхать въ Парижъ, москѣ Пижеръ купилъ представилъ въ академію записку, въ которой излагаетъ, что онъ до 1836 года самъ не вѣрилъ въ магнитизмъ, но былъ обращенъ на путь истины барономъ Дюпоте; что снوخодка была собственная его, Пижера, дочь, одиннадцати-лѣтняя дѣвица, которой искусство онъ «вѣрно и безпристрастно» описеть академіи. Мы сообщаемъ здѣсь существенныя подробности этой записки¹:

Дѣвица Пижеръ въ магнитическомъ снѣ не только различала предметы, заключенные въ *закрытыхъ ящичкахъ или табакеркахъ* (просимъ помнить это обстоятельство), но также съ закрытыми глазами узнавала время на часахъ, которые она держала въ рукѣ; узнавала особъ находящихся въ другой комнатѣ и тому подобное. Она однажды въ присутствіи знаменитаго профессора хирургіи, съ завязанными глазами прочла *цѣлую страницу*, лучше, чѣмъ въ бодромъ состояніи; эта способность не

уменьшалась и тогда, когда ей покрывали сперва глаза хлопчатой бумагою, а потомъ завязывали; въ послѣдствіи ей надѣвали на все лицо *маску*, которой глазныя отверстія закрыты были, сложеннымъ въ четверо, бархатомъ. Снарядъ не очень понравился дѣвицѣ, не менѣе того она всё-таки продолжала читать очень плавно, но когда присутствовавшій докторъ Понгоскій (?), подаль ей закрытую книгу, то ясновидящая, потерявши пальцемъ переплетъ, сказала: Я этакъ не могу читать, но *вижу*, что сочиненіе въ стихахъ. Она потомъ начала тереть бѣлой листокъ, находящійся въ книгахъ передъ заглавіемъ, и прочла «Fables de Lafontaine.» Маску послѣ того замѣнили непрозрачными очками, окруженными на внутренней ихъ поверхности возвышеніемъ, совершенно пристающимъ къ краямъ глазныхъ впадинъ, и приклеенными сверхъ-того снизу англійскою тафтою къ щекамъ и носу; такимъ образомъ зрѣніе посредствомъ глазъ сдѣлано было совершенно невозможнымъ.» (Почтенный москѣ Пижеръ *ошибся*, какъ въ послѣдствіи оказалось; но объ этомъ послѣ).

Къ запискѣ приложенъ былъ протоколъ, составленный профессоромъ монпельскаго университета, Lardat, во время трехъ магнитическихъ засѣданій, при которыхъ онъ присутствовалъ; тамъ сказано, между прочимъ, что юная снوخодка магнитизирована была матерью своею, и всякій разъ когда читала въ книгѣ, она какъ-бы *скоблила* буквы пальцемъ. Многія слова, особенно незнакомыя ей, напримѣръ, *géologie, fossile*, и другія она разбирала съ трудомъ и только по складамъ. Когда ей въ первомъ засѣданіи спяли снарядъ съ лица, глаза оказались *полуоткрытыми*, не смотря на магнитическій сонъ (NB!); по пробужденіи своемъ, дѣвочка съ торжествующимъ видомъ сказала: «Eh-bien, dira-t-on qu'il y a du *contéragé* encore?» (Такое восклицаніе въ устахъ одиннадцати-лѣтней дѣвочки, намъ кажется, очень не естественнымъ, и по-этому подозрительнымъ; по-крайней-мѣ-

¹ Ricard, I. с. стр. 171 до 186.

рѣ видно, что если бы ее хотѣли подучить, то она умственно была довольно развита для этого). Въ слѣдующемъ засѣданіи тѣ же опыты повторены были въ присутствіи свидѣтелей, по большей части незнакомыхъ съ фактами и приемами магнетизма; «многіе объявили, что они не убѣждены», основываясь на томъ, что снарядъ показался имъ сомнительнымъ. Въ третьемъ засѣданіи господинъ Лорда, спросилъ: можетъ ли дѣвица читать, если между глазъ и предметовъ находится непрозрачное тѣло? Госпожа Пижеръ отвѣчала что *нѣтъ!* «такой-же отрицательный отвѣтъ мнѣ данъ былъ на вопросъ: сѣумѣетъ ли она читать, держа руки на спинѣ.»

Замѣтимъ, мимоходомъ, это новое противорѣчіе; спохватившись узнать предметы, находящіеся въ закрытой табакеркѣ, говоритъ отецъ, то есть, со всѣхъ сторонъ окруженные непрозрачнымъ тѣломъ, и не читаетъ, когда такое же тѣло находится между глазами и книгой. Но все-таки, эти опыты были гораздо блистательнѣе и рѣшительнѣе всего, видѣннаго комиссіею 1825 года, въ которой ясновидящій учитель Пти увѣрялъ, что онъ съ *закрытыми глазами ничего не видитъ*. Дѣвица Пижеръ была несравненно искуснѣе, и деньги академика, казалось, уже одною ногою стояли не въ могилѣ, а въ карманѣ отца-магнетизера! Онъ дѣйствительно явился въ Парижъ съ своимъ семействомъ, открылъ у себя публичныя *приготовительныя* засѣданія, въ которыхъ ясновидящая читала «*admirablement*», въ первой попавшейся книгѣ, въ присутствіи многихъ знатныхъ и ученыхъ зрителей, хотя глаза ея были закрыты повязкою изъ чернаго бархата, тщательно приклееннаго нижнимъ краемъ своимъ къ щекамъ. Но когда отецъ наконецъ представился комиссарамъ академіи, то они замѣтили ему, что повязка слишкомъ *узка*, и требовали чтобы онъ замѣнилъ ее, или другою, пошире, или легкою, шелковою *маскою*. Пижеръ на это не согласился, говоря, что дочь его не можетъ читать «если верхняя и

нижняя часть лица ея не будутъ открыты.» — «Я причины этому не знаю, а можетъ-быть у нея нервы лба и щеки заступаютъ мѣсто зрительнаго нерва?» (Какъ же вы, почтеннѣйшіи, въ своей запискѣ намъ говорите о какой-то *маскѣ*, которой глазныя отверстія закрыты были бархатомъ?). Комиссары показали ему, что англійская тафта, какъ бы тщательно ни приклеили ее, весьма скоро мѣстами отстаетъ отъ кожи, особенно при движеніяхъ глазныхъ яблоковъ, и оставляетъ такимъ образомъ маленькія отверстія, чрезъ которыя лучи свѣта проникаютъ до глазъ; по-этому они требовали, чтобы предметы, которые ясновидящая должна была узнавать находились по-крайней-мѣрѣ не въ косвенномъ направленіи, *ниже лица, а прямо передъ глазами*, на линіи перпендикулярной къ повязкѣ, и въ такомъ случаѣ они готовы были не перемѣнять этой послѣдней. Пижеръ не согласился. Комиссія наконецъ ему предложила, чтобы глаза дѣвицы вовсе не были завязаны, а чтобы только между ними и предметами, находился листъ бумаги; Пижеръ и тутъ отказался, и такимъ образомъ уѣхалъ изъ Парижа, не представивъ вовсе дочери своей академіи; но профессоръ (Жерди), который присутствовалъ при шести публичныхъ засѣданіяхъ дѣвицы Пижеръ, убѣдился, что она смотрѣла всегда на предметы сквозь небольшія, едва примѣтныя отверстія, по обѣимъ сторонамъ носа, происшедшія отъ тафты, отстоящей всегда при высыханіи ¹. Жерди потомъ повторилъ надъ собою и надъ другими подобные опыты и нашелъ, что отверстіе въ булавочную дырочку въ тафтѣ, позволяетъ очень удобно читать и различать предметы.

Между-тѣмъ двухъ-лѣтній срокъ, назначенный Бюрономъ для желающихъ получить его премію, приближался къ окончанію, а результата относительно перемѣненія

¹ E. Burdin et Fr. Dubois, l. c. стр. 603 — 612.

чувствъ, и зрѣнія съ закрытыми глазами, все еще не было. Онъ рѣшился продлить этотъ срокъ еще на *одинъ* годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, облегчать условія своей программы; вотъ въ чемъ онъ наконецъ заключались. «Представьте мнѣ особу, магнетизированную или пѣтъ, спящую или бодрствующую, все равно; «если она *днемъ* и съ *открытыми глазами* будетъ читать сквозь непрозрачную тѣло, напримѣръ, шелковую, «бумажную или тканую ткань, находящуюся на разстояннн шести дюймовъ отъ лица; если она даже будетъ читать сквозь простой листъ бумаги, то мои 3000 «франковъ ей будутъ отданы.»

Явился какой-то лѣкарь изъ Provins, господинъ *Heubliet*, который извѣстилъ академію, что у него находится «превосходная» сноходица, желающая представиться ей, для полученія преміи. Три года магнетизъ приготовлялъ ее, и довелъ ясновидѣніе этой особы до высокой степени; наконецъ за 10 дней до истеченія окончательнаго срока, онъ прислалъ ее въ Парижъ къ остроумному доктору Франпару, которому поручилъ предпринять нужныя мѣры, для представленія сноходицы въ комиссію. Но Франпаръ, подержавъ эту особу нѣсколько дней у себя дома, весьма скоро убѣдился, что она *грубая* (даже не хитрая) обманщица, и что она бѣднаго *Heubliet* жестоко обманывала въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Эта дѣвица въ магнетическомъ снѣ читала *спиною*, но ея увѣренія; но когда Франпаръ, услышавъ ее и положивъ передъ нею, нарочно, книгу, въ которой ей должно было читать, вышелъ изъ комнаты и сталъ смотрѣть въ щель дверей, то чтó же онъ увидѣлъ? Ясновидящая потихоньку и безъ церемоннн встала, взяла книгу въ руки, просмотрѣла ее бѣгло и даже сдѣлала себѣ карандашемъ какія-то замѣтки на бумажкѣ, потомъ опять легла и снова притворилась спящею. Когда Франпаръ къ ней возвратился; то, по его приглашенію, она, какъ-бы съ трудомъ и медленно, разобрала за-

главіе книги, опредѣлила число страницъ и такъ далѣе! Тутъ, слѣдовательно, уже нельзя было сомнѣваться въ обманѣ, осталось только удостовѣрить въ этомъ господина *Heubliet*; Франпаръ пригласилъ его въ Парижъ, будто для того, чтобы получить премію отъ академіи, потомъ поставилъ его и еще нѣсколько нарочно приглашенныхъ медиковъ, къ дпрочкамъ повернутымъ въ дверяхъ комнаты, въ которой спала ясновидящая, и все могли убѣдиться, какъ она дѣлала себѣ выписки изъ книги. *Heubliet* былъ какъ-бы пораженъ громомъ; но долженъ былъ вѣрить своимъ глазамъ, и написалъ слѣдующее письмо къ Франпару: «Paris, 4 Octobre 1840. Mon très honoré confrère. je suis atterré, meurtri, confondu de tout ce que vous m'avez fait voir ce matin. Quatre ans d'astuce! Quelle persévérance audacieuse! «Oh! c'est une maitresse femme que mademoiselle Emélie (имя «сноходицы); но и вы мастеръ, въ четыре дня вы «успѣли ее изобличить; поздравляю и благодарю васъ! «Я не прошу, чтобы вы молчали, или пощадилн меня; «напротивъ того, я охотно подвергаюсь вашимъ ударамъ, потому-что истина не можетъ восторжествовать «безъ мучениковъ и безъ жертвъ. Однакожь позволять «мнѣ собраться съ духомъ, — я право не знаю, вѣрю «ли я еще во чтó бы то ни было!» (Подписано) Докторъ *M. Heubliet*. »

Какой урокъ для магнетистовъ! Но не думайте, чтобы они укротились! Въ тоже самое время докторъ *Teste* извѣстилъ академію, что у него находится одна «или даже двѣ сноходицы», которыя умѣютъ читать печатныя слова, заключенныя въ картоновыхъ или даже «деревянныхъ» ящикахъ, если только имъ предварительно объявятъ, въ какомъ направленнн находятся буквы; «я надѣюсь, говоритъ господинъ *Teste*, что никто изъ членовъ академіи не возстанетъ противъ изслѣ-

¹ Ср. Gazette des hôpitaux, отъ 31 Октября 1841 года.

дованія этого факта, котораго послѣдствія могутъ имѣть безконечную важность для науки и для человечества.»

Пятаго Сентября 1840 года, ровно въ 7 часовъ вечера, комиссія собралась у господина Теста, и предсѣдатель ея принесъ съ собою нѣсколько картоновыхъ коробочекъ, на днѣ которыхъ лежали печатные листки извѣстнаго шрифта (sicéro). Сноходница, молодая брюнетка, весьма пріятной наружности, заснула очень скоро; магнитистъ подалъ ей запечатанную коробочку, полученную имъ изъ рукъ предсѣдателя, и спросилъ: видитъ ли сноходница внутренность ея? Молодая женщина дала положительный отвѣтъ, и увѣрила, что начнетъ читать черезъ десять минутъ; все это сказано съ тономъ совершеннаго убѣжденія и надѣянности въ свое искусство. Сердце забилося у комиссаровъ. Господинъ Гюссонъ, одинъ изъ нихъ, торжествовалъ. Между-тѣмъ проходить полчаса, часъ, ясновидица держитъ коробку въ рукахъ, вертитъ ее во все стороны и — молчитъ; замѣшательство ея постепенно возрастало; оробѣвшій магнитистъ спрашиваетъ, сколько строкъ она различаетъ въ коробкѣ? «Ихъ двѣ», говоритъ она. Наконецъ она разбираетъ слово *pous*, потомъ черезъ нѣкоторое время и слово *sommes*; но объявляетъ, что ей теперь невозможно прочесть болѣе этого «*pous sommes*». Тогда отняли у нея коробочку, разбудили ее методически, и вывели изъ комнаты.

По разпечатаніи картона, въ присутствіи господина Теста нашли въ немъ слѣдующіе шесть стиховъ, въ которыхъ, къ счастью, ни одного раза не было ни *pous* ни *sommes*:

Encore un mot, Romains, tout est mûr pour la gloire,
Ma dernière parole est un cri de victoire;
Nos succès fussent-ils différents ou douteux,
S'arrêter est fatal, reculer est honteux.

Choisissez; Rome libre ou la patrie esclave.

La mort, effroi du lâche, est la palme du brave. ²

Послѣ этого медицинская академія рѣшила единогласно, «не отвѣчать болѣе ни на какія предложенія магнитизеровъ» ³ и, съ 1-го Октября 1840 года (тогда кончился трех-лѣтній срокъ, назначенный господиномъ Бурденомъ преміи), все такія предложенія оставляются безъ вниманія, «такъ точно какъ академія наукъ поступаетъ съ записками относительно *квадратуры круга* или *perpetuum mobile*»; по нашему, ихъ принимаютъ къ свѣдѣнію.

VII.

Можно было надѣяться, что послѣ всехъ этихъ неудачъ, послѣ столькихъ формальныхъ *démentis*, данныхъ магнитизерамъ, одинъ въ слѣдъ за другимъ, и одинъ другаго сильнѣе, эти господа, хоть на время, утихнутъ, и оставятъ публику въ покоѣ; но шарлатанство неутомимо: оно знаетъ, что легковѣріе и страсть къ чудесному врождены человѣку, что ихъ искоренить нельзя. Новыи поборникъ бросилъ публикѣ перчатку. Это мосьѣ Рикаръ, отчасти уже извѣстный нашимъ читателямъ, и называющій себя *профессоромъ магнитизма* ⁴. Онъ изъ

² Эти стихи, сочиненіе Leprevost d'Jray, извлечены изъ рѣчи Мариуса, подражанія Саллюстію.

³ Bulletin de l'académie royale de médecine, T. VI, стр. 22.—23. C. Burdin et Dubois, l. c. стр. 630.

⁴ Во Франціи лица, занимающіяся частнымъ преподаваніемъ какого бы то ни было предмета, хоть на примѣръ, *восточной живописи*, обыкновенно принимаютъ титулъ профессора. Книга Рикара «Traité théorique et pratique du magn. animal, ou méthode facile pour apprendre à magnétiser», Paris, 1841, 533 стр. in 8°», вышла сперва въ Тулузѣ въ 1839 году, тоненькою брошюркою.

ложилъ свои опыты въ пространномъ сочиненіи, наполненномъ утверждениями, которыя ясно доказываютъ, что если авторъ не вырвался самъ изъ желтаго дома, то онъ по крайней-мѣрѣ полагаетъ, что мы всё сидимъ въ немъ; до такой степени факты, накопленные имъ съ неизмѣрною дерзостью, противорѣчатъ здравому смыслу и извѣстнымъ намъ законамъ природы. Намъ остается еще разсчитаться съ мосье Рикаромъ, за благосклонныя его моления «о прощеніи и просвѣщеніи» насъ, пренебрегающихъ «высокимъ его ученіемъ». Мы это сдѣлаемъ прежде, нежели заключимъ свою статью; нельзя лучше отомстить почтенному профессору, какъ изложеніемъ существеннаго содержанія его книги; читатели наши вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ обзоръ новѣйшаго состоянія теоріи магнетизма, разумеется, въ сочиненіяхъ адептовъ.

Прежде всего, позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ, касательно *персоны* самого магнетиста. Мосье Рикаръ странствующій рыцарь, объѣзжающій Францію вдоль и поперекъ, и показывающій *за деньги* «образованныхъ» имъ спиходиць (стереотипное выраженіе этихъ господъ; а слѣдовало бы сказать «дрессированныхъ»), передъ которыми дѣвица Нижеръ ужъ подлинно ребенокъ! «Публичные опыты, говоритъ Рикаръ, тѣмъ полезны, что черезъ нихъ магнетизмъ дѣлается болѣе и болѣе извѣстнымъ народу; изъ десяти путешественниковъ, теперь одинъ по-крайней-мѣрѣ, уже вѣрно видѣлъ подобныя опыты, и хотя бы и вовсе не вѣрилъ въ нихъ, онъ всё-таки станетъ охотно разсказывать ихъ въ *дилижансахъ*, при *табль-д'отти*, въ трактирахъ» (видите какъ высоко метитъ нашъ адептъ!) «Такимъ образомъ, наконецъ возбудится любопытство многихъ равнодушныхъ, не заботившихся прежде о магнетизмѣ, котораго названіе мало-по-малу распространится «и это всё-

таки что-нибудь да значить¹». Читатели наши постигнутъ глубокую мудрость такого уместованія!

Обыкновенное мѣстопробываніе мосье Рикара, теперь въ Парижѣ; онъ тамъ «съ удивительнымъ успѣхомъ даетъ публичныя магнетическія засѣданія, въ присутствіи шести, восьми-сотъ зрителей.» Если вамъ случится быть въ Парижѣ и объѣхать на «Итальянскомъ Бульварѣ», то совѣтуемъ послѣ десерта прочесть одну изъ нестрыхъ афишекъ, приклеенныхъ къ деревьямъ; вы увидите изъ нея, что какого-то числа, въ такомъ-то домѣ, имѣетъ быть магнетическое представленіе у господина Рикара; начало въ восемь часовъ ровно (куда, какое удобное время для опытовъ!). За входъ вы платите бездѣяцу, три франка; но зато вы увидите чудеса и васъ

.....Такимъ вещамъ научать,

Какихъ конечно намъ не выдумать съ тобой!.....»

Кто же не имѣетъ счастья лично ихъ видѣть за свои 76 $\frac{1}{2}$ копѣйки серебромъ (по нынѣшнему курсу), тотъ можетъ ихъ узнать изъ упомянутой книги магнетиста, изъ которой мы, для общей пользы и назиданія, выпишемъ любопытнѣйшія мѣста:

«Животный магнетизмъ есть проявленіе способности, данной всѣмъ существамъ дѣйствовать или одни на другихъ, или каждое на самого себя. Степень этой силы больше или меньше, смотря по *воли* существа. Влага магнетическая, нервная, электрическая и тому подобныя, суть не иное что, какъ *теп.лородъ* (*calorique*), измѣняемый только средою, черезъ которую онъ проходитъ. *Отитъ доказалъ* (*sic!*), что магнетическая влага пробѣгаетъ неизмѣримыя пространства, въ мгновеніе ока, какъ свѣтъ, и проходитъ сквозь непрозрачныя тѣла, какъ теп.лородъ; въ этихъ тѣлахъ она накапливается

¹ Ricard, l. c., глава: Utilité des expériences publiques, стр. 336. Стоитъ прочесть ее!

только, когда мы этого именно *хотимъ*; въ противномъ случаѣ, она устремляется на тотъ удаленный предметъ, на который *воля* дала ей первоначальное направление. Магнитическая влага отражается поверхностью зеркалъ и другихъ гладкихъ, или даже живыхъ тѣлъ: мнѣ часто случалось видѣть, какъ въ то время, когда я магнитизировалъ особу, находящуюся прямо передо мною, другая особа, на которую *я вовсе не дѣйствовалъ*, приходила въ состояніе снохожденія.» (Ric. l. e. стр. 195.) Это явленіе противорѣчитъ сказанному выше, касательно вліянія воли на магнитическую влагу; положимъ, что она дѣйствительно отражается на постороннюю особу, то она бы въ такомъ случаѣ должна была пройти насквозь ея, а не накопиться въ ней. Кромѣ того, мы напомнимъ читателямъ фізіологическое явленіе, о которомъ уже говоритъ Байльи въ своемъ докладѣ, а именно, невольное подражаніе нами движеніямъ, дѣлаемымъ передъ нами, другими особами; мы зѣваемъ, когда другіе зѣваютъ, и тому подобное. Не естественно ли объяснить это снохожденіе посредствомъ такого подражанія, чѣмъ прибѣгнуть къ отважной гипотезѣ отраженія влаги? Впрочемъ, магнитистамъ о фізіологій толковать нечего!

«Вообще мы скажемъ, что влага, поддерживающая дѣйствіе нашихъ нервовъ, есть настоящая причина животнаго магнитизма, что она, по нашей *воли*, истекаетъ изъ насъ и напитывается тѣла, на которыя мы ее направляемъ (ib. p. 197), и что она, будучи *началомъ жизни*, чрезвычайно благотворна для больныхъ.»

«Въ первое время моего пребыванія въ Англемѣ, я долженъ былъ бороться съ величайшимъ недоброжелательствомъ, не только медиковъ, но и всей публики: это были не невѣріе, не сомнѣнія, а адскій заговоръ, угрожавшій смертью магнитизму (sic! началу жизни!), ненавистью къ магнитизерамъ и осрамленіемъ приверженцамъ ихъ.» Въ одно достопамятное застѣ-

даніе является къ мосѣ Рикару, какой-то ангулемскій Франтъ, извѣстный дуэлистъ и забіяка, и обращается къ нему со слѣдующими обидными словами: Вы, милостивый государь, профессоръ магнитизма? Такъ извольте же узнать, что, по моему мнѣнію, ваша теорія суще шарлатанство, и прочее, и прочее. «Кровь вскипѣла во мнѣ, увѣряетъ господинъ Рикаръ, но къ счастью я удержалъ порывъ своего гнѣва, и сказалъ ангулемскому лву сухо: мнѣ не трудно будетъ для доказательства истинны своего ученія, учинить смертоубійство; я убью васъ, если вы этого требуете!» Франтъ струсилъ и попросилъ, чтобы его магнитизировали. Я посадилъ его передъ собою, устремивъ на него мой *мраморный взглядъ*(!), и однимъ движеніемъ руки, черезъ минуту, произвелъ въ немъ такіе сильные припадки, судороги, приливъ крови къ головѣ, что не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы я не пересталъ на него дѣйствовать.» Съ-этихъ-поръ Франтъ сдѣлался отчаяннымъ защитникомъ магнитизма. (l. c. стр. 202).

«Доказано съ достовѣрностью, что человекъ, имѣющій *слабое довѣріе* къ магнитизму, весьма скоро излечится отъ болѣзни, посредствомъ его, тогда какъ другой, невѣрующій, не почувствуетъ никакого дѣйствія, или очень слабое.» «Безвѣріе пациента почти всегда препятствуетъ дѣйствію магнитизма.» (стр. 206—7.) Какъ же вы намъ объясните эту связь между вѣрованіемъ, то есть, актомъ или состояніемъ совершенно психическимъ, и нервною или магнитическою влагою, которая, какъ бы невѣсома она ни была, всё-таки есть вещество матеріальное?

«Я убѣдился, что тѣ особы наиболѣе чувствительны къ дѣйствію магнитизма, у которыхъ слабое здоровье, и что всякій, легко ощущающій сильное вліяніе его, непременно бываетъ нездоровъ.» (стр. 211.) Есть однако жъ люди по-видимому блестящаго здоровья, а между-тѣмъ одаренные необычайною чувствительностью въ

этомъ отношеніи: я встрѣтилъ даму, которая не знала меня вовсе, не слышавши никогда, что существуетъ магнетизмъ (скажете намъ, гдѣ можно видѣть такихъ дамъ?) была какъ-бы поражена громомъ, когда я въ первый разъ устремилъ на ея глаза мой *магнетическій взглядъ*; когда я потомъ смотрѣлъ на нее безъ намѣренія *дѣйствовать*, то она рѣшительно ничего не чувствовала. Я въ послѣдствіи часто повторялъ надъ нею этотъ опытъ и всегда съ равнымъ успѣхомъ.» (стр. 215).

«Можно произвести онѣмѣніе въ какой-нибудь части тѣла и потомъ заставить его продолжаться, и по прекращеніи магнетическаго сна; мой братъ (у нашего адепта есть братъ, достойный подражатель его) даже произвелъ это явленіе въ молодомъ человѣкѣ, господинѣ Гоудино, который не вѣрилъ въ магнетизмъ, и хотя его магнетизировали въ продолженіе получаса, — не заснулъ, а закрывъ глаза, *притворился спящимъ*. По окончаніи манипуляцій спросили его, какъ вы себя чувствуете? — «Очень хорошо! отвѣчалъ господинъ Гоудино, открывая глаза и смѣясь, я ничего не чувствую и не сплю.» — Вдругъ онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что правая рука его была въ совершенномъ параличѣ, въ слѣдствіе нѣсколькихъ «passes», прежде сдѣланныхъ надъ нею магнетизеромъ; насилу онъ упрямилъ этого послѣдняго, думавшаго, что и онѣмѣніе было только притворное, освободить его отъ такого мучительнаго состоянія» (ib. стр. 220.)—Тутъ во-первыхъ противорѣчіе съ сказаннымъ выше, касательно недѣйствительности магнетизма на людей невѣрующихъ, а во-вторыхъ изъ этого же наблюденія явствуетъ, что можно *обмануть* магнетизера и *притвориться* спящимъ; странно однако жъ, что они этого не замѣчаютъ, будучи одарены такимъ безпредѣльнымъ могуществомъ!

«Хотя снохожденіе случайно открыто было Пюпсеюромъ, однако жъ мы все знаемъ (кто же эти мы?), что

оно было извѣстно Месмеру, который только не счелъ нужнымъ открыть его своимъ ученикамъ.» (Почему же онъ счелъ такъ нужнымъ получить отъ подписчиковъ 340,000 ливровъ?)

«Удивительныя способности, развивающіяся у магнетическихъ сноходцевъ, *совершенно тождественны* съ тѣми, которыя встрѣчаются въ естественномъ снохожденіи, у истерическихъ женщинъ, и такъ далѣе. По-этому тѣмъ непостижимѣе, почему медики первые отвергаютъ явленія искусственнаго сомнамбулизма, хотя они имѣютъ въ наукѣ своей столько аналогическихъ фактовъ.» — Если бы господинъ Рикаръ былъ знакомъ съ нашею наукою, то онъ очень хорошо понялъ бы, почему мы, пользовавшіеся столько истерическихъ женщинъ, со времени изобрѣтенія искусственнаго снохожденія, первые отвергаемъ его. — Разказавъ потомъ примѣръ дѣвицы, сдѣлавшейся ясновидающею въ припадкѣ истерики, мосьѣ Рикаръ прибавляетъ: «Впрочемъ, къ чему намъ искать далеко случаевъ такихъ удивительныхъ способностей. Я самъ естественный сноходецъ, и будучи однажды въ Бордѣ, во время пріѣзда новаго архіепископа, весьма удивился когда я нашель проснувшись по утру, на своемъ столикѣ бумажникъ, оставленный мною на-канунѣ въ карманѣ фрака, и въ этомъ бумажникѣ слѣдующій поэтическій «саргисе», написанный мною во время сомнамбулизма.» (стр. 229.)

Капризъ господина Рикара состоитъ изъ 74-хъ предлинныхъ стиховъ, изъ которыхъ каждый оканчивается римою на *ique* (poétique, civique, pudique, tunique, basilique, portique, cantique, prophétique, arabique, и прочее, и прочее, и прочее). Мы не сомнѣваемся, что они написаны *не* въ бодромъ состояніи, и хотя авторъ съ притворною скромностью говоритъ, что ихъ изелья почитать «comme un chef-d'oeuvre de goût», однако жъ мы смѣло увѣримъ его, что въ немъ много поэческаго таланта, во время снохожденія, и что онъ напрасно

посвятилъ себя месмеризму, а не музамъ! Капризь оканчивается слѣдующими четырьмя стихами: (стр. 331).

«Je pourrais bien encore ajouter plus d'un ique.
Mais j'en ai dit assez pour un moment comique,
Je craindrais à la fin de devenir caustique
Ique, ique, ique, ique, oh! ique, ique, ique, ique, ique, ique!!!»

Читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ, что послѣдній изъ этихъ стиховъ самый благозвучный, не смотря на то, что онъ у *заккъ* можетъ произвести опасную *икоту*.

Вотъ вамъ нѣкоторыя любопытныя статистическія данныя, собранныя господиномъ Рикаромъ, во время магнитическихъ его странствованій: «Вообще во Франціи между ста *большими*, находится по-крайней-мѣрѣ двадцать-пять сомнамбуловъ. (Блаженный край! Куда, какъ наши русскіе больные отъ нихъ отстали!) Это отношеніе замѣчено было мною въ Лиллѣ, Валансienнѣ и другихъ мѣстахъ; на югѣ ихъ отъ шестидесяти до семидесяти на сто; въ Парижѣ, между молодыми людьми около сорока на сто; въ Бордо и западныхъ городахъ число сноходцевъ такъ значительно, что чуть ли не *всѣ* обитатели этихъ странъ способны сдѣлаться сомнамбулами». (стр. 233.) Вотъ господа Тьеръ и товарищи себѣ бы на усь намотали это любопытное открытіе. Западные департаменты извѣстны своею преданностью старшей линіи Бурбоновъ и частыми мятежами: не лучше ли было бы, при первомъ возстаніи отправить въ Вандѣ, вмѣсто войскъ и пушекъ, полъ-эскадрона конныхъ магнитизеровъ, подъ предводительствомъ мосьё Рикара; они бы въ мигъ *усыпили* всѣхъ Шуановъ, или по-крайней-мѣрѣ привели бы ихъ въ онѣмѣніе, и кончили такимъ образомъ всю экспедицію весьма скоро и съ пролитіемъ, уже не крови, а магнитической влаги. Напрасно также господинъ Рикаръ не отправляется въ Алжиръ испытать силу своего *мраморнаго взгляда* надъ неукротимымъ Абд-эль-Кадеромъ и невѣрными Бедуинами.

«Женщины на западѣ магнитизируются съ особенною легкостью; мы, однажды вечеромъ въ Бордо, съ пріятелемъ, уснули въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ часовъ, около пятнадцати молодыхъ особъ въ одномъ собраніи; остальные не согласились быть магнитизированными, а не то, мы могли бы усыпить ихъ двѣсти!» (стр. 233.) Мосьё Рикаръ впрочемъ не говоритъ, чѣмъ онъ навелъ сонъ на цѣлое общество, манипуляціями ли, или чтеніемъ своего поэтического каприза.

«Изъ двадцати-пяти сноходцевъ, не менѣе двадцати-двухъ представляютъ сверхъестественныя явленія, и десять по-крайней-мѣрѣ, доходятъ до значительнаго ясновидѣнія.» Какимъ же образомъ, коммиссія 1825 года въ теченіе шести лѣтъ могла собрать только тридцать-три случая, изъ которыхъ къ тому большая часть дала результатъ отрицательный, или весьма сомнительный? а вѣдъ тамъ участвовали *сливки* парижскихъ магнитистовъ: баронъ Дюпоте, Шапеленъ и Фуассакъ.

«Въ сноходцѣ пробуждается внутреннее чувство, въ которомъ *иногда* сосредоточиваются всѣ ощущенія и впечатлѣнія: онъ слышитъ голосъ своего магнитизера, и особъ находящихся съ нимъ въ соотношеніи, по никакой другой наружный шумъ; онъ *довольно* подчиненъ волѣ магнитизера пока этотъ послѣдній дѣйствуетъ для истинной пользы сомнамбула; но возстаетъ, когда ему противорѣчатъ въ мелочахъ, или если его утруждаютъ для удовлетворенія любопытства, для узнаванія его тайнъ, или если хотять *во зло употребить его положеніе*. Сноходецъ знаетъ свои болѣзни, *видитъ* страждущіе органы (тутъ не сказано какіе именно органы, а то, пожалуй, страждущіе *наружные* органы мы всѣ видимъ, безъ снохожденія). Онъ предчувствуетъ время переломовъ, исцѣленія или смерти (такъ, напримѣръ, несчастный Казѣ, одаренный въ высокой степени этою способностью, — не правда ли! — предвидѣлъ, что лошадь самого магнитизера, господина Фуассака, убьетъ его!),

и это часто простирается и на постороннихъ особъ, находящихся съ нимъ въ соотношеніи. Онъ «превосходно» различаетъ предметы, напѣтанные влагою магнетизера. (Такъ точно какъ учитель Petit различилъ до-стопамятный талеръ, напѣтанный влагою барона Дюпота!) Магнетизеръ, *смотря по намъренію*, съ которымъ онъ магнетизируетъ вещь, можетъ перемѣнить физическія ея качества для сноходца; сдѣлать жидкость кислюю — соленую, безвкусною, и такъ далѣе. Сноходецъ умѣетъ представить себѣ особъ, уже не живущихъ, и, по *всѣмъ вѣроятіямъ*, (sic!) имѣетъ сношеніе съ душами усопшихъ.» (стр. 238).

«Сноходецъ понимаетъ своего магнетизера и всѣхъ, приведенныхъ въ соотношеніе съ нимъ, даже тогда, когда они ничего не говорятъ. Опытъ *доказалъ*, что чѣмъ человекъ, въ бодромъ состояніи, грубѣе и необразованнѣе, тѣмъ легче онъ въ снохожденіи достигаетъ вышеописаннаго развитія способностей и совершенства.» (стр. 240). — Вотъ вамъ патентъ, данный адептами не-вѣжеству! — «Въ снохожденіи человекъ дѣлается автоматомъ, машиною, повторяющею жесты, слова, движенія магнетиста, раздѣляющаго съ нимъ всѣ его ощущенія, страданія, удовольствія; но если магнетизеръ говорить одно, а *думаетъ* другое, то только послѣднее воспринимается сомнамбуломъ; такъ, напримѣръ, если онъ подымаетъ руку и *хочетъ*, чтобы послѣдній поднялъ ногу, то сноходецъ не повторитъ движенія, а исполнитъ волю его.»

Мосье Рикаръ имѣлъ въ Тулузѣ, оснадцати-лѣтняго юношу, который въ магнетическомъ снѣ видѣлъ всѣ предметы *затылкомъ*, и вообще становымъ хребтомъ (ну, точь-въ-точь, какъ мамзель Emélie, о которой намъ рассказываетъ докторъ Франпаръ...); онъ между прочимъ отличался еще способностью узнавать болѣзни пациентовъ, находящихся съ нимъ въ соотношеніи, и во всѣхъ, весьма многочисленныхъ опытахъ, не только ни

одного раза не ошибся, «но даже прописывалъ всегда средства, которыхъ бы не стыдился самый образованный врачъ.» (стр. 242.) — И только? Стало-быть, мы грѣшныя, учившіеся въ университетахъ и не одаренные ясновидящимъ становымъ хребтомъ, всё-таки еще лечимъ такъ, что некусѣйшій сноходецъ едва равняется съ нами? Слѣдовательно, мы безъ ясновидѣнія достигаемъ той же цѣли...

«Нѣкоторые сноходцы слышатъ наружный шумъ и голоса постороннихъ людей (пожалуйста, мосье, какъ-бишь васъ, мосье Рикаръ, не противорѣчьте себѣ!), другие не слышатъ *обыкновеннаго* голоса, а понимаютъ когда слова *поются* передъ ними: «они глухи ко всему, что не есть музыка», какъ господинъ Рикаръ убѣдился нѣсколько лѣтъ тому, въ Бордо, надъ молодымъ сноходцемъ; «онъ въ бодромъ состояніи былъ весьма плохой музыкантъ, но получалъ удивительную силу подлѣяніемъ магнетизма; онъ однажды въ *совершенно темной* комнатѣ сыгралъ «à l'ivre ouvert», самыя трудныя композиціи, (стр. 257). — (Онъ, кажется, въ темнотѣ могъ бы играть и изъ неоткрытыхъ потгъ?)

«Многіе сомнамбулы спятъ съ открытыми глазами, и употребляютъ эти органы по обыкновенному; но зрѣніе ихъ въ такомъ случаѣ несравненно острѣе, такъ что они, напримѣръ, разбираютъ письмена на бумагѣ, лежащей въ закрытомъ ящикѣ, или видятъ сквозь дерево, картонъ, стѣны. *Я сто разъ удостоверялся*, что непрозрачныя тѣла, находящіяся между глазъ и объектовъ, ни мало не мѣшаютъ сноходцу видѣть ихъ.» — Полно шутить, любезнѣйшій! Это *вы* видѣли сто разъ, такъ точно какъ это видѣлъ докторъ Neubliger, или докторъ Teste: отчего же это не удавалось въ присутствіи академиковъ? отчего вы, мосье Рикаръ, не явились для полученія трехъ-тысячъ франковъ, назначенныхъ господиномъ Бурденомъ; вѣдь вамъ дажъ былъ трехъ-лѣтній срокъ!

«Бываютъ примѣры сноходцевъ, не подчиняющихся волѣ магнетизера, и если онъ упрямится заставить ихъ повиноваться, то изъ этого могутъ выйти самыя опасныя припадки.» — Господинъ Рикаръ, давши однажды спящему «субъекту», мысленное приказаніе встать и слѣдовать за нимъ, получилъ отъ чудака сухой отвѣтъ: я не хочу! — «Обиженный этимъ непослушаніемъ, я вдругъ вооружился такою повелительною волею, что спящій не могъ ей противостоять, и былъ схваченъ жестокими судорогами: тѣло его согнулось дугою, всѣ составы затрепали; онъ уналь безъ чувствъ на полъ и такъ сильно, что всѣ зрители этой ужасной сцены, думали, что черепъ разбился въ дребезги. При этомъ присутствовали также медики, которые нашли, что круговращеніе и бѣненіе сердца совершенно остановились; зеркало, приставленное въ продолженіе трехъ минутъ ко рту и носу, не обнаружило никакого признака дыханія: всѣ объявили, что несчастный умеръ....» Ни чуть не бывало. Магнетистъ возвратилъ ему жизнь черезъ четверть часа, нѣсколькими движеніями рукъ своихъ и методическимъ дуновеніемъ; больной ожилъ; «но умственныхъ способностей его оказались совершенно разстроенными; онъ былъ рѣшительно *полъшанъ!* Для уничтоженія и этого состоянія потребовалось *пять часовъ.*» (Если бъ я не имѣлъ совершеннаго довѣрія къ разсказу господина Рикара, то я, вмѣсто «пяти часовъ», сказалъ бы: столько времени, сколько нужно было, чтобы утомить зрителей и отнять у нихъ терпѣніе дожидаться конца операціи). По совершенномъ окончаніи припадка, больной объявилъ, между прочимъ, «что если бъ магнетизеръ *на одну минуту* пересталъ думать объ немъ, то мнимая смерть его сдѣлалась бы дѣйствительною.» (!) (стр. 261). Замѣтимъ только, что это было *утвержденіе*, и ничего больше; что оно не подлежало повѣркѣ, такъ точно, какъ и описанное помѣшательство его: какъ вы докажете человѣку, что онъ не помѣшанъ?

Дальше господинъ Рикаръ разсказываетъ намъ о двухъ *духовныхъ сноходцахъ* (*somnambules spiritualistes*), видѣнныхъ имъ. «Какіе нравственные уроки (*sic!*) можно получить отъ этихъ *драгоценныхъ* существъ, для насъ и для будущности!» восклицаетъ адептъ. Первое наблюденіе, сюда относящееся, сдѣлано было имъ надъ «девятнадцати-лѣтнею, истерическою дѣвницею», Adèle Lefrey, которая въ снохожденіи говорила удивительныя вещи. «Вы не видите, сказала она господину Рикару, что выходитъ изъ васъ и входитъ въ мое тѣло, когда вы меня магнетизируете, а я вижу: при каждой манипуляціи я различаю маленькіе столбики изъ *огненной пыли*, истекающей изъ вашихъ пальцевъ....» (стр. 277.) Она также увѣряла, что видитъ своего *ангела-хранителя*, стоящаго подлѣ нея. «Чело его окружено сіяніемъ, котораго блескъ я едва могу спосить; красота его превышаетъ всякое понятіе; онъ одѣтъ въ бѣлое *шерстяное* платье, простое, скромное и вмѣстѣ столь богатое, что на землѣ нѣтъ ничего ему подобнаго.» (стр. 279.) Мы пропускаемъ другія подробности, изъ которыхъ можно извлечь еще лучшіе «нравственные уроки». — Вторая сноходца, Marie Lainé, до магнетизированія и поведенія была не слишкомъ примѣрнаго» (слушайте, слушайте!) Она заснула въ первомъ засѣданіи, просила чтобы ей дали спать цѣлый часъ, потомъ напоили бы ее магнетизированною водою, и разбудили бы наконецъ, «прижимая ей мизинецъ лѣвой руки.» Она также видѣла своего генія: «это дитя необыкновенной красоты; бѣлокудрия кудри выются около плечъ его, голосъ сладокъ какъ звуки флейты; оно одѣто въ голубое платье съ се ребреннѣмъ шитьемъ....» Онъ разговаривалъ съ гениемъ мосье Рикара, «который по наружности казался старѣе, черты лица его были не такъ нѣжны, а платье состояло изъ «весьма краси » розово-фіолетовой мантии, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, поясомъ и длинною золотою бахромою.» Они бесѣдовали о больной и

№ 5. Отд. V. 3

о магнитизмъ! (стр. 288.) Въ другомъ засѣданіи сноходица описала съ подробностью еще удивительнѣйшія вещи (стр. 289, 290), потомъ увѣряла, что господинъ Рикаръ только тогда будетъ исцѣлять недуги съ совершеннымъ успѣхомъ, когда откажется отъ всѣхъ мірскихъ наслажденій, отъ всякаго честолюбія и станетъ жить въ уединеніи: «я знаю, что вы не любите денегъ (позвольте вамъ доложить, почтенная сноходица, что вы ошибаетесь: вашъ мосьё даетъ публичныя засѣданія, по 76¹/₂ копѣекъ серебромъ за билетъ!), но вы честолюбивы!» (стр. 295.)

Мамзель Lainé, проснувшись, ничего не помнила изъ того, что видѣла во время сомнамбулизма; «я захотѣла, говорить магнитистъ, чтобы разговоръ ея представился ея памяти, вдругъ она покраснѣла, посмотрѣла на меня съ робостью и удивленіемъ, и сказала: Это невозможно! Не правда ли, я съ вами объ этомъ не говорила? Видя, что воспоминаніе ее мучило, я переимѣнилъ намѣреніе и захотѣла, чтобы оно опять изгладилось изъ ея души, и въ ту же минуту Марія сдѣлалась веселою и спросила, долго ли она спала?» (стр. 296.) Между-тѣмъ цѣлительная сила этой особы достигла немалой степени; Рикаръ представилъ ей сорока-семилѣтняго паралитика, съ трудомъ ходящаго на костыляхъ: Марія слегка сдѣлала нѣсколько манипуляцій надъ его темемъ, затылкомъ, животомъ, становымъ хребтомъ, и въ ту же минуту больной съ легкостью началъ ходить безъ костылей, и дѣлалъ разныя движенія. «Такимъ образомъ сноходица въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ вылечила множество больныхъ» (стр. 298).

Въ Январѣ 1838 года, Рикаръ магнитизировалъ какую-то мадамъ Naude, одаренную удивительною примчивостью къ магнитическому вліянію. Между другими явленіями онъ произвелъ надъ нею и слѣдующее: сноходица просила магнитиста «дать ей *электрическое сотрясеніе*, однимъ вліяніемъ своей воли.» Мосьё Рикаръ

тогдачасъ велѣлъ вынести всѣ свѣчи изъ комнаты (замѣтите, пожалуйста, это обстоятельство!) и пригласилъ присутствовавшихъ зрителей, хорошенько смотрѣть на госпожу Naude. (Эхъ, вы, проказникъ, безъ свѣчей-то!) Она въ ту же минуту почувствовала это сотрясеніе, послѣ котораго осталась съ неподвижными глазами, поднятыми вверхъ руками, и съ онѣмѣвшею верхнею частию туловища (разумѣется, что все это замѣчено было въ глубокой темнотѣ); опытъ повторенъ былъ два раза, потому-что сотрясеніе, по увѣренію паціентки, было весьма полезно для ея здоровья (*sic!*) (стр. 309). Въ другомъ засѣданіи она увидѣла во время снохожденія, «что для ея здоровья ей необходимо, быть магнитизированною въ тотъ же день въ четверть часа послѣ полуночи; «для этого прошу васъ, господинъ Рикаръ, думать обо мнѣ къ означенному времени, и потомъ разбудить меня завтра въ восемь часовъ утра.» Все это сбылось по желанію; но мадамъ Naude почувствовала дѣйствіе магнитизма только въ семнадцать минутъ по полуночи, и проснулась на другой день также двумя минутами позже. «Разстояніе между нашими квартирами, вѣроятно, было причиною такого замедленія!» (стр. 311.)

«Еще не пришло время, прибавляетъ мосьё Рикаръ, обнародовать все, что мы узнали въ магнитической практикѣ; но это время близко, оно скоро наступитъ! Тогда мы покажемъ ученому свѣту такія вещи, которыя разрушатъ всѣ пріятыя начала, опровергнутъ системы всѣми признаньями... Еще до истеченія нашего столѣтія, вся Франція узнаетъ исторію магнитизма и самый магнитизмъ и тогда — наступитъ строгій судъ!» (стр. 313.) Ухъ, какъ страшно! Но мы забываемъ, что эти слова, безъ сомнѣнія, писаны были магнитистомъ въ припадкѣ естественнаго снохожденія; что онъ не иное что, какъ «прозаическій капризь»; иначе онъ бы не пугалъ ученаго свѣта, потому-что этотъ свѣтъ горитъ ад-

скимъ огнемъ въ глазахъ адептовъ; онъ бы не угрожалъ строгимъ судомъ, потому-что магнитизмъ и судъ противоположныя крайности: магнитисты позволяютъ вѣрвать въ ихъ теорію, но не обсуживать ее!

«И часто производилъ снохожденіе у особъ, не предупрежденныхъ о моемъ намѣреніи, сажая ихъ на магнитизированное кресло, или давая имъ за обѣдомъ таковыя же приборы, и тому подобное (стр. 327). Я также усыплялъ людей, находившихся въ нѣсколькихъ лѣ отъ меня, и мысленнымъ приказаніемъ заставлялъ ихъ отправиться ко мнѣ и привести любую вещь, которую я, мысленно же, назначалъ имъ изъ какихъ-нибудь двадцати другихъ!»

«Нѣкоторые сноходцы употребляютъ во зло, и во вредъ другимъ, могущественныя способности, приобретенныя ими посредствомъ магнитизма. Такая склонность ко злу, обща всѣмъ сомнамбуламъ; но большая часть ихъ не повинуется ея влеченіямъ.» «Къ несчастію, многія изъ этихъ презрѣнныхъ существъ, дѣйствительно обнаруживаютъ пагубное вліяніе на всѣхъ, окружающихъ ихъ; простой народъ называетъ ихъ *колдунами*; они дѣйствуютъ посредствомъ магнитизма, хотя существованіе его имъ вовсе неизвѣстно; *могущество ихъ ужасно* (батьюшки!), тѣмъ болѣе, что они не догадываются нисколько, какой способности они имъ обязаны!» (стр. 331.)

«И такъ грубый, простой народъ, особенно деревенскіе жители, совѣмъ не такъ далеки отъ истины, какъ полагаетъ просвѣщенное общество, если они вѣрятъ, что нѣкоторые люди могутъ произвести на нихъ, «и особенно на ихъ дѣтей, пагубное вліяніе, *сглазить*, «какъ говорятъ, (*jetter un sort!*)»¹ Это писано въ Парижѣ въ 1841 году! и мосьё Рикаръ приводитъ вамъ примѣры заколдованныхъ бабъ, которыхъ онъ вымечилъ посредствомъ магнитизма. Ахъ, Rabelais, ты правъ!

Животныя и растенія чувствуютъ благодѣтельное или вредное вліяніе отъ магнитизма, *смотря по намѣренію дѣйствующей воли*. Я убѣдился частыми опытами (*sic!*), что магнитизируя засыхающее, чахлое дерево, утромъ и вечеромъ (мы думали, что чуть ли не давая ему черезъ каждые два часа по столовой ложкѣ магнитной влаги, съ ромашечнымъ чаемъ!) въ продолженіе мѣсяца или меньше, можно возвратитъ ему красоту и удивительное развитіе, тогда какъ другое дерево, той же породы, находящееся въ тѣхъ же условіяхъ, той же почвѣ, но красующееся здоровьемъ и богатою растительностью, мало-по-малу сбрасываетъ свои листья, совершенно истощается и теряетъ всю зелень, если его магнитизируютъ съ *намѣреніемъ вредитъ ему.*» (стр. 335.)

«Я всегда былъ увѣренъ, что намъ возможно, по произволу, привлекать и отталкивать, соединять или разгонять (отгадайте кого?) *сосѣднія намъ облака*, и давать имъ направленіе, съ болѣею или меньшею легкостью, повинующееся *нашему желанію.*» («Что, каково?») Во всѣхъ странахъ, находятъ, *говорятъ*,² пастухи и другіе люди, умѣющіе отвращать грозы и защищать поля отъ нихъ.» (стр. 337.) Мосьё Рикаръ приводитъ два случая, въ которыхъ ему удалось, магнитизируя облака во время сильнаго дождя, прекратить его на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ адептъ, тогда какъ онъ продолжалъ литься кругомъ, и спрашиваетъ лукаво: «неужели это дѣйствіе случая?» (стр. 340.) Намъ нѣчего отвѣчать на подобныя *факты*, развѣ только остается привести то, что

¹ Это словечко «dit-on» прибавлено къ изданію 1841 года книги Рикара; въ тулузской брошюркѣ 1839 года (стр. 65) его нѣтъ: стало-быть, магнитистъ два года тому, рѣшительно утверждалъ гдѣ, въ чемъ онъ теперь самъ сомнѣвается? Нѣтъ сомнѣнія, что то же самое будетъ и со всѣми другими его наблюденіями.

Чацкій говоритъ Репетилову, увѣряющему, будто онъ «все отвергалъ, законы, совѣсть, вѣру.....» Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ, что отвѣтъ окончивается словомъ «мѣру!»

Описывая способъ, употребляемый имъ для произведенія магнитическихъ явленій, москѣ Рикаръ съ непостижимою со стороны адепта неосторожностью, прибавляетъ: «Я не раздѣляю мнѣнія магнитистовъ, имѣющихъ слѣпое довѣріе къ ясновидѣнію своихъ снохосцевъ. Я встрѣчалъ множество этихъ спящихъ-медиковъ, которые, опредѣливъ даже довольно точно болѣзнь пациента, прописываютъ очевидно вредное *пользованіе*; я такъ часто видѣлъ, что снохосцы, не размышляющіе надъ своими рецептами, дѣлаютъ по *большей части* важныя ошибки, которыя не всегда поправить можно, и оттого я *никогда* не слѣдую имъ безпрекословно.» (стр. 353.) Какое драгоценное признаніе въ устахъ магнитиста, какое утѣшительное открытіе для больныхъ! Эти хваленые ясновидцы, одаренные удивительнымъ инстинктомъ, внутреннимъ чувствомъ, провозвѣщеніемъ и, Господь вѣсть, чѣмъ еще, требуютъ чужаго надзора, прозаческаго контроля, и по *большей части* дѣлаютъ важныя ошибки, которыя не всегда поправить можно!»

«Пробужденіе изъ магнитическаго сна можно также произвести однимъ дѣйствіемъ *воли*» (стр. 356).

Господинъ Рикаръ потомъ описываетъ намъ способъ, употребляемый Месмеромъ при магнитизированіи людей, животныхъ, деревьевъ, бутылокъ съ водою, цвѣтковъ, ваннъ, и такъ далѣе, и методы Пуонсеюра, Делёза, Делозанна, и другихъ: всѣ они, различныя въ приѣмахъ, согласны въ томъ, что главное дѣйствіе зависитъ отъ воли и намѣренія магнитиста. ¹ Такъ напримѣръ, Делозанна

¹ Вотъ, кстати, и обѣщанное нами описаніе манипуляцій, нынѣ употребляемыхъ магнитистами. Особа, подвергающая себя опера-

занъ говоритъ: чтобы магнитизировать какую-нибудь вещь, надобно просто подержать ее въ рукахъ, направляя на нее *твердую волю*, чтобы она произвела желанное дѣйствіе. Тамъ же приводятся слѣдующія наставленія профессора Ростана, (того самаго, который такъ жестоко мистифицированъ былъ двумя шарульями, Petronille и Broillard.): «Магнитизеръ не долженъ имѣть *противной наружности* (слушайте, слушайте!); онъ долженъ быть здоровъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, и какимъ бы то ни было качествомъ, выше магнитизируемой особы: чи-

щій, садится на стулъ; передъ нею, въ разстояніи фута, стоитъ или сидитъ адептъ, который сперва погружается на нѣсколько секундъ въ глубокое размышленіе, а между-тѣмъ беретъ руки пациента такъ, чтобы внутренняя сторона большихъ пальцевъ его, касалась той же поверхности пальцевъ магнитиста; въ этомъ положеніи оба остаются до-тѣхъ-поръ, пока температура пальцевъ ихъ сдѣлается равною, что называется прійти въ *соотношеніе* (se mettre en rapport). Тогда магнитизеръ оттягиваетъ свои руки и кладетъ ихъ на плеча пациента, откуда, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, опускаетъ ихъ внизъ вдоль по рукамъ, до самыхъ пальцевъ, произвоя легкое треніе; это движеніе, известное подъ названіемъ *passes*, повторяется пять или шесть разъ. Потому магнитистъ подымаетъ свои руки выше головы пациента, и, подержавъ ихъ тамъ короткое время, опускаетъ внизъ въ разстояніи одного или двухъ локтей отъ лица, до подгрудной ложечки (*épigastre*), на которой останавливаясь, упираетъ пальцы; отсюда онъ медленно нисходитъ вдоль всего тѣла до ногъ, и повторивъ эти *passes* столько разовъ, сколько нужно, оканчиваетъ операцію тѣмъ, что продолжаетъ ихъ за оканчанія рукъ и ногъ пациента, оттряхивая каждый разъ свои пальцы. Въ заключеніе магнитистъ еще дѣлаетъ нѣсколько поперечныхъ *passes*, передъ лицомъ и грудью, приставляя къ нимъ обѣ свои руки вмѣстѣ, и потомъ удаляя быстро одну отъ другой. Иногда магнитизеры держатъ свои пальцы въ разстояніи трехъ или четырехъ дюймовъ отъ головы и желудка больного въ продолженіе одной или двухъ минутъ, потомъ приближая и удаляя ихъ попеременно, подражаютъ движенію, которое мы всѣ привыкли дѣлать, когда хотимъ освободить концы своихъ пальцевъ отъ какой-нибудь омочившей ихъ жидкости.

номъ ли, дѣлами ли, умственными или душевными способностями все равно.» (Стр. 387.) «Пациентъ съ своей стороны, долженъ *хотѣть* подчиниться магнитисту; долженъ *желать* и *вѣрить*; если онъ боленъ, разслабленъ или разстроены нервами, то это самое выгодное условіе для успѣха. Сказано весьма справедливо, что присутствіе людей не *вѣрующахъ* или злонамѣренныхъ, препятствуетъ произведенію магнитическихъ явленій: я не знаю какимъ образомъ это дѣлается, но всѣ магнитисты замѣтили это *уничтожающее вліяніе постороннихъ* (стр. 390).

Мосьё Рикаръ потомъ исчисляетъ вамъ, между прочимъ, *сорокъ четыре* болѣзни, или патологическія явленія, въ которыхъ магнитизмъ, при искусномъ, сильномъ и «мудромъ» (sic!) употребленіи, производитъ чрезвычайныя дѣйствія. Это исчисленіе представляетъ пестрое соединеніе самыхъ противоположныхъ недуговъ, между которыми вы не безъ удивленія послѣ «заваловъ внутренностей» и передъ «желудочными страданіями» встрѣчаете *хроническія болѣзни* (!), какъ-будто онѣ составляютъ только частный *видъ*, подчиненный общему роду! Можете судить по этому о патологическихъ свѣдѣніяхъ почтеннаго магнитиста. Плохо же больнымъ, если дѣйствіе прописываемыхъ имъ средствъ такъ же основательно ему извѣстно! Тѣмъ болѣе плохо, «что вѣдь на ясновидцевъ положиться нельзя!»

Магнитистъ назвалъ свою книгу «теоретико-практическою»; но мы находимъ, что истинно практическая часть ея (разумѣется, для господина Рикара) начинается только тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ удачномъ исцѣленіи имъ многихъ больныхъ, которыхъ медики объявили неизлечимыми: вотъ цѣль всего сочиненія — выставить *себя*, расхваливать *свое* искусство! *c'est le bout d'oreille de la fable*. Для этого рассказываются чудеса, и печатаются письма, столь же достовѣрныя, какъ и вся книга магнитиста; вотъ что говорится, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ,

отъ пятого Сентября 1839 года. «Какъ велико ваше могущество, милостивый государь; вы были для меня ангелъ, ниспосланный небомъ; вы меня освободили отъ болѣзни, которую считали неизлѣчимою.» Это пишетъ какой-то аббатъ du Pinin, въ Тулузѣ (стр. 411).

Въ послѣдней главѣ, господишь Рикаръ говоритъ сперва о необходимости для магнитизера, остерегаться перенесенія на него болѣзней пациентовъ, и повѣствуетъ намъ, какъ онъ однажды схватилъ воспаленіе желудка, въ другой разъ колотье въ боку, отъ сноходца. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ вылечилъ себя очень скоро, слѣдующимъ образомъ: онъ легъ въ постель съ *твердою волею* вspotѣть; черезъ четверть часа кожа его уже сдѣлалась влажною, и чрезъ часъ находилась вся въ сильномъ поту (стр. 419). Совѣтуемъ испытать этотъ способъ нашимъ читательницамъ, изъ которыхъ многія вѣрно ненавидятъ докторскія лекарства; онѣ узнаютъ такимъ образомъ силу твердой воли, сперва на самихъ себѣ, а потомъ и на мужьяхъ: это будетъ имъ очень полезно!

«Нѣкоторые люди, кажется, отъ природы получили способность исцѣлять или извѣстныя болѣзни, или всѣ безъ различія. Я встрѣтилъ во время своихъ путешествій весьма много такихъ особъ, обыкновенно совершенно необразованныхъ, и замѣтилъ, что они лечуть посредствомъ приложенія рукъ къ страдающимъ частямъ и тихаго произнесенія какихъ-то словъ, къ которымъ они имѣютъ большое довѣріе. Я самъ, переодѣтый въ мужика, и подражая языку и манерамъ крестьянъ, представилъ одному изъ этихъ «лечителей», молодую дѣвицу, страдавшую бѣлою опухолью на плечѣ и двумя завалами на шеѣ. Вѣднѣй и добродушный земледѣлецъ положилъ свои руки на опухоли, пробормоталъ какія-то непонятныя слова, и потомъ съ тономъ полнаго убѣжденія сказалъ больной: «Ступай, дочь моя! чрезъ три дня все пройдетъ», что небылоесточъ въ точъ.» Рикаръ даже могъ видѣть «какъ

опухоли постепенно исчезали под руками деревенскаго доктора» (стр. 422). Разказавъ еще одинъ примѣръ этого рода, магнитистъ прибавляетъ: «Я знаю, что многіе будутъ смѣяться надъ моимъ легковѣріемъ; но я не слѣпъ, и то, чтó видѣлъ, видѣлъ хорошо; слѣдовательно, не будучи ни академикомъ (кажется, чуть-ли и никогда не будете имъ, дражайшіи!), ни моднымъ философомъ, я смѣло держусь очевиднаго» (стр. 423).

Читатели можетъ-быть не поймутъ, съ какой цѣлью мосьё Рикаръ приводитъ здѣсь эти наблюденія. А вотъ почему онъ это слѣлалъ, слушайте дальше: «Я открылъ лецителю, что я магнитистъ, и, поклявшись *никогда* не объявлять другимъ его тайны, получилъ отъ него полное наставленіе о средствахъ употребляемыхъ имъ.» Овладевъ этимъ сокровищемъ, магнитистъ сначала не пыталъ его безъ большаго успѣха, потому-что «не имѣлъ еще, той слѣпной и твердой вѣры, которую такъ трудно приобрести.» Наконецъ это ему удалось блистательнымъ образомъ. «Въ послѣдствіи я имѣлъ счастье, въ три засѣданія совершенно вылечить больнаго, одержимаго горячкою и находившагося въ *десяти лѣтъ* отъ меня. Я его никогда не видѣлъ, а зналъ его только по разказу его брата, который говорилъ со мною объ немъ не болѣе получаса!» (стр. 424.)

Господинъ Рикаръ наконецъ говоритъ объ ощущеніяхъ, чувствуемыхъ нѣкоторыми магнитистами въ то время, какъ они дѣйствуютъ на больнаго: они часто соотвѣтствуютъ свойству каждаго педуга, и особенно сильны бываютъ у самаго мосьё Рикара (эхъ! батюшка, спрячьте же покусисѣ le bout d'oreille!...) «Не трудно «представить себѣ, какую *безконечную пользу* магнитизеръ можетъ извлекать изъ подобной примчивости: «магнитизмъ въ его рукахъ дѣлается настоящимъ «оселкомъ здоровья, дающимъ ему возможность узнавать «страждущій органъ у пациентовъ, безъ помощи сноходца и *лучше всякаго сноходца.*» (стр. 435.) Вотъ

русскій переводъ этой заморской чепухи: Вы больны, пожалуйте ко мнѣ, пожалуйте: мы съ васъ не дорого возьмемъ, да работу-то получше сдѣлаемъ, чѣмъ эти грамотные дохтура: насъ, сударь, колдунъ, дескать, выучилъ лечить! И такъ далѣе.

Особы, одаренныя энергіею «могутъ присвоить себѣ еще другія высокія способности, но онѣ сопряжены съ *опасностью*, и мы по-этому объ нихъ не говоримъ; представляемъ только слѣдующій примѣръ. Господинъ Lafforgue, отставной баталіонный командиръ въ Раи, лечитъ однимъ простымъ магнитизмомъ и магнитизированною водою, безъ помощи сноходцевъ. Этого удивительный человекъ, *образецъ чистѣйшей добродѣтели*, ежегодно исцѣляетъ отъ двухъ до трехъ-тысячъ больныхъ. (Belle France! чего въ тебѣ нѣтъ: твои баталіонныя командиры даже не только умѣютъ командовать баталіономъ, но и служатъ образцами добродѣтели!) Какъ скоро пациентъ перешагнетъ чрезъ его порогъ, Lafforgue тотчасъ уже знаетъ его болѣзнь, описываетъ ходъ ея, предвидитъ время выздоровленія, и такъ далѣе.

Вотъ въ чемъ заключается существенное содержаніе этой книги, въ которой безсовѣстное шарлатанство доведено до nec plus ultra! Но въ этомъ отношеніи магнитисты похожи на Геркулесову Гидру: только-что успѣешь ошеломить одного, доказывая ему ничтожность всѣхъ его увѣреній, какъ вдругъ ихъ появится два новыхъ, съ выдумками, еще болѣе неосновательными. Мы оставили большую часть утверженій и разказовъ господина Рикара, безъ всякаго возраженія; они носятъ въ самихъ себѣ лучшую критику, и намъ даже кажется, что если въ комъ-нибудь было малѣйшее расположеніе къ магнитизму, то книга господина Рикара освободитъ его отъ такого расположенія: мы сами, по-крайней-мѣрѣ, прочитавъ ее, болѣе и болѣе утвердились въ своемъ мнѣніи о магнитизмѣ, которое мы тотчасъ изложимъ. Между-тѣмъ мосьё Рикаръ, находя безъ

сомнѣнія, что его рассказы еще не довольно неправдоподобны и смѣлы, увѣрить въ предисловіи своей книги, что «многія изъ описанныхъ мною явленій покажутся невѣроятными самимъ магнитизерамъ, однако жъ я умалчиваю о многихъ опытахъ, которыхъ результаты должны показаться или сверхъестественнымъ («miraculeux»), или ложнымъ, единственно для того, чтобы не повредить распространенію высокаго ученія, котораго я сдѣлался распространителемъ. (L. с. стр. VI.)»

VIII.

Мы представили читателямъ нашимъ исторію «животнаго магнитизма» подробно, хладнокровно и безпристрастно, и мы увѣрены, что они, разбирая приведенные факты критически, сами составятъ себѣ объ этой теоріи мнѣніе, сообразное съ здравымъ разсудкомъ и истиною. Намъ остается только изложить теперь наше собственное, *индивидуальное* убѣжденіе; но для этого мы ограничимся немногими афористическими предложеніями, основанными на чтеніи важнѣйшихъ сочиненій о магнитизмѣ, на собственныхъ наблюденіяхъ и на тщательномъ взвѣшиваніи извѣстныхъ намъ законовъ физиологіи.

1. Нынѣшній, такъ называемый «животный магнитизмъ» не имѣетъ ничего общаго съ теоріею Месмера, кромѣ названія и цѣли: дѣйствовать на воображеніе раздражительныхъ больныхъ, а еще болѣе на воображеніе легковѣрной публики. Приемы Месмера и манипуляціи новѣйшихъ временъ столь же различны между собою, какъ различны явленія месмеризма отъ феноменовъ нынѣшняго магнитизма. Месмеръ употреблялъ физическіе снаряды, и посредствомъ ихъ производилъ преимуще-

ственно судорожные припадки (crises) и умноженіе нѣкоторыхъ естественныхъ испраженій; адепты XIX столѣтія отказались почти отъ всякихъ постороннихъ пособій, и по увѣренію ихъ, производятъ снохожденіе, перемѣщеніе органовъ чувствъ и ясновидѣніе.

2. Всѣ явленія, производимыя будто животнымъ магнитизмомъ, бывають двоякаго рода: одни совершенно *субъективны*, и состоятъ въ ощущеніяхъ, не допускающихъ какъ извѣстно, никакой повѣрки; сюда относятся: сонъ и, слѣдующее за нимъ, совершенное забываніе всего, сдѣланнаго больнымъ въ продолженіе этого сна; уничтоженіе и возвращеніе чувствительности и движенія въ разныхъ частяхъ тѣла пациентовъ, по произволу магнитистовъ; видѣніе собственной внутренности; измѣненіе впечатлѣній, обыкновенно производимыхъ предметами на наши чувства, напримѣръ на вкусъ, обоняніе, и такъ далѣе, по произволу магнитизера, — и прочая. Всѣ эти явленія основаны единственно на *утвержденіяхъ* адептовъ или больныхъ. Подъ второй разрядъ подходятъ феномены, подлежащіе повѣркѣ и допускающіе *фактическія доказательства*; къ нимъ принадлежатъ преимущественно: перемѣщеніе органовъ чувствъ и предвидѣніе будущихъ событій. Мы рассмотримъ главнѣйшія изъ этихъ явленій по-рознь.

3. Какъ всѣми безпристрастными наблюденіями, всѣми прямыми опытами и, наконецъ, собственнымъ признаніемъ магнитистовъ доказано, что магнитическій сонъ очень часто бываетъ притворенъ, и что вовсе нѣтъ никакого способа, различать такое притворное состояніе, мнимый сонъ, отъ дѣйствительнаго; то изъ этого слѣдуетъ, что до-сихъ-поръ должно принимать всѣ явленія, основанныя на однихъ *утвержденіяхъ*, и по своему естеству не допускающія вещественной повѣрки, за выдуманья, притворныя, или произведенныя только дѣйствіемъ разстроеннаго воображенія, во всѣхъ случаяхъ, когда онѣ находятся въ противорѣчій съ общими законами физио-

логию и природы. Сказанное здѣсь относится между прочимъ, и преимущественно, къ уничтоженію и возстановленію *чувствительности и движенія*, по произволу магнитиста.

4. Существованіе такъ называемой *магнитической воли*, основано на произвольной выдумкѣ. И какъ невозможно доказать присутствія ея при магнитическихъ операціяхъ, то большая часть адептовъ, въ новѣйшія времена, отказались отъ этой гипотезы. Замѣтимъ мимоходомъ, что по увѣренію Месмера «двѣнадцати-лѣтній опытъ убѣдилъ его въ существованіи влаги, наполняющей *вселенную* и соединяющей между собою планеты и всѣ прочія существа.» Нынѣ же его послѣдователи утверждаютъ: «что она тождественна съ *первою* влагою и имѣетъ центромъ своимъ *мозгъ*.» Опп, слѣдовательно, присвоиваютъ ее, если не одному человеку, то по-крайней-мѣрѣ только животнымъ, то есть, весьма малой частицѣ вселенной.

5. Вліянія *воли* магнитиста на произведеніе магнитическихъ явленій, *рѣшительно не существуетъ*, и всѣ утвержденія адептовъ, въ этомъ отношеніи, лишены всякаго основанія, какъ доказано всѣми строгими опытами и наблюденіями, не только противниковъ магнитизма, но и самыхъ (добросовѣстныхъ) приверженцевъ его, на примѣръ покойнаго А. Бертрапа, столь легковѣрнаго во многомъ другомъ. Первое появленіе этой гипотезы мы находимъ у Шюссегюра, который въ письмѣ, отъ 17 Мая 1784 года, извѣщаетъ брата своего, «что сноходець, *глупѣйшій мужикъ во всемъ околд-«къ» (sic!)*, увѣрилъ его, что для исцѣленія больныхъ не «нужно вовсе касаться тѣла ихъ, и что для этого достаточно одного взгляда, жеста, одной *воли* магнитиста». — «Въ этомъ изрѣченіи мужика, говоритъ Бертранъ, ¹ хотѣвшаго польстить самолюбію своего по-

¹ A. Bertrand, du magnétisme en France, etc. стр. 249. и слѣд. Paris, 1826.

мѣщика преувеличеніемъ его могущества, должно искать происхожденія теоріи о *вліяніи воли* въ животномъ магнитизмѣ; съ этого времени всѣ спящіе оракулы, появившіеся вскорѣ сотнями, стали повторять это утвержденіе, которое сохранилось до новѣйшихъ временъ, основываясь *единственно* на показаніи сноходецевъ.»

«Я пользовалъ сомнамбулу, рассказываетъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, ¹ которая постоянно погружалась въ летаргическій сонъ, какъ скоро магнитистъ изъясняя свою *волю* на это, быстрымъ движеніемъ руки передъ тѣломъ больной. Я нѣсколько разъ повторялъ упомянутой жестъ, съ *намыреніемъ* дѣйствовать, и всегда съ желаннымъ успѣхомъ; потомъ началъ его *безъ намыренія* произвести сонъ: успѣхъ все-таки былъ одинъ и тотъ же, изъ чего я заключаю, что достаточно было одного *убѣжденія* больной, для произведенія магнитическихъ дѣйствій; когда я имѣлъ волю, но не дѣлалъ жеста, пациентка ничего не чувствовала; я наконецъ дѣлалъ жестъ и съ волею, но такъ, чтобы сомнамбула этого не знала, на примѣръ, сидя въ сосѣдней комнатѣ, или черезъ стѣну, двери, ширму, пациентка никогда ничего не ощущала.... Я могъ бы привести еще *очень много* примѣровъ, въ доказательство вліянія убѣжденія больныхъ, на произведеніе снохожденія.» ²

Такъ говорить не какой-нибудь москъ Рикаръ, не кочуящій адептъ, сдѣлавшій изъ магнитизма денежную спекуляцію, а ученый медикъ, обратившійся къ этой теоріи, по *убѣжденію!*

6. Сказанное касательно вліянія воли, можно приложить и къ магнитизированію неодушевленныхъ предметовъ, — деревьевъ, воды, сосудовъ, монетъ и тому

¹ Bertrand. 1. с. стр. 271.

² Ibid. стр. 275.

подобнаго—это пелѣное шарлатанство, это фокусъ! Все явленія, производимыя иногда предметами, которые магнетизеръ будто напиталъ своею влагою, совершенно зависятъ отъ воображенія больныхъ, если онѣ не основаны на обманѣ, какъ это бываетъ по большей части; такъ, напримѣръ, чтобы умѣть узнать изъ многихъ монетъ ту, которую держалъ въ рукахъ магнетистъ, стоитъ только этому послѣднему натереть свои пальцы какимъ нибудь пахучимъ веществомъ, о которомъ онъ прежде условился съ споходцемъ, и такъ далѣе. Но взглянемъ и здѣсь на опыты Бертрана.

«Я однажды долженъ былъ отлучиться, на довольно долгое время, отъ снохожденія, которую я пользовалъ. Слышавши о возможности сообщить неодушевленнымъ тѣламъ магнетическую силу, я желалъ испытать, удастся ли мнѣ дѣйствовать на свою больную, не смотря на раздѣлявшее насъ разстояніе ста лѣ? Въ слѣдствіе этого, я прислалъ своему знакомому магнетизированную записку, которую поручилъ ему положить на сердечную ложечку пациентки: опытъ совершенно удался, моя дѣвица погрузилась въ магнетическій сонъ, сопутствуемый всѣми свойственными ему явленіями. Чтобы убѣдиться однако жъ, что тутъ не дѣйствовало только воображеніе больной, я послалъ второе письмо, *не магнетизированное*, объявивъ впрочемъ, что оно напитано моею влагою; его положили на животь дѣвицы, которая точно также погрузилась въ глубокій сонъ. Когда я сообщилъ это странное наблюденіе нѣкоторымъ магнетизерамъ, они рѣшили, что, безъ всякаго сомнѣнія, я, писавши письмо, безъ содѣйствія воли, напиталъ его своею влагою; тогда я поручилъ пріятелю написать, подъ мою руку, нѣсколько строкъ и послать ихъ моей пациенткѣ, которая, обманутая этимъ, опять впадала въ магнетическій сонъ. Это меня совершенно удостовѣрило въ вліяніи воображенія на произведеніе его, тѣмъ болѣе, что я просилъ своего пріятеля приготовить записку не у меня, и въ

неизвѣстное мнѣ время, чтобы утратить всякое подозрѣніе безсознательнаго испусканія изъ меня магнетической влаги!»¹ Можно ли придумать что-нибудь умнѣе и достовѣрнѣе этихъ опытовъ? Подобныхъ наблюденій мы находимъ множество въ превосходномъ докладѣ Байльи, 1784 года².

7. Произведеніе искусственнаго сна, или такъ называемаго *магнетическаго снохожденія*, удастся весьма рѣдко, и то почти единственно у женщинъ съ разстроенною нервною системою, подверженныхъ истерическимъ припадкамъ, и такъ далѣе. Даже въ этомъ случаѣ сонъ бываетъ обыкновенно только слѣдствіемъ утомительныхъ манипуляцій однообразія, скуки, и тому подобнаго. Явленія сопутствующія этому сну, который впрочемъ бываетъ очень легокъ, различны въ *каждомъ частномъ* опытѣ, и ни мало не выходятъ изъ физиологическихъ предѣловъ; подвести ихъ подъ систематическую классификацію, какъ это дѣлали Кюге и другіе нѣмецкіе магнетисты, а по примѣру ихъ и Французы — рѣшительно невозможно. Если же въ этомъ магнетическомъ снѣ встрѣчается пріимчивость къ волѣ магнетизера, перемѣщеніе органовъ чувствъ, и тому подобное, то онъ непременно притворень.

Что касается до *естественнаго снохожденія*, которое мы видимъ иногда у людей «нервнаго сложенія», какъ говорятъ, или страждущихъ глистами, и такъ далѣе, и на которое часто ссылаются магнетисты, то оно нисколько не представляетъ приписываемыхъ ему чудесныхъ и сверхъестественныхъ феноменовъ. Этотъ сомнамбулизмъ отличается отъ обыкновеннаго сна только тѣмъ, что въ немъ, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ внутреннихъ раз-

¹ Bertrand, l. c. стр. 271.

² Ср. между прочимъ въ этомъ докладѣ параграфы подъ заглавіемъ dixième expérience de la tasse magnétisée; onzième expérience avec cette tasse, и прочее—Rapport des commissaires chargés par le roi, de l'examen du magn. animal; Paris, 1784, 8° (въ нѣмецкомъ переводѣ: Altenburg, 1783, стр. 33).

дражений, не вся душевная дѣятельность или, точнѣе, не всѣ животныя отправления (*fonctions de relation*), посредники нашихъ отношеній къ наружному міру, въ равной степени усыплены. Бодрствованіе нѣкоторыхъ мозговыхъ функцій побуждаетъ человѣка совершать безсознательно такіе акты, которые обыкновенно свойственны только не спящему, и по-видимому невозможны безъ содѣйствія размышленія, вниманія и сознанія. Публика не находитъ, напримѣръ, ничего страннаго въ томъ, что кавалеристъ спитъ, сидя на лошади, или уставшій солдатъ стоя на часахъ, а между тѣмъ, тутъ при погруженіи въ сонъ всего мозга, та часть его, которая управляетъ нижними конечностями и мускулами, препятствующими паденію, и слѣдовательно часть *вниманія*, бодрствуетъ. Никто также не удивляется тому, что больное дитя *говоритъ во снѣ*, хотя оно для этого, безсознательно, приводитъ въ движеніе гортань, языкъ, губы, мышцы щекъ, то есть, органовъ подвластныхъ волѣ, и связываетъ ихъ для произведенія звуковъ, восклицаній, словъ и цѣлыхъ фразъ, требующихъ *обыкновенно* содѣйствія размышленія, вниманія и сознанія. Между снохдцемъ, встающимъ, одѣвающимся, гуляющимъ на карнизахъ, и даже пишущимъ стихи, — въ родѣ поэтическихъ твореній мосье Рикара на *ique*, — и человѣкомъ, произносящимъ во снѣ несвязныя слова, находится только *количественное* различіе: сущность этихъ явленій совершенно тождественна, и ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не представляетъ ничего непостижимаго, а тѣмъ менѣе *мистическаго*. Мы впрочемъ находимъ первый очеркъ подобнаго безсознательнаго исполненія разумныхъ актовъ, и въ бодрствующемъ человѣкѣ: напримѣръ, когда мы пишемъ и кто-нибудь развлекаетъ наше вниманіе, то мы ошибаемся, пишемъ вдругъ слово, котораго не хотѣли вовсе поставить, и слѣдовательно исполняемъ безсознательно весьма сложный актъ, требующій непремѣнно вниманія. Подобное мы замѣчаемъ,

играя на фортепьяно, гдѣ намъ не рѣдко удается даже сыграть трудный пассажъ, когда мы въ разсѣяніи, и думаемъ о другомъ, гораздо лучше и легче, нежели когда мы устремляемъ все свое вниманіе на ноты или на пальцы.

8. *Перемѣщеніе органовъ чувствъ*, и особенно зрѣнія, въ другія части тѣла, «изобрѣтеніе» ліонскаго медика Пететена рѣшительно не существуетъ; гипотеза эта могла только возникнуть въ такое время, когда законы и функціи нервной системы еще покрыты были мракомъ. Кромѣ того, всѣ наблюденія, относящіяся къ этому мнимому перемѣщенію, при строгой повѣркѣ, оказались, безъ исключенія, основанными на ошибкахъ или на обманѣ. Мы приведемъ только исторію дѣвицы Пижеръ, ясновидицы, мамзель Emélie, и снохдицы доктора Теста.

9. *Самовидніе*, или видѣніе внутреннихъ органовъ собственнаго тѣла, или же тѣла постороннихъ людей, равномерно принадлежить къ тѣмъ утвержденіямъ магнитистовъ, которыя на опытѣ всегда оказывались ложными.

10. Способность снохдцевъ *узнавать болѣзни и назначать вѣрныя средства* для прекращенія ихъ, выдуманно единственно корыстолюбивымъ адептовъ, насмѣхающихся надъ легковѣріемъ публики. Читатели наши помнятъ слова Гюссона: «что лекарства, прописываемыя снохдцами, не выходятъ никогда изъ круга предметовъ, которые имъ могутъ быть извѣстны и въ не-магнитическомъ состояніи.» Мы также привели мнѣніе Рикара что, при пользованіи, ясновидцы такъ часто дѣлаютъ важныя ошибки, что на нихъ полагаться невозможно; теперь выслушайте еще мнѣніе Бертрана: «Изъ всѣхъ способностей снохдцевъ, инстинктъ лекарства (*l'instinct des remèdes*) наиболѣе подалъ поводъ къ тѣмъ *нелпымъ утвержденіямъ* (*prétentions absurdes*), которыя съ перваго разу удаляютъ образованныхъ лю-

дей отъ изученія магнетизма. Кто станетъ слушать *безумныхъ*, увѣряющихъ, что ихъ большіе одарены способностью знать «черезъ какое-то чудесное вдохновеніе», лекарство полезное имъ, хотя бы они никогда его не употребляли и даже не видѣли.» ¹ *Laissons-là ces extravagances!* заключаетъ *магнетистъ*. Всѣ рецепты дрезденской ясновидицы, Гене (Höhne), въ 1840 году, о которой выше говорено было, состояли изъ вѣчныхъ вариаций одной темы: нѣсколькихъ травъ, извѣстныхъ всякому деревенскому жителю, къ которымъ споходила (для усиленія дѣйствія?) обыкновенно прибавляла лошадиного или коровьяго помета! ²

11. *Предвидѣніе будущихъ событий*, то есть, такихъ, которыя дѣйствительно не могли быть извѣстны споходцу, и, не касаясь собственнаго его тѣла, не могли быть производимы притворствомъ и обманомъ. (Что всегда случается при предсказаніи будущихъ болѣзненныхъ припадковъ). Это предвидѣніе встрѣчается только въ *книгахъ* адептовъ. Вспомните, пожалуйста, исторію несчастнаго Казо. Но вотъ наивное признаніе почтеннаго москѣ Рикара: «Способность *весьма рѣдко* представляющаяся, это вѣрное предсказаніе нѣкоторыми «привилегированными споходцами», будущихъ событій, которыми причины еще не существуютъ. Въ этомъ отношеніи я не скрываю своего скептицизма (москѣ Рикаръ — скептикъ!). Я дѣйствительно имѣлъ споходца, показавшаго мнѣ двѣ или три удивительныя штуки (*tours de force surprenants*) ³ въ этомъ родѣ, но онъ не могъ убѣдить меня въ несомнѣнности своихъ предсказаній,

¹ Bertrand lc. стр. 416.

² Commissarische Berichte und Protokolle über die auf Allerhöchsten Befehl stattgefundene Beobachtung der J. C. Höhne, etc. Dresden, 1840, стр. 13, 20, 30, 39, 41, 43, 59, 60, 63, 70, 77; и прочія.

³ Это выраженіе, находящееся на 43-й стр. тулузской брошюры Рикара, смягчено въ парижскомъ изданіи, стр. 262.

которыя и были по большей части ложны; почему я приписываю случаю, если немногіе изъ объявленныхъ имъ фактовъ сбылись.» Это буквальное выраженіе Рикара.

12. Явленія производимыя, въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, магнетистомъ на особъ, не подлежащихъ подозрѣнію въ притворствѣ, и состоящія по большей части въ субъективныхъ ощущеніяхъ или нервныхъ припадкахъ, зависятъ или отъ полупсихическаго и полужизческаго раздраженія половой сферы, или отъ дѣйствія воображенія. Это явствуетъ очевиднымъ образомъ изъ секретнаго доклада Байльи и опытовъ комиссіи 1784 года; ¹ кромѣ того, ежедневныя наблюденія врачей и вообще всякаго безпристрастнаго человѣка, доказываютъ, сколь велико вліяніе воображенія на исцѣленіе головной или зубной боли, перемежающихся лихорадокъ, ² судорожныхъ состояній и тому подобнаго, при отсутствіи всякаго магнетическаго дѣйствія. Любопытно и здѣсь признаніе откровеннаго Бертрапа: «Удосто-

¹ Сравните въ упомянутомъ докладѣ, слѣдующіе параграфы: *Effets marqués de l'imagination; cinquième expérience qui donne les mêmes resultats; — 6-ème expér. qui les confirme; 7-ème expérience sur un arbre magnétisé; la malade tombe en crise sous un arbre qui n'est pas magnétisé; 8-ème expér. 9-ème expérience. 10-ème expérience; 11-ème expérience; 12-expérience; 13-ème expérience; 14-ème, 15-ème, 16-ème expérience, и прочія.*

² «Знатная дама, въ Ростокѣ, страдала три недѣли лихорадкою, которой докторъ не могъ вылечить хиною солью; узнавши, что въ сосѣднемъ городкѣ кто-то пользуется лихорадки посредствомъ «симпатіи», больная написала къ нему письмо, которое отправила черезъ купца; этотъ послѣдній возвратился дней черезъ десять, «и дама поблагодарила его за точное доставленіе ей письма: лихорадки уже четвертый день какъ не было. Тутъ купецъ хватился, «что онъ совершенно забылъ о письмѣ, оставшемся у него въ «бумажникѣ; но онъ былъ такъ благоразуменъ, что не говорилъ «объ этомъ и..... лихорадка не возвратилась.» (*Encyclop. der méd. chirurg. Praxis, etc. von G. F. Most, Leipzig. 1836; Th. I. стр. 721.*

вбросившись во влияніи воображенія на произведеніе явленій, независимо отъ магнетизма, я испыталъ, на оборотъ, влияніе магнетизма безъ содѣйствія воображенія: мнѣ было *невозможно* произвести на бодрствующую большую какос-нибудь дѣйствіе, посредствомъ магнетизированныхъ предметовъ, если она ничего не знала о моемъ намѣреніи.»¹

13. Мнѣніе профессора Ростана и другихъ, полагающихъ, что если бы въ самомъ дѣлѣ магнетизмъ дѣйствовалъ на больныхъ только посредствомъ воображенія, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы включить его въ кадръ медицинскихъ способовъ леченія. Это мнѣніе совершенно неосновательно, во-первыхъ, потому, что пути, черезъ которые мы можемъ дѣйствовать на воображеніе, столь многообразны и безчисленны, что мы напрасно вмѣстимъ одинъ способъ, исключительно предъ другими, въ нашу науку, назвавъ его животнымъ магнетизмомъ; во-вторыхъ, потому-что манипуляціи и влияніе магнетистовъ чрезвычайно вредны для больныхъ, во многихъ случаяхъ.

14. Что магнетизированіе можетъ имѣть вредныя послѣдствія, въ томъ согласны самые отчаянные адепты. Не говоря уже объ опасности его для нравственности, на которую такъ краснорѣчиво указываетъ секретный докладъ Байльи; не говоря о томъ, что вѣрно никакая мать, зная въ чемъ состоятъ манипуляціи и какъ онѣ дѣйствуютъ, не отдастъ невинной своей дочери въ руки магнетиста, «мужчины молодого, пріятной наружности, крѣпкаго сложенія, одареннаго сильною волею и не терпящаго постороннихъ людей при своихъ операціяхъ»; не говоря о всѣхъ послѣдствіяхъ, о которыхъ очень хорошо извѣстны публикѣ; не говоря обо всемъ этомъ, мы только обратимъ вниманіе чита-

телей на неисцѣлимые спазмодическіе припадки, на помѣшательство ума, и даже на случаи внезапной смерти, производимые неосторожными адептами, какъ свидѣлствуютъ профессоръ Гензлеръ¹, господинъ Рикардъ², и большая часть самихъ магнетистовъ.

Намъ можетъ-быть возразить, что эти припадки именно доказываютъ, что магнетизмъ есть нѣчто положительное: нѣтъ! испугъ, неожиданное полученіе радостнаго извѣстія, видъ пароксизма падучей болѣзни и многія подобныя причины, часто производятъ спазмы, умалченіе и даже смертельные удары; — а между-тѣмъ

¹ *Hensler, über die verschiedenen Arten des thierisch. Magnetism., etc. Würzburg, 1833;* мы выпишемъ изъ его сочиненія слѣдующій рассказъ: Магнетизеръ имѣлъ у себя въ домѣ дѣвицу, которая въ предвѣдущемъ магнетизированіи почувствовала дурное дѣйствіе, и потому рѣшилась никогда болѣе не подвергаться ему; но адептъ употребилъ хитрость, чтобы вновь вовлечь ее. Вотъ, чтò онъ пишетъ: «Хотя я сидѣлъ совершенно спокойно подлѣ кровати больной, я ужаснѣйшимъ образомъ потѣля... она увѣрала что это дѣйствіе магнетизма.» Я долженъ былъ собрать все свои силы, «чтобы совершить надлежащія *прикосновенія*, потому-что больная часто отталкивала насильно мои руки отъ себя: такъ, что казалось будто два человека дерутся на жизнь или на смерть: und so war es, als ob zwei Menschen mit ein ander auf Leben und Todt kämpfen.» Больной отъ этихъ пріемовъ (хороши, нечего сказать!) дѣлалось все хуже и хуже; «однажды она въ жару выскочила изъ постели, и я нашелъ ее лежащую на полу. По окончаніи пароксизма она ничего не помнила, и только объявила, что ей прежде было *безконечно хорошо*.» Между тѣмъ жена магнетиста начала хворать, что произвело у больной дѣвицы судороги, и прочее, и потому она объявила адепту: «я должна буду оставить магнетическое леченіе, по-крайней-мѣрѣ вы не можете меня пользуети: все, чтò вы у меня отнимаете, вы даете своей женѣ.» (I. с. стр. 67 и слѣд.)—Надо быть ученымъ германскимъ профессоромъ, чтобы видѣть въ этомъ рассказѣ, какъ Гензлеръ, только дѣйствіе различныхъ магнетическихъ влияній. Мы могли бы объяснить это гораздо проще!

² *Ricard, I. с. стр. 302 (смерть отъ манипуляцій!). 353, 56 («ужасная конвульсія»); стр. 239, 259, и прочія.*

¹ *Bertrand, I. с. стр. 267.*

никто не скажетъ, что въ этихъ вліяніяхъ участвовалъ магнитизмъ.

15. Магнитизмъ вреденъ и по той причинѣ, что онъ для своего интереса старается возобновить предразсудки и суевѣріе, отъ которыхъ просвѣщеніе, казалось, навсегда насъ освободило. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, прочтите книги Ю. Кернера ¹, Эшенмаіера и Рикара.

16. Замѣчательно, что всѣ медики, занимавшіеся магнитизмомъ, дѣлали это обыкновенно въ своей молодости, прибѣгая къ этой теоріи, какъ къ средству обратить на себя вниманіе и легче сдѣлаться извѣстными: но достигши желанной цѣли, получивъ практику, они тотчасъ отказывались отъ лжеученія. Отчего, напримѣръ, Филассье, Фуассакъ, Бертрагъ, ничего не писали послѣ первыхъ своихъ сочиненій? Отчего Кюге съ 1815 года, Ростанъ съ 1825, и столько другихъ, поторопившись напечатать первыя свои наблюденія, потомъ молчали, въ продолженіе двадцати-лѣтій? Дюпоте, Рикаръ и прочіе адепты не-медики, толкуя о вещахъ, которыхъ они не понимаютъ, вѣчно будутъ держаться магнитизма: для нихъ *c'est un métier comme un autre!*

17. Неужели, скажутъ мнѣ, всѣ магнитисты обманываютъ публику?—О нѣтъ! Большая часть ихъ, особенно въ Франціи, сами были обманываемы хитрыми мошенниками, и легковѣрно вдавались въ обманъ: Georget, Rostan, Neublier, Тестъ, и прочіе, были жертвы мистификаціи. Но Wolfart, но всѣ тѣ адепты, которые увѣряютъ, что умѣютъ разгонять тучи, или мраморнымъ взглядомъ произвести электрическія сотрясенія, и самъ Mesmer, умышленно обманывали публику.

18. Изъ тринадцатаго и четырнадцатаго нашихъ предложеній отчасти уже объясняется, почему большая часть сомнамбуловъ — женщины. Слабый полъ вообще несравненно умнѣ насъ мужчинъ; его тактъ, его прак-

¹ I. Kerner, die Seherin von Prevorst. 1829.

тическій взглядъ на общественныя отношенія, его находчивость и умнѣе открывать слабыя стороны наши — удивительны. Ужъ это позволяетъ такъ часто молоденькой, необразованной дѣвочкѣ, обманывать самыхъ опытныхъ профессоровъ и водить ихъ за почтенные гофратскіе носы ихъ. Но кромѣ того, раздражительность нервной системы, живость воображенія, примчивость ко всѣмъ впечатлѣніямъ, склонность къ притворству и тщеславію, свойственныя женщинамъ, вообще дѣлаютъ ихъ гораздо способнѣе играть роль оракуловъ и снохидицъ, чѣмъ нашу братью мужчинъ. Это тщеславію, эта страсть быть интересными, обращать на себя вниманіе другихъ, заставлять говорить о себѣ и занимать собою публику побуждаютъ часто истерическихъ дѣвицъ выдавать себя за ясновидящихъ, или согласиться на предложенія корыстолюбивыхъ магнитистовъ. Впрочемъ лѣтописи нашей науки изобилуютъ примѣрами женщинъ, подвергавшихъ себя жестокимъ операціямъ, безъ всякой нужды; остававшихся долгое время безъ пищи, и тому подобное, естественно для того, чтобы составить предметъ разговоровъ и удивленія публики ¹.

19. Можно ли опровергать факты? скажутъ намъ еще магнитисты. Можно! Потому—что мало того, чтобы видеть фактъ: надобно умѣть видѣть его *хорошо*, и отыскать связь между явленіемъ и причиною, а эта способность не всякому дана; къ тому же, не забудемъ, что многіе магнитисты умышленно наполнили свои сочиненія, совершенно выдуманнѣми наблюденіями, слѣдуя правилу Эшенмаіера: *Factum infectum fieri nequit* (Archiv I, i, 50) и воображая, что они этимъ лишаютъ насъ спосововъ дѣлать возраженія; адепты, сверхъ-того, не хо-

¹ Прочтите любопытный примѣръ, разсказанный манчестерскимъ медикомъ, John Robertson, въ London medical Gazette, vol. xv. стр. 1. и переведенный въ Analecten für Frauenkrankheiten, etc. Leipzig, 1841 года. Т. III, стр. 81.

тять помнить, что они намъ до-сихъ-поръ не умѣли представить ни одного положительнаго факта, а требуютъ только, чтобы мы повѣрили ихъ частнымъ опытамъ: да это значитъ: въ своемъ дѣлѣ быть и свидѣтелемъ и судьей! По моему индивидуальному убѣжденію, если бы намъ представили сто магнитическихъ фактовъ, въ которыхъ бы рѣшительно невозможно было открыть обмана, и требующихъ слѣдовательно допущенія сверхъестественной причины, и если бы потомъ сто первый фактъ оказался ложнымъ и притворнымъ, то онъ *одинъ* уничтожилъ бы достоверность *всѣхъ* другихъ. Въдъ гораздо вѣрнѣе въ такомъ случаѣ сказать: я не сомнѣваюсь, что все это основано на обманѣ или ошибкѣ, которыхъ я *пока* не могу открыть; нежели искать объясненія, противорѣчащаго здравому смыслу и всѣмъ известнымъ намъ законамъ природы.

20. Кто станетъ назначать предѣлы возможному? такъ же говорятъ адепты. Оно справедливо, если говорится о предѣлахъ умственнаго развитія или изобрѣтательности человѣка: они безконечны. Но это предложеніе ложно, въ отношеніи къ органическимъ законамъ тѣла, отправлениямъ и жизни человѣка: они имѣютъ предѣлы, за которые имъ невозможно переступить. Такъ, напримеръ, никакъ нельзя предвидѣть, какіе будутъ успѣхи химіи и физики черезъ сто или пятьсотъ лѣтъ, но *никогда* намъ не удастся сдѣлать старика молодымъ, урода красавцемъ, никогда мы не перенесемъ глаза, изъ его ямины, на затылокъ или въ сердечную ложечку; никогда мы не составимъ изъ углерода, азота, водорода и кислорода, малѣйшую органическую часть: хоть палецъ, хоть ноготь: здѣсь можно сказать: вотъ предѣлы возможному! Магнитисты не поняли этого различія, толкуя намъ о перемѣщеніи чувствъ, о самовидѣніи и предсказаніи будущихъ событій: они полагали, что эти способности *патентированы*, какъ самозажигательныя сѣрныя спички и непромокаемыя галони, на известное число

лѣтъ, по истеченіи которыхъ онѣ замѣнятся другими удобнѣйшими *изобрѣтеніями*.

21. Отвѣтивъ на столько вопросовъ адептовъ, мы съ своей стороны имъ предложимъ только одинъ на разрѣшеніе: гдѣ всѣ обѣщанія магнитистовъ? Вотъ уже семьдесятъ лѣтъ какъ вы обѣщаете публикѣ преобразовать медицину; вотъ болѣе полустолѣтія какъ вы во всей Европѣ, занимаетесь безпрестанно пользуетиемъ больныхъ; укажите же намъ хоть на одну болѣзнь, которой *сущность* и свойства вы бы опредѣлили вѣрнѣе и точнѣе нежели мы, медики; назовите намъ хоть одно новое лекарство, которымъ бы вы одарили человечество? Нѣтъ, ваши ясновидцы, на высшей степени совершенства, прописываютъ рецепты, «которыхъ не долженъ стыдиться самый просвѣщенный врачъ», и только! Вы умѣете уничтожить чувствительность у больныхъ, подвергающихся жестокому хирургическому операціямъ. Отчего же никто не требуетъ вашей помощи?

И такъ, не даромъ вы боитесь *нашихъ* изслѣдованій, не даромъ вы оградилъ свою теорію тройнымъ панциремъ — *triplici aere* — дѣйствуя только на больныя воображенія слабыхъ женщинъ; требуя безпредѣльнаго вѣрованія, и удаляя «уничтожающее вліяніе постороннихъ свидѣтелей» отъ своихъ операцій.

22. Если же магнитизмъ, не смотря на внутреннюю ничтожность своихъ теоремъ, находилъ, и даже понинѣ находить себѣ приверженцевъ, то это единственно отъ того, что онъ незвано и хитро вторгся въ важнѣйшія двѣ области человѣческихъ интересовъ: онъ обѣщаетъ вѣрное исцѣленіе неисцѣлимыхъ недуговъ и предсказаніе будущихъ событій. Какъ-же не размышляющая толпа ему противостанеть? Любовь къ жизни и страсть къ сверхъестественному, врождены всѣмъ намъ, и неразрывно связаны съ нашею душою.

Это замѣчаніе уже сдѣлано, почти въ тѣхъ же вы-

раженіяхъ, старшимъ *Плиніемъ*, касательно *Магн*: такъ мало человѣкъ измѣняется въ продолженіе тысячелѣтій!

Господинъ Бертранъ заключаетъ свою исторію животнаго магнетизма во Франціи, слѣдующими словами, примѣчательными въ устахъ адепта: «Je crois aux phénomènes du somnambulisme et j'écris ce livre pour prouver que le magnétisme est une pure chimère» (I. c. стр. 303). Мы написали нашу статью съ тою же цѣлью; и мы старались доказать, что магнетизмъ, отъ котораго мы однако жъ не отдѣляемъ такъ называемаго «искусственнаго снохожденія» — *суцал химера*, и что пора отнести его къ печальнымъ заблужденіямъ человѣческаго воображенія, пора предать его забвенію: мы не смѣемъ надѣяться, что это намъ удалось; но, если мы успѣли хоть на одинъ шагъ приблизиться къ предположенной цѣли, если наше глубокое убѣжденіе просвѣтитъ сомнѣнія хоть одного читателя, мы будемъ вполне награждены за свои труды: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas!*

А. Рафаэловичъ.

Одесса, въ Мартѣ 1842 года.

ПАТРИОТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

—

Существуетъ ли русская литература? Вопросъ странный, но тѣмъ не менѣе современный, потому-что есть люди, которые рѣшительно утверждаютъ, что русской литературы не существуетъ. Какъ это угѣшительно слышать народу, уже тысячу лѣтъ живущему исторически и болѣе ста-пятидесяти лѣтъ занимающему одно изъ первыхъ мѣстъ среди государствъ Европы!

Литература есть проявленіе ума народнаго: если умъ существуетъ, онъ долженъ проявляться, въ особенности, въ словѣ.

И когда же обстоятельства были благопріятны для развитія литературы, какъ не *въ послѣдніе семнадцать лѣтъ*? Случались войны, но гулъ ихъ выстрѣловъ не доходилъ до нашихъ ушей; ничто не препятствовало распространенію просвѣщенія. Благое правительствовало повсюду открывало для него широкіе пути: учреждены новыя университеты; открыты разныя высшія учебныя заведенія, и въ томъ числѣ два весьма важныя: Военная Академія и Училище Правовѣдствія;

прежнія получили правильнѣйшее устройство; военно-учебные корпуса преобразованы и приведены въ самое цвѣтущее состояніе; гимназіи, школы, уѣздныя и приходскія, заведены по всеѣмъ губерніямъ; самыя духовныя училища, этотъ древній и прочный расадникъ нашего просвѣщенія, еще болѣе улучшены и приспособлены къ существеннымъ потребностямъ времени; наконецъ, благотворная десница правительства не забыла и сель: религиозно-правственное воспитаніе сельскихъ жителей, подъ руководствомъ пастырей церкви, есть самыи утѣшительный феноменъ настоящаго времени.

При такомъ общемъ движеніи всякаго рода училищъ къ устройству и улучшенію, естественно должно было усилиться и въ народѣ общее стремленіе къ образованію. Въ самомъ дѣлѣ, число учащихся, въ послѣдніе годы, возрасло до такой степени, что сдѣлалось уже невѣроятнымъ для иностранныхъ завистниковъ и хулителей Россіи. Между-тѣмъ, мы, Русскіе, можемъ ли, безъ искренней благодарности мудрому правительству и безъ сердечнаго невыразимаго наслажденія представить себѣ, что въ сію самую минуту, какъ читаются эти строки, 100,000 птенцовъ, подъ крылами двуглаваго орла, возрастаютъ и укрѣпляются въ духѣ вѣры, нравственности и истиннаго знанія, чтобы потомъ вылетѣть на великое поприще общественной дѣятельности, ко благу любезнаго нашего отечества!

И какіе поразительные успѣхи по всеѣмъ частямъ государственнаго управленія! Армія доведена до совершенства; флотъ устроенъ и увеличенъ. Купеческое мореплаваніе приобрѣло богатѣйшій расадникъ мореходцевъ; фабрики совершенствуются и умножаются съ каждымъ годомъ; сельское хозяйство улучшается; распространяется торговля; устроиваются пути сообщенія различныхъ частей государства; начинается великое предпріятіе: соединеніе двухъ столицъ желѣзною дорогою; администрація получаетъ правильное и съ обширностію Им-

періи сообразное движеніе; все источники государственнаго благоденствія обняты Царскимъ взоромъ и направлены къ цѣли народнаго блага; наконецъ, совершить въ краткое время трудъ, бывшій цѣлые сто лѣтъ великою мыслію безъ исполненія, воздвигнуть вѣчный памятникъ настоящаго царствованія: издавъ *Сводъ Законовъ Россійской Имперіи*.

Но когда, такимъ образомъ, во всеѣхъ отношеніяхъ общественной жизни, Россія идетъ впередъ исполненными шагами, ужели одно отечественное слово отстаётъ и упадетъ? Ужели ни одинъ изъ этихъ ста-тысячъ образованныхъ юношей не бросаетъ ни одного зерна на поле отечественной словесности? Этому повѣрить нельзя—и на самомъ дѣлѣ это совершенная и вопіющая нелѣпость!

Взглянемъ бѣгло на *состояніе нашей литературы*, въ различныхъ ея отрасляхъ, въ теченіи послѣднихъ семнадцати лѣтъ.

Духовное краснорѣчіе, сохраняя свое величіе въ умилительной простотѣ, дѣлается удобопонятнымъ для каждаго. Упомянуть ли здѣсь имя того, кто занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только среди проповѣдниковъ слова Божія въ Россіи, но и въ Европѣ; кто умѣлъ съ глубиною христіанскаго ученія соединить свѣтлую ясность рѣчи; къмъ восхищается и гордится древняя наша столица. Появляются и другія свѣтила, если еще не столь блистательныя при своемъ восходѣ, то также обѣщающія прекрасный день въ своемъ полуднѣ. Опасаясь оскорбить ихъ скромность, мы не произносимъ ни одного имени, и удовольствуемся только сказать, что едва ли когда духовное краснорѣчіе болѣе, чѣмъ въ настоящее время, изобиловало знаменитыми мужами, соединяющими съ даромъ слова и обширность челоуѣческихъ знаній, и глубокое изученіе тайнъ Божественнаго откровенія.

Военное краснорѣчіе также сдѣлало блистательные успѣхи. Донесенія Суворова не были писаны: онѣ вырывались сами изъ души сильной и пламенной, гдѣ кипучая мысль предупреждала слова. Таковъ былъ Суворовъ, и его слогъ могъ быть приличенъ только ему одному. Донесенія Кутузова, *самимъ имъ диктованныя*, были полны мыслей, скромнаго величія и твердой увѣренности его въ своихъ планахъ; при счастливомъ оборотѣ войны, онѣ принимали тогъ торжественности и выраженія души, восхищенной спасеніемъ отечества. «Великъ Богъ! Всемилостивѣйшій Государь!»—начинаетъ онъ донесеніе о побѣдѣ, одержанной надъ вице-королемъ.—Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ съ новою побѣдою». Неоспоримо, что донесенія Кутузова навсегда останутся прекрасными примѣрами, по достоинству зрѣлыхъ мыслей и высокихъ патріотическихъ чувствованій; но должно признаться, что въ теченіи тридцати лѣтъ языкъ русскій шагнулъ впередъ вмѣстѣ съ прочимъ движеніемъ Россіи; и потому современными образцами военнаго краснорѣчія смѣло ставимъ донесенія во время турецкой и польской войны, въ особенности о взятіи Ахалциха и Варшавы. Быстрота соображеній, ясность и благородство рѣчи, правильность и чистота языка суть неотъемлемыя достоинства этихъ превосходныхъ донесеній, которыя въ свое время приводили въ истинный восторгъ всю Россію и сильно потрясли всѣ русскія сердца, любящія отечество.

Краснорѣчіе *гражданское* или *дѣловое*, состоящее въ вѣрной послѣдовательности мыслей, въ точности выраженій и строгомъ приличіи языка достоинству говорящаго лица, сдѣлало первые успѣхи подъ перомъ незабвеннаго графа Сперанскаго, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вообще, кто знакомъ съ современнымъ изложеніемъ высшей государственной переписки, тотъ знаетъ до какого приличія, благородства и правильно-

сти доведенъ дѣловой языкъ въ послѣднее время; иначе и не можетъ быть: ибо все, что училось и учится, преимущественно обращается у насъ на поприще государственной службы, которая, по обширности Имперіи, поглощаетъ всѣ лучшія дарованія и таланты. Если бы намъ дозволено было, мы произнесли бы много знаменитыхъ именъ, составляющихъ прекрасное достояніе настоящаго и надежду будущаго времени.

Въ составъ *дѣловыхъ бумагъ* входятъ и бумаги высшаго государственнаго управленія: ноты посланниковъ, деклараціи, манифесты. Остановимся на послѣднихъ.

Мы читали незабвенные манифесты 1812 года: какое производили они дѣйствіе важностію и величіемъ своего слога, вполнѣ соответствующимъ величію событія! Кто не помнитъ этого высокаго воззванія къ народу о вступленіи въ Москву непріятеля—воззванія, гдѣ Царь русскій говорилъ именно такъ, какъ прилично говорить Царю русскому, Царю державы, неизмѣримой въ обширности средствъ и непоколебимой въ крѣпости народнаго духа. Тутъ не искажались событія, не выставилась потеря незначительною, не утѣшались себя ничтожностію непріятеля—нѣтъ! здѣсь была выражена горестъ глубокая, чувствованіе великой потери, самое сильное; но вмѣстѣ съ тѣмъ были выражены и спокойная твердость духа въ опасности и крѣпкое упованіе на силу народа и помощь неба. Какъ трогательны, какъ высоки эти слова: «Боже Всемогущій! обрати милосердія очи «Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ «Россійскую Церковь! Даруй поборающему по правдѣ «народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да вос- «торжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодо- «лѣетъ его, и, спасая себя, спасетъ свободу и незави- «симость царей и царствъ!»

Манифесты, принадлежа по содержанію своему къ дѣловой литературѣ, столько же принадлежатъ по слогу и къ литературѣ изящной, какъ образцы краснорѣчія.

Кто скажетъ, что рѣчи Цицерона и Демосоена не составляютъ самой блистательнѣйшей части остатковъ литературы латинской и греческой? Но что такое эти рѣчи, какъ не воззванія къ народу, только не печатныя, но изустно произнесенныя? Мы можемъ гордиться превосходными образцами подобнаго краснорѣчія, и все, однако жъ, слышимъ дикіе крики: гнѣтъ русской литературы!

Манифесты послѣднихъ семнадцати лѣтъ, главнаго предмета въ нашемъ обзорѣ, блистали ясностію мысли, твердостію воли, слогомъ благороднымъ и возвышеннымъ. Не уступая манифестамъ 1812 года въ силѣ слова, они преимуществовали усовершенствованіемъ языка, который, какъ замѣчено выше, при быстротѣ нашего просвѣщенія, идетъ впередъ съ каждымъ годомъ.

Отдѣлъ философической литературы у насъ не процвѣтаетъ, и это естественно: Россія не есть государство философическое, но религиозное. Философія есть усиліе кичливаго ума; откровенная религія есть свѣтъ, пролитый свыше для нашего спасенія. Германія осуждена на то, чтобы показать печальный жребій шаткости человѣческихъ системъ. Видя это, мы не должны подражать тѣмъ несчастнымъ, которые, смотря на болѣзненную пляску, извѣстную подъ названіемъ: Святаго Вита, сами увлекаются духомъ безумія и бросаются въ пляшущую толпу. Мы должны смотрѣть на всѣ нравственныя болѣзни Запада, какъ на доказательства благости Божіей къ Россіи, которая, какъ новый Израиль, представитъ свѣту образецъ Царства Христова и по духу и по имени.

Были и у насъ, и теперь есть, попытки философическихъ сочиненій; но, къ счастью, сочинители закуты-вали чужія нелѣпости въ языкъ дикій и неудообо-пнятый, и потому—то всѣ подобныя попытки остались у насъ только посмѣшищемъ народа и стыдомъ для

своихъ авторовъ. Конечно, можно указать на нѣкоторые исключенія; но весьма немногія. Германская философія никогда не приметя на русской почвѣ.

Въ замѣтъ того, *отечественная исторія*, проявленіе народности, можетъ гордиться прекрасными успѣхами. Правительство наше, которое мы встрѣчаемъ на всѣхъ путяхъ народнаго преуспѣянія, сдѣлало все, что только зависѣло отъ его средствъ: рассмотрѣло всѣ архивы, изслѣдовало и охранило отъ разрушенія всѣ историческіе памятники, издало полное собраніе законовъ, напечатало всѣ историческіе акты, и наконецъ предприняло изданіе свода отечественныхъ лѣтописей. Великій подвигъ правительства пробудилъ дѣятельность и частныхъ людей къ собранію остатковъ древности. Теперь остается только пользоваться открытыми источниками уму просвѣщенному и перу опытному. Скажемъ съ горестію: какъ жаль, что Карамзинъ не имѣлъ этихъ средствъ и долженъ былъ самъ рыть-ся и отрывать! Сколько потерялъ онъ на это времени! Безъ этого, мы прочитали бы полную *Исторію Государства Россійскаго*, написанную слогомъ прекраснымъ и благороднымъ, языкомъ чисто-русскимъ, правильнымъ и звучнымъ. Тѣмъ не менѣе, однако жъ, мы можемъ гордиться, что имѣемъ исторію, которая соперничествуетъ по изложенію съ великими древними образцами. Само-собою разумѣется, что трудъ Карамзина не долженъ былъ останавливать другихъ на попринцѣ исторической словесности. Карамзинъ свое дѣло сдѣлалъ: Русскіе узнали свою исторію; другимъ предложить дополнять и поправлять наши познанія: теперь они имѣютъ къ тому всѣ средства.

Исторія Карамзина только изданіемъ послѣднихъ томовъ принадлежитъ ко времени, нами обозрѣваемому; но есть другое историческое твореніе, которое по вѣрности взгляда, проясненнаго современными европейскими писателями, занимаетъ почетное мѣсто въ нашей

исторической литературѣ: остается только пожалѣть, что авторъ охладѣлъ и не довершилъ своего предпріятія. Пожалѣвъ объ этомъ охлажденіи, мы встрѣтили тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ историческій трудъ другаго автора, совершенно отличнаго отъ всѣхъ прежнихъ новостію воззрѣнія на *міръ славянскій*, — на міръ, котораго всѣ русскіе историки доселѣ, или вовсе не касались, или касались только мимоходомъ. Отъ лица всѣхъ Славянъ мы желаемъ полнаго успѣха его труду, также, къ сожалѣнію, еще не оконченному.

Отъ общей отечественной исторіи, переходя къ исторіи отдѣльныхъ отечественныхъ событій, мы прежде всего должны обратить вниманіе наше на *Описаніе отечественной войны 1812 года*. По необыкновенно искусному расположенію, при множествѣ событій, совершившихся въ одно и то же время; по слогу правильному и сильному — исторія 1812 года навсегда останется самымъ пріятнымъ чтеніемъ каждаго Русскаго, и прекраснымъ памятникомъ настоящаго времени.

Отдавая полную справедливость автору Описанія отечественной войны, нельзя умолчать, что мы имѣемъ и другія, если не столько обширныя, но не менѣе достойныя сочиненія, относящіяся къ этой незабвенной эпохѣ. По краткости нашего обзора, мы укажемъ здѣсь только на *Очерки бородинскаго сраженія* О. Глинки. Перомъ его водило воображеніе пламенное, чувствованіе теплое и прямо русское. Его очерки суть живыя картины, изображенія вѣрныя и искусныя. Должно пожалѣть, что Глинка не посвятилъ своего досуга еще бросить нѣсколько подобныхъ очерковъ и для другихъ событій отечественной войны, которая навсегда останется для насъ священнойю.

Литература отечественной исторіи не ограничивается исторіею событій: мы имѣемъ весьма многія превосходныя историческія сочиненія по разнымъ отдѣльнымъ отраслямъ государственной жизни. Исторія библейская,

исторія церкви христіанской вообще и православной въ особенности, написаны у насъ съ тою глубиною познанія и съ тою точностію въ изложеніи событій, какихъ можно только ожидать отъ людей, основательно, долговременно изучавшихъ предметъ свой. Военное искусство, законодательство, администрація, просвѣщеніе, литература, также имѣютъ свою исторію, то въ отдѣльныхъ статьяхъ напечатанную, то изданную особыми твореніями. Можемъ сказать, что у насъ не осталось ни одного предмета, который не былъ уже обозрѣнъ исторически, чтобы идти далѣе на поприщѣ общаго преуспѣянія.

Послѣднее время особенно замѣчательно изданіемъ хорошихъ учебныхъ книгъ, которыя если не составляютъ блестящаго отдѣла литературы, то неоспоримо суть важнѣйшіе двигатели народнаго просвѣщенія, а слѣдовательно и самой литературы.

Изъ области дѣйствительнаго міра, вступая въ область фантазій, мы не дозволяемъ себѣ сказать, согласно съ нѣкоторыми записными хвалителями Пушкина, чтобы вмѣстѣ съ нимъ умерла *лирическая поэзія*. Она не съ нимъ родилась, а потому и умереть съ нимъ не могла. Лирическая поэзія въ душѣ русскаго народа, а онъ живъ! Кто изъ другихъ не славянскихъ народовъ можетъ представить эти чудныя изліянія души сильной, часто растерзанной горестію, но всегда героически-спокойной среди несчастья; души нѣжной, не чуждой самыхъ горячихъ чувствованій любви и дружбы, но не слабой и мечтательной; души страстно любящей окружающую ея привольную природу и удалую жизнь среди безконечныхъ рѣкъ и дремучихъ лѣсовъ? Наши народныя пѣсни, и по своему содержанію, и по очаровательнымъ напѣвамъ для русскаго уха, суть истинныя представители поэтическаго и музыкальнаго чувства русской націи. Надобно признаться, что оглушенные шумомъ славы всего иностраннаго, мы

еще не успѣли выйти изъ смѣшнаго самозабвенія и оглядѣться у себя дома; мы еще не знаемъ, какими владѣемъ сокровищами, и, восхищаясь чужой мишурѣ, не обращаемъ вниманія на собственное золото.

Но возвратимся къ поэзии. Если лиризмъ есть природное свойство русской души: то, потому самому, мы должны были имѣть превосходныхъ лириковъ и мы, — можемъ сказать съ справедливою гордостію, — мы ихъ имѣемъ.

Полтора столѣтія Россія жила жизнью побѣдъ и славы; могло ли русское сердце биться спокойно и не излиться въ пѣсняхъ благодарности Богу и царямъ? И вотъ явился поэтъ, котораго пламенная, восторженная душа, пораженная величіемъ современныхъ ей событій, то парила горѣ во слѣдъ непобѣдимыхъ орловъ русскихъ, и воспѣвала Фелицу, то преклонялась долу предъ величіемъ Бога. Но всегда и вездѣ пѣснь его была проникнута духомъ народа русскаго, носила печать мысли быстрой, чувствованій сильныхъ и высокихъ.

Пошелъ — и гдѣ тристаты злобы?
 Чему коснулся — все сразилъ!
 Поля и грады — стали гробы;
 Шагнулъ — и царство покорилъ!
 Черная туча мрачная крыла,
 Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла!
 Вихрь полуночный — летитъ богатырь,
 Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
 Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
 Дубы грядою лежатъ позади!
 Ступить на горы — горы трещать!
 Ляжетъ на воды — воды кипятъ!
 Граду коснется — градъ упадаетъ!
 Башни рукою за облакъ выдаетъ!

Можно сказать, что Суворовъ и Державинъ родились другъ для друга. Одинъ изъ нихъ былъ по превосходству русскій полководецъ; другой по превосходству русскій поэтъ. Тамъ орлиная быстрота и смѣ-

лость въ движеніяхъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ; здѣсь молниеносный полетъ и стремительность въ мысляхъ и словѣ.

Сквозь тучи, вокругъ лежащи, черны

Твой горній кроуши полетъ.....

.....

.....

Черезъ неприступны переправы

На высотѣ ты новой славы

Явился сѣверный орелъ!

Увлекаясь вѣчными красотами нашего русскаго Оссіана, мы готовы опять повторить съ новымъ, невыразимымъ удовольствіемъ то, что уже читали и перечитывали тысячу разъ: таково свойство всѣхъ гениальныхъ произведеній. И между-тѣмъ, можно ли безъ негодованія вспомнить, что есть люди, которые осмѣливаются прикасаться дерзкими руками къ славѣ великаго Державина, прикасаться длитого только, чтобъ указать въ его солнцѣ пятна! Скажемъ болѣе: они хотятъ затмить его лучъ и тамъ, гдѣ онъ блещетъ со всею невыносимою яркостію. Державинъ для насъ есть то, что для Грековъ — Гомеръ, для Римлянъ — Гораций или Виргилій, для Англичанъ — Шекспиръ, для Нѣмцевъ — Гёте; лица, коихъ недостатки должны мы отыскивать, но умѣть понимать ихъ достоинства. Недостатки въ нихъ есть: въ томъ нѣтъ спору, потому-что ничто человѣческое не чуждо недостатковъ; но и недостатки въ нихъ потому замѣтнѣе, что велики ихъ достоинства.

Другіе наши лирическіе поэты, если не столь блестящи, какъ Державинъ, то не менѣе доставляютъ наслажденія тихаго и сладостнаго. Можемъ ли мы забыть Жуковскаго, съ его вдохновеннымъ Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ; съ его прекрасными и трогательными посланіями; съ его несравненными балладами Свѣтланю и Золовою Арфою; наконецъ съ его языкомъ, истинно цѣлительнымъ и сладкимъ?

Его стиховъ пѣвнѣйшая сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль
 И рѣвая задумается радость.

Опять должны мы сказать, что есть люди, которые, не постигая ни таланта, ни заслугъ Жуковского въ нашей литературѣ, обязанной ему преобразованиемъ стихотворнаго языка и знакомствомъ съ нѣмецкою музою, унижаютъ достоинства его до званія простаго переводчика; но во-первыхъ, писатель не потому писатель, что написалъ много, но потому-что написалъ хорошо. Жуковский оригинальныхъ произведеній сочинилъ не много, но сочинилъ превосходно; во-вторыхъ, самые переводы Жуковского суть почти сочиненія оригинальныя: ибо глубоко проникнуты его собственнымъ чувствомъ. Псалмъ Жуковского слѣдуютъ цѣлые ряды даровитыхъ поэтовъ до Пушкина. Изъ нихъ колоссально возвышается *Батюшковъ*, съ его высоко-трогательнымъ Тассомъ, съ его мечтательными элегіями на развалинахъ замка въ Швеціи и при переходѣ черезъ Рейнъ. Жестокая судьба рано похитила у насъ Батюшкова, но нельзя не замѣтить съ горестію, что по опредѣленію какого-то тяжкаго рока всѣ таланты русскіе увядаютъ почти на зарѣ своей жизни. Мы еще не успѣли утѣшиться въ потерѣ Пушкина, и сколько уже новыхъ утратъ понесла русская литература!

Пушкинъ заключилъ шестіе первостепенныхъ русскихъ лирическихъ талантовъ: новые дѣлатели на этомъ поприщѣ обѣщаютъ много прекраснаго, и мы будемъ терпѣливо ждать исполненія ихъ обѣщаній. Собственно о Пушкинѣ мы говорить не будемъ: его достоинство уже признано всѣми, даже самыми злыми хулителями русской словесности. Одина только вопросъ еще подлежитъ разсмотрѣнію: можно ли назвать Пушкина писателемъ народнымъ? Думаемъ, что народнымъ писателемъ можно называть только по двумъ причинамъ: или

авторъ писалъ въ духѣ народномъ, или сочиненія его особенно извѣстны народу. По-этому народнымъ писателемъ по преимуществу можетъ назваться у насъ одинъ *Крыловъ*.

Съ Крыловымъ наша русская басня, можно сказать, родилась и умерла: кто теперь рѣшится писать въ этомъ родѣ? Если въ другихъ родахъ поэзіи мы еще отстали отъ европейскихъ народовъ, то въ баснѣ мы превзошли многихъ.

Поэзія драматическая не представляетъ у насъ до сего времени слишкомъ блестящихъ успѣховъ; но мы имѣемъ уже два образцовыя произведенія и въ этомъ родѣ: *Недоросль* и *Горе отъ ума*. Последнее время, не смотря на охлажденіе высшей публики къ русскому театру, ознаменовано особенно дѣятельностію къ распространенію русскаго репертуара. Сверхъ многихъ прекрасныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, сверхъ ознакомленія публики съ великими образцами Шекспира и другихъ первостепенныхъ писателей, собственно въ оригинальныхъ русскихъ сочиненіяхъ замѣтно утѣшительное плодородіе. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ Полевому и Кукольникову. Оба эти писателя, хотя не могутъ похвалиться образцовыми твореніями, но представляютъ удачный переходъ отъ классическихъ монотонныхъ драмъ къ живымъ романтическимъ созданіямъ. Вѣкъ нашъ носить на себѣ тигъ неизвѣстной поспѣшности и нетерпѣнія; мы спѣшимъ жить и живемъ ни днями, а часами: такъ и въ литературѣ. Прошли тѣ блаженныя времена, когда авторъ, окончивъ свое сочиненіе, клалъ его, по совѣту Горация, подъ спудъ на десять лѣтъ: сохрани Боже! теперь въ десять дней оно состарѣется и зачахнетъ. Правда, при этой поспѣшности, выходятъ творенія необдуманья, незрѣлыя, скороспѣлки; но довольно и того, что выходятъ: публика требуетъ новаго, и желанія ея удовлетворяются. Не смотря, однако жъ, на поспѣшность,

многія драмы, особенно Полеваго, имѣли успѣхъ блистательнѣйшій, какъ напримѣръ: *Параша Сибиряка*. Конечно, здѣсь зависѣло много и отъ превосходной игры актеровъ; но надобно сознаться, что худыя сочиненія, при той же игрѣ актеровъ, падаютъ и погибаютъ.

Самыя *водевили*, предметъ насмѣшки строгихъ судей, рождались во множествѣ на нашей сценѣ, не означаютъ ли также удивительной дѣятельности нашей литературы въ послѣднее время? Многія изъ нихъ, какъ напримѣръ: *Петербургскія квартиры*, конечно, суть произведенія незрѣлаго таланта и худаго вкуса, но есть водевили, написанныя перомъ острымъ и игривымъ, какъ напримѣръ: *Знакомые Незнакомцы* и *Ложка 4-го яруса*. Водевиль есть шутка и не можетъ входить въ состязаніе съ высшею комедіею, но, по естественной склонности русскаго народа къ насмѣшкѣ, нельзя сказать, чтобы водевиль не составлялъ у насъ нужнѣйшей части репертуара. Если вспомнить какіе водевили игравали на нашей сценѣ лѣтъ за двадцать, то подивимся, какъ въ послѣднее время литература наша во всѣхъ отношеніяхъ ушла впередъ.

Но еще большій успѣхъ представляется въ поэзіи повѣствовательной. Оригинальныя русскія романтическія поэмы, повѣсти и романы, суть неотъемлемая принадлежность и торжество собственно послѣднихъ семнадцати лѣтъ. Давно ли мы не имѣли ни одного русскаго разсказа, кромѣ *Натальи*, *Боярской дочери*, *Марьи посадницы* и *Блудной Лизы*? Давно ли даже сомнѣвались, можетъ ли существовать русская повѣсть или русскій романъ? И теперь мы имѣемъ въ этомъ родѣ сочиненій уже многія прекрасныя творенія, не уступающія лучшимъ иностраннымъ произведеніямъ. Имена Марлинскаго, Загоскина, Сенковского, Лажечникова, Полеваго, Булгарина, Лермонтова, Греча, Вельмана, Кукольника, и многихъ другихъ любимцевъ читающей публики навсегда останутся почетными представителями успѣховъ изящ-

ной литературы нынѣшняго времени, не смотря на всѣ хулы недоброжелателей: сочиненія ихъ будутъ читаться и перечитываться, а хулы забудутся и предадутся забвенію.

Наконецъ, мы приступаемъ къ отдѣлу литературы модному, плодовитому и дѣятельному въ настоящее время: къ журналистикѣ, и опять должны сказать: давно ли мы принуждены были довольствоваться находившимся при послѣднемъ издыханіи *Вѣстникомъ Европы*; неблаговиднымъ, хотя и *Благонамѣреннымъ*, и еще нѣсколькими эфемернымъ изданіями, которыя почти въ тотъ же день умирали, какъ являлись на свѣтъ? Первый *Телеграфъ* оживилъ русскую журналистику, и съ того времени она пошла быстро впередъ. Теперь мы имѣемъ семь столичныхъ журналовъ, издаваемыхъ частными людьми, и при томъ каждая мѣсячная книжка каждаго журнала едва ли не равняется двѣнадцати прежнихъ. Если прибавить къ этому еще множество журналовъ, издаваемыхъ отъ правительства почти по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія: то нельзя не согласиться, что журналистика наша не была никогда въ такомъ цвѣтущемъ состояніи. Успѣхъ ея быстрый и удивительный. Какой изъ журналовъ, назадъ лѣтъ съ двадцать, могъ похвалиться, что имѣетъ до 5000 пре-
номерантовъ?

Такимъ образомъ, съ удовольствіемъ смотря на успѣваніе нашихъ журналовъ, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, мы не можемъ, однако жъ, не сдѣлать нѣсколькихъ, невольно выливающихъ замѣчаній. *Во-первыхъ*, напрасно журналы наши, изъ одного подражанія Библиотекъ для Чтенія, гоняются за толстою: дѣло въ достоинствѣ статей, а не въ обширности; *во-вторыхъ*, всѣ наши журналы до сего времени еще не имѣютъ характера современныхъ изданій, смотрящихъ на все своими глазами и имѣющихъ собственную самобытность, но суть сборники разныхъ статей, приближающіеся скорѣе къ роду альманаховъ, чѣмъ жур-

наловъ; и въ *третьихъ*, не многіе изъ журналовъ могутъ похвалиться безпристрастною и основательною критикою, которая бы старалась не смѣшить на счетъ другаго собравшуюся около нея толпу, но съ одной стороны согрѣвала возникающіе таланты добрымъ совѣтомъ, безъ всякой желчи и злобы, а съ другой, показывала бы достоинства твореній отличныхъ, для пользы и назиданія молодыхъ писателей.

Оканчивая этимъ обзоръ современной литературы, мы должны повторить сказанное выше, что никогда обстоятельства Россіи не благоприятствовали болѣе развитію просвѣщенія, какъ въ послѣднее время; что никогда не было оказано со стороны правительства столько благотельныхъ мѣръ къ распространенію народнаго образованія, какъ въ послѣдніе семнадцать лѣтъ; и что, наконецъ, сообразно съ развитіемъ просвѣщенія, никогда и литература наша не дѣлала столь быстрыхъ шаговъ и не была въ столь цвѣтущемъ положеніи, какъ нынѣ. Если въ настоящее время мы не имѣемъ Державинныхъ и Пушкинскихъ, если Жуковский и Крыловъ уже совершили свое поприще, то въ замѣнъ того общая масса даровитыхъ и просвѣщенныхъ писателей никогда не представляла такого изобилія и разнообразія талантовъ, какъ теперь.

Н. Калашниковъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Критика.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ МЕЩЕРСКАГО. Москва, 1842.

Подъ скромнымъ заглавіемъ «Записокъ», наблюдательный соотечественникъ нашъ издалъ, какъ слышали мы, только первый отдѣлъ обширнаго труда, въ которомъ найдется много любопытнаго и о другихъ мѣстахъ, посѣщенныхъ авторомъ.

Никогда еще не ѣздилъ за границу такое множество *туристовъ* нашихъ, какъ въ послѣднее десятилѣтіе, и никогда еще, — относительно говоря, — не собирали мы такъ мало плодовъ съ ихъ скитальчества по Европѣ, за исключеніемъ весьма не многихъ, подѣланныхъ съ нами своими дорожными впечатлѣніями. Стало-быть изданіе книги князя Мещерскаго вовсе не лишнее въ наше время: а что оно есть явленіе любопытное, то постараемся доказать въ нашей статьѣ. Кому изъ насъ непріятно будетъ ознакомиться съ умнымъ наблюдате-

лемъ, который, — безъ преувеличенія, безъ ожесточенія, хотя и съ русской точки зрѣнія, — смотритъ на западную Европу?

Въ книгѣ своей, раздѣленной на девять главъ, князь Мещерскій описываетъ свое странствованіе по «Голландіи, Бельгіи и Нижнему Рейну»; описываетъ просто и ясно, не вычурнымъ слогомъ, не завитыми фразами, которыя многими принимаются за краснорѣчіе. Вѣроятно, отъ благосклоннаго пріема публикою этой первой части его описаній, будетъ зависѣть обнародованіе и остальной части записокъ. Мы такъ еще бѣдны сочиненіями подобнаго рода, что искренно желаемъ почтенному автору всякаго успѣха и съ удовольствіемъ прочитали одинъ отрывокъ его путешествія, напечатанный въ Сѣверной Пчелѣ. Въ самой книгѣ князя Мещерскаго читатель найдетъ не одинъ сухой маршрутъ станцій и мѣстъ, гдѣ авторъ останавливался *обѣдать* и *ночевать*. Докажемъ это нѣсколькими выписками.

Около того, что авторъ видѣлъ лично въ Голландіи, онъ весьма кстати группировалъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ о царствованіи бывшаго короля Лудовика, брата императора Наполеона, и, по мнѣнію нашему, эти анекдоты довольно хорошо обрисовываютъ не только характеръ этого фантома власти королевской въ Голландіи, но и самую его эпоху, приготовившую «древнюю землю свободы и равенства» къ подчиненію себя новому порядку вещей; нѣсколько другихъ анекдотовъ не менѣе удачно характеризуютъ и самихъ Голландцевъ; народъ, который по многимъ отношеніямъ достоинъ особаго изученія, какъ ни мало пространство, занимаемое имъ на материкѣ Европы. Со вниманіемъ прочли мы отчетъ дортдрехтскаго помѣщика, господина Фосса о доходахъ съ его мызы: этотъ отчетъ поясняетъ одинъ весьма любопытный экономическій фактъ: сколько можетъ принести въ годъ десятина пашни въ Голландіи? Художественныя замѣтки автора

о произведеніяхъ искусствъ, имъ видѣнныхъ, написаны дѣльно, умно, отчетливо; хотя желательнo бы было прочесть нѣсколько другихъ подробностей о предметахъ мѣстности не менѣе любопытныхъ. Къ числу примѣчательныхъ извѣстій о промышленности Голландцевъ нельзя не отнести свѣдѣній, передаваемыхъ авторомъ «о граненіи алмазовъ», которыми издавна славится городъ Амстердамъ: довольно длинное описаніе этого процесса не можетъ войти въ нашъ краткій критическій разборъ; кто пожелаетъ ознакомиться ближе съ этою отраслюю промышленности голландской, можетъ пробѣжать самую статью въ книгѣ автора на страницѣхъ 54 и послѣдующихъ. Какъ Русскій въ душѣ, не могъ я равнодушно прочесть и не выписать словъ почтеннаго автора, оканчивающихъ его описаніе Сардама. Вотъ они:

Чувство, объемлющее Русскаго въ хижинѣ Петра — неизъяснимо! Оно болѣе, нежели уваженіе; болѣе, чѣмъ удивленіе къ дѣламъ Великаго; болѣе, нежели любовь къ отцу отечества! Это — благоговѣніе, которому причины не знаешь, и знать не хочешь; потому-что всѣ способности въ бездѣйствіи: стоишь, смотришь и невольно преклоняешь главу! Въ безотчетномъ ощущеніи нѣтъ ничего *земнаго*: здѣсь не думаешь о землѣ, здѣсь дышешь святынею!..... Миѣ трудно было разстаться съ хижинкою! Но наконецъ я сказалъ сердечное *прости* смиренному жилищу Великаго и кинулся въ коляску. Но мѣръ того, какъ мысли освобождаются отъ гнета душевныхъ ощущеній, холодный разумъ возвращается къ своимъ правамъ, и требуетъ строгаго отчета въ минутахъ, посвященныхъ одному чувству. Первый толчекъ этого пробужденія непріятенъ для мечтателей и энтузіастовъ; но еще болѣе онъ несносенъ для людей, которые, изъ системы или изъ необходимости, составили себѣ правило: чтобы сродниться съ чувствомъ, для нихъ чуждымъ, отдавать всякое размышленіе, упоеваться всегда новыми восторгами; въ пылу ощущеній ложныхъ увѣрять себя, что они чувствуютъ, и въ туманной толпѣ привидѣній, вызванныхъ ихъ фантастическимъ воображеніемъ, повторять себѣ, что они видятъ и различаютъ — для нихъ пробужденіе ужасно! Но не такъ было со мною: я нечувствительно перешелъ къ воспоминаніямъ, и длинная нить событій потянулась у

меня передъ глазами. Мнѣ хотѣлось думать, сравнивать, разсуждать, — и какъ не предаться влеченію сильному, которое, сверхъ того, освѣщается справедливостью и чувствомъ благодарности. Это небольшая дань должника своему благодѣтелю. — Когда мы говоримъ о великомъ полководцѣ, о великомъ министрѣ, мы не обращаемъ вниманія на прочія ихъ способности; если бы и нашлись въ нихъ большіе недостатки, мы извиняемъ все, за неоспоримый блескъ первенствующаго качества, и, не сомнѣваясь, прилагаемъ имъ титулъ «великаго». Въ государѣ, напротивъ, не только что никакой отблескъ генія не можетъ покрыть прочихъ недостатковъ, но и болѣе того: всѣ хорошія качества нерѣдко затмѣваются присутствіемъ большого таланта. Почему? Потому-что онъ нарушаетъ моральное равновѣсіе, столь необходимое для правленія; онъ открываетъ широкой путь самолюбію, наконецъ — желаніе личной славы, и отдѣляетъ повелителя отъ выгодъ его народа, часто требующихъ оскорбительнаго бездѣйствія, ввергаетъ его въ порывы, которыхъ слѣды изглаживаются только полустолѣтіями. Примѣромъ тому можетъ служить Наполеонъ. Но названіе «*Великаго*» принадлежитъ, по всей справедливости тому, кто на первой ступени престола принесъ въ жертву свое личное *Я*, и съ пышною порфирію умѣлъ соединить убогую ризу самоотверженія. Качества души, способности ума, уже не его собственныя: они принадлежать его народу, въ духѣ котораго онъ почерпаетъ новыя силы къ продолженію служенія труднаго, скорбнаго, никогда непонятнаго для современниковъ, но яснаго для потомства. Оно преклонитъ колѣно предъ его изображеніемъ и поднесетъ ему названіе *Великаго*! Дѣла Петра ясны для всѣхъ; но собственное Его лицо и по сіе время загадочно для многихъ, и тотъ, которому бы удалось постигнуть всю силу души сего великаго мужа, не будетъ въ состояніи передать своихъ мыслей. Избранный сосудъ для совершенія судебъ Непостижимаго выше мѣрила человѣка! Исполнивъ душою и тѣломъ, онъ явился на землѣ не для борьбы, но для вѣрной побѣды. Всѣ чувства, отвлекающія человека отъ его назначенія и бодрія его до гробовой доски, были ему незнакомы: онъ зналъ о нихъ по слуху; отъ его сердца, какъ бы обложеннаго алмазною корою, они отталкивались, потому-что въ этомъ святящій горѣлъ божественный огонь любви къ своему народу. Многие изъ писателей, упоминая о бесѣдахъ Петра Великаго съ Августомъ, хотѣли въ минутахъ, посвященныхъ одной уступчивости дружбы, находить слабость; но они ошибаются! Слабостью можно назвать ту склонность, которая сроднилась съ моральнымъ состояніемъ человѣка, овладѣла его умомъ и сдѣлалась, нѣкоторымъ образомъ, самою потребностью; но временное, неожиданное увлеченіе, которому

сердце и умъ не причастны — это безотчетное дѣйствіе, есть не что иное, какъ усиленіе разсудка — это его отдыхъ: на землѣ нѣтъ непрерывнаго движенія! Для Петра, извѣснаго столь мало общаго съ людьми, увлеченія были необходимы: они должны были ему напоминать, что онъ человѣкъ и поставленъ Всевышнимъ судить себя подобныхъ.

Онъ не думалъ о самоотверженіи, и приписалъ величайшія жертвы, не примѣчая ихъ. Онъ любилъ Россію, потому-что въ немъ эта любовь была непреодолимою потребностію природы: онъ родился съ нею; Онъ никогда не помышлялъ о любви народа къ себѣ: это была должная дань, которую на что было ему цѣнить? Онъ мыслилъ, ощущалъ, скорбѣлъ за всѣхъ; онъ болѣе, чѣмъ сроднился съ Россіянами — онъ слилъ свою душу съ душою Россіи! Великія дѣла совершались для него непримѣтно, потому-что онъ не старался ихъ предугадывать; они должны были являться какъ естественное послѣдствіе высокаго думъ. Глубокіе замыслы, гигантскіе очерки для будущаго вліянія Россіи лежали подъ его перомъ, и онъ ихъ не познавалъ: все то казалось ему только заботливостію. Изъ всѣхъ дней его жизни, посвященныхъ благу любимаго отечества, онъ ни одного не удалялъ для себя; ему ничто не напоминало, что онъ существуетъ. Но когда распростиравшееся просвѣщеніе возвышало его подданныхъ въ глазахъ иноземцевъ, или когда мудрыя постановленія, ограждая права и собственность каждаго, разливали радость на лицахъ его *дѣтей*, тогда, какъ-бы пробуждаясь отъ глубокаго сна, онъ ощущалъ въ Себѣ всю полноту жизни. Онъ обновлялся зарею величія Россіи, какъ природа обновляется весеннимъ солнцемъ, и подобно ей, почерпнувъ новыя силы, онъ обращался къ произрашенію новыхъ благодѣтельныхъ плодовъ!

Не совѣмъ раздѣляю я мнѣніе князя Мещерскаго о настоящемъ благосостояніи Бельгіи и главнаго порта ея Антверпена, и, — со временемъ, — подкрѣплю разномысліе мое неопровержимыми фактами. Не могу не пожалѣть также объ искаженіи нидерландскихъ именъ, изъ которыхъ многихъ узнать бы было нельзя, если бы я не отгадалъ ихъ по мѣстности. Вѣроятно вся бѣда произошла оттого, что почтенный авторъ, не зная по-голландски и по-фламандски, читалъ ихъ по англо-французскому произношенію, не смотря на различіе въ духѣ языковъ. Въ этомъ случаѣ не мѣшало бы держаться

правила Сенковского и прибавлять въ скобкахъ, какъ самъ авторъ то дѣлалъ иногда, подлинную голландо-фламандскую орфографію тѣхъ именъ. Но легкія эти погрѣшности искупаются столькими дѣльными замѣтками и такою теплою чувства, что мнѣ почти совѣстно и упоминать о нихъ.

Въ высшей степени занимательнымъ показалось мнѣ довольно пространное описаніе знаменитаго рабочаго дома въ бельгійскомъ городѣ Гентѣ, помѣщенное на страницахъ 283 и послѣдующихъ. Но тутъ опять — долгъ справедливости заставляетъ меня замѣтить, что авторъ, вѣроятно безъ намѣренія, умолчалъ о томъ, кто возвелъ это заведеніе на тотъ пунктъ совершенства, въ которомъ оно нынѣ находится. Видно по всему, что онъ собиралъ свѣдѣнія объ этомъ домѣ отъ леопольдовскихъ приставовъ, умышленно скрывшихъ отъ него истину, которой онъ не имѣлъ ни случая, ни возможности узнать отъ добросовѣстности Фламандцевъ. Тогда бы открылось почтенному автору, что возведеніемъ этого дома на высочайшую степень его благоустройства, обязанъ былъ городъ Гентъ не нынѣшнему правительству Бельгій, а отеческимъ попеченіямъ послѣдняго короля Нидерландовъ, за которыхъ Бельгія такъ жестоко ему заплатила. Благостояніе этого образцоваго заведенія доведено было до того во время его царствованія, что не только филантропы Пруссій, Англіи и другихъ державъ европейскихъ, но даже комиссары Сѣверной Америки пріѣзжали осматривать его, какъ «диво», по порученію своихъ правительствъ.

Но что значать всѣ челоуѣколюбивѣйшія учрежденія противъ закоснѣлости людей, въ которыхъ развратъ обратился во вторую природу? Авторъ нашъ приводитъ на этотъ случай довольно примѣчательный фактъ, достойный психологическаго изслѣдованія филантроповъ. Вотъ онъ:

Говоря о филантропіи девятнадцатаго вѣка, невольно мысль обращается на Сауда и его послѣдователей. Въ наши времена часто можно имѣть случай встрѣтиться съ милыми путешественниками, обреченными имуществомъ и всѣ свои способности на услуги страждущему челоуѣчеству. Въ полумужской одеждѣ, покрытая чернымъ вуалемъ, съ вѣжнымъ сердцемъ *Лелия* подъ грубою оболочкою *Спиридіона* (*) чувствительная филантропка ходитъ по тюрьмамъ, осыпаетъ деньгами приставниковъ и разливаешь духовныя утѣшенія на закоснѣлыхъ грѣшниковъ.

Нѣкоторая дама, посвятившая себя подобному служенію, имѣла много успѣховъ; я упомяну о томъ, который, по особенной оригинальности, болѣе другихъ замѣчательнъ. Въ одномъ изъ европейскихъ тюремныхъ заведеній, молодая дѣвица содержалась за воровство. Уже прошло болѣе половины назначеннаго срока, а еще ни одно увѣщаніе на нее не подѣйствовало. Явилась путешественница. Директоръ встрѣтилъ ее съ тѣмъ уваженіемъ, которое могло бы показаться даже обиднымъ, если бы не оправдывалось сильнымъ предубѣжденіемъ. Послѣ обзора заведенія, дама вошла въ пріемную залу; въ слѣдъ за нею и директоръ. «Мы должны остаться одни», сказала она ему, и окружающіе удалились. «Какую и деть работу въ виноградникъ?» спросила она строгимъ тономъ. «Все и деть довольно хорошо», отвѣчалъ тотъ: «но одно меня сокрушаетъ» — тутъ онъ поднялъ плечи, и невольный вздохъ вырвался изъ груди — «одна дѣвушка, не взира на всѣ попеченія, остается по сіе время непреклонною; никакое увѣщаніе не имѣетъ надъ нею силы; она доходитъ до такой степени ожесточенія, что отвергаетъ всѣ истины, принятія Церковью.» — Церковь! и все Церковь! вскричала филантропка: «Долго ли я еще буду слышать про эту Церковь? О, люди, люди, вы все вертитесь около одной точки! Когда вы получите свободу? Но скажите мнѣ, милостивый государь, развѣ вы не призвали духа?» (**) Директоръ стоялъ передъ нею, какъ окаменѣлый; онъ не могъ дать никакого отвѣта. «Гмъ! Онъ еще пагубнѣ!» прошептала она: «Доставьте мнѣ случай поговорить съ арестантскою.» Чрезъ полчаса пришли еказать, что дѣвушка ожидаетъ ее въ своей комнатѣ; она отправилась туда, въ сопровожденіи директора. Вошла, сѣла на кровать и, откинувъ вуаль, устремила проицательный взоръ на преступницу, которая

(*) *Лелия* и *Спиридіонъ*, два сочиненія Жоржа Сауда. Кто ихъ не читалъ, тотъ не имѣетъ понятія, до какой степени можетъ доходить изступленіе!

(**) Какое? См. Спиридіона.

въ невольномъ страхѣ, стояла передъ нею неподвижно. Молчаніе прервалось, наконецъ, глубокимъ вздохомъ. «И такъ нѣтъ покаянія?» выговорила поспѣвательница гробовымъ голосомъ. «Жертва тьмы! я тебя призываю ко свѣту. Я такая же грѣшница, какъ и ты; но я послана спасти тебя! Пади ницъ, и омывай мои ноги слезами!» Дѣвица была въ примѣтномъ волненіи; она, казалось, боролась съ какимъ-то сильнымъ чувствомъ; наконецъ, невольно сдѣлала шагъ впередъ, упала на колѣни, и источники слезъ покатались по платью проповѣдницы. «Оставьте насъ одиѣхъ,» сказала та, голосомъ повелительнымъ, директору. Удивленный до чрезвычайности неожиданнымъ сномъ, онъ поспѣшилъ исполнить требованіе, вышелъ, и заперъ за собою дверь. Первое свиданіе продолжалось болѣе часа; что было говорено, осталось тайною. Выходя, филантропка испросила себѣ позволеніе часто навѣщать обращенную. Бесѣды продолжались около семи дней, въ теченіи которыхъ, дѣвица не переставала плакать. Путешественница, передъ отъѣздомъ, прощаясь съ директоромъ, взяла съ него слово, что онъ позаботится о скорѣйшемъ выпускѣ арестантки; онъ сдержалъ его, представивъ на разсмотрѣніе комитета чудесное событіе и ходатайствуя о прощеніи виновной. По истеченіи времени, назначеннаго для испытанія, нашли совершенную переизмѣну въ моральномъ состояніи преступницы; сократили срокъ заключенія, и выпустили ее. Въ тюремномъ докѣ, слезъ не длячего было скрывать; онѣ могли литься свободно, потому-что заслуживали одобреніе, по на лицѣ, дѣло другое: тутъ онѣ могли возбудить, или насмѣшки, или наглые вопросы — необходимо было ихъ отирать, а у дѣвушки не было платка! Какъ во всѣхъ подобныхъ происшествіяхъ, случай играетъ всегда важную роль, она наткнулась на карманъ, изъ котораго выказывался кончикъ красиваго фуяра. «Вѣроятно, онъ не плачетъ», подумала обращенная, «на что онъ ему? А мнѣ, такъ нуженъ!» Дернула за кончикъ, и платокъ остался у нея въ рукѣ. Послѣ того, представилось еще нѣсколько случаевъ, въ которыхъ неправильное пріобрѣтеніе уже не было въ такомъ философическомъ отношеніи къ необходимости; воровка понаслала, и ее опять послали въ тюрьму! При *рецидивахъ* обыкновенно бывають строгіе допросы; она должна была сознаться во всемъ: открылось, что обращенная никогда и не помышляла о покаяніи. «Назиданія довели меня до совершеннаго отчаянія;» говорила она: «по когда вошла эта дама — ея падменный видъ, наглые вопросы озлобили меня до того, что я готова была броситься и схватить ее за горло. Въ самую жестокую минуту, у меня полились слезы, что мнѣ облегчило грудь, а вмѣстѣ съ тѣмъ родилась мысль — обмануть ее; я упала на колѣни — остальное вамъ

извѣстно. — Но ты, и послѣ ея отъѣзда, плакала во все время?» сказалъ директоръ. — «Правда: слезы мнѣ не стоили большого труда!» — Можешь ли ты заплакать теперь? — «О, нѣтъ! я потеряла эту способность: тогда я имѣла въ виду получить чрезъ то скорое освобожденіе, а теперь обнаруженное средство помочь мнѣ не можетъ, и я плакать не могу!» — Между тѣмъ, филантропка, окончивъ свое путешествіе, возвращается къ себѣ, запирается въ кабинетъ, и пишетъ книгу, подъ заглавіемъ: Чудесное обращеніе грѣшницы! Вскорѣ появляется красивое изданіе, на веленовой бумагѣ и съ вышиткою, гдѣ изображена проповѣдница и у ногъ ея каючаяся. — И со вскрытіемъ весны, вмѣстѣ съ устрицами, лимонами, попугаями и обезьянами, трогательное воззваніе къ сердцамъ Христіанъ — плыветъ къ намъ, по Невѣ!!! —

Почтенный авторъ нашъ очень кстати развертываетъ скрижали исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ находитъ это нужнымъ. Какъ ни боимся мы посягать на занимательность книги, нами разбираемой, не можемъ, однакожъ, отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать еще одну и послѣднюю выписку, чтобы доказать читателямъ, какъ здраво судить князь Менцерскій о первыхъ сѣменахъ революціи, посѣянныхъ въ Бельгійи благодарными пришлецами, столь великодушно принятыми нидерландскимъ правительствомъ въ Брюсселѣ. Вотъ, что говоритъ о томъ авторъ:

Всѣ благомыслящіе Бельгійцы въ томъ согласны, что одна изъ главныхъ причинъ, послужившихъ къ скорѣйшему развитію революціи, была неумѣстная снисходительность правительства къ разнымъ лицамъ, здѣсь скрывавшимся отъ преслѣдованій. Всѣ вредные члены общества, которыхъ каждое государство выбрасывало за свои предѣлы, находили въ Брюсселѣ пріютъ и покровительство. Чтобы дать понятіе объ этомъ гибельномъ скопищѣ безправственныхъ людей, я приведу въ примѣръ любопытный анекдотъ 1822 года. Въ то время здѣсь сошлись четыре изгнанника изъ Франціи; они всѣ были членами конвента и всѣ четверо подали свои голоса на смерть Людовика XVI: *Бареръ, Паганель, Лаженъ и Давидъ*. Писатель Баронъ, передавая оригинальный и любопытный случай, говоритъ почти такъ (*): «Въ Сентябрѣ 1822 года,

(*) Когда я писалъ статью о Брюсселѣ, книги Барона у меня уже не было, и я принужденъ былъ руководствоваться блгоувиною, въ которой сохраненъ былъ, въ точности, одинъ только смыслъ.

дверь моей комнаты отворилась, и мужчина худощавый, высокаго роста, пошелъ, въ сопровожденіи двухъ дамъ. Сэръ Ришардъ Филиппъ, журналистъ и членъ англійскаго парламента, привезъ отъ одного изъ моихъ лондонскихъ пріятелей письмо, въ которомъ мнѣ рекомендовали подателя, просили особенно заняться его дѣломъ и въ нужномъ случаѣ, по его незнанію французскаго языка, помочь ему переводомъ. «Чѣмъ я могу служить вамъ?» спросилъ я у моего гостя. — Я непременно желаю видѣться съ Бареромъ! — «Я съ нимъ незнакомъ; впрочемъ, если вамъ необходимо быть у него и вы, вѣроятно, нуждаетесь въ переводчикѣ, я готовъ идти съ вами.» Журналистъ пожалъ мою руку, и мы пошли вмѣстѣ къ дому, въ которомъ жилъ изгнанникъ. Колокольчикъ зазвенѣлъ, дверь отворилась, и человекъ, пожилойхъ лѣтъ, небольшого роста, на лицѣ котораго сквозилъ приторную, беззаботную веселость, можно было усматривать слѣды приговоренъ совѣсти, принялъ насъ учтиво; мы взяли стулья и сѣли около него. Бареръ смотрѣлъ на насъ, какъ бы ожидая, чѣмъ ему объяснится загадочное посѣщеніе двухъ незнакомыхъ лицъ: частыя преслѣдованія дѣлали его боязливымъ и подозрительнымъ. Между тѣмъ мой товарищъ вперилъ въ него глаза и молчалъ; я не могъ ничего сказать, потому-что мнѣ неизвѣстна была причина нашего прихода. Положеніе было затруднительно. Наконецъ сэръ Филиппъ вышелъ изъ задумчивости, всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Бареру и, въ тоже время оборотясь ко мнѣ, сказалъ: *«Прошу васъ передать, что я нахожусь передъ нимъ съ тѣми чувствами глубокаго уваженія, какія бы могъ имѣть робкій Невинтъ при встрѣчѣ съ вдохновеннымъ проповѣдникомъ истины!»* Я перевелъ слово въ слово. Тотъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ и не зналъ чтѣ отвѣчать. *«Не ошибитесь!»* вскричалъ восторженный ораторъ: *«это относится не къ особѣ Барера; я его уважаю и а ч а л о, какъ тѣлеснаго представителя высокой мысли!»* Наконецъ объяснилось, что сэръ Филиппъ принадлежалъ къ такому обществу, гдѣ правила Барера, и ему подобныхъ злодѣевъ, могли имѣть вѣсь. Разговоръ сдѣлался живѣе и откровеннѣе. При разставаніи я, условившись на другой день сойтись всѣмъ у Давида, куда Бареръ долженъ былъ пригласить и прочихъ своихъ товарищей. Когда мы всѣ собрались и расположились въ странной залѣ художника, сэръ Ришардъ также торжественно всталъ съ своего мѣста и сказалъ мнѣ: *«Передайте этимъ господамъ, что три года послѣ смерти Кесаря, уже не существовало ни одной изъ виновниковъ его копичины; но я столько счастливъ, что черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти Лудовика XVI могъ встрѣтиться съ четырьмя его убійцами. Барръ, окончивая раз-*

сказать, добавляетъ: «эти ужасныя слова и теперь еще раздаются въ моихъ ухахъ!»

Тѣ, которые имѣютъ счастье находиться подъ благодѣтельными крылами отеческой попечительности, содрогнутся и невольно спросятъ: какъ могло быть терпимо подобное общество? Благомыслящіе граждане Бельгіи дѣлали тотъ же вопросъ, дѣлаютъ его и теперь; но на то одинъ отвѣтъ: если зло не можетъ быть искоренено въ самомъ источникѣ, вооружаться противъ его послѣдствій безразсудно: или надобно ожидать переменъ отъ времени и постепенно предвѣряющихъ мѣръ, или тотчасъ приступить къ преобразованію. Вотъ положеніе, въ которомъ находилось правительство до 1830 года! Возстановленіе древняго монархическаго правленія во Франціи должно было произвестъ благодѣтельный переворотъ въ Европѣ. Если бы Лудовикъ XVIII захотѣлъ вынудить въ томъ, чего отъ него требовали Церковь, благо его народа и важность сана, вѣроятно, онъ бы не сдѣлалъ тѣхъ ошибокъ, которыя въ послѣдствіи поправить уже было невозможно; но совсѣмъ тѣмъ до 30-го года, ультра-либералы были въ отчаяніи: они предуматривали конецъ армарочныхъ дней и совершенное разрушеніе своихъ балагановъ. Затруднительное положеніе заставило ихъ обратить вниманіе на Бельгію—на пей одной они основали свои надежды, и названіе классической земли вольности, которое они ей поднесли, должно было служить лозунгомъ для свободнаго входа всѣхъ единомышленниковъ.

Правительство, чрезъ возложенное на себя иго терпимости и великодушія, не только не могло сдѣлать какое-либо притѣсненіе этимъ людямъ, но должно было оказывать всякаго рода покровительство, тогда какъ они наглымъ образомъ проповѣдывали свои правила. Одинъ король могъ укрощать зло, высылая за предѣлы своего Государства иностранцевъ, но мѣръ того, какъ они оказывались вредными обществу. Но было ли бы то полезно? Гривительная система Бельгійскихъ типографій ловела вольность книгопечатанія до высочайшей точки: все, чтѣ находилось непозволительнаго во Франціи, печаталось и продавалось здѣсь безъ затрудненія — всякаго рода ядъ могъ покупать каждый за самую умѣренную цѣну и употреблять его безпрестанно! Могъ ли Король однимъ ударомъ убить это чудовище? Нѣтъ. — Могъ ли король, нарушивъ одну изъ статей конституціи, всѣзраннымъ подозрительнымъ иностранцамъ въѣздъ въ Бельгію, основываясь на самовластной и безотчетной полицейской предусмотрительности? Нѣтъ! — Къ чему же бы послужила высылка тѣхъ, которые оказались виновными? Эти мѣры, безпрестанно повторяемыя, должны были, наконецъ, раздражить либераловъ и имѣли бы по-

сдѣлать то же зло, но скрытое, сдѣлательно опаснѣйшее, а въ добавокъ, и всеобщее негодование. Цѣль Короля была привлечь къ себѣ либераловъ и показать имъ, что при благонамѣренномъ и мудрому правленіи, оппозиція не нужна: сколько успѣхъ могъ быть сомнителенъ, теперь доказать трудно, потому-что побочныя обстоятельства помѣшали исполненію плана, при самомъ началѣ дѣйствій. Но что Король соображалъ съ духомъ первенствующей партіи и избѣгалъ случаевъ раздражать ее, это доказывается двумя анекдотами того времени: Бареръ, избѣгая преслѣдованій французской полиціи, пріѣхалъ въ Брюссель подъ именемъ *Рокефеля*, что не укрылось отъ Французскаго Посланника, который явился во дворецъ съ просьбою, чтобы опасный Якобинецъ былъ высланъ изъ Брюсселя. «Я не слышалъ, чтобы Бареръ былъ здѣсь», отвѣчалъ король. «Но, ваше величество, онъ здѣсь подъ именемъ *Рокефеля*». — «Да, имя *Рокефеля* мнѣ знакомо, но о Барерѣ я ничего не слышалъ!»

Мерингъ также здѣсь скрывался; по настоятельнымъ просьбамъ Французскаго Посольства заставили правительство присовѣтять изгнаннику удалиться въ Англію. Онъ отправился на парусномъ суднѣ; поднялся противный вѣтеръ и привнесъ его обратно въ гавань. Посланникъ опять явился къ королю. «Милостивый Государь», сказалъ король: «когда море выкинуло его ко мнѣ, могу ли я его опять кинуть въ море (*)?» —

Послѣ всего здѣсь сказаннаго и приведеннаго, не имѣемъ ли мы права надѣяться, что и любознательная наша публика согласится съ нами, что примѣчательный трудъ турнета нашего князя Мещерскаго достоинъ занять почетное мѣсто въ бібліотекахъ русскихъ.

Отзывъ нашъ, вѣроятно, покажется тѣмъ добросовѣстнымъ, а похвала наша неподкупною, когда читатель узнаетъ, что самъ авторъ этого разбора, проживавшій послѣ князя Мещерскаго большую часть осмотрѣнныхъ имъ мѣстъ, готовить къ печати собственное сочиненіе свое въ томъ же родѣ, и что книга его въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ служить пополненіемъ записокъ князя Мещерскаго.

(*) Достоверность послѣдняго анекдота не подвергается сомнѣнію.

Но неужели одно авторское самолюбіе должно водить перомъ добросовѣстнаго рецензента? Прочь отъ насъ чувство, недостойное писателя, понимающаго свое высокое назначеніе! Рецензентъ долженъ быть чуждъ всякаго духа партіи, и тогда только въ правѣ ожидать, чтобы труды его безпристрастно были оцѣнены другими. *Хвалите хорошее, замѣчайте ошибки, но уважайте лица и истину!*

«*Wahrheit gegen Freund und Feind*» —

сказалъ великій Шиллеръ, въ своей безсмертной *Lied an der Freude*; и этотъ стихъ знаменитаго Шекспира Германіи не мѣшало бы зарубить на стѣнкѣ каждому цѣнителю чужихъ трудовъ, и не одному изъ нашихъ критиковъ-рецензентовъ.

П. Корсаковъ.

Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Путевыя записки и замѣтки Владимира Строева. Санктпетербургъ, 1842 года. Въ 4 части — 222, во II — 215 страницъ, въ-8.

Угодно ли вамъ побывать въ Парижѣ, осмотрѣть знаменитую столицу Франціи, познакомиться съ парижскою жизнію, и притомъ не истратитъ на путешествіе ни денегъ, ни нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени? Для этого, вмѣсто парохода, садитесь въ ваши вольтеровскія кресла, возьмите книгу господина Строева и прочитайте ее. Когда вы доберетесь до слова: «конецъ», и закроете книгу, то вамъ покажется, что вы только-что возвратились изъ столицы Франціи, съ удовольствіемъ отдыхаете послѣ дороги и живо припоминаете, что вы видѣли и слышали въ Парижѣ. Нѣтъ спору, что мно-

гое у насъ давно уже извѣстно объ этомъ городѣ, что ные Русскіе знаютъ лучше Парижъ, чѣмъ Москву и Петербургъ, но не смотря на то книга господина Строева чрезвычайно занимательна даже и тамъ, гдѣ онъ описываетъ вещи уже извѣстныя. Рядомъ съ извѣстными вы узнаете много и неизвѣстнаго, новаго. Каждый путешественникъ имѣетъ свой взглядъ, на каждаго одинъ и тотъ же предметъ можетъ производить совершенно различныя впечатлѣнія. Притомъ часто одинъ обратилъ вниманіе на то, чего не замѣтилъ другой. Вотъ почему описанія путешествій даже и въ тѣ мѣста, которыя уже прежде были много разъ описаны, доставляютъ чтеніе занимательное и пріятное, въ особенности, когда слогъ писателя, своею отчетливостью, ясностью и чистотою, удовлетворяетъ, какъ въ книгѣ господина Строева, требованіямъ просвѣщенныхъ читателей. Очевидно, что онъ писалъ подъ вліяніемъ живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній, отчего и описанія его отличаются свѣжестію и живостію; но это самое съ другой стороны произвело то, что въ его книгѣ нѣтъ общей, главной мысли, проникающей все сочиненіе, нѣтъ общаго вывода изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ явленій, которыя представляютъ мыслящему челоуѣку Парижъ и Французы. Отъ этого иногда авторъ, конечно самъ того не замѣчая, впадаетъ самъ съ собою въ противорѣчіе. Докажемъ это выписками изъ его книги. Вотъ чтó пишетъ авторъ о парижской жизни.

Въ другихъ городахъ, не знаютъ, какъ убить время; здѣсь его не достаетъ; надобны сутки, часовъ въ сорокъ, чтобы вездѣ побывать, все посмотреть. Парижское утро начинается въ девять часовъ и продолжается до пяти; кажется, довольно длинно, а всё-таки недостаточно. Едва успеете проснуться, передъ вами гора газетъ всѣхъ партій и цвѣтовъ. Разумѣется, надобно ихъ прочесть: тутъ описано все, чтó случилось наканунѣ, все, чтó вы видѣли сами или не успѣли видѣть, все, о чемъ слышали или разговари-

вали. Тайны палаты, важныхъ людей, даже тайны домовъ и отелей, раскрыты и описаны. Чтеніе журналовъ займетъ цѣлое утро, а нельзя не читать ихъ; не читая журналовъ одинъ день, не будешь понимать парижскихъ разговоровъ, не будешь знать, какъ вести себя въ гостинныхъ, отстанешь отъ общества. Прочтя журналы, распоряжаешься днемъ, то есть, утромъ, потому-что въ Парижѣ работаютъ, ведутъ дѣла только до обѣда; послѣ обѣда веселятся, живутъ безъ заботъ, безъ мысли о трудѣ. Куда идти? Есть презанимательная лекція Лерминье или Рауль-Рошетта, которую никакъ нельзя пропустить; есть знаменитый процессъ въ уголовной палатѣ, который возбуждаетъ любопытство въ высшей степени; есть аукціонъ, гдѣ продаются вещи за четверть цѣны; есть засѣданіе палаты депутатовъ, гдѣ Беррье будетъ громить Гизо и Тьера; есть засѣданіе палаты перовъ, гдѣ краснорѣчивый Дрѣ-Брезе нанесетъ послѣдній ударъ умирающему министерству; есть похороны, на которыхъ Дюпенъ или Вилльменъ будутъ говорить рѣчи; есть выставка въ пользу бѣдныхъ, гдѣ самыя знатныя, самыя хорошевыя дамы торгуютъ и продаютъ свои издѣлія, на помощь страждущему человечеству. Вы еще не рѣшились, а къ вамъ приносятъ кучу объявленій, афишъ, и прочее. Одинъ проситъ посмотреть его изобрѣтеніе, другой машину, третій автоматъ, четвертый общается золотыя горы, если вы переступите за порогъ его двери. Наступила пора завтрака, вы сѣдните въ какой-нибудь кафе, и, какъ всѣ Парижане, бѣжите безъ оглядки, не теряя времени: пора приниматься за дѣла. За завтракомъ, отъ сосѣдей, узнаете еще кучу новостей, самыхъ свѣжихъ: исторія, случившаяся ночью и не попавшія еще подъ журнальныя тиски. Завтракъ оконченъ въ часъ и вы бѣжите въ ту или другую палату, въ судъ или на выставку, къ артистамъ и торговцамъ. Въ палатѣ засѣданіе продолжается до шести часовъ, часто до половины седьмого; раше не увидите, потому-что знаменитые бойцы, лучшие ораторы, выходятъ на поле битвы послѣ мелкихъ застрѣльщиковъ. Въ семь часовъ — пора обѣдать, а въ Парижѣ — на обѣдъ мало духу часовъ; но вы торопитесь, кушаете поскорѣй, чтобъ поспѣть въ театръ, къ началу, въ осьмомъ часу. Вечеромъ, тоже затрудненіе въ выборѣ: театръ, гулянья, балы сельскіе и городскіе, концерты Мюзара и Жюльена, засѣданія ученыхъ обществъ, загородныя прогулки, манятъ васъ попеременно. Надобно имѣть силу поскорѣ рѣшиться; не то, вы употребите весь вечеръ на выборъ, и рѣшитесь тогда, когда уже будетъ поздно воспользоваться рѣшеніемъ. Поидешь ли въ театръ, или въ учено общество, или въ концертъ, или въ гостиную, надобно еще удѣлать время на вечернія газеты, которыя выходятъ въ девятомъ часу и рассказываютъ всѣ событія

утра. Как успеть, сблать все это? Как жить этою быстрою жизнью, которая катится без остановки, как исправный паровоз на желѣзной дорогѣ? Вечеромъ, если хотите видѣть все любопытное, все веселое, надобно побывать по-крайней-мѣрѣ въ двадцати мѣстахъ. Во Французскомъ Театрѣ играетъ Рашель; въ оперѣ танцуетъ Фанни Эслеръ; у Италіянцевъ поетъ Рубини; у Мюзара дебютируетъ повал скрипка; въ ученыхъ обществахъ, Араго и Дагерръ объявляютъ о новыхъ открытіяхъ; тамъ балъ, здѣсь праздникъ; въ Прадо танцы; въ Турецкомъ Саду иллюминація; на желѣзной дорогѣ парадная побѣдка; на Елисейскихъ Поляхъ народный праздникъ. Разрывайтесь на части; летайте отъ одного наслажденія къ другому, отъ веселья къ учености, отъ Рашель къ Араго, отъ Фанни Эслеръ къ Дагерру. Тогда-то скажете по неволѣ, что времени не достаетъ, что вамъ жить некогда, что хорошо было бы увеличить день вдвое или даже втрое.

Я говорилъ о жизни Парижанина, который поселился во всемирной столицѣ, знаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Путешественнику, прѣхавшему на нѣкоторое время въ Парижъ, предстоитъ еще болѣе занятій. Онъ живетъ двойною жизнью. Онъ долженъ кромѣ того, осмотрѣть памятники и зданія, узнать средства Парижа, его нравы, обычаи. Чтò Парижанину кажется старымъ, то для путешественника ново и занимательно. Парижанинъ проходитъ разсѣянно мимо мѣстъ, на которыхъ совершились величайшія событія; онъ привыкъ къ нимъ, сроднился съ ними; ежедневно ихъ видитъ и всегда будетъ видѣть. Путешественникъ долженъ останавливаться на каждомъ шагу, осматриваться и не пропускать ни малѣйшей рѣдкости, потому что, быть можетъ, не увидитъ ея въ другой разъ. Стало-быть, жизнь его еще полнѣе, еще обширнѣе. Всѣ минуты его истратчены; на сонъ остается нѣсколько часовъ. Любопытство не даетъ покоя и подымаетъ, даже лѣнливыхъ, вмѣстѣ съ солнцемъ.

Ночью, когда театры кончались, балльная музыка затихла, когда наука засыпаетъ и двери обществъ и клубовъ закрываются, житель Парижа спѣшитъ домой, бросается въ постель усталый, истомленный, полный дневныхъ впечатлѣній, самыхъ разнородныхъ. Засыпая, онъ строитъ уже планы о завтрашнемъ днѣ, намѣревается долѣлать, досмотрѣть то, чего не успѣлъ кончить и осмотрѣть сегодня. Едва онъ проснется, какъ уже опять начинается спѣшить, торопиться, считаетъ минуты и секунды на время, какъ другіе бьются скупы на деньги. Только въ Парижѣ узнаешь цѣну времени: тамъ оно драгоцѣннѣе золота; тамъ все продается, любовь, дружба,

служба, красота, преданность, великодушіе, все, кромѣ времени, которымъ давно уже торговали бы, если бы можно было превратить его въ товаръ.

При такой быстрой, поной жизни не видно, какъ прохлать дни, мѣсяцы, годы. Въ продолженіе цѣлаго дня, голова въ чаду, вниманіе безирестанно въ напряженіи, умъ работаетъ съ утра до вечера. Некогда усноктиться, оглянуться назадъ, подумать отдохнуть. Выбѣжавъ изъ Парижа, думаешь, что видѣлъ пріятный сонъ; такъ событія илутъ скоро, смѣняются, какъ во снѣ. Двадцать лѣтъ такой жизни покажутся за одинъ день.

Удивительно ли, что Парижъ считается мѣстомъ развлечения, центромъ веселья и образованности, обѣтованною землею! Для человека — жизнь всего тяжелее, особенно когда видишь ея медленное теченіе, умираешь по маленьку, замѣчая каждый шагъ къ гробу. Въ Парижѣ — жизнь легка, не давитъ своею медленностію; часы бѣгутъ съ быстротою молнии, и человекъ приближается къ могилѣ непримѣтно, по ровному скату, вовсе не замѣчая шаговъ своихъ. Въ Парижѣ нѣтъ часовъ, дней и мѣсяцовъ; вся жизнь — одинъ день, веселый, разнообразный, пролетающій скоро, не отягчающій своимъ присутствіемъ.

Но посмотримъ, чтò пишетъ авторъ въ другихъ мѣстахъ о Парижѣ, объ этомъ «мѣстѣ развлечения, центръ веселья и образованности, обѣтованной землѣ,» гдѣ «жизнь легка, не давитъ своею медленностію,» гдѣ «вся жизнь — одинъ день, веселый, разнообразный, пролетающій скоро, не отягчающій своимъ присутствіемъ.»

Много вредитъ Парижанамъ ихъ непомѣрное честолюбіе. Пути къ почестямъ, къ высшимъ достоинствамъ открыты для всѣхъ. Всякъ можетъ надѣяться быть депутатомъ, министромъ. Примѣры быстрого возвышенія не рѣдки. Еще недавно Тьеръ, бывшій * первый министръ, былъ бѣднымъ журнальнымъ работникомъ, ходилъ въ поношенномъ фракѣ, добывалъ копѣйку въ потѣ лица. И не онъ одинъ возвысился быстро; съ июльскимъ переворотомъ вышла на сцену люди, которыхъ судьба, по видимому, назначала къ самой ничтожной долѣ, къ жизни безызвѣстной, къ трудамъ не блестящимъ. Умъ Парижанъ взволнованъ такими легкими примѣрами. Всякъ хочетъ быть первымъ, начальствовать, управлять, забывая, что на такое огромное число начальниковъ не достанетъ

* Теперь уже не бывшій, а бывший.

наконецъ подчиненныхъ. Стремясь впередъ и встрѣчая на пути соперниковъ, Парижанинъ раздѣляется съ ними, какъ умѣетъ; употребляетъ всѣ средства, честныя и противозаконныя; прочищаетъ себѣ дорогу побѣдами другихъ, угожденіями людямъ сильнымъ; создаетъ себѣ характеръ и мѣшай, соображаясь съ текущими обстоятельствами, и вѣрѣно пристаеетъ къ партіи, которую презираетъ въ душѣ, единственно потому, что видитъ въ ней скорое для себя возвышеніе. Все это прямо ведетъ къ эгоизму, къ величайшему пороку въ обществѣ. Такое направленіе парижскаго общества утверждено июльскими переворотами и не скоро исчезнетъ.

Это непомѣрное честолюбіе влечетъ за собою другое ужасное зло, чрезвычайную жажду золота. Кратчайшій путь въ министры идетъ черезъ депутатство; нельзя быть министромъ, не бывъ депутатомъ, а нельзя быть депутатомъ, не бывъ богатымъ человекомъ. Депутатъ долженъ платить пять-сотъ франковъ прямыхъ податей; а это уже показываетъ, что онъ имѣетъ препорядочное состояніе. Стало-быть, парижскіе честолюбцы, стремящіеся въ депутаты, непременно должны начать поприще свое обогащеніемъ. На этомъ первомъ шагу, они встрѣчаютъ тѣмъ препятствій. Въ Парижѣ нажитья трудно, особенно если человекъ хочетъ нажитья скоро. Честолюбцы оставляютъ вѣрную дорогу къ богатству, трудъ и сбереженіе, а принимаютъ за отчаянные спекуляціи, азартную игру, даже за обманъ. Последнее выраженіе мое здѣсь не неумѣстно. Какъ иначе назвать продажу акцій на небывалыя предпріятія, на несуществующія руды и прочее. Самые извѣстные люди въ Парижѣ ошорены корыстолюбіемъ. Всѣ кричатъ: золота, золота, золота! и выдумываютъ спекуляціи, на которыя попадаютъ доверчивые простаки и добряки.

Имѣя пристрастіе къ платью, къ вараду, къ украшеніямъ всякаго рода, Парижанинъ, по честолюбію своему, непременно долженъ обращать особенное вниманіе на знаки отличій. Оно такъ и есть: для ленточки Почетнаго Легіона, Французъ готовъ въ воду, въ огонь. Я видалъ стариковъ, которые такъ заботились о своемъ Почетномъ Легіонѣ, что одну ленточку носили на фракѣ, а другую на верхнемъ спортулкѣ (paletôt). Къ этимъ-то господамъ обращается Беранже, когда говорить:

Vous, messieurs, qui, le nez au vent,
Nobles par votre boutonnière,
Encensez tout soleil levant.

Да, для полученія ленточки, Парижанинъ кланяется всякому солнцу; самое плохое, нелюбимое министерство находитъ себѣ

друзей и слугъ, когда умно и щедро дѣйствуетъ на мелочное честолюбіе Парижанъ. Злоупотребленія въ разлачѣ Легіона дошли до того, что недавно слѣдовало ограничить ее закономъ. Зло устранено до нѣкоторой степени, но страсть къ ленточкамъ осталась.

Только въ новѣйшее время получилъ Парижанинъ особенную охоту къ безпорядкамъ. Старинные Парижане были безпокойны, но они не такъ любили войну, какъ нынѣшніе. Всѣ молодые Парижане жаждутъ войны; имъ все равно съ кѣмъ бы ни драться, только бы драться. Войны нѣтъ въ чистомъ полѣ, они дерутся и сражаются у себя въ Парижѣ, на улицахъ. Часто при стычкахъ, изъ шайки сражающихся только одинъ знаетъ причину безпорядка и цѣль борьбы, а другіе дерутся съ отмыннымъ усердіемъ и храбростію, сами не зная за что и за кого. Такъ было 12-го Мая 1839. Жители такъ привыкли къ безпорядкамъ, что во время самыхъ стычекъ, въ сосѣднихъ улицахъ образуется гулянье, дамы расхаживаютъ и прислушиваются къ ружейнымъ выстрѣламъ. Въ этомъ случаѣ, въ нихъ дѣйствуетъ страсть къ зрѣлищамъ, къ спектаклямъ. Для Парижанина все становится спектаклемъ: смерть человека, стычка, борьба, фигляръ, похороны. Онъ на все смотритъ, какъ истинный зѣвака, съ хладнокровіемъ, безпечностію, съ охотою поострится и посмѣется; ему нужно, какъ древнему Римлянину, *глоба и игръ*, и за немѣшнымъ увеселеніемъ, онъ все превращаетъ въ *игры*. Засѣданія въ судахъ исправительной полиціи, слѣдствія уголовныхъ судовъ, засѣданія института и другихъ ученыхъ обществъ, выставки художественныя — все это для Парижанина *игры, спектакли*. Иногда вниманіе его привлечено предметами, не столь важными: новый магазинъ, пьяная женщина, опрокинутый кабріолетъ, привлекаютъ несчетную толпу, которая смотритъ, разсуждаетъ, удивляется и убиваетъ драгоценное время.

Каждый благовоспитанный человекъ во Франціи болѣеъ ужасною болѣзнію: жаждою извѣстности. Корень этого зла должно искать въ безпрерывныхъ переворотахъ, потрясавшихъ Францію, и доставившихъ извѣстность такимъ людямъ, которые, казалось, родились для горькаго забвенія. Всѣ мѣтятъ въ министры; отъ этого французская молодежь живетъ въ вѣчномъ безпокойствѣ, въ нервическомъ движеніи, порождаемомъ честолюбивыми замыслами, интригами, просками. Нѣтъ мѣста, въ честолюбивыхъ душахъ, ни для любви, ни для дружбы; отецъ сбываетъ дѣтей въ пансіонъ, чтобы они не мѣшали ему предаваться дѣламъ, подкупать избирателей, ѣздить въ налату, громить министерство. Едва человекъ достигаетъ до извѣстности, начинается горькое разочаро-

ваніе. Горе ему! Во Франціи пять вѣнковъ лавровыхъ; есть только терновые, которыми зависть вѣнчаетъ людей извѣстныхъ. Въмѣстѣ съ извѣстностію являютъ враги, завистники, клеветники; журналы, какъ извѣстно, могутъ все печатать, безъ цензуры, и безпрерывно пользуются своими правами, употребляютъ ихъ во зло, распространяютъ клевету, ложь. Во Франціи, всѣ средства дозволены, когда дѣло идетъ о врагѣ.

Роскошь разлилась по всѣмъ сословіямъ, а средства къ удовлетворенію ея остались тѣ же. Мужчины играютъ въ карты и пускаются на отчаянныя предпріятія; женщины продаютъ себя, за шляпку, за плащъ, за шаль. Зло такъ вкоренилось, что правительство и не думаетъ уже о мѣрахъ къ его пресѣченію; наказываетъ преступленія, а предупредить ихъ не можетъ.

Только въ высшее общество не проникло еще разращеніе нравовъ. Дама Сент-Жерменскаго Предмѣтія заботится о своей репутаци, о чистотѣ души; въ другихъ сословіяхъ, интрига ходить по домамъ безпрестанно, занимаетъ всѣ свободныя минуты у прекраснаго пола, ложится къ женскому изголовью, и не покидаетъ женскаго воображенія на секунду. Связи начинаются неожиданно, странно, какъ въ водевидахъ.

Парижскіе gamins (уличные шалуны) производятъ на путешественника самое непріятное впечатлѣніе. Всѣ они корчатъ большихъ и взрослыхъ, также ходятъ, также говорятъ, и въ добавокъ, шалютъ и дурачатся. Бѣда Англичанину, котораго они подмѣтятъ на улицѣ: они бѣгутъ за нимъ толпою, дразнить его, бранить, сажются надъ нимъ, выводить изъ терпѣнія, и при первой его попыткѣ къ оборонѣ, бросаютъ въ него камнями. *Гамены* живутъ безъ надзора, какъ птицы небесныя, и занимаютъ цѣлый день вздоромъ. По этому удивительно ли, что черныи народъ въ Парижѣ неучтивъ, грубъ, лѣнивъ, презираетъ все, чтѣ не исначкано, и съ радостію толкаетъ всякаго, пристойно одѣтаго человѣка? Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку! Если бѣ не грубость черни, въ Парижѣ было бы жить еще пріятнѣе; тогда не промѣнялъ бы тротуары бульвара на любую сен-жерменскую гостиную. Правительство не въ силахъ удержать своеволія черни, которая по своему понимаетъ свободу. Ея свобода состоитъ въ возможности браниться и толкаться, сколько душъ угодно, и надобно признаться, что парижскій *блудникъ* пользуется этою свободою неограниченно и безъ разбора.

Парижанка мѣняетъ предметы своей любви такъ же часто, какъ наряды. Любовь, для нея, нравственный нарядъ, какъ шляпка — нарядъ физическій. Безпечная бабочка, Парижанка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, отъ одного огонька къ другому, пока не обожжетъ крылышковъ воображенія. Непостоянство ея перешло въ пословицу. Она тотчасъ разлюбитъ, какъ узнаетъ, что ее любятъ; она дорожитъ страстію, пока не увѣрена въ ней. Обмануть мужчину для нея то же, что выпить стаканъ воды.

Оскорбленная любовь, обманутая надежда, огорченное честолюбіе, часто сводятъ ее въ могилу. Она бросится изъ окна, приметъ яду, задушитъ себя угольными парами, прыгнетъ въ Сену такъ же скоро, какъ соберется въ театръ или на балъ. И это происходитъ отъ заразныхъ примѣровъ. Я жилъ у палаты депутатовъ, близъ Сены. Очень часто, возвращаясь домой, я останавливался на мосту *Conglacia*, и смотрѣлъ какъ вытаскивали изъ воды несчастныхъ жертвъ обманувшейся любви, несбывшихся мечтаній, оскорбленного самолюбія. Бѣдность никогда не бываетъ причиною женскаго самоубійства. Между утопленницами я выдавалъ дѣвушкамъ дѣтъ шестнадцати; юныя жертвы не могли испытать никакого несчастія, кромѣ любовнаго обмана, который считается въ Парижѣ за ничто и не можетъ привести къ самоубійству. Чтѣ же свело ихъ въ могилу? Недостатокъ постояннаго и глубокаго религіознаго чувства, хотя Парижанки по видимому очень набожны.

Говоря объ искусствахъ и художествахъ во Франціи, авторъ пишетъ:

Артистовъ въ Парижѣ много; но они, большею частію, служатъ не искусству, а собственному обогащенію; ищутъ не прочной славы, а минутнаго успѣха; живутъ для *сегодня*, и не думаютъ о *завтра*; выбираютъ работы легкія, быстрыя, чтобы скорѣе достигъ денежной цѣли, и избѣгаютъ труда продолжительнаго, за которымъ не слѣдуетъ непосредственное вознагражденіе. Пища скорого сбыта своимъ произведеніямъ, они покоряются прихотямъ, причудамъ и страстямъ толпы, угождаютъ ей, какъ причудливой кокеткѣ, ожидая отъ нея улыбки одобренія или полновѣснаго кошелька. Между тѣмъ искусство упадаетъ, вѣковыя произведенія являютъ рѣдку. Скоро корысть и продажность изгонятъ артистическое вдохновеніе изъ стѣвъ Парижа.

Вотъ картина Парижской журналистики:

Парижскій журналистъ — человѣкъ продажный. Когда одна партия его кунитъ, онъ нападаетъ на всѣ другія; чуть дадутъ ему

побольше денег, онъ пристаетъ къ другой, и защищаетъ ее съ тѣмъ же рвеніемъ. Торговля журнальною совѣстью такъ обыкновенна въ Парижѣ, что не почитается за стыдъ или преступное дѣло. Переходы изъ одной партіи въ другую совершаются открыто; наглые продавцы торгуютъ своимъ убѣжденіемъ, какъ лавочки мыломъ, или сесасари замками.

Народъ читаетъ журналы, чтобы знать, что дѣлаетъ палата; въ провинціи, избиратели по журналамъ судятъ о дѣйствіяхъ своихъ представителей, и видятъ все въ превратномъ положеніи. Часто они узнаютъ, что журналъ ихъ обманываетъ, но не жалятся на него, почитая безчестностию и невѣрностию необходимыми журнальными недостатками. Между тѣмъ зло распространяется мало-помалу; семья честныхъ памфлеровъ принимаются за дурныя; палата упадаетъ въ мнѣніи общему; ренугаціи депутатовъ составляютъ ложно, на обманъ, который и изобличить трудно, ибо онъ повторяется ежедневно.

Критикъ дома говоритъ одно, а печатаетъ совѣтъ другое, извѣщая требованіями журнала. Часто даже критикъ самъ свѣдется надъ своими статьями и вадъ доверчивыми читателями. Часто пишеть о томъ, чего не видалъ и чего не было. Статьи пишутся впередъ, набираются и лежатъ въ типографіи. Этого мало: есть статьи чисто выдуманныя, для возбужденія ужаса на биржѣ или въ гостинныхъ. Онѣ называются *утками* (*canards*). Такихъ утокъ, всегда двѣ, или три въ каждомъ номерѣ журнала. Если итъ извѣстій изъ Испаніи, редакторъ выдумываетъ бунтъ въ Мадридѣ, или раздоръ въ лагерѣ карлистовъ, или побѣду на имя своего генерала. Когда всѣхъ занималъ восточный вопросъ, утки безпрерывно появлялись о Сиріи, смерти султана, или египетскаго паши. Про насъ выдумывать всего легче, ибо насъ въ Парижѣ совѣтъ не знаютъ. И вотъ, обыкновенно, журналъ выпускаетъ какую-нибудь нелѣпную исторію пѣвника, жившаго въ Сибири съ 1812 года и вчера возвратившагося во Францію. Тутъ обширное поле французскому воображенію: оно создаетъ какое-то несбываемое царство, подъ именемъ *Rossin*, и печатаетъ объ немъ глупѣйшія басни.

Въ полемикѣ французскихъ журналовъ итъ ничего священнаго: ни женской чести, ни супружеской вѣрности. Журналъ вступается въ права отцовъ и мужей, и публично жалуется на жепъ и дѣтей. Мартенъ (*de Strasbourg*) писалъ въ спорѣ съ Эмиль-Жирарденомъ слѣдующія строки: «Вы клеветаете потому-что знаете, что останетесь безъ наказанія. Кто захочетъ дать вамъ пощечину и замазать руку? Вы надѣетесь на свое безчестіе. (*Vous spéculiez sur*

voire infamie.)» Если депутаты употребляютъ въ полемикѣ такой языкъ, то что должно быть, когда споръ зайдетъ между людьми стоящими ниже? Въ полемикѣ между Планшемъ и госпожею Ассело, она не постыдилась сказать ему, что онъ урокъ, негодный въ мужья; а онъ отвѣчалъ ей (тоже печатно), что не взялъ бы ее въ любовницы, даже еслибы не было другихъ женщинъ на свѣтѣ. Одинъ разъ про хорошенькую актрису Плесси было напечатано въ одномъ изъ маленькихъ журналовъ: «Госпожа Плесси играла дурно, перадиво, казалась истомленною и усталою; это неудивительно, если мы скажемъ, что она накануне просидѣла съ графомъ Монталиве до семи часовъ утра въ *Café Anglais*.» — Графъ Монталиве въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и супругомъ достойной, прекрасной женщины, съ которою жилъ счастливо и согласно. Можетъ ли дерзость журнала простираться далѣе? Можетъ ли злонамѣренность выказываться такъ открыто? Плесси была очернена въ глазахъ жены и въ глазахъ всей Франціи, которая не могла радоваться, что министръ сидитъ ночи съ актрисами. И между-тѣмъ тутъ не было тѣни правды. Монталиве презрѣвъ клеветую; Плесси поплакала, да и забыла, и журналистъ остался безъ наказанія. Обычай запрещаетъ связываться съ нимъ и жаловаться на него. Съ французскимъ журналистомъ итъ ни суда, ни расправы! Плати ему тою же монетою — клеветою, ругательствомъ; но всѣ ли способны прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, даже для собственной защиты?

Вотъ что авторъ между прочимъ пишеть о народныхъ представителяхъ и о французскихъ министрахъ:

Выбранный депутатъ старается сохранить благоволеніе избирателей, общается имъ золотыя горы; всѣ надѣются, ждуть, рассчитываютъ напередъ свои выгоды, и только послѣ отъѣзда депутата узнаютъ, что они были обмануты льстивыми обещаніями, что все пойдетъ по-прежнему, что у нихъ въ департаментѣ не проведутъ новыхъ каналовъ, не построятъ новыхъ мостовъ, не починятъ проселочныхъ дорогъ, не помогутъ деньгами торговлѣ, не уменьшатъ тяжелыхъ повинностей. Бѣдные избиратели! Черезъ иѣсколько лѣтъ, повторяется та же комедія. Опять обещанія, обольщенія, подкуны; опять требованія, желанія, надежды, воздушные замки, а конецъ все тотъ же — разочарованіе. Избиратели начинаютъ уже понимать, что депутаты представляютъ только самихъ себя, а вовсе не отечество; что они заботятся болѣе о своихъ выгодахъ, чѣмъ о выгодахъ родной провинціи.

Должность министровъ такъ тягостна, такъ неприятна, соединена съ такими хлопотами, что скамья, на которой они сидятъ въ палатѣ депутатовъ, прозвана *скамьей страданій* (le banc de douleur). И въ самомъ дѣлѣ, французскіе министры — сущіе мученики. Оппозиція нападаетъ на нихъ и требуетъ того, чего нельзя никакъ сдѣлать. Журналы бранятъ ихъ, осыпаютъ ихъ клеветами, а министры не смѣютъ подвергать ихъ за то суду; ибо увѣрены, что присяжные оправдаютъ обвиненныхъ и не захотятъ стѣснить журнальной свободы. Всѣ жалуются на министровъ; всѣ бѣдствія Франціи относятся къ нерадѣнію или неспособности министровъ; а что могутъ сдѣлать умнѣйшіе министры, когда встрѣчаютъ въ палатахъ ежеминутную оппозицію, то есть, личныхъ враговъ, всегда готовыхъ сражаться и получать наслѣдство послѣ павшаго министра?

А вотъ не угодно ли полюбоваться свободою мнѣній, которою такъ хвастаютъ въ Парижѣ, въ центрѣ образованности.

Парижане очень любятъ Фанни Эльслеръ. (Извѣстную танцовщицу). При мнѣ случилось, что кто-то вздумалъ свистать ей. Въ минуту весь театръ поднялся на ноги. Свистъ раздался изъ третьяго яруса. Половина партера побѣжала туда. Свистуна отыскали и принялись бить. Полумертвый, покрытый ранами, достался онъ въ руки полиціи, которая тщетно силилась скрыть его и избавить отъ побоевъ. По совершеніи казни, зрители возвратились въ партеръ, уѣхали по мѣстамъ, и спектакль продолжался, какъ обыкновенно.

Вотъ еще что авторъ говорить о тюльрійскомъ садѣ:

Для королевской фамилии отдѣлена часть сада, къ Сенѣ, желѣзною рѣшеткою; туда никого не пускаютъ, и въ аллеяхъ стоятъ солдаты съ ружьями. Не смотря на такія предосторожности, ни король, ни королевскіе дѣти никогда не показываются въ саду. Иностранецъ смотритъ на эти мѣры предосторожности съ удивленіемъ. Мы привыкли видѣть нашу Императорскую Фамилію въ Лѣтнемъ Саду въ тѣхъ же самыхъ аллеяхъ, гдѣ можетъ прогуливаться послѣдній изъ подданныхъ. Въ Лѣтнемъ саду вѣтъ ни желѣзныхъ рѣшетокъ, ни солдатъ съ ружьями. Въ Тюльри совсѣмъ не такъ: вечеромъ около всего сада ставятъ караульныхъ, съ заряженными ружьями, и садъ принимаетъ видъ крѣпости. Въ

1838 году, часовый Белабръ убилъ мужика, который вздумалъ прислониться къ рѣшеткѣ сада и отдохнуть. Военный судъ оправдалъ Белабра; теперь Парижане стали осторожнѣе, и выбираютъ другія мѣста для отдыха.

Какимъ образомъ согласить все это съ панегирикомъ Парижу, приведеннымъ нами выше? Парижъ мѣсто развлеченія, центръ веселья и образованности, обѣтованная земля, гдѣ вся жизнь — одинъ день, веселій, разнообразнѣй, пролетающей скоро, не отягчающей своимъ присутствіемъ, а между-тѣмъ въ этой обѣтованной землѣ блузнники толкаютъ и оскорбляютъ всякаго порядочнаго человѣка на улицѣ, въ театрахъ дерутся до полусмерти, на улицахъ сражаются, не зная за что и за кого, въ журналахъ лгутъ и клеветаютъ безнаказанно на кого только вздумается, депутаты думаютъ только о своихъ выгодахъ, министры страдаютъ, какъ мученики, искусства падаютъ, честолюбіе, корыстолюбіе и эгоизмъ, овладѣвъ всѣми, всѣхъ мучатъ, мужчины волежатся на пропалюю, женщины кокетничаютъ безъ памяти, обманываютъ всѣхъ и cadaго, и потомъ, обманутыя сами, бросаются въ рѣку съ моста *Согласія*.

Подлинно обѣтованная земля, центръ веселья и образованности!

Вспишемъ въ заключеніе нѣсколько мѣстъ изъ писемъ 1778 года, нашего остроумнаго комика фонъ Визина. Они подадутъ поводъ для любопытныхъ сравненій тогдашняго Парижа съ нынѣшнимъ.

Русскихъ здѣсь множество, и всѣ живутъ какъ одна семья; но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ: день дѣлаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философомъ. Изъ Русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Прочіе всѣ живутъ по-французски, чего намъ изъбави Боже! Парижа вамъ описывать не хочу,

потому-что вы изъ книгъ также его узнаете, какъ я; а скажу вамъ мое весьма справедливое примѣчаніе, что вѣтъ шагу, гдѣ бѣ не находилъ я чего-нибудь совершенно хорошаго, всегда однако жъ возлѣ совершенно дураго и варварскаго. Такая несообразность должна удивить каждаго. Вообще сказать, праздность здѣсь неразрѣченная. Новыя вѣсти составляютъ пищу здѣшнихъ жителей. Еслкая новость занимаетъ всё головы. Всего написать не можно, что здѣсь смѣшнаго встрѣчается. Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ, и что не можетъ уже никто разсказами своими мнѣ импозировать. Мы всё, сколько ни есть насъ Русскихъ, вседневно сходимся, дивимся и хохочемъ, соображая то, что видимъ, съ тѣмъ, о чемъ мы, развѣся уши, слушивали. Славны бубны за горами, вотъ прямая истина! Право Парижъ отнюдь не таковъ, чтобъ быть отъ него безъ памяти; я буду всегда помнить, что въ немъ такъ же, какъ вездѣ, можно со скуки до смерти зазѣваться.

Ты пишешь, что наши прѣзжіе изъ Парижа увѣряють васъ, что здѣсь множество ученыхъ людей таскаются безъ пропитанія. Видно, что сін господа вояжеры сами не весьма ученые люди; ибо смѣло вамъ скажу, что ни одинъ изъ здѣшнихъ прямо ученыхъ и достойныхъ людей не подумаетъ ѣхать въ Россію безъ великой надежды сдѣлать fortuna свою и семьи своей. Видно, что они учеными людьми сочли какихъ-нибудь шарлатановъ, которые за копѣйку общають обучать всему на свѣтѣ. Здѣсь вѣтъ ни одного ученаго человека, который бы не имѣлъ вѣрнаго пропитанія; да къ тому жъ всё они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласится умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, во всемъ французскомъ народѣ. Послѣдній трубочистъ вѣтъ себя отъ радости, коли увидитъ короля своего; онъ кричитъ отъ подати, ропщетъ; однако послѣднюю копѣйку платитъ во мнѣніи, что тѣмъ пособляетъ своему отечеству. Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно, и коли что всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то конечно любовь къ отечеству и государю своему.

Вообще тебѣ скажу, что я моральною жизнію парижскихъ Французовъ очень не доволенъ. Сколько идея *отечества и короля* здѣсь твердо въ сердца вкоренена, столь много изгнано изъ сердецъ всякое состраданіе къ своему ближнему. Всякой живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность, все это считается химерою. Напротивъ того, всё сентименты обращены въ одинъ пунктъ, то есть: ложный *point d'honneur*. Наружность здѣсь все замѣняетъ. Будь учтивъ, то есть: никому ни въ чемъ не про-

тиворѣчь; будь любезенъ, то есть: ври, что на умъ ни набрело, вотъ два правила, чтобъ быть un *homme charmant*. Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здѣсь люди не живутъ. не вкушаютъ истиннаго счастья и не имѣють о немъ ниже понятія. Пустой баескъ, взыбаломшная наглость въ мужчинахъ, безстыдное непотребство въ женщинахъ, другаго право ничего не вижу. Ты можешь себя представить, что все сіе намъ очень не понравилось. Я всякой день бѣгаю съ утра до вечера по городу, чтобъ видѣть все примѣчательное; а какъ скоро все осмотримъ и приплюють ко мнѣ деньги, то, истинно, лишняго дня здѣсь не останусь. Между тѣмъ скажу тебѣ, что меня здѣсь болѣе всего удивляетъ: это мои любезные сограждане. Изъ нихъ есть такіе чудачки, что вѣтъ себя отъ одного имени *Парижа*; а при всемъ томъ, я самъ свидѣтель, что они умирають со скуки; если бѣ не спектакли и не много было здѣсь Русскихъ, то бы дѣйствительно Парижъ укоротилъ вѣкъ многихъ нашихъ русскихъ Французовъ. И такъ, кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь; все это глупая аффектація; все глугъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ реесуровъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ.

Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ, удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное; а нашелъ премекающую фигуру и преподленькую физиономію. Сегодня открылось въ Парижѣ собраніе, называемое: *Le rendez-vous de la République des lettres et des arts*. Господа ученые почтили меня приглашеніемъ, и я послѣ обѣда туда ѣду. Они хотять имѣть меня своимъ корреспондентомъ. Богъ вѣдаетъ, кто-то имъ сказалъ, будто я русскій un *homme de lettres*. Самъ директоръ сего собранія у меня былъ, и комплиментамъ конца не было. Вчера было собраніе въ Академіи Наукъ; Вольтеръ присутствовалъ; я сѣлъ отъ него очень близко и не спускалъ глазъ съ его мощей. Общають мнѣ здѣшніе ученые показатъ Руссо, и какъ скоро его увижу, то могу сказать, что видѣлъ всѣхъ мудрыхъ вѣка сего. Если вы воображали, что мы пѣлимся чужими краями, то какъ обманулись! — Совѣмъ тѣмъ, я очень радъ, что видѣлъ чужіе края. По-крайней-мѣрѣ не могутъ мнѣ импозировать наши *gens de France*. Много приобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кроме поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди, вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не ху-

же ни которой, и что мы дома можем наслаждаться истиннымъ счастьемъ, за которымъ нѣтъ пужды шататься въ чужихъ краяхъ.

Кончимъ разборъ нашъ этимъ умнымъ замѣчаніемъ фонъ Визина и повторимъ совѣтъ внимательно прочитывать любопытную и занимательную книгу господина Строева. Прочитавъ ее, каждый мыслящій человѣкъ искреннѣе полюбитъ Петербургъ и свое отечество.

Ред. С. О.

=

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Статьи.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ. *Эспартеро.* — Испанія классическая страна непредвидѣннаго. Еслибъ мѣсто да время, мы легко могли бы доказать, съ исторіей въ рукахъ, что ни въ какой другой странѣ въ мірѣ нѣтъ такой мозаики противоположныхъ идей и страстей, такого отсутствія логики въ развитіи событій, такого прилива и отлива въ движеніи умовъ, такой пестроты, такихъ контрастовъ въ вещахъ и массахъ. Исторія Испаніи походитъ на почву и нравы Испаніи: это непрерывный рядъ случайностей, великихъ или мелочныхъ, смѣшныхъ или ужасныхъ; что-то странное, безпослѣдовательное, какая-то *ома-подрида* фактовъ, въ которой демократическая гордость, вѣрноподаданическая преданность, религіозная восторженность, эгоистическая холодность, играютъ важную роль, то послѣдовательно, то вмѣстѣ, въ одно время. Въ какія-нибудь пять вѣковъ Испанія перебывала въ Европѣ символомъ буйной независимости, монархизма, слабости, величія, невѣжества и просвѣщенія. Нынѣ

че въ ея положеніи есть по-немногу всего этого; Испанія помнитъ чѣмъ была она и сознаетъ что она темерь.

Мы не можемъ излагать здѣсь хода и всѣхъ подробностей траги-комедіи, разыгрываемой въ Испаніи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, въ которой вчерашніе побѣжденные, завтра дѣлаются побѣдителями, а послѣ-завтра побѣжденными, и такъ далѣе, до безконечности; въ которой лучшее всегда въ сосѣдствѣ съ худшимъ, все начинается, ничто не оканчивается; нація, какъ Пенелопа, уничтожаетъ ночью то, что надѣлала днемъ, лаская то того, то другаго изъ своихъ угодниковъ и все поджидала Улисса, который не являлся. При каждой новой сценѣ политическіе Тирезіасы берутъ въ руки зрительную трубу и изрекаютъ свои приговоры, тотчасъ отмѣняемые событіями. Испанія останавливается, говорятъ они, а Испанія идетъ; Испанія стремится къ своей погибели, а Испанія удерживается на скользкой покатости; Испанія умираетъ, Испанія умерла, а Испанія живетъ въ судорогахъ. Прошу послѣ этого предсказывать судьбы Испаніи!

Въ последнее время на испанскомъ горизонтѣ явился человекъ, конечно, не безъ достоинствъ; но человекъ, который всего больше отличается удивительнымъ счастіемъ. Лѣтъ шесть назадъ объ немъ никто и не слыхивалъ; лѣтъ пять назадъ испанскіе журналы отзывались о немъ какъ о генералѣ храбромъ, но лѣнивомъ, нерышительномъ, котораго воинскіе таланты подвержены сомнѣнію и который проводитъ большую часть дня въ постели *; говорили, что это новыи Фабіи-Медлитель, который не сличкомъ горюетъ о своихъ пораженіяхъ и никогда не торопится отмстить неприятелю. Мадридскіе журналы всѣхъ цѣтовъ безпрестанно его поджигали. Въ послѣдствіи, восторженные начали не довѣрять ему и стали сравнивать его съ Кромвелемъ; темерь, какъ онъ принадлежитъ къ ихъ партіи, его величаютъ всеми знаменитыми именами древнихъ и новѣйшихъ временъ: одни называютъ его Помпеемъ,

* Болѣзнь, сдѣлавшаяся неизлечимою, хроническое воспаленіе пузыря, не позволяетъ герцогу Витторіи продолжительной усталости. За каждымъ усиленіемъ, у него слѣдуютъ жестоки боли и разслабленіе.

другіе Цезаремъ, тѣ Марльборо, эти Вашингтономъ, многіе Наполеономъ; а одинъ депутатъ, Кабалеро (Caballero) въ пылу восторга называлъ его героемъ ла-манскимъ (потому что онъ родился въ Ла-Манчѣ) и сравнивалъ, просто, съ Донъ-Кихотомъ. Жаль, что ораторъ забылъ Санчо Пансу, потому что въ немъ есть качества того и другаго изъ этихъ знаменитыхъ людей, и, — замѣтьте, — мы говоримъ это безъ шутокъ. Соедините личную храбрость съ испанской хвастливостью, которая охотно, и часто добросовѣстно, принимаетъ стадо барановъ за огромное войско; прибавьте къ этому разсудительность, нерышительность и хитрость, вмѣстѣ съ здравымъ смысломъ, который между двумя рѣшеніями, одинаково опасными, выпутывается изъ бѣды бездѣйствіемъ; слейте въ одинъ характеръ черты этихъ двухъ историческихъ типовъ, — и вы получите довольно вѣрное понятіе о политической и воинской фizioноміи побѣдителя луханскаго, рамалесскаго, морелльскаго, успокоителя бергарскаго, его превосходительства дона *Бальдомеро Эспартеро*, герцога *Витторіи*, президента регентства, то есть, чуть-чуть не короля испанскаго.

Въ началѣ 1816 года, когда Испанія сбросила съ себя Наполеона, все государство наполнено было солдатами безъ дѣла. Эти люди, набранные во всѣхъ классахъ общества, привыкшіе къ войнѣ въ пять лѣтъ непрерывной драки, не могли скоро и спокойно возвратиться къ привычкамъ мирной жизни; но испанскія колоніи въ южной Америкѣ, возставшія противъ Наполеона во имя Фердинанда, продолжали и послѣ него свое возстаніе и — Испанія нашла вѣрный сбѣтъ для буйной части своего народонаселенія. Тогда готовилась экспедиція въ Чили и командиромъ ея назначенъ былъ генералъ донъ *Педро Морилло*. Однажды къ нему явился молодой подпоручикъ и просился съ нимъ. Фizioномія этого офицера понравилась генералу и тотъ взялъ его съ собою. То былъ семинаристъ, котораго нашествіе Французовъ сдѣлало солдатомъ, то былъ — *Эспартеро*.

Бальдомеро Эспартеро, девятый сынъ бѣдныхъ родителей, родился въ 1793 году, въ Гранатулѣ, небольшой деревнѣ въ Ла-Манчѣ; одни говорятъ, что отецъ его былъ плотникъ, другіе, колесникъ или погонщикъ муловъ. Ребенокъ былъ сла-

баго сложенія, работать по отцовски не могъ и потому родители назначили его въ духовное состояніе и отдали въ школу. Братъ его, *Мануэль Эспартеро*, священникъ сосѣдней деревни, содержалъ его въ школѣ и потомъ перевелъ въ семинарію. Известно, какой взрывъ патріотизма произвели въ Испаніи байонскія событія; известно также, что и Наполеонъ не угадалъ, что будетъ въ Испаніи, и дорого заплатился за свою ошибку. При первыхъ кликахъ войны молодой *Эспартеро* сбросилъ съ себя полукафтанье, схватилъ мушкетъ, и вступилъ въ батальонъ богослововъ, который назывался *el sagrado* (священнымъ); лучшие воины изъ этого корпуса были переведены въ полки, а *Эспартеро* опредѣлился въ военную школу на островъ Леонъ, по протекціи своего брата, который былъ капелланомъ въ домъ одного знатнаго семейства. Онъ вышелъ оттуда съ чиномъ подпоручика; и такъ какъ офицеры, отправлявшіеся въ Южную Америку, получали чинъ, то онъ сталъ проситься въ корпусъ генерала *Морильо*, который во время плаванія чрезвычайно полюбилъ молодого *Бальдомеро* и сдѣлалъ его своимъ секретаремъ.

Мексиканская война продолжалась восемь лѣтъ и *Эспартеро*, котораго храбрость не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, взялъ нѣсколько чиновъ на поля битвы. Съ самаго начала ему пришлось имѣть дѣло съ страшнымъ *Ла-Мадридоломъ*, однимъ изъ самыхъ опасныхъ предводителей шаекъ, которые упрочили независимость возмущившихся колоній. Въ 1817 году, въ сраженіи при Кочабамбѣ (*Cochabamba*) въ центрѣ Верхняго Перу, который называется нынче Боливіею, *Эспартеро* получилъ три раны и назначенъ командиромъ батальона, который онъ съ рѣдкою неустрашимостію водилъ на приступъ редута. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, въ Савачуи (*Sarachuí*) онъ, на полѣ сраженія, былъ пожалованъ въ подполковники; въ 1818 году онъ со своимъ полкомъ одержалъ рѣшительную победу надъ ругетскими инсургентами, на равнинахъ Майокаво (*Maucayo*); въ 1822 году былъ полковникомъ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ и, между прочимъ, въ сраженіи при Торатѣ, гдѣ получилъ еще двѣ раны. Известно, что американская война была окончена, въ 1824 году, знаменитой по-

бдой инсургентскаго генерала *Сюкра* и постыдной капитуляціей испанской арміи при Аякучо (*Ayacucho*).

При возвращеніи въ Испанію полковнику дону *Бальдомеро Эспартеро* поручено было представить королю нѣсколько знаменъ, отнятыхъ у торжествующаго непріятеля. По этому случаю онъ получилъ чинъ бригадира; но народъ въ насмѣшку прозвалъ его и всѣхъ его сослуживцевъ *аякучосами*, по мѣсту, гдѣ они были въ послѣдній разъ разбиты. Эти аякучосы, почти все молодые люди, жили въ тѣсной дружбѣ между собою и, презираемые старыми героями войны за независимость, составляли какъ-бы отдѣльное братство. Почти все они достигли въ послѣдствіи высшихъ чиновъ, и очутились, во время междоусобной войны, въ противоположныхъ лагеряхъ. *Родиль*, *Вальдесъ*, *Нараэсъ*, *Але*, *Лопесъ*, *Вильялобосъ*, *Кантаракъ*, *Альдама* и прочіе — Аякучосы; *Марто* то же аякучосъ и это отчасти объясняетъ, какъ давнишніе друзья и сослуживцы, сошлись и согласились между собою въ Бергаръ на счетъ чести одного и, можетъ-быть, комелька другаго.

Донъ *Бальдомеро* вывезъ изъ Перу не много знаменъ, не много лавровъ, зато много денегъ, столько піастровъ, что, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, всего было до двухъ миллионвъ. Откуда же онъ набралъ столько денегъ? Церквей онъ не обиралъ, городовъ не грабилъ, золотыхъ рудниковъ не открывалъ, да притомъ со временъ Пизарро, золотые рудники стали рѣдки, даже въ Перу. Онъ не добылъ этихъ денегъ ни мечемъ, ни испанскою *навахой*, ни пистолетомъ. Онъ ихъ выигралъ въ карты. Донъ *Бальдомеро Эспартеро* всегда былъ, да вѣроятно и будетъ, страстный игрокъ; всего больше любить онъ *трезилью*, а славу уже потомъ. Притомъ онъ не похожъ на другихъ записныхъ игроковъ: онъ великодушень, играетъ честно и никогда или почти никогда не проигрываетъ; счастье въ игрѣ у него удивительное. Шутники увѣряютъ, будто во время знаменитыхъ бергарскихъ переговоровъ, два главныя дѣйствующія лица, оба страстные игроки, сходились по почамъ въ одной фермѣ и съ картами въ рукахъ, аякучосы, которымъ война надоела, рѣшили въ *трезилью* судьбы Испаніи. Въ такомъ случаѣ

Марото только игрокъ, которому не повезло. Это, конечно, нельзя; но смѣшно.

Эспартеро пристрастился къ игрѣ въ Америкѣ. Игра была повальной болѣзью экспедиціонной арміи. Въ ранцѣ у каждаго солдата, вмѣстѣ съ аммуничными вещами были и карты; офицеры и генералы носили колоды въ карманахъ и послѣ сраженія все наслаждались сильными ощущеніями другаго рода. Обигрывая своихъ товарищей, *Эспартеро* вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ ихъ дружбу, потому-что когда противникъ его, проигравшись до чиста, все еще хотѣлъ продолжать игру и ставилъ чудовищные куши, онъ никогда не отказывался, а потомъ, забравъ наличныя деньги, остальное процагалъ.

Получивъ чинъ бригадира, *Эспартеро* назначенъ былъ командиромъ отряда, занимавшаго Логроньо. Тамъ онъ познакомился съ хорошенькой дѣвушкой, *Хацинтою Санта-Крусъ*, дочерью богатаго купца. Донъ *Бальдомеро* былъ молодецъ, хорошъ, славился храбростію, но игрокъ; *Санта-Крусъ* терпѣть не могъ игроковъ; но сеньора *Хацинта* не питала къ нимъ никакой ненависти. *Эспартеро* рассудилъ, что эту партію еще можно играть. Счастье и тутъ ему не изменило: отецъ проигралъ; женихъ сдѣлался мужемъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы, онъ былъ назначенъ занимать гарнизонъ въ Пальмѣ и оставался тамъ до кончины Фердинанда VII; только по временамъ ѣздилъ въ Барселону, чтобы наслаждаться успѣхами жены своей, которая обворожала весь городъ своею красотой и любезностію.

При вступленіи на престолъ *Изабеллы II*, *Эспартеро* тотчасъ объявилъ себя въ пользу юной королевы, и какъ скоро началась междоусобная война, онъ перешелъ въ сѣверную армію и былъ наименованъ главнымъ командиромъ бискайской провинціи. Тамъ счастье ему изменило: онъ былъ раза три или четыре разбитъ знаменитымъ *Сумалакаремъ* и самъ не разбилъ никого; однако жъ получилъ два чина, генералъ-маіора и генералъ-лейтенанта. Наконецъ, въ 1835 году, смерть избавила христіановъ отъ страшнаго гвишучкоанскаго предводителя. Между-тѣмъ влія-

ніе его имени прекратилось не тотчасъ; армія правительства упала духомъ и была совершенно разстроена; пятеро главнокомандующихъ, *Саарсфильдъ*, *Кесада*, *Родиль*, *Вальдесъ*, *Мина*, одинъ за другимъ мѣрлялись съ карлистскими войсками, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха; наконецъ *Кордова* одержалъ надъ ними нѣкоторую поверхность, но при вѣсти о ла-гранхскихъ событіяхъ, онъ подалъ въ отставку и удалился во Францію. Оставался еще одинъ свѣжій генералъ, не разъ терпѣвшій уронъ, но еще вполне не разбитый — *Эспартеро*: онъ и занялъ мѣсто *Кордовы*. Декретомъ отъ семнадцатаго Сентября 1836, онъ былъ наименованъ вице-королемъ наварскимъ, генералъ-капитаномъ баскскихъ провинцій и главнокомандующимъ сѣвѣрною арміею.

Справедливость заставляетъ насъ сказать, что положеніе *Эспартеро* было сначала очень невыгодно; но онъ умѣлъ преобразовать его такъ, что торжество сдѣлалось для него легкимъ. Правда, души карлистской арміи, *Сумалакареги*, уже не было; мелочное честолюбіе, жалкое тщеславіе, корыстное соперничество уже затопляли лагерь донъ Карлоса. Наварцы начинали снова помышлять о своихъ фуэроссахъ и шли на битву уже не съ прежнимъ жаромъ; съ другой стороны мадридское правительство наконецъ поняло, что междоусобную войну непременно надо прекратить во что бы то не стало и старалось доставить главнокомандующему все средства необходимыхъ для успѣха. Но недостатокъ продовольствія, денегъ и дисциплины, надѣлали много зла въ арміи христіановъ. Войска, часто голодныя, всегда недovolныя, обуреваемые духомъ безначалія, которымъ вѣяло на нихъ изъ Мадрида, не повиновались своимъ командирамъ, и сами открывали карлистамъ путь въ столицу. Чтобы поднять духъ своей арміи, *Эспартеро* началъ съ побѣды, сблизъ карлистовъ съ высотъ луханскихъ и принудилъ снять осаду Бильбао. Этотъ подвигъ, принадлежавшій отчасти ста-пятидесяти англійскимъ артиллеристамъ, которые по собственному побужденію начали атаку, доставилъ *Эспартеро* титулъ графа Луханскаго.

Послѣ этого перваго успѣха, генералиссимусъ принялся за дисциплину въ арміи съ тою удивительною дѣятельностію, которая проявляется въ немъ по временамъ. Въ Мираидѣ дель-

Эбро и потомъ, дней черезъ десять, въ Пампелунъ, онъ рисковалъ головою, вырвавъ изъ рядовъ убійць *Эскалеры* и *Саарсфильда* и разстрѣлялъ этихъ злодѣевъ въ присутствіи ихъ товарищей, а можетъ-быть и сообщниковъ.

Потомъ, *Эспартеро* снова погрузился въ свое обычное бездѣйствіе; спокойно допустилъ донъ Карлоса дойти почти до самыхъ воротъ Мадрида и пришелъ на защиту столицы тогда уже, когда претендентъ ретировался по доброй волѣ. Весь 1837 годъ прошелъ въ пустыхъ маршахъ и контрмаршахъ, въ операціяхъ безъ всякаго результата. Наконецъ, весною 1838 года, онъ началъ наступательныя дѣйствія; наступилъ, 27 Апрѣля, близъ Бургоса, карлистскаго генерала *Пебри*, который пробрался - было въ Кастилію, разбилъ его на-голову, взялъ множество пленныхъ, весь его обозы и всю артиллерію.

Съ этого пораженія началось разстройство карлистской арміи, довершенное въ послѣдствіи интригами монаховъ, которыми окружилъ себя донъ Карлосъ и неспособностію *Герге*, попавшаго по ихъ проiscaмъ, въ главнокомандующіе. *Эспартеро* взялъ Пенасерраду, разбилъ корпусъ *Герге*, состоявшій изъ пятнадцати-тысячъ человекъ, и намѣревался осадить Эстелью, какъ вдругъ получилъ прискорбное извѣстіе о неудачныхъ дѣйствіяхъ христиноскаго генерала *Ораа*, который, близъ Морельи, потерпѣлъ постыдное пораженіе отъ храбраго герильяса *Кабреры*. Эта вѣсть навела уныніе на всю армію, принудила генералиссимуса прекратить осаду, и *Эспартеро* снова возвратился къ любимой своей системѣ выжиданія и оборонительныхъ дѣйствій.

Между-тѣмъ *Герге* былъ смѣненъ и главнокомандующимъ карлистской арміи назначенъ *Марото*. Энергическій характеръ этого предводителя подавалъ большія надежды его партіи и два аякучоса скоро должны были сойтись. Оба издавали прокламаціи à la Don Quichotte, угрожая стереть другъ друга съ лица земли, объявляя своимъ солдатамъ, что Европа смотритъ на нихъ съ удивленіемъ, что слава ихъ наполняетъ вселенную и что побѣда доставитъ имъ безсмертіе и башмаки, въ которыхъ они очень нуждались. Была ли это комедія заранѣе условенная между старыми товарищами, или бергарская конвенція была случайнымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ ей обстоя-

тельствъ, - этотъ вопросъ еще не рѣшенъ. Какъ бы то ни было, но *Эспартеро* началъ кампанію 1839 года значительнымъ успѣхомъ. Въ Мавъ, предводительствуя тридцатысячями, онъ отбилъ у непріятеля укрѣпленныя позиціи въ Пена дель Моро, Рамалесъ и Гардамино; карлисты лишились шести-сотъ человекъ, а побѣдитель получилъ по этому случаю титулъ гранда первой степени и герцога Витторіи. Побѣда рамалесская ускорила ходъ событій; между главными квартирами карлистовъ и христиносовъ начались тайныя сношенія. Результатъ ихъ извѣстенъ: война, которая семь лѣтъ опустошала три провинціи, разорала, разстроивала Испанію и тревожила сосѣднія государства, была прекращена наконецъ, бергарскою конвенціею, заключенною двадцать-девятого Августа 1839. Донъ Карлосъ удалился, пятнадцатаго Сентября, во Францію. Арагонъ, гдѣ еще владычествовалъ *Кабрера*, былъ усмиренъ въ слѣдующемъ году; Испанцы провозгласили *Эспартеро* прямымъ наслѣдникомъ *Пелая* и *Суда*. По-русски это значитъ, что герцогъ Витторія военачальникъ довольно обыкновенный, что до-сихъ-поръ въ его военныхъ подвигахъ нѣтъ ни одного великаго стратегическаго соображенія, которое бы обличало дарованія высреннія, что у него всѣ достоинства и недостатки, свойственные Испанцамъ, что онъ неустрашимъ и хвастливъ, нерѣшителенъ и стоекъ, большой охотникъ до малыхъ средствъ, терпѣливъ и въ особенности чрезвычайно счастливъ.

Теперь перейдемъ къ политической жизни герцога Витторіи.

До переворота, послѣдовавшаго за ла-гранхскими событіями, жизнь *Эспартеро* была исключительно военная. При безпрерывныхъ перемѣнахъ министерствъ онъ заботился только объ одномъ: чтобы его войска получали исправно жалованье и не нуждались въ продовольствіи. Но, привыкнувъ въ военной службѣ къ дисциплинѣ и порядку, онъ уже не разъ выказывалъ свое отвращеніе къ революціонному буйству и демагогической восторженности. Находясь между двумя партіями, одною - партіею умѣренныхъ, многочисленною, но слабою, и другою - партіею восторженныхъ, не богатою числомъ, но обильной энергіею,

онъ сначала склонялся къ первой; восторженное министерство *Калатравы*, родившееся посреди народныхъ смятеній, доставило ему первый случай выказать публично свои мнѣнія, и первое его политическое дѣйствіе было направлено противъ партіи, которой онъ теперь герой и глава. То было въ 1837 году, когда по удаленіи дона Карлоса, армія *Эспартеро* стояла въ Мадридѣ. Нѣкоторые офицеры королевской гвардіи подали королевѣ прошеніе о смѣнѣ министровъ; министры со своей стороны требовали, чтобы виновные въ такомъ законопротивномъ поступкѣ были отданы подъ судъ. *Эспартеро* рѣшительно этому воспротивился. Министры, не смѣя принуждать его и не желая ему повиноваться, подали въ отставку. Партія умѣренныхъ, восхищенная этимъ результатомъ, провозгласила его своимъ спасителемъ; восторженные осыпали его ругательствами. Ему предложили вступить въ кабинетъ умѣренныхъ, въ званіи президента совѣта и военнаго министра. *Эспартеро* отказался; но, по его желанію, мѣсто военнаго министра получилъ его старинный пріятель и человѣкъ совершенно ему преданный, генералъ *Але*. Съ-тѣхъ-поръ ненависть его къ восторженнымъ по-видимому все возрастала, и тѣ платили ему съ лихвою. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказывалъ истинно рыцарскую преданность къ юной королевѣ—правительницѣ, которая съ такимъ мужествомъ, съ такою твердостью боролась съ затруднительными обстоятельствами. Къ несчастію, королева—правительница и министерство не умѣли воспользоваться тщеславіемъ этого рыцаря. Подъ личною самоотверженіемъ, *Эспартеро* скрывалъ гордость самую раздражительную и страстное властолюбіе, усиленное его успѣхами на военномъ поприщѣ. Правительство, посреди финансоваго кризиса, который еще продолжается и кончится, по-видимому, не скоро, истощало всѣ свои средства для содержанія арміи; но требованія *Эспартеро* возрастали по мѣрѣ пожертвованій правительства. Солдаты его обожали, на министровъ онъ и смотрѣть не хотѣлъ, и дѣйствовалъ какъ диктаторъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь. О берггарскихъ переворотахъ сообщилъ онъ министерству тогда уже, когда они были кончены, а потомъ торжества, устроенныя въ честь его въ Барселонѣ, сдѣлали его могуще-

ственнымъ человѣкомъ во всемъ государствѣ и еще болѣе воспламенили его уже и безъ того ненасытимое честолюбіе. И въ такую-то минуту, слабое министерство, которое съ трудомъ боролось съ восторженнымъ большинствомъ, произведеннымъ выборами 1839 года, имѣло неосторожность оскорбить *Эспартеро*, распустивъ кортесовъ безъ его совѣта и смѣнивъ его пріятеля *Але*. Восторженная партія угадала, что онъ разсердится, и ловко побудила его къ этому, объявивъ заранѣе въ своихъ газетахъ, что онъ уже разсердился. Тогда-то явилось въ арагонской газетѣ знаменитое письмо *Линахе*, секретаря, адъютанта, совѣтника, руководителя, правой руки *Эспартеро*, *Линахе*, безъ котораго онъ не видитъ, не думаетъ, не говоритъ, не пишетъ, не дѣйствуетъ и даже не играетъ въ карты, потому-что когда герой духанскій предается своей любимой забавѣ, адъютантъ держитъ карты, а генералъ, лежа въ постели, показываетъ ему, какую бросать. Письмо, о которомъ говорили мы, писано было не отъ имени *Эспартеро*, но между-тѣмъ произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ сущности, въ немъ было сказано, что генералъ, нисколько не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, считаетъ распушеніе кортесовъ и перемѣну министерства дѣломъ неблагоразумнымъ и пагубнымъ. Министры подали въ отставку, королева—правительница не согласилась ихъ уволить и потребовала отъ *Эспартеро* объясненія на счетъ письма *Линахе*. Герцогъ сдѣлалъ отвѣтъ въ отношеніи къ министрамъ, уклончивый, и письмо его, по обыкновенію, оканчивалось самыми пламенными увѣреніями въ безпредѣльной преданности къ обѣимъ королевамъ. Министерство потребовало отрѣшенія *Линахе*; *Эспартеро* этому воспротивился и велѣлъ ему напечатать въ томъ же журналѣ письмо, которое нѣсколько измѣняло прежнее, но не противорѣчило ему; такимъ образомъ дѣло кое-какъ уладилось.

Между-тѣмъ произведены были выборы и противъ всякаго ожиданія доставили большинство умѣренное, то есть, благопріятное для министерства. Этотъ результатъ былъ чрезвычайно прискорбенъ для *Эспартеро*, и министерство, пользуясь обстоятельствами, перестало безусловно исполнять всѣ

его требованія. Другія происшествія, о которыхъ мы не станемъ говорить подробно, еще болѣе разсорили ихъ. При началѣ кампаніи противъ *Кабреры*, *Эспартеро*, пользуясь важностію, которую придавали ему обстоятельства, рѣшился отступить министрамъ и потребовалъ, чтобы *Линаге* былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Нѣкоторые изъ министровъ сочли это явнымъ оскорбленіемъ для себя; но *Эспартеро* былъ всемогущъ; надобно было кончить съ *Кабрерою*, и кабинетъ принужденъ былъ уступить. *Нарваэсъ*, *Кальдеронъ-Кальяитесъ* и *Монтесъ де Ока* вышли въ отставку и *Линаге* былъ произведенъ. Въ министерствѣ оставались еще два чловѣка, которыхъ *Эспартеро* считалъ своими личными врагами: президентъ совѣта *Пересъ де Кастро* и министръ юстиціи, *Арасола*. Побѣдитель былъ только въ половину удовлетворенъ и затанлъ въ душу неудовольствіе, которое вскорѣ обнаружилось.

Между-тѣмъ собраніе новыхъ кортесовъ открылось. Министерство, полагаясь на поддержку значительнаго большинства, сочло это время удобнымъ, чтобы нанести восторженной партіи рѣшительный ударъ, и предложило знаменитый законъ объ *аюнтаментосахъ* (муниципальныхъ совѣтахъ), который подалъ поводъ къ последнему перевороту въ Испаніи.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности объясненія на счетъ значенія и важности этого закона; скажемъ только, что онъ уничтожалъ огромную власть, которою мѣстныя начальства пользовались во многихъ провинціяхъ; власть, которая принадлежала имъ съ незапамятныхъ временъ, которой они лишились при неограниченномъ правленіи послѣднихъ королевей и которую приобрѣли снова въ 1837 году. Какъ бы то ни было, но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ предложеніе этого закона было политическою ошибкою со стороны министерства, потому что уже во время преній о немъ обнаружилось страшное, повсемѣстное неудовольствіе.

Посреди этого волненія умовъ королева-правительница, вопреки совѣтамъ всѣхъ своихъ друзей, предприняла съ дочерью, путешестіе въ Барселону. На пути, во всѣхъ рѣчахъ, которыми приветствовали ее мѣстныя начальства,

ей говорили о неудовольствіи націи, вокругъ ея кареты раздавались мятежные крики. *Эспартеро* съ торжествомъ возвращался изъ своей экспедиціи противъ *Кабреры*. Королева только однажды видѣла герцога и можетъ быть надвѣялась личнымъ своимъ вліяніемъ снова пробудить его пламенную приверженность къ королевскому дому. Но восторженные не терали времени; лестью, самую грубою, самую безстыдною, они задобрили тщеславіе славолюбиваго рыцаря *Ла-Манчскаго*, и надежды Маріи-Христіны не сбылись. Въ Барселонѣ вспыхнулъ мятежъ; предводители его требовали, чтобы королева-правительница не подписывала закона объ аюнтаментосахъ; но королева, сохранивъ всю твердость своего характера, утвердила его. Мятежъ разгорѣлся сильнѣе: *Эспартеро* не постыдился быть за-одно съ мятежниками, вмѣстѣ съ ними явился ночью во дворецъ, и требовалъ, чтобы королева уничтожила свою подпись, отрѣшила министровъ и распустила кортесовъ. Королева согласилась уволить министровъ, которыхъ жизнь была въ опасности; но рѣшительно отказалась отмѣнить законъ объ аюнтаментосахъ и распустить кортесовъ, которые его утвердили.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того *Эспартеро*, видя буйство необузданной черни, образумился и самъ подавилъ мятежъ, объявивъ Барселону въ осадномъ положеніи. Королева составила новое министерство, болѣе умеренное, нежели восторженное, хотя оно и было образовано подъ вліяніемъ *Эспартеро*; но она упорствовала въ своихъ отказахъ. Министерство, слабое, безпрестанно измѣнялось по частямъ и не имѣло никакого вліянія на кортесовъ. Наконецъ, двадцать втораго Августа 1840 года, королева выѣхала изъ Барселоны, въ Валенсіи уволила министровъ, которые уже въ четвертый разъ подавали въ отставку, и отважно образовала новое министерство изъ однихъ членовъ умеренной партіи.

При вѣсти объ этомъ, мадридскій муниципалитетъ подалъ знакъ къ возстанію, объявивъ, что онъ будетъ засѣдать постоянно, и захватилъ всю власть въ руки свои. Лошадь генералъ-капитана *Альдамы* была подъ нимъ убита, адъютантъ его раненъ, политическій начальникъ *Бю-*

ранее взять под стражу и посаженъ въ ратушу. Муниципалитетъ написалъ къ королеву—правительницѣ дерякую бумагу; королева возвратила ее неразпечатанною. Положение было очень затруднительно; обстоятельства весьма важны.

Что жъ дѣлалъ въ это время *Эспартеро* въ Барселонѣ? Спалъ, производилъ смотры и игралъ въ карты. Эта неутральность разсердила журналы восторженныхъ. Они требовали, чтобы герцогъ объявилъ себя въ пользу мадридскаго муниципалитета. Наконецъ онъ издалъ родъ манифеста, въ которомъ объявилъ, что будетъ поддерживать королеву только тогда, когда она отменитъ законъ объ аюнтаментосахъ, распустилъ кортесовъ и уволитъ министровъ. Партія восторженныхъ торжествовала; инсurreкція разлилась изъ столицы почти по всемъ другимъ городамъ. Тогда Христина рѣшилась вызвать *Эспартеро* въ Валенсію, поручивъ ему составленіе новаго кабинета и не сказавъ ни слова объ остальныхъ двухъ пунктахъ. Герцогъ *Витторіа* отправился изъ Барселоны въ Мадридъ, въѣхалъ туда какъ триумфаторъ, стоя на колесницѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ коляскѣ, принадлежавшей донъ Карлосу, подобралъ себя товарищей въ министерство и пустился съ ними въ Валенсію. Тамъ онъ снова въѣхалъ въ городъ въ коляскѣ, которую везла на себя милиція, между-тѣмъ, какъ королева не выходила изъ дворца, чтобы не слышать криковъ буйной черни. Между королевою и всемогущимъ герцогомъ начались бурныя совѣщанія, исполненыя оскорбленнаго достоинства съ одной стороны, наглою надменности съ другой. Наконецъ, утромъ десятаго Октября 1840, послѣ совѣщанія, которое продолжалось съ вечера, королева вдругъ сказала: «*Эспартеро*, я отказываюсь отъ регентства.» Устрашенный ответственностію, которую это событіе возложить на него, герцогъ старался сначала убѣдить Марію—Хрестину, чтобы она не слагала съ себя своего званія; но все было тщетно, и черезъ мѣсяцъ послѣ того бывшая королева—правительница и *Кабрера* встрѣтились на улицѣ въ Монпелье, и оба улынулись. Много было въ этихъ улыбкахъ!

Тяжкое бремя легло на плеча *Эспартеро*! Отъ легкой роли народнаго любимца, предводителя оппозиціи, онъ долженъ былъ перейти къ другой, весьма трудной, — роли правителя государства. Надобно думать, что при всей своей самонадеянности онъ вполне чувствовалъ эту тяжесть, потому-что, возведенный въ званіе регента партіей, которой многія подраздѣленія доходятъ до послѣднихъ предѣловъ демагогизма, онъ тотчасъ почувствовалъ необходимость остановиться и объявилъ, что строго будетъ держаться кореннаго уложенія 1837 года. Потомъ онъ распустилъ кортесовъ; но какъ умѣренное большинство, бывшее результатомъ послѣднихъ выборовъ, не подавало ему большой надежды на выборы будущіе, то онъ отложилъ созваніе законодательнаго сословія до Марта 1841, чтобы между тѣмъ отдохнуть, оглядѣться, собраться съ силами и дѣйствовать самопроизвольно, какъ диктаторъ. Исполненіе закона объ аюнтаментосахъ отсрочено на неопредѣленное время; но вмѣстѣ съ тѣмъ многія революціонныя юнты закрыты, въ томъ числѣ и мадридская; Наварра была, съ нѣкоторыми исключеніями, подведена подъ общій уровень. Въ октябрь прошлаго года онъ съ большою энергіею подавилъ возстаніе хрестиносовъ въ сосѣднихъ съ Франціею провинціяхъ и теперь почти полновластно управляетъ Испаніею съ помощію совѣта регентства, своего министерства и новыхъ кортесовъ, когорыхъ большинство расположено въ его пользу. Чѣмъ будетъ онъ черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, завтра—этого не угадалъ бы и самъ *Галейрано*.

ИГРУШКИ ВЗРОСЛЫХЪ ДѢТЕЙ. Vive la bagatelle! кричали прежніе Французы, вѣтреные, веселые и любезные. Нынѣшніе Французы ни о чемъ подобномъ не думаютъ; они разучились говорить и вмѣсто того разглагольствуютъ; отстали отъ поклоненія такъ называемому «прекрасному полу»; la gaieté française, la galanterie française, французская веселость, французская вѣжливость или вѣжливая угодливость къ женщинамъ (потому-что эти слова не выражаютъ вполне значенія galanterie) уже не существуютъ; нынѣшніе Французы важны и скучны, въ чемъ они и сами сознаются. Дѣти у нихъ съ пеленокъ хотятъ быть большими, начинаютъ важничать, когда еще не все зубы прорѣзались,

глубоко размышляют о важнѣйшихъ общественныхъ задачахъ и отважно рѣшаютъ ихъ, когда еще видѣли свѣтъ только изъ окна своей школы. Не предавайте имъ ни эластическаго мячика, ни жестяной сабли, ни свинцовыхъ солдатиковъ, ни одной изъ тѣхъ игрушекъ, которыя нѣкогда такъ тѣшили дѣтей во Франціи, тѣшать во всемъ мѣрѣ; хлыстикъ и шпоры, въ ожиданіи коня, котораго у нихъ можетъ-быть никогда и не будетъ; щетка и фиксажъ для усовъ, которые еще не пробиваются; ружье, настоящее ружье, которое можно заряжать дробью, а подъ-часъ и пулею—вотъ забавы нынѣшнихъ дѣтей во Франціи..... Дѣтей! что я говорю! Нынче нѣтъ дѣтей, по крайней-мѣрѣ никто не хочетъ быть дитятей, развѣ только кромѣ тѣхъ, которые давно изъ дѣтей вышли. Чтѣ лучше? чтѣ хуже? Объ этомъ разсуждать мы не станемъ, а хотимъ только разсказать, какъ тѣшились нѣкогда дѣти взрослые во Франціи, а глядя на нихъ и въ кой-какихъ иныхъ странахъ.

Посреди политическихъ волненій 1791 года, когда графъ Прованскій (въ послѣдствіи Лудовикъ XVIII) и графъ д'Артуа (царствовавшій подъ именемъ Карла X) своимъ примѣромъ поощрили Французское дворянство къ эмиграціи, какой-то промышленникъ выдумалъ «приличную случаю» игрушку, которая называлась *эмигреткою* (une emigrette). Это былъ кусокъ дерева, слоновой кости, или перламутра, круглый, съ жолобкомъ вокругъ. Въ этомъ жолобкѣ прикрѣплялся шелковой шнурокъ, котораго конецъ держали въ рукѣ. Колесо опускалось, а потомъ, при легкомъ потрясеніи, взбѣгало по шнурку. Это значило, что дворянство, бѣжавшее отъ революціи, скоро возвратится. Вы видите, что *эмигретка* тоже самое, что нѣкогда называлось, помнится, *рулетка*. Эти игрушки были въ то время общеою забавою взрослыхъ дѣтей обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и состояній. То, чтѣ было сначала смѣшной игрушкою или безвкусною проніей, сдѣлалось въ послѣдствіи предметомъ роскоши. Ихъ брали на гулянье, на балы, въ театръ, какъ теперь лорнетъ и браслетъ. Тогдашніе incroyables (франты и щеголихи), les merveilleux времени директоріи (тоже) выказывали въ эмигреткахъ свой вкусъ, свое богатство, свою роскошь. Однѣ изъ нихъ отличались тонкою работою, другія были осмыслены жемчугомъ, рубинами, брилліантами. Такимъ образомъ въ этой странной забавѣ участвовало всего

болѣе тщеславіе: она доставляла возможность похвастаться пышностью, ловкостью или хорошенькой ручкой.

Вопреки игрушечному предсказанію, эмигранты возвратились не тотчасъ, а послѣ двадцати-лѣтняго отсутствія. Тогда какой-то смѣливый золотыхъ дѣлъ мастеръ, чтобы сбыть съ рукъ товаръ давно вышедшій изъ моды, снова началъ продавать эмигретки; но тутъ онъ принялъ уже другое значеніе: онъ сдѣлался эмблемою возвращенія прежняго порядка вещей и дворянства. Эмигретка стала снова символомъ, почти тѣмъ же, что бѣлая кокарда, и не одинъ дипломатъ, состоявшій не у дѣлъ, по причинѣ своего сомнительнаго поведенія во времена оны, получилъ выгодное мѣсто потому, что выказывалъ гдѣ слѣдуетъ свою роялистскую эмигретку.

«Черти, les diables» родились въ 1817 году. Чертъ сродни кубарю, который пускали уличные мальчишки. Это былъ кусокъ дерева, обточенный въ видѣ песочныхъ часовъ и обвитый шнуркомъ, котораго концы привязаны къ двумъ палочкамъ; палочки двигали попеременно и «чертъ» съ шумомъ вертѣли; иногда его взбрасывали къ верху и онъ ловко ловился на палочку, если только не падалъ прямо на носъ играющему. Тѣ изъ нашихъ офицеровъ, которые стояли въ то время въ Парижѣ, конечно, помнятъ, что тогда всѣ публичные сады были наполнены, болѣе или менѣе молодыми людьми, которые играли чертомъ; разряженныя дамы брали палочки изъ рукъ своихъ мужей, сыновей или обожателей, и часто выказывали въ этой забавѣ необыкновенную ловкость и грацію.

За чертами появились калейдоскопы. Вы помните, что калейдоскопомъ называли нѣчто въ родѣ зрительной трубки, цилиндра, въ которомъ, при каждомъ поворотѣ, двигались цветныя стекла, камешки и прочее, образуя разнообразныя, иногда весьма красивыя фигуры. Любители калейдоскоповъ останавливались на бульварахъ, посреди улицы, и углублялись въ свою забаву до того, что не чувствовали толчковъ, не слышали стука экипажей. Статистика свидѣтельствуетъ, что въ этотъ годъ задавлено на улицѣ гораздо больше народа, чѣмъ въ прежніе годы. Но Парижане ни къ чему на долго не прикипаются, ни даже къ игрушкамъ. Калейдоскопы были скоро забыты въ Парижѣ, оттуда перешли въ провинціи, а

глубоко размышляютъ о важнѣйшихъ общественныхъ задачахъ иотважно рѣшаютъ ихъ, когда еще видѣли свѣтъ только изъ окна своей школы. Не предлагайте имъ ни эластическаго мячика, ни жестяной сабли, ни свинцовыхъ солдатиковъ, ни одной изъ тѣхъ игрушекъ, которыя нѣкогда такъ тѣшили дѣтей во Франціи, тѣшатъ во всемъ мѣрѣ; хлыстикъ и шпоры, въ ожиданіи коня, котораго у нихъ можетъ-быть никогда и не будетъ; щетка и фиксаторъ для усовъ, которые еще не пробиваются; ружье, настоящее ружье, которое можно заряжать дробью, а подь-часъ и пулею—вогъ забавы нынѣшнихъ дѣтей во Франціи.... Дѣтей! что я говорю! Нынче нѣтъ дѣтей, по крайней-мѣрѣ никто не хочетъ быть дитятей, развѣ только кромь тѣхъ, которые давно изъ дѣтей вышли. Чтѣ лучше? чтѣ хуже? Объ этомъ разсуждать мы не станемъ, а хотимъ только разсказать, какъ тѣшились нѣкогда дѣти взрослые во Франціи, а глядя на нихъ и въ кой-какихъ иныхъ странахъ.

Посреди политическихъ волненій 1791 года, когда графъ Прованскій (въ послѣдствіи Лудовикъ XVIII) и графъ д'Артуа (царствовавшій подь именемъ Карла X) своимъ примѣромъ поощряли Французское дворянство къ эмиграціи, какой-то промышленникъ выдумалъ «приличную случаю» игрушку, которая называлась *эмигреткою* (une emigrette). Это былъ кусокъ дерева, слоновой кости, или перламутра, круглый, съ жолобкомъ вокругъ. Въ этомъ жолобкѣ прикрѣплялся шелковой шнурокъ, котораго конецъ держали въ рукахъ. Колесо опускалось, а потомъ, при легкомъ потрясеніи, взбѣгало по шнурку. Это значило, что дворянство, бѣжавшее отъ революціи, скоро возвратится. Вывидите, что *эмигретка* тоже самое, что нѣкогда называлось, помнитса, *рулетка*. Эти игрушки были въ то время общео забавою взрослыхъ дѣтей обонхъ половъ, всѣхъ возрастовъ и состояній. То, чтѣ было сначала смѣшной игрушкою или безвкусою ироніей, сдѣлалось въ послѣдствіи предметомъ роскоши. Ихъ брали на гулянье, на балы, въ театрѣ, какъ теперь лорнетъ и браслетъ. Тогдашніе *incroyables* (франты и щеголихи), *les merveilleux* время директоріи (тоже) выказывали въ эмигреткахъ свой вкусъ, свое богатство, свою роскошь. Однѣ изъ нихъ отличались тонкою работою, другія были осыпаны жемчугомъ, рубинами, брилліантами. Такимъ образомъ въ этой странной забавѣ участвовало всего

болѣе тѣснелавіе: она доставляла возможность похвастаться пышностью, ловкостью или хорошенькой ручкой.

Вопреки игрушечному предсказанію, эмигранты возвратились не тотчасъ, а послѣ двадцати-лѣтняго отсутствія. Тогда какой-то смѣтливый золотыхъ дѣлъ мастеръ, чтобы сбыть съ рукъ товаръ давно вышедшій изъ моды, снова началъ продавать эмигретки; но тутъ онъ принялъ уже другое значеніе: онъ сдѣлался эмблемою возвращенія прежняго порядка вещей и дворянства. Эмигретка стала снова символомъ, почти тѣмъ же, что была кокарда, и не одинъ дипломатъ, состоявшій не у дѣлъ, по причинѣ своего сомнительнаго поведенія во времена оны, получилъ выгодное мѣсто потому, что выказывалъ гдѣ слѣдуетъ свою роялистскую эмигретку.

«Черти, les diables» родились въ 1817 году. Чертъ сродни кубарю, который пускали уличные мальчишки. Это былъ кусокъ дерева, обточенный въ видѣ песочныхъ часовъ и обвитый шнуркомъ, котораго концы привязаны къ двумъ палочкамъ; палочки двигали попеременно и «чертъ» съ шумомъ вертели; иногда его взбрасывали къ верху и онъ ловко ловился на палочку, если только не падалъ прямо на носъ играющему. Тѣ изъ нашихъ офицеровъ, которые стояли въ то время въ Парижѣ, конечно, помнятъ, что тогда всѣ публичные сады были наполнены, болѣе или менѣе молодыми людьми, которые играли чертомъ; разряженныя дамы брали палочки изъ рукъ своихъ мужей, сыновей или обожателей, и часто выказывали въ этой забавѣ необыкновенную ловкость и грацію.

За чертями появились калейдоскопы. Вы помните, что калейдоскопомъ называли нѣчто въ родѣ зрительной трубки, цилиндра, въ которомъ, при каждомъ поворотѣ, двигались цветныя стекла, камешки и прочее, образуя разнообразныя, иногда весьма красивыя фигуры. Любители калейдоскоповъ останавливались на бульварахъ, посреди улицы, и углублялись въ свою забаву до того, что не чувствовали толчковъ, не слышали стука экипажей. Статистика свидѣтельствуетъ, что въ этотъ годъ задавлено на улицѣ гораздо больше народа, чѣмъ въ прежніе годы. Но Парижане ни къ чему на долго не привиліуются, ни даже къ игрушкамъ. Калейдоскопы были скоро забыты въ Парижѣ, оттуда перешли въ провинціи, а

потомъ разсыпались по всему земному шару. Но въ этой игрушкѣ было кромѣ пріятнаго и полезное: калейдоскопъ и по нынѣ доставляетъ идеи рисовщикамъ, которые составляютъ узоры для набивныхъ матерій.

Большой известностью пользовались также при жизни своей такъ называемые китайскіе каскетты (casse-tête) Это восемь кусочковъ слоновой кости или дерева, вырѣзанныхъ въ видѣ квадратиковъ, треугольниковъ, трапецій и прочее. Въ обществахъ никто не игралъ въ карты, никто не танцевалъ; старые и молодые сидѣли вокругъ столовъ и, подъ предлогомъ забавы, ломали себѣ голову, составляя изъ этихъ кусочковъ разныя фигуры, и тотъ почиталъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, кому удалось, проработавъ, можетъ-быть, нѣсколько ночей, придумать новую фигуру. Онъ съ гордостью показывалъ ее своимъ знакомымъ и, благодаря этому великому изобрѣтенію, его на-перерывъ приглашали во весь дома.

Въ 1820 или 1821 году какой-то театръ, мистифируя почтеннѣйшую публику, стараясь привлечь ее шумомъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ печаталъ на своихъ афишахъ, что въ непродолжительномъ времени дано будетъ: «Коризандръ» драматическое представленіе, сочиненіе господъ А. В. С. авъ пріятельскихъ журналахъ объявлялъ отъ имени издателей, что это пьеса, которая сдѣлаетъ честь отечеству, составитъ эпоху въ драматическомъ искусствѣ, станетъ наряду съ превосходнѣйшими твореніями всѣхъ временъ и народовъ и проч. и проч. Наконецъ,—то было льтомъ, въ самое жаркое время — первое представленіе «Коризандра» возвыщено; народу съхлалось въ театръ множество; почтеннѣйшая публика въ ожиданіи спектакля, обтирается платкомъ, батистовымъ или инымъ, какъ вдругъ нѣсколько заноздалыхъ посятителей театра, вошли съ зелеными опахалами въ рукахъ. Изобрѣтатель этихъ бумажныхъ, двадцати-копѣчныхъ въверовъ, вздумалъ продавать ихъ при входѣ въ театръ. Стоустая молва въ минуту разнесла эту вѣсть отъ партера до ложъ, отъ ложъ до райка поднебеснаго. Всѣ бросились къ выходу, толкаются, давятся, чтобы освѣжиться. Первый запасъ былъ распроданъ въ нѣсколько минутъ; второй тоже. Это пустое обстоятельство совершенно измѣнило физиономію собранія; электрическая веселость сообщилась повсюду и публика забыла за чѣмъ съхлалась. Ор-

кестръ гремитъ, никто не сплнитъ; актеры кричатъ—никто не слушаетъ: шумъ тысячи бумажныхъ въверовъ все заглушаетъ. Пьесу никто не видалъ, и она освистана, а зеленое опахало похитило даже самое ея заглавіе и стало называться Коризандромъ. И дамы, самыя богатыя, скорѣ бы отказались отъ своихъ брилліантовъ, чѣмъ отъ двадцати-копѣчнаго коризандра. Разумѣется, что эта забава прожила не долго; а долго ли прожить забавы нынѣшнихъ Французовъ: сепсимонизмъ, фурьеризмъ, коммюнизмъ и прочее, и прочее? Первый уже померъ, остальные чахнутъ, а все тѣ же игрушки, — только не веселыя.

— Теперь не угодно ли вамъ прочесть маленькую комедію, доказывающую, какъ дважды два четыре, что случай иногда вводитъ человека въ искушеніе и заставляетъ его грѣшить противъ совѣсти. Истина, правда, не новая; да въдѣ Смѣсь не для того и пишется, чтобъ научать важнымъ и новымъ истинамъ. Иногда цель Смѣси — просто позабавить. Не знаемъ, достигнетъ ли этой цѣли

ПРІЯТЕЛЬСКАЯ УСЛУГА.

Комедія.

Дѣйствующія лица: Графиня дю-Розель. — Эмилія, ея племянница. — Альбертъ дю-Розель, родственникъ и женихъ Эмиліи. — Генрихъ, пріятель Альберта. — Ламберъ, старый другъ дома графини дю-Розель.

Дѣйствіе первое. Комната въ трактирѣ. Альбертъ и Генрихъ, стоя у противоположныхъ оконъ, съ живостію жестируютъ; потомъ Генрихъ надѣваетъ плащъ, фуражку, перчатки; Альбертъ снимаетъ съ себя то же самое.

Явленіе I. *Генрихъ.* Насилу-то..... Все готово..... Эй, кучеръ, садись скорѣ, мы сейчасъ идемъ. (Альбертъ садится.) Чтò это ты? — *Альбертъ.* Я не вду. — *Генрихъ.* Помилуй, чтò это съ тобой? — *Альбертъ.* Ничего. — *Генрихъ.* Такъ ты съ ума сошелъ. — *Альбертъ.* Быть можетъ. (Въ сторону.) Мочи нѣтъ, какъ она хороша! (Въ слухъ.) Очень

можетъ быть, мой любезный. На всякій случай я стану лечиться здѣсь въ трактиръ. Только ужъ ты, пожалуйста, не обкачивай меня своими увещаніями. Это не поможетъ. Не вылечишь. — *Георгиѣ*. Полно, Альбертъ. Быть не можетъ, что бы ты изъ какихъ-нибудь пустяковъ отказался отъ партіи такой..... — *Альбертъ*. Я не отказываюсь отъ женитьбы, а только откладываю ее на неопредѣленное время. — *Георгиѣ*. Неужели же ты не на шутку влюбился въ красотку, которая сидѣла подлѣ насъ за общимъ столомъ? — *Альбертъ*. Что прикажешь дѣлать! влюбился. Да ты, видно не видалъ, какіе у нее глазки! а таія! таія! Съ ума сойти надо. — *Георгиѣ*. Я не замѣтилъ. — *Альбертъ*. Вы, сударь, камень, ледъ. — *Георгиѣ*. Пожалуй; это всё-таки лучше, чѣмъ влюбиться въ какую-нибудь дилжансовую геронню, «Первую кокетку» какой-нибудь бродячей труппы актеровъ. — *Альбертъ*. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Смерть люблю бродячихъ Мельпоменъ..... съ грязными котурнами..... и таковой же туникой. — *Георгиѣ*. Ну, полно шутить, поведемъ. Графиня дю-Розель уже часа два ждетъ насъ. — *Альбертъ*. И не дожидется, по-крайней-мѣрѣ меня. Говорятъ тебѣ, что я не ѣду. Позвжай одинъ и засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе ся сіятельству тетенькѣ и милостивой государынѣ моеѣ кузинѣ и нарѣченной невѣстѣ. (Усаживаетъ въ кресла и закуриваетъ сигару.) Я еще не намѣренъ казнить свою свободу. Пусть она погуляетъ еще денекъ. Да притомъ что за бѣда! Невѣста моя ждала меня пять лѣтъ, такъ можетъ подождать и пять лѣтъ со днемъ. — *Георгиѣ*. А если она узнаетъ о твоей шалости? — *Альбертъ*. Не знала ста шалостей, не узнаетъ и сто первой. — *Георгиѣ*. А я было-думалъ, что онъ исправился!..... Понадѣялся на его обещанія!..... И притомъ, такъ близко къ концу..... — *Альбертъ*. Чтожъ прикажешь дѣлать. Вольно же было судьбѣ бросить камень преткновенія у самыхъ дверей храма Гименея..... Не горюй однако же..... Еще разъ пошалу, да и баста. — *Георгиѣ*. Бѣдная Эмилія! Она тебя такъ любитъ! — *Альбертъ*. Э, пустяки, братецъ! Мы десять лѣтъ не видались. Она вообразила, или, лучше сказать, ее уварили будто она въ ме-

ня влюблена, потому-что въ нашей фамиліи такое положеніе, чтобы кузени женились на кузинахъ. Старушка тетка съ малыхъ лѣтъ обучала ее любви ко мнѣ. (Вынимаетъ изъ кармана портретъ.) Для провинціалки она, право, не дурна. Впрочемъ, чтоже? Я вѣдь и женюсь на ней..... со временемъ..... Я всегда былъ намѣренъ на ней жениться. Но что я толкую: ты вѣдь человекъ такого добродѣтельного поведенія, такой разсудительный, что..... что, просто, глупо! — *Георгиѣ*. (Посмотрѣвъ на часы.) Три часа! а мы писали, что прѣждемъ въ двѣнадцать! — *Альбертъ*. Три часа! Ай, ай! А моя красотка ждетъ меня... въ огородѣ. «Подъ тѣнію черемухъ и акаціи.»..... Какъ тутъ не быть граціи! Прелесть да и только. Прощай. (Хочетъ итти.) — *Георгиѣ*, (удерживая его.) Нѣтъ, я не дамъ тебѣ дурачиться! — *Альбертъ*. Да полно, ты мнѣ надобъ. Говорятъ тебѣ толкомъ, что я завтра же къ вамъ прѣвѣду. Всего только одинъ день. Право не много, чтобы кончить романъ, который еще только начинается! — *Георгиѣ*. Да что жъ мнѣ имъ сказать? — *Альбертъ*. Что хочешь. Я даю тебѣ полную довѣренность: ври что вздумается. — *Георгиѣ*. Да я совсѣмъ не мастеръ лгать. — *Альбертъ*. Дорѣгой что-нибудь придумаешь. — *Георгиѣ*. Ты знаешь, какъ я робокъ и застычивъ: сколько разъ ты надо мной смѣялся! Я испорчу все дѣло. — *Альбертъ*. Испортить невозможно. Бѣдняжка непременно захочетъ за меня выйти. — *Георгиѣ*. Нѣтъ, какъ ты хочешь, я не въ состояніи. Помогая тебѣ я также буду виноватъ, какъ ты. — *Альбертъ*. О невинность!..... Святая непорочность!..... Да, помилуй, братецъ, это *приятельская услуга*, отъ которой никто не отказывается. Другому я бы сказалъ: въ другой разъ и я тебѣ услужу также; но съ тобой..... (Слышно хлопанье бича.) Да ну, мышкунъ, ступай скорѣе! Кучеръ выходитъ изъ терпѣнія, да и я тоже (Толкаетъ его къ дверямъ.) — *Георгиѣ*, (возвращаясь). Да вѣдь ни графиня, ни Эмилія меня не знаютъ: ты хотѣлъ меня рекомендовать. Такъ надо же по-крайней-мѣрѣ..... — *Альбертъ*. Ничего не надо, только ступай. — *Георгиѣ*. Нѣтъ, право..... — *Альбертъ*. Да позвжай, не то мы, право, поссоримся. (Выталкиваетъ его и запираетъ дверь на

ключь.) Этакой упрямой! (Кричитъ изъ окна.) Эй, кучеръ!... живо!... баринъ дастъ на водку!... (Слышанъ стукъ кареты.) Слава Тебѣ Господи!... Впрочемъ, сказать правду, я и самъ не знаю, какъ онъ бѣднякъ, выпутается! Что за бѣда! Завтра я все исправлю, а теперь... въ огорождь!

Дѣйствіе второе. Театръ представляетъ старый замокъ; на право, графиня дю-Розель, разряженная, сидитъ за пьльцами. На лѣво, Эмилиа сидитъ у окна и читаетъ книгу; но часто опускаетъ ее и въ задумчивости смотритъ на дорогу.

Явленіе I. *Графиня*. Бѣдная Эмилиа! Если бъ спросить ее, чтѣ она читала? Она, вѣрно, не въ состояніи сказать.... Кажется, она начинаетъ беспокоиться.... Не мудрено! Уже поздно, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

Явленіе II. *Графиня, Эмилиа, Ламбергъ*. — *Графиня*. — Ну чтѣ, любезный Ламбергъ, все готово? — *Ламбергъ* (съ досадою). Давнымъ давно! Мы-то торопились, а онъ.... — *Графиня*. Такъ праздникъ приготовленъ? Дѣвушки съ букетами, молодые люди съ ружьями? Не забыли ли развѣшивать шкалики въ капитановой роцкъ? — *Ламбергъ*. Не беспокойтесь, все приготовлено, какъ послѣдній разъ, когда *Альбертъ* хотѣлъ прѣхать, чтобы жениться — и не прѣехалъ. — *Графиня*. Вы все противъ него! По мнѣ, такъ, право, хорошо, что эта свадьба не состоялась такъ скоро. Въ эти пять лѣтъ *Альбертъ*, вѣрно, остепенился. — *Ламбергъ*. Въ кругу парижскихъ кокетокъ. — *Графиня*. Полноте, мой любезный, *Эмилиа* услышитъ. — *Ламбергъ*. Она! Хотѣ бы и услышала, такъ не повѣритъ. Вы ее такъ хорошо намуштровали; просто, околдовали. (*Эмилиа* слушаетъ и знаками выражаетъ свое нетерпѣніе при словахъ *Ламберга*). — *Графиня*. Неужли жъ я должна была стараться, чтобы она не любила своего мужа, — потому-что *Альберта* можно уже считать ея мужемъ. — *Ламбергъ*. Знаю! это-то и дурно. Обручать дѣтей, женить ихъ, когда они другъ съ другомъ совсѣмъ не знакомы, когда и вы сами не знаете.... — *Графиня*. Полноте, любезный Ламбергъ, мы ужъ довольно объ этомъ спорили. Дѣвицъ дю-Розель можно выйти только за.... — *Ламбергъ*. Знаю, помню, слышала! (Насмѣшливо). Я вполне уважаю фа-

мильные обычаи. Она должна выйти за него, если бѣ даже.... (Бьютъ часы, *Ламбергъ* считаетъ). Одинъ!... два!... три!... четыре!... пять!... Пять часовъ! А онъ обѣщала прѣхать въ двѣнадцать! — *Графиня*. Эти часы впереди. — *Эмилиа*, (въ сторону). Не случилось ли съ нимъ чтѣ-нибудь! — *Ламбергъ*. Мнѣ чтѣ-то сдается, что мы слишкомъ рано убили ушатаннаго тельца и что нашъ блудный сынъ не торопится его отвѣдать. — *Графиня*. Увѣрю васъ, что онъ влюбится въ нее по уши! — *Ламбергъ*. Можетъ-быть, если только увидитъ. — *Графиня*. Какой вы несносный! (Съ важностію). Притомъ, браки-заранѣе написаны въ книгѣ судебъ. — *Ламбергъ*. А мнѣ кажется, что этотъ бракъ судьба вычеркнула. (Слышны радостные крики и выстрѣлы). — *Графиня*. Вотъ вамъ огвѣтъ! — *Эмилиа*, (отскакивая отъ окна). Видѣла!

Явленіе III. (Все это явленіе должно быть играно какъ можно скорѣе). *Графиня, Эмилиа, Генрихъ, Ламбергъ*. — *Генрихъ* (мужикамъ, которые толпою выходятъ за нимъ на сцену, крича во все горло: Да здравствуетъ Альбертъ дю-Розель!) Да я говорю вамъ, что вы ошибаетесь. Я совсѣмъ не.... — *Музики*, (еще громче). Да здравствуетъ Альбертъ дю-Розель! — *Генрихъ* (въ сторону). Ихъ не уймешь, не образумишь! — *Графиня*, (съ чувствомъ бросается въ объятія Генриха). Альбертъ! мой милый Альбертъ! — *Генрихъ*. Графиня!... (Въ сторону). И они туда же.... Я все позабыла, чтѣ хотѣла сказать имъ. (Взглянувъ на Эмилию). Она гораздо лучше, чѣмъ на портретѣ. — *Графиня* (подводя къ нему Эмилию). Поди сюда, моя милая, и позволяю Альберту поцѣловать свою невесту. (Генрихъ хочетъ поцѣловать руку Эмилию). Не такъ, не такъ.... Теперь вамъ можно.... — *Музики* (кричатъ во все горло). Да здравствуютъ женихъ съ невестой! — *Генрихъ*, (обнимая Эмилию, въ сторону). Кто же виноватъ! (Со вздохомъ). А придется растолковать имъ.... Ахъ, этотъ Альбертъ! — *Графиня*. (Въ сторону) какъ онъ хорошенькъ! Я бы его не узнала! — *Ламбергъ*, (въ сторону). Странно, онъ мнѣ нравится. (Генриху). Насъ съ вами никто не вздумаетъ познакомить, пришлось самому рекомендоваться.... Я старинный пріятель всѣхъ вашихъ родныхъ, и вашей невесты; буду и вашимъ, если толь-

ко вы сдѣлаете ее счастливою.... Дайте мнѣ пожать вашу руку. *Эмилія*, (тихо Ламберу). Благодарю васъ. — *Генрихъ*. Мнѣ очень жаль, что я долженъ вывести васъ изъ заблужденія.... Я недостоинъ.... — *Графиня*. Недостойнъ! Это что значитъ? Если ты говоришь о своихъ шалостяхъ, то я и слушать не хочу. Ты пріѣхалъ, и все прекрасно. — *Генрихъ*. Нѣтъ, сдѣлайте милость, выслушайте меня. Я не.... *Графиня*, (зажимая ему ротъ). Еще? Ни слова больше! — *Ламберъ*. Я васъ выслушаю. Если ужъ вамъ непременно хочется рассказать кому-нибудь свои шалости, такъ расскажите мнѣ. По-крайней-мѣрѣ я узнаю, за что не любилъ васъ. (Въ сторону). А теперь онъ, право, мнѣ чрезвычайно нравится: у него такое доброе, благородное лице! — *Генрихъ*. Такъ позволите же мнѣ поговорить съ вами. Я не могу допустить.... *Графиня*. — Послушай, это уже слишкомъ. Я запрещаю тебѣ говорить. — *Генрихъ*, (въ сторону, поглядывая на Эмилію). Ахъ, если бъ я зналъ, какъ моя роль будетъ трудна! — *Лакей*, (входя). Ваше сіятельство, въ залъ уже много гостей. — *Графиня*. Да, мы здѣсь затолковались, а о гостяхъ и забыли. Альбертъ, дай мнѣ руку; пойдѣмъ, я познакомлю тебя съ нашими сосѣдями. — *Генрихъ*. (Ламберу) мнѣ необходимо нужно поговорить съ вами теперь же. (Графиня). Позвольте.... выслушайте меня! (Графиня тащитъ его къ дверямъ; онъ старается удержать ее; между тѣмъ двери открываются, многіе дамы и мужчины съ шумомъ входятъ и окружаютъ графиню, Генриха и Ламбера). — *Генрихъ*. (Въ сторону). Боже мой! Что мнѣ дѣлать? — (Шумъ; всѣ здороваются, рекомендуются, поздравляютъ и уходятъ всѣ вмѣстѣ, за исключеніемъ одной Эмиліи).

Явленіе VI. *Эмилія*, и черезъ нѣсколько времени *Генрихъ*. — *Эмилія*, (помолчавъ нѣсколько времени). Право, теперь онъ мнѣ больше нравится.... съ-тѣхъ-поръ, какъ я его увидѣла. (Смѣясь). Потому-что, право, дѣтскія воспоминанія были совсѣмъ не привлекательны, и портитъ его немножко. Онъ былъ такой шалуунъ, крикунъ, пренесносный! — Я часто отъ него плакала! А теперь!... О, теперь, я увѣрена, онъ добръ и чувствителенъ и — онъ будетъ любить меня. Я это по глазамъ его вижу.

(Генрихъ входитъ такъ, что она его не видитъ, и часть этого явленія остается въ концѣ сцены).

Генрихъ, (не видя сначала Эмиліи). Въ этой толпѣ ничего невозможно объяснить, ни съ кѣмъ нельзя поговорить порядочно. Положеніе мое становится все затруднительнѣе.... (со вздохомъ) и опаснѣе! Ахъ, Эмилія! Какъ она хороша! Я непременно долженъ поговорить теперь. Нѣтъ, послѣ.... еще успѣю. Я такъ разстроенъ! — *Эмилія*, (не видя Генриха). Какое счастье, что я не вѣрила этому старику Ламберу! Мы съ тетенькой слушали только сердца, и любили его. Кто жъ изъ насъ благоразумнѣе? — *Генрихъ*, (въ сторону). Что это она говоритъ! — *Эмилія*. Какъ пріятно любить мужа заранѣе.... Какіе несносные эти гости! Не дадутъ намъ и поговорить съ нимъ! — *Генрихъ*, (въ сторону). О, какъ я счастливъ!... Ахъ, скорѣе несчастливъ! — *Эмилія*. Какъ все измѣняется, оживляется, когда любишь! — Этотъ старыи замокъ, эта старая гостинная, прежде были такіе мрачныя, а теперь все весело, все прекрасно. (Осматривается и видитъ Генриха). Ахъ, вы только вошли? — *Генрихъ*, (въ сторону). Еще нѣсколько минутъ блаженства, и потомъ... потомъ я соберусь съ силами, чтобы исполнить долгъ свой. — *Эмилія*. (Улыбаясь). Что это? Вы смотрите какъ какой-нибудь преступникъ. — *Генрихъ*. О, какое испытаніе! — *Эмилія*, (въ сторону). Что это съ нимъ? — *Генрихъ*, (въ сторону). А если она любитъ меня? Нѣтъ, нѣтъ, это было бы дурно съ моей стороны.... непростительно. — *Эмилія*. Отчего же вы ушли изъ гостиной? — *Генрихъ*. Оттого, что васъ тамъ не было. — *Эмилія*. Такъ что же вы не говорите ни слова! Неужели вамъ нечего сказать мнѣ, когда мы такъ давно съ вами не выданысь. — *Генрихъ*. Ахъ, дайте мнѣ бороться съ мыслями! — *Эмилія*. Нѣтъ, нѣтъ, cousin, извольте рассказать мнѣ все что у васъ на душѣ. — *Генрихъ*, (въ сторону). Я съ ума сойду! Надобно уфхать, пока во мнѣ есть еще хоть капля разсудка. (Въ слухъ). Эмилія! *Эмилія*, (улыбаясь). Что вамъ угодно, cousin Albert? — *Генрихъ*. Да, да; поговоримъ объ Альбертѣ.... объ его счастіи.... (Со вздохомъ). Я его слыхомъ хорошо чувствую! — *Эмилія*. Да помняайте, ради Бога, что это за вздохи? (Въ сторону). Рѣшительно

ничего не понимаю! — *Генрихъ*. А если бѣ это счастье неожиданное, это невыразимое блаженство..... Если бѣ я долженъ былъ отказаться отъ него?.... Если бѣ я былъ недостойнъ его?.... Если бѣ я обманулъ васъ?.... — *Эмилія* (въ сторону, съ уныніемъ). Такъ и есть! Онъ меня не любитъ! онъ не можетъ любить меня! онъ, вѣрно, любитъ другую!.... Ахъ, все кончено! — *Генрихъ*. Простите ли вы меня? пожалѣете ли вы меня? — *Эмилія*, (помолчавъ, подаетъ ему руку). Не печальтесь..... я все угадала. Ахъ, за чѣмъ же вы не сказали мнѣ прежде! Все равно. Я помогу вамъ. (Съ усиліемъ). Мы родня..... я исполню ваше желаніе..... я сама разстрою нашу свадьбу..... придумаю какой-нибудь предлогъ..... И тогда вы будете счастливы, а я..... (Заливаясь слезами). Не беспокойтесь — это скоро пройдетъ. — *Генрихъ*. О, нѣтъ! это слишкомъ!..... *Эмилія!* *Эмилія!* я люблю васъ..... никого на свѣтѣ не любилъ и не буду любить кромѣ васъ! — *Эмилія*. Вы не шутите? вы правду говорите? — *Генрихъ*. Скажите, что вы меня простите, скажите, что вы согласны быть моею..... не смотря ни на что. — *Эмилія*, (улыбаясь). Согласна. (Въ сторону). Давно бы такъ! а то какъ онъ меня напугалъ!

ЯВЛЕНІЕ V. *Тѣ же, графиня дю-Розель, Ламберъ, Альбертъ*. (Входятъ и вдругъ останавливаются). — *Генрихъ*, (въ сторону) Альбертъ! Боже мой! Онъ слишкомъ попался на мою разсудительность. — *Графиня*. Вы видите, что племянникъ мой здѣсь. Онъ и женихъ моей *Эмиліи*. — *Альбертъ*, (смѣясь). Я вижу, что я сдѣлалъ его своимъ квартирмейстеромъ, а онъ, плутъ, перешелъ въ другую должность. — *Графиня*. Однако жѣ прошу покорно объясниться: который же изъ васъ двухъ..... — *Ламберъ*. Тутъ, видно, дѣйствуетъ Азаисова система вознагражденій: мы пять лѣтъ ждали *monsieur* Альберта: теперь у насъ ихъ вдругъ двое. — (*Эмилія*, *Генрихъ* и *Альбертъ* съ живостію разговариваютъ между собою въ полголоса) — *Альбертъ* (въ слухъ). Нечего дѣлать, я уступаю ее тебѣ, похититель! Прошу послѣ этого полагаться на мудрецовъ! — *Графиня*. (*Генриху*). Такъ вы не племянникъ мой? (Въ сторону). А жаль: этотъ мнѣ больше того правится. — *Генрихъ*. Скажите слово, и я сдѣлаюсь вашимъ

племянникомъ! *Эмилія*, попросите за меня. — *Графиня*. Прежде всего, прошу покорно объяснить мнѣ..... — *Альбертъ*. Вотъ, тетушка, въ чемъ все дѣло. Я одинъ во всемъ виноватъ. Я сейчасъ вамъ расскажу. (Говоритъ съ нею въ полголоса; *Графиня* жестами выражаетъ удивленіе и негодованіе.) — *Альбертъ*, (въ слухъ.) Увѣряю васъ! честное слово! Хотя пошлите справиться въ трактирѣ. — *Графиня*. Фи! фи! фи! — *Альбертъ*. Вы видите, что онъ лучше меня годится въ мужа. (*Генриху*). Каково великодушіе! — *Генрихъ*, (*графинѣ*). Простите меня! Проступокъ мой великъ, (указывая на *Эмилію*); но взгляните на мое извиненіе! — *Альбертъ*. Да ужъ коли я его прощаю! А кажется, это дѣло всего больше касается до меня! Да, впрочемъ, надобно вѣдь быть справедливымъ. Онъ пріѣзжаетъ. Его принимаютъ за настоящаго жениха. Сначала робость, потомъ любовь не даютъ ему говорить. Голова у него кругомъ..... А искушеніе-то велико и..... Очень понятно! — Нечего дѣлать, тетушка, онъ самъ взялъ руку *Эмиліи*, такъ уже пусть она у него и останется..... Эй, влюбленные! патетическую сцену! На колѣни! *Эмилія*, *Генрихъ*, *Ламберъ*, падайте скорѣе!..... Тетушка, тетенька, миленькая тетенька!..... — *Эмилія* и *Генрихъ*. Тетушка! — *Графиня*. Ахъ, если бѣ только онъ былъ дю-Розель! — *Эмилія*, (тихо *графинѣ*). Тетенька, я люблю его. — *Графиня*, (смѣясь.) Ну, такъ видно нечего дѣлать, пришлось выйти тебѣ за него, когда Альбертъ не хочетъ на тебѣ жениться. — *Альбертъ*. Она однако жѣ очень мила! Жаль!..... Впередъ ни кому не стану давать довѣренностей. Прошу покорно! Этотъ *Генрихъ!*..... А еще смотритъ Катонъ!..... Кто бы это подумалъ!..... Впрочемъ, что жѣ мудренаго: случай хоть кого введетъ въ искушеніе.

ВЛІЯНІЕ ОСТРОТЪ НА ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ НАРОДОВЪ. Вы, вѣрно, хорошо знаете повѣишую исторію европейскихъ государствъ вообще и Франціи въ особенности, и, вѣрно, у васъ есть своя система объясненія событій, совершившихся въ этомъ государствѣ въ царствованіе Бурбоновъ, такъ же, какъ у меня моя система, у него свои собственная или чужая, да только не та, которая у насъ съ

вами, потому-что этихъ системъ десятки съ сотнями. Мы сообщимъ вамъ тысяча-первую. Это система, если угодно, парадоксальная, да зато замысловата. Да, откровенно говоря, что жъ и не парадоксъ въ историческихъ системахъ? Наблюдать событія мы можемъ, а приниались доискиваться пружинъ — такъ и пустились въ парадоксы. Какъ бы то ни было, а дѣло вотъ въ чемъ. Одинъ шутникъ утверждаетъ, что исторія Франціи съ 1814 по 1830 годъ объясняется очень просто. Тутъ не было, говоритъ онъ, ни тайныхъ причинъ, ни невидимой власти, ни мрачныхъ интригъ, а было нѣсколько болѣе или менѣе острыхъ изрѣченій, придуманныхъ ловкими людьми, которые пятнадцать лѣтъ сряду дѣлали Францію черезъ чуръ длиннымъ предметомъ своего, болѣе или менѣе, занимательнаго разговора. Это удовольствие приносило выгоды, а иногда подвергало и опасности, а потому изобрѣтатели изрѣченій произносили ихъ обыкновенно не сами. Впрочемъ, это правило не безъ исключеній, какъ и всѣ возможные правила. Такъ, напримеръ, когда предѣлатель военнаго суда, разсматривавшаго дѣло заговорщика *Малле*, спросилъ подсудимаго: — Кто ваши сообщники? тотъ отвѣчалъ: — *Вы сами* — если бы мнѣ удалось. И это, конечно, не выдуманно, потому-что слова *Малле* записаны въ протоколъ. Съ этого началось, а потомъ и пошло. Всякой хотѣлъ придумать какую-нибудь фразу, которая сдѣлалась бы известною. Самыя остроумныя приписывались обыкновенно Талейрану. Такъ напримеръ, кто-то выдумалъ и свалилъ на него слѣдующую шутку. Когда союзники, въ 1814 году, подступили къ Парижу и царствованіе Наполеона держалось уже на волоскѣ, императрица Марія Луиза отправилась въ Блоа; *Талейранъ* остался въ Парижѣ и его будто бы спросили: — Такъ вы не ѣздили въ Блоа? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я было поѣхалъ; но распорядился такъ, чтобы меня задержали на заставѣ. Этого онъ не говорилъ; не смотря на то, всѣ эгоисты, всѣ нерѣшительные, слѣдуя мнимому примѣру *Талейрана*, тотчасъ возвратились въ Парижъ, и эта фраза много способствовала перемѣнѣ расположенія умовъ и обращенію ихъ въ пользу Бурбоновъ; даже люди, облагодѣтельствованные Наполеономъ, покидали его; неблагодарность

вошла въ моду. Чтобы бродячія идеи установились, оставалось только придумать фразу, которая бы сдѣлала Наполеона ненавистнымъ или смѣшнымъ. За этимъ дѣло не стало. Тридцать перваго Марта 1814 года въ домѣ *Талейрана* производились переговоры; а между тѣмъ народъ, собравшись толпами подъ окнами, ждалъ рѣшенія своей участи и — фразы. Толпу потѣшили. Кто-то поддерживая дѣло Наполеона, утверждалъ, что онъ еще можетъ разбить союзниковъ. — «Ба! вскричалъ одинъ аббать-политикъ, императорское правительство просто трусъ; только еще не пахнетъ.» Цинизмъ этихъ словъ испугалъ самого Талейрана: они набрасывали тѣнь и на Бурбоновъ, давая почувствовать будто они ждутъ паденія Наполеона, какъ ворошь крови. Талейранъ это тотчасъ почувствовалъ и когда маршалъ Макдональдъ продолжалъ говорить въ пользу императора, хитрый дипломатъ отвѣчалъ ему фразою, исполненной безсмыслицы и вмѣстѣ величія. — «Лудовикъ XVIII политическое начало (*un principe*) сказалъ онъ; то что вы защищаете — просто, интрига.»

Къ вѣчной славѣ антитеза эта фраза придала возстановленію Бурбоновъ какой-то особый свѣтъ. Наполеонъ былъ поруганъ, Лудовикъ XVIII превознесенъ. Съ-тѣхъ-поръ все вертлось около этой фразы, безтолковой, но звонкой. Между тѣмъ графъ д'Артоа (въ послѣдствіи Карлъ X) съѣзъ на коня, чтобы въѣхать въ Парижъ чрезъ заставу Сень-Дени. — Нельзя же ему въѣхать просто, замѣтилъ *Талейранъ*: надобно что-нибудь сказать. — Да онъ врядъ-ли что придумаетъ, отвѣчалъ кто то. — «Тѣмъ больше будетъ энтузіазма, если онъ скажетъ, что-нибудь остроумное. Ну-ка, *Бёньо*, придумайте что-нибудь.» — «Что съ вами, господа?» вскричалъ *Бёньо*, какъ-бы обращаясь къ собравшемуся народу, «во Франціи ничто не измѣнилось; только однимъ Французомъ стало больше.» — *Талейранъ* бросился къ нему на шею, тотчасъ отпривилъ Г. *Монтерона* верхомъ и часа черезъ два графъ д'Артоа сказалъ эту фразу членамъ парижскаго муниципалитета, которые встрѣтили его у заставы. Эта фраза принесла счастье Бурбонамъ и дасть господину *Бёньо* право на почетное мѣсто въ исторіи.

Во Франціи ни одинъ политическій переворотъ не можетъ

совершиться безъ остротъ. Возстановленіе династіи было упрочено; оставалось учредить представительное правленіе, которое она, какъ предполагали, привезла съ собою изъ эмиграціи и которое было мечтою всей жизни Талейрана. Надежда его, — такъ по-крайней-мѣрѣ онъ утвѣрялъ, чтобы не сознаться въ своей неудачѣ, — была низпровергнута фразою. «А чтожь англійская конституція? спрашивали со всѣхъ сторонъ Талейрана. На чемъ дѣло остановилось?» — Знаете ли что король отвѣчалъ мнѣ? говорилъ Талейранъ: «Если-бъ я ее принялъ, вы бы сидѣли, а я бы стоялъ.» Событія показали, что Талейранъ сдѣлалъ учетъ будущаго — что всегда позволительно людямъ дальновиднымъ. Вскорѣ послѣ того, въ Сентъ-Уанъ, гдѣ Лудовикъ XVIII издалъ свою знаменитую прокламацію, происходила сцена любопытная. Фраза господина *Бёно* имѣла успѣхъ неслыханный; Лудовику XVIII нужно было тоже какое-нибудь замѣчательное изрѣченіе, чтобы не подумали, будто онъ не такъ уменъ, какъ братъ его. Тутъ было много умныхъ людей: *Бёно*, Талейранъ, аббатъ Луи, Монтескью, Пакле, не считая самого короля, который слылъ человекомъ чрезвычайно остроумнымъ. Всѣ думали, размышляли, потирали себѣ лобъ, — никто ничего не могъ придумать. Между тѣмъ лошади были давно заложены и королю пора вѣхать въ Парижъ. Лудовикъ XVIII грозно смотрѣлъ на своихъ совѣтниковъ, которые какъ бы по какому чуду превратились въ солянныя статуи, какъ Лотова жена. Ничто не помогало. Наконецъ одинъ придворный лакей, котораго имени исторія, къ несчастію его, не сохранила, выпуталъ всѣхъ этихъ остряковъ изъ бѣды. Онъ спросилъ дежурнаго офицера, который спросилъ у полковника, который спросилъ у камергера, который наконецъ, спросилъ у Лудовика XVIII: «Что дѣлать съ старой гвардіей?» — Какъ, что дѣлать, сказалъ король, немножко удивленный этимъ вопросомъ: она пойдетъ за моею коляской. — Эти слова поразили самаго Лудовика XVIII; онъ тотчасъ пошелъ къ крыльцу и придворные, въ радости, бросились за нимъ. Наполеоновская старая гвардія за коляской Лудовика XVIII! Фраза безмолвная, но краснорѣчивая!

Первое царствованіе Лудовика XVIII, уже потрясенное

фразою на счетъ англійской конституціи, коварно приписанною ему *Талейраномъ*, было еще болѣе поколеблено другою фразою, вложенною въ уста самаго пламеннаго роялиста изъ всѣхъ тогдашнихъ министровъ — господина де Монтескью. Когда вольтижеры прежняго правленія надвѣвали уже столько дурачествъ, что возвращеніе Наполеона сдѣлалось возможнымъ, господинъ де-Монтескью будто бы сказалъ: «Государь, Французы терпятъ королевскихъ любимцевъ; любимцевъ никогда.»

Эта фраза сдѣлалась набатомъ высшей политики; но прекраснѣйшая фраза того времени была сказана человекомъ безвѣстнымъ, председателемъ королевскаго суда сенскаго департамента. То было 19 марта. Наполеонъ шелъ форсированными маршами на Парижъ. Лудовикъ XVIII намѣревался выѣхать изъ Тюильри двадцатаго числа въ шесть часовъ по-полудни. Въ это время въ королевскомъ судѣ производилось дѣло нѣкоторыхъ журналистовъ, обвиненныхъ удаляющимся правительствомъ въ томъ, что они призывали правительство приближающееся. Президентъ, находясь между Сицлой и Харибдой или, какъ говорятъ Французы, между молотомъ и наковальнею, между преданностію слишкомъ бесполезною и измѣной преждевременною, по выслушаніи дѣла съ важностію возгласилъ: «Приговоръ будетъ произнесенъ черезъ два недѣли!»

Выходя на берегъ, Наполеонъ сказалъ жителямъ нижне-альпійскаго департамента, которые толпились вокругъ него: «Граждане»... и замолчалъ. То была самая короткая, но зато и самая остремная изъ его рѣчей. Известно, что такъ называли другъ друга Французы во время республики, а онъ былъ не слишкомъ расположенъ къ ней. Впрочемъ въ своемъ *acte additionnel*, прокламаціи о томъ, что образъ правленія введенный Лудовикомъ XVIII будетъ существовать въ своей силѣ, Наполеонъ показалъ, что онъ принимаетъ это слово не въ обыкновенномъ значеніи и произнесъ его только на первый случай, чтобы потѣшить толпу революціонеровъ. Вскорѣ потомъ, сидя за столомъ съ графиней D^{***}, которой мужъ былъ директоромъ государственныхъ имуществъ, Наполеонъ спросилъ: «Конфисковалъ ли графъ имѣніе князя

Талейрана. — Это не къ свѣху, — отвѣчала она. Видно, остроумная графиня, не хуже самого *Талейрана* владѣла даромъ предвидѣнія. Впрочемъ, положеніе Наполеона было, очевидно, непрочное: даже люди недовольные правленіемъ *Людвика XVIII* и вообще возвращеніемъ Бурбоновъ, не рѣшались явно пристать къ нему. Притомъ надъ партією бонапартистовъ тяготѣла одна изъ тѣхъ фразъ, которыя строили судьбы Франціи. Когда въ Парижъ получена была вѣсть о томъ, что Наполеонъ вышелъ на берегъ въ *Жуанскомъ Заливѣ*, роялистскіе волонтеры собрались на дворъ библіотеки и образовали изъ себя отрядъ, котораго командиромъ избранъ былъ господинъ *Деказъ*, совѣтникъ апелляціоннаго суда. Подвиги этого отряда ограничились острою его предводителя; но эта острота съ восторгомъ повторялась въ *Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи* и надѣлала Наполеону больше вреда, чѣмъ всѣ усилія его противниковъ. Говоря о триумфальномъ шествіи Наполеона на Парижъ, господинъ *Деказъ* сказалъ: «Я не зналъ, что законность династіи пріобрѣтается проворствомъ.»

Въ продолженіе «сто-дневнаго правленія» и въ первое время послѣ вторичнаго возвращенія *Людвика XVIII* въ Парижъ, стрельба остроуми пріутихла. Эпиграмма подняла голову тогда уже, когда рушилось министерство *Талейрана*. Старый дипломатъ хотѣлъ выйти въ отставку потому что былъ не согласенъ съ *Людвикомъ XVIII* на счетъ некоторыхъ мѣръ: — «Весьма справедливо, сказалъ король, въ Англіи всегда такъ дѣлается.»

Извѣстно, что *Людвикъ XVIII* былъ хорошій латинистъ и любилъ приводить въ разговорахъ латинскіе стихи, особенно изъ *Горачія*. Господинъ *Бѣньо*, человекъ чрезвычайно ловкій, выучилъ наизусть всего *Горачія*, чтобы, разговаривая съ королемъ, угождать ему цитатами, которыя онъ всегда умѣлъ привести къстати. Въ этомъ заключалась тайна вседневной милости къ нему *Людвика XVIII*. Когда умные люди, управлявшіе въ то время дѣлами, замѣтили, что ультра-роялисты вредны королевскому правленію, они стали искать средства какъ бы ниспровергнуть эту партію. Представителемъ ея въ первомъ министерствѣ *Ришельё* былъ господинъ *де-Вобланъ*, старинный дворянинъ, вполне преданный своему

государю, но не умѣвшій поладить съ новыми идеями. Удалить его отъ дѣлъ было нелегко; однако жъ господинъ *Бѣньо* нашелъ возможность подавить его нѣсколькими словами, неотразимыми, какъ труба, сорванная вѣтромъ съ крыши и падающая на голову прохожаго, и эти слова сказалъ онъ не самъ, а заставилъ сказать *Людвика XVIII*. Однажды, когда король съ заботливостію разсуждалъ объ ошибкахъ, въ которыя вовлекаетъ правительство излишнее рвеніе его приверженцевъ, господинъ *Бѣньо* свелъ разговоръ на литературу, такъ, что король сказалъ: «Вообразите, когда я привожу *Воблану* какіе-нибудь стихи изъ *Горачія*, онъ, въ отвѣтъ мнѣ, толкуетъ о необходимости подвергнуть журналы ценсурѣ и учредить строгій надзоръ за трактирами.» — Немудрено, ваше величество, отвѣчалъ *Бѣньо*: господинъ *Вобланъ* не знаетъ по-латыни. — При этомъ отвѣтъ *Людвикъ XVIII* сдѣлался мраченъ. Въ тотъ же вечеръ, въ семейномъ собраніи при дворѣ разговаривали о министерскомъ кризисѣ. Графъ *д'Артуа*, герцогъ и герцогиня *Ангулемскіе*, утверждали, что непременно надобно поддержать *Воблана*, къ которому палата депутатовъ была не расположена. Но *Вобланъ* былъ уже убитъ въ умъ короля, и когда члены королевской фамиліи уходили, *Людвикъ* окончилъ совѣщаніе, сказавъ со вздохомъ: «Онъ даже не знаетъ по-латыни!»

На другой день эти слова разнеслись при дворѣ и по всему городу; *Вобланъ* не устоялъ, и министерство *Ришельё* было преобразовано.

Острота, сказанная господиномъ *Деказомъ* двадцатаго Марта, доставила ему мѣсто министра полиціи, и король все болѣе и болѣе любилъ его. Но надобно было удалить отъ двора новаго любимца *Амедея Пасторѣ*, который былъ тогда еще очень молодъ и котораго отецъ старался вывести при дворѣ. Надобно было подавить его, какъ *Воблана*, нѣсколькими словами. Ложные друзья, знакомые съ застольными обычаями *Людвика XVIII*, viuшили *Амедею Пасторѣ* честолюбивое желаніе обѣдать за королевскимъ столомъ, желаніе, пагубное для молодаго человека съ плохимъ желудкомъ. Вышло точно такъ, какъ хитрецы предвидѣли. Послѣ первыхъ блюдъ, король послалъ новому гостю рюмку мадеры. Разсматривая великолѣпное убранство стола, *Амедей Па-*

сторѣ не замѣтилъ, что отецъ показываетъ ему знаками, чтобы онъ не отказывался, и молодой человекъ на бѣду свою сказалъ: «Покорнѣйше благодарю, ваше величество, я не пью мадеры.» — Я не спрашиваю васъ, пьете-ли вы мадеру, отвѣчалъ Лудовикъ съ строгимъ видомъ, а посылаю вамъ рюмку.

— Какой отвѣтъ и какая мадера! говорилъ на другой день *Талейранъ*.

Амедей Пасторѣ приобрѣлъ въ послѣдствіи репутацію человека во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго; но при дворѣ уже не возставалъ отъ перваго своего паденія.

Молодой министръ, господинъ *Деказъ*, былъ въ большой милости у короля и кромѣ знаменитаго своего восклицанія двадцатаго Марта, приобрѣлъ его благорасположеніе единственно тѣмъ, что приписывалъ королю все остроты, сказанныя или даже несказанныя въ Парижѣ. Вообще Лудовику XVIII надобно отдать справедливость, что большая часть остротъ его ему не принадлежатъ. Такимъ-образомъ вся политика *Деказа* состояла въ томъ, что онъ приписывалъ королю во сто разъ больше ума, чѣмъ сколько тотъ самъ въ себя предполагалъ. Не рѣдко случалось, что при малыхъ выходахъ придворные говорили Лудовику XVIII о какой-нибудь его эниграммѣ, которую на канунъ восхищались весь городъ и которая ему и въ голову не приходила. — «Кто жъ это вамъ сказалъ?» спрашивалъ король. — Господинъ *Деказъ*: ваше величество, при немъ изволили это сказать. — Лудовикъ всегда потомъ вспоминалъ, что онъ дѣйствительно это говорилъ, а расположеніе его къ ловкому министру все болѣе и болѣе усиливалось. Зато *Деказъ* не признавалъ своею ни одной остроты, исключая той, которую сказалъ двадцатаго Марта.

Господинъ *де-Корбьеръ* былъ самый живописный изъ членовъ министерства, которое образовалось въ 1821 году послѣ несчастной кончины герцога Беррійскаго. Журнализмъ былъ въ то время единственною силою оппозиціи. Чтобы издѣлать ненавистнымъ министра, который самъ занимался литературою, ему приписали жестокою фразою на счетъ литературы: — «Что нужно литератору? будто бы сказалъ *Корбьеръ*: чердакъ и пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ!» Можно вообразить себѣ какой эффектъ произвела подобная фраза между

пишущей братіей. Вся она возстала противъ министерства и правительства Бурбоновъ вообще, и чтобы непріязнь превратить въ дѣятельную вражду недоставало только фразы, которая бы характеризовала явное насиліе и матеріальное сопротивление. Этой фразой либералы обязаны ультра-роялисту, президенту палаты депутатовъ, *Равезу*. Вы знаете исторію *Манюэля*. Этотъ депутатъ возбудилъ до такой степени негодованіе большинства палаты своими необузданными рѣчами, что многіе роялистскіе депутаты хотѣли стащить его съ кафедръ; само собою-разумется, что онъ противился; тогда президентъ вскричалъ: «Жандармы, возьмите его!» *Манюэль* былъ выведенъ изъ палаты и исключенъ изъ числа депутатовъ. Съ-тѣхъ-поръ между правительствомъ и оппозиціей началась борьба на смерть, которая кончилась событіями 1830 года.

Катастрофа приближалась. Однажды, въ началѣ 1830 года, *Талейранъ*, который давно уже не бывалъ при дворѣ, вдругъ явился къ большому выходу. Это появленіе было многозначительно: старый камергеръ походилъ на хищныхъ птицъ, которыя чуютъ трущ, когда человекъ еще живъ. Такъ объясняли его поступокъ люди проникательные. Какой-то придворный, кривой, спросилъ хитраго дипломата: «Каково идутъ дѣла?» — Да какъ вы видите, отвѣчалъ *Талейранъ*.

Заключимъ эту переченьъ изрѣченіемъ, которое принадлежитъ господину, нынѣшнему графу, *Сальванди*. На придворномъ балѣ, незадолго до іюльскаго переворота, онъ сказалъ: «Мы танцуемъ на вулканѣ». И черезъ нѣсколько дней вулканъ разразился.

РАЗНЫЯ СРЕДСТВА ПРИСВОИВАТЬ СЕБѢ ЧУЖОЕ ДОВОРО. Вы, вѣроятно, знаете, что въ Парижѣ издають — въ родѣ «Картинокъ русскихъ нравовъ» — книжки подъ заглавіемъ *Physiologies*, изъ которыхъ въ каждой излагается текстомъ и картинками физиологія, или говоря по нынѣшнему, (только не по-русски) типъ какого-нибудь класса или подраздѣленія общества. Въ этомъ собраніи есть между прочимъ физиологія *des fleurs*.... Какъ бы вамъ это перевести?... Сколько мы ни думаемъ, а нечего дѣлать, на-

добно перевести неприличнымъ словомъ: *надувалы*. Въ этой книжкѣ авторъ-издатель *physiologies*, живописецъ-писатель *Филиповъ*, рассказываетъ слѣдующія средства надувать людей (извините.)

Госпожа *Деброссъ* рѣшилась сойти съ театра Комической Оперы, на которомъ она долго играла. Ей назначили послѣдній бенефисъ; день бенефиса уже наступалъ, а она еще не являлась съ обыкновеннымъ приношеніемъ къ одному извѣстному журналисту. (Знакомые съ французской журналистикой легко догадаются, что здѣсь идетъ рѣчь о Шарль Морисъ, издатель *Courrier des Théâtres*). — «Странно! говорилъ онъ, *Деброссъ* еще не призвала. Отдываю же я ее завтра». И онъ написалъ на всякой случай:

— Госпожа *Деброссъ* сходитъ съ театра..... О счастье!

— Сегодня, на театрѣ Комической Оперы, бенефисъ госпожи *Деброссъ*..... Духота и давка!

Этотъ слогъ васъ удивляетъ. Между-тѣмъ вотъ тѣ остроты и шутки, посредствомъ которыхъ журналистъ владычествовалъ въ парижскомъ театральномъ мѣрѣ. Какъ не вспомнить объ одномъ знаменитомъ разбойникѣ, который грабилъ дилжансы, не смотря на то, что у него вмѣсто всякаго оружія было только деревянное ружье, а сообщниками куклы, разставленныя въ приличныхъ мѣстахъ.

Журналистъ остановился на *духотѣ и давкѣ*, какъ ему принесли отъ госпожи *Деброссъ* запечатанную корзину. Онъ положилъ перо. — «Аннушка! открой корзину», закричалъ онъ своей служанкѣ. Корзинка была открыта; въ ней лежали..... яйца! — «Яйца! вскричалъ журналистъ; а, *Деброссъ*, ты подсмѣиваешься надо мной, потому-что сходишь съ театра!.... Постой же!» И онъ принялся писать:

— Старуха *Деброссъ*, эта несносная пѣвица.....

«Баринъ! баринъ! закричала служанка, подъ ними прекрасный серебряный сервизикъ, чтобы подавать ихъ. — «Я такъ и думалъ: она же, вѣдь, не съ ума сошла. Надобно ей услужить». И онъ написалъ:

— Госпожа *Деброссъ*, эта восхитительная актриса, молодая, прекрасная, обожаемая публикою, сходитъ съ театра..... Отчаяніе!

— Сегодня на театрѣ Комической Оперы будетъ бенефисъ госпожи *Деброссъ*..... Тѣма народа.

Тотъ же критикъ получалъ отъ знаменитаго *Нурри* двѣ тысячи франковъ ежегоднаго вспоможенія, потому-что и самъ *Нурри* не посмѣлъ избавиться отъ этого постыднаго налога. *Дюпре*, заступивъ его мѣсто, полагалъ, что и ему надобно нести тѣ же тягости. Не зная онъ сколько платилъ его предѣстникъ, или это ему показалось много, только онъ, посѣтивъ журналиста, принесъ ему тысячу франковъ. *Дюпре* положилъ эти деньги на уголъ каминна подвѣсчикъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда деньги нельзя ни дать ни принять безъ стыда. Критикъ подошелъ къ камину, преспокойно поднялъ подвѣсчикъ и, увидѣвъ, что тамъ только одинъ тысячефранковый билетъ, сказалъ артисту: «Я не могу взять тысячу франковъ; это было бы мнѣ накладно». — И мнѣ также, отвѣчалъ *Дюпре*, положивъ деньги въ карманъ.

— Герцогъ д'А*** обѣщала доставить одной компаніи банкировъ привилегію на учрежденіе новаго театра, а компанія, въ случаѣ успѣха, обѣщала ему за это триста-тысячъ франковъ. Привилегія была выдана и банкиры принесли герцогу триста тысячъ франковъ, только не банковыми билетами, а его собственными векселями, которые они скупили по тридцати за сто. — Герцогъ д'А*** (извините) надулъ правительство; — банкиры (*pardon*) надули герцога д'А***.

— Одинъ извѣстный литераторъ продалъ книгопродавцу свою рукопись и тотъ, производя уплату, хотѣлъ удержать сумму, которую литераторъ былъ ему долженъ. — Вы шутите, мой любезный, вскричалъ авторъ: мнѣ нужна та сумма, которую вы мнѣ должны, а не та, которую я вамъ долженъ. При томъ вы тутъ ничего ни теряете: я вамъ всё таки буду долженъ.

ДОСАДНАЯ ОШИБКА ЖОРЖА САНДА. Недавно, графъ К***, молодому чловѣку съ большимъ талантомъ, вздумалось напечатать стихи свои въ *Revue indépendante*, котораго главною редакторшей Жоржъ Сандъ. (Надобно знать, что этотъ журналъ доходитъ до крайней степени демократизма). Графъ сообщилъ ей объ этомъ желаніи черезъ одного общаго знакомаго. Жоржъ Сандъ объявила, что графъ не можетъ быть по-

рядочнымъ поэтомъ, и что она стиховъ его не только печатать, да и читать не станеть.

Узнавъ объ этомъ, графъ К*** послалъ челоуька на рынокъ купить самую старую блузу и самое гадкое исподнее платье, какія только найдеть. Тотъ исполнилъ это порученіе добросовѣстно и принесть самый отвратительный костюмъ, какой только можно вообразить. Графъ К*** одѣлся въ это платье, велѣлъ запачкать сапоги свои грязью, вымылъ руки въ ваксъ и вечеромъ отправился къ Жоржу Санду.

— Гражданка, сказалъ онъ, вынимая изо рта сигару, я Жерве Патаръ, кузнецъ и поэтъ.— «Я люблю ремесленниковъ, отвѣчала она, дай руку Жерве Патаръ — прочесть вамъ мои стихи? — Прочти.

Жерве прочелъ. Жоржъ Сандъ выслушала съ восторгомъ. — Пусть-ка какой-нибудь аристократъ напишетъ такіе стихи! вскричала она, набивая Жерве Патару большую трубку.

Стихи были напечатаны. На другой день она получила визитный билетъ и записку. Билетъ былъ отъ графа К***; записка тоже. Онъ благодарилъ за помѣщеніе стиховъ своихъ.

Ужасъ какъ было досадно Жоржу Санду!

ПОЛЪЗА ВОДЪ. Теперь какъ больные и здоровые ѣдутъ на воды, мы надѣемся угодить вамъ, сообщивъ анекдотъ, рассказываемый *Альфонсомъ Карромъ*. Актеръ *Перле* былъ очень скученъ и чувствовалъ себя нездоровымъ. Ему посоветовали ѣхать на воды. Онъ явился къ доктору и спросилъ его:— «Скажите мнѣ откровенно: могу ли я пополнить хоть немножко отъ купанья въ минеральной водѣ?»— «О, конечно; купайтесь, и вы непременно потолстѣете.

Перле купался, купался, и не потолстѣлъ. Онъ сталъ жаловаться доктору.— «Да какъ же вы хотите вдругъ потолстѣть! На все надобно время. Купайтесь, и потолстѣете.

Однажды *Перле*, сидя въ ванной, слышитъ за перегородкой разговоръ и узнаетъ голосъ доктора.— «Конечно, непременно,» говорилъ докторъ.— «Да сколько я ни купаюсь, а все не худѣю, возразилъ кто-то другой: кажется даже, что я потолстѣлъ съ-тѣхъ-поръ какъ здѣсь живу.— «Да какъ же вы хотите вдругъ похудѣть, отвѣчалъ докторъ: На все надобно время. Купайтесь, и похудѣете.

Перле въ испугъ всталъ и посмотрѣлъ на себя: ему показалось, что онъ еще похудѣлъ. Онъ выскочилъ изъ ванны и въ тотъ же день ухалъ съ водъ.

ВИКТОРЪ ГЮГО СЪ УМА СОПЕЛЪ. Недавно въ Париже разнесся слухъ, что *Викторъ Гюго* помѣшался. Это уже не первое изданіе глупой шутки.

Послѣ перваго представленія «*Луcreція Борджія*» пріятели автора пришли поздравить его съ успѣхомъ. Въ числѣ посетителей былъ одинъ молодой челоуькъ, сынъ типографщика, работавшій въ отповской типографіи. Этотъ типографщикъ, теперь уже покойникъ, печаталъ журналъ: «*Телеграфъ департаментовъ*», теперь тоже уже усоншій.

Пробывъ у *Виктора Гюго* съ часъ, молодой челоуькъ пошелъ въ типографію, чтобы набирать журналъ. Онъ принялся за работу и вдругъ, къ величайшему своему изумленію, находитъ слѣдующее извѣстіе въ рукописи, доставшейся на его долю.

«*Викторъ Гюго* помѣшался, и, къ несчастію, помѣшательство его есть бѣшенство (*mania furiosa*). Родственники принуждены были отвезти его въ Шарантонъ.»

Наборщикъ остановился, не набравъ этой фразы и просилъ фактора сказать ему, когда главный редакторъ пріѣдетъ читать корректуру.

Редакторъ пріѣхалъ, наборщикъ пошелъ къ нему и сказалъ, что онъ не набиралъ этой фразы потому-что извѣстіе несправедливо, что онъ сейчасъ только отъ *Виктора Гюго* и прочее, и прочее. Редакторъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ подавалъ свои совѣты только тогда, когда его о томъ просятъ, занимался бы своимъ дѣломъ, а въ чужія не мѣшался. Однако жъ молодой челоуькъ всё-таки не рѣшился набирать этой фразы и представилъ казусъ на разсмотрѣніе отца. Тотъ съ важностію возразилъ, что это не его дѣло, что если бъ ему повѣрять все что печатають въ журналахъ, то въ нихъ часто оставались бы только заглавіе и подпись редактора.

На другой день это извѣстіе явилось въ журналъ и перешло оттуда во все департаментскія газеты.

Если вамъ скажутъ: — «Сосѣдъ сапожникъ побилъ жену,» вы спросите: «Полно правда-ли?» А скажи вамъ, что такой-то

знаменитый писатель сбѣсился и укусилъ трехъ человекъ, вы скажете: «Вообразите, такой-то сбѣсился и перекусалъ множество народу.» Завистникамъ такъ пріятно унижить хоть чѣмъ-нибудь человека, который выше ихъ по своему таланту, что они никогда не вдумаются спросить правда ли то, что о немъ рассказываютъ.

НАРЯДЪ КОРОЛЕВЫ. Вы знаете, что принцъ Жоанвилскій, третій сынъ короля Французовъ, служить во флотъ и всякій годъ совершаетъ какой-нибудь дальній вояжъ. Третьяго года онъ былъ на Островъ Св. Елены, прошлымъ лѣтомъ въ Австралію, а нынче отправляется въ Китай. Когда онъ воротился изъ какого-то путешествія, сестра его, принцесса Клементина стала пѣнять ему, что онъ не привезъ ей какого-нибудь женскаго костюма изъ тѣхъ странъ, гдѣ былъ. — «Мнѣ бы очень хотѣлось примѣрять костюмъ какой-нибудь дикарки». — Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ принцъ, потому что я купилъ нарочно для тебя *полный нарядъ* одной дикой королевы, которая ростомъ почти съ тебя. — «Ахъ, принесен же мнѣ его». — Хорошо; завтра.

На другой день принцъ приходитъ и говорить: — Я не забвѣлъ своего обѣщанія: принесъ тебѣ что обѣщалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана чрезвычайно странное ожерелье изъ какихъ-то красныхъ зеренъ, перемѣшанныхъ съ голубыми бусами. Ожерелье, не смотря на свою простоту, понравилось принцессѣ; она посмотрѣла его, примѣрляла на себя, положила на столъ и ждала остальнаго. Но принцъ преспокойно разсматривала какую-то картину. — «Что жъ ты задумался, братецъ? сказала она. — А что? — «Да вѣдь я все жду». — Чего? — «Костюма, который ты мнѣ обѣщала». — Да развѣ я тебѣ не отдала? — Ты мнѣ дала ожерелье. — Чего жъ тебѣ еще? — «Давай же остальное». — Больше ничего нѣтъ. — «Какъ же это?» — Это ожерелье составляло весь костюмъ королевы; кромѣ того на ней ничего и не было.

КРОВЯНОЙ ДОЖДЬ. — Природа изливаетъ на землю не одну только воду. Въ послѣднее десятилѣтіе падали съ неба камни, рыбы, лягушки, пепель, и журналы такъ часто извѣщали о каменныхъ, рыбныхъ, лягушечныхъ и не-

пельныхъ дождяхъ, что теперь почти никто уже не сомнѣвается въ подлинности этихъ метеорологическихъ явленій, хотя никто не можетъ объяснить ихъ. Въ нынѣшнемъ году на Америку начала капать съ неба и кровь. О такомъ дождѣ еще и не слыхивали! Вотъ подлинныя слова американскаго журнала.

«Профессоръ Трустъ (Troost) изъ Нашвилля (Nashville) извѣстилъ, что семнадцатаго Августа, во второмъ часу пополудни, негры принадлежащіе господину Чандлеру въ Лебаконѣ, работалъ на полѣ, засѣянномъ табакомъ, были свидѣтелями кроваваго дождя. Капли дождя были краснаго цвѣта, и облако, изъ котораго онѣ падали, было также красно. По свидѣтельству нѣкоторыхъ особъ, которыя послѣ того посѣтили это поле, кромѣ кровавыхъ капель, выпали также частицы кожи и жира, и нѣкоторыя изъ этихъ веществъ были въ полдюйма длиною; всѣ они издавали весьма непріятный запахъ. Этотъ кровавой дождь покрылъ собою пространство отъ сорока до шестидесяти ярдовъ ширины, и отъ шести до осьми-сотъ длины. Одни капельки, казалось, были чисто кровавыя, другія же содержали въ себѣ кромѣ крови еще мускульныя фибры. Господинъ Трустъ, который самъ также посѣтилъ это мѣсто, полагалъ, что эти частицы, хотя и принадлежатъ къ веществамъ животнымъ, однако же не состоятъ нисколько изъ крови. Размачивая ихъ въ водѣ, онъ ясно замѣтилъ въ нихъ мускульныя фибры темнокрасноватаго цвѣта: Эти фибры по длинѣ своей легко могли отдѣлаться одинъ отъ другаго. Тѣ же дождевыя частицы, которыя почитали чистою кровью, были темнаго цвѣта и походили на клей. Запахъ отъ нихъ былъ такой же, какъ отъ гніющихъ животныхъ веществъ. Оба рода частичекъ, именно частицы состоящія изъ мускульныхъ фибръ, и частицы, считаемыя за кровь, бывъ нагрѣваемы въ стеклянной трубкѣ, показали такія же измѣненія, какія происходятъ при этомъ съ кускомъ мяса, то есть, сперва произошло движеніе во всей массѣ, потомъ отдѣлилась темная жидкость, а остатокъ состоялъ изъ чернаго животнаго угля.»

Этотъ феноменъ наблюдалъ, какъ видите, ученый профессоръ. Описание его сообщено свѣту ученымъ журналомъ

Силлимена «Americans Journal», и оттуда заимствовала его редакція журнала L'Institut.

Неслыханное явленіе уже заняло вѣроятнo головы многихъ метеорологовъ, которые, каждый на основаніи собственной теоріи, готовились объяснить кровавый феноменъ, какъ вдругъ графъ Кастельно, корреспондентъ газеты National, извѣщаетъ, что все это — мистификація: негры господина Чандлера убили нарочно хозяйскую свинью и обрызгали ея кровью листья нѣсколькихъ деревьевъ и часть небольшихъ полянъ, чтобъ посмѣяться надъ легковѣріемъ бѣлыхъ своихъ хозяевъ.

Впрочемъ бѣлые метеорологи не вѣрятъ еще такой красивой шуткѣ черныхъ людей и ожидаютъ новыхъ поясненій изъ Америки.

БЕРЛИНСКІЙ АРХИВЪ УЧЕНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ КАСАТЕЛЬНО РОССИИ, И ЕГО ОТЗЫВЪ О XVII ТОМѢ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО ЛЕКСИКОНА. — Читателямъ нашимъ известно, что подъ заглавіемъ: *Архивъ ученыхъ извѣстій о Россіи*, издается въ Берлинѣ, подъ покровительствомъ нашего министерства финансовъ, ученый журналъ, исключительно посвященный Россіи. Редакторомъ его извѣстный профессоръ Адольфъ Эрманъ, совершившій ученое путешествіе по Россіи, — тотъ самый, къ кому адресовано остроумное письмо Марлинскаго, главные сотрудники: господа Шоттъ и Фарнгагенъ фонъ-Энзе. Нѣтъ сомнѣнія, что при распространеніи круга редакціи, съ пріобрѣтеніемъ короче знакомыхъ съ Россіей и русскимъ языкомъ сотрудниковъ, и съ большими средствами, Архивъ этотъ будетъ со-временемъ для иностранцевъ драгоценнымъ запасомъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ. Господа Эрманъ и Шоттъ, конечно, знаютъ по-русски: по первый изъ нихъ занимается только физико-математическими, а второй историко-филологическими науками; при томъ, какъ профессора и академики, они и не могутъ посвящать всего своего времени изученію русской литературы. Имъ необходимо имѣть знающихъ сотрудниковъ въ Берлинѣ, или въ Петербургѣ. Впрочемъ, при всемъ замѣтномъ недостаткѣ въ сотрудникахъ, основательно знакомыхъ съ русскою литературою, Архивъ и теперь сообщаетъ много любопытныхъ дан-

ныхъ о Россіи, которыми пользуются уже лучшіе журналы Европы. Сколько видно, редакція получаетъ лишь два русскихъ журнала: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Русскій Вѣстникъ», — по-крайней-мѣрѣ только изъ этихъ двухъ изданій мы видимъ переводы въ берлинскомъ «Архивѣ.» Статья Фарнгагена о современной нашей словесности написана, къ сожалѣнію, по понятіямъ, какія даютъ о нашихъ писателяхъ «Отечественныя Записки». Мы умолчимъ объ этой статьѣ, потому-что о ней уже довольно много говорено было въ одной изъ нашихъ газетъ. Нѣкоторыя рецензіи русскихъ книгъ переведены изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», другія писаны самими редакторами. Ученныя статьи частію переводятся, частію обрабатываются тамошними учеными по русскимъ матеріаламъ. Чтобы познакомить читателей нашихъ съ содержаніемъ немецко-русскаго журнала, выписываемъ оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ первый четырехъ книжкахъ, составляющихъ первый томъ.

Физико-математическія науки: Объ инструментахъ пулковской обсерваторіи; конференцъ-рата Шумахера. — О геодезическихъ трудахъ и астрономическихъ опредѣленіяхъ мѣсть офицерами генеральнаго штаба; профессора А. Эрмана. — О специальной картѣ западной Россіи, генераль-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Шурбта. — О специальной картѣ Лифляндіи, К. Г. Рюкера. — Гальванопластическіе опыты, Его Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго. — О развитіи геогностическихъ свѣдѣній о европейской Россіи (съ картою); А. Эрмана. — Замѣчанія о камышахъ на Волгѣ и при Каспійскомъ Морѣ, П. Ѳ. Кузмищева. — Пороги при устьяхъ Волги. — Русскіе труды относительно падающихъ звѣздъ; А. Эрмана. — О дополненіи къ микрометрическимъ измѣреніямъ двойныхъ звѣздъ; Струве. — О средней температурѣ и другихъ метеорологическихъ явленіяхъ въ европейской Россіи; Эрмана. — О желѣзныхъ самородкахъ изъ Петропавловска. — Опыты господина Гельмса, въ Екатеринбургѣ, надъ замерзаніемъ ртути. — О нахожденіи Девонскихъ шахтъ близъ Орла; Гельмерсена. — Объ открытомъ въ Волынской Губерніи окаменѣломъ деревѣ; Г. Р. Гешперта, бреславскаго профессора. — О слѣдахъ животныхъ въ лифляндскомъ песчаникѣ. — Объ ихтиодитахъ въ Бухтарминскѣ; А. Эрмана. —

О происхожденіи камней иматрскихъ. — Извѣстія о климатологии россійской имперіи; статья первая, Эрмана. — О путешествіи по европейской Россіи А. Мейендорфа и его спутниковъ. — Метеорологическія наблюденія, произведенныя на дерптской обсерваторіи, профессоромъ Медлеромъ. — О двухъ окаменелостяхъ. — О XVII томъ русской энциклопедіи; А. Эрмана. — О воздѣланіи степей въ южной Россіи; И. Крестинга. — О садоводствѣ въ средней и сѣверной половѣ Россіи; Эрмана. — О климатическихъ отношеніяхъ Россіи къ сельскому хозяйству, въ слѣдствіе географическаго ея положенія и мѣстныхъ обстоятельствъ; статья господина министра финансовъ графа Е. Ф. Канкринна. — О высотахъ Каспійскаго Моря и Кавказа. — Барометрическія измѣренія, графа А. Кейзерлинга. — Обзорніе количества золота и платины, добытыхъ въ Уральскихъ горахъ и въ Сибири въ 1839, 1840, и 1841 годахъ.

Историко-филологическія науки: О караванномъ пути въ Бухарію, Кайданова; В. Шотта. — Защита Несторовой лѣтописи отъ навѣта скептиковъ, П. Г. Буткова; Денгубурга. — Церковныя древности въ городѣ Полоцкѣ. — Описаніе стариннаго русскаго кольца съ печатью; Коркунова. — О книгѣ отца Іакинѣа. «Описаніе Чжунгаріи»; В. Шотта. — Письменные памятники временъ Тохтамыша; Н. Н. Мурзакевича. — О грузино-русско-французскомъ словарѣ, Д. Чубинова. — О словарѣ французско-арабско-персидскомъ, князя Ханджери; Шотта. — О новыхъ матеріалахъ касательно Запорожья; А. Скальковскаго. — О вліяніи Грековъ на гражданское развитіе Россіи; Домбровскаго. — Письма о Чувашахъ и Черемисахъ, госпожи А. Фуксъ. — Доказательство, что Геродотъ пользовался для своихъ извѣстій о Персахъ персидскими источниками; профессора казанскаго университета, Эрмана. — О книгѣ отца Іакинѣа о Китаѣ; Шотта. — Описаніе куфическихъ монетъ, В. В. Григорьева; Шотта. — Труды Дерптскаго Эстонскаго Общества. — Историко-физическое отдѣленіе записокъ Академіи Наукъ. — О повѣркахъ русскаго народа; госпожи Авдѣвой. — Ахиллесъ, сочиненіе Э. Муральта.

Промышленность и торговля: Экономическія преміи, учрежденныя министерствомъ государственныхъ имуществъ. —

Предложеніе объ учрежденіи страхованіи отъ неурожаа; барона Брюнинга. — О происхожденіи ухабовъ отъ санной вѣды; господина Гофмейстера, изъ Торнца. — О московскихъ водопроводахъ по системѣ инженеръ-генерала Бауэра. — О новѣйшихъ статистическихъ сочиненіяхъ о Россіи, и народонаселеніи русскихъ городовъ. — О рѣчныхъ плаваніяхъ. — О русскомъ торговомъ мореплаваніи на Черномъ Морѣ; В. Бухтѣева. — О вольныхъ матросахъ. — Русскіе караванные пути въ Бухару, Хиву и Ташкентъ. — О русской торговлѣ съ Сирією. — Объ исторіи садоводства и винодѣлія въ Россіи. — О винодѣліи въ Крыму.

Словесность: О новѣйшей русской словесности; Фарнгагена фонъ-Энзе. — Русскій Вѣстникъ; В. Шотта. — Преданія Черкесовъ. — О чтеніяхъ Н. П. Греча о русскомъ языкѣ; В. Шотта. — О русскомъ энциклопедическомъ лексиконѣ; Шотта. — О новѣйшихъ трудахъ Э. Муральта.

Въ вышедшей недавно четвертой книжкѣ помѣщенъ разборъ семнадцатаго тома Энциклопедическаго Лексикона, написанный Эрманомъ по части математико-физической, и Шоттомъ по части исторіи и литературы (Ueber die russische Real-Encyclopädie; von W. Schott und A. Erman, SS. 640—653). Помѣщаемъ его въ нашемъ журналѣ, чтобы дать понятіе о благородномъ тонѣ и основательномъ обсужденіи, которыми отличаются вообще критическія статьи господъ Эрмана и Шотта, помѣщаемыя въ берлинскомъ «Архивѣ».

О Русской Энциклопедіи. «Этого изданія, выходящаго подъ заглавіемъ *Энциклопедическій Лексиконъ*, вышелъ недавно семнадцатый томъ, отдѣленіе *Діо-Діа*, который вмѣстѣ съ «дополненіемъ» составляетъ 451 страницу мелкой печати, въ два столбца, и содержитъ въ себѣ около 950 статей. Въ самомъ началѣ помѣщенъ списокъ 47 сотрудниковъ (въ томъ числѣ есть имена, извѣстныя и за границею): князя Кропоткинъ и Эрнстовъ, В. В. Григорьевъ, А. Н. Денисовъ, В. Н. Карповъ, П. А. Корсаковъ, З. Ф. Леонтьевскій, П. Я. Петровъ, П. С. Савельевъ, Штапельбергъ, Штукенбергъ, Д. И. Языковъ; по части математики и естественной исторіи: А. П. Загор-

скій, А. Д. Оверскій, П. О. Кузмищевъ *, Н. М. Шукинъ, И. Г. Эрлингъ, И. П. Брыковъ, К. А. Бухъ, и многіе другіе**. Все изданіе будетъ состоять только изъ 85, или изъ 1700 листовъ печати и 50,000 статей, если принять относительно, что обработанныя досель буквы А до Д составляютъ около пятой части русскихъ словъ. При такомъ объемѣ, надлежитъ, разумеется, имѣть въ виду *последовательное* (consequente) исполненіе того колоссальнаго плана, котораго держались досель вышедшіе томы.

«Значительную цѣну лежащему передъ нами тому, какъ и вообще всему Энциклопедическому Лексикону, придаютъ, въ особенности для иностранцевъ, статьи біографическія, географическія, юридическія и другія, касающіяся замѣчательныхъ русскихъ частныхъ (Individualitäten), предметовъ касательно географіи, законодѣнія и т. п. этой имперіи. Статьи эти обработаны съ большимъ тщаніемъ. Также находимъ мы историческія, этнографическія и археологическія статьи относительно народовъ сѣверной Азіи, которыя могутъ пополнить недостатки по этой части въ западно-европейскихъ изданіяхъ этого рода. Изъ примѣчательнѣйшихъ статей, касающихся Россіи и славянскихъ земель, мы укажемъ на слѣдующія: *Дмитріевъ* (поэтъ), *Дивьяръ*, *Дивстръ*, *Добровскій* (возродитель богемской литературы), *Долморукіе*

* Это вѣроятно, Павелъ Федоровичъ Кузмищевъ, флота капитанъ-лейтенантъ, тотъ самый, который долгое время жилъ въ Петропавловской Крѣпости въ Камчаткѣ, и лѣтомъ 1829 года совершилъ на байдарѣ путешествіе на Курильскіе Острова, гдѣ собралъ гербарій. *Примѣчаніе А. Эрмана.*

** Эти имена, явно, выбраны на удачу, потому-что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ лицамъ, которыя кромѣ нѣсколькихъ статей въ Энциклопедическ. Лексиконѣ, ничего не печатали и ни чѣмъ не въѣстны, тогда какъ тутъ не поименованы нѣкоторые другіе извѣстные ученые, которыхъ труды помѣщены въ семнадцатомъ томѣ: профессоръ А. А. Воскресенскій, химикъ; доктора К. И. Грумъ, М. Я. Магазинеръ и И. А. Ярокскій; генералъ И. И. Липранди, обладатель драгоценныхъ извѣстій о при-дунайскихъ земляхъ; О. И. Петрушевскій, метеорологъ; агрономы С. М. Усовъ и Д. П. Шелеховъ, и такъ далѣе. *Ред. С. О.*

(фамилія), *Донецъ*, *Донъ*, *Донская Земля*, *Дожтуровъ*. На важнѣйшія лица и предметы иностранныя обращено равнымъ образомъ все вниманіе, и статьи этого рода соперничаютъ иногда въ полнотѣ съ статьями отечественными. — Въ краткой біографіи французскаго ученаго *Дютана* (стр. 415—416) сдѣланъ впрочемъ замѣтный пропускъ неупоминаніемъ о его заслугахъ въ разборъ финикійскихъ письменъ и его трудовъ по этой части * — Мы также не нашли вовсе статей: *Добруча*, *Дракулъ*, *Лукашичъ* и *Дулминіо*.

«Примѣчательнѣйшія статьи «Дополненія» суть: *Давыдовъ*, *Даверръ*, *Давертитъ*, *Демидовъ*, *Дибичъ*, *Диатермичность*, *Диффракція*, и другія. Для примѣра, приводимъ мы въ переводѣ первую изъ названныхъ здѣсь статей, посвященную знаменитому поэту и воину Россіи.»

(Слѣдуетъ переводъ статьи *Давыдовъ*.)

«Не менѣе новыми и привлекательными кажутся намъ біографическія и литературныя извѣстія о живой еще русской женщинѣ-воинѣ, Н. А. *Дуровой* (стр. 309—30) и объ умершемъ въ 1825 году славянскомъ археологѣ *Долетъ-Ходаковскомъ* (стр. 97—102.)»

(Въ слѣдъ за этимъ помѣщенъ переводъ статьи *Дурова*.)

«Что касается по Ходаковскаго, то о его весьма парадоксальныхъ гипотезахъ относительно высокой гражданственности славянской древности, о его антиварскихъ путешествіяхъ съ 1820 по 1825 годъ, также какъ и слишкомъ многочисленныхъ открытіяхъ имъ городищъ по рѣкамъ Россіи и сѣверной Германіи — открытіяхъ, которыми онъ затмилъ своихъ предшественниковъ, — можно судить только по изученію его трудовъ. А въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ приведены они большею частію какъ рукописи, еще неизданныя, которыхъ только часть хранится теперь въ Московскомъ Обществѣ Древностей. Между-тѣмъ, ложныя извѣстія о происхожденіи его и о прежней его жизни, найденныя въ издав-

* Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: *Explications de quelques medailles grecques et phéniciennes, avec une paléographie numismatique.* London, 1779. Лучшая оцѣнка его палеографическихъ заслугъ находится въ Тезеисовыхъ *Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta*, I. ipsiae, 1837. *Прим. Ред. Архива.*

ной по смерти Ходаковского автобиографіи, едва ли могут внушить доверіе къ этому труженику.

«Изъ числа статей по математикѣ, естественной исторіи и технологіи, многія изложены такъ подробно, какъ будто сочинители ихъ хотѣли замѣнить ими учебники по тѣмъ наукамъ; при всемъ томъ, Энциклопедическій Лексиконъ избѣжалъ недостатка, неразлучнаго съ изданіями подобнаго объема, именно повтореній однихъ и тѣхъ же объясненій въ различныхъ статьяхъ, и пропусковъ. Такимъ образомъ, въ семнадцатомъ томъ, арифметическія статьи: *Дѣйствіе*, *Дополненіе арифметическое*, *Дѣленіе*, *Дроби*, *Дѣлимость чиселъ*, *Дѣлитель*, и другія, изложены каждая понятно и поучительно, и притомъ почти безъ повторенія опредѣленій изъ другихъ статей. Во многихъ изъ этихъ статей, для дальнѣйшихъ подробностей, сдѣлана ссылка на «Лексиконъ чистой и прикладной математики» господина Буяковского и другія русскія математическія сочиненія, которыя намъ еще неизвѣстны. По-этому нельзя утвердительно сказать, принадлежит ли приводимая въ статьѣ *Дѣйствіе* новая классификація дѣйствій неизвѣстному автору этой статьи, или заимствована имъ изъ тѣхъ сочиненій. Въ этой статьѣ полагается, кромѣ пяти алгебраическихъ дѣйствій: сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и возвышенія въ степень, еще два: рѣшеніе уравненій и извлеченіе радикаловъ. Приведа общее выраженіе алгебраической функціи, сочинитель считаетъ «нахожденіе такой «величины неизвѣстнаго количества, которая бы дѣлала данное выраженіе равною извѣстной величинѣ» особеннымъ, *шестымъ* алгебраическимъ дѣйствіемъ, хотя это дѣйствіе должно разсматривать, какъ совокупность всѣхъ пяти предъидущихъ дѣйствій и *седьмаю* послѣдующаго. За этимъ слѣдуетъ въ той же статьѣ объясненіе трансцендентныхъ дѣйствій, которое показалось намъ вообще хорошо изложеннымъ, — особливо, если сочинитель пояснитъ въ статьѣ *трансцендентная функція*, на которую онъ ссылается, общія опредѣленія приложеніемъ къ частнымъ случаямъ. Въ статьѣ *Духовые инструменты* мы встрѣтили не маловажный пропускъ: въ ней не упоминается о собственно такъ называемыхъ «язычныхъ» инструментахъ (*Zungenpfeifen*) въ которыхъ звучныя сотрясенія металлической пластинки дѣйствуютъ въ одно и то

же время съ сотрясеніями колонны воздуха. Въ этой же статьѣ встрѣчаемъ выраженіе: «Въ нѣкоторыхъ духовыхъ инструментахъ употребляются (вмѣсто мундштука), трости изъ камыша (*anche*)». Это несправедливо, потому-что по-крайней-мѣрѣ французскіе физики причисляютъ къ *instruments à anche* именно инструменты съ звучащимъ *язычкомъ*, *langnette*, какъ напримѣръ кларнеты, бассоны, и другіе. — Статьи *Диатермичность*, *Дисперситивъ*, также частью *Диффракція*, которыя по своей новости еще не успѣли войти въ составъ нашихъ нѣмецкихъ сочиненій подобнаго содержания, написаны въ словарѣ Гелера (*Gehler*), составлены весьма искусно по оригинальнымъ сочиненіямъ, относящимся къ тѣмъ предметамъ. Во многихъ другихъ статьяхъ находимъ мы свѣдѣнія, основывающіяся на русскихъ наблюденіяхъ, и которыя потому или несовершенно или даже вовсе у насъ неизвѣстны. Такъ напримѣръ, въ статьѣ *Доломитизація*, сперва говорится вообще о переходахъ, происходящихъ при соприсоединеніи плутоническихъ и неплутоническихъ горныхъ породъ на границахъ жилъ и жильныхъ породъ, и упоминается, что объясненіемъ доломитизаціи наука обязана единственно наблюденіямъ Л. фонъ Буха надъ доломитомъ. Сочинитель этой статьи, господинъ Озерскій, прибавляетъ къ извѣстнымъ уже мѣстамъ, въ которыхъ обнаруживается явленіе доломитизаціи, еще одно, сибирское, говоря, что во время своего путешествія въ Дауріи по теченію рѣки Селенги (но въ какой же части ея долины?), онъ встрѣтилъ довольно крутой разрывъ известковой горы, просѣченной жилами діорита, и на границахъ этихъ породъ, такъ же какъ и въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ нея, превратившейся въ кристаллическій доломитъ. Многочисленные слѣды вулканизма, какъ вообще въ забайкальскихъ странахъ, такъ преимущественно въ странахъ, лежащихъ выше Селенгинска по Селенгѣ, заставляютъ ожидать подобныхъ явленій; по-этому было бы весьма желательно, чтобы господинъ Озерскій подробнѣе описалъ свое важное наблюденіе или по-крайней-мѣрѣ сослался бы на отчетъ, уже представленный имъ объ этомъ и напечатанный въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи. Также статья *Дыханіе* (стр. 354 — 364), написана господиномъ Загорскимъ съ большимъ тщаніемъ, какъ въ отношеніи химическомъ, физиологическомъ и пато-

ной по смерти Ходаковского автобиографіи, едва ли могут внушить довѣріе къ этому труженику.

Изъ числа статей по математикѣ, естественной исторіи и технологіи, многія изложены такъ подробно, какъ будто сочинители ихъ хотѣли замѣнить ими учебники по тѣмъ наукамъ: при всемъ томъ, Энциклопедическій Лексиконъ избѣжалъ недостатка, неразлучнаго съ изданіями подобнаго объема, именно повтореній однихъ и тѣхъ же объясненій въ различныхъ статьяхъ, и пропусковъ. Такимъ образомъ, въ семнадцатомъ томъ, арифметическія статьи: *Дѣйствіе*, *Дополненіе арифметическое*, *Дѣленіе*, *Дроби*, *Длиность чиселъ*, *Длиитель*, и другія, изложены каждая понятно и поучительно, и притомъ почти безъ повторенія опредѣленій изъ другихъ статей. Во многихъ изъ этихъ статей, для дальнѣйшихъ подробностей, сдѣлана ссылка на «Лексиконъ чистой и прикладной математики» господина Буяковскаго и другія русскія математическія сочиненія, которыя намъ еще неизвѣстны. По-этому нельзя утвердительно сказать, принадлежитъ ли приводимая въ статьѣ *Дѣйствіе* новая классификація дѣйствій неизвѣстному автору этой статьи, или заимствована имъ изъ тѣхъ сочиненій. Въ этой статьѣ полагается, кромѣ пяти алгебраическихъ дѣйствій: сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и возвышенія въ степень, еще два: рѣшеніе уравненій и извлеченіе радикаловъ. Приведа общее выраженіе алгебраической функціи, сочинитель считаетъ «нахожденіе такой величины неизвѣстнаго количества, которая бы дѣлала данное выраженіе равною извѣстной величинѣ» особеннымъ, *шестымъ* алгебраическимъ дѣйствіемъ, хотя это дѣйствіе должно разсматривать, какъ совокупность всѣхъ пяти предъидущихъ дѣйствій и *седьмаю* послѣдующаго. За этимъ слѣдуетъ въ той же статьѣ объясненіе трансцендентныхъ дѣйствій, которое показало намъ вообще хорошо изложеннымъ, — особливо, если сочинитель пояснитъ въ статьѣ *трансцендентная функція*, на которую онъ ссылается, общія опредѣленія приложеніемъ къ частнымъ случаямъ. Въ статьѣ *Духовые инструменты* мы встрѣтили не маловажный пропускъ: въ ней не упоминается о собственно такъ называемыхъ «язычныхъ» инструментахъ (*Zungenpfeifen*) въ которыхъ звучны сотрясенія металлической пластинки дѣйствуютъ въ одно и то

же время съ сотрясеніями колонны воздуха. Въ этой же статьѣ встрѣчаемъ выраженіе: «Въ некоторыхъ духовыхъ инструментахъ употребляются (вмѣсто мундштука), трости изъ камыша (*anche*)». Это несправедливо, потому-что по-крайней-мѣрѣ французскіе физики причисляютъ къ *instruments à anche* именно инструменты съ звучащимъ *язычкомъ*, *langnette*, какъ напримѣръ кларнеты, бассоны, и другіе. — Статьи *Диатермичность*, *Датерротингъ*, также частью *Диффракція*, которыя по своей новости еще не успѣли войти въ составъ нашихъ нѣмецкихъ сочиненій подобнаго содержанія, напримѣръ въ словарь Гелера (*Gehler*), составлены весьма искусно по оригинальнымъ сочиненіямъ, относящимся къ тѣмъ предметамъ. Во многихъ другихъ статьяхъ находимъ мы свѣдѣнія, основывающіяся на русскихъ наблюденіяхъ, и которыя потому или несовершенно или даже вовсе у насъ неизвѣстны. Такъ напримѣръ, въ статьѣ *Доломитизація*, сперва говорится вообще о переходахъ, происходящихъ при соприкосновеніи плутоническихъ и нештуническихъ горныхъ породъ на границахъ жилъ и жильныхъ породъ, и упоминается, что объясненіемъ доломизаціи наука обязана единственно наблюденіямъ Л. фонъ Буха надъ доломитомъ. Сочинитель этой статьи, господинъ Озерскій, прибавляетъ къ извѣстнымъ уже мѣстамъ, въ которыхъ обнаруживается явленіе доломизаціи, еще одно, сибирское, говоря, что во время своего путешествія въ Дауріи по теченію рѣки Селенги (но въ какой же части ея долины?), онъ встрѣтилъ довольно крутой разрывъ известковой горы, просвѣченной жилами діорита, и на границахъ этихъ породъ, такъ же какъ и въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ нея, превратившейся въ кристаллическій доломитъ. Многочисленные слѣды вулканизма, какъ вообще въ забайкальскихъ странахъ, такъ преимущественно въ странахъ, лежащихъ выше Селенгиска по Селенгѣ, заставляютъ ожидать подобныхъ явленій; по-этому было бы весьма желательно, чтобы господинъ Озерскій подробнѣе описалъ свое важное наблюденіе или по-крайней-мѣрѣ сослался бы на отчетъ, уже представленный имъ объ этомъ и напечатанный въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи. Также статья *Дыханіе* (стр. 354 — 364), написана господиномъ Загорскимъ съ большимъ тщаніемъ, какъ въ отношеніи химическомъ, физиологическомъ и пато-

логическомъ, такъ и въ отношеніи сравнительной анатоміи: она упоминаетъ о замѣчательномъ изслѣдованіи господина Бера касательно дыханія китообразныхъ животныхъ, помѣщенномъ въ запискахъ Петербургской Академіи Наукъ. По мнѣнію господина Бера, какъ собственно такъ называемые киты, такъ и кошелоты и дельфины, испускаютъ изъ ноздрей *только воздухъ*, который отъ слизистыхъ влажностей, остающихся отъ стѣнокъ дыхательныхъ органовъ, можетъ казаться облачнымъ туманомъ; это отнюдь *небольшія струи полойщенной воды*, какъ до сихъ поръ полагали. Какъ ни сильно противорѣчитъ этому утверженію русскаго академика зрѣлице, представляемое издали струями воды, извергаемыми китами, и даже вблизи кошелотами, однако жъ доселѣ еще ни одинъ китоловъ не обнаружилъ своихъ наблюденій о дальнѣйшей повѣркѣ этого предмета, и даже намъ извѣстно, что многіе изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ физиологовъ еще въ недавнее время вѣрили въ настоящіе *фонтаны* китовъ, потому можетъ быть, что не знали сомнѣнія, возникшаго на счетъ этого явленія.

«Статья о *доказъ корабельныхъ*, которая, какъ и многія другія, относящаяся къ мореходству, написана офицеромъ русскаго флота, содержитъ въ себѣ послѣ общихъ поясненій, весьма занимательныя подробности о положеніи и устройствѣ доковъ въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и Севастополѣ. Такимъ же образомъ, мы встрѣчаемъ подобныя, намъ неизвѣстныя свѣдѣнія въ статьяхъ о русскихъ провинціяхъ, мѣстечкахъ, и прочее. Въ одной изъ этихъ географическихъ статей, о *Диваръ* (стр. 30 — 34), намъ подалось впрочемъ мѣсто едва ли сиравадливое; именно о знаменитыхъ порогахъ этой рѣки: тамъ говорится слѣдующее: «Ниже этого города (Екатеринославля) каменистый кряжъ сѣверныхъ горъ, обнаруживающійся уже въ водопадѣ нарвскомъ и стремнинахъ двинскихъ, въ послѣдній разъ показывается въ руслѣ и крутыхъ скалахъ дѣйровскихъ пороговъ, потомъ пересѣкаетъ Дибетръ, образуя здѣсь пороги ямпольскіе, и наконецъ теряется скалистыми обрывами на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей.» Намъ кажется, что ни гипсометрическія, ни геогностическія явленія не говорятъ ничего въ пользу столь рѣдкаго соединенія между двумя каменными стѣнами, находящимися въ руслахъ рѣкъ, отдаленныхъ одна отъ другой

отъ четырехъ до ста-осмидесяти нѣмецкихъ миль. Многими весьма важными физическими свѣдѣніями, которыя встрѣчаются въ статьѣ *Диваръ*, какъ и во многихъ другихъ статьяхъ Энциклопедическаго Лексикона, мы надеемся воспользоваться при другихъ случаяхъ, показавъ съ признательностію источникъ, изъ котораго будемъ заимствовать.

«Редакцію семнадцатаго тома Энциклопедическаго Лексикона завѣдывалъ П. С. Савельевъ, извѣстный между прочимъ изданіемъ біографіи французскаго ориенталиста Сильвестра де-Саси (1839) и ученымъ описаніемъ города Бухары въ 1835 году (оно издано въ 1836). Первый изъ этихъ трактатовъ (русское заглавіе его: *О жизни и трудахъ С. де-Саси*) обработанъ преимущественно по сочиненію Ренд. Мы совершенно согласны съ содержаніемъ всей этой книжки до послѣдняго періода включительно (стр. 48), гдѣ говорится объ умственныхъ трудахъ де-Саси. Безъ сомнѣнія, Саси не былъ гений; но едва ли можно утверждать, чтобы онъ не произвелъ ничего, что бы обнаруживало въ немъ примѣчательный талантъ. Если бы мы не имѣли отъ Саси ничего кромѣ его арабской грамматики, то уже одного этого сочиненія, показывающаго рѣдкое обладаніе труднымъ и тогда почти необработаннымъ предметомъ, вмѣстѣ съ остроумнымъ и яснымъ развитіемъ свойствъ языка, было бы достаточно для признанія необыкновенныхъ дарованій въ этомъ отличномъ ученомъ. Къ «Описанію Бухары» мы возвратимся въ другой разъ: въ этомъ разсужденіи говорится также и обо всѣхъ европейскихъ путешественникахъ, посѣщавшихъ этотъ городъ до 1835 года включительно *.»

* Статья того же автора: *Хиѣа за сто миль назадъ*, помѣщенная въ первой книжкѣ нашего журнала, также была вскорѣ переведена на нѣмецкій языкъ. Она напечатана въ извѣстномъ географическомъ журналѣ *das Ausland* (за Мартъ мѣсяць), издаваемомъ Коттою въ Стутгардѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вышелъ въ свѣтъ новый романъ Н. В. Кукольника въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Альфъ и Альдона*.

Изъ Москвы получено собраніе новыхъ стихотвореній нашего извѣстнаго поэта *Евгенія Баратынскаго*.

Оттуда же прислана первая часть поэмы Н. Гоголя: *Похороженія Чичикова или мертвыя души*.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ЧАСТЬ III.

№ 6. — ЮНЬ..

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1842.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ.

РАФАЭЛЯ БАРБЕРИНИ,

ВЪ 1565 ГОДУ *

—

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

—

Вамъ, пзвѣстно, что уже два мѣсяца, какъ я возвратился; но не писалъ къ вамъ потому, что, сколько могъ бы вамъ сказать, писалъ я къ Антонію и Маффею²; да притомъ и скучными распространеніями боюсь надобѣсть

* Надѣмся угодить нашимъ читателямъ, помѣщая въ *Сынъ Отечества* переводъ этого любопытнаго во многихъ отношеніяхъ историческаго матеріала. Подлинная рукопись путешествія Барберини найдена въ Римѣ, въ Барбериніевской Библіотекѣ. Точный списокъ хранится въ числѣ манускриптовъ Музеума графа Румянова. Переводъ сдѣланъ, сколько возможно, близкій къ италіянскому подлиннику. *Ред. С. О.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Мая 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Редакторъ Константинъ Масальскій.

и вамъ и себѣ. Я получилъ письмо ваше отъ сего-маго минувшаго мѣсяца, исполненное родительскихъ наставленій, и съ полною увѣренностію въ ихъ искренности, постараюсь имъ, по возможности, послѣдовать. Во-первыхъ я не полагаю возвратиться въ Московію потому-что, кажется, такъ устроилъ дѣла, что другому это стоило бы большихъ непріятностей, между-тѣмъ, какъ я могу смѣло ожидать себѣ отъ этого много пользы: вамъ уже извѣстно, безъ сомнѣнія, что я отправилъ одно судно въ Нарву, и получилъ отъ повѣреннаго письма, въ которыхъ онъ извѣщаетъ меня, что судно пробралось уже чрезъ крейсерства (le gondé). Впрочемъ оно прибыло на мѣсто, спустя нѣсколько недѣль по минованіи крейсерскихъ судовъ, потому-что дулъ ему противный вѣтеръ, который между-тѣмъ благопріятствовалъ имъ. Если же дозволить Богъ ему также благополучно и возвратиться, то я увѣренъ, что всѣ мои убытки будутъ вдвое вознаграждены, и я живу себѣ припѣваючи, потому-что нагружилъ тамъ свое судно солью, которая на мѣстѣ обошлась мнѣ въ 1500 долларовъ. Притомъ получилъ я и дозволеніе провезти ее. Эту же великую милость оказалъ мнѣ датскій король, по ходатайству московскаго царя, который далъ мнѣ къ нему рекомендательное письмо, отзываясь въ немъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны. Онъ же далъ мнѣ еще письмо и къ шведскому королю, испрашивая для меня свободный пропускъ со стороны его кораблей, отъ которыхъ еще до возвращенія моего я все получилъ. Сверхъ-того московскій царь благоволилъ мнѣ даровать, и съ своей стороны, разныя привилегіи, льготы и преимущества, относящіяся, какъ лично до меня, такъ и до всего моего экипажа, освобождая насъ отъ платы пошлинъ и всякихъ повинностей; а какъ въ этомъ краю ведется обычай, что попадись кто туда, не можетъ уже оттуда выйти, онъ сдѣлалъ еще для меня, что людямъ моимъ дарована

полная свобода поступить въ этомъ отношеніи какъ имъ заблагоразсудится, безъ малѣйшаго принужденія. Сверхъ-того приставилъ онъ ко мнѣ одного изъ своихъ дворянъ, который, во всю мою бытность тамъ, долженъ былъ сопровождать меня въ пути на нѣсколько тысячъ миль, и выдать мнѣ прогоны на лошадей, какъ для меня такъ и для моихъ людей; и такимъ образомъ я проскакалъ по этому краю на лошадяхъ. Обѣдывалъ у него во дворцѣ вмѣстѣ съ нимъ; а въ прочіе дни, приказано имъ было приносить мнѣ кушанье и питье въ мою комнату; квартира же отводима мнѣ была въ главномъ зданіи, всякій разъ, когда я пребывалъ тамъ на лицо, или же оставлялъ моихъ людей. И другія тому подобныя вѣжливости были мнѣ оказываемы, не смотря, что всѣ туземцы — большіе варвары! * Впрочемъ главнымъ поводомъ къ такому его обращенію со мною были, конечно, привезенныя со мною рекомендательныя письма отъ католическаго короля и англійской королевы; по всему, однако жъ, я провижу открытій путь къ добру; и если бы только я пожелалъ вступить въ его службу, какъ тысячу разъ говорили мнѣ о томъ два плѣнные Феррарца, которые тамъ находятся въ службѣ, то, можетъ-статься, было бы мнѣ тамъ и весьма хорошо, отбросивъ въ сторону неудобства климата; но я не рѣшусь на это; развѣ заставила бы меня крайность: тогда уже, знаю, никакъ не лзя бы мнѣ было vybrаться оттуда, между-тѣмъ какъ я стараюсь, при первой возможности, охотно ускользнуть изъ этого края.

Вы желаете отъ меня по-подробнѣе узнать о качествахъ и другихъ частностяхъ этихъ холодныхъ странъ? Чтобъ угодить вашему желанію, постараюсь вамъ все отъ начала описать, что, во-первыхъ, самъ видѣлъ, и потомъ, какими нашелъ я тѣ земли, о которыхъ столько слышался. Я привезъ съ собою множество замѣтокъ о всѣхъ

* Хороша благодарность за хорошій пріемъ! *Ред. С. О.*

кой всячинѣ, не смотря на то, какихъ трудовъ и издержекъ стоило мнѣ разговаривать съ природными жителями, которые изъ разныхъ земель приходили ко двору московскаго царя, принося ему свои обычныя дани. И такъ, начинаю тѣмъ, что прямая дорога отсюда идетъ на Голландію; тамъ переѣзжаете небольшой заливъ, простирающійся миль на тридцать—пять, и вы — во Фридландіи, или землѣ, которую называютъ нивой, землѣ обширной и прекрасной. Потомъ ѣдете среднюю Вестфалии, откуда вышли нѣкогда Лонгобарды, а тамъ прибываете къ границѣ Даніи, которая съ этой стороны мильхъ въ пяти или шести отъ моря; тутъ, на судоходной рѣкѣ, именуемой *Трава*, находится городъ *Любекъ*. Отсюда, слѣдуя берегомъ моря, встрѣчаете мекленбургскія владѣнія, которыя можно объѣхать въ трое сутокъ; — но какъ самая страна, такъ и почва земли, весьма хороша. Далѣе идетъ дорога, сутокъ на восемь, сплошь чрезъ Померанію, страну плодородную, съ хорошимъ климатомъ и хорошею почвою. Въ сорока мильхъ отъ этой границы находится *Данцигъ*, вольный городъ, состоящій впрочемъ подъ покровительствомъ польскаго короля; онъ знаменитъ своею обширною торговлею и расположенъ между тремя судоходными рѣками, которыя и содѣйствуютъ къ его богатству: одна изъ нихъ вытекаетъ изъ Польши, другая изъ Литвы, и третья тамъ же, не подалеку отъ самой страны, имѣетъ свой источникъ; на этихъ рѣкахъ постоянно находится отъ пяти до шести сотъ большихъ судовъ; торговля здѣсь обширная, и стеченіе народа изъ разныхъ земель, величайшее, даже до невѣроятности! Преимущественно же ведется здѣсь торгъ зерномъ, рожью, смолою, лѣсомъ, поташемъ и тому подобнымъ; а пристасть это все въ заливъ, простирающемся болѣе, чѣмъ на шестьдесятъ миль, отъ моря же въ трехъ мильхъ разстояніи.

Отъ Любека до самаго этого мѣста, сплошь обитали нѣкогда Вандалы; а въ Помераніи и теперь еще населена ими земля миль на семьдесятъ, гдѣ и доселѣ они говорятъ своимъ нарѣчіемъ, которое довольно похоже на славяно-польское; повсюду простираются пахатныя поля и дикіе сосновые лѣса. Пониже, начиная отъ Данцига, идетъ земля Мазовецкая, именуемая Малою Польшею; еще ниже, за Померанію — Миснія, потомъ Саксонія; но ѣдучи изъ Данцига къ востоку, встрѣчаете на пути, въ трехъ суткахъ разстояніи, не подалеку отъ самаго моря на берегу залива, городъ Кенигсбергъ, резиденцію прусскаго герцога; потому—что Данцигъ, все еще считается въ Пруссіи. Потомъ въѣзжаете въ Курляндію, тамъ въ Ливонію, обширную область, гдѣ находятся хорошія помѣстья, и самая страна обилуетъ хлѣбомъ и рогатымъ скотомъ; но лѣтъ за десять или двѣнадцать назадъ, была она крайне разорена и до крайнеи бѣдности доведена страшными, опустошительными войнами; а потому—что сначала была она подъ правленіемъ гротмейстера ордена родосскихъ рыцарей, потомъ перешла отъ него подъ власть московскаго царя, который, вступивъ туда съ войскомъ, взялъ и разорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую и лучшую ея часть; прочія части достались королямъ польскому, датскому и шведскому, а также и герцогу прусскому. Раздѣлъ этотъ былъ слѣдующій: Поляки получили Ригу, городъ большой, на рѣкѣ Двинѣ, почти у самаго моря; — Ревель, городъ укрѣпленный, во стѣ—пятидесятъ мильхъ отъ Нарвы, достался Шведамъ; Москвитянинъ пріобрѣлъ Нарву, Дерптъ, Псковъ и многіе другіе города и селенія; а Датчанинъ взялъ себѣ Островъ Эзель, составляющій епископство, и окрестныя земли.

Тутъ поворотивъ вправо, и вошедши въ море, встрѣчаете, на пути изъ Любека въ Нарву, прекрасный островъ, принадлежащій Любеку, именуемый Борнгольмъ.

Далѣ множество и другихъ острововъ, частью принадлежащихъ шведскому королю, и другимъ. Море это, мѣстами уже, мѣстами шире; самое узкое его мѣсто у Ревеля, гдѣ простирается оно всего миль на пятьдесятъ, не больше. Оно доходитъ до самой Нарвы, но тутъ, поворотивъ къ Швеціи, образуетъ другой заливъ, который и идетъ въ самую глубь того края. Море у Нарвы совершенно прѣсное на вкусъ, хотя и все вообще не такъ солоно, какъ прочія моря. Нарва находится миляхъ въ осьми отъ моря, на рѣкѣ, съ одной стороны которой лежитъ замокъ, принадлежавшій нѣкогда вышеупомянутымъ родосскимъ рыцарямъ; а по другую ея сторону, насупротивъ замка, простирается городъ, именуемый *Ивангородъ*, (Jvanogrod), тоже съ укрѣпленнымъ замкомъ, такъ-что изъ одного замка въ другой, который расположенъ на самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки, можно пробраться по одному утесу. Изъ этого-то замка и взяли Москвитяне Нарву (Nerva), тому десять лѣтъ назадъ, могли удобно туда бросать бомбы, которыми предали огню и разрушили до основанія большую часть домовъ. Рѣка эта называется также Нарва; судоходна до самаго города, и беретъ свое начало, поввыше города, на разстояніи одной италіанской мили, вытекая изъ озера, и вдругъ низвергаясь огромнымъ водопадомъ съ ужаснымъ ревомъ и шумомъ. Озеро это зовется *Небусъ* (Rebus); шириной оно въ пятьдесятъ, длиною въ сто-пятьдесятъ миль; принимаетъ въ себя болѣе пятидесяти небольшихъ рѣчекъ, и одну изливаетъ, протекающую чрезъ городъ Нарву, обильнѣйшую рыбою, въ особенности самыми лучшими миногами, пискарями и тому подобными.

Отсюда, подвигаясь все далѣе на востокъ, проѣзжаете страну болотную и поросшую еловыми лѣсами, съ фантастическими и несносными, насильно пробитыми дорогами, да кое-гдѣ усѣянную деревянными избушками, и

вообще мало населенную: тамъ находится *великій-Новгородъ* (Ja gran Nogard), большой деревянный городъ, но пользующійся въ этихъ странахъ прегромкою славою: впрочемъ онъ имѣетъ каменную крѣпость; посреди его протекаетъ большая рѣка, именуемая Волхой, на которой есть замѣчательный мостъ, застроенный домами и лавками, будто цѣлая и весьма длинная улица. Городъ этотъ во стѣ-пятидесяти миляхъ отъ Нарвы. Выѣхавъ отсюда попадете въ страну съ топкими болотами, рощами, селеніями и монастырями. Тутъ встрѣчаете потомъ довольно хорошій городокъ, именуемый *Торжокъ* (Dorgioch), миляхъ во стѣ-двадцати отъ Новагорода; далѣе же за Торжкомъ, во стѣ-пятидесяти миляхъ отъ него, находится большой и хорошій городъ, на рѣкѣ Волгѣ, называемый *Тверь* (Otfer); потомъ идетъ страна гораздо лучше; воздѣланныя нивы и мѣстами холмы. Миляхъ почти вътрехъ-стахъ отъ этого города находится *Великое Княжество Московское*, гдѣ главнымъ городомъ—*Москва* (Mosca) на рѣкѣ того же имени; рѣка Москва вытекаетъ въ окрестностяхъ Твери, и до самой Москвы несудоходна. Здѣсь обыкновенно пребываетъ великій князь московскій. Городъ этотъ преобширный, но застроенъ болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$ деревянными строениями. Имѣетъ крѣпость съ прочными, но неукрѣпленными, каменными стѣнами; крѣпость эта построена нѣкогда Италіянцами. Есть также тамъ нѣсколько большихъ церквей, красивой архитектуры, и великокаяжескій дворецъ съ золотыми крышами и куполами, тоже построенный Италіянцами, которые были, когда-то, отведены туда плѣнными изъ Польши и Литвы. Кромѣ того находится еще тамъ невѣроятное множество церквей и малыхъ и большихъ, и каменныхъ и деревянныхъ, такъ-что нѣтъ улицы, гдѣ не было бы ихъ по нѣскольку; по-этому даже несносно, какъ, въ Николинъ день, начнутъ день и ночь гудѣть колокола, которыхъ тамъ безчисленное множество. Домъ въ этомъ городѣ, какъ и въ прочихъ

городахъ и селеніяхъ, небольшіе и дурно расположенны, безъ всякаго удобства и надлежащаго устройства. Во-первыхъ, большая изба, гдѣ ѣдятъ, работаютъ, однимъ словомъ, дѣлаютъ все; въ ней находится печь, нагрѣвающая избу; и на этой печи, обыкновенно ложится спать все семейство; между тѣмъ не придеть имъ въ голову хотя бы провести дымовую трубу; а то дають распространяться дыму по избѣ, выпуская его только чрезъ двери и окна, такъ-что немалое наказаніе тамъ оставаться.

Новгородъ управляется своимъ княземъ, посылаемымъ туда отъ великаго князя; прочіе города имѣютъ у себя только воеводу. Весь этотъ путь совершается на почтовыхъ лошадяхъ, которыя бѣгутъ чрезвычайно быстро; почтовые станціи предлинныя, и лошади небольшія, правда, но за то пресильныя и прекрасныя. Такія же почты учреждены государемъ и по всему его краю, гдѣ на каждой держится лошадей обыкновенно человекъ на тридцать и на сорокъ. Но лошади не стоятъ всѣ въ одной конюшнѣ, какъ это водится въ другихъ земляхъ, а содержатъ ихъ поселяне, и чуть кому понадобится лошадей, тотчасъ всякій поселянинъ выводитъ свою для проѣзжаго, и тутъ уже пойдутъ обыкновенно споры между ними, потому-что каждому хочется свою скорѣе подсунуть; но при этомъ, надобно самому запасться сѣдломъ и уздечкою, потому-что лошадей дають они безъ ничего. Всякій же разъ, когда случится московскому государю затѣять войну, какъ это было лѣтъ тому десять, когда вспыхнула война въ Ливоніи, онъ повелѣваетъ, чтобы были по дорогѣ всѣми поселянами выставлены ихъ лошади для почтовой ѣзды, и такимъ образомъ отъ шести до восьми тысячъ людей, по пяти-сотъ человекъ разомъ, пролетаютъ въ нѣсколько часовъ изъ одного мѣста въ другое, такъ-что войско его вторгается въ непріятельскую землю внезапно,

и грабить, хватаетъ въ плѣнъ, и опустошаетъ земля, прежде нежели непріятель успѣетъ узнать о его вторженіи. Такъ дѣлалъ онъ всегда, и теперь еще дѣлаетъ, дѣйствуя въ подобныхъ случаяхъ съ невѣроятною быстротою.

Но обратимся къ рѣкѣ Москвѣ. Слѣдуя по этой рѣкѣ, когда течетъ она самымъ узкимъ русломъ, встрѣчаете миляхъ въ шестидесяти греческій монастырь Святой Троицы. Въ немъ до двухъ-сотъ-пятидесяти иноковъ; монастырь большой, каменный, и защищается артиллерією; доходы получаетъ онъ огромнѣйшіе, и содержится на счетъ прихожанъ. Зато уже всякій разъ, какъ пожелуетъ туда великій князь съ огромнѣйшею свитою, монастырская братія должна принять и угостить всѣхъ. При этой обители находятся обширныя лѣса и пропасть звѣрей; между прочимъ въ особенности множество огромнѣйшихъ медвѣдей, которые такъ бывають смѣлы, что и по домамъ нападаютъ на людей.

Въ пятидесяти миляхъ отъ Москвы находится еще городъ *Коломна*, (Colonna), чрезъ который протекаетъ та же рѣка Москва, впадающая, миляхъ въ пяти или шести отсюда, въ большую рѣку, именуемую *Ока* (Ocha), которая за пять-сотъ миль отъ Москвы вливается въ Волгу, тамъ гдѣ стоятъ *Нижній-Новгородъ* (Labassa Nograd), городъ красивый и имѣющій каменную крѣпость. По этой же рѣкѣ есть тамъ еще и другія города и селенія, и множество рѣкъ въ нее впадаютъ; а протекаетъ она лѣсами и полями, то болотистыми то плодородными, и направляетъ свое теченіе прямо къ Каспійскому Морю. Въ пяти-стахъ миляхъ отъ *Нижнего* лежитъ, на этой же рѣкѣ, другой городъ—*Казань* (Casano), столица царства татарскаго, но покоренная московскому государю, который уже строитъ тамъ нынѣ крѣ-

ность. За этимъ городомъ вытекаетъ рѣка *Рышца* (Rechiza), впадающая съ восточной стороны въ Волгу, которая, какъ выше сказано, вливается въ Каспій многими рукавами, о чемъ я знаю только по слухамъ. Въ нѣсколькихъ же миляхъ отъ ея устьевъ находится *Астрахань* (Astracano), тоже столица татарскаго царства, и равно подчиненная скипетру московскаго государя.

Но обращаясь къ тому, что самъ я видѣлъ, скажу, что почти во стѣ-сорока миляхъ отъ Нижняго Новгорода находится рѣка, текущая съ юга, и именуемая *Сура* (Zuga); вливается она въ Волгу, тамъ именно, гдѣ стоитъ крѣпость называемая *Васильевъ-городъ* (Vasilonogorod). Рѣка эта составляетъ границу московскаго княженія и казанскаго царства. Не въ многихъ миляхъ отсюда протекаетъ еще другая рѣка, именуемая *Малая Москва*, которая впадаетъ въ Оку выше города *Мурома* (Murog). На этомъ пространствѣ, между означенными двумя рѣками, находятся большіе лѣса, въ которыхъ обитаетъ народъ — *Мордва* (popoli Morduisli), частью, магометанскаго исповѣданія, подчиненный тоже московскому государю; народъ это воинственный, но глѣбшій, вооруженный луками и стрѣлами. Спускаясь ниже, встрѣчаете преогромное озеро, которое, какъ сказывали мнѣ, имѣетъ тысячу миль въ окружности; называется оно *Иванъ-озеро* (Ivanowo-osego) и разливается между огромными лѣсами, на самой границѣ Азіи и Европы. По этому озеру находится больше деревянныхъ селеній и городовъ; замѣчательнѣе прочихъ городъ *Тула* (Tula); близъ него миляхъ въ сорока вытекаетъ рѣка *Донъ* (Tanai), которая гораздо больше своею славою, чѣмъ водою или пользою, какою можно бы было извлечь; судоходною становится она только у *Донкова* (Doncho) обширнаго города, лежащаго на этой рѣкѣ близъ *Таны* (Tana); по мѣстами она преузкая, мѣстами же, разливается по по-

лямъ *Ногайскихъ Татаръ*, гдѣ уже такъ широка, что съ одного берега не видно другаго. Этотъ *Донъ* отъ *Донкова* до *Меотическаго болота* (*Азовскаго моря*), откуда вытекаетъ, судоходенъ на пространствѣ четырехъ-сотъ миль, сухимъ путемъ; если же ѣхать водою, то будетъ пути на двадцать дней, потому-что эта рѣка чрезвычайно какъ извивается, миляхъ въ тридцати пяти или сорока отъ *Волги*; потомъ, поворотивъ, впадаетъ въ нее близъ города, именуемаго *Азовъ* (Asoph): городъ этотъ, сказываютъ, торговый и стекается туда множество иноземныхъ народовъ, — такъ говорили мнѣ приходившіе отсюда *Черкессы* (Circassi). —

Отъ вышеупомянутаго озера, поворачивая снова къ *Московіи*, въѣзжаете въ сѣверное царство, изъ котораго вытекаетъ рѣка, именуемая *Малый Танансъ* или *Донецъ* (piccolo Tanai). Страна эта обильна хлѣбомъ, фруктами и всякаго рода дичью. Между *Окою* и *Дономъ* остается еще владѣніе, именуемое *Рязань*, которое также обильно хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ, медомъ и воскомъ, всякаго рода дичью, и въ особенности — самыми крупными перепелами; а зерно тамъ даетъ каждое по три колоса, потому-что земля чрезвычайно какъ жирна. Потомъ, между югомъ и *Москвою*, миляхъ въ трехстахъ отъ послѣдней, пролегаютъ многія болота и топи: страна эта называется — *Миценскъ* (Mscench). Отсюда вытекаетъ и рѣка *Ока*; здѣсь множество городовъ и селеній, и когда нападетъ сильный непріятель, здѣшній народъ тотчасъ спасается въ означенныхъ болотахъ; между прочими, есть здѣсь городъ такъ называемый *Кошира* (Cossira), гдѣ находятся большія желѣзные и стальные рудокони, и всё это въ рукахъ у русскаго, то есть, московскаго государя.

Въ одномъ изъ этихъ городовъ, именуемомъ *Калуга* (Coluga), *Москвитянинъ* этотъ содержитъ гарнизонъ, со-

стоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ Татаръ, на военной погѣ и во всей готовности, при первомъ случаѣ, ударить или на Крымскихъ Татаръ, или Литву, либо куда ихъ пошлютъ.

Отсюда, поворачивая къ югу, находите Литву, гдѣ на рѣкѣ Днѣпрѣ, или Бористенѣ (Boristene). лежитъ большой городъ *Смоленскъ* (Simolenzico), бывшій епископствомъ и частнымъ помѣстьемъ, пока не взяли его Русскіе. Этотъ край литовскій, подчиненъ Польшѣ, хотя Русь у нея и отняла нѣсколько городовъ, изъ числа которыхъ важнѣйшимъ считается *Полоцкъ* (Polozicho), и за который у нихъ вѣчная война. Страна эта весьма изобильна водою, тѣмъ болѣе, что находится тамъ огромнѣйшій и преболотистый лѣсъ, откуда вытекаетъ нѣсколько большихъ рѣкъ; лѣсъ этотъ крестьяне называютъ *Волконскимъ* (Vuolkonski). Здѣсь получаетъ свое начало и самая Волга, которая течетъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ востоку, и наконецъ направляетъ свое теченіе къ Каспійскому Морю, куда, какъ выше сказано, и вливается она; отъ истока же до устья принимаетъ въ себя семьдесятъ-двѣ постороннія рѣки; производитъ множество рыбы, но преимущественно ловятся въ ней огромнѣйшіе осетры; я самъ видѣлъ ихъ множество, потому-что развозятъ ихъ соленыхъ по всему государству. Неподалеку отсюда, гдѣ вытекаетъ упомянутая рѣка, есть селеніе именуемое *Днѣпрскъ* (Dniepersko) близъ котораго и получаетъ свое начало Днѣпръ или Бористенъ; отсюда же недалеко, находится также *Троицкій монастырь* (la Trinità), близъ котораго вытекаетъ и другая рѣка, именуемая *Днѣпрецъ*, или Малый Бористенъ (piccolo Boristene), который впрочемъ составляетъ большую и судоходную рѣку, протекающую, по прямому направленію къ Каффѣ (Caffa).

Границу между Литвою и Московіею составляетъ рѣка, именуемая *Орша* (Orsa), на которой находится и крепость того же имени; близъ этого мѣста, лѣтъ тому пять-сотъ-одиннадцать, происходило сраженіе и была величайшая смертность на сторонѣ Русскихъ, по поводу мужества и хитрости Литовцевъ, которыхъ было тутъ всего шестьдесятъ-тысячъ, и положили они на мѣстѣ сто-тысячъ Русскихъ. По сіе время еще стоитъ здѣсь церковь полная костей, которую тогда же построилъ какой-то помѣщикъ, для уборки труповъ, разбросанныхъ по полямъ. Всѣ это, кажется, сказки, а между тѣмъ и дѣйствительно таковъ народъ, которымъ обидуетъ эта страна! Не смотря на то, что подвластныя московскому государю земли сами по себѣ обширны, набирается имъ народъ для службы и въ другихъ странахъ; и я самъ былъ свидѣтелемъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, какъ московскій государь выступалъ въ походъ съ сорока-тысячами конницы, набранной изъ Москвитянъ и Татаръ, а за ними ѣхало четыре-тысячи саней, нагруженныхъ провіантомъ и амунициею, да еще позади войска шло триста коней, выбранныхъ изъ табуна, для подъема усталыхъ.

Москвитяне исповѣдуютъ религію греческую. Они весьма суевѣрны въ живописи и изображеніи святыхъ; поклоняются одному святому Николаю, почти не упоминаютъ о другихъ Божьихъ угодникахъ; и празднуютъ день этого святителя, больше чѣмъ всякаго другаго. Надобно знать, что они весьма наклонны къ пьянству, и даже до такой степени, что отъ этого происходитъ у нихъ много соблазна, зажигательство домовъ и тому подобное. Обыкновенно Государь строго воспрещаетъ имъ это; но чуть насталъ Николинъ день, — дается имъ двѣ недѣли праздника и полной свободы, и въ это время имъ только и

дѣла, что пить день и ночь! По домамъ, по улицамъ, вездѣ, только и встрѣчаете, что пьяныхъ отъ водки, которой пьютъ много, да отъ пива и напитка, приготавлиаемаго изъ меда ¹.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ С, О.)

=

¹ Путешествіе это въ Московію изложено Рафаэлемъ Барберини въ видѣ письма къ его отцу, и въ подлинникѣ начинается словами: *sonogando Padre!*

² Антоній и Матвѣй (Maffeo), братья путешественника.

³ Не говоря уже объ уродованіи иностранцами собственныхъ именъ вообще, встрѣчаются у Барберини нѣкоторыя несообразности и въ самомъ изчисленіи миль: но эти ошибки могутъ быть здѣсь приписаны также и переписчику, господину Штридману, въ рукописи котораго, списанной съ барбериніевской, не вездѣ явственно поставлены и самыя цифры.

⁴ Эти преувеличенные, невыгодные отзывы иностранца о нашихъ предкахъ доказываютъ только какъ поверхностно смотритъ онъ на нихъ. Онъ не принялъ на себя труда короче познакомиться съ ихъ добродѣтелями — любовью къ вѣрѣ, отчизнѣ, мужественной простотѣ нравовъ. Не станемъ опровергать клеветы и ложныхъ извѣстій: они сами собою опровергаются.

Прим. переводчика.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Исторія

и

Политика.

=

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

—

Францію постигло новое несчастіе: наслѣдный принцъ скончался. Вотъ подробности этого горестнаго событія. Герцогъ Орлеанскій намѣревался ѣхать въ Сентъ-Омеръ, чтобы сдѣлать тамъ смотръ нѣсколькимъ полкамъ, назначеннымъ для составленія на Марнѣ операціоннаго корпуса и потомъ отправиться въ Пломбьеръ, гдѣ герцогиня Орлеанская пользуется морскими ваннами. Дорожные экипажи и свита герцога были уже готовы. Тринадцатаго Іюля, въ одиннадцать часовъ утра, онъ сѣлъ въ легкій экипажъ, который обыкновенно употреблялся для поѣздокъ по окрестностямъ Парижа, и отправился въ Нёльи, чтобы проститься съ королемъ и

королевскою фамилією. Этотъ экипажъ былъ родъ кабриолета о четырехъ колесахъ, сдѣланный въ видѣ коляски и запряженный двумя лошадьми à la Daumont то есть, такъ, что править жокей, сидящій на одной изъ лошадей. Принцъ былъ одинъ: онъ не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ офицеровъ его свиты, сопровождалъ его. По выѣздѣ изъ воротъ Мальо, лошадь, на которой сидѣлъ жокей, чего-то испугалась и поехала. Сначала говорили будто принцъ, видя, что жокей не можетъ справиться съ лошадьми, сталъ на подножку, которая была очень близко отъ земли, и соскочилъ на дорогу; будто обѣ ноги его коснулись до земли, но онъ не могъ устоять, упалъ и ударился головою о камень; теперь полагаютъ, что принцъ не выскочилъ, а упалъ изъ экипажа на дорогу и это, какъ мы увидимъ ниже, подтверждается свидѣтельствомъ врачей, вскрывавшихъ трупъ его. Какъ бы то ни было, паденіе было ужасно и принцъ безъ чувствъ остался на мѣстѣ. Прохожіе подняли несчастнаго герцога и отнесли въ близъ-лежащій домъ одного продавца москотильныхъ товаровъ. Между тѣмъ жокей удержалъ лошадей и воротился за принцемъ.

Герцогъ уже не приходилъ въ себя. Его положили на постель въ комнатѣ нижняго этажа и побѣжали искать помощи. Пришелъ докторъ *Боми*, жившій по близости. Онъ пустилъ больному кровь; но это не помогло.

Между тѣмъ вѣсть объ этомъ ужасномъ событіи дошла до Нёльи. Королева тотчасъ отправилась пѣшкомъ, король послѣдовалъ за нею. Онъ намѣревался ѣхать въ полдень въ Парижъ, чтобы предѣлательствовать въ совѣтѣ. Экипажи его были готовы; они нагнали ихъ на дорогѣ. Король, королева, принцесса Аделаида и принцесса Клементина доѣхали въ каретѣ до дома, гдѣ лежалъ герцогъ Орлеанскій. Въ немъ уже не замѣтно было почти никакихъ признаковъ жизни. Легко

представить себѣ, но трудно изобразить горестъ, поразившую родителей и родственницъ несчастнаго принца, при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Въ это время пріѣхалъ докторъ *Накье* младшій, первый хирургъ наслѣднаго принца; герцогъ Омальскій прибылъ изъ Курбува, герцогъ Монпасье изъ Венсенна. Осмотрѣвъ раненнаго, докторъ *Накье* объявилъ, что положеніе его весьма опасно. Надобно было опасаться изліянія крови на мозгъ, и всѣ признаки, къ несчастію, показывали, что оно уже близко. Принцъ уже не приходилъ въ себя. Однажды только нѣсколько словъ, произнесенныхъ по нѣмецки, возбудили было надежду, которая тотчасъ исчезла.

Король приказалъ дать знать объ этомъ несчастномъ событіи министрамъ, которые въ то время всѣ собрались въ Тюильри, и они немедленно прибыли въ Саблонвиль, въ домъ гдѣ наслѣдный принцъ боролся съ смертію. Маршалъ *Сультъ*, маршалъ *Жераръ*, канцлеръ Франціи, всѣ министры, адъютанты короля и принцевъ были введены въ небольшое свободное пространство, оставшееся вокругъ дома, который былъ обведенъ цѣпью часовыхъ.

Принцу все становилось хуже. Въ два часа король приказалъ послать за герцогиней Немурской, которая, по волѣ его величества, оставалась во дворцѣ въ Нёльи. Герцогиня тотчасъ пріѣхала. Невозможно изобразить горестнаго зрѣлища, которое представилось ей, когда она вошла въ комнату больнаго. Королева и принцессы, заливаясь слезами, на колѣняхъ, окружали умирающаго. Принцы рыдали. Король, безмолвный, неподвижный, стоявъ въ отдаленіи и, вперивъ взоръ въ безжизненное лицо сына, слѣдилъ за ходомъ болѣзни. Вокругъ дома встревоженная толпа ежеминутно умножалась. Нёльискій священникъ, по приказанію короля, прибылъ въ Саблонвиль.

Сильныя медицинскія средства замедляли приближеніе смерти. Жизнь угасала, но мало-по-малу и еще бо-

ролась съ разрушеніемъ. Дыханіе принца сдѣлалось свободнѣе, пульсъ сильнѣе и въ сокрушенныхъ сердцахъ на минуту возродилась надежда. Но она вскорѣ погасла. Въ четыре часа принцъ уже томился предъ смертными муками. Въ половинѣ пятого, онъ отдалъ душу Богу, благословенный религіею, въ объятіяхъ отца, который прильнулъ устами къ челу умирающаго, орошаемый слезами несчастной матери, при громкихъ крикахъ и рыданіяхъ всѣхъ своихъ ближнихъ.

Какъ скоро принцъ скончался, король увлекъ королеву въ ближнюю комнату, гдѣ были министры, маршалы и многія другія лица. Всѣ бросились къ ногамъ королевы. «Какое несчастіе для насъ! вскричала она, и какое ужасное несчастіе для Франціи!» Она рыдала, и всѣ вокругъ плакали. Король подошелъ къ маршалу *Жерару*, который заливался слезами, и пожалъ ему руку съ невыразимымъ чувствомъ родительской горести, высокой преданности судьбѣ и истинно царственной твердости.

Бранные останки наслѣднаго принца были положены на носилки и прикрыты бѣлымъ покрываломъ. Королева не захотѣла сѣсть въ карету и объявила, что она пѣшкомъ проводитъ тѣло своего сына до часовни Нѣльскаго Замка. По-этому тотчасъ привели отборную роту семнадцатаго полка, чтобы идти по сторонамъ кортежа, и такимъ образомъ храбрые воины, бывшіе съ наслѣднымъ принцемъ и въ Желѣзныхъ Воротахъ и на высотахъ Музанин, сопровождали теперь трупъ его. Многіе солдаты плакали. Всѣ вспоминали съ какою блестящею храбростію герцогъ Орлеанскій встрѣчалъ непріятеля, какъ онъ умѣлъ умѣрять нѣжною и щедрою благотворительностію необходимую строгость воинскаго начальства.

Въ пять часовъ, печальное шествіе тронулось съ мѣста. Генералъ-лейтенантъ *Аталенъ* шелъ передъ носилками. Ихъ несли на плечахъ четыре унтеръ-

офицера. За тѣломъ слѣдовали пѣшкомъ король, королева, принцесса Аделаида, герцогиня Немурская, принцесса Клементина, герцогъ Омальскій, герцогъ Моннансье. Далѣе шли маршалъ *Сультъ* министры, маршалъ *Жераръ*, генералы, адъютанты короля и принцевъ и толпа народа.

Процессія слѣдовала черезъ нѣльскій паркъ въ часовню замка. Тамъ, король, королева и всѣ члены королевской фамилии, преклонивъ колѣна, удалились въ свои покои, оставивъ бранные останки своего возлюбленнаго въ дому Божіемъ.

Въ семь часовъ ординарецъ наслѣднаго принца, господинъ *Бертень де-Во*, и первый медикъ его высочества, господинъ *Шомель*, отправились въ Пломбьеръ, гдѣ находится герцогиня Орлеанская. Въ девять часовъ герцогиня Немурская и принцесса Клементина поѣхали туда же. Онѣ повезли герцогинѣ Орлеанской письмо отъ короля и королевы. Въ девять часовъ, герцогъ Омальскій, въ сопровожденіи одного изъ адъютантовъ наслѣднаго принца, отправился по приказанію короля, въ жилище покойнаго герцога, Марсаискій Павлионъ, для опечатанія бумагъ его высочества.

Королевскій ординарецъ комендантъ *Деларю* посланъ былъ за сыновьями герцога Орлеанскаго, графомъ Парижскимъ и графомъ Шартрскимъ, которые должны были провести лѣто въ приморскомъ замкѣ Э. Къ герцогу Немурскому, который находился въ Нанси, гдѣ онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, посланъ курьеръ, а въ Тулонъ сообщено повелѣніе немедленно отправить паролходъ къ берегамъ Сициліи, гдѣ, какъ полагаютъ, должна быть эскадра адмирала *Гююна*, на которой находится герцогъ Жуанвильскій.

Герцогъ Орлеанскій родился третьяго Сентября 1810 года; слѣдственно ему было тридцать-одинъ годъ, десять мѣсяцовъ и десять дней. Онъ обучался въ Коллежѣ Генриха IV, и потомъ въ Политехнической Шко-

лъ, имѣлъ весьма образованный умъ и обладалъ разнообразными познаніями. Въ особенности онъ былъ свѣдущъ въ военныхъ наукахъ и внимательно слѣдилъ за ихъ успѣхами. Во время іюльскаго переворота, герцогъ Орлеанскій, называвшійся тогда герцогомъ Шартрскимъ, былъ полковникомъ гусарскаго полка, носившаго его имя. Герцогъ находился тогда въ люневильскомъ лагерѣ и черезъ нѣсколько дней вступилъ съ полкомъ своимъ въ Парижъ. Вездѣ, гдѣ представлялась опасность, предъ Антверпеномъ, въ Африкѣ, герцогъ оказывалъ необыкновенное мужество, и войска не разъ имѣли случай удостовѣриться въ его высокихъ талантахъ, въ вѣрности его взгляда и личной его храбрости. Въ первой экспедиціи противъ Маскары, герцогъ Орлеанскій отличился блистательными подвигами и былъ раненъ. Маршалы *Жераръ* и *Клозель*, подъ начальствомъ которыхъ онъ совершилъ свои первые походы, высоко цѣнили его воинскіе таланты. Вся армія, въ которой много его товарищей по воспитанію, была чрезвычайно предана ему и онъ постоянно обращалъ заботливое вниманіе на все, что касается до солдатъ. Особенно въ Африкѣ онъ приобрѣлъ любовь солдатъ и уваженіе генераловъ, которые всегда удивлялись его твердости, скромности и простотѣ обращенія. Фердинандъ-Филиппъ-Лудовикъ-Карлъ-Георихъ-Іосифъ герцогъ Орлеанскій состоялъ въ супружествѣ съ принцессою Еленою-Луизою-Елизаветою Мекленбургъ-Шверинскою, которая родилась двадцать-четвертаго Января 1814 года; у нихъ дѣти: графъ Парижскій, (Лудовикъ-Филиппъ-Албертъ) родившійся двадцать-четвертаго Августа 1838 и герцогъ Шартрскій, родившійся девятаго Ноября 1840. Такимъ образомъ нынѣшнему наследнику французскаго престола нѣтъ еще четырехъ дѣтей.

Четырнадцатаго числа, скульпторъ *Прадье* слѣлалъ слѣпокъ съ лица, рукъ и ногъ наследнаго принца.

Черты лица герцога не были нисколько искажены смертію, физиономія его сохранила всю свою ясность и спокойствіе. Поэтому надобно надѣяться, что двѣ статуи, которыя король заказалъ господину Прадье, одна стоячая для Версальскаго Музеума, и другая лежащая для надгробнаго памятника въ Дрѣ, будутъ похожи. Есть только одинъ похожій портретъ герцога. Онъ недавно оконченъ господиномъ *Энромъ* и принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ этого знаменитаго живописца.

Пятнадцатаго Іюля, доктора *Пакье*, отецъ и сынъ, съ нѣсколькими хирургами, которыхъ король позволилъ имъ пригласить, приступили къ вскрытію тѣла герцога Орлеанскаго. Эта операція продолжалась съ семи до одиннадцатаго часовъ утра. Оказалось, что смерть произошла отъ разрыва черепа въ затылочной части; этотъ разрывъ простирается вправо до лобной кости, которая почти совсѣмъ отдѣлилась отъ головы; всѣ прочіе органы его высочества находятся въ совершенно здоровомъ состояніи, такъ-что герцогъ, который велъ жизнь чрезвычайно умѣренную, могъ бы прожить очень долго. Другимъ результатомъ этой операціи было убѣжденіе врачей, что вся сила удара была устремлена на голову, потому-что никакою другою членъ не поврежденъ и что по-этому наследный принцъ долженъ былъ не выскочить изъ экипажа, но упасть прямо головою на камень, отъ какого вѣбудь потрясенія въ то время, какъ онъ, стоя въ кабриолетѣ, говорилъ съ жокеемъ. Это подтверждается свидѣтельствомъ жандарма и одного изъ конюховъ лорда Сеймура, которые подняли герцога. Они видѣли, что герцогъ всталъ въ экипажѣ и тотчасъ потомъ упалъ, но не замѣтили, чтобы онъ пытался соскочить. Послѣ операціи тѣло набальзамировано, обернуто въ вошаную холстину и положено въ свинцовый гробъ, который запаянъ и вставленъ въ другой гробъ. Сердце герцога заключено въ

свинцовую урну. Потомъ гробъ выставленъ въ часовнѣ Нельскаго Замка, гдѣ непрерывно служатъ панихиды. Перваго и втораго Августа гробъ будетъ стоять въ церкви Парижской Богоматери; третьяго числа произведено будетъ отпѣваніе; въ ночь съ третьяго на четвертое Августа тѣло отвезутъ въ Дрѣ и тамъ оно будетъ положено въ фамильномъ склепѣ герцоговъ Орлеанскихъ. Нѣкоторые министры настаивали, чтобы наслѣдникъ престола былъ погребенъ въ Сентъ-Дени; но король на это не согласился.

Вѣсть о внезапной кончинѣ наслѣдника престола получена была въ Нанси на другой день рано утромъ, въ то время, когда герцогъ Немурскій дѣлалъ смотръ первому гусарскому полку, тому самому, которымъ герцогъ Орлеанскій командовалъ въ Юль 1830. Получивъ телеграфическую депешу, префектъ сообщалъ ее генералу *Виллату*, который принялъ на себя передать ужасное извѣстіе герцогу Немурскому; но, подходя къ принцу онъ почувствовалъ, что не въ силахъ будетъ исполнить тяжкую обязанность. Герцогъ замѣтилъ, что онъ поблѣднѣлъ. «Что съ вами, генералъ? спросилъ принцъ: вы, кажется, разстроены?—Ахъ, ваше высочество, ужасная вѣсть получена изъ Парижа..... — «Понимаю: король умеръ!... — «Нѣтъ; но принцъ Орлеанскій уже не существуетъ: онъ скончался вчера, отъ слѣдствій паденія изъ экипажа»..... Не легко изобразить отчаяніе, которое овладѣло въ эту минуту герцогомъ Немурскимъ..... Горестъ была всеобщая. Офицеры и солдаты, служившіе подъ начальствомъ покойнаго герцога, плакали навзрыдъ. Герцогъ Немурскій тотчасъ отправился въ путь; дорогою онъ встрѣтился съ господиномъ *Бертенемъ де Во*, который ѣхалъ въ Пломбьеръ, и тутъ только принцъ узналъ подробности несчастнаго событія. Герцогъ прибылъ въ Нѣльи пятнадцатаго числа. Королевская фамилія встрѣтила его на крыльцѣ. Онъ рыдалъ бросился въ объятія своихъ родителей и потомъ пошелъ съ ни-

ми въ часовню, гдѣ впрочемъ тѣла герцога Орлеанскаго не было: оно находилось въ то время въ рукахъ врачей, которые его вскрывали.

Уѣзжая изъ Нанси, герцогъ Немурскій приказалъ отправить въ Пломбьеръ на имя генерала *Бодрана*, телеграфическую депешу слѣдующаго содержанія: «Герцогъ Орлеанскій скончался въ Парижѣ.» Она получена была въ Пломбьеръ въ тотъ же день, въ то самое время, какъ герцогиня Орлеанская, возвратившись съ длинной прогулки, готовилась сѣсть за столъ съ нѣсколькими приглашенными особами. Генералъ *Бодранъ*, получивъ это извѣстіе, побѣжалъ къ префекту и принесъ другую депешу, которую они сами сочинили и въ которой говорилось не о смерти, а объ опасной болѣзни герцога Орлеанскаго. Принцесса съ живѣйшей горестію получила это первое, осторожное сообщеніе о постигшемъ ее бѣдствіи. Она тотчасъ хотѣла ѣхать и генералъ приказалъ все приготовить къ отъѣзду. Часа черезъ два она была уже въ каретѣ. «Герцогъ Орлеанскій побранить меня, говорила она; но нужды нѣтъ: я уже рѣшилась.» Дорогой, ночью, карета ея высочества остановилась, потому-что встрѣтилась съ тою, въ которой господинъ *Бертенъ де-Во* и докторъ *Шомель* ѣхали въ Пломбьеръ. Докторъ подошелъ къ экипажу герцогини, которая съ величайшей поспѣшностью выскочила изъ кареты. «Какія извѣстія? спросила она, трепеща всѣмъ тѣломъ; ему хуже?» Докторъ *Шомель* былъ не въ состояніи выговорить ни слова. «Понимаю! Онъ умеръ!» вскричала герцогиня въ ужаснѣйшемъ отчаяніи. Казалось, что она не выдержитъ этого страшнаго удара: кризисъ былъ ужасный и продолжительный..... Сказавъ сначала, что понимаетъ, принцесса не хотѣла потомъ вѣрить своему несчастію. «Нѣтъ, кричала она въ величайшемъ волненіи, нѣтъ, это невозможно! Снъ не умеръ! Вы меня обманываете. Мы еще найдемъ его въ живыхъ. Я еще увижу его!» Эта горестная,

ночная сцена, тянулась очень долго. Наконецъ герцогиню положили въ карету и ея высочество приказала ѣхать какъ можно скорѣе «чтобы видѣть хоть мертвымъ того, кого Небо не судило мнѣ видѣть живымъ,» говорила она. Нѣсколько далѣе несчастная герцогиня встрѣтилась со своими сестрами, герцогинею Немурской и принцессою Клементиною. Она пересѣла въ ихъ карету и продолжала свою поѣздку, не останавливаясь ни на минуту. Король и королева приняли несчастную свою невѣстку въ свои объятія, когда она вышла изъ кареты въ Нѣльи. Всѣ присутствовавшіе удалились изъ уваженія къ этой глубокой, семейной скорби. Герцогиня тотчасъ потребовала дѣтей своихъ и долго прижимала ихъ къ своему сердцу, заливаясь слезами. Послѣ того король и королева повели ее въ часовню, гдѣ покоилось тѣло герцога Орлеанскаго. Принцесса стала на колѣна и долго молилась. Потомъ она настоятельно просила, чтобы гробъ открыли.... Но она не могла даже имѣть печальнаго утѣшенія еще разъ взглянуть на черты обожаемаго супруга: гробъ былъ запаянъ свинцомъ и вскрытіе его потребовало бы очень много времени и трудовъ. Черезъ нѣсколько времени принцессу отвели въ покой и уложили въ постель. Часа въ три она встала и захотѣла принять тѣхъ изъ приближенныхъ своего супруга, которые въ то время находились въ Нѣльскомъ Дворцѣ. Здоровье принцессы, по видимому, не сильно пострадало отъ горести, которою Небу угодно было поразить ее. Послѣ первыхъ, ужасныхъ порывовъ отчаянія, она вооружилась мужествомъ, которое твердыя души умѣютъ противопоставлять ударамъ судьбы. Вдова наследнаго принца вспомнила, что она мать графа Парижскаго. Герцогиня Орлеанская вспомнила всю важность обязанностей, которыя ей остается исполнить, тѣмъ болѣе, что она беременна.

Здоровье короля такъ хорошо, какъ только можно было ожидать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Только

въ ночь послѣ страшнаго дня тринадцатаго Юля, почти семидесятилѣтній король, окончивъ всѣ нужныя распоряженія, впалъ въ уныніе и разслабленіе, продолжавшіеся нѣсколько часовъ; но слезы, первыя, которыя онъ пролилъ со смерти старшаго и любимаго своего сына, облегчили стѣсненную грудь его. Потомъ онъ снова преодолѣлъ себя и твердость его обнаружилась болѣе чѣмъ когда либо. Онъ, который какъ отецъ и король, долженъ живѣе всѣхъ чувствовать раннюю кончину своего старшаго сына, онъ первый вооружился мужествомъ, и на другой день послѣ этого несчастнаго событія, обратился къ своей націи съ утѣшительными словами. «Бѣдствіе, насъ постигшее, ужасно, сказалъ онъ своимъ министрамъ, но оно не должно лишать насъ бодрости и довѣрія; съ помощію Божіею мы преодолѣемъ всѣ препятствія.» Онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, когда разсуждали о предстоящемъ регентствѣ, говорилъ объ этомъ предметѣ въ продолженіе двухъ часовъ съ такою ясностію идей, съ такимъ глубокомысліемъ, что министры не могли надивиться. Сама королева, которой уже шестьдесятъ лѣтъ, и которая, по своей материнской нѣжности, можетъ служить примѣромъ для всѣхъ матерей, воодушевилась примѣромъ своего супруга, съ свойственною ей набожностію покорилась несповѣдимымъ опредѣленіямъ Всевышняго Промысла и вмѣсто жалобы на судьбу, вмѣсто рошота, говорила: «Я слишкомъ гордилась прекрасною будущностію, на которую сынъ мой, обладая столькими прекрасными качествами, по-видимому, имѣлъ полное право. Богу угодно было наказать мою материнскую гордость и Онъ отозвалъ къ себѣ моего старшаго сына для того, чтобы я не забывала смиренія.»

Несчастная кончина герцога Орлеанскаго произвела глубокое впечатлѣніе на всѣ классы народа, безъ различія партій. Оппозиціонные журналы не уступаютъ министерскимъ въ живости сожалѣнія о судьбѣ принца,

который въ продолженіе своей кратковременной жизни, умѣлъ приобрести всеобщую любовь, и враговъ не имѣлъ. Июльскія празднества отмѣнены; театры повсюду закрыты и фонды упали; акціи французскаго банка въ сутки понизились на девяносто—четыре франка.

Королевскимъ повелѣніемъ отъ пятнадцатаго Юля палаты созываются къ двадцать—шестому Юля для рѣшенія вопроса о регентствѣ. Это повелѣніе сообщено въ департаменты по телеграфу, чтобы депутаты успѣли къ тому времени съѣхаться въ Парижъ. Вопросъ о регентствѣ занимаетъ теперь всѣ умы и наполняетъ всѣ журналы. Французское законодательство не содержитъ въ себѣ на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ постановленій. Препыми примѣрами также нельзя руководствоваться, потому—что они не одинаковы: иногда регентомъ былъ ближайшій родственникъ покойнаго короля, въ другихъ случаяхъ, государствомъ управляла мать малолѣтнаго государя. Мнѣнія объ этомъ предметѣ раздѣляются на два главныхъ. Одна партія присвоиваетъ право регентства герцогу Немурскому, другая герцогинѣ Орлеанской. По салическому закону женщины, какъ извѣстно, устраняются отъ престолонаслѣдія во Франціи и потому первая партія утверждаетъ, что регентство можетъ быть ввѣрено только мужчинамъ. Вторая партія возражаетъ, что салическій законъ касается только до наслѣдства престола и къ регентству примѣняемо быть не можетъ, почему многія женщины были регентшами во Франціи во время малолѣтства своихъ сыновей и замѣчаютъ, что онѣ вообще управляли государствомъ удачливѣе регентовъ. Оппозиція поддерживаетъ послѣднее мнѣніе. Вопросъ о регентствѣ былъ уже разсматриваемъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ министерскаго совѣта и наконецъ составленъ проектъ, на счетъ котораго, впрочемъ, министры несогласны между собою. Въ засѣданіи совѣта, происходившемъ семнадцатаго числа, король, въ длинной рѣчи, съ величай-

шей ясностію изложилъ мнѣнія и доводы всѣхъ членовъ совѣта, потомъ объявилъ свое собственное мнѣніе и предложилъ придать въ помощь будущему регенту совѣтъ регентства, который бы состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: министровъ, которые будутъ занимать эти мѣста во время его кончины, канцлера Франціи, великаго—референдарія палаты перовъ, перваго президента и генераль—прокурора кассационнаго суда, перваго президента и генераль—прокурора счетнаго суда, и четырехъ маршаловъ Франціи. Въ заключеніе его величество объявилъ, что онъ составляетъ проектъ закона объ ответственности министровъ и желаетъ, чтобы этотъ проектъ представленъ былъ палатамъ вмѣстѣ съ закономъ о регентствѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ (Прусской Государственной Газетѣ) напечатано письмо объ этомъ предметѣ изъ Парижа. Въ этомъ письмѣ между прочимъ сказано: «Черезъ нѣсколько дней палаты соберутся, чтобы заняться вопросомъ о регентствѣ. Это будетъ важная и торжественная минута для Франціи, которой суждено на продолжительное время имѣть малолѣтнаго государя. Вообще полагаютъ, что герцога Немурскаго будетъ назначенъ въ регенты, а опека надъ дѣтьми покойнаго наслѣднаго принца будетъ ввѣрена вдовствующей герцогинѣ Орлеанской. Графъ Парижскій объявленъ будетъ совершенно—лѣтнимъ въ осьмнадцать лѣтъ. Герцогиня обладаетъ обширными умомъ и имѣла благотворное вліяніе на своего супруга, почему она пользуется въ высочайшей степени любовью и уваженіемъ народа. Здоровье короля весьма удовлетворительно и онъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, сохранилъ всю свѣжесть своего ума. Чѣмъ долѣе проживетъ Лудовикъ Филиппъ, тѣмъ лучше будетъ для Франціи; но даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ Францію ожидаетъ продолжительное регентство, при которомъ духъ партій оживится и, можетъ—быть, проявится въ безразсудныхъ

дѣйствіяхъ. Если бы партіи оставляли монархическое правленіе и династію неприкосновенными, то регентство было бы положеніемъ менѣе опаснымъ; но въ Парижѣ, гдѣ основныя законы дѣлаются предметомъ споровъ и гдѣ на нихъ явно нападаютъ, междоусобная война всегда возможна, а она не рѣдко служитъ предлогомъ для войны внѣшней. Во Франціи занимаются только настоящимъ, почти никогда не разсчитываютъ послѣдствій событія и ограничиваются однимъ поверхностнымъ взглядомъ на предметы. Кончина герцога Орлеанскаго повергла весь Парижъ въ глубокую печаль и уныніе; но на другой же день, замѣтивъ, что курсъ французскихъ фондовъ на биржѣ не слишкомъ понизился, многіе успокоились и даже начали думать, что это горестное событіе не имѣетъ такой политической важности, какую приписывали ему сначала. Такимъ образомъ во Франціи о важнѣйшихъ событіяхъ судятъ по колебанію фондовъ. То, что мы утверждаемъ, не есть преувеличеніе или смѣлая догадка. Какъ скоро совершилось какое-нибудь важное событіе, всѣ бѣгутъ на биржу и если курсъ фондовъ остался неподвижнымъ, то изъ этого заключаютъ, что опасности никакой нѣтъ; но если онъ понизился, то всѣ тревожатся и опасенія возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ курсы фондовъ падаютъ.»

Въ бумагахъ герцога Орлеанскаго найдено его завѣщаніе. Оно написано наканунѣ того дня, когда герцогъ отправился въ Бельгію, чтобы принять участіе въ осадѣ Антверпена, и онъ дѣлалъ въ немъ прибавленія всякій разъ, какъ отъѣзжалъ въ Африку. Въ одной изъ статей этого завѣщанія, принцъ, отдавая полную справедливость обширному уму и возвышенному характеру супруги своей, принцессы Елены, изъявляетъ между тѣмъ твердое убѣжденіе, что въ случаѣ малолѣтства наследника престола, регентство должно быть вѣрено мужскимъ рукамъ, которыя были бы довольно сильны,

чтобы въ трудныхъ обстоятельствахъ, нести бремя правленія и владѣть мечемъ, чтобы защищать государственныя коренныя постановленія. Въ одномъ журналѣ сказано, что еще прежде, чѣмъ завѣщаніе покойнаго герцога сдѣлалось извѣстнымъ, августѣйшая вдова его, по собственному побужденію, изъявила тоже самое мнѣніе.

Въ день кончины герцога Орлеанскаго, король не принималъ никого кромѣ своихъ министровъ; но во дворецъ явился господинъ *Лафиттэ* и былъ принятъ. *Лафиттэ* бросился къ ногамъ короля и, заливаясь слезами, цѣловалъ его руки. Король поднялъ его и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. Они пробыли тамъ съ часъ, и по выходѣ оттуда господинъ *Лафиттэ* былъ такъ разстроенъ, что едва держался на ногахъ. Король приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ проводить его до дому.

Несчастный жокей, который везъ герцога Орлеанскаго въ день его кончины, помѣшался. Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ и безпрестанно, со слезами на глазахъ, повторяетъ: «Я не убилъ моего добраго господина!»

Домъ, въ которомъ скончался герцогъ Орлеанскій, былъ тотчасъ послѣ того закрытъ и теперь купленъ за сто-тысячъ франковъ. Домъ будетъ срытъ и на мѣстѣ его соорудится часовня, а мебели перевезены въ Нѣльскій Дворецъ. Королева хочетъ устроить тамъ точно такую же комнату, какъ та, въ которой лежалъ, въ послѣднія свои минуты, несчастный сынъ ея.

Теперь, сообщивъ нашимъ читателямъ подробности горестнаго событія, которое занимаетъ всѣ умы, мы должны обратиться назадъ, чтобы продолжать изложеніе современныхъ событій съ точки, на которой мы остановились въ предъидущей нашей статьѣ.

Разсмотрѣніе бюджета началось въ засѣданіи палаты депутатовъ семнадцатаго Мая. Общія пренія о бюджете—

тѣ подають обыкновенно депутатамъ поводъ говорить обо всемъ на свѣтѣ. Оппозиція, пользуясь случаемъ къ нападеніямъ на министровъ, разсматриваетъ всѣ вопросы внѣшней и внутренней политики. Ораторъ читаетъ длинную рѣчь или произноситъ заранѣе придуманную импровизацію, слѣдующій дѣлаетъ тоже, нисколько не обращая вниманія на то, что говорилъ предыдущій, и нѣсколько засѣданій проходятъ въ этомъ невинномъ занятіи. Но въ нынѣшнее собраніе случаевъ къ подобнымъ преніямъ было такъ много, что о бюджетѣ вообще говорилъ одинъ только господинъ *Лепелльте д'Онэ*, и тотчасъ приступлено было къ разсмотрѣнію статей бюджета. При разсмотрѣніи бюджета министерства духовныхъ дѣлъ, нѣкоторые депутаты изъявили свое негодованіе на то, что булла папы противъ Испаніи была обнародована во Франціи и что архіепископъ парижскій въ рѣчи, произнесенной имъ во дворцѣ въ день тезаименитства короля (рѣчи, которая и не помѣщена въ Монитерѣ), коснулся предметовъ политическихъ. Между прочимъ господинъ *Маршалъ* утверждалъ, что министры должны отвѣчать за подобныя официальные рѣчи и за отвѣты на нихъ короля. Послѣ рѣчей нѣсколькихъ другихъ депутатовъ, изъ которыхъ одни соглашались съ господиномъ *Маршалемъ*, а другіе опровергали его мнѣніе, министръ юстиціи, завѣдывающій дѣлами духовнаго вѣдомства, отвѣчалъ, что документъ, который господинъ *Маршалъ* называетъ буллою не что иное, какъ пастырское посланіе папы и потому на обнародованіе его не требовалось особеннаго разрѣшенія; что же касается до рѣчи парижскаго архіепископа, то поздравительныя рѣчи, произносимыя при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, не сообщаются заранѣе министерству, а потому оно и не можетъ отвѣчать за нихъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Не смотря на жаркое сопротивленіе господина *Изамбера*, положено было увеличить содержаніе парижскаго архіепископа съ

24,000 до 40,000 франковъ, а съ другой стороны, по предложенію *Ф. Делессера*, къ суммѣ, ассигнованной на содержаніе протестантскаго духовенства прибавлено еще 160,000 франковъ. Разсмотрѣніе бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ подало поводъ къ новымъ и продолжительнымъ преніямъ о трактатѣ для искорененія торга неграми-невольниками, въ которыхъ принимали участіе знаменитѣйшіе ораторы: *Бильо*, *Тьеръ*, *Ламартинъ*, *Беррье*, *Могенъ*, *Дюпенъ*, *Сальванди* и *Гизо*. Но предметъ такъ уже истощенъ, что никто не сказалъ ничего новаго, и ораторы только повторяли въ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ выраженіяхъ всѣ извѣстные доводы pro и contra этого трактата. Въ-слѣдъ за тѣмъ утверждены, почти безъ споровъ и безъ всякихъ важныхъ измѣненій, бюджеты министерствъ иностранныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, торговли, и публичныхъ работъ. Все это было дѣломъ двухъ засѣданій. Нѣкоторые депутаты оппозиціи старались продлить пренія вопросами о разныхъ неважныхъ предметахъ, но вниманіе палаты было уже истощено преніями о правѣ осмотра кораблей, и она ничего не слушала. Только бюджетъ военнаго министерства возбудилъ нѣкоторые пренія, между прочимъ о коннозаводствѣ, управленіе которымъ министерство торговли и военное оспариваютъ одно у другаго. Чтобы кончить этотъ споръ господинъ *Лербеттъ* предложилъ включить изъ бюджета сумму въ 60,000 франковъ, назначенную на этотъ предметъ по военному министерству, и палата, не смотря на сопротивленіе маршала *Сульты*, приняла его предложеніе. При разсмотрѣніи суммъ, назначенныхъ на военную школу, господинъ *Араго* не одобрялъ нѣкоторые постановленія, затруднявшія пріемъ молодыхъ людей въ политехническую школу. Ихъ экзаменуютъ съ излишнею строгостію, и экзаменаторы даютъ имъ вопросы, на которые и онъ самъ (*Араго*) затруднился бы отвѣчать. «Такъ, напримѣръ,

сказалъ онъ, въ программѣ есть вопросъ: отчего солнечныхъ затмѣній бываетъ меньше чѣмъ лунныхъ? Признаюсь, такой вопросъ поставилъ бы меня въ большое затрудненіе. Какимъ образомъ могъ бы я доказать отчего солнечныя затмѣнія бываютъ рѣже, между-тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они гораздо многочисленнѣе лунныхъ?» Само собою разумѣется, что это замѣчаніе возбудило всеобщій смѣхъ. Господинъ *Вильменъ* защищалъ постановленія, изданныя для политехнической школы; онъ замѣтилъ, что предметъ столь важный не слѣдуетъ дѣлать смѣшнымъ, что программа экзаменовъ составлена товарищами господина *Араго*, что одна ошибка (будто бы) ничего не доказываетъ, что въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣдуетъ обращать вниманіе на ученое образованіе юношества и что по-этому самому уставъ политехнической школы и измененъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Статьи о расходахъ въ Африкѣ прошли почти безъ преній, но при разсмотрѣніи статьи объ укрѣпленіяхъ Парижа, господинъ *Лербеттъ* предложилъ, чтобы эти укрѣпленія были вооружены только во время войны. Онъ и нѣкоторые другіе депутаты изъявляли опасеніе, чтобы эти укрѣпленія не были когда-нибудь обращены противъ Парижа. Военный министръ старался доказать невозможность этого и замѣтилъ, что для вооруженія парижскихъ укрѣпленій потребуются весьма значительныхъ суммъ и потому не можетъ-быть произведено безъ разрѣшенія палаты. Предложеніе господина *Лербетта* отвергнуто. При сужденіяхъ о бюджетѣ морскаго министерства, господинъ *Лакроссъ* предложилъ прибавить къ этому бюджету около трехъ-милліоновъ франковъ для того, чтобы можно было не уменьшать флота и имѣть всегда въ готовности на рейдѣ восемь линейныхъ кораблей и десять фрегатовъ. Министръ финансовъ замѣтилъ, что трехъ-милліоновъ для этого недостаточно и что онъ не можетъ согласиться

на такую прибавку, потому-что государственные финансы и безъ того находятся не въ блистательномъ положеніи. Господинъ *Могенъ* сказалъ, что онъ также желаетъ, чтобы въ государственныхъ расходахъ соблюдала была всевозможная бережливость, но что надобно имѣть въ виду не одно настоящее, но и будущее; что въ такое время, когда на всѣхъ моряхъ крейсируютъ военные корабли, нельзя и думать о разоруженіи французскаго флота; что, наконецъ, между Франціею и Англіею настоитъ важный вопросъ и трактатъ о правѣ осмотра кораблей, который не ратификованъ, чего никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ вида. Это мнѣніе защищали между прочимъ господа *Ламартинъ* и *Люборъ*, и предложеніе господина *Лакросса* было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Оппозиціонныя газеты старались представить это важною побѣдою оппозиціи, которая, по словамъ ихъ, доказала, что умѣетъ пренебрегать расчетами бережливости, когда дѣло идетъ о настоящихъ выгодахъ и достоинствѣ Франціи. *Constitutionnel* и *Courrier français* утверждали, что палата, увеличивъ тремя-милліонами бюджетъ морскаго министерства, доказала свою недовѣрчивость къ министрамъ, и замѣчали, что никогда еще не случалось, чтобы министерство, желавшее уменьшить флотъ, принуждено было оставить его въ прежнемъ положеніи и чтобы палата назначила для того особый кредитъ противъ воли министерства. Морской бюджетъ былъ утвержденъ, а въ слѣдъ за нимъ, въ какіе-нибудь четверть часа, и бюджетъ министерства финансовъ, потомъ особый бюджетъ палаты депутатовъ, наконецъ, въ засѣданіи тридцатаго Мая, и весь бюджетъ государственныхъ расходовъ утвержденъ большинствомъ 209 голосовъ противъ 70. Въ слѣдующемъ засѣданіи отвергнули, большинствомъ 206 голосовъ противъ 63, проектъ закона о пособіи, которое правительство хотѣло оказать компаніямъ желѣзныхъ дорогъ изъ Страсбурга въ Базель, изъ Бордо въ

Тіесть и изъ Парижа въ Версаль по лѣвому берегу Сены. Въ засѣданіи перваго Іюня, приняты значительнымъ большинствомъ голосовъ проекты законовъ о дозволеніи Карлу Лафиту и обществу желѣзной дороги изъ Парижа въ Руанъ продолжить эту дорогу на свой счетъ до Гавра; о назначеніи 25,000 франковъ на іюльскія празднества и объ ассигнованіи суммы на изданіе твореній *Лапласа*. Въ засѣданіи втораго Іюня назначено 30,000 франковъ на опыты надъ ночными телеграфами; утвержденъ законъ, по которому прежнія постановленія на счетъ политическихъ выходцевъ, живущихъ во Франціи, остаются въ своей силѣ до конца 1843 года, и потомъ приступлено къ разсмотрѣнію бюджета государственныхъ доходовъ. Оно окончено безъ важныхъ преній на слѣдующій день и бюджетъ доходовъ утвержденъ большинствомъ 221 голоса противъ 59.

Въ засѣданіи палаты перовъ семнадцатаго Мая, сынъ маршала *Нея* предложилъ министрамъ нѣсколько вопросовъ на счетъ несчастія, случившагося осьмага Мая, на желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Версаль по лѣвому берегу Сены. Онъ говорилъ о недостаточности существующихъ постановленій о желѣзныхъ дорогахъ. Этотъ несчастный случай долженъ быть приписанъ единственно тому, что сломался паровозъ о четырехъ колесахъ; между тѣмъ въ условіяхъ, заключенныхъ между правительствомъ и компаніями желѣзныхъ дорогъ, ничего не сказано ни о прочности паровоза, ни о внутреннемъ ихъ устройствѣ, ни о числѣ колесъ ихъ; въ условіяхъ упоминается только о прочности котловъ, тогда какъ люди, хорошо знающіе дѣло, давно утверждаютъ, что употребленіе четырехколесныхъ паровозовъ должно быть совершенно запрещено. Потомъ ораторъ упомянулъ о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, которыя могутъ быть приняты для предупрежденія на будущее время подобныхъ несчастій. Такъ напримѣръ можно от-

дѣлать пассажировъ отъ паровозовъ повозками съ багажемъ; слѣдуетъ также запретить употребленіе въ одно время двухъ паровозовъ, опредѣлить крайнюю степень быстроты поѣздокъ и прочее. Предложеніе не заперать вагоны ораторъ не одобрилъ: онъ находилъ весьма опаснымъ предоставлять пассажирамъ возможность высказывать изъ экипажей, когда имъ вздумается. Министръ публичныхъ работъ отвѣчалъ, что всеобщая заботливость, къ сожалѣнію, дѣйствительно обращена была нынѣ на одну только опасность, именно взрывъ котла; между тѣмъ несчастное происшествіе осьмага Мая обнаружило другія опасности. Но пока слѣдствіе не кончено, никакого приговора произнести невозможно. Употребленіе четырехколесныхъ паровозовъ предлагается запретить, но этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, потому что инженеры несогласны между собою на счетъ того какимъ паровозамъ слѣдуетъ отдать преимущество, о шести или четырехъ колесахъ. После этихъ объясненій палата приступила къ разсмотрѣнію проекта закона о дополнительныхъ кредитахъ на 1841 и 1842 годы, который и утвержденъ въ два дня. Принятіи палатою депутатовъ, проектъ закона о желѣзныхъ дорогахъ встрѣтилъ въ палатѣ перовъ нѣкоторое сопротивленіе. Между прочимъ маркизъ *Бартеллеми* и маркизъ *Одиффре* утверждали, что вмѣсто того, чтобы строить вдругъ нѣсколько маленькихъ дорогъ, или, лучше сказать, частицъ дорогъ, гораздо полезнѣе было бы обратиться все способы, которыми правительство можетъ располагать, на устройство одной большой дороги и, окончивъ эту, приняться за другую. По-этому они предлагали назначить предварительно восемьдесятъ-четыре милліона франковъ на устройство большой желѣзной дороги, которая бы соединила Атлантическій Океанъ съ Средиземнымъ Моремъ, Бельгію и Голландію съ Италіею. Если бы это предложеніе было принято, то палата депутатовъ, окончивъ свои занятія, не могла бы уже

снова рассмотреть проект о желѣзныхъ дорогахъ и его пришлось бы отложить до будущаго года. По-этому палата перовъ не согласилась съ мнѣніемъ господъ *Бартеlemi* и *Одиффре*, и предложеніе ихъ отвергнуто, большинствомъ 100 голосовъ противъ 16. Въ слѣдъ за тѣмъ, въ засѣданіи третьяго Юня, и весь проектъ о желѣзныхъ дорогахъ утвержденъ, большинствомъ 107 голосовъ противъ 55. Въ засѣданіи осьмага Юня приступлено было къ рассмотрѣнію бюджета расходовъ, который и утвержденъ на слѣдующій день, большинствомъ 193 голосовъ противъ 12; а десятаго Мая она утвердила большинствомъ 120 голосовъ противъ 9, бюджетъ государственныхъ доходовъ и тѣмъ окончила занятія нынѣшняго собранія. Одиннадцатаго Мая палаты перовъ и депутатовъ закрыты.

На счетъ нынѣшняго собранія палаты депутатовъ въ журналахъ дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія. Оно началось двадцать-осьмага Декабря 1841 и продолжалось только 159 дней, то есть, сорока пятью днями менѣе прошлагодняго. Въ теченіе этого времени публичныхъ засѣданій было 98. При выборахъ въ президенты въ пользу господина *Созе* подано было 193 голоса, *Ламартина* 64, *Одилона-Барро* 45. Въ это собраніе два предмета въ особенности обращали на себя всеобщее вниманіе: адрессъ и желѣзныя дороги. Адрессъ, котораго докладчикомъ былъ господинъ *Дюмонъ*, былъ разсматриваемъ въ продолженіе двѣнадцати засѣданій и принятъ большинствомъ 240 голосовъ противъ 156. Пренія о желѣзныхъ дорогахъ, — докладчикомъ былъ господинъ *Дюфоръ*, — заняли четырнадцать засѣданій; проектъ утвержденъ большинствомъ 245 голосовъ противъ 83. Трое депутатовъ воспользовались своимъ правомъ предлагать законы. Предложеніе господина *Ганнерона* о несовмѣстности нѣкоторыхъ общественныхъ должностей съ званіемъ депутата было отвергнуто, большинствомъ 298 голосовъ противъ 190; предложеніе господина *Дюко* о расширеніи

права выборовъ отринуто, большинствомъ 234 голосовъ противъ 193; наконецъ, предложеніе господина *Гольбери* объ изданіи парламентскихъ бюллетеней принято въ рассмотрѣніе; но потомъ уже не являлось на очереди. Однимъ изъ важнѣйшихъ рѣшеній палаты были, принятіе и рассмотрѣніе адреса, — предложеніе господина *Мунбра*, — на основаніи котораго палата объявила себя противъ ратификаціи договора объ искорененіи торга неграми-невольниками. Количество дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ на 1841 и 1842 годы, утвержденныхъ палатами въ прошедшее собраніе, составляетъ 58,949,766 франковъ. Если присоединить къ этому принятые въ тѣхъ годахъ чрезвычайные кредиты, простирающіеся до 562,000,000, и суммы бюджетовъ тѣхъ же лѣтъ, то получится необятная сумма 2,999,895,000 франковъ. Чрезвычайные кредиты на текущій годъ составляютъ 46,143,262 франка, а обыкновенные государственные расходы исчислены въ 1,322,481,338 франковъ. Расходы, предложенные въ 1843 году, и утвержденные уже на слѣдующій годъ кредиты, составляютъ сумму въ 1,347,762,137 франковъ; доходы исчислены въ 2,231,193,380 франковъ, такимъ образомъ долженъ оказаться дефицитъ въ 116,568,757 франковъ.

Въ Мониторѣ, отъ тринадцатаго Юля, напечатанъ декретъ о распущеніи палаты депутатовъ. Избирательныя коллегіи созываются этимъ декретомъ къ девятому Юлю, за исключеніемъ двухъ корсиканскихъ, которыя должны собраться девятнадцато Юля. Открытіе новой палаты назначено третьяго Августа. (Мы видѣли выше, что по случаю кончины герцога Орлеанскаго, этотъ срокъ измѣненъ).

Въ Мониторѣ отъ двадцать-седьмага Юня напечатано королевское повелѣніе о возвышеніи привозной пошлины на ленъ и льняныя издѣлія. Палата, при рассмотрѣніи въ минувшемъ году тарифа, назначила пошли-

ну на полотно ниже чѣмъ на ленъ; въ декретѣ объ пошлинахъ уравнины и опредѣлены въ тридцать процентовъ, съ цѣлности. Къ Бельгій новой тарифъ не будетъ примѣненъ до двадцатаго Июля, если между-тѣмъ не послѣдуетъ особаго повелѣнія. Съ бельгійскимъ правительствомъ производятся переговоры о томъ, чтобы оно установило у себя такую же пошлину на англійскія льняныя издѣлія дятаго, чтобы они не могли быть привозимы во Францію подъ видомъ бельгійскихъ. Если оно согласится на это и предоставитъ Франціи еще нѣкоторыя выгоды, то съ бельгійскихъ льняныхъ товаровъ будетъ по прежнему взимасмо только десять процентовъ пошлины; въ противномъ же случаѣ новый тарифъ будетъ примѣненъ и къ Бельгій. Результатъ этихъ переговоровъ еще неизвѣстенъ.

Первые выборы были неблагопріятны для министерства. Въ Парижѣ и его округѣ избраны кандидаты охранительной партіи генераль *Жакмино* и господинъ *Лефебръ*; кандидаты оппозиціи *Бильо*, *Ганнеронъ*, *Мари*, *Карио*, *Морё*, *Бетмонъ*, *Галие*, *Вавёнъ*, *Боассель*, *Горнонъ*, *Жувансель* и *Ластеріе*. Впрочемъ большинство парижскихъ департаментовъ всегда принадлежало къ оппозиціи. Въ Парижѣ, средоточіи политической жизни, страсти дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ въ провинціяхъ. Притомъ надобно замѣтить, что оппозиція имѣетъ гораздо болѣе газетъ, чѣмъ охранительная партія, и интриги избирательныхъ комитетовъ, которые всѣ въ Парижѣ, производятъ тамъ болѣе дѣйствія, чѣмъ въ департаментахъ. По-этому не должно удивляться, что изъ четырнадцати выборовъ только два оказались въ пользу министерства. Результаты остальныхъ выборовъ не оправдали надеждъ ни министерства, ни оппозиціи. Законодательное собраніе 1839 года почти все снова избрано: новыхъ депутатовъ только семьдесятъ. По разсчету министерскихъ газетъ къ охранительной партіи принадлежатъ 266 депутатовъ, къ оппозиціи всѣхъ

подраздѣленій 193. Въ Constitutionnel напротивъ утверждаютъ, что изъ вновь-выбранныхъ, 227 человекъ принадлежатъ къ оппозиціи и 252 къ министерской партіи. Вѣрность или неточность этихъ исчисленій окажется при рѣшеніи перваго кабинетнаго вопроса. Наибышній разъ множество кандидатовъ изъ журналистовъ, именно: *Эмиль Жирарденъ*, главный редакторъ и владѣлецъ газеты *la Presse*; господинъ *Шамболь*, главный редакторъ *Siècle*; *Сенъ-Маркъ-Жирарденъ* и *Мишель Шевалье*, редакторы *Journal des Débats*; аббатъ *де-Женудъ*, владѣлецъ и главный редакторъ *Gazette de France*; *Леонъ Фоле*, главный редакторъ *Commerce*; *Томасъ* и *Бастидъ*, редакторы *le National*; наконецъ, виконтъ *Вальмъ*, главный редакторъ журнала *la Mode*. Изъ нихъ избраны только трое первые. Такимъ образомъ журналистика оставила на полѣ сраженія много убитыхъ.

Слѣдующія цифры показываютъ въ какой степени усиливалась въ Парижѣ антимиистерская партія:

Въ 1834 году въ двѣнадцати парижскихъ округахъ было на сторонѣ оппозиціи	3,507	голосовъ.
На сторонѣ министерства	6,886	—
Большинство въ пользу министерства	3,379	—
Въ 1837, въ министерство графа <i>Моле</i> было на сторонѣ оппозиціи	5,738	—
На сторонѣ министерства	7,093	—
Большинство въ пользу министерства	1,355	—
Въ 1839, во времена коалиціи, въ которой принимали участіе господинъ <i>Гизо</i> и его приверженцы, было на сторонѣ оппозиціи	7,707	—
На сторонѣ министерства	6,267	—
Большинство въ пользу оппозиціи	1,440	—
Въ 1842, на сторонѣ оппозиціи	8,351	—
На сторонѣ министерства	5,616	—
Большинство въ пользу оппозиціи	2,735	—

Между-тѣмъ какъ во Франціи палаты продолжаютъ свои занятія и въ праздники, въ Англии, странѣ религіозной, парламентъ въ дни, торжествуемые церковью, всегда закрывается. Такъ и нынче засѣданія прекращались на нѣсколько дней по случаю Духова Дня.

Первое засѣданіе послѣ того нижняя палата провела въ разговорахъ о разныхъ болѣе или менѣе важныхъ предметахъ, и сверхъ того занималась назначеніемъ суммы на нѣкоторыя части управленія. Между прочимъ капитанъ *Болджеро* предложилъ бюджетъ артиллерійскаго департамента. При разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ онъ объявилъ, что во время пожара въ *Товерѣ* было военныхъ припасовъ на 168,000 фунтовъ стерлинговъ; изъ того числа ружей, годныхъ въ дѣло спасено на 20,000 фунтовъ стерлинговъ, что въ означенной общей суммѣ заключалось на 20,000 фунтовъ стерлинговъ военныхъ трофеевъ и другихъ предметовъ, не назначенныхъ къ употребленію, и что потому матеріальный убытокъ простирается собственно только до 128,000 фунтовъ стерлинговъ (около 5,824,000 рублей ассигнаціями). Въ это засѣданіе утверждень докладъ по биллю лорда *Станлея* о переселенцахъ, о которомъ мы говорили въ четвертой книжкѣ этого журнала.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, палата занималась двумя важными предметами: подкупами на парламентскихъ выборахъ и тарифомъ на ввозъ рогатаго скота. При разсужденіяхъ о первомъ предметѣ сэръ *Робертъ Пилль* объявилъ, что онъ готовъ всѣми силами содѣйствовать искорененію злоупотребленій, нарушающихъ достоинство нижней палаты. Въ одномъ изъ предыдущихъ собраній парламента сэръ *Робертъ Пилль*, бывъ еще членомъ оппозиціи, предлагалъ билль о разбирательствѣ спорныхъ выборовъ, высказывавшій всю обширность подкуповъ. Этотъ билль едва не былъ принятъ. Полагаютъ, что онъ вновь предложитъ его въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Надобно полагать, что при этомъ онъ встрѣтитъ сопротивление со стороны нѣкоторыхъ членовъ своей партіи, но большая часть охранительныхъ газетъ считаетъ эту оппозицію ничтожною. Гораздо важнѣе другая часть охранительной партіи, состоящая изъ депутатовъ графствъ, то есть, представителей земледѣлія и скотоводства. Господинъ *Мильсъ*, въ засѣданіи 24 Мая, предлагалъ отъ ихъ имени сдѣлать въ статьѣ предложеннаго сэромъ *Робертомъ Пиллемъ* тарифа, касающейся до рогатаго скота, измѣненіе, состоящее въ томъ, чтобы пошлина была взимаема не съ вѣсу, а со штуки. Сэръ *Робертъ Пилль* и господа *Гладеронъ* говорили противъ этого предложенія. Они старались доказать какъ неосновательны опасенія сельскихъ хозяевъ, которые полагаютъ, что по введеніи новаго тарифа, англійскіе рынки наполнятся иностраннымъ скотомъ. Сравненіе съ законами о хлѣбѣ тутъ неумѣстно, говорили они: на хлѣбномъ рынкѣ англійскій производитель долженъ соперничать съ цѣлымъ міромъ, потому что хлѣбъ можетъ быть привозимъ въ Англію даже отъ антиподовъ съ сравнительно-малыми издержками и безъ значительной утраты въ пути, между-тѣмъ какъ перевозка рогатаго скота, даже на небольшія разстоянія, стоитъ дорого, а на большія разстоянія невозможна, потому что скотъ въ пути гибнетъ. Послѣ продолжительныхъ преній приступлено было къ балотировкѣ и въ пользу предложенія господина *Мильса* оказалось 193 голоса, противъ него 380, такъ что оно отвергнуто большинствомъ 267 голосовъ. Изъ этого видно, что партія сэра *Роберта Пилля* несравненно сильнѣе всѣхъ его противниковъ; между-тѣмъ послѣдніе не уставали противопоставлять его биллю всевозможныя препятствія. Они предлагали измѣненія почти въ каждой статьѣ тарифа, но всѣ эти измѣненія были отвергаемы значительнымъ большинствомъ голосовъ, и билль хотя медленно, но постоянно подвигался впередъ.

Въ засѣданіи 30 Мая положено было прочесть въ третій разъ билль о налогѣ на имущества. Господинъ *Черслемъ Кравфордъ* (одинъ изъ предводителей радикальной партіи), предложилъ палатѣ опредѣлить, что не слѣдуетъ налагать новыхъ податей, не внявъ напередъ жалобамъ противъ избирательной системы. *О'Коннелъ* защищалъ это предложеніе, а противъ него говорили сэръ *Робертъ Пиль*, лорды *Маннерс* и *Россель* и оно было отвергнуто большинствомъ 156 голосовъ противъ 21. Послѣ того господинъ *Барингъ* хотѣлъ воспротивиться третьему чтенію билля, и началъ говорить, какъ вдругъ сэръ *Робертъ Пиль*, прервавъ его, въ большомъ волненіи объявилъ, что на жизнь королевы сдѣлано покушеніе, и что въ такихъ обстоятельствахъ прилично было бы закрыть засѣданіе. Онъ пригласилъ членовъ тайнаго совѣта отправиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ спрашивали, осталась ли королева невредимою. Получивъ утвердительный отвѣтъ, палата немедленно разошлась. (Это то самое покушеніе, о которомъ мы говорили въ концѣ предыдущей нашей статьи.) На другой день билль о налогѣ на имущества прочтенъ былъ въ третій разъ. Въ пользу его оказалось 255 голосовъ, противъ 149, такъ что министерское большинство состояло изъ 106 голосовъ, и это важное дѣло въ нижней палатѣ было кончено. Передъ этимъ единогласно принятъ былъ поздравительный адресъ королевѣ. Его предложилъ сэръ *Робертъ Пиль*, а поддерживалъ глава оппозиціи лордъ *Джонъ Россель*.

Въ засѣданіе седьмого іюня вниманіе палаты было обращено на предметъ, возбуждвшій общее участіе; лордъ *Амлей*, извѣстный своими усиліями облегчить судьбу рудокоповъ, просилъ дозволенія внести билль объ этомъ предметѣ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія о необходимости этого билля, онъ сослался на донесеніе комиссіи, наряженной по его же настоянію, въ Августѣ 1840, для изслѣдованія этого предмета. Плачевное изображеніе состо-

янія работниковъ въ каменноугольныхъ ломкахъ Великобританіи превосходить всякое вѣроятіе. Дѣти шести, пяти, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже четырехъ и трехъ лѣтъ отправляются въ шахты, гдѣ мальчики и дѣвочки, мужичны и женщины, работаютъ всѣ вмѣстѣ и большею частью нагіе. Можно представить себѣ какова должна быть нравственность этихъ людей. Къ этому присоединяется недостатокъ въ свѣжемъ воздухѣ и въ свободномъ движеніи. Отъ того работникъ въ каменноугольныхъ ломкахъ, сорока-пяти лѣтъ дѣлается старикомъ, а до шестидесяти лѣтъ почти не доживаетъ. Съ ними обходятся весьма жестоко: дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, за малѣйшій проступокъ сбькутъ розгами до крови, а объ образованіи ихъ нисколько не думаютъ. Въ заключеніи своей рѣчи, лордъ *Амлей*, сравнивъ положеніе этихъ несчастныхъ работниковъ съ жестокимъ обхожденіемъ, которому подвергались негры-невольники, просилъ палату принять такое же участіе въ судьбѣ англійскихъ работниковъ, какое оказывала она неграмъ. Господинъ *Фоксъ-Мауль*, помощникъ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ въ министерство лорда *Мельбуриа*, поддерживалъ предложеніе лорда *Амлея*, а господинъ *Ламбтонъ*, въ опроверженіе его утверждалъ, что показанія комиссіи чрезвычайно преувеличены. Соглашаясь съ тѣмъ, что женщины не должны быть употребляемы на работы въ каменноугольныхъ ломкахъ, онъ просилъ лорда *Амлея* не простираť своихъ реформъ слишкомъ далеко и не позабывать, что у низшаго класса единственный капиталъ есть работа, и что потому не должно слишкомъ ограничивать для него возможность пользоваться этимъ капиталомъ. Лордъ *Ф. Эджертонъ* увѣрялъ, что если мальчиковъ не приучать съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ работѣ въ угледомняхъ, то они въ послѣдствіи будутъ неспособны къ ней. Онъ полагаѣтъ, что ихъ можно употреблять въ работу съ двѣнадцати лѣтъ. Многіе члены говорили и въ пользу и противъ предло-

жепія лорда *Амлея*, и наконецъ онъ получилъ позволеніе внести свой билль.

Билль о пошлинахъ прочтенъ во второй разъ въ засѣданіе нижней палаты двадцатаго Іюля, а двадцать осьмага Іюля онъ прочтенъ въ третій разъ и принятъ.

Въ засѣданіи тридцатаго Іюля, лордъ *Магонъ* напомнилъ о прошеніи, подписанномъ почти всѣми англійскими драматическими писателями, которое онъ внесъ въ палату въ Маѣ мѣсяцѣ. Они объявляли въ немъ, что многіе изъ нихъ охотно работали бы для сцены, если бы существующіе понынѣ законы о театрѣ не устраняли ихъ отъ этого труда. Первый законъ объ этомъ предметѣ, сказалъ лордъ *Магонъ*, изданъ при Георгѣ II. На основаніи его никакое драматическое представленіе не можетъ быть дано безъ позволенія лорда-камергера, и каждый актеръ, не имѣющій постоянного мѣста жительства, долженъ быть признаваемъ за бродягу. Другой законъ, времяемъ того же короля, и оставленный донинѣ въ силѣ, показываетъ въ какомъ пренебреженіи были тогда драматическіе писатели и актеры, потому-что они поставлены на ряду съ ворами и развратными женщинами. Этотъ законъ изданъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Парламентскій актъ о предупрежденіи воровства и грабежей, устройства мѣстъ для публичныхъ зрѣлищъ, и наказанія лицъ, содержащихъ невольнительные дома.» Такъ именуется законъ, которому подчинены люди, идущіе по слѣдамъ *Шекспира* и *Отвалла*. Въ этомъ законѣ актеръ, играющій на театрѣ безъ позволенія лорда-камергера, долженъ заплатить штрафъ въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, такъ что и понынѣ актеръ, выступающій на сцену, находится въ опасности подвергнуться этому штрафу. Но если лордъ-камергеръ и дастъ свое согласіе, то предъ закономъ театры—мѣста не дозволенныя, и слѣдствіемъ этого то, что договоръ, касающійся до театра, всегда можетъ быть объявленъ предъ судомъ недѣйствительнымъ.

Я могъ бы привести случаи, сказалъ ораторъ, въ которыхъ кредиторы содержателей театровъ, актеры, которыхъ контракты были нарушены, драматическіе писатели, не получившіе условленной платы за свои произведенія, или тотчасъ получали отказъ на свои жалобы, или въ послѣдствіи принуждены были оставить свои искы, по недостаточности законовъ, относительно театра. Въ заключеніе своей рѣчи лордъ *Магонъ* предложилъ, чтобы въ палату представлены были всѣ, поступившія въ теченіе этого года къ столу секретаря внутреннихъ дѣлъ, жалобы на настоящее положеніе законодательства касательно театра. Это предложеніе было принято.

Въ засѣданіи шестаго Іюля, прочтенъ въ третій разъ и утвержденъ большинствомъ 134 голосовъ противъ 53 билль, на основаніи котораго городъ Судбури, за покупки, происходившіе въ немъ на послѣднихъ выборахъ, лишается права избирать представителей. Это первый подобный примѣръ со времени принятія билля о реформѣ.

Въ остальныхъ засѣданіяхъ нижней палаты до пятнадцатаго Іюля не происходило ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что принятъ билль о лучшемъ огражденіи безопасности королевы. На основаніи этого билля, преступникъ, сдѣлавшій покушеніе на жизнь ея величества, подвергается каторжной работѣ на всю жизнь, а если онъ какимъ либо образомъ старался только испугать ее, то заключается въ тюрьму на три года или на пять лѣтъ, но во всякомъ случаѣ по публичномъ наказаніи розгами.

Извѣстіе о покушеніи *Франсиса* на жизнь королевы лордъ *Веллингтонъ* получилъ въ засѣданіи верхней палаты тридцатаго Мая. Онъ сообщилъ объ этомъ палатѣ, которая тотчасъ и разошлась. На другой день онъ предложилъ поднести королевы поздравительный адрессъ по случаю избавленія ея величества отъ опасности. Лордъ *Ландсдоунъ*, одинъ изъ бывшихъ министровъ, подерживалъ предложеніе герцога, за отсутствіемъ лорда

Мельбурна, которому, какъ главѣ оппозиціи, по обычаю слѣдовало бы принять на себя эту обязанность. При разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ лордъ *Портманъ* принесъ въ немногихъ словахъ должную дань признательности королеви за внимательную заботливость ея величества о своихъ приближенныхъ. (Дѣло въ томъ, что уже двадцать девятаго числа злодѣй *Франсисъ* прицѣливался въ королеву, и ея величество, зная объ этомъ, не позволила, чтобы дежурныя дамы, леди *Портманъ* и мистрисъ *Ласкаль*, сопровождали ее на другой день на прогулку). Адрессъ былъ тотчасъ разсмотрѣнъ въ комитетѣ, сообщенъ нижепалатѣ и, какъ мы видѣли выше, принятъ въ тотъ же день.

Четырнадцатаго Юня, билль о налогѣ съ имущества принятъ комитетомъ верхней палаты, а въ засѣданіи двадцатаго перваго Юня онъ прочтенъ въ третій разъ и принятъ по большинству 99 голосовъ противъ 28. На слѣдующій день этотъ билль утвержденъ королевою и такимъ образомъ получилъ силу закона. Билль о тарифѣ прочтенъ въ первый разъ въ засѣданіи тридцатаго Юня. При разсмотрѣніи этого билля въ комитетѣ, лордъ *Стантонъ* сдѣлалъ такое же предложеніе, какъ господинъ *Мильсъ* въ нижней палатѣ, но оно отвергнуто большинствомъ 44 голосовъ противъ 8; осьмага Юля онъ прочтенъ въ третій разъ по большинству 52 голосовъ противъ 9. Королевою онъ утвержденъ десятаго Юля и одиннадцатаго числа вступилъ въ законную силу. (Хлѣба привезено уже такъ много, что правительство, на основаніи новаго билля, получило 600,000 фунтовъ стерлинговъ пошлины съ одного этого продукта). Билль о лучшемъ огражденіи безопасности королевы, прочтенъ въ засѣданіи верхней палаты четырнадцатаго числа въ первый и второй разъ, а на другой день окончательно принятъ.

Злодѣй *Франсисъ*, сдѣлавшій покушеніе на жизнь королевы, былъ приговоренъ къ смертной казни; но ко-

ролева замѣнила эту казнь ссылкой въ одну изъ исправительныхъ колоній, гдѣ онъ будетъ подвергнутъ на всю жизнь каторжной работѣ.

Афганскія дѣла поправляются: генералъ *Поллокъ* соединился шестнадцатаго Апрѣля съ сэромъ *Робертомъ Чолемъ* съ Желмалабадѣ, возстановивши прежде того власть *Торабоса*, сына Сультуры. Онъ намѣревался идти далѣе, какъ скоро присоединится къ нему полковникъ *Больтонъ*. Генералъ *Энгландъ* послѣ пораженія, которое претерпѣлъ онъ при выступленіи изъ Кветты, собралъ свои войска, пробился сквозь ущеліе и соединился съ генераломъ *Ноттомъ* въ Кандагарѣ. Капитанъ *Маккензи*, находящійся въ плѣну у *Акбаръ-Хана*, прибылъ съ предложеніями отъ него. *Акбаръ-Ханъ* вызывается освободить всѣхъ плѣнныхъ Англичанъ на нѣкоторыхъ условіяхъ. Отвѣтъ еще неизвѣстенъ. Другой плѣнникъ *Акбаръ-Хана*, генералъ *Эльфинстонъ*, которому въ Англіи приписываютъ всѣ несчастія, случившіяся въ Афганистанѣ, и котораго велѣно было отдать подъ военный судъ, скончался шестнадцатаго Апрѣля. Шахъ *Суджа*, отправляясь на смотръ 25,000 войска, назначеннаго противъ Желмалабада, убитъ, какъ говорятъ, на пути отрядомъ, который помѣстилъ въ засадѣ одинъ предводитель племени, враждовавшій противъ шаха. Любимый сынъ *Суджи*, возведенный въ достоинство шаха, также, какъ слышно, убитъ. Двое другихъ сыновей его объявили себя врагами Англичанъ, а шахъ *Племуръ* единственный членъ этой фамиліи, не измѣнившій своего расположенія къ нимъ, долженъ ожидать приближенія британской арміи, чтобы принять ихъ сторону.

Лордъ *Конлетонъ*, бывшій съ 1841 года членомъ верхней палаты и извѣстный болѣе подъ прежнимъ своимъ именемъ сэра *Генри Перилла*, одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ партіи вивговъ, бывшій военнымъ казначеемъ въ министерство *Мельбурна*, осьмага

Юня лишилъ себя жизнь, на 66 году отроду. Онъ повѣсилъ на платкѣ, который прикрѣпилъ къ крючку своей кровати. Съ Апрѣля мѣсяца онъ былъ въ глубокой меланхоліи и откровенно объявилъ врачу о своемъ намѣреніи. За нимъ присматривали, но онъ воспользовался первою минутою оплошности и лишилъ себя жизни.

— Въ испанскихъ кортесахъ составила коалиція противъ министра-президента *Гонзалеса* и довела его до того, что онъ со всѣми своими товарищами принужденъ былъ выйти въ отставку. Регентъ долго не могъ образовать новаго министерства; наконецъ въ Юнѣ составилъ новый кабинетъ изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ *Родиль*, военный министръ и президентъ совѣта; графъ *Альмодоваръ*, президентъ сената и государственный министръ; *Сумалакареи*, министръ юстиціи; *Рамонъ Калатрава*, министръ финансовъ; *Капасъ* сенаторъ, морской министръ; *Торресъ Салано* сенаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ министерствѣ нѣтъ ни одного изъ значительнѣйшихъ членовъ коалиціи. Между-тѣмъ Кортесы успѣшно утвердили бюджетъ, и такъ какъ сенаторы и депутаты большею частію развѣхались, то регентъ принужденъ былъ закрыть собраніе.

— Король Прусскій учредилъ новый классъ ордена *Pour le mérite*, назначаемый для награжденія заслугъ по наукамъ и художествамъ. Днемъ учрежденія этого класса считается тридцать-первое Мая, когда исполнилось сто-два года со времени вступленія на престолъ короля Фридриха II. Въ тотъ же день новый орденъ удостоились получить слѣдующія лица: Кавалеры германскіе (ихъ должно быть тридцать и это число пополняется при каждой ваканціи): а) *По части наукъ*. Члены берлинской академіи наукъ: директоръ кѣнигсбергской обсерваторіи *В. Бессель*; *Ф. Боинъ*; *Л. Фонъ Бухъ*; *Эйхгорнъ*; директоръ гёттингенской обсерваторіи

Ф. Гаусъ; *Гримъ*; *А. фонъ Гумбольдтъ*; кѣнигсбергскій профессоръ *І. Якоби*; *Э. Мишерлихъ*; *І. Мюллеръ*; *К. Риттеръ*; *К. фонъ Савиньи*; *І. фонъ Шеллингъ*; боннскій профессоръ *В. фонъ Шлегель*. Секретари берлинской академіи наукъ: *А. Бекъ*; *Эренбергъ* и директоръ берлинской обсерваторіи *Ф. Энке*. Профессоръ берлинскаго университета; *Ф. Диффенбахъ*, князь *Клеменсъ фонъ Меттернихъ-Винсбургъ*, въ Вѣнѣ; берлинскій профессоръ *Ф. Рюкартъ*; берлинскій лейбъ-медикъ и профессоръ *Л. Шейлейнъ*; *Л. Тикъ*. б) *По части искусствъ*. Члены берлинской академіи искусствъ: *П. фонъ Корнелиусъ*; *Мендельсонъ-Бартольди*; *І. Мейербергъ*, профессоръ *К. Раухъ*; директоръ берлинской академіи искусствъ *Г. Шадовъ* (*В. Шадовъ*, директоръ люссельдорфской академіи художествъ, получилъ право носить этотъ орденъ по смерти отца); профессоръ люссельдорфской академіи художествъ *Ф. Лессингъ*; профессора мюнхенской академіи художествъ: *І. Шноръ фонъ Карольсфельдъ* и *М. Шванталлеръ*. — Иностранные кавалеры. (Ихъ тоже можетъ быть тридцать, но можетъ быть и менѣе). а) *По части наукъ*. Непремѣнный секретарь парижской академіи наукъ, *Араго*; членъ геркуланскаго общества въ Неаполѣ, *Авеллино*; секретарь стокгольмской академіи наукъ, *І. фонъ Берцеллиусъ*; графъ *Боргези* съ Санъ-Марино; члены лондонскаго королевскаго общества: *Робертъ Броунъ Фарэдъ* и сэръ *Джонъ Гершель*; членъ парижскаго института виконтъ *де-Шатобрианъ*; графъ *Фоссомброни*, во Флоренціи; членъ парижской академіи наукъ, *Ге-Люссакъ*; *В. А. Жуковскій*, въ Санктпетербургѣ; профессоръ славянскихъ языковъ, инспекторъ императорской вѣнской бібліотеки *Копитаръ*; членъ императорской Санктпетербургской академіи наукъ, адмиралъ *Крузенштернъ*; генеральный директоръ французскихъ архивовъ и членъ парижской академіи надписей *Летроннъ*; членъ неаполитанской академіи наукъ *Меллони*; *Томасъ Муръ* въ

Великобританіи; секретарь копенгенской академіи наукъ *Эрстедтъ*. в) *По части искусствъ*. Изобрѣтатель лаггерротиповъ *Дагеръ*; членъ французскаго института, королевскій архитекторъ *Фонтель*, *Энгръ* (*Ingres*), *Гораций Вернетъ*; *Францъ Листъ*, въ Парижѣ; *Россини*, въ Болоньѣ; *Торвальдсенъ*, въ Копенгагенѣ; *Тоски*, въ Пармѣ.

Канцлеромъ новаго орденскаго класса назначенъ дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ *А. фонъ Гумбольдтъ*, а вице-канцлеромъ *П. фонъ Корнелиусъ*.

=

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

ВѢЧНЫЙ ОГОНЬ.

Нѣтъ, на разумъ не надѣйся!
 Равнодушіемъ крутымъ
 Къ чародѣйкамъ молодымъ
 Не гордись еще, не смѣйся
 Прежнимъ глупостямъ своимъ!
 Не пройдутъ еще, средь лѣни,
 Эти розовые дни —
 Не пройдутъ, безъ тревоженій,
 Въ мирной разума сѣни!
 Тщетно думаетъ любившій
 Полнымъ сердцемъ челоуѣкъ,
 Что потухла страсть на вѣкъ!
 Сердца жертвенникъ остывшій
 Есть алтарь, на коемъ разъ
 Роковой огонь погасъ.....

Римъ въ смущеніи великомъ,
И ко храму весь народъ
Побѣжалъ со скорбнымъ кликомъ —
Строгой судъ Весталки ждеть!
Что жъ Весталка? Отрываетъ
Отъ одежды лоскутокъ,
На алтарь, молясь, бросаетъ —
Мигомъ вспыхнулъ огонекъ!
Да, точь въ точь, судьба мужская!
Чародѣйка молодая
Взоръ, словцо, иль что-нибудь,
Перекинетъ въ нашу грудь —
И опять зажегся вѣчный,
Заповѣдный огонь сердечный!....

Баронъ Розенъ.

ЦВѢТОКЪ.

На поляхъ, подъ ивой густой,
Гдѣ звонкій студеный потокъ
Не блещетъ лазурной волной,
Красуется чудный цвѣтокъ.
Онъ пышно разцвѣлъ и блеститъ,
Алмазной росой окропленъ,
Онъ пурпуромъ розы горитъ,
Каймой золотой обведенъ.
Но грустно ему средь полей!
Вѣдь люди его не найдутъ,
И въ росы шелковыхъ кудрей
Дѣвицы его не влегутъ!

Одинъ лишь томительный зной
Его лобызаетъ и жжетъ.....
Не такъ ли сиротка, порой,
На свѣтъ, тоскуя, живетъ?....

Я.

РЫБАЧКА.

(Изъ Гейне).

Разстанься ты, дѣвица,
Съ обманчивой волной;
Брось на берегъ свой неводъ,
И сядь подъ тѣнь со мной!
Кудрявою головкой
Склонись на сердцѣ мнѣ;
Не бойся! ты жъ безпечно
Ввѣряешься волнѣ.
А сердце мое море!
То тихо, то шумитъ.....
Не мало свѣтлыхъ перловъ
На днѣ его лежитъ!.....

Я.

ФАВНЪ.

Sylvain, qu'avez-vous vu quand vous étiez heureux.
V. Hugo.

У грота мрачнаго, забытый, одиноко
Стоялъ пустынный Фавнъ..... Плющъ пыльный и осока
Вкругъ бѣдной статуи печально разрослись;
Каштаны дикіе узорчато сплелись
Вѣтвями черными надъ головою Фавна,
А въ воздухъ шумѣлъ и падалъ листъ дубравный...
Мнѣ жаль тебя, Сатиръ! Съ лидійскихъ береговъ,
Одѣтыхъ лаврами и лозой виноградной,
Изъ хора свѣтлаго миенческихъ боговъ
Ты унесенъ рукою жадной,
И осень хладная поблекшіе листы
Бросаетъ на тебя съ туманной высоты.
Но ты смѣешься, Фавнъ!.... Хранитель козлоногій
Сребристо-бѣлыхъ стадъ, потоковъ и дубравъ,
Ты украшалъ собой Лукулловы чертоги,
Внималъ тамъ звону чашъ и музыкѣ пировъ.
Подъ сѣнью портика, сквозь вѣтви померанцевъ
Обвитыхъ лентами зеленого плюща,
Ты весело смотрѣлъ на вольность рѣзвыхъ танцевъ,
Кропимый зернами холоднаго ключа.
Ты улыбаешься?.... Въ дыму благоуханій,
При блескѣ радужномъ сидонскихъ хрусталей,
Вакханки, скинувъ съ плечъ волну кисейныхъ тканей
И опустивъ на грудь душистый токъ кудрей,
Кружились предъ тобой. Безумные восторги
Сливались съ пѣснями вѣчныхъ гроздьемъ оргій,
А свѣжій водомеръ, блестя между огней,
Снопамъ звонкими и жемчугъ и алмазы
Взвивалъ изъ мраморной, цвѣтами полной вазы.....
Скажи, что? жаль тебѣ невозвратимыхъ дней,

Дней славы квиритовъ, отваги и свободы,
Когда въ шумящій Римъ, корону царствъ земли,
Стекались дальніе народы,
И на алтарь боговъ, покорные, несли
Амфоры древнихъ винъ, плодовъ и розъ кошницы,
И напоенные алоэмъ багрянницы?....
Ты помнишь ли тѣ дни, когда безславный Римъ,
Забывъ отцовъ своихъ, на сладострастномъ ложѣ
Покояся, вливалъ душистой мирры дымъ.
А дикія толпы, въ косматой волчьей кожѣ,
Отъ сѣвера текли на семихолмный градъ,
И падалъ великанъ предъ булавой окрѣплой,
И въ груди мрачныя, одѣты ризой пепла,
Ложилась роскошь римскихъ колоннадъ?

Такъ взоромъ вопрошалъ я хладную статую,
Безмолвно голову предъ мраморомъ склона.....
Кумиръ не отвѣчалъ.... Сквозь ткань деревъ густую
На Фавна упалъ румяный отблескъ дня,
И сумракъ голубой прозрачными клубами
Спускался медленно надъ темными дубами.....

Н. Крешевъ

БАЛЛАДА

**ОВЪ АНГЛІЙСКОМЪ КОРОЛѢ ЭДГАРѢ, КОТОРЫЙ ЖЕ-
НИЛСЯ НА ДОЧЕРИ СВОЕГО ВАССАЛА РИЧАРДА, ЭЛЬ-
ФРИДѢ.**

(Изъ Дюма.)

Поздно вечеромъ, съ охоты,
Возвращался онъ домой;
Бѣжалъ тихо, безъ заботы;—
Дѣву встрѣтилъ предъ собой.
Всадникъ нашъ остановился,
Ловко дѣвъ поклонился.
«Здѣшнихъ странъ прекрасный цвѣтъ!
«Провожу ль васъ къ дому?»

— Нѣтъ!

— «Слушай же меня, дѣвица!
Вотъ вопросъ тебѣ одинъ:
Беззащитна ты, какъ птица,
Я богатъ и дворянинъ.
Хочешь быть моей женою?
Будешь все дѣлить со мною,
Будешь зависти предметъ;
За меня идешь ли?»

— Нѣтъ!

— «Ну такъ баронессы званье,
Можетъ быть, тебя прельститъ;
Изъяви свое желанье
И тогда гербовый щитъ
Твоей короной осянётся,
На тебя распространится
Знати, славы, яркій свѣтъ!
Ты согласна, другъ мой?»

— Нѣтъ!

— «Дай мнѣ слово, и отнынѣ
Не вассалкой будешь ты,
Будешь знатною графиней
И богиней красоты!
Будутъ всѣ тебѣ дивиться,
Буду я тобой гордиться!
Дай рѣшительный отвѣтъ,
За меня идешь ли?»

— Нѣтъ!

— «Согласися, такъ высоко
Никогда твои мечты
Не дѣлаи. Какъ далеко
Сверстницъ всѣхъ оставишь ты!
Герцогинею ты будешь,
Жизнь прошедшую забудешь;
Я не дурень, я не съдѣ... ..
За меня идешь ли?»

— Нѣтъ!

— «Дай скорѣй твое согласье,
Предъ тобой король стоитъ!
Жизнь твоя отнынѣ — счастье!
Средь веселья пролетитъ!

Королева предъ тобою
 Всѣ съ склоненною главою
 Въ прахъ къ ногамъ падуть тогда.
 За меня идешь ли?»

— Да!

Ж. Смирновъ.

БЫЛЬ 1705 ГОДА.

Если вы съ берега Большой Невки войдете, для прогулки, въ Императорскій Ботаническій Садъ, то пройдите по длинной аллеѣ, которая подлѣ садовой рѣшетки тянется къ той сторонѣ, гдѣ садъ граничитъ съ набережною рѣчки Карповки, и отыщите тамъ извивающуюся между деревьями дорожку. Она приведетъ васъ къ десяти старымъ липамъ, которыя, какъ великаны, возвышаются надъ всеми прочими деревьями. Девять изъ этихъ великановъ стоять тѣснымъ строемъ, а одинъ — нѣсколько въ сторонѣ, какъ-будто начальникъ отряда. Вы неволь-но снимете шляпу, если захотите, подойдя къ нимъ, взглянуть на ихъ вершины, а потомъ по доброй во-ле не надѣнете шляпы, если, глядя на эти деревья, вспомните, что ихъ сажалъ Петръ Великій; что пе-редъ вами стоятъ живые еще современники велика-го государя, живые свидѣтели славнаго его царство-ванія. Много уже поколѣній пережили эти липы,

много видѣли онъ на своемъ вѣку. Если вы поэтъ, берите лиру, и въ лунную ночь, постарайтесь звукомъ золотыхъ струнъ вызвать дриаду, живущихъ внутри этихъ столѣтнихъ деревьевъ. Сколько бы любопытнаго могли намъ рассказать вызванныя дриады, эти лѣсныя нимфы, все еще прекрасныя, не смотря на то, что онъ ровесницы липамъ, что имъ ужъ гораздо болѣе ста лѣтъ отъ роду. Берите лиру..... но вы, кажется, берете перо и бумагу? Ахъ, не трудитесь понапрасну! Дриады не послушаются нынѣшнихъ, романтическихъ стиховъ. Чтобы ихъ вызвать, нуженъ поэтъ греческій, древній, а не нынѣшній; съ лирой, а не съ перомъ въ рукахъ.

Вмѣсто десяти дриадъ, которыхъ ужъ нынче не вызоветъ ни стихами, ни прозой, мы вытащимъ изъ шкафа десять старинныхъ книгъ и рукописей, и передадимъ читателямъ рассказъ этихъ бумажныхъ нимфъ о происшествіи, которое случилось давно, очень давно на берегахъ той рѣчки, гдѣ стоятъ древнія липы.

Въ 1703 году, сто-тридцать-девять лѣтъ назадъ, еще не было ни липъ, ни ботаническаго сада, ни даже всего Петербурга. Бумажныя наши дриады рассказываютъ, что тамъ, гдѣ теперь Петербургъ, зеленѣлъ только густой лѣсъ, въ которомъ по мѣстамъ проглядывали болота. На берегу рѣки Охты, впадающей въ Неву, стояла шведская крѣпость Ньеншанцъ, которую тогдашніе Русскіе называли Канцами. По тогдашнему Петербургу не ходили еще львы въ модныхъ прическахъ и желтыхъ перчаткахъ, а прогуливались настоящіе медвѣди да бѣгали волки. На мѣстѣ нынѣшняго Екатерингофа стояла финская деревня, которую Русскіе въ послѣдствіи называли Калинкиною, да по Невѣ и рукавамъ ея мелькали изрѣдка,

посреди сосенъ и елей, рыбацкія хижинны. Пустынная, дикая была сторона!

На безымянномъ острову, который въ послѣдствіи назвали Аптекарьскимъ, выглядывали, какъ-будто со страхомъ и осторожностію, изъ густаго лѣса на текущую мимо Карповку двѣ маленькія избы, отличавшіяся рѣзко одна отъ другой своимъ наружнымъ видомъ. Одна изъ нихъ была шведской постройки, другая же — русской. Кто и когда ихъ построилъ, да еще въ такой глуши? А вотъ спросимъ нашихъ бумажныхъ дриадъ: онъ намъ расскажутъ.

Въ Апрель 1703 года, у окошка одной изъ этихъ избышекъ, сидѣлъ съдой старикъ съ длинною бородою. Глубокія морщины на лбу, блѣдный цвѣтъ лица, нависшія брови налѣ впалыми, черными глазами, сгорбившіяся станъ, все показывало, что этотъ старикъ много перенесъ горя въ жизни. Противъ него сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, пріятной наружности, съ небольшими русыми усиками, которые недавно начали расти, съ голубыми глазами, исполненными огня и отваги. Онъ держалъ въ рукахъ ружье, а черезъ плечо висѣла у него охотничья сумка. У ногъ его лежала собака и, глядя на него пристально, шевелила хвостомъ.

— Эхъ, Вася, Вася! сказалъ старикъ со вздохомъ: Плохой ты охотникъ! Потерялъ выстрѣлъ и возвратился съ пустыми руками. Придется намъ голодать съ тобою сегодня! Развѣ у тебя нѣтъ больше пороху?

— Нѣтъ, весь вышелъ. И на выстрѣлъ-то насилу набралъ.

— Чтѣ жъ ты это! Нужно пороху достать.

— Да гдѣ достанешь! Въ деревнѣ, что на взморьи, ни у кого нѣтъ; ни за какія деньги теперь не купишь. Въ Нienшанцѣ есть у солдатъ, да не дадутъ. Говорятъ, что скоро прїѣдетъ купецъ изъ Выборга съ разными товарами; онъ, конечно, и пороху привезетъ.

— Привезетъ! Прїѣдетъ! Да когда онъ прїѣдетъ? А мы, между тѣмъ, умремъ съ голоду!

— И! чтó ты, батюшка! А рыба-то чтó? Нельзя дичи стрѣлять, такъ рыбу ловить стану.

— Рыбу! А чѣмъ ее ловить станешь? У насъ нѣтъ ни сѣтей, ни даже удочки.

— У сосѣдей есть, кажется, уда. Да вотъ идетъ за водой сосѣдка. Спрошу ее.

Молодой человекъ растворилъ окно и началъ кликать дѣвушку, одѣтую шведской крестьянкой, которая съ коромысломъ на плечахъ шла изъ сосѣдней хижинѣ къ рѣчкѣ. Она поставила ведра съ коромысломъ на землю, подошла къ окну, и, опершись на него своими бѣлыми, кругленькими локтями, вставила въ окно, какъ въ рамку, свою хорошенькую головку.

— Чтó тебѣ надобно, Василій Ильичъ? Ты меня кликалъ? спросила дѣвушка по-русски, хотя по произношенію ея и можно было догадаться, что она иностранка.

— Да, Христина Карловна; я хотѣлъ спросить тебя: нѣтъ ли у васъ лишней удочки или какой-нибудь сѣти?

— Была уда у брата, Густава, да на прошлой недѣлѣ какая-то большая рыба оторвала крючокъ.

— Ахти бѣда какая! А сѣти нѣтъ?

— Какая у насъ сѣть!

— Ну, такъ нѣтъ ли у твоего брата пороху? Какъ бы онъ одолжилъ мнѣ хоть на десятокъ выстрѣловъ.

— Да у него самого осталось только съ десятокъ патроновъ. Какъ выйдутъ, такъ не знаемъ что намъ будетъ дѣлать. Да, вотъ, братъ, я думаю скоро вернется изъ льсу. Я скажу ему о твоей нуждѣ. Авось онъ тебѣ патроновъ пятокъ и дастъ въ займы.

Дѣвушка отошла отъ окошка, взяла ведра, спустилась на плотъ, наполнила ихъ водою и ушла въ свою хижину.

Во все время этого разговора старикъ сидѣлъ съ опущенною на грудь головою. Наконецъ онъ поднялъ глаза, взглянулъ на сына и глубоко вздохнулъ.

— Вотъ Богъ привелъ жить на старости въ какой нуждѣ! сказалъ онъ. Эхъ, Вася, Вася! Меня за грѣхи мои Господь наказываетъ, а ты за чтó терпишь!

— Не надо, батюшка, отчаяваться. Богъ милостивъ! Вотъ живемъ ужъ здѣсь двѣнадцать лѣтъ слишкомъ, а не умерли съ голоду. Случалась вѣдь и прежде нужда въ порохѣ. Авось опять сосѣди одолжатъ.

— Да ты вѣдь слышалъ, что у нихъ самихъ только съ десятокъ патроновъ, и самъ ты говоришь, что и въ деревнѣ пороху ни у кого нѣтъ. Дастъ ли теперь сосѣдъ! И полпатрона не выпросишь. Придется, — о Боже мой! — милостыни просить у солдатъ въ Нienшанцѣ или у Чухонцевъ въ деревнѣ, которые, я чаю, теперь и сами всѣ голодаютъ. Взморье недавно вскрылось отъ льда, зимній запасъ рыбы вѣрно у нихъ истощился, а новой

если и паловягъ, такъ самимъ пужна. Да нѣтъ ли у насъ гдѣ какой-нибудь проволоки? Пойщи хорошенько, да смастери уду.

— Какая у насъ проволока! Откуда ей взяться.

Старикъ махнулъ рукой, вздохнулъ и снова опустилъ на грудь голову. Въ это время другой старикъ вошелъ въ избу, сказалъ нечистымъ русскимъ языкомъ: «Здравствуй, любезный сосѣд!» и сѣлъ, кряхтя, къ столу, противъ хозяина. Голова гостя была до самой макуши лысая. Длинные, сѣдые волосы на вискахъ и затылкѣ падали на его плеча. Сѣрые глаза его были выразительны и пріятны, носъ орлиный, ротъ съ тонкими, сжатými губами. Замѣтно было, что у гостя немного уже осталось зубовъ. Онъ часто дѣлалъ ртомъ движеніе, какъ-будто жевалъ что-то. Это движеніе усиливалось каждый разъ, когда старикъ собирался что-нибудь сказать.

— Я слышалъ, сказалъ онъ, пожевавши сначала довольно долго: что у васъ, сосѣдъ любезный, весь порошокъ вышелъ?

— Да, Карлъ Карловичъ, весь вышелъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Въдъ это нехорошо! Какъ ты думаешь объ этомъ, сосѣдъ любезный?

— Что тутъ думать! Бѣда, да и только.

Хозяинъ вздохнулъ, а гость началъ жевать.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросилъ опять гость послѣ нѣкотораго молчанія.

— И самъ не знаю что! Ума не приложу.

— Ну, рыбы можно паловить.

— Да чѣмъ!

— Удой, сосѣдъ любезный, удой.

— А если уды взять негдѣ.

— Взять негдѣ? повторилъ гость и потомъ, пожевавши нѣсколько въ раздумьи, примолвилъ: Если уды взять тебѣ негдѣ, то это очень нехорошо, и даже, можно сказать, очень худо.

— Ужъ такъ худо, что и не приведи Богъ! Мы съ сыномъ не знаемъ что и дѣлать.

— А ты вѣришь ли, любезный сосѣдъ, что я люблю тебя? спросилъ старикъ и, вынувъ изъ кармана берестяную тавлинку, понюхалъ хладнокровно табакъ.

— Вѣрю, сосѣдъ, какъ не вѣрить! Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ живемъ съ тобой рядомъ, а никогда еще не ссорились.

— Да, это правда, никогда еще не ссорились! повторилъ гость и зажевалъ сильнѣе обыкновеннаго. Это правда, не ссорились никогда. Въдъ это хорошо, и даже очень хорошо. Какъ ты о томъ думаешь?

— Что и говорить, Карлъ Карловичъ! Въ ссорахъ не много проку. Жить-то намъ обоимъ немного осталось, такъ, авось, доживемъ до смерти въ любви и дружбѣ. А вотъ съ голоду скоро умру, такъ не поминай лихомъ и пожалѣй сосѣда.

— Съ голоду умру? повторилъ старикъ и сталъ такъ сильно жевать, какъ-будто ѣлъ самое вкусное кушанье, а глаза его заблестали какимъ-то удовольствіемъ. Замѣтно было, что онъ приготовлялся сказать что-то необыкновенное, поразительное. — Какъ «съ голоду умру!» продолжалъ онъ: Умереть съ голоду, любезный сосѣдъ, очень нехорошо, и даже, можно сказать, очень дурно. Сохрани Богъ всякаго человѣка отъ голодной смерти!

— Да что станешь дѣлать! Силъ ужъ нѣтъ у самого, какъ прежде, промышлять хлѣбъ насущный, а у сына силы есть, да нѣтъ ни зерна пороху, ни сѣти, ни даже удочки. Голыми руками ни птицы, ни рыбы не изловишь.

— Да, это правда, не изловишь, сказалъ гость: ни рыбы, ни птицы не изловишь! Такъ тебѣ очень нужна удочка? продолжалъ онъ и устремилъ на хозяина глаза, въ которыхъ ярко выражалось удовольствие. Потомъ онъ началъ сильно жевать, запустилъ дрожащую отъ дряхлости руку въ свой карманъ, долго шарилъ тамъ и наконецъ, съ торжествующимъ видомъ, вытащилъ оттуда крючокъ для уды, на коротенькомъ волоскѣ.

— А это что? сказалъ онъ, улыбаясь и показывая крючокъ хозяину. Дочь рассказала мнѣ о вашей бѣдѣ. Я началъ рыться въ моемъ сундукѣ и нашелъ два крючка. И вотъ одинъ я дарю тебѣ, любезный сосѣдъ! Въдѣ помочь сосѣду въ нуждѣ очень хорошо, и даже, можно сказать, очень пріятно. Возьми удочку и не горюй. Сынъ твой какъ разъ поѣдетъ на рѣку Ниевъ, наловить рыбы, и ты не умрешь съ голоду. Какъ ты объ этомъ думаешь?

Слеза благодарности сверкнула на блѣдной щекѣ старика-хозяина. Онъ всталъ и обнялъ гостя. Старики дружески поцѣловались.

— Добрый ты человекъ, Карлъ Карловичъ! сказалъ тронутый Василій. Сейчасъ же сяду въ лодку, поплыву на Неву, наловлю рыбы и половину добычи отдамъ тебѣ.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно половины; возразилъ гость: у насъ есть тетеревъ, котораго вчера мой Густавъ застрѣлилъ. Поѣзжай въ лодкѣ и лови рыбу для

себя; только зачѣмъ ты говоришь, что поѣдешь на Неву? Что за Нева такая! Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что нашу рѣку зовутъ не Нева, а Ниевъ.

— Виновать! Забылъ.

— Забылъ! Забывать нехорошо, и даже, можно сказать, очень непохвально.

— Конечно непохвально. Прощай, батюшка, прощай, Карлъ Карловичъ! Сейчасъ же улажу удочку и поплыву на рѣку Ниевъ.

Молодой человекъ, взявъ со стола подаренный крючокъ, вышелъ изъ хижины, а старики остались дома и начали толковать о любимомъ предметѣ всѣхъ стариковъ: о своей молодости.

Но незавидна была ихъ молодость. Оба рано лишились родителей и выросли въ бѣдности. Илья Сергѣевичъ родился въ окрестностяхъ Москвы, а Карлъ Карловичъ въ Стокгольмѣ. Первый служилъ въ царскомъ войскѣ московскимъ дворяниномъ, былъ въ крымскомъ походѣ, дрался храбро съ Татарами, но потомъ, увлеченный коварными совѣтами пріятелей, принялъ участіе въ одномъ изъ стрѣльцкихъ бунтовъ. Онъ былъ тогда уже вдовъ. Одинъ семилѣтній сынъ Василій составлялъ все его семейство. Какъ участнику бунта, ему грозилъ смертный приговоръ, и онъ съ младенцемъ-сыномъ бѣжалъ за границу. Близъ Выборга, встрѣтился онъ съ Карломъ Карловичемъ, который въ то время, спасаясь отъ преслѣдованій сильнаго врага, имѣвшаго съ нимъ тяжбу, принужденъ былъ бѣжать изъ Стокгольма съ женою, сыномъ и дочерью. Карла Карловича, котораго былъ шведскимъ, зажиточнымъ арендаторомъ, врагъ его лишилъ имѣнія и даже успѣлъ до такой степени оклеветать, запутать въ своихъ сѣтяхъ

простодушнаго, что судъ приговорилъ Карла Карловича къ ссылке въ Далекарлійскіе рудники. По совету друзей и при ихъ пособіи, онъ досталъ видъ на чужое имя, переехалъ изъ Стокгольма моремъ въ Финляндію, и добрался до Выборга. Живя нѣскольکو времени за городомъ въ гостинницѣ, онъ познакомился тамъ съ Ильей Сергѣевичемъ, который, поправясь содержательницѣ гостинницы, исправлялъ уже нѣсколько лѣтъ должность ея помощника и успѣлъ уже научиться довольно хорошо говорить пошведски. Они сблизились и жили довольно спокойно; но однажды, прибылъ въ Выборгъ какой-то стокгольмскій чиновникъ, а вскорѣ за нимъ московскій приставъ. Испуганные пріятель рѣшились вмѣстѣ убраться подалѣе отъ Выборга. Со страху они забрались въ лѣса Ингерманландіи, выбрали близъ Невы, на рѣчкѣ, на той самой рѣчкѣ, на которой стоятъ нынѣ десять древнихъ липъ, уединенное, глухое мѣсто, построили двѣ хижины и тамъ поселились въ ожиданіи времени лучшихъ. Между тѣмъ жена Карла Карловича умерла. Горька ему была эта потеря. Онъ похоронилъ свою подругу на берегу рѣчки, и потомъ не хотѣлъ уже разстаться со своимъ бѣднымъ жилищемъ. Илья Сергѣевичъ и Карлъ Карловичъ ходили въ лѣсъ на охоту, ловили на Невѣ рыбу, и оба семейства питались ежедневною добычею. Карлъ Карловичъ занимался усердно воспитаніемъ своихъ дѣтей. Сынъ Ильи Сергѣевича вмѣстѣ съ ними росъ и учился. Годы непримѣтно текли, дѣти выросли, пріятель состарѣлись и, не имѣя уже ни силъ, ни средствъ, куда либо переселиться и улучшить свое состояніе, жили да жили по-прежнему въ своихъ хижинахъ и наконецъ уже перестали даже ожидать

время лучшихъ. Начальнику крѣпости Нѣншанца Карлъ Карловичъ извѣстенъ былъ подъ чужой фамиліей, выставленной въ томъ паспортѣ, съ которымъ онъ бѣжалъ изъ Стокгольма, а Илью Сергѣевича, тотъ же начальникъ привелъ, какъ русскаго перебѣжчика, къ присягѣ на вѣрность шведскому королю. Никто ихъ не беспокоилъ, и они никого не беспокоили; очень рѣдко ходили въ Нѣншанць, еще рѣже въ финскую деревню, которая стояла на взморьи. Вотъ и вся ихъ біографія до того примѣчательнаго дня, въ который Карлъ Карловичъ подарилъ Ильѣ Сергѣевичу удочку.

II.

Старики истощили уже въ разговорѣ всѣ свои воспоминанія о молодости, пересказали другъ другу, какъ-будто какую новость, разные примѣчательные случаи своей жизни, которые они уже по-крайней-мѣрѣ разъ триста одинъ другому пересказывали, и наконецъ замолчали. Карлъ Карловичъ началъ жевать, а Илья Сергѣевичъ, по своей привычкѣ, глубоко вздохнулъ и опустилъ на грудь свою голову.

— Чтò ты такъ, любезный сосѣдь, задумался? спросилъ послѣ довольно-продолжительнаго молчанія Карлъ Карловичъ: Грустить и задумываться не хорошо и даже, можно сказать, очень вредно. Чтò у тебя такое на сердцѣ?

— А вотъ чтò, сосѣдь! Мы одни: такъ я тебѣ могу высказать все откровенно. Не говори, пожалуйста, дѣтямъ, чтобъ ихъ не огорчать заранѣе.

— Зачѣмъ говорить и огорчать! Огорчать никого не должно ни въ какомъ случаѣ и даже, можно сказать, весьма грѣшно. Но чтó такое?

— Да то, что намъ, можетъ быть, придется скоро разстаться съ тобою.

— Какъ разстаться! Чтó ты, любезный сосѣдь! Для чего разстаться? Развѣ я тебе надоелъ, развѣ дѣти мои чѣмъ-нибудь тебя обезпокоили? Если такъ, то я ихъ побраню. Бранить дѣтей необходимо и даже, можно сказать, иногда весьма полезно.

— Нѣтъ, сосѣдь! Все не то. Ты, я думаю, не слыхалъ еще, что въ прошломъ году Царь Петръ Алексѣевичъ, въ Октябрь мѣсяцъ, взялъ крѣпость Орѣшекъ, знаешь, ту, которая стоитъ на островѣ, при истокѣ Невы изъ озера.

— Какой Орѣшекъ и чтó за Нева такая! Ты, конечно, хочешь сказать о нашей шведской крѣпости Нѣтебургъ и о нашей рѣкѣ Нѣпъ.

— Ну да, да. Вы такъ ихъ называете по-вашему. Только Нетебургъ-то не шведская ужъ пинче крѣпость, а русская, и зовутъ ужъ ее нынче Шлиссельбургомъ, Шлюсенбургомъ или Шлюшиномъ, какъ-то этакъ.

Карлъ Карловичъ началъ сильно жевать.

— Я полагаю, любезный сосѣдь, сказалъ онъ полъ нѣкотораго размышленія: что все это одни слухи и что даже, можно сказать, все это неправда.

— Какъ неправда, Карлъ Карловичъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что ты теперь сидишь противъ меня, въ моей избушкѣ. Я самъ долго не вѣрилъ, но вышло на повѣрку, что все это такъ.

— Это жаль, очень жаль! сказалъ Карлъ Карловичъ: Я слыхалъ, что Нетебургъ весьма хорошая крѣпость. Ну чтó жъ дѣлать! Если ее и въ самомъ дѣлѣ отняли у насъ Русскіе, такъ Богъ съ ней. У нашего короля крѣпостей много и безъ Нетебурга.

— Еще слыхалъ я, сосѣдь, что Царь Петръ Алексѣевичъ добирается и до Нѣншапца, и что онъ хочетъ всю эту сторону до самаго взморья завоевать. Но я этому и самъ не вѣрю.

— Не вѣрь, любезный сосѣдь, не вѣрь! Все это неосновательные слухи и даже, можно сказать, пустяки.

— Ну, а если эти слухи сбудутся, то мнѣ ужъ здѣсь тогда не житье. Тогда придется съ тобою проститься, Карлъ Карловичъ, бросить мою избушку и бѣжать съ сыномъ, куда глаза глядятъ.

— Бѣжать! Для чего бѣжать? Это, любезный сосѣдь, по моему мнѣнію, совсѣмъ не пужно и даже, можно сказать, совершенно неблагоразумно. Чтó жъ я тутъ одинъ стану дѣлать? Мнѣ вѣдь будетъ безъ тебя очень скучно и даже, можно сказать, весьма грустно.

Карлъ Карловичъ сильно зажевалъ, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Мнѣ и самому грустно будетъ съ тобою разстаться, сказалъ Илья Сергѣевичъ: да чтó станешь дѣлать! Если Русскіе будутъ сюда подступать, то плачь, да бѣги.

— О чемъ плакать! Плакать мужчины никогда не должно и даже, можно сказать, очень неприлично и стыдно.

Говоря это, Карлъ Карловичъ ладонью дрожащей руки стеръ слезу, покотившуюся по его носу.

— Ну! что будетъ, то будетъ! сказала Илья Сергѣевичъ, махнувъ рукой. Только не говори, пожалуйста, сосѣдъ, ничего твоимъ дѣтямъ, и никому не говори, хоть правда здѣсь и говорить-то не кому. Сторона-то не очень людная.

— Это правда! замѣтилъ Карлъ Карловичъ: Совсѣмъ не людная и даже, можно сказать, совершенно пустынная. Ты да я, да наши дѣти, да иногда Чухонецъ изъ деревни, да изрѣдка солдатъ изъ крѣпости или медвѣдь изъ лѣсу.

Довольный своею острою, Карлъ Карловичъ замѣялся медленнымъ, стариковскимъ смѣхомъ, потомъ зажевалъ и въ заключеніе закашлялся.

— А! вотъ и наши! сказалъ между тѣмъ Илья Сергѣевичъ, глядя въ окно на рѣчку.

Василій и Густавъ, первый съ удой въ рукѣ, второй съ ружьемъ, причалили къ берегу и выпрыгнули изъ лодки. Густавъ былъ годами двумя старше Василья. Лицо его было очень пріятно и правильно. Бѣлокурые, вьющіеся волосы доставали до его плечъ. Вскорѣ они вошли въ избу. Василій поставилъ на полъ небольшую кадочку съ водою, въ которой плавало нѣсколько сига и окуней, а Густавъ, вынувъ изъ охотничьей сумки, трехъ рябчиковъ и тетерева, положилъ ихъ на столъ, передъ отцемъ своимъ.

— Вотъ это хорошо! сказалъ, жуя, Карлъ Карловичъ и разсматривая застрѣленныхъ птицъ одну за другою. Вотъ это очень хорошо! Теперь у насъ есть рябчики и даже, можно сказать, у насъ есть тетеревъ.

— А вотъ и я здѣсь! сказала серебрястымъ голосомъ Христина, прыгнувъ изъ дверей въ избу. Что ты, братецъ, настрѣлялъ? Посмотримъ! продолжала она, принявшись проворно перебирать дичь: Не много же! Всего четыре штуки!

— Да! Не много! Ты бы сама пошла въ лѣсъ съ ружьемъ, да настрѣляла бы побольше. Я заряжалъ въ полпатрона; порохъ берегъ; и за четыре выстрѣла принесъ четыре штуки. Чего же тебѣ больше!

— Всѣ таки мало, мало! сказала Христина, нарочно поддражливая брата и подходя къ кадочкѣ, гдѣ плавали рыбы.

— Заладила одно — мало! Не убьешь вѣдь изъ ружья пяти штукъ разомъ. Случается иногда двухъ, но рѣдко.

— Да ужъ не оправдывайся. Я тебѣ говорю, что мало. Молчи! А сколько тутъ рыбъ наловлено? Посмотримъ. Вотъ два сига, вотъ еще сижокъ маленькій, вотъ окуни. Сколько ихъ? Разъ, два, три, семь, девять, двѣнадцать..... И не пересчитаешь!

— Тутъ всего восемь окуней, замѣтилъ Василій.

— Нѣтъ не восемь, а больше. Молчи, Василій Ильичъ! Зачѣмъ ты себя обчитываешь?

— Да я не обчитываю.

— Обчитываешь, обчитываешь! Не надобно спорить со мной. Вѣдь ты это знаешь.

— Ахъ какая ты болтушка! сказалъ Карлъ Карловичъ послѣ достаточнаго жеванья: Я тебя ужъ нѣсколько разъ увѣщевалъ, что спорить и обчитывать очень неприлично и даже, можно сказать, глупо.

— Да я не обчитываю, батюшка, я напротивъ прибавляю окуней трехъ или четырехъ лишнихъ.

— Ну вот, лишних! Опять-лишних! И лишнее нельзя похвалить ни в какой вещи. Во всякой вещи и недостаток нехорош, да и лишнее нехорошо. Всякая вещь должна быть ни больше ни меньше, как ей быть слѣдуетъ. А ты вот, вѣтреница, ничего не разсуждаешь.

— Да за что же вы меня браните, батюшка? Что я такое сдѣлала? Я только сказала, что братъ настрѣлялъ дичи мало, а Василій Ильичъ наловилъ рыбы хоть немного, однако жъ довольно, то есть, ни больше, ни меньше, какъ слѣдуетъ.

— Ну, ну, тебя не переспоришь. Ты извѣстная болтушка. Поди-ка лучше, приготовляй обѣдъ.

Христина схватила дичь со стола и словно птица улетѣла изъ комнаты. Карлъ Карловичъ, поддерживаемый Густавомъ, побрелъ за нею слѣдомъ, протисаясь съ Ильей Сергѣевичемъ и его сыномъ.

III.

Наступила ночь. Небо обложилось дождевыми тучами. Мѣсяцъ выглядывалъ по временамъ изъ-за нихъ и опять прятался за черный ихъ занавѣсъ. Въ одной изъ избушекъ свѣтился еще огонь. Лучи его падали полосою на рѣчку и слабо освѣщали на противоположномъ берегу густые кустарники и нижнія вѣтви деревь. Безмолвіе лѣса было нарушаемо протяжнымъ воемъ волковъ.

— Тьфу, какъ они развылись сегодня, окаянные! Видно чуютъ войну и добычу, сказалъ Илья Сергѣ-

евичъ своему сыну. — Ну, такъ что жъ ты скажешь, Вася? Я тебѣ все открылъ, покаялся я передъ моимъ сыномъ во всемъ, что у меня лежитъ на совѣсти. Теперь подумай хорошенько. Не лучше ли тебѣ здѣсь остаться? Тебѣ Русскихъ нечего бояться, коли они эту сторону завоюютъ; ты ни въ чемъ не виноватъ. Что тебѣ со мной по былу-свѣту, безъ пристанища, какъ нищему, таскаться. Остаешься, Вася, а я уйду одинъ.

— Нѣтъ, батюшка ни за что! воскликнулъ сынъ, вскочивъ въ сильномъ волненіи со скамейки. Если придется тебѣ уйти отсюда, и я пойду съ тобой. Ты ужъ старъ. Кто тебя будетъ кормить безъ меня, кто будетъ ухаживать за тобой, если ты неравно заперемежешь. Нѣтъ! нѣтъ! Не говори, не убѣждай! Не останусь, ни за что не останусь!

Старикъ схватился за голову обими руками, зарыдалъ и бросился обнимать сына. Слезы умиленія, сладостныя слезы, давно уже старикомъ забытыя, полились изъ глазъ его.

— Вижу, Господи! говорилъ старикъ, всхлипывая и прижимая сына къ груди своей: что ты еще не оставилъ грѣшника. Благодарю Тебя, изъ глубины души благодарю, что Ты даровалъ мнѣ такого сына. О! какъ я счастливъ!

— Пусть прійдутъ сюда Русскіе! сказалъ съ жаромъ Василій: Неужели они такъ злопамятны, что вспомнить теперь то, что было съ тобою въ старые годы, и станутъ мстить тебѣ. Я увѣренъ, что тебя оставятъ въ покоѣ. Неужели въ русскомъ Царѣ нѣтъ милосердія? Пусть придутъ Русскіе! И если бъ они не постыдились тебя преслѣдовать, то первому, кто на тебя наложитъ руку, я прострѣлю сердце.

— Не говори такъ, Вася! Грѣшно такъ говорить! Не забудь, что Русскіе — наши земляки, наши единокровные. Меня осудили на казнь справедливо, за мое преступленіе. Русскіе невиноваты, Вася, что отецъ твой былъ преступникъ, что онъ бѣглець..... измѣнникъ!.....

Старикъ схватился за голову и началъ быстро ходить по комнатѣ.

— Чтѣ это, батюшка, такое? воскликнулъ вдругъ сынъ. Чу! Слышишь ли? слышишь ли какая вдали пальба?

Старикъ подошелъ къ окошку, раскрылъ его и сталъ прислушиваться.

Пальба усиливалась. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ перекатывался отдаленнымъ громомъ и смѣшивался съ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ.

— А! это вѣрно они! сказалъ старикъ и сѣлъ на скамейку, отирая выстунившій на лицѣ потъ.

— Кто они?

— Русскіе.

— Почему знать. Можетъ-быть шведскіе корабли идутъ сюда, и подаютъ сигналы крѣпости.

— Нѣтъ, нѣтъ, это Русскіе! Мнѣ совѣсть сказала.

Черезъ четверть часа постучались въ дверь избы. Василій отворилъ ее. Вошелъ торопливо Густавъ, совсемъ одѣтый, съ ружьемъ въ рукъ. За нимъ явился слѣдомъ Карлъ Карловичъ въ колпакъ и въ ходстяной фуфайкѣ. Его вела дочь подъ руку. Старикъ совсемъ запыхался отъ торопливости и отъ пореполоха. Онъ только-что началъ засыпать, какъ дѣти, услышавъ пушечные выстрѣлы, его разбудили.

— Слышите пальбу? сказалъ Густавъ.

— Какъ не слышать, отвѣчалъ Василій.

— Чтѣ же бы это значило?

— Батюшка думаетъ, что Русскіе подступаютъ.

— Какъ Русскіе! воскликнулъ Карлъ Карловичъ и снялъ колпакъ съ головы отъ испуга.

— Не думаю, сказалъ Густавъ: однако жъ не мѣшало бы удостовѣриться.

— Да, да, не мѣшало бы! повторилъ Карлъ Карловичъ, махая на себя колпакомъ, потому-что его бросило въ жаръ.

— Не хочешь ли, Василій, вхатъ со мною въ лодкѣ? спросилъ Густавъ. Мы выехали бы на Неву и взглянули бы, чтѣ тамъ дѣлается.

— Чтѣ за Нева такая! заметилъ Карлъ Карловичъ. Сколько разъ твержу я, что надобно говорить Ненѣ. Ахъ, какъ мнѣ жарко!

— Вхатъ мнѣ съ нимъ? спросилъ Василій отца своего, который сидѣлъ неподвижно у окна и въ глубокомъ молчаніи слушалъ гремѣвшую вдали пальбу.

— Поѣзжай, мой сынъ, если хочешь, отвѣчалъ мрачно Илья Сергѣевичъ. — Ахъ, если бъ это были не Русскіе!

Василій взялъ ружье свое, зарядилъ его патрономъ, который далъ ему Густавъ, и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Они сѣли въ лодку и поплыли.

— Братецъ, братецъ! раздался голосъ Христины, которой головка появилась въ растворенномъ окошкѣ. — Батюшка велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты не ѣздилъ въ такія мѣста, гдѣ есть опасность. Слышишь ли?

— Слышу! крикнулъ Густавъ въ отвѣтъ и началъ сильнѣе грести веслами. Они выплыли на Большую

Неву и увидѣли вдали, что со стѣнъ и земляныхъ валовъ Нienшанца сверкали непрерывно пушечные выстрѣлы. Прерывчатый блескъ ихъ освѣщаль облака бѣлаго дыма, которыя клубами громоздились надъ всею крѣпостью и ярко обрисовывались на небѣ, покрытомъ черными тучами.

— Что это значитъ? воскликнулъ Густавъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Русскіе?

— Очень быть можетъ! сказалъ Василій. Подплывемъ ближе къ крѣпости и посмотримъ.

— А ты не бойшься? спросилъ Густавъ.

— Чего же бояться? На рѣку даромъ стрѣлять не стануть. Если нападаютъ на крѣпость, то конечно съ сухаго пути.

Они поплыли далѣе. По мѣрѣ движенія лодки, крѣпость все явственнѣе и явственнѣе обрисовывалась. Видно было, что ее окружили нападающіе. Наши пловцы уже начали различать солдатъ, суетившихся на стѣнахъ, и канонеровъ, которые то прочищали орудія, то заряжали ихъ, то наносили фитили на затравки. Пальба рокотала, какъ громъ.

— Посмотри, посмотри! вскричалъ Василій. Что это за огненные змѣи на небѣ? Видишь ли, какъ взвиваются снизу, летятъ дугой и падаютъ въ крѣпость!

— Это, безъ сомнѣнія, бомбы. Поплывемъ еще подальше, и посмотримъ: откуда онѣ летаютъ?

Они поровнялись наконецъ съ батареей, на которой увидѣли преображенскихъ солдатъ, и насчитали на ней двѣнадцать мортиръ. Изъ всѣхъ этихъ мортиръ стрѣляли залпами, и двѣнадцать огненныхъ змѣй разомъ взвивались съ батареей въ воздухъ, при оглушительномъ громѣ. Батарея стояла бокомъ къ

Невѣ, почти на самомъ берегу. Вдругъ нѣсколько брапдескугелей, брошенныхъ изъ мортиръ, разлили ослѣпительный блескъ на всю батарею. Стало свѣтло, какъ днемъ или, лучше сказать, какъ при непрерывающей молніи. Густавъ и Василій ясно разсмотрѣли тогда капитана, который стоялъ на краю батареи, со шпагой въ рукѣ, и командовалъ солдатами. Подлѣ него виднѣнъ былъ другой офицеръ, который, почтительно выслушивая приказанія капитана, подходилъ то къ одной мортирѣ, то къ другой, и потомъ опять возвращался къ капитану. Оба они были высокаго роста, но капитанъ былъ выше офицера. Черные волосы развѣвались изъ-подъ его невысокой, трехъугольной шляпы. Того же цвѣта усы и густыя брови придавали ему видъ нѣсколько суровый, но вмѣстѣ съ тѣмъ на всемъ лицѣ его было разлито какое-то необыкновенное величіе. Ни Василью, ни Густаву конечно не могло никакъ прійти въ голову, что они видятъ капитана и поручика бомбардирской роты преображенскаго полка: Петра Великаго и Меншикова.

Съ неизобразимымъ любопытствомъ и съ тайнымъ, какимъ-то пріятнымъ страхомъ смотрѣли они на грозное и величественное зрѣлище. Кровь ихъ сильно волновалась. Они совершенно забылись. Съ берега никто ихъ не замѣчалъ, потому-что глаза всѣхъ обращены были на крѣпость; да если бъ и замѣтилъ кто, то два человека, сидѣвшіе неподвижно въ лодкѣ, не обратили бы на себя никакого вниманія. Наконецъ, довольно близко отъ нихъ прожужжало ядро. Въ-слѣдъ за нимъ другое вспѣнило воду въ Невѣ саженьяхъ въ трехъ отъ ихъ лодки.

— Не пора ли намъ назадъ? сказалъ Густавъ.

— Да кажется, что пора. Вѣдь передъ нами не потынное сраженіе, а настоящій приступъ.

Густавъ круто поворотилъ лодку, удалился къ другому берегу и быстро поплылъ внизъ по Невѣ.

— Какъ бы желалъ я быть на той батарее, сказалъ Василій: подъ командой этого высокаго офицера, который стоялъ на краѣ такъ спокойно, какъ будто бы изъ крѣпости стрѣляли холостыми зарядами. Онъ долженъ быть очень храбрый человекъ.

— А я очень бы желалъ быть теперь на стѣнѣ Нѣншанца, сказалъ Густавъ.

— Для чего такъ?

— Для того, чтобы отражать Русскихъ. Ахъ, если бѣ ихъ порядкомъ разбили!

— Ну посмотри, что они возьмутъ Нѣншанць.

— Не бывать этому!

— А вотъ, увидишь.

— Не спорь со мной, Василій! Мы поссоримся. Ты забылъ, кажется, что во мнѣ шведская кровь?

— А ты, Густавъ, забылъ что во мнѣ русская?

— Ты подданный нашего короля.

— Не присягалъ я вашему королю!

— А отецъ твой?

Этотъ вопросъ облилъ холодомъ сердце Василья. Разгоряченный зрѣлищемъ битвы, подавленный сильными впечатлѣніями, онъ позабылъ все на свѣтъ, позабылъ даже объ участи, ожидающей его отца, въ случаѣ побѣды Русскихъ. Онъ задумался. Молча приплыли они домой.

— Ну что? спросили въ одинъ голосъ старики-отцы ихъ и Христина, когда Густавъ и Василій вошли въ комнату.

— Русскіе! сказалъ Василій.

— Русскіе!... Боже мой! воскликнулъ Илья Сергѣевичъ.

— Неужели Русскіе въ самомъ дѣлѣ, Густавъ? спросила Христина, устремивъ умоляющій взоръ на брата, какъ-будто его упрасивая, чтобы онъ отвѣчалъ противное.

— Ну да, конечно Русскіе! Надѣюсь впрочемъ, что ихъ отобьютъ. Изъ крѣпости пальба такая, что небу жарко.

— Да, да, жарко! повторилъ разслушавшій только последнее слово Карлъ Карловичъ, дрожа и махая на себя колпакомъ.—Мнѣ очень жарко! Русскіе! Ахъ Боже мой! Да это ужасно и даже, можно сказать, чрезвычайно плохо! Сушая гибель и бѣда!

Всю ночь не смыкали они глазъ, потому-что пальба продолжалась до разсвѣта. Въ пятомъ часу утра (это было 1-го Мая 1703 года) крѣпость Нѣншанць сдалась Петру Великому. По подписаніи капитуляціи фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ, преображенскій полкъ занялъ городъ, а Семеновскій введенъ былъ въ контръ-эскарпъ. Побѣдителямъ достались восемьдесятъ-двѣ пушки, нѣсколько мортиръ и множество разныхъ военныхъ припасовъ.

IV.

Когда оба старика, утомленные тревожною, безсонною ночью, легли наконецъ и уснули; когда Христина, сидя у стола и протянувъ на немъ свою бѣлую ручку, прилегла на это мягкое изголовье разгорѣвшеюся отъ тревоги щекой и погрузилась въ сонъ, Василій и Густавъ вышли тихонько на берегъ,

снова съели въ лодку и отправились по рѣчкѣ на Неву. Солнце уже поднялось изъ-за лѣса и осыпало рябвѣвшую отъ утренняго вѣтерка рѣчку дождемъ ослѣпительно-блестящихъ искръ. Воздухъ былъ напоенъ весеннею свѣжестью; птички громко пѣли въ лѣсу, нисколько не заботясь, что война нагрѣнула на пустынную, спокойную сторону, гдѣ онѣ вили свои гнѣзда.

— Позавидуешь птицамъ! сказалъ Василии: Вѣчно веселы; вѣчно покоятъ. Не то, что мы, бѣдные люди. Какъ бы эти пѣвущи могли понять, что у меня и у тебя теперь на сердцѣ, то навѣрное перестали бы пѣть.

— Да, признаюсь! сказалъ Густавъ: Въ сердцѣ у меня теперь такая тревога и тоска, что въ воду готовъ прыгнуть. Чтѣ-то, отстояли ли Нienшанць?

— А вотъ, увидимъ, продолжалъ Василии: Не знаю, чтѣ дѣлается со мною! Боюсь, чтобы Русскіе не взяли крѣпости и желаю, чтобы они ушли отсюда, а сердце вотъ такъ и дрожитъ отъ радости при мысли, что мы, можетъ быть, увидимъ теперь на стѣнахъ Нienшанца русское знамя.

Густавъ нахмурился и проворчалъ сквозь зубы: — Будь спокоенъ, не увидимъ!

Они выѣхали на Неву и поплыли къ Нienшанцу, чтобы взглянуть чтѣ тамъ дѣлается.

— Смотри, смотри, Густавъ! вскричалъ вдругъ Василии радостно. Какой на крѣпости-то флагъ? Видѣ бѣлый, съ двуглавымъ орломъ!

— Ты ошибаешься, возразилъ тотъ, напрягая въ даль зрѣніе.

— Да ужъ не ошибаюсь! Крѣпость взята! Ай да наши!

— Послушай! Ты лодку опрокинешь. Ну длячего ты вскочилъ? Я съ тобой поссорюсь, если будешь такъ глупо радоваться, какъ-будто помѣшанный.

— Ахъ, Густавъ, не сердись! Я въ самомъ дѣлѣ боюсь помѣшаться. Какъ подумаю о русскомъ Царѣ, о которомъ чудеса рассказываютъ; какъ подумаю, что и я Русскій; какъ вспомню потомъ объ отцѣ, что онъ шведскій подданный; то, признаюсь, сердце разрывается на части, и хоть стыдно, а вотъ такъ и хочется заплакать.

Въ это время замѣтивъ, что ихъ догоняютъ двѣ шестивесельныя лодки, они принялись грести изъ всѣхъ силъ, но лодки, ихъ преслѣдовавшія, были гораздо быстрее на ходу. Вотъ онѣ, все ближе и ближе къ нимъ, съ каждою минутой! Василии и Густавъ разсмотрѣли въ обѣихъ лодкахъ, какихъ-то офицеровъ; вмѣсто гребцовъ, сидѣли на скамейкахъ солдаты, въ зеленыхъ мундирахъ, съ красными воротниками, и, положивъ подлѣ себя ружья, дружно взмахивали веслами, а на кормѣ каждой лодки стоялъ усачъ-капралъ и правилъ рулемъ.

— Кажется, они прямо ѣдутъ на насъ? сказалъ Василии.

— Кажется, такъ, отвѣчалъ Густавъ. Чего они хотятъ? Не вѣзяться ли намъ за ружья? Уйти отъ нихъ, я вижу, невозможно.

— За ружья? Чтѣ ты! Можно ли намъ двумъ защищаться противъ столькихъ.

Въ это время одна лодка обогнала ихъ, перерезала имъ дорогу и кто то закричалъ по-шведски: «Стой! Причаливай сюда!»

Густавъ взялъ въ руки ружье, а Василии, правя весломъ, подъѣхалъ къ лодкѣ.

— Что вам угодно? спросилъ онъ офицера, который разсматривалъ ихъ внимательно.

— Ахъ, да ты Русскій? сказалъ офицеръ.

— Русскій.

— И ты также? продолжалъ офицеръ, обратясь къ Густаву.

— Нѣтъ, я Шведъ.

— Шведъ, а между тѣмъ говоришь такъ чисто на нашемъ языкѣ.

— Съ дѣтства все жилъ вмѣстѣ съ Русскими, такъ и научился ихъ языку.

— Что вы за люди?

— Здѣшніе жители, отвѣчалъ Василій.

— Давно ли вы въ этой сторонѣ живете?

— Я выросъ въ здѣшней сторонѣ. Вѣроятно, дѣдъ мой или прадѣдъ былъ въ числѣ тѣхъ Русскихъ, которые уступлены Швеціи по Столбовскому миру.

— А зачѣмъ у васъ ружья?

— Мы охотники.

— Вотъ что! Ну слушайте, любезные! Вы, конечно, очень хорошо знаете здѣшнюю сторону, все тропинки въ лѣсахъ, все острова и островки, все рѣчки и ручьи. По-этому, одинъ изъ-васъ сядетъ ко мнѣ въ лодку, а другой вотъ въ ту, которая теперь подъѣзжаетъ къ намъ. Намъ нужно подробно осмотрѣть все здѣшнія мѣста. Вы будете нашими *языками*. Ну, перелъзай же хоть ты, Русскій, ко мнѣ. Вотъ, подполковникъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ преображенскому офицеру, сидѣвшему въ другой лодкѣ: я и нужныхъ для насъ языковъ досталъ. Бери къ себѣ этого Шведа.

— А если я не позволю, чтобы меня взяли, скажешь гордо Густавъ.

— Ну такъ тебѣ сейчасъ же убито, любезный, если станешь сопротивляться. Вы теперь оба мои пленные, такъ ужъ по неволѣ надобно меня слушаться. Я шлюссельбургскій губернаторъ Меншиковъ. Если исполните ваше дѣло хорошо, и будете вѣрными языками, то я черезъ нѣсколько дней отпущу васъ. Если же какъ-нибудь измѣните, насъ обманете или наведете на непріятельскую засаду, то сейчасъ же велю васъ разстрѣлять. Впрочемъ, вы, кажется, оба добрые малые. Надѣюсь, что мы съ вами не поссоримся.

Василій весело прыгнулъ въ лодку Меншикова, а Густавъ, надувшись, пересѣлъ въ другую лодку, которою командовалъ преображенскій подполковникъ Карповъ, тотъ самый, который, за полгода передъ тѣмъ, бывши еще маіоромъ, отличился при взятіи Шлюссельбурга и былъ тогда тяжело раненъ. По приказанію Меншикова, у Василья и Густава отобрали ружья и положили въ ихъ лодку, которую привязали къ корму лодки Карпова. Поплыли. При истокѣ Большой Невки изъ Невы, Меншиковъ и Карповъ разстались. Первый продолжалъ путь прямо, а второй поворотилъ въ Большую Невку. Передъ подполковникомъ лежала на маленькомъ и низкомъ столикѣ доска съ наклеенною на ней бумагою; тутъ же былъ компасъ, карандашъ и нѣсколько математическихъ инструментовъ.

— Послушай, любезный! сказалъ Карповъ Густаву, чертя что-то карандашемъ на бумагѣ. Какой это островъ отъ насъ влѣво?

— У него нѣтъ никакого имени. Островъ, да и только.

— Смотри, не лгать у меня!

— Я не лгу.

— Да что ты так надулся, приятель! Гляди повеселѣе. Не советую со мною ссориться. Не то изъ плѣна совсѣмъ не выпустятъ. Говори же правду: какъ названіе этого острова?

— Я вамъ сказалъ уже, что онъ безъимянный.

— А великъ ли онъ?

— Версты три слишкомъ въ длину, и болѣе двухъ верстъ въ ширину.

— Намъ надобно его объѣхать кругомъ. Указывай гребцамъ куда плыть.

У Густава лицо немного прояснилось. Намъ придется плыть мимо нашего дома, подумалъ онъ: безъ сомнѣнія, увижу отца и сестру, успѣю сказать имъ нѣсколько словъ, чтобы ихъ успокоить. Что-то съ ними теперь дѣлается? «Налѣво», сказалъ онъ гребцамъ, когда они доплыли до того мѣста, гдѣ вытекала изъ Большой Невки рѣчка, на берегу которой стояло жилище Густава.

Между тѣмъ Христина, которая, какъ было сказано, уснула, сидя у стола, раскрыла глаза, осмотрѣлась, вспомнила всю ночную тревогу и вскочила съ безпокойствомъ. Карлъ Карловичъ еще спалъ. Дѣвушка вышла изъ хижины, боязливо посмотрѣла во все стороны. Ни души! — Куда братъ Густавъ дѣвался? — подумала она, едва удерживая слезы. — Оставилъ насъ однихъ, когда мы въ такой опасности, когда, того и смотри, придутъ сюда Русскіе.

— Братъ, братъ! закричала она. Гдѣ ты? Поди сюда! Мнѣ страшно.

Нѣтъ отвѣта. Вездѣ глубокое молчаніе; только воронъ каркалъ на ближней соснѣ. Сердце у нея сжалось отъ страха и печальныхъ предчувствій. Ей ка-

залось, что вотъ сейчасъ же выскочатъ изъ-за дѣревьевъ русскіе солдаты и ее схватятъ. Въ это время Илья Сергѣевичъ вышелъ изъ своей избы.

— Ахъ, Илья Сергѣевичъ! воскликнула дѣвушка. Какъ рада я, что вы вышли. Ищу брата. Ушелъ куда-то, бросилъ насъ, и въ какое время!

— И моего сына нѣтъ нигдѣ. Куда это они въ самомъ дѣлѣ ушли? Ба! Да вотъ и лодки нашей нѣтъ. Верно они уехали опять на Неву.

Голова Карла Карловича, въ колпакѣ, высунулась изъ окошка.

— Доброе утро, сосѣдъ любезный! Ну что? Русскихъ еще не видно? Помилуй, Господи, всѣхъ насъ, грѣшныхъ!

— Авось, въ такую глушь не скоро еще придутъ Русскіе, если бѣ даже и успѣли они взять Нюшанцъ. Что-то тамъ дѣлается. Пальбы давно ужъ не слышно.

Карлъ Карловичъ, въ синемъ нѣмецкомъ кафтанѣ, съ мѣдными большими пуговицами и съ зелеными заплатами на локтяхъ, вышелъ изъ своей хижины.

— А гдѣ Густавъ? спросилъ онъ Христины.

— Не знаю, батюшка! отвѣчала та печально.

— Какъ — не знаю! Ты должна знать, когда я тебя спрашиваю.

— Вероятно, наши сыновья побѣхали опять на Неву, сказалъ Илья Сергѣевичъ.

— Какъ на Неву! воскликнулъ Карлъ Карловичъ и сильно зажевалъ отъ безпокойства. — Что имъ дѣлалась эта Нева! Такое ли теперь время, чтобы по ней кататься! Во-первыхъ, надобно замѣтить, что Невы не существуетъ, а есть рѣка Нюенъ, какъ я гово-

рил тысячу разъ, а во-вторыхъ, бхать теперь на Пиенъ, когда тамъ сражаются, это слишкомъ опасно, смѣло, безумно, и даже, можно сказать, глупо. Я скорѣе думаю, что мой Густавъ и твой сынъ ушли на охоту.

— А вотъ я, Карлъ Карловичъ, проберусь черезъ островъ, сквозь лѣсъ, до берега Невы и взгляну самъ, что тамъ дѣлается. Можетъ-быть, и встрѣчу нашихъ сыновей.

Онъ вошелъ въ свою избу, надѣлъ черезъ плечо кожаную перевязь со старою, заржавѣвшею саблею, нахлобучилъ шляпу, сѣлъ въ челнокъ, переправился на другой берегъ рѣчки и скрылся въ чащѣ лѣса.

— Батюшка, батюшка! закричала вдругъ Христина: сюда плывутъ въ лодкѣ солдаты. Убѣжимъ!

— Гдѣ, гдѣ они?

— Вотъ, вотъ, ужъ близко! Видите ли выѣзжаютъ изъ-за лѣса. Убѣжимъ, убѣжимъ, скорѣе!

— Ты знаешь, любезная дочь, что я бѣгать не могу. Они ужъ близко, конечно видѣли насъ, и такъ я полагаю, что бѣжать ужъ поздно. Предадимъ себя на волю Провидѣнія. Неужели эти Русскіе не пощадятъ моихъ сѣдинъ и твоей молодости, неужели убьютъ безоружнаго старика и невинную дѣвушку. Не бойся, дочь моя, не бойся!

Говоря это, Карлъ Карловичъ сильно жевалъ и дрожалъ, обнявъ одною рукой дочь, нагнувъ ея голову къ плечу своему и смотрѣлъ на приближавшуюся лодку съ солдатами.

— Батюшка! вскрикнула Христина. Ахъ Боже мой! Братъ въ этой лодкѣ! Верно, Русскіе схватили его.

— Быть не можетъ! Гдѣ ты видишь Густава?

— Въ лодкѣ! въ лодкѣ! Видите ли, офицеръ съ нимъ разговариваетъ.

— Да, да, это правда! Это Густавъ! Ахъ, бѣдный мой сынъ! Что будетъ съ нимъ!

Лодка приблизилась и пристала къ берегу. Подполковникъ Карповъ и Густавъ вышли изъ лодки.

— Здравствуй, почтенный старикъ! сказалъ Карповъ, ударивъ слегка по плечу Карла Карловича. Что ты дрожишь? Не бойся насъ! Въдъ Русскіе не людоѣды. Вотъ, сынъ твой просилъ меня остановиться здѣсь на минутку, чтобы сказать тебѣ нѣсколько словъ и тебя успокоить. Видишь ли, ему поручено мною нѣкоторое дѣло. Если онъ исполнитъ его честно и исправно, то черезъ нѣсколько дней я его отпущу къ тебѣ. А это дочь твоя что ли? Какая красавица!

Говоря это, Карповъ взялъ Хрестину двумя пальцами за подбородокъ и поднялъ ея головку, которую она потупила.

— Да, господинъ офицеръ, это дочь моя.

— Да взгляни мнѣ прямо въ лицо, красавица! Опустила рѣсницы, уставила глаза въ землю, и стоитъ, какъ приговоренная къ смерти. Не бойся насъ. Мы народъ добрый. Не обидимъ.

Христина подняла глаза и робко взглянула на подполковника. При всей быстротѣ взгляда, она успѣла замѣтить, что подполковникъ былъ молодъ и статенъ, что лицо у него мужественно и очень приятно, что глаза у него голубые, зубы ровные, бѣлые, а усы и волосы темпорусые.

— Ну, какіе глаза! продолжалъ Карповъ. Поздравляю старикъ! У тебя дочь рѣдкая красавица!

— Красота, господинъ офицеръ, сказалъ Карлъ Карловичъ: наружная красота безъ душевной есть непрочный, ничего не значащій цвѣтокъ и даже, можно сказать, пустиакъ.

— Да развѣ у дочери твоей душа нехорошая? Я увѣренъ, что она умница, добренькая; что она вообще душенька.

— Она, конечно, имѣетъ очень доброе сердце, и можно сказать, что она очень и неглупа, хотя и бываетъ иногда вѣтрена, неосновательна и даже, можно сказать, глупа, какъ всѣ молодые люди.

— По-этому и я глупъ?

— Я не говорю этого, господинъ офицеръ.

— Ну прощай, старикъ! Намъ пора ужъ ѣхать. О сынѣ твоёмъ не безпокойся. Только скажи ему, чтобы онъ исполнилъ хорошенько то, что поручено ему.

— Да, да, Густавъ! сказалъ Карлъ Карловичъ. Исполни все, какъ можно лучше.

— А если, батюшка, это будетъ несогласно съ присягой нашему королю.

— Какъ несогласно съ присягой! Это пустое! Этого ты никогда не съблаещь.

— Да если велятъ, принуждаютъ.

— Ну когда велятъ, особенно когда велятъ старшіе, то приказаніе ихъ должно непременно исполнить, но исполнить такъ, чтобы все это было присягѣ непротивно и даже съ нею сообразно во всей точности. Ну прощай! Ступай съ Богомъ.

Густавъ простился съ отцомъ и сестрою, съѣлъ съ Карповымъ въ лодку, и они вскорѣ скрылись изъ вида.

V

— Послушай, любезный! сказалъ Меншиковъ Василью. Скажи ты мнѣ, сколько здѣсь всѣхъ острововъ при устьѣ Невы?

— Да Богъ ихъ знаетъ! Я никогда ихъ не считалъ.

— Ну, такъ теперь сосчитай. Они, вѣрно, всѣ тебѣ извѣстны.

Подумавъ немного, Василій сказалъ: Кажется, четырнадцать или пятнадцать, если считать и всѣ маленькіе.

— Направо отъ насъ все острова?

— Точно такъ.

— А налѣво?

— Налѣво — материкъ. А вотъ эта рѣчка, которая вытекаетъ изъ Невы, отдѣляетъ отъ материка большой островъ.

Говоря это, Василій указалъ на Фонтанку.

— А какъ эта рѣчка называется?

— Она безымянная.

— Куда течетъ?

— Такъ же въ заливъ, какъ и Нева. Близъ ея устья стоитъ на взморьи чухонская деревня.

— Налѣво, въ рѣчку! скомандовалъ Меншиковъ гребцамъ.

Лодка вплыла въ Фонтанку, которая тогда была совсемъ непохожа на нынѣшнюю. Она пробиралась ко взморью между двумя необитаемыми, лѣсистыми берегами. По мѣстамъ, пагнувшіяся ивы купали въ ней свои вѣтви.

У Меншикова, такъ же, какъ и у Карпова, былъ компасъ и другіе математическіе инструменты. Плы-
вя по Фонтаикѣ, онъ чертилъ карандашемъ, на бу-
магѣ, ея направленіе. Наконецъ лодка выѣхала на
взморье. Меншиковъ велѣлъ поворотить налѣво, и
вскорѣ увидѣлъ на берегу чухонскую деревню, о ко-
торой говорилъ Василій. Вышли на берегъ, на ко-
торомъ стояло нѣсколько часовыхъ, семеновскихъ
солдатъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.
Они скрывались за деревьями и кустарниками. Изъ
одной хижины вышелъ офицеръ, со зрительною тру-
бою въ рукѣ. Меншиковъ подозвалъ его къ себѣ.

— Нѣтъ ли чего новаго?

— А вотъ сейчасъ извѣстилъ меня часовой, кото-
рый поставленъ тамъ, у взморья, что вдали появи-
лись какіе-то паруса.

— Пойдемъ вмѣстѣ и посмотримъ, сказалъ Мен-
шиковъ.

Съ офицеромъ подошелъ онъ къ мѣсту, откуда
видно было взморье, взялъ зрительную трубу и на-
чалъ смотрѣть вдали.

— Идетъ нѣсколько кораблей, сказалъ Менши-
ковъ: безъ сомнѣнія, шведскихъ; но они дойдутъ
сюда еще нескоро, потому-что вѣтеръ слишкомъ
слабъ. Отправьте сейчасъ же къ его величеству до-
несеніе.

— Я уже отправилъ.

— Сколько у васъ здѣсь солдатъ?

— Три роты, которыя оставлены здѣсь его ве-
лнчествомъ двадцать-осьмаго минувшаго Апрѣля, ве-
черомъ.

— То есть тогда, когда мы пріѣзжали сюда на

лодкахъ, съ семью ротами, еще прежде взятія Ни-
еншанца.

— Точно такъ.

— Подтвердите приказаніе солдатамъ, чтобы они
были какъ можно осторожныѣе и не показывались,
прежде времени, приближающемуся непріятелю.
Наблюдайте строго за жителями, чтобы кто-ни-
будь изъ нихъ на лодкѣ или челнокѣ не передалъ
извѣстія на шведскіе корабли, что мы здѣсь, и что
Неншанецъ уже взятъ.

Довольно долго еще разговаривалъ Меншиковъ съ
офицеромъ. Тѣмъ временемъ въ деревнѣ, гдѣ оста-
лись гребцы Меншикова и Василій, происходилъ
слѣдующій разговоръ.

— Куда это пошелъ командиръ-то нашъ? спро-
силъ одинъ изъ гребцовъ, преображенскій усащъ,
другаго.

— А вишь-ты онъ пошелъ туда съ офицеромъ,
ко взморью, отвѣчалъ другой.

— Это я самъ вижу, безъ тебя. Я хотѣлъ ска-
зать: длячего онъ пошелъ туда?

— Длячего? Вишь ты, скажи ему еще: длячего!
А тебѣ что за дѣло?

— Ну, такъ. Неужто нельзя спросить: длячего?

— Можно, да не должно! сказалъ третій сол-
датъ, разглаживая усы.

— А что такъ?

— Да то, что не наше солдатское дѣло рассу-
ждать: длячего да почему. Про все то ужъ команди-
ры знаютъ. Они за все и отвѣчаютъ. А намъ что!
Скомандуютъ: заряджай! — такъ заряди. Закричатъ:
пали! — такъ и стрѣлай. Крикнутъ: впередъ! — такъ и
затягивай: ура! да лопи впередъ, хоть бы сами

черти передъ тобой стояли съ раскаленными рога-тинами.

— Дьяло говоришь, дядя! заметилъ четвертый солдатъ. Былъ я подъ Нарвой. Вотъ этакъ же многіе не слушали хорошенько команды, а видно, смекали: длячего да почему? такъ Шведъ намъ и задалъ такого трезвону, что и теперь еще затылокъ чешется.

— Вотъ тебѣ и: длячего! сказалъ второй солдатъ, ударивъ перваго по плечу. Впередъ не спрашивай: длячего? Много будешь знать, скоро состарьешься! Самъ безграмотный, а хочетъ быть прынки писаные!

Солдаты захохотали. Первый солдатъ надулся, оправилъ усы и сказалъ:

— Ну, что жъ вы расхохотались, словно русалки какія! Невелика бѣда, что я теперь спросилъ пеладно. А вотъ посмотримъ, какъ дойдетъ до баталій, увидимъ еще, кто кого перещеголяетъ. Не спрошу, не бойсь, тогда: длячего? а такъ отличусь важно, что сами скажете: Ну, Савельичъ, собачій сынь, всѣхъ за поясъ заткнулъ!

— Не заткнешь! возразилъ второй солдатъ. Всѣ не ударимъ лицомъ въ грязь. Опростоволосился, такъ ужъ молчи. Не вилай!

— Да я не виляю, дядя! Что ты лишешь ко мнѣ, какъ съра горячая. Отстань!

Сказавъ это и желая отворотить отъ себя дальнѣйшія насмѣшки, солдатъ обратился вдругъ къ Василью и спросилъ его:

— Ну, что ты, языкъ, не говоришь ничего? Смотришь только на насъ, да глазами похлопываешь.

— Что же мнѣ говорить? сказалъ Василій.

— Какъ что! Ведь ты языкъ, а у языка только и службы, что говорить. За что же онъ казенную квартиру во рту занимаетъ? Даромъ что ли? Вошь его, коли онъ службы своей не справляетъ!

Солдаты опять засмѣялись. Товарищъ ихъ былъ радъ, что отвелъ отъ себя на другаго дождь насмѣшекъ.

— А кто ты, любезный? продолжалъ солдатъ. Русскій или Шведъ?

— Русскій.

— Коли Русскій, то какими судьбами ты попалъ сюда, въ шведскую сторону? Бѣглый что ли?

— Нѣтъ не бѣглый.

— Коли не бѣглый, такъ что жъ ты за птица залетная?

— Тебѣ дѣла нѣтъ до этого.

— Вотъ что! Дѣла нѣтъ! Видно по всему, что ты птица-то не простая. Признайся, что ты какой-нибудь перебѣжчикъ или измѣнникъ. Впрочемъ мнѣ нѣтъ до тебя дѣла. Моя изба съ краю, ничего не знаю.

Солдаты снова засмѣялись. Насмѣшки ихъ совершенно вывели Василья изъ себя. Въ это время возвратился Меншиковъ съ офицеромъ.

— Нѣтъ, я не измѣнникъ! вскричалъ Василій: Не измѣнникъ, а такой же Русскій, какъ и вы! Господинъ губернаторъ! продолжалъ онъ, бросающъ къ ногамъ Меншикова: Меня называютъ напрасно бѣглецомъ, измѣнникомъ, а я, клянусь вамъ, не бѣглець, не измѣнникъ, я ничѣмъ не виноватъ передъ нашимъ царемъ. Возьмите меня въ службу, прикажите дать мнѣ ружье и тесакъ, и, когда придутъ Шведы, я покажу всѣмъ: Русскій ли я.

Меншиковъ взялъ его ласково за руки и подпаль.
 — Кто называлъ тебя измѣнникомъ?
 — Они! отвѣчалъ Василій, указывая на солдатъ.
 — За что? продолжалъ Меншиковъ.
 — Никакъ, пѣтъ, Александръ Даниловичъ! отвѣчалъ одинъ изъ преображенцевъ: мы не называли его вправду измѣнникомъ, а такъ только болтали да трунили надъ нимъ.

— Не надобно никого напрасно обижать! сказалъ Меншиковъ строго: Грѣшио!

— Слушаемъ, отецъ нашъ, Александръ Даниловичъ! гаркнули солдаты.

— Послушай, любезный! сказалъ Меншиковъ, отведя Василья въ сторону: Когда приходятъ сюда шведскіе корабли, то какіе подають они сигналы крѣпости? Ты, навѣрное, замѣтилъ это, потому-что давно уже живешь въ здѣшной сторонѣ.

— Когда корабли приходятъ сюда, на взморье, отвѣчалъ Василій: то они всегда стрѣляютъ два раза изъ пушки, и съ крѣпости имъ отвѣчаютъ также двумя выстрѣлами.

— Ты это навѣрное знаешь?

— Навѣрное.

Меншиковъ подошелъ къ толстому пню, вынулъ изъ кармана листокъ бумаги и карандашъ, записалъ то, что узналъ отъ Василья, и велѣлъ офицеру запечатать и тотчасъ же отослать въ Нѣншанцъ къ фельдмаршалу графу Шереметеву.

Вѣтеръ совсемъ стихъ. Меншиковъ увидѣлъ въ зрительную трубу, что шведскіе корабли стали вдали на якорь. По-этому онъ рѣшился провести ночь въ деревнѣ и дожидаться другаго дня. Назавтра, втораго Мая, пользуясь поднявшимся, хотя и сла-

бымъ вѣтромъ, корабли приблизились къ невскому устью и остановились отъ него въ полуверсть. Изъ-за кустарника Меншиковъ наблюдалъ за непріятелемъ. Вотъ, съ борта одного корабля сверкнула красная, огненная струя; бѣлый, густой дымъ покатился клубами по морю, и эхо понесло вдаль выстрѣлъ. Когда дымъ, рѣдѣя, началъ подниматься и растягиваться въ воздухъ легкимъ облачкомъ, грянула вторая пушка. Вскорѣ за тѣмъ раздалась въ отдаленіи два отвѣтные выстрѣла со стѣны Нѣншанца, и тогда съ адмиральскаго корабля послали ботъ въ деревню, чтобы взять лоцмановъ, для ввода прибывшей эскадры въ Неву. Но едва ботъ успѣлъ пристать къ берегу, и едва вышли изъ него четверо шведскихъ матросовъ, нѣсколько семеновскихъ солдатъ выскочили изъ-за кустарника, овладѣли ботомъ, и одного матроса схватили. Товарищи его убѣжали. Съ эскадры этого ничего не видали, потому-что деревню заслонялъ со стороны моря лѣсистый островъ, (нынѣшній Гутуевскій). Отъ схваченнаго матроса узнали, что эскадрю командуетъ вице-адмиралъ Нуммерсъ, и что она прислана для защиты Нѣншанца. Къ вечеру два корабля отдѣлились отъ эскадры и стали на якорь передъ самымъ устьемъ Невы. Въ рѣку не вошли они, потому-что уже стемнѣло. Между-тѣмъ вѣтеръ снова стихъ совершенно. Эскадра простояла шесть дней на якорѣ со втораго до седьмаго Мая, въ совершенномъ бездѣйствіи, за безвѣтріемъ.

Въ ночь съ шестаго на седьмое Мая, тридцать ботовъ, наполненныхъ преображенскими и семеновскими солдатами, плыли по Невѣ отъ Нѣншанца. Половина изъ нихъ отдѣлилась и вѣхала въ Фонтанку; другая поплыла далѣе и пристала къ

льсистому берегу Васильевского Острова. Солдаты остались въ ботахъ, а Меншиковъ и подполковникъ Карновъ вышли на берегъ.

— Какая холодная почъ! замѣтилъ Карновъ.

— А вотъ скоро будетъ очень жарко, сказалъ Меншиковъ. Его величество, я думаю, уже проѣхалъ половину Фонташки. Чтобы намъ не прозвать сигнальной ракеты! Надобно такъ разсчитать, чтобы мы могли въ одно время напасть на шведскіе корабли: его величество отъ деревни, которая на взморьи, а мы отсюда.

— Не прикажете ли отпустить теперь нашихъ двухъ языковъ? Теперь ужъ они, кажется, намъ болѣе не нужны. Вся острова уже осмотрѣны и сняты на карту.

— Да развѣ они еще не отпущены?

— Нѣтъ, еще. Я до вашего приказанія не велѣлъ ихъ отпускать. Они теперь въ одномъ изъ ботовъ, подъ надзоромъ солдатъ.

— Отпустить ихъ. Неужели ихъ намъ тащить съ собою на сраженіе. Только мѣшать будутъ. Прикажете позвать ихъ ко мнѣ.

Вскорѣ Василій и Густавъ подошли къ Меншикову.

— Ну, благодарю васъ, любезные друзья, за вашу службу, сказалъ имъ Меншиковъ. Теперь вы можете идти, куда хотите. Все ли отдано вамъ, что было съ вами, когда мы васъ взяли въ языки?

— Нѣтъ, ничего еще не отдано, ни лодки нашей, ни ружей, отвѣчалъ Густавъ.

— Гдѣ же это все? спросилъ Меншиковъ Карпова.

— Лодка ихъ привязана къ моему катеру, а ружья сданы на сбереженіе капралу.

— Возвратить имъ все и отпустить. Ну, ступайте, любезные друзья! Благодарю за службу. При случаѣ постараюсь и наградить васъ чѣмъ-нибудь, а теперь некогда.

— Если вы были довольны моею службой, господинъ губернаторъ, то можете наградить меня теперь же, сказалъ Василій.

— Тебѣ ужъ сказано, любезный, что некогда. Теперь мнѣ не до тебя. Ступай.

— Награда, о которой прошу, состоитъ въ томъ, чтобы вы позволили мнѣ съѣсть въ ботъ, вмѣстѣ съ солдатами, которые называли меня измѣнникомъ, и вѣхать съ ними на сраженіе.

— Ого, какой же ты храбрый! Нѣтъ, мой другъ, это сдѣлать мудрено.

— Сдѣлайте милость, господинъ губернаторъ! Увидите сами, какъ я буду драться. Прикажете мнѣ дать тесакъ, сумку съ патронами, да возвратить ружье мое.

— Нельзя, нельзя, другъ мой.

— Сдѣлайте милость! Окажите благодѣяніе!

Василій бросился къ ногамъ Меншикова.

— Что съ нимъ станешь дѣлать! сказалъ Меншиковъ, обратясь къ Карпову.

— Позвольте ему, Александръ Даниловичъ! ска-

заль подполковникъ. Чтò жь въ самомъ дѣлѣ. Одинъ человекъ лишній солдатамъ не помѣшаетъ. Притомъ сраженіе будетъ на водѣ, а не на сухомъ пути. И для солдатъ-то это новинка.

— Да почему ты такъ неотступно просишь? спросилъ Меншиковъ Василья.

— Послѣ узнаете! Можетъ-быть, мнѣ удастся заслужить отъ васъ спасибо, можетъ-быть, я порадою этимъ отца моего, который..... Не спрашивайте теперь. Позвольте ѣхать, окажите благодеяніе.

Говоря это, Василій обнималъ ноги Меншикова.

— Ну, нечего съ тобой дѣлать! Вели, Карповъ, дать ему изъ обоза тесака и сумку съ патронами, да возвратить его ружье.

Василій готовъ былъ запрыгать отъ радости. Онъ подошелъ къ Густаву, обнялъ его и сказалъ въ-полголоса:

— Прощай, другъ! Можетъ-быть, мы ужъ не увидимся больше!

Потомъ онъ прибавилъ шепотомъ:

— Скажи моему отцу, что авось заслужу я ему моею кровью царское прощеніе.

— Прощай, Василій! сказалъ Густавъ, обнимая его. — Ты дѣлаешь большую глупость! прибавилъ онъ тихо: отцу не можешь, а самого убьютъ. Мудрено разбить Шведовъ. Ихъ много пріѣхало на корабляхъ.

— Нѣтъ, ужъ я рѣшился! Прощай!

Густавъ удалился, а Василья посадилъ Карповъ въ ботъ къ солдатамъ, у которыхъ онъ былъ до того подъ надзоромъ. Ему дали ружье, тесака и сумку.

— А! да ты опять къ намъ, дружище! сказалъ тотъ самый солдатъ, который насмѣшками разсердилъ Василья въ деревнѣ. — Развѣ ты пойдешь съ нами въ батацію?

— Да, пойду.

— А не боишься Шведа? Вѣдь сердить, окаяннѣй!

— Не боюсь! Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать.

— Да ты, я вижу, молодецъ! А стрѣлять-то умѣешь?

— Въ мѣткости и тебѣ, я думаю, не уступлю.

— Ой ли!

— Увидишь.

— Да кто тебя къ намъ прикомандировалъ?

— Александръ Даниловичъ.

— А длячего?

— Опять ты, Савельичъ, спрашивать принялся: длячего? сказалъ другой солдатъ. — Смотри! опять опростоволосишься. Командиръ вельѣтъ, такъ ужъ молчи, не раздобаривай.

— Забылъ, дядя! И въ самомъ дѣлѣ, чтобы не того!.....

— То-то!

— Смотри-ка, дядя, смотри! Вишь ли вонъ тамъ, въ далекъ, изъ-за лѣсу-то что поднялось? Никакъ ракета?

— Кажись, ракета.

Меншиковъ и Карповъ съѣли въ передней боть, и вся флотилія, въ тишинѣ, двинулась ко взморью. Вскорѣ стали уже видны два шведскіе корабля, обрисовавшіеся на водѣ, едва освѣщенной занимавшеюся зарею.

— Экъ нашъ командиръ-то! сказалъ Савельичъ товарищамъ: Впереди всѣхъ летитъ.

— Не отставай, ребята! Гребите сильнѣе! крикнулъ капралъ, стоявшій на руль. Поналягте, любезные, поналягте. Разъ!.... Два!.... Разъ!.... Два!.... Вотъ этакъ.

На шведскихъ корабляхъ ударили тревогу. Паруса взвились, фитили закурились, по поверхности залива сверкнулъ красноватый блескъ, какъ-будто отъ зарницы, и первый залпъ грянулъ съ борта ближайшаго корабля.

— Впередъ! На абордажъ! послышался громкій голосъ Меншикова.

— Эхъ дядя! сказалъ Савельичъ: Никакъ тебя до смерти убило? Ребята! Въдъ Кузьмича-то убило! Вишь лежитъ, сердечный, не шевельнется! А тебѣ, Сергѣичъ, никакъ задѣло картечью?

— Попало въ руку, отвѣчалъ раненный солдатъ, морщась отъ боли! Да ты на меня-то не зывай, не твое дѣло! а смотри впередъ, да слушай команду.

— Глядите-ка, глядите-ка, ребята! крикнулъ Савельичъ! Кто съ другой-то стороны къ кораблямъ-то катитъ. Въдъ, ей Богу, онъ!

— Кто? спросилъ Василій.

— Да самъ царь! Ахъ ты Господи!

— А что, ребята, ужъ не затягивать ли: ура? Или еще рано? сказалъ третій солдатъ.

Грянулъ другой залпъ. Боть, которымъ правилъ Петръ Великій, скрылся въ бѣломъ облакѣ пороховаго дыма.

Окруженные два корабля, поднявъ всѣ паруса, усиливались пробиться къ эскадрѣ и плыли къ ней, безпрестанно отстрѣливаясь.

— Слышь ты! сказалъ капралъ того бота, гдѣ былъ Василій: Командуютъ бѣглымъ огнемъ! За дѣло, ребята! Прикладывайся! Пали!

— Да ты и впрямъ стрѣлять мастеръ! замѣтилъ Савельичъ, взглянувъ на Василья: Вишь какъ работаетъ.

— Куда вы! крикнулъ капралъ на гребцовъ. Вы къ кормъ норовите! А то лѣзутъ подъ самыя пушки! Какъ шарахнутъ ядрами, такъ боть въ щепы разлетится, а въдъ надобно его беречь: казенный! Ну, голубчики, веселье, веселье! Забрасывайте лѣстницу съ крючьями! Чу! Слышь ты! Гранаты берите въ руки. А! прицѣпились къ кормъ. Вотъ такъ! Ладно! Наверхъ, любезные, наверхъ! Живо!

Шведская эскадра не могла подать помощи двумъ окруженнымъ кораблямъ. Вѣтеръ былъ противный,

а лавировать было невозможно по узкости фарватера. Со всей эскадры открыли сильную канонаду по русскимъ ботамъ. Но наконецъ ее прекратили, когда дымъ покрылъ и боты и уходящiе два корабля. Въ этомъ облакѣ раздавались взрывы лопающихся гранатъ, ружейный огонь, пушечные выстрѣлы. вмѣстѣ съ другими Василій взобрался по веревочной лѣстницѣ куда-то вверхъ, на какую-то палубу. Въ дыму, за два шага ничего не было видно. Громъ началъ постепенно стихать, дымное облако прочищаться, и вотъ, опять явились они, два шведскiе корабля, сначала неясно, какъ два призрака, какъ двѣ черныя тѣни въ туманѣ, потомъ обрисовались яснѣе, освѣщенные лучами восходящаго солнца. На кормѣ одного корабля стоялъ уже Петръ Великий, на кормѣ другаго Меншиковъ. Шведскiй флагъ на обоихъ судахъ былъ спущенъ. Восторженное ура, какъ непрерывный перекатъ грома, далеко разносилось по водамъ залива.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ С. О.)

К. Масальскiй.

ОТДѢЛЕНIЕ IV.

Иностранная Словесность.

=

БУБНОВЫЙ КОРОЛЬ.

ПОВѢСТЬ ЕВГЕНIЯ СКРИБА.

—

Балъ былъ прекрасенъ, а онѣ обѣ разговаривали у камина!... Разговаривать вмѣсто того, чтобы танцовать! Въ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ!... Навѣрное разговоръ очень интересенъ! Эта мысль возбуждала во мнѣ сильное желанiе его подслушать. Дурно это! Но кому же можно простить любопытство, если не драматическому писателю? Чтѣ порокъ въ другихъ, то для него обязанность; онѣ долженъ подслушивать.... хоть бы по долгу своего званiя. Притомъ эти двѣ дѣвушки были такъ прекрасны, такъ милы! Въ ихъ осанкѣ, въ ихъ взглядахъ было столько прелестей и простодушия; онѣ такъ весело смѣялись, такъ мало заботились о будущемъ, что нельзя было удержаться, чтобы не подумать о будущемъ за нихъ. Одна изъ нихъ, блондинка,

говорила съ живостью, въ-полголоса; другая, черно-волосая, слушала, потупивъ глаза и обрывая листочки съ букета бѣлыхъ камелій, который она держала въ рукѣ. Очевидно было, что ее спрашивали; что она не хотѣла отвѣчать. Потомъ, черезъ мигъ, подняла она на свою подругу голубые, восхитительно-выразительные глаза, въ которыхъ, безъ ошибки, можно было прочесть отвѣтъ: *клянусь, милая, что я не понимаю!* Другая возразила громкимъ смѣхомъ, который я перевелъ такъ: *Поди! не вѣрю тебѣ!* Я увѣрился, что понималъ ихъ; что смѣху за ихъ разговоромъ; но, не смотря на это, мнѣ очень хотѣлось послушать этотъ разговоръ по-ближе. Хозяйка дома дала мнѣ къ тому случаю, предложивъ мнѣ карту на вистъ. Я не въ ладахъ съ вистомъ, играю очень плохо, зато и вистъ мнѣ отплачиваетъ, отчего и происходитъ, что я его очень люблю. Это страсть несчастная! А только страсти этого рода продолжаютъ. Въ этотъ разъ однако жъ вистъ мнѣ благопріятствовалъ, потому-что карточный столъ стоялъ противъ каминна, и кресла, которыя мнѣ достались по жребію, пришлось у того мѣста, гдѣ сидѣли мои хорошенькія говоруньи. Онѣ не обратили даже на насъ вниманія. Для дѣвушекъ ихъ лѣтъ балъ состоитъ изъ молодыхъ дѣвицъ, изъ нарядовъ, изъ танцоровъ, изъ кавалеровъ. Игроки въ вистъ почитаются за ничто. Они не существуютъ: это четыре лишнія кресла въ залѣ.

— Какъ, милая! Ты никогда не думала объ этомъ?

— Никогда!

— Даже во снѣ?

— Да есть ли когда! Я всегда сплю такъ крѣпко.

— А маменька твоя тебѣ не говорила объ этомъ?

— Нѣтъ еще.

— Я такъ уже отказала двумъ женихамъ.

— А почему?

— Они были не очень богаты. Я хочу, чтобъ онъ былъ богатъ..... А ты?

— Я..... я желала бы, чтобъ онъ былъ молодой и умный человѣкъ.

— Вотъ еще! Умный! Нынче кто не уменъ..... А я бы желала, чтобы онъ имѣлъ видное мѣсто при дворѣ.... чтобы и меня ко двору представили.

— Неужели ты только этого и желаешь?

— Безъ сомнѣнія! Какой у меня нарядъ будетъ тогда!

— Неужели, выйдя за-мужъ, ты станешь заниматься нарядами?

— Всегда стану заниматься.

— А мужемъ?

— Милостивый государь! вскричалъ съ живостью мой партнеръ: у васъ развѣ нѣтъ трещъ?

— Есть.

— Если есть, то ихъ-то и надобно.

— Виновать! Я слушалъ..... то есть..... я соображалъ..... я считалъ вышедшія уже карты.

И въ это время ускользнула отъ меня часть разговора, который все продолжался сзади моего уха.

— Любить..... безъ сомнѣнія..... если только найдется такой..... если встрѣтится..... О! это важнѣе всего!

— Право!

— Для этого, я желаю, чтобы онъ былъ почти моимъ лѣтъ, чтобы у насъ были почти однѣ склонности, почти одни недостатки..... это его сдѣлаетъ снисходительнѣе къ моимъ..... Ну, а его недостатки, я ему извиняю всѣ напередъ..... только бы онъ очень любилъ меня, и любилъ бы меня одну.

— Тетушка говоритъ, что это невозможно.

— Почему же? Вѣдь я его буду очень, очень любить!

— Что за глупости!

— Это долгъ мой, и такой, мнѣ кажется, пріятный долгъ!

— А если онъ перестанетъ тебя любить?

— Пускай!.... Я всё-таки буду любить его.... Это долг мой.

— А если бы онъ измѣнилъ тебѣ?

— О, я умру тогда!.... Но все равно, я всё-таки буду любить его.

— Три леве проиграли! вскричалъ мой партнеръ. Да что это вы, сударь! У меня репонсъ въ червяхъ, а вамъ это ясно показываю, а вы не отвѣчаете на мой инвигъ!

— Ну что же?

— Какъ «что же!» У меня руки полны мелкихъ козырей, а вы, знай, козыряете со старшихъ, и всѣхъ у меня отняли.

— Ну что же отъ этого?

— Да то, что мы проигрываемъ.

— Вы меня извините! Я прешлохой игрокъ. Вы, по моей милости, проиграли!

И между тѣмъ я думалъ про-себя, что онъ мнѣ причинилъ гораздо важнѣе проигрышъ, помѣшавъ до-слушать конецъ разговора. Обѣ дѣвушки встали. За одною я слѣдилъ глазами. Она меня очень занимала. Я хотѣлъ и не смѣлъ спросить объ ея фамиліи.

— Сесилія! сказала ей высокая дама, надменная съ виду и худощавая: Сесилія, надѣнь твою шаль, и по-ѣдемъ.

— Сейчас же, маменька! Меня, правда, пригла-сили на танецъ, но я пойду откажусь.

— Не позволю этого! сказала хозяйка: госпожа д'Орте навѣрное подаритъ мнѣ еще четверть часа.....

Тутъ увидѣвъ меня и взявъ за руку, хозяйка сказа-ла мнѣ:

— Госпожа виконтесса желала съ вами познакомиться и просила представить васъ ей.

Эти представленія — одна изъ самыхъ скучныхъ вещей въ мірѣ. Но я видѣлъ, что въ этотъ разъ пред-ставленіе дастъ Сесиліи время протанцовать контр-

дансъ, и мнѣ было пріятно начать съ нею знакомство пожертвованіемъ. Именно пожертвованіемъ. Госпожа виконтесса д'Орте была дама очень знатная, важная и съ большими претензіями. Она сочиняла книги, кото-рыя находили болѣе хвалителей, нежели читателей. Уже было извѣстно всему свѣту, что всѣ ея сочиненія непременно должны быть самой высокой нравственно-сти; по-этому каждый, не выдавши еще ихъ, хвалилъ уже сочинительницу по первому объявленію книгопро-давца.

Сочиненіе, которое имѣло наибольшій успѣхъ и ко-торое, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе распространи-ло ея славу, — это былъ ея романъ, сочиненный ..., который никогда не выходилъ въ свѣтъ. Не нужно говорить, что по скромности, правиламъ своимъ и въ особенности по знатности рода, виконтесса никогда не выставляла имени на своихъ твореніяхъ. Это также средство къ достиженію успѣха.

Разговоръ со мной она подержала почти одна, чѣмъ я былъ очень доволенъ. Очень люблю женщинъ съ умомъ; когда свой собственный умъ можетъ остаться въ покоѣ, и когда къ удовольствію слушать ихъ, при-соединяется удовольствіе молчанія. Я немножко похожъ на того господина, который говорилъ: «Постараюсь скорѣе сочинить толстую книгу, самую умную, чтобы имѣть потомъ право быть глупымъ во всю мою жизнь.» Не знаю, заслужилъ ли я это право, но я имъ поль-зуюсь.

Виконтесса говорила мнѣ о моихъ сочиненіяхъ, я — объ ея твореніяхъ, объ ея дочери, лучшемъ ей произведеніи, безъ всякаго сомнѣнія, которымъ одна-ко жъ она, по-видимому, менѣе всего гордилась. Всегда бываетъ такъ: авторы обыкновенно самые плохіе су-дья своихъ твореній.

Разговоръ такъ былъ продолжителенъ, что вмѣсто одного контрданса Сесилія протанцовала два. Бѣд-

пняжка не знала, какъ и благодарить меня, а ей не было извѣстно, что и я ей былъ обязанъ благодарностию за доставленное удовольствіе. Она подарила меня самою милою улыбкой. Вспомнивъ слова ея, мною подслушанныя, я сказалъ, когда она уходила: Счастливъ молодой человѣкъ, который ей понравится! Счастливъ мужъ, котораго изберетъ она!

Въ тотъ годъ и въ слѣдующую зиму я не встрѣчалъ нигдѣ Сесиліи; я почти никогда не ѣзжу на балы.

Весною 1833 года у меня было много горя. Отчего? Это не интересно для читателя, и я прошу у него позволенія не говорить ему о моемъ горѣ. Я прибѣгнулъ тогда къ тому, что почитаю лекарствомъ противъ всѣхъ золъ; я отправился въ дорогу, и, отыскивая какого-нибудь предмета для комедіи, чтобы развеселиться и разсѣяться, посѣтилъ Овернскую Провинцію и Пиреней.

Я находился за двѣ или за три мили отъ Мон-д'Ора, близъ Озера Павенскаго. Лежа на лугу, смотрѣлъ я съ берега внизъ на прозрачныя и чистыя воды, извѣстныя своею цѣлительною силой. Вдругъ, вблизи отъ меня услышалъ я шаги. Это были путешественники. Старикъ, котораго вела подъ руку молодая дѣвушка, кричалъ съ сердитымъ видомъ:

— Да пейдите такъ скоро..... Невозможно за вами слѣдовать.

Я поднялъ глаза и, посмотрѣвъ на дѣвушку, нашелъ въ ней большое сходство съ моею милой танцовкой, Сесиліей д'Орте, ловкой, граціозной, обворожительно-хорошенькой. Сомнѣнія мои превратились въ увѣренность, когда я увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ позади нея, даму, которая, держа альбомъ и карандашъ, шла и писала. Это была виконтесса. Восклищанія съ той и другой стороны, необходимыхъ фразы въ похвалу живописныхъ мѣстъ, гдѣ мы находились, и потомъ, когда уже правила учтивости были выполнены, я попросилъ виконтессу, заботясь о своемъ удовольствіи,

чтобы она представила меня дочери ея, Сесиліи д'Орте.

— Сесиліи д'Орте! вскричала виконтесса съ удивленнымъ видомъ: Сесилія уже за-мужемъ!

— Неужели! — И посмотрѣвъ кругомъ себя, я искалъ молодого мужа, удивляясь, что его нѣтъ съ женою.

— Вотъ зять мой, сказала мнѣ госпожа д'Орте, представляя меня старику, и торжественно произнесла имя, которое я вамъ не скажу. Это былъ человѣкъ высшей знати, наполеоновскій генералъ, пожалованный въ герцоги и перы при Людовикѣ XVIII, занимающій и теперь важную военную должность, обладающій огромнымъ богатствомъ и многими прекрасными качествами..... Но эти прекрасныя качества, къ несчастію, имѣлъ онъ ужъ очень давно, потому-что ему было шестьдесятъ-семь лѣтъ отъ роду!.... Притомъ, ранъ, ревматизмъ, а по временамъ даже подагра, со всѣми ея преимуществами, какъ-то съ нетерпѣливостью, брюзгливостью и худымъ расположеніемъ духа. Впрочемъ, очень любезный человѣкъ, когда былъ здоровъ, а хворалъ онъ десять мѣсяцовъ ежегодно.

Это былъ мужъ Сесиліи.

Я вспомнилъ разговоръ ея на балѣ, молодого мужа, о которомъ она мечтала, ея мечты о будущемъ счастіи, и невольно посмотрѣлъ на бѣдную Сесилію съ видомъ участія и состраданія. Можетъ-быть, она отгадала мои чувства, или была мнѣ благодарна за нихъ, сама того не замѣчая, потому-что въ нѣсколько минутъ мы очень съ нею подружились.

Старый мужъ сѣлъ отдыхать; мать продолжала все писать, а мы разговаривали. Все, что ни говорила Сесилія, было просто и не натянуто, проникнуто трогательною кротостью и грустью. Я завелъ рѣчь объ ея мужѣ; она расхвалила его, говорила съ благодарностию о высокомъ званіи, объ уваженіи, о богатствѣ, которые мужъ ей доставилъ, и не сказала ни слова о счастіи, которое онъ у нея отнял. Благородная, добродѣтель-

ная душа, полная рѣшимости, преданности Провидѣнію и чувства своего долга. Но по этимъ рѣчамъ, столько важнымъ и торжественнымъ, кто узналъ бы молодую дѣвушку, которую я видѣлъ за два передъ тѣмъ года, когда она была такая легкомысленная, такая простодушная, такая хохотунья. Какая теперь разсудительность! Какое знаніе приличій! Какая основательность! Для пріобрѣтенія всего этого, въ такое короткое время, подумалъ я, навѣрное она была очень несчастна!

Мы стояли на берегу озера чистаго, прозрачнаго. Оно было подобіемъ ея души. Я сказалъ ей это. Она взглянула на меня и улыбнулась. Ея улыбка была изъ тѣхъ, которыя трогаютъ до слезъ.

— Неужели, сказала она, спокойствіе на поверхности....

— А на днѣ, можетъ-быть, прибавилъ я, указывая на озеро.... Я еще не договорилъ, а она уже отгадала мысль мою и вскричала съ живостью:

— Нѣтъ, нѣтъ! Никогда.

И она взглянула на небо. Дятого ли, чтобы имъ засвидѣтельствовать истину словъ своихъ, или дятого, чтобы молить его о помощи?... Въ это время послышался рѣзкій, непріятный голосъ. Говорила виконтесса. Генералъ озябъ на берегу озера. Надобно было идти прочь. Миѣ очень хотѣлось повести Сесилію подъ руку, но она уже шла съ мужемъ. Ея матушка осталась безъ кавалера. Это нельзя было счесть за вознагражденіе; напротивъ! Нужно было толковать съ ней о литературѣ: она сочиняла новыи романъ, который намѣревалась прочесть миѣ, когда онъ будетъ оконченъ, миѣ, путешествующему для удовольствія!

— Кажется, я принужденъ буду, виконтесса, лишиться этого наслажденія. Миѣ нужно ѣхать къ пиренейскимъ горамъ.

— И мы туда же ѣдемъ! Зятю предписано пользо-

ваться барезскими водами, которыя превосходны для раненныхъ.

— Я полагалъ, что генералъ остановился въ Мон-д'Орѣ?

— Случайно. Онъ захотѣлъ, мимоѣдомъ, испытать эти воды, которыя въ прошломъ году очень помогли маршалу Сульту; но послѣ нѣсколькихъ ваннъ, употребленныхъ безъ всякой пользы, зять мой отказался отъ нихъ, и черезъ нѣсколько дней мы отправляемся къ Пиренеямъ. Надѣюсь, что поѣдемъ вмѣстѣ?

Я почтительно поклонился.

— Гдѣ живете вы въ Мон-д'Орѣ?

— Въ гостинницѣ Шабори, виконтесса.

— И мы тамъ же. Я увѣрена, что сегодня вы доставите намъ удовольствіе и отобѣдаете съ нами.

Я еще разъ поклонился. Вотъ, я сдѣлался рѣшительно застольникомъ, попутчикомъ, другомъ семейства. Дружба пріѣзжаетъ скоро въ дорогѣ, особенно на водахъ. Я воспользовался моимъ новымъ званіемъ и его правами; началъ разговоръ о Сесиліи. Намекнулъ госпожѣ д'Орте, что этотъ бракъ, конечно очень выгодный, возбуждаетъ во миѣ нѣкоторыя опасенія на счетъ будущаго счастья ея дочери.

— Вы не знаете моей дочери, господинъ Скрибъ.... если бъ вы знали, какъ она воспитана.... она воспитывалась въ Сакре-Кёрѣ, какъ и всѣ благородныя дѣвушки, которыхъ я знаю! Она прочитала всѣ мои сочиненія.... она читаетъ ихъ всякій день, и правила, которыя тамъ изложены....

— Прекрасны, виконтесса; но дочь ваша очень еще молода; если ея сердце заговорило бы....

— Оно не заговоритъ, господинъ Скрибъ! Оно никогда не говоритъ въ нашемъ семействѣ.

— Вѣрю, относя слова ваши къ прошедшему времени, сказалъ я, взглянувъ на нее: но чтѣ касается до будущаго....

— Милостивый государь!.... (И она посмотрѣла на меня съ ногъ до головы). Во всякомъ положеніи, какъ-то бы оно ни было, долгъ никогда не нарушается, если въ чловѣкѣ утверждены правила нравственности. Съ этими правилами не можетъ быть никогда неравныхъ браковъ, никогда опасностей..... понимаете вы это?

— Согласенъ съ вами, виконтесса.

Мы пріѣхали въ гостиницу. Генераль былъ не въ духѣ. Его дурное расположеніе удвоилось, когда онъ получилъ письма, на которыя нужно было отвѣчать и послать приказанія.

— Если бѣ Генрихъ былъ здѣсь, сказалъ онъ женѣ своей: онъ помогъ бы мнѣ, онъ занялся бы этимъ дѣломъ; но вы не захотѣли, чтобы онъ ѣхалъ съ нами.

— Насъ и то трое было въ каретѣ..... и мнѣ была необходима моя горничная.

— Вотъ прямо женское сужденіе! Для горничной вы лишаете меня племянника, котораго я люблю, адъютанта, безъ котораго я обойтись не могу.

— Вы забыли, что матушка и я здѣсь, и объѣздитесь объ васъ; притомъ господинъ Генрихъ де-Кастельно, вашъ племянникъ, долженъ оставаться въ Парижѣ для вашихъ дѣлъ.

— Скажите лучше, для вашихъ капризовъ..... потому-что бѣдный Генрихъ вамъ не нравится, потому-что вы его терпѣть не можете.

— Я!

— Это довольно ясно. Вы на него едва глядите, едва говорите съ нимъ. Надобно ему имѣть много духу, чтобы проходить еще ко мнѣ, видя, какъ вы его какъ дѣйи разъ принимаете.

— Вы несправедливо обвиняете меня. Племянникъ моего мужа всегда будетъ имѣть право на мое уваженіе.

— Безподобно! Я желалъ бы, чортъ возьми, посмотреть какъ бы вы оказали ему неуваженіе. Если кто-нибудь изъ васъ двоихъ имѣетъ право на другаго сердиться, то это безъ сомнѣнія онъ..... онъ, мой единственный наслѣдникъ, котораго бракъ мой лишаетъ всего имѣнія.

— Надѣюсь, что не лишаетъ! вскричала живо Сесилія.

— По-крайней-мѣрѣ отчасти лишаетъ. И что жъ? Въмѣсто того, чтобы сѣтовать на свою тетушку, онъ говоритъ всегда о ней хорошо. Она всѣми силами стараается угодить вамъ и вашей матушкѣ, ѣздитъ по всему Парижу, чтобы доставить вамъ удовольствіе, готовъ загнать лошадей своихъ до смерти, чтобы достать вамъ билетъ на балъ или на ложу въ театрѣ.

— Это правда, сказала виконтесса. Хоть бы для угожденія мужу тебѣ бы слѣдовало, Сесилія, быть по-благодаренію къ Генриху.

— Я дѣлаю, что должно, маменька, отвѣчала Сесилія холодно и рѣшительно.

— Убирайтесь къ чорту! вскричалъ генераль съ гнѣвомъ: что за характеръ такой! Иногда она кротка, какъ ангель, иногда же упряма до невозможности!.... Въ семнадцать лѣтъ! Это много общается въ будущемъ. Не знаю, госпожа виконтесса, какъ вы ее воспитывали, но это ни на что не похоже!

— Генераль, она читала мои сочиненія.

— Я это-то и хотѣлъ сказать.

— Генераль, вы забываетесь!.....

— Вы правы..... Я забываюсь, я забылъ, что уже на столъ подано..... Извините, сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ, что мы васъ сдѣлали свидѣтелемъ семейной ссоры. Надѣюсь, что вы намъ не измѣните и не выведете насъ въ какой-нибудь комедіи. Онъ взялъ меня за руку, посадилъ подлѣ себя, и во все время обѣда дулся на всѣхъ, исключая меня. Я долженъ сказать

однако жъ, что во вспышкахъ его досады онъ оказывалъ явное предпочтеніе..... своей тещѣ.

За десертомъ принесли письмо, и генералъ вскричалъ, застучавъ по столу такъ, что едва не разбилъ посуды:

— Такъ!.... Этого только не доставало..... Генрихъ раненъ!

Сесилія въ мигъ поблѣднѣла, и губы ея задрожали.

— Да, раненъ..... его, увальня, ранили шпагой.... Успокойтесь, сказалъ онъ тещѣ, которая спокойно наслаждалась чашкою кофе: опасности нѣтъ; прошло уже восемь дней..... ему лучше; но докторъ присовѣтовалъ ему пользоваться барежескими водами, и завтра онъ будетъ здѣсь.

— Завтра, повторила виконтесса съ радостью.

— Завтра, сказала холодно Сесилія, и лице ея снова приняло обыкновенное, спокойное выраженіе.

Я ожидалъ завтрашняго дня съ нетерпѣніемъ.

Почтовая карета всегда считается примѣчательнымъ событіемъ во всѣхъ маленькихъ городахъ міра, тѣмъ болѣе въ Монъ-д'Орѣ, гдѣ единственное удовольствіе мѣстныхъ жителей состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на прїѣздъ или отъѣздъ путешественниковъ. По-этому, всѣ головы высунулись въ окна, когда въ два часа по-полудни услышали стукъ коляски.

Господинъ де-Кастельно вошелъ въ гостиную, ласково обнявъ дядю, и почтительно поклонился обѣимъ дамамъ.

Ему было лѣтъ двадцать-пять. Высокій ростомъ, статный, благородный во всѣхъ пріемахъ, словомъ сказать, прекрасный мужчина! Всего было лучше то, что онъ, какъ казалось, не замѣчалъ всего этого, занимаясь только другими, а собою никогда. Въ его открытой, примодушной физиономіи замѣтны были слѣды страданія. Усталость отъ дороги или, можетъ-быть, другія причины увеличили боль его ранъ.

Я смотрѣлъ внимательно на Сесилію. Ни малѣйшаго душевнаго движенія не явилось на лицѣ ея. Она встрѣтила Генриха съ ласковою учтивостію и спросила объ здоровьи съ участіемъ очень милымъ..... но не съ такимъ, какого я ожидалъ.

Генрихъ былъ видимо взволнованъ. Онъ едва могъ говорить, и мнѣ показалось, что я оказалъ ему услугу, заведя рѣчь о дорогѣ и погодѣ, которая была ужасна. Въ самомъ дѣлѣ скучный разговоръ объ этомъ мало-по-малу его успокоилъ, и онъ началъ дышать свободнѣе. Бывають минуты, когда скучные и пустые люди къ чему-нибудь пригодны.

Днемъ пошли, для прогулки, къ Сѣррейльскому водопадку, и потомъ къ Де-ла-Веньерскому. Генрихъ много разъ подходилъ къ Сесиліи; но она всегда подавала руку мужу или матери. Разговаривала она только со мною.

Вечеромъ онъ игралъ въ карты съ генераломъ, прочиталъ журналы, отправилъ его денши, и прослушалъ со вниманіемъ, достойнымъ лучшей участи, два длинныхъ разсужденія виконтессы. Только, по временамъ и украдкою, его большіе черные глаза невольно обращались въ ту сторону, гдѣ была Сесилія, которая занималась работою, не смотря на Генриха и обращая на него вниманія не больше, чѣмъ и на всякаго другаго.

Рѣшительно, я ошибся; мои догадки были ложны. Бѣдный молодой человекъ могъ быть влюбленъ въ Сесилію, но она объ немъ и не думала.

Въ слѣдующій день, наканунѣ нашего отъѣзда, между-тѣмъ, какъ виконтесса, сядя близъ дочери, писала, Сесилія играла на фортеціано такую живую и веселую арію, что всѣ мои сомнѣнія разсѣялись. Невозможно, думалъ я, имѣть страсть въ сердцѣ, когда играютъ такія варіаціи, и притомъ играютъ такъ хорошо.

Вошелъ въ это время въ комнату молодой докторъ, мой знакомецъ. Онъ прїѣхалъ изъ Парижа съ вельможей,

котораго лечилъ и съ которымъ поѣхалъ къ монъ-д'орскимъ водамъ. Военные говорятъ о своихъ походахъ, писатели о своихъ сочиненіяхъ, а врачи о своихъ больныхъ; это въ порядкѣ. И такъ, мой молодой докторъ, подвергаясь опасности наскучить дамамъ, принялся рассказывать намъ о чудесныхъ или странныхъ излеченіяхъ, которыя ему удалось, приправляя рассказъ свой анекдотами, болѣе или менѣе занимательными. Я одинъ слушалъ доктора съ нѣкоторымъ вниманіемъ, потому-что, какъ мною уже сказано, я всегда слушаю по обязанности моего званія.

Между прочимъ, докторъ рассказалъ намъ, что недавно позвали его къ молодому человѣку, раненному снагой, и что рана, довольно опасная, показалась ему очень странною. Она была нанесена не прямо, равно и не снизу вверхъ, а на-оборотъ; а такъ какъ больной былъ высокаго роста, то его противнику слѣдовало быть гораздо еще выше его, совершеннымъ великаномъ, чтобы ранить его такимъ образомъ въ грудь, сверху внизъ. Наконецъ разсужденія и распросы доктора довели больного до признанія, что онъ самъ себя ранилъ снагой.....

— И для чего? спрашиваю васъ. Вы никогда не отгадаете. Онъ хотѣлъ имѣть предлогъ, чтобы ѣхать къ бережскимъ водамъ, и просилъ меня предписать ему ихъ, для леченія. Я тотчасъ же исполнилъ его просьбу. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ очень щедро заплатилъ мнѣ за мое предписаніе и просилъ хранить все въ тайнѣ.

— И вы это очень хорошо исполняете, замѣтилъ я, улыбувшись.

— Васъ, я не опасуюсь.

Дверь отворилась; вошелъ генералъ, опираясь объ руку своего адъютанта. Генрихъ, увидѣвъ молодого доктора, подбѣжалъ къ нему.

— Вы здѣсь, докторъ вскричалъ онъ, взявъ его за

руку. Потомъ, представивъ его намъ, онъ продолжалъ: Рекомендую моего Эскулапа,..... который вылечилъ меня отъ раны и предписалъ пользоваться бережскими водами. Такъ ли, докторъ?

Докторъ пробормоталъ нѣсколько словъ и простился съ нами, потому-что больной вельможа ожидалъ его. Генералъ сѣлъ спокойно въ свои большія кресла; Генрихъ, улыбаясь, продолжалъ стоять у камина; виконтесса, пораженная удивленіемъ и негодованіемъ, хотѣла говорить и не смѣла. Сесилія, блѣдная, опершись головою объ руку, размышляла въ молчаніи; а я глядѣлъ на всѣхъ, находя эту сцену очень хорошо составленною, и ожидая съ безпокойствомъ дальнѣйшаго ея развитія и особенно развязки.

Генералъ первый нарушилъ молчаніе, начавъ напѣвать маленькую арію, которую онъ очень любилъ. Его арія была новая, въ которую не вклепался бы самъ композиторъ: до такой степени генералъ усвоилъ ее себѣ посредствомъ оригинальной манеры своего пѣнія.

— Ну, милостивыя государыни! вскричалъ онъ по слѣ аріи, пропѣтой въ родѣ ригурнеля: вѣдь мы завтра ѣдемъ къ пиренейскимъ горамъ, чтобы поселиться на мѣсяцъ въ Баржѣ?

Нѣтъ отвѣта: всѣ молчали; но лучъ радости блеснулъ въ глазахъ Генриха.

— Приготовили ли вы все для отъѣзда, уложили ли ваши чепцы и шляпки?

— Все готово для вашего отъѣзда, отвѣчала Сесилія, стараясь собраться съ духомъ.

— Какъ, для моего! Развѣ мы не всѣ вмѣстѣ ѣдемъ?

— Нѣтъ.

— А почему это, позвольте спросить.

— Маменька и я, хотѣли проводить васъ до По, гдѣ у васъ есть имѣніе съ прекраснымъ замкомъ, котораго еще мы не видали. Мы намѣревались тамъ поселиться до вашего возвращенія.

— А меня отправить одного въ Барезъ..... Это было бы хорошо!

— Нѣтъ, было бы худо, и потому мы рѣшались проводить васъ туда; но теперь, когда господинъ де-Кастельно, вашъ племянникъ, съ вами, наши попеченія объ васъ уже не нужны.

— Это что значитъ!

— Признаюсь, что жизнь въ этихъ ужасныхъ горахъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца представляется мнѣ самую печальною, самую трудною, самую скучною. Я сужу только по тремъ днямъ, которые мы провели здѣсь.

Генераль возился въ своихъ креслахъ, сжималъ пальцами свою табакерку. Я предвидѣлъ грозу, которая готова была разразиться. Меня болѣе всего тронулъ въ это время Генрихъ, который, поблѣднѣвъ и едва держась на ногахъ, облокотился о каминъ. Отчаяніе было написано на лицѣ его. Я отгадалъ, что происходило въ душѣ несчастнаго молодого человѣка. Ранить себя для нея..... для того, чтобы прожить мѣсяць вмѣстѣ съ нею, и видѣть, что ожиданное счастье улетаетъ отъ каприза!

— Чортъ возьми! вскричалъ генераль, вставъ въ гнѣвъ и оттолкнувъ ногою кресла, которыя опрокинулись по-срединѣ комнаты: не считаютъ ли меня за рекрута?.... Не думаютъ ли, что я позволю управлять собою женщиной, ребенку? Вы поѣдете, сударыня, я уже сказалъ..... Вы поѣдете!

Сесилія встала и, вся дрожа, отвѣчала холодно:

— Не поѣду.

— А почему? чортъ побори!

— Почему?

Сесилія уже не дрожала болѣе; она рѣшилась, и, готовая на все, покорная одному своему долгу, отвѣчала въ полголоса, но твердо:

— Потому, что я не хочу.

Взбѣшенный генераль хотѣлъ къ ней броситься; но послышался глухой стонъ. Генрихъ почувствовалъ дурноту и готовъ былъ упасть на паркетъ. Я его схватилъ и поддержалъ, и генераль, обратя въ тотъ же мигъ свой гнѣвъ на другой предметъ, закричалъ:

— Какое неблагоразуміе, какая глупость стоять тутъ цѣлый часъ..... Нѣтъ ничего хуже..... навѣрное рана его раскрылась..... я ему всегда говорилъ..... но никто меня здѣсь не слушаетъ..... никто меня не слушается..... Убирайтесь все къ чорту..... Ну что? ну что? Приходить ли онъ въ чувство?

— Да, отвѣчала Сесилія, которая бросилась къ Генриху, дала ему нюхать спирту и хлопотала около него съ трогательною заботливостію.

— А! сказалъ генераль: вотъ онъ открываетъ глаза. Сесилія быстро отошла отъ Генриха, удалась съ матерью въ свою комнату; за ними вскорѣ послѣдовалъ генераль. Но, кажется, его просьбы и угрозы были бесполезны: онъ сказалъ намъ вечеромъ:

— У этого ребенка характеръ желѣзный.

— Такъ она не поѣдетъ въ Барезъ? вскричалъ Генрихъ.

— Нѣтъ, мой другъ. Мы двое поѣдемъ, а она въ это время будетъ ждать насъ въ моемъ Лескарскомъ Замкѣ, въ окрестностяхъ По.

— Какъ, генераль, вы уступили! сказалъ съ упрекомъ Генрихъ.

— А что же дѣлать? Развѣ убить ее! Это средство только и оставалось. Я ужъ и этимъ грозилъ ей.

— Что же она отвѣчала?

— Она отвѣчала: Если вы меня убьете..... тѣмъ лучше; я не поѣду въ Барезъ. Сужденіе очень справед-

ливое. Упряmica, говорю вамъ!.... желѣзный характеръ..... Впрочемъ, премилая женочка.

На завтра, рано утромъ, двѣ кареты уже были готовы, всѣ вещи уложены самою Сесиліей, какъ сказала мнѣ горничная. Она не спала цѣлую ночь. Сесилія быстро вскочила въ карету, и въ то время, когда я подавалъ руку виконтессѣ, чтобы помочь ей сѣсть въ экипажъ, она сказала мнѣ: — Видите ли, что съ твердыми правилами нравственности..... никогда не бываетъ неравныхъ браковъ, никогда опасности.

Бываютъ по-крайней-мѣрѣ борьба и страданія, подумалъ я, увидѣвъ блѣдное лицо Сесилии и въ глазахъ ея крупныя слезы, которыя она безъ сомнѣнія хотѣла отъ всѣхъ скрыть, потому-что, увидѣвъ издали мужа, который шелъ къ ней съ племянникомъ, она закричала:

— Поѣзжай, поѣзжай кучеръ!

Бичъ хлопнулъ, лошади поскакали, и карета скрылась изъ нашихъ глазъ.

— Ну вотъ! ну вотъ! Посмотрите на сумасшедшую! вскричалъ старикъ: уѣхала, не простясь съ нами!.... Вы искали предмета для комедіи, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ: — Вотъ вамъ предметъ.

Скорѣе для драмы, подумалъ я, глядя на Генриха, который ничего не видя и не слыша, не имѣя силъ говорить, сѣлъ подлѣ генерала въ другую карету. Я посадилъ его туда. Онъ даже не вздумалъ ни поблагодарить меня, ни проститься со мною. Бѣдный молодой человекъ! Онъ умретъ! размышлялъ я.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того я отправился къ пиренейскимъ горамъ.

..... На возвратномъ пути я заѣхалъ въ По. Въ окрестностяхъ этого города находился Лескарскій Замокъ,

куда виконтесса д'Орте и генералъ пригласили меня, чтобы тамъ провести нѣсколько дней. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть опять Сесилию, и я пріѣхалъ въ замокъ.

По выходѣ изъ кареты, меня встрѣтили виконтесса и дочь ея, и приняли самымъ обязательнымъ образомъ. Генералъ, котораго ожидали, находился еще въ Барержѣ. Какъ удивился я, когда, войдя въ гостиную, увидѣлъ я Генриха де-Кастельно, сидѣвшаго на канане и читавшаго журналъ.

— Генералъ послалъ его впередъ, сказала мнѣ въ-полголоса виконтесса: чтобы отвезть депеши и навѣдаться о Сесилии, которая была очень больна.

— Неужели! вскричалъ я съ безпокойствомъ.

— Это ничего, ей гораздо лучше. Ожидая генерала, Генрихъ не могъ жить нигдѣ болѣе, какъ въ замкѣ своего дяди. Этого впрочемъ непремѣнно хотѣлъ мой зять, котораго мы, уже съ недѣлю, каждый день ожидаемъ.

— Такъ уже съ недѣлю, какъ господинъ де-Кастельно здѣсь? сказалъ я виконтессѣ, которая, отгадавъ мысль, меня занимавшую, успѣшила отвѣчать мнѣ:

— Успокойтесь. Во-первыхъ, вы знаете мою дочь, а во-вторыхъ я могу васъ увѣрить, что во все это время я не оставляла ея одной ни на минуту.

Она говорила правду. Сесилія оставалась въ гостиной, за работой, подлѣ матери, и даже во время прогулокъ въ паркѣ, никогда Генрихъ не былъ съ нею наединѣ. Надобно притомъ сказать, что онъ и не искалъ къ тому случаявъ.

Его поведеніе и пріемы были выше всякой похвалы; все дышало въ немъ самою ибжною любовью, самою

предупредительною услужливостью; но ни одно слово, ни одинъ взглядъ не могъ бы, въ глазахъ чужаго человека, измѣнить тайнѣ души его. Онъ даже сдѣлался снова веселъ, шутивъ; сталъ менѣе разсѣянъ; участвовалъ въ разговорахъ; и тогда только узналъ я, что онъ былъ очень хорошо образованъ, и что съ большою скромностію соединялъ онъ самый тонкій и разборчивый умъ, благородный характеръ, образъ мыслей возвышенный и великодушный..... словомъ, тѣмъ прекрасныхъ качествъ, до того скрытыхъ, которые теперь блистали во всей силѣ.

Виконтесса прочитала намъ статью журнала о какомъ-то самоубійцѣ.

— Несчастный!.... вскричала Сесилія съ такимъ видомъ, который походилъ почти на одобреніе.

— Безумный! сказалъ Генрихъ съ презрѣніемъ.

— Съ вами не могло бы того же случиться? живо спросилъ я.

— Никогда! Умереть для себя значитъ лишить себя великаго счастья.

— Какого?

— Счастья умереть за тѣхъ, кого любишь.

— Да! подумалъ я: онъ все еще ее любитъ, но онъ рѣшился переносить свою участь съ мужествомъ и твердостью. У него достанетъ силы бороться и побѣдить.

Виконтесса предложила мнѣ прослушать новыя ея романъ. Я согласился, и вошелъ съ нею въ ея кабинетъ, думая, что въ этотъ разъ авторское ея самолюбіе превозможетъ бдительность матери, и что она доставитъ такимъ образомъ Генриху случай поговорить съ Сесиліею наединѣ.

Я ошибся. Онъ даже не воспользовался случаемъ. Чтеніе, которое я выдержалъ съ твердостью героической, было продолжительно, могу тѣмъ похвалиться..... Въ это время я слышалъ, какъ Сесилія играла на фортепіано печальныя и меланхолическія арии; но она была одна, пототу-что я увидѣлъ вдали Генриха, который прогуливался въ одной изъ аллей парка, и когда я опять вошелъ въ гостиную, Сесилія все еще была тамъ одна, сидѣла въ большихъ креслахъ, съ опущенною на руку головою, съ покраснѣвшими глазами. Она быстро встала и подошла ко мнѣ, улыбаясь. При этомъ движеніи упалъ ея платокъ на полъ..... Я поспѣшилъ поднять его..... Онъ былъ мокръ..... Она замѣтила это и сказала мнѣ, указавъ на книгу, которая лежала на каминѣ: — Не правда ли, что я очень сдѣлана?.... Читая этотъ романъ, я расплакалась.

Я посмотрѣлъ книгу. Это было одно изъ твореній ея матушки, мнѣ не было нужды въ этомъ доказательствѣ, чтобы увѣриться, что Сесилія меня обманывала.

Вечеромъ было много гостей въ замкѣ. Все общество города По и окрестностей пріѣхало съ визитами. Сесилія принимала гостей съ ловкостью и развязностью, которыя, казалось, ей ничего не стоили; она занималась всѣми, за исключеніемъ только Генриха. Ему она, отъ времени до времени, давала только приказанія объ устройствѣ карточныхъ столовъ.

Меня посадили въ вистъ съ тремя департаментскими сановниками. Старичковъ помѣстили за пикетъ, старушекъ за бостонъ, подъ предѣлательствомъ виконтессы. Сборщикъ податей игралъ съ меромъ въ билліардъ, а Сесилія, собравъ около себя всѣхъ молодыхъ, дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ, предложила имъ играть въ фанты. Предложеніе приняли съ восторгомъ. Фанты еще

въ чести въ провинціи, особенно въ Департаментѣ Восточныхъ-Пиренеевъ.

Въ это время за вистомъ я творилъ ошибки, которыя должны были подать весьма плохое мнѣніе моему партнеру о столичныхъ игрокахъ; но было рокомъ суждено, чтобы Сесилія всегда меня заставляла проигрывать въ вистъ, потому-что и въ этотъ разъ я думалъ объ ней гораздо болѣе, чѣмъ о моей игрѣ, и глаза мои постоянно устремлялись на веселый кружокъ, ею собранный.

Генрихъ отдалился отъ этого кружка и смотрѣлъ на игру въ биліардъ; молодыя дѣвушки позвали прекраснаго адъютанта и онъ, волей-неволей, долженъ былъ принять участіе въ фантахъ. Онъ выбралъ мѣсто подалѣе отъ Сесилии, и въ приговорахъ: *чей фантъ выигрывается, что тому дѣлать*, избѣгалъ всѣхъ случаевъ, которые бы могли его сблизить съ нею. Разъ, однако жъ, по строгимъ правиламъ игры, было опредѣлено Сесилии поцѣловать молодаго адъютанта. Она встала. Въ этотъ мигъ я перебилъ червонною осмерку тузомъ. Партнеръ мой зашевелился на стулѣ отъ негодованія. Мигъ какое было дѣло! Все мое вниманіе обратилось на Сесилию, которая спокойно подошла къ Генриху и подставила для поцѣлуя свои свѣжія, румяныя щеки.

Генрихъ едва прикоснулся къ нимъ губами. Онъ не покраснѣлъ, не поблѣднѣлъ, не упалъ въ обморокъ, какъ я ожидалъ; онъ остался спокоенъ и хладнокровенъ. Рѣшительно, это герой! подумалъ я. И я дивился ему, и жалѣлъ его, и вдругъ замѣтилъ, что я противъ воли желаю успѣха ему и безнадежной любви его.

Всѣ фанты были уже вынуты. Молодыя дѣвушки и нѣсколько молодыхъ кавалеровъ сѣли за большой, круглый столъ, который стоялъ посреди гостиной, и на-

чали перебирать альбомы, книги и гравюры. Нѣкоторые взяли карандаши и начали рисовать, другіе снимать сухими красками окрестныя виды, а Генрихъ, желая угодить маленькой дѣвочкѣ, сидѣвшей подлѣ него, вырѣзывалъ перочиннымъ ножомъ пустынного изъ куска дерева, — работа, въ которой очень искусны альпійскіе и пиренейскіе пастухи. Дерево было крѣпко, ножикъ очень остръ. При одномъ, усиленномъ движеніи правой руки, сталь сорвалась съ дерева и разрѣзала Генриху довольно глубоко палецъ на лѣвой рукѣ. Сесилія вскрикнула и поблѣднѣла. Черезъ мигъ она начала смѣяться. Ранка была не опасна, но изъ нея много текло крови. Всѣ дамскіе платки были тотчасъ предложены раненному, всѣ дамскія шкатулки открылись; начали искать англійскаго пластыря, нашли, разрѣзали, и двадцать ручекъ очень бѣлыхъ и очень ловкихъ изготавились перевязать рану.

Много смѣялись, но дѣло шло худо за трудностію перевязки. Ранка была на сгибѣ пальца, и перевязка не могла никакъ плотно держаться. Напрасно принимались снова за дѣло и старались укрѣпить ее, но при малѣйшемъ движеніи она сползала.

— Но, господинъ адъютантъ, да будьте поосторожнѣе и не сгибайте вашего пальца.

— Это легко вамъ сказать, mesdames.... но я безпрестанно забываюсь.

— Господинъ адъютантъ правъ, сказалъ я: для удержанія его пальца въ неподвижности, нужно бы было то, что называется въ хирургіи....

— Лубокъ, подхватилъ Генрихъ: какъ для переломленной руки или ноги?

— Именно.

— А гдѣ взять лубокъ? закричали всѣ, со смѣхомъ.

— А вотъ онъ.

И на столѣ, на которомъ мы уже окончили партію виста, я взялъ карту, какъ теперь помню, бубнового короля, обвинилъ ее около раненнаго пальца, и дамы завязали ее шелкомъ. Такимъ образомъ палецъ не могъ уже согнуться и ранка раскрыться. Перевязка кончилась при смѣхѣ и аплодиссментѣ всего собранія моему хирургическому таланту. Генрихъ просилъ меня объявить во сколько обошлись издержки операци и сколько нужно заплатить мнѣ за труды, а Сесилія обѣщала лечиться исключительно у меня каждыи разъ, когда она уколетъ себѣ палецъ булавкой или иглой.

Пробило одиннадцать часовъ. Каждый взялъ свой подсвѣчникъ, и всѣ гости разошлись по своимъ комнатамъ. Изъ своей я долго еще слышалъ въ корридолахъ бѣготню и громкїи смѣхъ всей этой веселой и вѣтренной молодежи.

На другой день, въ десять часовъ, я сошелъ въ гостиную и началъ разговаривать съ виконтессой. Вдругъ, въ великому нашему удивленію, входитъ генералъ и кричитъ намъ весело:

— Здравствуйте, мои милые друзья!

— Откуда, Боже мой, вы взялись, дорогой зять? Когда вы прїѣхали? Я не слыхала звука кареты на дворѣ.

— Оттого, что я прїѣхалъ сегодня утромъ, въ пять часовъ, когда вы всѣ спали.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Я не хотѣлъ никого будить, и прямо пошелъ въ спальню жены, которая сначала не хотѣла отпереть двери... она перепугалась.

— Не мудрено испугаться, когда вдругъ разбудятъ.

— Она подумала, что Испанцы или контрабандисты напали на замокъ. Бѣдная женочка!... Хорошо, что я

ее скоро успокоилъ. Ну что ея здоровье, что ваше, все ли у васъ идетъ хорошо?

— Какъ нельзя лучше!

— Не очень ли вы соскучились во время моего отсутствія? Что дѣлали вы?

— Вчера у насъ были гости. Играли въ вистъ, въ бостонъ...

— Такъ! А вотъ за это самое я и долженъ васъ побранить, матушка. Вы пристрастите вашу дочь къ игрѣ.

— Я!

— Да, къ картежной игрѣ. По-видимому, она днемъ и ночью думаетъ только о картахъ. Вотъ, продолжалъ онъ съ хохотомъ: вотъ бубновый король, свернутый въ трубочку, котораго я нашелъ въ ея спальнѣ. Вотъ, посмотрите!

Я засмѣялся притворно, чтобы скрыть отъ генерала смущеніе виконтессы, которая походила на пораженную громомъ.

— Посмотрите, посмотрите! вскричалъ генералъ, давъ волю своей веселости: она не смѣется, она смутилась, потому-что чувствуетъ себя виноватою.

Да, очень виноватою! подумалъ я.

Въ это время вошелъ въ гостиную Генрихъ, потомъ Сесилія. Сѣли за столъ, завтракать. Мы были одни. Такъ же, какъ и вчера, онъ и она были равнодушны и холодны другъ ко другу; но теперь я видѣлъ бездну любви въ этихъ глазахъ, которые постоянно избѣгали встрѣчи, въ этой наружной холодности, въ этомъ молчаливомъ союзѣ всѣхъ чувствъ и мыслей.

Встали изъ-за стола. При входѣ въ паркъ, мы съ виконтессою отстали отъ другихъ, и я сказалъ ей:

— Ну что, виконтесса, вы все еще думаете, что съ твердыми правилами нравственности нечего опасаться неравныхъ браковъ?

— Молчите! отвѣчала она: Идетъ генераль.

Въ самомъ дѣлѣ онъ подошелъ къ намъ и сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Ну что, господинъ Скрибъ, нашли ли вы въ пиренейскихъ горахъ какой нибудь предметъ для театра?

— Да-съ..... одинъ предметъ попался, довольно занимательный.

— И вы напишете комедію?

— Нѣтъ; повѣсть.

Ред. С. О.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

МНѢНІЕ

САМИХЪ ФРАНЦУЗОВЪ О ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ УЧЕ-
НИИ И О ПОСТРОЙКАХЪ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ
ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

—

Сообщаемыя здѣсь выписки взяты изъ книги, изданной въ Парижѣ въ началѣ 1842 года, подъ заглавіемъ: *Complément d'études pratiques sur la navigation intérieure et rapprochemens entre canaux et chemins de fer français, anglais et belges, — par Francois Aulagnier, suivis de réflexions de monsieur le comte d'Angeville.*

Сочиненіе это исполнено весьма любопытныхъ и достойныхъ замѣчанія свѣдѣній; но мы ограничимся извлеченіемъ только того, что будетъ соответствовать заглавію нашей статьи.

Графъ д'Анжевилъ, разбирая подробно настоящее положеніе путей сообщенія во Франціи и представляя всѣ

недостатки этой части управления, особливо въ отношеніи каналовъ, приходитъ къ тому заключенію: «что «направленіе, данное публичнымъ работамъ во Франціи въ послѣдніи двадцать лѣтъ было, пагубно столько же внутренней торговлѣ, сколько общественнымъ «пользамъ государства.»

Посмотримъ теперь, говоритъ далѣе графъ д'Анжевилль, чему должно приписать такой невыгодный результатъ: образованію ли нашего корпуса путей сообщенія, или инымъ причинамъ?

Всѣмъ извѣстно, что инженеры этого корпуса суть болѣею частію лучшіе воспитанники политехнической школы. Слѣдовательно, въ отношеніи учености и знанія своей науки, они представляютъ вѣрное обезпеченіе, противъ котораго и спорить никто не будетъ. Но таковы ли они на практикѣ? Какъ велико ихъ умѣнье примѣнять науку къ работамъ? — Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать въ пользу этихъ инженеровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какими открытіями обязаны мы въ послѣдніи двадцать лѣтъ корпусу путей сообщенія? Извѣстно только, что для каменныхъ строеній господинъ Вика (Vicat) изобрѣлъ особый составъ гидравлической извести; а господинъ Пуаре (Poigée) для улучшенія рѣкъ придумалъ разборныя плотныи. Но вотъ и все, что можно привести, какъ исключеніе изъ общаго правила: «что инженеры наши только слѣдуютъ за успѣхами «другихъ, а сами ихъ вовсе не совершаютъ.» Словомъ сказать, мы идемъ по пути, проложенному Англичанами и Американцами, которые между-тѣмъ существуютъ безъ корпуса путей сообщенія. Въ удостовѣреніе, что все вышесказанное не преувеличено, бросимъ бѣглый взглядъ на производящаяся у насъ работы различныхъ родовъ.

1. Каналы.

Объ нихъ много говорить нечего. Главное управленіе путей сообщенія довольно представило доказательствъ несовершенства своихъ работъ по этой части. Ограничусь здѣсь указаніемъ только на одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ.

Кто не знаетъ сколь многократно требованы были отъ обѣихъ палатъ ассигнованія особыхъ суммъ на окончаніе каналовъ, начатыхъ въ 1821 и 1822 годахъ. Теперь не смѣютъ уже и приступать къ этому. Главное управленіе путей сообщенія, видя неуспѣшность требованій своихъ въ 1833, 1837 и 1839 годахъ, и желая избѣжать новыхъ домогательствъ, признало за лучшее объявить эти каналы конченными и основныя работы считать работами *улучшеній*, называя такъ тѣ производства, которые необходимы, чтобы привести къ концу главнѣйшія части сооруженія. Каналъ, соединяющій Рону съ Рейномъ при слияніи сего послѣдняго съ Саоною, и также Каналъ Нивернейскій, далеко еще не имѣютъ той глубины (однѣ метръ и пятьдесятъ сантиметровъ), которую первоначально предполагалось имъ дать. Прорытіе этихъ каналовъ до сказанной глубины и другія окончательныя работы, какъ, напримѣръ, снабженіе водою каналовъ бретанскихъ, помощникъ статсъ-секретаря по управленію публичныхъ работъ надѣется совершить на счетъ ремонтныхъ суммъ (*fonds d'entretiens*). Суммы эти, составляющія для нѣкоторыхъ каналовъ не болѣе двухъ франковъ на погонный метръ, предполагаетъ онъ распредѣлить такимъ образомъ: около пятидесяти сантимъ могутъ быть, по его мнѣнію, употреблены на поддержаніе и улучшеніе каналовъ, а остальные на производство новыхъ работъ. Преположеніе довольно смѣлое, но не совсѣмъ выгодное! Поэтому разсчету понадобится еще времени по-крайней-мѣрѣ десять лѣтъ, чтобы дѣйствительно кончить устрой-

ство каналовъ, начатыхъ за двадцать предъ симъ лѣтъ. Сколь ни медленно можетъ это показаться всякому; но зато, въ вознагражденіе терпѣливости, корпусъ путей сообщенія можетъ утѣшиться мыслию, что онъ чрезъ это избавитъ себя отъ необходимости просить новыхъ суммъ, въ чемъ ему неоднократно отказывали. Мнѣ такъ кажется, что есть средство все уладить: не просите только суммъ именно на окончаніе каналовъ, а требуйте ихъ столько же, сколько для того нужно, но говоря о необходимости улучшить эти каналы. Отказа, конечно, не будетъ и самолюбіе корпуса не пострадаетъ.

2. Торговля и почтовая дорога.

Любопытно удостовѣриться: не счастливы ли были инженеры путей сообщенія на дороги? Можетъ-быть въ этомъ отношеніи мы должны будемъ сознаться, что усовершенствованіемъ дорогъ обязаны мы корпусу? Увы! нѣтъ. Искусство строить и поддерживать дороги перешло къ намъ, какъ все въ извѣстнѣе, отъ Англичанъ. Позанимываясь у нихъ все въ этомъ отношеніи, сами мы только много писали, такъ-что ежли собрать въ одинъ томъ все тѣ мнѣнія, которыя главное управленіе путей сообщенія предъявляло и поддерживало постоянно съ 1828 года относительно полицейскаго надзора за торговыми и почтовыми перевозками, то составила бы, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, порядочная коллекція мнѣній, одно другому рѣзко противорѣчащихъ, по одному и тому же предмету. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалось съ сочиненіемъ: *Théorie de la résistance des matériaux*, которое постоянно превозносилось похвалами съ 1828 по 1832 годъ? Куда дѣвались все эти многообъемныя, страшныя донесенія, печатанныя главнымъ управленіемъ въ доказательство, что упадокъ дорогъ произошелъ отъ причины испорченности шоссе.

Въ продолженіе слишкомъ десяти лѣтъ все этому вѣрили; наконецъ догадались сдѣлать повѣрку на самомъ дѣлѣ, и что же открылось? Что шоссе наши не только не уменьшились въ толщинѣ слоя своего, но еще сдѣлались плотнѣе и лучше, чѣмъ когда либо. Постепенное же пониженіе у насъ цѣнъ за перевозку товаровъ и вообще ихъ выгодность въ сравненіи съ цѣнами, существующими въ другихъ странахъ, еще болѣе доказывали, что шоссе во Франціи весьма далеко отъ той испорченности, какую имъ приписывали. Невѣроятно, какъ могло поддерживаться столь долгое время это ложное мнѣніе. Но вотъ каковы были послѣдствія этого. Десять лѣтъ сряду правленіе притѣсняло всеми средствами, какъ перевозчиковъ такъ и дилижансы. Все возможно придумывали, чтобы облегчить дороги; расширяли до чрезмѣрности ободы колесъ, ограничивали тяжесть груза, а все-таки дошли наконецъ до того, что то, въ чемъ отказывали съ такимъ упорствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дозволено нынѣ безъ всякихъ затрудненій. Мы подтвердимъ это слѣдующимъ доказательствомъ: проектъ закона, представленнаго палатѣ перовъ 12 Декабря 1836 года, разрѣшалъ возы, идущіе шагомъ, подымать зимою товаровъ не болѣе 2600 килограммовъ. Закономъ же, принятымъ тою же палатою 17 Января текущаго года, дозволено имъ подымать безъ разбора лѣтомъ и зимою до 4050 килограммовъ. Теперь уже все въ извѣстнѣе, что хорошо построенныя и хорошо поддерживаемыя дороги могутъ выдержать всякую тяжесть безъ ограниченія.

На дорогѣ изъ Марсели въ Лионъ, которая, конечно, болѣе, чѣмъ все прочія обременена возами, грузъ товаровъ допускается неограниченный. А между-тѣмъ дорога эта нисколько не портится; напротивъ находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Весь секретъ состоитъ въ томъ, что для марсельской дороги увеличены ремонтныя суммы въ соразмѣрность настоя-

щей потребности. Не мѣшало бы тоже сдѣлать и для нѣкоторыхъ другихъ дорогъ, обремененныхъ возами. Тогда можно было бы вовсе не беспокоиться о тяжести грузовъ.

Предразсудокъ о тяжестихъ существовалъ издавна и въ Англіи, однако въ теченіе послѣднихъ тридцати—четырехъ лѣтъ, постоянно отъ него освобождались, и въ настоящее время уже принято началомъ по главнѣйшимъ линіямъ допускать неограниченность груза. Англійскія дороги, существующія около большихъ городовъ, чрезмѣрно обременены возами. Трудно вообразить себѣ въ какомъ множествѣ идутъ тамъ они по всѣмъ направленіямъ. Въ Лондонѣ, какъ увѣрялъ меня одинъ мой знакомый, человекъ достойный всякаго довѣрія, есть перевозчикъ, у котораго у одного слишкомъ тысяча—пять-сотъ лошадей ходятъ съ товарами по различнымъ дорогамъ Англіи. По этому можно судить о значительности тамошнихъ перевозокъ.

3. Морскіе порты.

Что дѣлаетъ наше главное управленіе путей сообщенія для портовъ? Подарило ли оно намъ хоть одною новою идеею? Каковы его успѣхи? Что до меня касается, то я думаю, что оно и въ этомъ отношеніи столько же отстало, сколько въ отношеніи каналовъ и дорогъ. Я боюсь, чтобъ послѣдствія не доказали намъ, что большая часть главнѣйшихъ работъ, — производимыхъ теперь въ портахъ нашихъ, — не достигнутъ предположенной имъ цѣли, а многія даже будутъ совершенно противорѣчить своему назначенію. Особенно считаю нужнымъ обратить вниманіе на Портъ Сентъ-Мало. Проектомъ 1836 года предположено вырыть между Сентъ-Мало и Сентъ-Серванъ (Saint Malo et Saint Servan) искусственный бассейнъ, въ которомъ могли бы помѣститься удобно до

25 линейныхъ кораблей. Въ донесеніи господина Тюпише (Turpinier), 25 Апрѣля 1836 года, сказано: что ростверкъ выходныхъ воротъ флотбета долженъ быть тремя метрами 25 сантиметрами ниже средняго возвышенія прилива. Въмѣсто того, мѣру эту теперь измѣнили уже на 4 метра 68 сантиметровъ, то есть, допустили разницу противу первоначальнаго исчисленія на 1 метръ 43 сантиметра. Я знаю, что главное управленіе, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1839 года, сдѣлало распоряженіе о пониженіи ростверка *однимъ* только метромъ. Откуда же взялись еще 43 сантиметра? Вотъ вопросъ, который я предлагаю къ разрѣшенію, присовокупляя съ своей стороны совершенное убѣжденіе, что разница эта произошла отъ ошибки въ шивелированіи. Такимъ образомъ, признавъ первоначальный проектъ 1836 года, дозволявшій 25-ти кораблямъ укрываться въ гавани Сентъ-Мало, — недостаточнымъ, управленіе сочло необходимымъ дать официальное приказаніе увеличить глубину входа въ гавань однимъ только метромъ. Между-тѣмъ, какъ углубленіе это окончательно доведено, въ слѣдствіе ошибочнаго шивелированія, до 1 метра 43 сантиметровъ болѣе противу первоначальнаго проекта. Когда вспомнишь, что устройство этого ростверка было главнѣйшимъ вопросомъ, можно сказать, *душою* работъ въ Портѣ Сентъ-Мало, простиравшихся на сумму болѣе 4 милліоновъ франковъ, нельзя не ужаснуться и не скорбѣть о способахъ, какъ совершаются у насъ публичныя работы

Но вотъ еще вопросы: Увѣрены ли въ возможности вычерпать слой песку на шести или семи-стахъ метрахъ, предшествующихъ входу въ портъ, до уровня ростверка, который теперь сдѣланъ 1 метромъ 43 сантиметрами ниже противу первоначальнаго предположенія въ 1836 году? Если допустить даже возможность снятія столь чрезмѣрнаго количества песку, можно ли будетъ всегда охранить этотъ проходъ отъ наноса? Допустивъ и это-

куда отнесется песокъ теченіемъ? Не засоритъ ли онъ малаго рейда? Во всякомъ случаѣ, способы сръгтія песку для работъ, предположенныхъ въ этомъ портѣ проектомъ 1836 года, будутъ ли достаточны для исполненія проекта 1839 года? Словомъ сказать, есть ли какая-нибудь возможность охранить отъ засоренія проходъ такой глубины, какая требуется настоящимъ уровнемъ роста-верка? Вотъ вопросы, которые, конечно, разрѣшатся только временемъ. Съ своей стороны, я опасаюсь, чтобы Портъ Сентъ-Мало не сдѣлался для Франціи предметомъ пагубныхъ послѣдствій заблужденій. Многое еще можно сказать объ этомъ предметѣ, но если я удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ размышленій на счетъ производимыхъ въ настоящее время работъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ портахъ, то единственно потому, что не хочу выйти изъ тѣсной рамки моей статьи.

Не могу однако умолчать объ одномъ важномъ обстоятельстве, касающемся нашихъ портовъ. У насъ есть корпусъ инженеровъ гидрографовъ, въ главѣ коихъ мы видимъ человѣка, въ которомъ можетъ-быть вся Европа намъ завидуетъ, а именно господина Ботанъ-Бопре (Beautems Beauprè). Участвуя постоянно съ 1837 года во всѣхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ для разсмотрѣнія проектовъ законовъ относительно сооруженія нашихъ портовъ, я прочиталъ и перечиталъ со вниманіемъ слишкомъ сорокъ-пять огромныхъ кипъ бумагъ; и узналъ изъ нихъ одно, а именно: что только въ сооруженіи двухъ портовъ: Баіонскаго и Гаврекаго, принимали участіе инженеры гидрографы. Между-тѣмъ, какъ я убѣжденъ, что приглашая ихъ и въ другія этого рода постройки, мы избѣгли бы многихъ ошибокъ, а особливо этого нескончаемаго продолженія насыпей, которыя легко могутъ кончиться тѣмъ, что не только засорятъ всѣ порты, въ проливѣ находящіеся, но сдѣлаютъ ихъ и опасными и недоступными.

Подробный разборъ бумагъ, которыя мнѣ удалось

прочестъ, убѣдилъ меня еще въ томъ, что большая часть изслѣдованій объ устройствѣ нашихъ портовъ дѣланы были инженерами, которые никогда специально не занимались изученіемъ производства приморскихъ гидравлическихъ работъ. Можно ли ожидать, чтобы инженеръ, постоянно занимавшійся устройствомъ дорогъ или вообще работами внутри государства, былъ въ состояніи здраво разрѣшить вопросы морскихъ сооружений, составляющихъ предметъ особой и самой трудной науки. По-этому-то весьма желательно, чтобы инженеры наши посвящали себя изученію предметовъ, предшествующихъ вопросамъ, которые относятся къ постройкѣ портовъ. Желательно также и въ особенности, чтобы морское управленіе не было уклоняемо отъ совѣщанія по этимъ предметамъ, и чтобы морское министерство имѣло по-крайней-мѣрѣ голосъ въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые по этимъ сооружениямъ существенно входятъ въ кругъ его свѣдѣній.

Трудно, напримѣръ, повѣрить, что, по порядку вещей, доселѣ существующему, — установленіе вехъ и бакеновъ возложено не на морскихъ офицеровъ, или гидрографовъ, какъ бы это слѣдовало, а на господъ инженеровъ корпуса путей сообщенія.

4. Желѣзныя дороги.

Кажется нѣтъ надобности говорить, что локомотивы перешли къ намъ изъ Англіи, и что наши инженеры путей сообщенія въ усовершенствованіи ихъ нисколько не участвовали.

Такъ какъ главное управленіе путей сообщенія до сего времени не устроило еще ни одной желѣзной дороги—то трудно было бы въ настоящее время и судить о достоинствахъ его въ семъ отношеніи. Тотъ, кто слѣдилъ эту часть, очень хорошо знаетъ, что инжене-

ры наши и въ этомъ отношеніи весьма отстаютъ. Еще очень недавно они не признавали возможнымъ допустить, чтобы поворотныя дуги имѣли менѣе тысячи метровъ въ радіусѣ и склонъ дороги былъ максимумъ болѣе четырехъ миллиметровъ на метръ, тогда какъ примѣръ Англій въ тоже время доказывалъ, что на желѣзныхъ дорогахъ быстройшей ѣзды, можно допустить поворотныя дуги меньшихъ радіусовъ и склонъ отъ осьми до десяти миллиметровъ.

Этотъ примѣръ заставилъ и нашихъ инженеровъ мало-по-малу оставлять прежніе предрассудки; и теперь предположенія, которыя казались имъ невозможными въ исполненіи, признаются весьма удобоисполнимыми. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году главный директоръ неумолимъ былъ на допущеніе для желѣзной дороги изъ Парижа въ Версаль склона въ четыре и одну восьмую метра, теперь же для дороги орлеанской онъ согласился допустить восемь миллиметровъ на метръ, на пространствѣ шести километровъ.

Должно однако сказать въ похвалу корпуса, что онъ покидаетъ уже свою систему безусловныхъ усовершенствованій, и принимаетъ идеи совершенно практическія, возможныя къ осуществленію. Только на счетъ механическаго превозможенія крутыхъ подъёмовъ еще упорствуетъ онъ въ своихъ предрассудкахъ, но терпѣніе... Онъ и отъ этого избавится. Дойдетъ до настоящихъ идей, какъ дошелъ до возможности допустить склоны въ восемь миллиметровъ на метръ, на желѣзныхъ дорогахъ; какъ дошелъ до убѣжденія въ безвредности тяжести груза въ четыре-тысячи-пятьдесятъ километровъ на торговыхъ путяхъ, и такъ далѣе.

5. Висліе мосты.

Все вышесказанное достаточно, кажется, убѣждаетъ, что корпусъ путей сообщенія ни въ чемъ еще по сіе

время не имѣлъ надлежащаго успѣха: ни въ проведеніи каналовъ, ни въ устройствѣ портовъ, ни въ проложеніи желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ. Посмотримъ: не былъ ли онъ счастливѣе въ постройкѣ *висячихъ мостовъ*.

Всѣмъ извѣстно, какъ медленно главное управленіе согласилось на устройство цѣпныхъ мостовъ. Только въ послѣдніе годы реставраціи, послѣдовало рѣшеніе его. Но справедливость требуетъ сказать, что истиннымъ успѣхамъ этого рода работъ, мы обязаны собственно частной промышленности. Этому я могу привести доказательство, къ несчастію, слишкомъ несомнѣнное.

Инженеры путей сообщенія устроили во Франціи всего *шесть* висячихъ мостовъ, а именно: мостъ *Иваллидовъ* (des Invalides) въ Парижѣ; мостъ *Шато-Арнуэскій* (de Chateau Arnoux) въ нижнихъ Альпахъ; *Сентскій* (de Saintes) въ Нижней Шараптѣ (Charente inférieure); *Ингрантскій* (d'Ingrande) въ Индрѣ; *de la Roche Bernard* въ Морбиханѣ (Morbihan), и наконецъ мостъ *de la Charité* въ Шерѣ (Cher). Каковы же результаты этихъ построеній? Мостъ Иваллидовъ обрушился, * Шато Арнуэскій и Сентскій испытали ту же участь; немного не доставало, чтобы и Ингрантскій послѣдовалъ тому же примѣру. Такимъ образомъ изъ *шести* цѣпныхъ мостовъ, построенныхъ инженерами корпуса путей сообщенія, *три* обрушились. Вотъ образчикъ работъ, производимыхъ нашими талантливыми инженерами. Безъ

* Господинъ Навье (Navier), завѣдывавшій построеніемъ этого моста, издалъ прекраснѣйшее, какое только существуетъ, сочиненіе о висячихъ мостахъ. Формулы, имъ преподанныя, ежедневно примѣняются съ успѣхомъ; а между тѣмъ построенный имъ мостъ упалъ. Отчего же это? Оттого, что теорія не всегда идетъ объ руку съ практикою.

дальнѣйшихъ коментарій предаю это на судъ здраво-мыслящихъ читателей.

Тѣмъ окончиваемъ и мы наши выписки, предоставляя нашимъ читателямъ самимъ судить о послѣдствіяхъ политехническаго ученія во Франціи.

Гр. Льяшевъ.

=

ЖЕЛТОЕ МОРЕ. *

Новѣйшіе географы называютъ Желтымъ Моремъ ту часть Великаго Океана, которая находится между Полуостровомъ Корею, маньчжурскою областію Мукдэнъ, китайскими областями Чжили, Шаньдунъ, Цзянсу и Чжецзянъ, и Островомъ Чунминъ, лежащимъ противъ устья рѣки Янцзы и между 32° и 41° сѣверной широты и 135° и 148° восточной долготы отъ Ферро. Оно соединяется къ сѣверу съ Японскимъ Моремъ посредствомъ Корейскаго Пролива, а къ югу, посредствомъ пролива, называемаго Китайцами *Хайл* (лежащаго между материкомъ и Островомъ Чунминъ), соединяется съ Восточнымъ Моремъ, которое омываетъ китайскія области Чжецзянъ и Фруцзянъ, острова Формизу, Люцю и Южные Японскіе. Желтое Море принимаетъ въ себя воды большихъ рѣкъ: Ялу, Люха, Чжигу, Хуанъ или Желтую, (отъ которой

(*) При вышепихъ политическихъ обстоятельствахъ, Китай, въ особенности его берега, обращаютъ на себя особенное вниманіе публики, и мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ предлагаемое описаніе театра войны Англии съ Китаемъ, составленное преимущественно по китайскимъ источникамъ. *Ред. С. О.*

Европейцы и дали наименование этому морю), и Янцзы или Цзянъ. Часть его, или заливъ, между Кореею, Мукдэнемъ, Чжили и сѣверными берегами Области Шаньдунъ, Китайцами называется Моремъ *Бо* или *Мингъ*; а части этого залива, между Кореею и областію Мукдэнь, называютъ *Корейскимъ Заливомъ*. При берегахъ областей Мукдэнь и Чжили есть *Пекинскій Заливъ*, въ который впадаетъ рѣка Чжигу, въ верховьяхъ называемая *Бо*, «Бѣлою». У береговъ округа Чанли, на пространствѣ пятнадцати верстъ, часть этого моря Китайцами называется *Цили*, а между сѣверными берегами области Шаньдунъ, *Шаньдунскимъ Заливомъ*; далѣе къ югу, водное пространство отъ берега округа Чжучень Области Шаньдунъ къ югосточку до острововъ Чунманъ, Китайцами называется *Восточнымъ Моремъ*, или *Дунъ хай*; около сѣверовосточныхъ береговъ острововъ Чунминъ называется Китайцами *Прѣсымъ Моремъ*, потому что воды рѣки Янцзы не смѣшиваются съ солеными морскими даже во время приливовъ; при устьѣ рѣки Янцзы, заливъ Желтаго Моря называется *Заливомъ Янцзы*.

Изъ множества острововъ на Желтомъ Морѣ, представляющихъ или продолженіе прибрежныхъ горъ материка, или образовавшихся изъ ила и песка, нанесенныхъ водами рѣкъ, примѣчательна цѣль острововъ, представляющая продолженіе береговъ Мукдэня и Области Шаньдунъ, а по величинѣ своей замѣчательны *Нанъ хай* и *Цзицзеу* при корейскихъ берегахъ, и *Чунминъ* при устьѣ рѣки Янцзы.

Мысы, вдающіеся въ Желтое Море, суть: *Юэрль-лянь* въ Корей, *Люйшуньскій*, въ южной оконечности области Мукдэнь, *Дэньчжеускій* при городѣ Дэньчжеу, *Чень* при сѣверовосточномъ берегу области Шаньдунъ, и *Волчій* или *Лана*, составляющій оконечность материка съ сѣвера при устьѣ рѣки Янцзы.

Желтое Море имѣетъ до 42 сажень глубины; оно вообще иловатое, а на меньшей глубинѣ глинистое, и

частью песчаное. Въ Шаньдунскомъ Заливѣ дно морское твердо и наполнено раковинами. Впрочемъ глубина этого моря такъ неопредѣлена и такъ внезапно измѣняется, особенно вблизи острововъ, что мореплаватели съ чрезвычайною осторожностію должны плавать по нему. У Мыса Дэньчжеускаго, съ сѣверозападной стороны, мореплаватели находили 12, 9, 15 и до $6\frac{1}{2}$ сажень глубины. У Мыса Гавера, лежащаго подлѣ $36^{\circ} 57'$ сѣверной широты и $122^{\circ} 15'$ и $122^{\circ} 23'$ восточной долготы отъ Гринвича, есть прекрасная гавань. Между островами *Міатоу*, лежащими къ сѣверу отъ Мыса Дэньчжеускаго и *Островомъ Цюшанъ*, есть заливъ, удобный для содержанія 100 каравелъ, которые бы сидѣли не глубже двухъ или трехъ сажень въ водѣ. Дно этого залива глинистое.

Не большое теченіе моря замѣтно около Мыса Чень и идетъ отъ юга къ сѣверу. Около сѣверовосточныхъ береговъ острововъ Чунминъ стремленіе водъ рѣки Янцзы столь сильно, что происходитъ шумъ, подобный перекатамъ грома (*), и это теченіе замѣтно даже во время прилива. Приливъ въ 1639 году при берегахъ округа Сунцзянь, а въ 1684 году на островахъ Чунминъ въ одни сутки былъ три раза. Между Мысомъ Дэньчжеускимъ и грушюно острововъ, лежащихъ отъ него на сѣверъ, разность между приливомъ и отливомъ отъ 7 до 8 футовъ. Вода при приливѣ направляется къ востоку, откуда должно было бы ей идти, а при отливѣ вода идетъ съ востока къ западу, въ Пекинскій Заливъ. Въ заливѣ *Бо* или *Мингъ*, приливъ идетъ съ юга къ сѣверу, и упирается въ берега Области Мукдэнь, направляется вдоль берега къ западу въ Пекинскій Заливъ, потомъ слѣдуетъ по направленію гладкаго и песчанаго его берега, и описывая кривую линію, образованную фигу-

(*) Это, вѣроятно, китайская гипербола, буквально переведенная почтеннымъ Синологомъ. *Ред. С. О.*

рою залива, достигаетъ сѣверныхъ береговъ Области Шаньдунъ; только тамъ прекращается это, какъ видно, неправильное направление прилива, гдѣ берега области Шаньдунъ заворачиваются къ юговостоку. Въ 1670 году отъ необыкновеннаго прилива на этомъ морѣ погибло множество Китайцевъ.

Вѣтры юговосточные сопровождаются густыми туманами и продолжаются сряду четыре и пять дней. 12 Июля 1793 года, былъ такой туманъ, что невозможно было видѣть съ одного конца предметовъ, находящихся на другомъ концѣ корабля. Сѣверовосточный вѣтеръ нерѣдко причинялъ большія несчастія. Въ 726 году, по Рождествѣ Христовомъ, онъ выгналъ воду на китайскій берегъ, и волны разрушили все, что было на низменныхъ мѣстахъ Области Цзянсу. Въ 1389 году, этотъ вѣтеръ столь былъ порывистъ, что вырвалъ множество деревьевъ съ корнями, и вода покрыла три острова, близъ материка. Въ 1174 году, отъ сильнаго восточнаго вѣтра Желтое Море, въ Области Цзянсу, выступило изъ береговъ на восемь футовъ. Въ 1301 году, сильный восточный вѣтеръ въ одинъ день удерживалъ теченіе водъ рѣки Янцзы. И вода возвысилась отъ 40 до 50 футовъ, затопила три уѣзда, прилежащія къ устью этой рѣки, и 4800 китайскихъ семействъ были поглощены волнами. Въ 1342 году, море значительно выступило изъ береговъ. Въ 1444 году, отъ сильнаго вѣтра и дождя, море выступило изъ береговъ и потопило всѣ прибрежныя селенія въ округѣ Сунцзянъ. Въ 1670 году отъ необыкновеннаго морскаго прилива погибло множество народа. Въ 1696 году, приливомъ на Островѣ Чунминъ смыло большое число домовъ, при чемъ погибло множество людей. Для предохраненія прибрежныхъ селеній отъ наводненій этого моря, Китайцы въ разныя времена возвышали берега, а съ 1174 по 1177 годъ сто-сорокъ тысячъ работниковъ въ Области Цзянсу построили набережную на протяженіи 17½ верстъ.

Климатъ на Желтомъ Морѣ въ отношеніи къ параллелямъ, между которыми оно лежитъ, иногда измѣняется: въ 821 году при берегахъ Уѣзда Хай, въ Области Цзянсу, море замерзло на протяженіи ста верстъ по берегу и на неопредѣленное пространство къ востоку. Въ 1454 году, при берегахъ Янчжеу, море тоже замерзло. Лѣтомъ случаются необыкновенныя грозы: 26 Июля вечеромъ, въ 1793 году, въ Заливѣ Бо или Мицъ, нѣсколько часовъ сряду была молнія и сильныя громовыя удары, молнія закрывала небо неизмѣримымъ покровомъ багроваго пламени, и сопровождаема была громовымъ трескомъ, который своею протяженностью уподоблялся пушечной пальбѣ; по морю не колебалось отъ сотрясенія атмосферы и англійскіе корабли спокойно стояли на одномъ якорѣ.

Въ 836 и въ 1639 годахъ замѣчены были киты необыкновенной величины при берегахъ Желтаго Моря.

Вода въ Желтомъ Морѣ такъ солона, что Китайцы получаютъ изъ нея годную къ употребленію соль въ большомъ количествѣ.

Въ 613 году, островитяне этого моря, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, напали на берега Области Цзянсу, опустошали ихъ три мѣсяца, но были прогнаны. Въ 615 году, тѣ же островитяне вышли на берега Области Цзяжу, проникли за рѣку Хуай; и атаманъ ихъ Ли-Цзыгунъ провозгласилъ себя Чускимъ княземъ, въ городѣ Цзянду, а въ 619 году назвался Лянскимъ княземъ. Въ 1645 году, Китайцы, не признавшіе надъ собою власти Маньчжуровъ, избрали себѣ въ князя (Хоу) Лю Чжецина и подъ командою Ма-Хуабao и Чжанъ-Сыи на флотилии, состоящей изъ тысячи и болѣе лодокъ, пристали къ берегамъ Желтаго Моря, заняли устья рѣкъ Хуанъ, Хуай и Цинъ, и расположились станами на протяженіи пяти верстъ. Маньчжурскій отрядъ, подъ командою Канкала, пользуясь раздѣленіемъ непріятеля, разбилъ его по частямъ, большую часть поло-

жилъ на мѣстѣ, а остальныхъ принудилъ удалиться на острова Желтаго Моря.

Съ XIII столѣтія донинѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, по этому морю доставлялся провіантъ изъ южныхъ областей Китая войскамъ, расположеннымъ въ Пекинѣ. Но худое устройство Китайскихъ кораблей, острова, мели, подводныя камни и бури принудили правительство китайское, для удобнѣйшаго доставленія произведеній южнаго Китая въ сѣверный, вырыть каналъ, называемый Китайцами *Юнь-хо*, и съ-тѣхъ-поръ только по разстройству этого канала провіантъ доставлялся по морю. Чай, идущій въ Россію преимущественно, возили по этому морю до устья рѣки Чжигу, для того, чтобы избѣжать непомѣрныхъ пошлинъ, взимаемыхъ со всѣхъ товаровъ идущихъ по каналу; но въ 1840 и 1841 годахъ, по причинѣ непріязненныхъ дѣйствій англійскаго флота съ весны 1840 года на Желтомъ Морѣ и вообще около береговъ Китая, чай въ Россію возился большимъ каналомъ, частію сухимъ путемъ.

Плавающіе по этому морю, особенно Европейцы, страдаютъ сильнымъ кровавымъ поносомъ, что испытала на себѣ англійская эскадра подъ начальствомъ сэра Эразма Говера. Эта эскадра, въ 1693 году, отвезла въ Пекинъ англійское посольство подъ начальствомъ лорда Макартнея, и успѣла осмотрѣть и описать это море; но настоящая война Англичанъ съ Китайцами, вѣроятно, доставитъ случай Европѣ подробнѣе узнать Желтое Море и доставитъ важныя свѣдѣнія о состояніи китайскаго флота и прибрежныхъ селеній столь отдаленнаго отъ Европы края.

3. Леонтьевскій.

=

УЧАСТІЕ ОДЕССЫ

ВЪ ПОДВИГАХЪ НА ПОПРИЦѢ НАУКЪ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И СЛОВЕСНОСТИ.

Младшій изъ городовъ русскихъ, Одесса, долженъ былъ позже всѣхъ выступить на гражданское, то есть, историческое поприще. Основанная въ эпоху ужасовъ французской революціи, среди жестокой войны, при громѣ пушекъ, оглашавшихъ съ одной стороны паденіе турецкаго могущества, съ другой клики торжества Русскихъ, новыхъ владыкъ Чернаго Моря; Одесса, воздвигнутая на грудѣ развалинъ, облитыхъ русскою и вражью кровью, сдѣлалась однако жъ самымъ мирнымъ городомъ Россіи. Ея лозунгъ—«тишайшій миръ», говоря языкомъ трактатовъ; миръ виѣшній и внутренній ея основаніе; ея польза—мирныя произведенія торго-

вля, промышленности и наукъ, которыя не могутъ процвѣтатъ среди козней политики, кровавыхъ торжествъ войны, или политическихъ распрей.

Оттого народонаселеніе Одессы, составленное, въ дни основанія, изъ горсти русскихъ побѣдителей, горсти Грековъ съ острововъ Архипелага, искавшихъ убѣжища отъ турецкаго ига, нѣсколькихъ эмигрантовъ со всѣхъ концовъ Европы, Козаковъ, Молдаванъ и прочихъ, не могло ничего сильнѣе желать какъ тишины, удаленія отъ всякихъ потрясеній. Главная цѣль Одессы — торговля, исчезала съ ея рынка, при первомъ звукѣ барабановъ, зовущихъ на брань. Исторія успѣховъ ея торговли, ея промышленности, это — ея собственная исторія. Многіе уже писали объ успѣхахъ промышленности города Одессы, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ ея умственныхъ успѣхахъ.

Одесса имѣла три эпохи или періода своего быта вѣшняго и внутренняго, гражданскаго и умственнаго: 1) Времена до Ришельевскія, мѣны нашего города; его основаніе, борьба съ могущественными обстоятельствами, борьба съ самою мѣстностью, еще скудною и неизвѣстною поселенцамъ. Это періодъ первый. Какимъ языкомъ говорили тогда въ Одессѣ, сказать трудно; я думаю языкомъ вавилонскаго столпотворенія, потому что для управленія городомъ выписывали изъ Стокгольма законы шведскіе¹, а жители были Русскіе, Запорожцы, Греки, Словене, Жиды, Нѣмцы, Итальянцы, Французы и Молдаване (Румуны). Но и тогда былъ уже истинный патриотизмъ въ Одессѣ и какъ священный огонь пылалъ въ семействѣ *Михаила Кирьякова* и нѣкоторыхъ другихъ гражданъ. 2) Является Ришелье съ царскою порукою, что Одесса будетъ, съ западнымъ

¹ Смотри мое «Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы». 1837. Одесса, стр. 69.

образованіемъ, съ твердостью духа и христіанскими добродѣтелями. Въ два года онъ уже достигъ и городъ и Новую Россію; указавъ одною рукою на Черное Море, другую на степь, и сказавъ: «Море оживитъ и оплодотворитъ степь,» свято сдержалъ свое слово. Сильный царскою къ нему довѣренностью, сильный добрыми намѣреніями, даже аристократическимъ своимъ именемъ, онъ привлекъ въ Одессу жителей и гражданственность; основалъ торговлю и посредствомъ ея подарилъ Россіи, прекрасный городъ и лишнихъ пятьсотъ-тысячъ жителей на югѣ имперіи. То что происходило съ 1814 по 1823 годъ, было продолженіемъ начатковъ Ришельевскихъ; доброе сѣмя пало на землю добрую и принесло свои плоды. Хотя Ришелье и Ланжеронъ были иностранцы и въ Одессѣ языки иностранные преобладали, однако оба начальника жарко любили Россію. Прочитайте рѣчь сказанную по-русски, въ 1812 году, герцогомъ Ришелье¹, и вы убѣдитесь въ этомъ. Это былъ второй періодъ. 3) Въ 1823 году прибылъ въ Одессу *графъ Воронцовъ*, сынъ Руси православной; онъ нашелъ уже довольно большой городъ, съ двѣ тысячи домовъ и хижины, и до тридцати-пяти-тысячъ жителей, торговлю въ застоѣ, упавшій духъ промышленности и слабыя слѣды умственной образованности. Но главный недостатокъ поразилъ его больше всего, это отсутствіе русскаго языка. Объ этомъ третьемъ періодѣ, эпохѣ *русскаго развитія* Одессы, будемъ мы говорить.

Сказать правду и де-Рибасу и Ришелье и Ланжерону, некогда было думать объ успѣхахъ словесности, даже объ устройствѣ училищъ, въ краѣ лишенномъ столь многого. Прочитайте правдивую лѣтопись нашу объ

¹ Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы, 1837 — 8, годъ 1812 годомъ.

этомъ городѣ, и увидите *quantae molis erat Romano condere gentem*, съ какимъ трудомъ здѣсь все приходило въ порядокъ. Надобно было прежде основать, укрѣпить, выстроить и накормить новорожденную Одессу, а тогда уже думать объ ея украшеніи, пользѣ, услугахъ отечеству, будущности и умственномъ совершенствѣ.

Такимъ образомъ около 1823 года, то есть, въ эпоху прибытія въ Одессу графа Воронцова, въ этомъ городѣ положены были основанія всему полезному. Учлища: Ришельевскій Лицей и Коммерческая Гимназія Грековъ, въ которыхъ, скажемъ мимоходомъ, даже горскіе князья Кавказа воспитывали дѣтей своихъ; маленкая типографія, ботаническій садъ, музей италянская опера, были основаны. Все это было въ младенчествѣ. Но теперь легко было дѣйствовать, ибо самъ начальникъ края, бралъ на себя званіе начальника всѣхъ полезныхъ предпріятій. Въ Одессѣ нашель онъ *Михаила Кирьякова* (отца), *Панаидора-Никовула*, *Стемпковскаго*, *Бларамберга*, *Пушкина*, *Десме*, *Сикара*, *Скасси*, *протоіеря Куницкаго*. Съ нимъ пріѣхали: *Левшинъ*, *баронъ Брюновъ* и *Туманскій*. Людей было довольно, поприще обширное. Прежде нежели началось созиданіе новаго, надобно было разсмотрѣть прошедшее. Вотъ результаты прошедшихъ трудовъ:

Во-первыхъ, изъ Одессянъ никто по-русски не писалъ объ Одессѣ; объ ней говорили только мимоходомъ, или путешественники, или ученые иностранцы, или торговцы. Такимъ образомъ первое упоминаніе находимъ въ сочиненіи Павла Сумарокова (Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году; 1800. Моск. въ-8), видѣвшаго впрочемъ этотъ городъ сквозь увеличительное стекло *туриста*. Послѣ него херсонскій купецъ, въ послѣдствіи меръ города Марсели, *Антуанъ (Antoine*

Baron de St. Joseph)¹ въ весьма любопытномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «*Essai historique sur le commerce et la navigation de la mer Noire, etc.*» на стр. 215 начинаетъ говорить объ Одессѣ 1804 года, какъ о городѣ, который подаетъ большія надежды, угрожаетъ Херсону своею торговлею. Въ то же время, другой русскій путешественникъ *Владиміръ Измайловъ* «Путешествіе въ полуденную Россію, — въ письмахъ, —» сказалъ объ ней нѣсколько словъ. Въ послѣдствіи, уже при Ланжеронѣ, кавалеръ *Гамба*, посѣтившій Одессу въ 1817 и 1818 годахъ, составилъ довольно обширное описаніе этого города въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Voyage dans la Russie Méridionale 1820—1824, par Chevalier Gamba, Consul Français à Tiflis. 1826, 8°, Paris*. Наконецъ, служившій при герцогѣ де-Ришелье чиновникомъ особыхъ порученій, *маркизъ де-Кастельно*, въ третьемъ томѣ своего сочиненія: *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Paris, 1820, 8°*, посвящаетъ 112 страницъ описанію Одессы, въ 1814—1815 году. Мы не можемъ не благодарить автора за эту услугу, оказанную отечественной исторіи, но должны замѣтить, что всѣ безъ исключенія цифры его преувеличены, а планы совершенно не вѣрны. Единственное сочиненіе, достойное всякаго вниманія, было: «*Lettres sur Odessa*» Сикара, и объ немъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Вотъ все то, что до графа Воронцова было писано объ Одессѣ, и оба болѣе дѣльные описанія, Гамбы и Сикара написаны по-французски.

Теперь обратимся къ лицамъ найденнымъ въ Одессѣ и оказавшимъ наукамъ явныя услуги.

Всреди всѣхъ идетъ почтенный старецъ, труженникъ наукъ, майоръ *Панаидоръ Никовулъ*, родомъ Грекъ, древнѣйшій житель Одессы. Еще въ 1797 году

¹ Объ Антуанѣ мы упомянули въ Хронологическомъ обзорѣ исторіи Новороссійскаго Края, томъ I, стр. 143.

онъ началъ свое археологическое поприще на почвѣ Новой Россіи, испросивъ у новороссійскаго губернатора, Сѣлецкаго, позволенія «откапывать скрытыя въ нѣдрахъ земли деньги, обломки статуи, злании, и прочее.» Къ несчастію, невѣжество тогдашнихъ жителей степи, не смотря на покровительство главнаго начальства, не позволило ему достигнуть своей цѣли. Его сочли открывателемъ зачатыхъ кладовъ. Труды Никовула, краугольный камень одесской археологіи, были бы потерянны для насъ безвозвратно, если бы онъ не создалъ двухъ учениковъ, Степиковскаго и Бларамберга, впрочемъ давно уже умершихъ.

Торговій классъ Одессы справедливо гордится *Карломъ Сикаромъ*, марсельскимъ уроженцемъ, близкимъ другомъ Ришелье. Съ 1804 по 1828 годъ, живя въ Одессѣ, онъ велъ обширную торговлю съ Франціею и Италіею, которыя еще не знали здѣшняго края, и для свѣдѣнія своихъ соотечественниковъ, сдѣлалъ небольшое но очень дѣльное описаніе Одессы, «*Lettres sur Odessa*», S. Petersbourg. 1812. 12°. Кромѣ того онъ оставилъ въ рукописи драгоцѣнное сочиненіе о пребываніи Ришелье въ Одессѣ, подъ заглавіемъ: «*Notice sur le Duc Richelieu. 1826*,» отрывки котораго я помѣстилъ въ подлинникѣ, въ моей *Исторіи города Одессы*. Сикаръ, въ дѣлахъ торговли, садоводства, подвиговъ челоуѣколюбія, былъ правою рукою Ришелье. Въ концѣ жизни, онъ былъ вице-президентомъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Протоіерей *Петръ Куницкій*, замѣчательнъ и какъ первый русскій проповѣдникъ въ Бессарабіи, едва еще занятой русскимъ оружіемъ, гдѣ онъ пытался поселить языкъ и чувства своего отечества¹, и какъ статистикъ.

¹ Его любозытная проповѣдь, по случаю приведенія къ присягѣ бессарабекіихъ жителей, помѣщена въ статьѣ моей о *Бессарабіи* въ NN^o 1, 2 и 3 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей 1840 года.

Онъ первый изъ Русскихъ писалъ о Бессарабіи, въ небольшой брошюрѣ, теперь очень рѣдкой, подъ заглавіемъ: *Краткое статистическое описаніе Заднѣстровской Области*, и прочая. (1813. С. Петербургъ въ-8.)

Ученый Французъ, ботаникъ, *Карлъ Десме (Desmet)*, основатель (въ 1819) одесскаго ботаническаго сада и слѣдственно первой плантаціи посреди безводной степи, — былъ уже извѣстенъ графу Воронцову во Франціи, откуда по убѣжденіямъ его и Ришелье, пустился въ Новую Россію, неся съ собою глубокія мзнанія въ естественной исторіи и жажду къ ихъ распространенію. Долгое время въ Одессѣ не было садовъ которые бы не были основаны, изъ питомниковъ его плантаціи.

Наконецъ *Степиковскій* и *Бларамбергъ*, слѣдуя по стезѣ указанной Панаіодоромъ Никовуломъ, занимались съ усердіемъ и любовью древними памятниками этого края. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что было сдѣлано до нихъ по части археологіи.

Первую мысль о собираніи древностей въ классическихъ мѣстахъ Новой Россіи, подалъ Потемкинъ слѣдующимъ ордеромъ, писаннымъ изъ недавно занятаго имъ Крыма, таврическому гражданскому губернатору *Каховскому*.

«Рекомендую вашему превосходительству объ употребленіи всемѣрнаго старанія, объ отысканіи въ Тавридѣ сколь можно большаго числа разныхъ старинныхъ монетъ и медалей. Нѣсколько найденныхъ тамъ и представленныхъ мнѣ древнихъ денегъ подають поводъ надѣяться, что при употребленіи попеченія вашего, число оныхъ значительнымъ образомъ умножится. 24 Декабря 1786 года.»

Вторую попытку, какъ мы видѣли, сдѣлалъ Панаіодоръ Никовуль. Но до 1806 года розысканіе древностей не было предметомъ никакихъ систематическихъ

попечений. Мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ¹. какимъ образомъ стараніями графа Северина Потоцкаго (1806), а послѣ адмирала маркиза де-Траверзе (1809), само правительство пожелало спасти отъ конечнаго разрушенія драгоцѣнные остатки древностей Новой Россіи. Музеи Харьковского Университета и Черноморскаго Гидрографическаго Депо, обогатились нѣсколькими мраморами, надписями, медалями, и прочимъ. Часть послѣдняго собранія, по доброму расположенію адмирала *Лазарева*, сдѣлалась теперь достояніемъ музея Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей. Въ 1810 году, незабвенный мужъ, оеодоссійскій градоначальникъ *Семенъ Броневскій*, достойный всякаго уваженія, а между тѣмъ такъ мало извѣстный, въ числѣ прочихъ полезныхъ своихъ подвиговъ, далъ еще начало Оеодоссійскому Музею, родоначальнику музеевъ Керченскаго и Одесскаго. Въ немъ между прочимъ сохранились единственные, уцѣлѣвшіе памятники генуэзскаго владычества на здѣшнихъ берегахъ.

Иванъ Бларамбергъ, руководимый въ изученіи здѣшнихъ древностей сперва ученымъ Келеромъ, а послѣ Панаѳодоромъ Никовуломъ, которому онъ самъ отдаетъ справедливость,² обратилъ особенное вниманіе сперва на знаменитую Ольвію, богатую множествомъ всякаго рода древностей до насъ дошедшихъ. Ольвійскія медали, имѣ собранныя и тщательно описанныя въ сочиненіи его подъ заглавіемъ: *Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*. (Paris, въ-8, 64 стр. и 20 таблицъ), съ прибавленіемъ свѣдѣній о самой Ольвіи, удостоились особеннаго вниманія нынѣ благополучно царствующаго Монарха, когда Его Величество будучи Великимъ

¹ *Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго Края*, часть II, страницы 103, 104, и другія.

² *Choix de médailles antiques d'Olbiopolis*, стр. 9. *Ayant*.

Княземъ, посѣтилъ, въ 1816 году, Одессу и присутствовалъ при разрытіи урочища Ольвіи въ селѣ *Парутиномъ* или *Ильяскомъ*, принадлежащемъ графу Кушелеву-Безбородку. Другія сочиненія *Бларамберга* — разсужденіе о *мѣстоположеніи нѣсколькихъ древнихъ тауро-скифскихъ укрѣпленій*, упоминаемыхъ Страбономъ, (De la position de trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, Odessa, 1831, in-8.) и брошюры объ одной изъ босфорскихъ медалей, (Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bosphore Cimmérien, decouvertes en Tauro-Scythie. 1822, in-8).

Иванъ Стемпковскій, адъютантъ Риншелье, достойный своего начальника по качествамъ души и по образованію, между прочимъ занялся розысками древностей въ самой Одессѣ. Ему обязаны мы открытіемъ здѣсь древней вазы и монеты (въ землѣ дома госпожи Ницусъ), и опредѣленіемъ греческаго поселенія, именуемаго у древнихъ географовъ *Гаванью Истрилію*, (Istriccon Limon), бывшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Одесса. Онъ много трудился и много написалъ о древностяхъ нашего края, но напечаталъ мало. Болѣе извѣстное его сочиненіе, высокаго археологическаго достоинства есть «Recherches sur la géographie ancienne de la côte du Pont Euxine, etc.», S. Petersbourg. 1826, in-8. Въ немъ практически повѣряются сказанія древнихъ географовъ о здѣшнихъ мѣстахъ.

Наконецъ *Рафаилъ Скасси*, генуэзскій уроженецъ, извѣстный экспедиціями въ Черкесію для заведенія съ Горцами торговыхъ связей, а послѣ пребывавшій въ Керчи, въ качествѣ *покровителя* русской торговли на Кавказѣ, вмѣстѣ съ жившимъ тамъ же ученымъ эмигрантомъ капитаномъ *Дюбрюксомъ*, помогли *Стемпковскому*, разрывать могилы Пантикаеи. Керчь—это нашъ Геркуланумъ и наша Помпея. Скасси, по случаю предполагаемаго открытія порта, въ 1821 году, въ Керчи,

напечаталъ въ *Annales de l'industrie nationale et étrangère* Т. IV. стр. 67, статью подъ заглавіемъ: *Mémoire sur l'ouverture du Port de Kertz*¹, въ которой горько жалуется на потерю для науки столь драгоценныхъ древностей, уничтожаемыхъ жителями, при постройкѣ новыхъ зданій, и даже дилетантами археологіи, увозившими эти памятники далеко отъ нашего края. Дюбрюксъ трудился всю жизнь, оставилъ много ученыхъ розысканій въ рукописи и умеръ въ крайней бѣдности. Вотъ все, что было сдѣлано до графа Воронцова.

Быть-можетъ многіе удивятся, что здѣсь не упомянуто о знаменитомъ естествоиспытателѣ Х. Х. *Стевенъ*, основателѣ Никитскаго Сада и другихъ заведеній въ Крыму, но хотя, къ несчастію для насъ, онъ мало напечаталъ въ Одессѣ, его имя, и такъ уже извѣстное, принадлежитъ отъ части и къ листкамъ нашей бібліографіи.

Лишь-только графъ Воронцовъ прибылъ въ Одессу, какъ археологи наши, согласно съ его желаніемъ, представили свои мнѣнія: о собираніи, сохраненіи и описаніи новороссійскихъ древностей. Самое замѣчательное изъ нихъ есть записка полковника Стемповскаго подъ заглавіемъ: *Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie Méridionale*, поданная въ Августѣ 1823 года². Онъ оканчиваетъ ее желаніемъ, «чтобы Новая Россія, столь богатая остатками древнихъ своихъ памятниковъ, была наконецъ правильно розыскана, и чтобы жаркія надежды любителей отечественныхъ древностей сбылись, подѣ

¹ Окончательно керченскій портъ открытъ графомъ Воронцовымъ, при градоначальникѣ А. Богдановскомъ.

² Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго Края. Ч. II, въ приложеніяхъ № 4.

«высокимъ покровительствомъ того, кому судьбы этого края теперь (1823) вручены.» Такимъ образомъ родилась мысль объ основаніи *Одесскаго Музея новороссійскихъ древностей* и начаты тѣ ученые и неутомимые труды, посредствомъ которыхъ исторія обогатилась столь многими свѣдѣніями. Замѣтимъ однако жъ, что и записка патріота Стемповскаго была еще написана по-французки.

По представленію графа Воронцова, учрежденіе въ Одессѣ и Керчѣ музеевъ, указомъ 19 Іюня 1825 года было утверждено, и статскій совѣтникъ Бларамбергъ назначенъ ихъ директоромъ. На первоначальное устройство, розыски и покупку древностей, употреблено 10,000 рублей, еще въ 1822 году пожалованные на поддержаніе греческихъ и генуэзскихъ древностей въ Крыму, но до 1825 года не издержанные на этотъ предметъ. Одесскій Музей былъ открытъ 9 Августа того же года.

Уже сказано выше, что въ Одессѣ никто изъ Русскихъ не писалъ объ этомъ городѣ, ниже о Новороссійскомъ Краѣ, особенно по-русски. Свѣдѣнія объ этой странѣ были столь неполны, что даже нѣкоторые писатели считали Одессу въ Крыму, а Очаковъ въ Бессарабіи; думали, что вся Новая Россія существуетъ только на картѣ. Дабы сообщить имперіи точныя свѣдѣнія Русскихъ и по-русски, графъ Воронцовъ предпринялъ изданіе *русской газеты*. Но чтобы сдѣлать ее доступною всѣмъ жителямъ Одессы и даже распространить за границу, она должна была издаваться на двухъ языкахъ. Редакція газеты поручена А. И. *Левшину* и *барону Брюнову*. Ужъ прежде этого сдѣлана была попытка изданія въ Одессѣ газеты, подъ заглавіемъ: *Messenger de la Russie Méridionale*, на сѣрой бумагѣ, въ небольшую четвертку. Она выходила не долго, за недостаткомъ читателей. Такимъ образомъ первымъ стараніемъ графа Воронцова было утвержденіе за Одессой ея русскаго происхожденія, распространеніе

русского языка. Къ тому много способствовала газета, получившая названіе по-русски: *Одесскій Вѣстникъ*, по-французски *Journal d'Odessa*, начатая едва въ 1827 году, ибо не менѣе двухъ лѣтъ нужно было для устройства типографіи и заведенія хотя не большой торговли бумагою для печати. Смотритель типографіи былъ вызванъ изъ Санктпетербурга, литеры отлиты книгопродавцемъ Плюшаромъ. Съ этого дня начинается истинная умственная дѣятельность Одессы, дѣятельность русская; Одесскій Вѣстникъ былъ ея органомъ. Часть русская поручена была Левшину, часть французская барону Брюнову¹, хотя въ томъ и другомъ они трудились общими силами. Въ этомъ журналѣ, кромѣ самихъ издателей, участвовали: нашъ поэтъ *Туманскій*; *Десме*, *Н. Т. Морозовъ*, по части естественныхъ наукъ; *Бларамбергъ*, и *Стелпковский* по части археологій; *Сикаръ* и *Латоріо* по части торговли: *Ст. В. Сафоновъ* по части статистики Новой Россіи, которою онъ первый изъ Русскихъ началъ заниматься. Испанскій консулъ въ Одессѣ, *Яковъ Бауфъ-и-Ривасъ*, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ торговлею Одессы, напечаталъ здѣсь на испанскомъ и французскомъ языкахъ брошюру подъ заглавіемъ: *Noticia sobre et comercio que se puede entablar entre Odessa, Espana y sus America*. Одесса. 1830, вѣ-4. Въ послѣдствіи времени издано имъ въ Испаніи другое по сему предмету сочиненіе подъ заглавіемъ: *Memoria sobre el commercio del mar Negro, de Azoff y del Danubio, etc. Madrid. 1832. 8°*. Были даже фельетонисты, это *Спада* и *Гибаль*, писавшіе изрѣдка о литературѣ, музыкѣ, театрѣ и о прочемъ, на французскомъ языкѣ.

1828 годъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ для одесской образованности. Графъ Воронцовъ воспользовав-

¹ Въ послѣдствіи Левшинъ былъ одесскимъ градоначальникомъ. Баронъ Брюновъ теперь одинъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ.

пись пребываніемъ въ здѣшнемъ краѣ и при арміи Государя Императора, испросилъ у него: 1) Учрежденіе нѣ въ Одессѣ *Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи*, на содержаніе котораго, кромѣ добровольныхъ взносовъ, пожаловано изъ казны пять-тысячъ рублей ежегодно; 2) Сумму въ десять-тысячъ рублей ежегодно на выдачу *наградъ и пособій за успѣхи въ садоводствѣ и льсоводствѣ*; 3) Учрежденіе въ Одессѣ *училища восточныхъ языковъ* для приготовления русскихъ переводчиковъ. 4) Учрежденіе *заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ* и 5) Учрежденіе *публичной библиотеки*. Главнѣйшій редакторъ Одесскаго Вѣстника, А. И. Левшинъ, отъ имени всей редакціи¹ представилъ графу Воронцову желаніе ея, чтобы сумма собранная отъ изданія газеты, которою издатели пользоваться не хотятъ, употреблена была на общепользныя для края предпріятія, а преимущественно ученые. Такимъ образомъ пятнадцать-тысячъ рублей было употреблено на основаніе въ Одессѣ упомянутой выше публичной городской библиотеки; болѣе десяти-тысячъ рублей издержано на приведеніе типографіи (въ 1832) въ надлежащее устройство, остальныя на уплату за статьи Одесскаго Вѣстника сочинителямъ, печатаніе полезныхъ книгъ объ этомъ городѣ и тому подобное².

Собственно книгопечатаніе въ Одессѣ началось тоже съ 1828 года. Первая книга вышедшая изъ здѣшней типографіи была: *Первоначальныя упражненія въ по-*

¹ Помощниками Левшина были: *П. Морозовъ*, *Гибаль*, *Страшковъ* и я.

² Чтобы имѣть понятіе о состояніи типографіи до 1828 — 1832, довольно взглянуть на небольшую книжку in-4, напечатанную въ Одессѣ въ 1814 году, подъ заглавіемъ: *Plan d'education pour les deux Instituts Nobles d'Odessa.* Это наборъ буквъ, безъ порядку, безъ знаковъ, истинные инкунабулы XV вѣка.

вогребескомъ языкъ, для одесскаго греческаго училища. Слабое начало, но уже полезное дано ему направление: «Благословясь идемъ вперед!»

Одесскій Музей началъ обогащаться новыми приобретениями древностей, купленныхъ и полученныхъ въ даръ. Въ 1828 и 1829 годахъ, посланный для ихъ розысканія, въ Болгарію и вообще въ мѣста занятія побѣдоносными русскими войсками, поручикъ *Тепляковъ*, привезъ значительное собраніе медалей, надписей и мраморовъ и напечаталъ объ нихъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: *Отчетъ о разныхъ памятникахъ древностей, открытыхъ въ Болгаріи и Румелии*. Одесса, 1829, въ-8, съ снимками надписей; это было первое русское сочиненіе, напечатанное въ Одессѣ. Въ послѣдствіи, уже внѣ Одессы, напечаталъ онъ свои *Письма изъ Болгаріи*, какъ поэтическій плодъ этого странствованія. Къ этому собранію присоединены монеты пожертвованныя поручикомъ *Должниковымъ*, собранныя имъ за Дунаемъ, музей *Бларамберга* и богатое собраніе медалей *Стемпковского*, купленное уже послѣ его смерти¹.

Война съ Турціею, столь блистательно оконченная въ 1829 году, сдѣлала Одесскій Вѣстникъ болѣе извѣстнымъ. Въ немъ находятся лучшіе оффиціальныя матеріалы для исторіи этой войны. *А. Спада*, градской бібліотекарь, составилъ изъ нихъ двѣ брошюры о войнѣ съ Турціею подъ заглавіемъ: 1, *Précis historique sur le événements militaires de la guerre avec les Turcs, depuis le commencement des hostilités jusqu'à la prise de Varna 1828*, Москва, въ-8; 2, *Précis historique et chronologique des événements militaires*

¹ Стемпковскій, назначенный керченскимъ градопачальникомъ, оставилъ Одессу въ 1828 году, но занимался дѣятельно древнею исторіею этого края до конца своей жизни. Онъ умеръ въ 1832 году, съ 6 на 7 Декабря.

pendant la campagne contre les Turcs, depuis la prise de Varna jusqu'à la paix d'Adrianopole. S. Pétersbourg. 1829, in-8. Это простое исчисленіе реляцій и рескриптовъ. Въ томъ же году ученый докторъ *Эпитимъ*, нынѣ находящійся въ Греціи, издалъ небольшое наставленіе для больныхъ, пользующихся морскими купаньями, подъ заглавіемъ: *Notice sur les bains de mer et de limans d'Odessa*. Одесса. 1829, въ-8.

Но лучшее сочиненіе, вышедшее въ этомъ году, было: *Notes sur les provinces Russes au delà du Caucase, écrites dans les années 1823 et 1824*. Одесса. 1829, въ-12, сочиненіе полковника, *графа Серисторія*.

Въ 1830 году печатаніе въ одесской типографіи книгъ усилилось, не смотря на бѣдность и скудность шрифтовъ; ибо не смотря на всѣ усилія начальства только между 1832 и 1833 годами типографія одесская пришла въ надлежащее устройство. *Феликсъ Лагорио*, крымскій житель, составилъ небольшую книгу объ исторіи Крыма и его торговлѣ и напечаталъ ее въ Одессѣ подъ заглавіемъ: *Abrégé historique des révolutions et du commerce de la Tauride*, Одесса. 1830, въ-8. Въ то же время напечатанъ въ Одессѣ *Одесскій Альманахъ*, изданіе не только словесное, но вообще литературное, довольно высокаго достоинства. Главнымъ его виновникомъ былъ *Михаилъ Розбергъ*, нынѣ профессоръ Дерптскаго Университета. По случаю многочисленныхъ занятій *Левшина*, приглашенъ былъ для изданія Одесскаго Вѣстника, изъ Москвы этотъ ученый молодой человекъ, и онъ произвелъ своими статьями и лекціями въ Ришельскомъ Лицеѣ, большое вліяніе на очищеніе и развитіе русскаго языка въ Одессѣ. Въ этомъ добромъ дѣлѣ онъ имѣлъ дѣятельныхъ помощниковъ, подобно ему воспитанниковъ Московскаго Университета, въ *Николаѣ Страшковѣ*, юношѣ большихъ способностей, возвышенной души и великихъ надеждъ, похищенномъ смертію на двадцать-третьемъ году жизни; *Михаилъ Щер-*

бинши, одномъ изъ остроумнѣйшихъ русскихъ фельетонистовъ, знакомомъ съ англійскою и нѣмецкою словесностью, и наконецъ *Григорій Соколовъ*, лучшимъ быть можетъ въ Россіи переводчикъ, котораго легкій, правильный и живой слогъ имѣлъ бы большой успѣхъ въ публикѣ, если бы Соколовъ могъ побѣдить свою скромность и издалъ въ свѣтъ свои труды. Лучшими изъ одесскихъ учениковъ Розберга были: *Константинъ Зеленецкій* по части русской, а *Протопоповъ* по отрасли древней классической словесности. Въ изданіи альманаха, кромѣ Розберга и нѣсколькихъ русскихъ внѣ одесскихъ литераторовъ, участвовали *П. Морозовъ*, помѣстившій въ немъ первый опытъ *Исторіи Одессы*, основанной на фактахъ и преданіяхъ, по безъ основныхъ мѣстныхъ документовъ, тогда еще никому неизвѣстныхъ, и очень дѣльную статейку подъ заглавіемъ: *Одесса въ 1830 году*. *А. И. Левшинъ* далъ статью о *Говардѣ* и отрывокъ изъ своихъ путевыхъ записокъ подъ заглавіемъ: *Женева*. Но рядомъ съ прекрасными стихами *Подолискаго* и *Теплякова* находилось нѣсколько археологическихъ строкъ *Бларамберга* въ статьѣ: *о мѣстѣ гдѣ былъ храмъ Діаны Таурической*; родъ археологическаго романа подъ заглавіемъ: *Рабанс и Индартъ, Изъ Степковскаго*; *Письма о Крыму Теплякова* и переводъ *Турецкихъ пословицъ, Борзенка*. И все это было писано чистымъ, истинно русскимъ языкомъ.

Въ 1831 году вышли: одна русская книга, сомнительнаго достоинства, это — *Начальныя правила италійскаго языка Генриха Веплера*, — его трудъ не принесъ пользы ни автору ни ученикамъ, — и нѣсколько французскихъ: 1) *De la position de trois forteresses Tauro-Scythes, etc.*, *Бларамберга*, о которой сказано выше; 2) *Les chants du Varde de la Nouvelle Russie*. *А. Ламота*, которыхъ однако жъ не удалось намъ ни видѣть, ни слышать, и нѣсколько другихъ.

Еще въ 1822 году сдѣлана была первая попытка календаря, весьма неудачная, и потому его должно было прекратить. Въ 1832 году, онъ удался гораздо лучше, и теперь годъ отъ году увеличивая объемъ и улучшая содержаніе, онъ уже упрочилъ свое существованіе.

Съ 1832 года книжная дѣятельность болѣе и болѣе развивается и книгопечатаніе русское усиливается въ Одессѣ. Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи издало первую часть своихъ *записокъ* по-русски и по-французски, въ которыхъ помѣщены весьма любопытныя статьи членовъ общества: *Десме, объ успѣхахъ разведенія деревъ въ Одессѣ*. *Tableau historique des progrès de la culture des arbres à Odessa*, сочиненіе истинно обзорное; *объ одесскомъ климатѣ Морозова*; хозяйственные наблюденія *Демолля, Бассалля, Стурдзы*, и другихъ, о хлѣбопашествѣ, винодѣліи и овцеводствѣ.

Одесская газета расширила свои листки и раздѣлилась на двѣ, на *Одесскій Вѣстникъ*, подъ главною редакцію Розберга, и *Courrier de la Nouvelle Russie* преимущественно посвященный торговлѣ, и издававшійся покойнымъ *Гибалемъ*. Въ послѣдней заключались весьма любопытныя статьи французскихъ инженеровъ *Шатильона* и *Флаша (Flachat) о возможности открытія артезіискихъ колодезѣвъ въ Одессѣ*¹; отрывки изъ статьи маіора *Гаюй* подъ заглавіемъ *Observations sur les salines de la Nouvelle Russie (о соляныхъ озерахъ въ Новой Россіи)*; *De l'avenir des relations commerciales*

¹ Въ Одессѣ три раза дѣлапы были опыты артезіискихъ колодезѣвъ: 1) отъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, посредствомъ особой компаніи, они начаты въ 1831 году и окончены безъ успѣха; 2) на счетъ правительства, которое вызвало изъ Франціи отличнаго инженера, Флаша, и прислало для науки своихъ горныхъ инженеровъ. Удачи не было. 3) По распоряженію графа Воронцова, маіоромъ Гаюй, и не большой артезіискій колодезь былъ плодомъ его трудовъ.

entre la Russie et la France Méridionale, сочинение инженера *Флаша*; статья самого издателя Гибала: *о хозяйствѣ и промышленности Абхазіи* (Economie domestique et industriel des Abases). Наконецъ, полковникъ Липранди сообщилъ нѣсколько энтографическихъ замѣтокъ *о Болмаріи*, театрѣ тогдашней войны. Кромѣ того выходили еще: 1, торговые листки, подѣ названіемъ Feuille de Commerce, еженедѣльно издаваемые Гибалемъ, и 2, такъ называемыя Portata, то есть, кораблеплавательныя листочки, съ свѣдѣніями о приходящихъ и отходящихъ судахъ и привозимыхъ товарахъ. Они издавались приставомъ биржи, купцомъ *Лемми* и выходили въ неопредѣленное время.

Мы уже сказали о вліяніи Розберга на склоненіе одесскаго вкуса къ русскому языку. Произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Ришельевского Лицея, 24 Октября 1832 года, рѣчь *О содержаніи, формѣ и значеніи изящно — образовательныхъ искусствъ*, произвела удивительное впечатлѣніе. Напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, она ходила по всѣмъ рукамъ и жажда къ русскому чтенію значительно усилилась. Особенно нравились статьи его чисто литературныя и ученныя, помѣщенныя въ Вѣстникѣ *О баллансѣ, объ арабской поэзіи, о состояніи Египта*, и прочая, и возбуждали охоту въ ученикахъ его, заниматься словесностью. Въ томъ же Вѣстникѣ помѣщались свои статьи Страшковыхъ, статьи, отличившіяся особенно красотою слова; его переводы, особенно отрывки изъ романа Виктора Гюго *Notre-Dame de Paris*, многіе ученые признавали образцомъ переводнаго слога. Къ несчастію въ томъ же году, 14 Февраля, онъ умеръ отъ долговременной и тяжелой болѣзни. Розбергъ въ теченіи 1832 года издалъ еще болѣе сорока нумеровъ *Литературныхъ прибавленій къ Одесскому Вѣстнику*, составившихъ цѣлый томъ въ большую четвертку, въ 338 страницъ, въ которыхъ помѣщены многія ученныя статьи, болшею частію перевод-

ныя, отличающіяся чистотою и правильностью русскаго слова. Лучшія принадлежатъ самому издателю, А. С. Стурдзѣ и Н. Д. Курляндцову, другу Розберга, профессору математики въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Онъ былъ отличнымъ преподавателемъ, и лучшій изъ учениковъ его господинъ *Левтеропуло*, теперь профессоромъ физики въ Лицеѣ. Но Курляндцовъ подобно Страшкову жилъ не долго, — смерть похитила его среди усердныхъ трудовъ для науки. Онъ умеръ въ 1836 году. Въ 1832 году издалъ онъ два первыя свои сочиненія, одно: *О началѣ, постепенномъ развитіи и настоящемъ состояніи опытной физики* (Одесса. 1832 года, 12°, 52 стр.) и *О существенной цѣли и способѣ преподаванія математики въ учебныхъ заведеніяхъ* (Одесса. 1833 года, въ-8, 46 стр.).

Кромѣ того напечатаны въ Одессѣ три педагогическія книги: *Учебный курсъ итальянскаго языка Л. Маракки*; *Грамматика В. Золотова*; *Methodo per insegnare e ben leggere la lingua Italiana, in 8°* (и двѣ чисто литературныя, *Переметчикъ*, повѣсть *И. Косляровскаго*, въ-12, 68 стр. и *Досуйи Узника*, сочиненіе *Н. Любимова*, въ-12, 57 страницъ).

Бывшій въ 1833 году почти всеобщій неурожай и произшедшее отъ того оскуденіе низшихъ классовъ народа, особенно мѣщанъ, земледѣльцевъ, вызвали

¹ Вотъ заглавія лучшихъ статей: 1) *Вѣра и вѣдѣніе*, разсужденіе о необходимомъ согласіи въ преподаваніи религіи и наукъ питомцамъ учебныхъ заведеній, А. Стурдзы, 2) *Объ эпохахъ творчества и критики*, Розберга, 3) *Томасъ Чаттертонъ* (изъ Consultations de Docteur Noir) Гр. Соколова; 4) *О дневномъ свѣтѣ*; *Обзорніе современной германской литературы*, Курляндцова; 5) *О переротахъ измѣняющихъ поверхность земнаго шара, и причинахъ измѣняющихъ оную въ наше время*, и 6) *О зодчествѣ наспкомыхъ*, Розберга, и прочая.

высшее одесское общество къ подвигамъ челоѣколюбія. Нѣсколько образованныхъ дамъ и мужчинъ, большею частью Русскихъ, при участіи самой супруги генералъ-губернатора графини Е. Кс. Воронцової, учредили драматическое общество, для представленія публично, комедій, водевилей и драмъ, по-русски и по-французски, въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Это продолжалось всю зиму и принесло большія суммы денегъ. Кромѣ пользы и пособія немущимъ, учрежденія прекраснаго учебнаго пріюта для сиротъ обоого пола, низшихъ классовъ, — эти представленія имѣли большое вліяніе на вкусъ публики, впервые видѣвшей русскую сцену во всѣмъ ея блескѣ и чистотѣ русскаго слова. ¹ Если бы биржевая зала въ которой устроенъ былъ театръ этого общества, была втрое больше, то и тогда не помѣстила бы всѣхъ посѣтителей, жаждавшихъ русскихъ представленій, не смотря на высокую цѣну билетовъ. Иностранцы особенно тѣснились въ эти представленія. Замѣтимъ мимоходомъ, что часто недоставало русскихъ водевилей или комедій; тогда господинъ Соколовъ, въ два или три дня, переводилъ ихъ не хуже многихъ нашихъ драматическихъ писателей. Представленія были окончены древнею оперою *Мильникъ*, съ русскими хорами и плясками. Успѣхъ ея превзошелъ всякія ожиданія. Когда публика увидѣла

¹ Въ Одессѣ театръ существуетъ еще съ 1808 года, и первая представленія были русскія, польскія и французскія. Съ того времени хотя итальянская опера господствуетъ, но такъ называемые русскіе актеры почти ежегодно посѣщаютъ Одессу. Только они Русскіе по однимъ фамиліямъ и афшикамъ; не говоря объ отсутствіи талантовъ, довольно слышать ихъ варварскій польско-малороссійско-бѣлорусскій языкъ, чтобы понять отвращеніе Одесситъ отъ столь печальнаго театра. Одинъ только разъ прибытіе Щепкина оживило пастъ, и тогда театръ, не смотря на удвоенныя цѣны, былъ всегда полонъ.

цѣльнй рядъ нашихъ дамъ въ сарафанахъ и повойникахъ, мужчинъ въ русскихъ кафтанахъ, съ бородами, съ волосами обстриженными въ кружокъ, когда увидѣли неподражаемаго *Мильника* въ красной рубашкѣ съ остроконечною шляпою безъ полей, — услышали хоръ русскихъ свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсень, восторгъ былъ всеобщій. Рукоплесканія раздавались стократно, даже слуги прибѣжали къ раствореннымъ дверямъ. Это торжество народнаго языка и музыки было увѣчно гимномъ: «Боже царя храни!». Тогда все собраніе, дамы и мужчины, встали съ своихъ мѣстъ и громкимъ ура! изъявили свой восторгъ. Однимъ словомъ Одесса явила себя тѣмъ, что она есть, всегда вѣрною дочерью Россіи.

Левшинъ, занятый управленіемъ, устройствомъ и укрѣпленіемъ Одессы, не оставилъ однако жъ литературы. Прекрасное сочиненіе его подъ заглавіемъ: *Описаніе Киргизъ-казацкихъ или Киргизъ-кайсацкихъ ордовъ*, написанное имъ въ Одессѣ, было напечатано въ Петербургѣ. Кромѣ того онъ дѣятельно занимался устройствомъ въ Одессѣ *еврейскаго училища*, для дѣтей обоого пола, училища, единственнаго въ своемъ родѣ, котораго онъ былъ тогда основателемъ. Подъ дирекцію ученаго Еврея Базиліуса Штерна, училище это нынѣ процвѣтаетъ и имѣетъ болѣе трехъ-сотъ воспитанниковъ.

Вотъ другія книги вышедшія въ 1833 году. 1) *Portulan de la Mer-Noire et de la Mer d'Azow, ou description des côtes de ces deux mers*, Одесса, 1831—1832 года, съ атласомъ, въ-4, то есть, подробное описаніе важнѣйшихъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Это сочиненіе нидерландскаго консула въ Одессѣ, господина *Тетбу-де-Мариньи*, практически знающаго эти воды. 2) *Речь Цицерона*

* Это сочиненіе, напечатанное въ 1831 году, вышло въ свѣтъ годъ въ 1833 году по причинѣ отдалки его атласа, весьма важнаго для мореплавателей.

за Милона, переводъ Гриневича, 3) *Ласкарисъ или Греки XV столѣтія*, Вильмена, переводъ Скаржинскихъ, и нѣсколько другихъ вовсе не замѣчательныхъ.

Мы должны были давно уже сказать читателямъ о *Михаилѣ Кирьяковѣ*, котораго краткая жизнь была посвящена наукамъ и на пользу города, въ которомъ онъ родился и который любилъ, любовью истинно рыцарскою. Михаилъ Кирьяковъ, сынъ коллежскаго совѣтника Кирьякова, того самого, который спасъ Одессу отъ запустѣнія, при самомъ ея рожденіи*. Окончивъ воспитаніе въ Московскомъ Университетѣ, возвратился на родину въ 1828 году, восемнадцати лѣтъ сдѣлавшись единственнымъ владѣльцемъ богатаго имѣнія въ Херсонской Губерніи, онъ большую часть своихъ доходовъ и трудовъ употребилъ на изученіе сего края, на его обзорѣніе, на собраніе огромной бібліотеки, особенно по части славянскихъ нарѣчій, древностей, документовъ, и для пособія тѣмъ, которые желали подобно ему изучать Новую Россію. Онъ пригласилъ переселиться въ Одессу товарища своего по университету *И. И. Мурзакевича*, который вмѣстѣ съ нимъ учился у знаменитаго профессора Сандулова русской ефрагистикѣ и дипломатикѣ. Въ его домѣ, при пособіи его бібліотеки, Мурзакевичъ (теперь профессоръ русской исторіи въ Ришельевскомъ Лицеѣ), занялся преимущественно археологіею здѣшняго края и такимъ образомъ соединилъ труды свои съ нитью трудовъ и поисковъ Панаюдора, Бларамберга и Стемпковскаго, изъ которыхъ только первый остался въ живыхъ†. Кирьяковъ съ своей

* См. *Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы*, стр. 93, 96 и другія, и приложения № № 4, 5 и 6.

† Бларамбергъ умеръ въ Одессѣ, 31 Декабря 1831 года. Панаюдоръ живъ и понинѣ, хотя глубокая старость видимо приближаетъ его ко гробу.

стороны съ жаромъ посвятилъ себя агрономіи и вѣрно никто не зналъ такъ хорошо хозяйственной статистики Новой Россіи, какъ онъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и дѣятельныхъ членовъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, редакторомъ, нѣкоторое время, его *Листковъ*, изданія замѣнившаго *Записки*.

Говоря о древностяхъ, мы должны упомянуть здѣсь о тѣхъ бездѣльныхъ сокровищахъ, которыя для науки подарила въ этомъ году Керчь. Открытыя царскія и другія пантикпейскія гробницы, заключали въ себѣ остатки древностей, какихъ рѣдко встрѣтить можно въ лучшихъ европейскихъ музеяхъ. Господа *Ашики* и *Хорейша*, переселившіеся въ Керчь, одесскіе жители, усердно занимаютъ ихъ разрытіемъ и отсылкою въ Петербургъ добытыхъ сокровищъ. Самая малая часть оныхъ и поверхностное описаніе, помѣщаемое въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, достается намъ.

Съ 1834 года одесскія газеты: *Вѣстникъ* и *Journal d'Odessa*, перешли за отъѣздомъ Розберга, въ редакцію бывшаго ученика Курляндцова, *А. Г. Тройницкаго*. Русская, то есть, Одесскій Вѣстникъ, увеличила значительно свой форматъ, начала сообщать подробныя свѣдѣнія о Турціи, получаемыя съ пароходами, заведенными съ 1831 года, посредствомъ построеннаго въ Петербургѣ парохода *Невы*, и издается весьма регулярно по средамъ и субботамъ, утромъ. Ближайшимъ редакторомъ *Journal d'Odessa* былъ Тетбу-де-Мариньи, съ помощью молодаго Француза *Альфонса Шапельона*, котораго прекрасный слогъ и мелкія фельетонныя статейки, могутъ равняться съ лучшими произведеніями этой литературной пѣны. Обѣ газеты въ части официальной, суть органомъ всего того, что только происходитъ въ Новой Россіи.

Въ это время М. Кирьяковъ предложилъ однажды мнѣ и Мурзакевичу свой проектъ 1) собрать въ его бібліотекѣ всѣ тѣ, до-сихъ-поръ изданныя въ Россіи и

за границую, сочиненіи, въ которыхъ говорится о Новой Россіи; 2) къ нимъ присовокупить всѣ тѣ классическія сочиненія, въ которыхъ упоминается о нашемъ краѣ, таковыя книги: Иродота Страбона, Птоломей Плинія; Периллы, и другія, 3) собрать мѣстныхъ преданій, нѣсни казачества, и наконецъ официальные документы, погребенные въ безднѣ бумагъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ. Мы раздѣлили работу на три части. Кирьяковъ долженъ былъ выписать на свой счетъ всѣ нужныя книги, и заняться тѣми изъ нихъ, которыя писаны были на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Мурзакевичъ брался за древнихъ классиковъ; я считалъ нужнымъ просмотрѣть хроники латинско-польскіе и послѣ разыскивать въ архивахъ мѣстныхъ. Изъ всего этого мы хотѣли по немногу составить *исторію Новой Россіи*, основанную на свѣдѣніяхъ точныхъ и въ особенности на документахъ, мѣстныхъ, подлинныхъ. Она должна была состоять, изъ 1) топографическаго, этнографическаго и земледѣльческаго обозрѣнія Новороссійскаго Края; этимъ долженъ былъ постоянно заниматься Кирьяковъ. 2) Исторію древней этого края, отъ Иродота до казачества, то есть, XVI столѣтія, это было поприще Мурзакевича. 3) Исторія настоящая или повѣйшая, отъ казачества до тридцатыхъ годовъ, была моимъ удѣломъ. Весь 1834 годъ и часть 1835 года прошли въ исполненіи этого предположенія. Для опыта я разсматривалъ архивы одесскаго городского управления, въ чемъ имѣлъ ученаго покровителя въ градоначальникѣ Левшинѣ. Мурзакевичъ по служенію своему въ портовой таможнѣ, приводилъ въ порядокъ архивъ оной, отыскалъ копию Высочайшей грамоты Императрицы Екатерины II, данной графу Зубову, на счетъ построенія города и гавани при гаджибейской крѣпости. Этотъ важный документъ онъ напечаталъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ.

Въ теченіи 1834 года въ Одессѣ вышло уже нѣсколько хорошихъ книгъ; лучшія суть: 1. *Guide des voyageurs en Crimée, par Montandon*, то есть, указатель и путеводитель въ Крыму путешественниковъ, сочиненіе *Montandon*, съ рисунками и картами. Этотъ самый *Montandon*, сдѣлалъ гораздо больше, — открылъ въ Крыму мраморныя и порфирныя ломки, изъ которыхъ выстроены прекрасной домъ въ Алубкѣ и высѣкаютъ прелестныя вазы въ Симферополѣ. 2. *Главныя черты космологіи*, переводъ съ нѣмецкаго, сочиненіе *Шуберта*, прекрасный трудъ Курляндцова посвятившаго всѣ часы свои наукамъ математическимъ; его же 3. *Введеніе въ умозрительную физику Шеллингга*, переводъ съ нѣмецкаго. 4. Два альманаха: русскій подъ заглавіемъ: *Подарокъ бѣднымъ* на 1834 годъ, и французскій подъ заглавіемъ: *La Quêteuse*, доходъ отъ которыхъ назначенъ былъ въ пользу немущихъ. 5. *Мысли о кавалерійской тактикѣ*, сочиненіе генерала графа *Бисмарка*, переводъ полковника *Лазмана*, и нѣсколько другихъ.

1835 годъ былъ очень плодоносенъ для одесской типографіи. Вышло много книгъ и довольно замѣчательныхъ. Первое мѣсто занимаетъ сочиненіе *Юлія фонъ-Гагенмейстера*, подъ заглавіемъ: *Mémoire sur le commerce des ports de la Nouvelle Russie et de la Valachie*, Одесса, 1835, въ—8, 199 стр., съ многими таблицами. Гагенмейстеръ, первый изъ Русскихъ, объѣхалъ по порученію графа Воронцова всѣ почти черноморскіе и азовскіе порты; былъ на Дону, Дунаѣ и въ обоихъ румынскихъ княжествахъ и собранныя имъ на мѣстѣ свѣдѣнія о торговлѣ, прошедшихъ и будущихъ ея судьбахъ, отчетливо изложилъ въ своемъ сочиненіи. Его таблицы довольно вѣрны, особенно по торговлѣ одесскаго порта, но всѣ вообще драгоценны, какъ мѣрило торговъ, благосостоянія этихъ портовъ. Чтобы свою книгу сдѣлать доступною всей ученой Европѣ онъ издалъ ее на фран-

цузскомъ языкѣ, но почти всю въ русскомъ переводѣ, помѣстивъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Мы узнали послѣ, что она переведена была за границею на нѣмецкій и англійскій языки. Съ тою же цѣлью, по ходатайству графа Воронцова, господинъ Гагенмейстеръ отправленъ былъ на казенный счетъ въ Требизонтъ, Персію и всю Среднюю Азію, и его наблюденія въ отношеніи русской и иностранной торговли на Востокѣ, были напечатаны въ Петербургѣ, а часть ихъ сообщена Одесскому Вѣстнику.

Другое небольшое, но весьма полезное сочиненіе, напечаталъ покойный докторъ *Иванъ Вицманъ*, отличный врачъ и окулистъ, подъ заглавіемъ: *О пользѣ морскихъ, иловыхъ и лиманскихъ ваннъ въ окрестностяхъ Одессы*, изданное имъ уже однажды въ 1834 году на французскомъ языкѣ. Здѣсь говоритъ долго-временный опытъ и доброе усердіе къ страждущимъ. Это, можно сказать, продолженіе наблюденій доктора Эптееса, сдѣланныхъ въ 1829 году. Въ то же время докторъ *Э. Ст. Андреевскій*, въ качествѣ члена дирекціи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, составилъ небольшое практическое наставленіе *о свойствахъ и пользѣ водъ, заготовляемыхъ въ одесскомъ заведеніи*: оно называется: *Объявленіе отъ дирекціи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ* (Одесса, въ-8, 1834, 16 стр.).

Можно сказать, что все отрасли наукъ, имѣли въ этомъ году своихъ представителей въ Одессѣ. Господинъ *Мурзакевичъ* издалъ описаніе собраннаго имъ нумизматическаго музея, подъ заглавіемъ: *Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, etc.* Одесса, въ-8, 68 стр., съ таблицами. Курляндцовъ, вскорѣ послѣ того умершій, изготовилъ свои переводы *Физической картины Европы*, сочиненіе *Шува*. Одесса, 1835, въ-8, 140 стр., и *О постепенномъ развитіи природы*, сочиненіе *Стефенса*. Одесса, 1835, въ-8, 61 стр., вышедшіе уже

по кончинѣ переводчика. Ученый врачъ-окулистъ *Т. Винцетти*, напечаталъ свою *Excursion en Crimée en 1833*, Одесса, въ-4, 1835). Въ этомъ небольшомъ обзорѣ Крыма читатели найдутъ много полезнаго и любопытнаго тѣмъ болѣе, что этотъ ученый обращаетъ вниманіе на глазныя болѣзни. *Н. Хрусталева* издалъ переводъ съ италіянскаго, *О должностяхъ человека*, сочиненіе *Сильвіо Пеллико*, Одесса, 1835, въ-12, 217 стр. *Гриневичъ* печаталъ свои *Письма о философскихъ предметахъ*, — даже одна дама, впрочемъ не одесская жительница, *Бальбина-Петровская*, сочинила для своихъ екатеринославскихъ воспитанницъ и напечатала въ Одессѣ *Нравственныя поученія, подражаніе англійскому*, Одесса, 1835, въ-8, 60 стр. Наконецъ одинъ изъ питомцевъ одесскаго еврейскаго училища *Іоакимъ Тарнопольскій*, исполненный библейской поэзіи, сочинилъ родъ психологической повѣсти, изданной подъ названіемъ *«Ruth, sujet épisodique, tiré de l'écriture sainte»* 1835, въ-12, 116 стр., и нѣкоторые другіе.

Въ концѣ 1834 имѣлъ я честь представить его сіятельству графу *М. С. Воронцову*, моему начальнику, первую записку съ проектомъ сочиненія *Исторіи Новороссійскаго Края* (новѣйшей), изъ мѣстныхъ источниковъ и документовъ. Для отысканія и собранія ихъ, его сіятельство дозволилъ мнѣ объѣхать все города новороссійскихъ губерній, чтобы извлечь изъ архивовъ тѣ документы, которые могутъ заключать историческія или статистическія (прежнихъ лѣтъ) свѣдѣнія. Такъ начались мои *архивографическіе* поиски, седьмой годъ уже продолжающіеся, плодомъ которыхъ было открытіе многого любопытнаго и изданіе сочиненій о здѣшнемъ городѣ и Краѣ, слабо выполненныхъ, однако жъ принятыхъ учеными, по новости предмета и источниковъ¹.

¹ Не упоминаю здѣсь объ отзывѣхъ многихъ русскихъ журналовъ, я не могу скрыть той радости, какую чувствовалъ, когда зна-

Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, перепечаталъ большую половину первого тома моей книги; *Русскій Инвалидъ* въ свою очередь помѣстилъ статью журнала министерства внутреннихъ дѣлъ. Если слѣдственно науки историческія найдутъ пользу въ моихъ трудахъ, то всѣмъ этимъ онѣ обязаны просвѣщенному покровительству графа Воронцова.

Его же содѣйствію обязано юношество Новороссійскаго Края, улучшеніемъ своего образованія. Въ 1831 году Высочайше утвержденъ новый уставъ Лицея, преобразовавшій его въ высшее училище, истинно русское, приблизившее его къ университетскому кругу ученія. Графъ Воронцовъ, въ мнѣніи данномъ о проектѣ Устава Ришельевского Лицея, настаивалъ на тщательное изученіе русскаго законодательства, русскаго языка, и древнихъ классиковъ въ подлинникахъ *. Кромѣ того онъ старался о присоединеніи къ Лицею, основаннаго имъ въ 1828 году, училища восточныхъ языковъ, дабы воспитанники желающіе быть ориенталистами, могли образоваться и по другимъ предметамъ. Это училище, за отъѣздомъ въ Турцію отличнаго ориенталиста *Рази* и за болѣзнью профессора персидскаго языка совершенно разстроилось; изъ шести учениковъ одинъ только оказалъ большіе услуги. Это чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи *А. А. Борзенко*; для усовершенствованія его въ турецкомъ языкѣ, зако-

менитые въ Россіи мужи, генералы, *Ермоловъ* и *Саблуковъ*; *П. А. Бутеневъ*, *Жуковскій*, *Арсеньевъ*, *Розбергъ*; чешскіе ученые: *Ганка* и *Шафарикъ*, самъ даже знаменитый *Сперанскій* въ бытность свою въ Одессѣ, въ 1837 году почтили мои труды своими благосклонными поощреніями и сужденіями.

До 1823 года, недостатокъ русскихъ учителей такъ былъ великъ, что многіе предметы, даже исторія и географія преподавались въ Лицеѣ, по-французски. Теперь даже Евреи и Еврейки воспитанные въ ихъ училищахъ, чисто говорятъ и правильно пишутъ по-русски.

нахъ, исторіи и обычаяхъ Востока, графъ Воронцовъ отправилъ его на казенный счетъ въ Константинополь. Послѣ трехъ-лѣтняго ученія въ Царьградѣ, Борзенко возвратился въ Одессу и такимъ образомъ край нашъ приобрѣлъ отличнаго переводчика, природнаго Русскаго, знающаго хорошо отечественный языкъ и владѣющаго имъ съ большимъ талантомъ.

Важнѣйшимъ событіемъ для насъ въ 1836 году, было путешествіе къ восточнымъ берегамъ Чернаго Моря. Въ полѣ мѣсяцѣ этого года, съ Высочайшаго соизволенія, новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, отправился на корветѣ *Ифигенія*, для обозрѣнія кавказскаго поморья отъ Анапы до Поти. Пароходъ *Петръ Великій* ему сопутствовалъ. На немъ было множество пассажировъ, въ томъ числѣ и я. Графъ Воронцовъ приказалъ мнѣ вести журналъ этого занимательнаго плаванія. Подробности этой поѣздки извѣстны, быть-можетъ, публикѣ, во-первыхъ; изъ официальной моей брошюры, изданной немедленно по возвращеніи въ Одессу, подъ заглавіемъ: *Записка о плаваніи парохода Петръ Великій къ таврическимъ и восточнымъ берегамъ Чернаго Моря. Одесса, 1836, въ-8, съ рисунками господъ Чернецова и Фацарди*, и изъ сочиненія гораздо обширнѣшаго и подробнѣйшаго *Степана Сафонова*, подъ заглавіемъ: *Поѣздка къ восточнымъ берегамъ Чернаго Моря на корветѣ «Ифигенія» въ 1836 году*, Одесса, въ-8, 1837, 71 стр., съ рисунками Чернецова. Господинъ Ришаръ, нынѣ швейцарскій вице-консулъ въ Одессѣ, бывшій съ нами въ этомъ путешествіи, весьма хорошо описалъ его по-французски въ нашемъ Journal d'Odessa. Сожалѣемъ, что онъ ограничился только страницами журнала. Французскій консулъ въ Корфу, господинъ *Де-Сенз-Соверъ*, и одинъ англійскій туристъ издали также цѣлыя книги о нашемъ

плаваніи; только послѣдній прибавилъ къ нимъ нѣсколько вандальскихъ сужденій и нелѣпныхъ сказокъ своего собственнаго изобрѣтенія. Весьма кстати явилось тогда сочиненіе Тетбу-де-Мариньи подъ заглавіемъ: *Voyage en Circassie 1836, in-8, 285 стр.* Авторъ описываетъ свое путешествіе къ кавказскимъ горцамъ, сдѣланное въ 1818 — 1823 и 1824 годахъ, съ цѣлью заведенія торговыхъ сношеній, свои удачи и неудачи, обычаи края, и прочее.

Но лучшимъ сочиненіемъ, явившимся, такъ сказать, по случаю этого путешествія есть переводъ *Арріанова Перилла Понта Эвксинскаго*, сдѣланный *А. Я. Фабромъ*. Одесса, 1836, въ-8, 53 стр. Къ нему приложены рисунки и прекрасная карта Чернаго Моря съ означеніемъ на ней древнихъ поселеній. Это сочиненіе послѣло къ возвращенію графа Воронцова изъ поѣздки, и переводчикъ, посвящая ему свой трудъ, помѣстилъ эти прекрасныя строки:

«Назадъ тому семнадцать столѣтій одинъ изъ знаменитыхъ мужей Рима, представилъ императору Андриану описаніе береговъ Чернаго Моря, лично имъ осмотрѣнныхъ.....»

«Въ особѣ вашего сіятельства видимъ мы нынѣ другаго знаменитаго мужа, другой великой имперіи, предприемлющаго обзоръ тѣхъ же мѣстъ, по тѣмъ же чувствамъ глубокой любви къ отечеству и попеченія о благѣ общемъ.»

Въ это время Кирьяковъ издалъ свое небольшое, но весьма дѣльное и на опытѣ основанное, сочиненіе подъ заглавіемъ: *Взглядъ на львоводство и садоводство въ Херсонской Губерніи*, напечатанное въ одномъ петербургскомъ журналѣ и списавшее ему большую репутацию. Общества земледѣльческаго, статистическое отдѣленіе совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и другія

ученыя сословія избрали его членомъ и корреспондентомъ, для пріобрѣтенія свѣдѣній о хозяйствѣ Новой Россіи. По этой же части почетное мѣсто занимаетъ *Иванъ Демоль*. Его свѣдѣнія по овцеводству такъ положительны, что Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, по предложенію своего президента графа Воронцова, поручило ему составить хотя небольшое руководство для тѣхъ изъ земледѣльцевъ, которые пожелаютъ учредить заводы тонкорунныхъ овецъ. Общество обѣщало напечатать его сочиненіе на свой счетъ. Такимъ образомъ явилось сочиненіе Демоль подъ заглавіемъ: *Manuel du berger et du propriétaire des Mérinos*. Odessa, 1836, in-8, 94 стр., съ планомъ овчарни. Оно въ скоромъ времени явилось и на русскомъ языкѣ, переведенное Кирьяковымъ.

Желая познакомить читателей съ отысканными мною документами и вмѣстѣ узнать расположеніе Новороссіянъ къ ихъ мѣстной исторіи, я издалъ посредствомъ Одесскаго Вѣстника, а послѣ отдѣльною брошюрою, небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: *«Адмиралъ де-Рибасъ и основаніе Одессы»*, въ которомъ главное мѣсто занималъ важный для насъ документъ, краугольный камень быта Одессы, рескриптъ адмиралу де-Рибасу, данній Императрицею Екатериною II, въ 27 день Мая 1794 года. и повелѣвающій ему основать городъ Хаджибей, нынѣшнюю Одессу. Этотъ небольшой опытъ опередилъ нѣсколькими мѣсяцами первый томъ моего *Хронологическаго обзоръня исторіи Новороссійскаго Края*. Одесса, 1836, 288, XI стр. съ картою и рисунками. Вскорѣ явились и другія розысканія по этому предмету. Преосвященный *Гавріилъ*, архіепископъ, тогда екатеринославскій, собралъ любопытные рассказы столѣтняго Запорожца *Леонтія Каржа*, и прислалъ ихъ графу Воронцову. По его приказанію я разобралъ, объяснилъ, что можно было и подъ заглавіемъ: *Изустныя преда-*

нил о *Новороссійскомъ Краѣ*, напечаталъ ихъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. С. Сафоновъ, кромѣ перевода занимательной брошюры: *Взглядъ на выходы торговыхъ сношеній между Франціею и Англіею*. 1836, въ-12, 57 стр., отыскалъ еще въ собственномъ архивѣ графа Воронцова много драгоценныхъ историческихъ документовъ. Одинъ изъ нихъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: *Записка о томъ, сколько я памятую о крымскихъ и турецкихъ походахъ*. Одесса, 1836, въ-8, 33 стр. Въ немъ помѣщены весьма любопытныя подробности о походахъ Миниха и Леоптьева въ 1736, 1737, 1738 и 1739 годахъ, то есть, о времени, менѣе другихъ обработанномъ историками.

Между-тѣмъ радостная вѣсть достигла до Одессы и раздалась во всѣхъ концахъ Новой Россіи. Его Императорское Величество Государь Императоръ съ Своею Супругою и высокимъ своимъ преемникомъ обѣщали посѣтить южныя свои области, не издавши Ихъ Величествъ уже девять лѣтъ; а Государь Цесаревичъ посѣщалъ ихъ въ первый разъ. Много усиліевъ съ того времени сдѣлала Одесса и Новая Россія, и онѣ готовились къ приему Царя, къ выставкѣ силъ своихъ. Государь Императоръ прибылъ въ Вознесенскъ, въ Августѣ 1837 года, а въ Одессу пятого Сентября. Онъ нашелъ, что, съ 1828 по 1837 годъ, Одесса приобрѣла до 15,000, а Новая Россія до 500,000 жителей обоего пола и многочисленныя улучшения. Что Одесса городъ уже красивый и дѣятельный въ 1828 году, сдѣлался истинно европейскимъ, торговымъ и образованнымъ городомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго богатства.

Столь знаменитое для нашего края событіе какъ посѣщеніе великаго Монарха имѣло вліяніе и на одесскую литературу. По порученію одесскаго градоначаль-

ника Левшина, составлена была мною отдѣльная подробная исторія города Одессы, съ небольшою ея статистикою, подъ заглавіемъ: *Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы*. Одесса, 1837, въ-8, 296 и IV стр., съ картою, портретомъ и рисунками. С. Сафоновъ составилъ весьма любопытный рассказъ подъ заглавіемъ: *Описаніе пребыванія Императорской Фамиліи въ Крыму*, напечатанное третьяго года. Одесса, 1840, въ-8, 82 стр. Послѣ Н. Мурзакевичъ, воспользовавшись древними географами и генуэзскими книгами, выписанными графомъ Воронцовымъ изъ Италіи, посредствомъ бывшаго сардинскимъ посланникомъ въ Россію графа Симонетти, сочинилъ и напечаталъ: *Исторію генуэзскихъ поселеній въ Крыму*. Одесса, 1837, въ-8, 91. V стр., съ драгоценною картою Чернаго Моря, составленною Венецианами въ XII столѣтіи.

1837 годъ извѣстенъ у насъ появленіемъ нѣсколькихъ стихотвореній, большею частію иностранныхъ. Это 1) *Измѣлиница*, повѣсть въ стихахъ А. Ашика; (2) *Refflets, poésies, par Alphonse Chapellos*; 3) *Le pénitente-Noir*, то есть, Чернецъ, Козлова, переводъ князя Н. Голыцина; 4) *Prigione del Caucaso*, то есть, Кавказскій плѣнникъ, Пушкина, переводъ неизвѣстнаго.

Мы не упоминаемъ ни о мелкихъ появленіяхъ одесской библиографіи, ни о перепечатаніи уставовъ, италіянскихъ оперъ (libretto), ни италіянскихъ кантатъ и одъ (обыкновенно поздравительныхъ) умершаго профессора Миллера, ниже о комедіяхъ, поэмахъ (*Хаджибей*, *Графъ Томскій*, и другія): это насущный хлѣбъ типографіи безъ вліянія на литературу. Одесскій календарь сдѣлался очень занимателенъ и кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, заключаетъ уже въ себѣ статьи ученія, особенно статистическія.

Еще до прибытія въ Одессу Государя Императора, одесскій градоначальникъ А. И. Левшинъ, пригласивъ къ себѣ М. Кирьякова, Гр. Соколова, П. Морозова

ва, А. Тройницкаго, профессора Нордмана, инженеръ-маіора Гаюй и меня, предложилъ намъ свой планъ описать одесское градоначальство въ геологическомъ, естественномъ, торговомъ, историческомъ и образовательномъ отношеніи, приложить планы, таблицы, рисунки и прочее. И это описаніе назвать: «Одесса въ 1837 году.»

Всѣ мы съ удовольствіемъ взяли на себя пріятный долгъ быть его помощниками. Левшинъ раздѣлилъ работу слѣдующимъ образомъ:

1) Исторію города Одессы, древнюю и новую поручилъ П. Т. Морозову и мнѣ.

2) Геологическое и естественное описаніе Одессы взяли на себя: маіоръ Гаюй, профессоръ ботаники Нордманъ и Кирьяковъ.

3) Очерки общественной и частной жизни Одессы, публичныя увеселенія, музыка и прочее поручались господину Соколову.

4) Свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола, успѣхахъ типографскихъ, и прочее, взялъ на себя А. Тройницкій.

5) Свѣдѣнія о торговлѣ и торговомъ народонаселеніи Одессы, поручено мнѣ.

6) Все остальное, то есть, всѣ статистическія выводы, кромѣ упомянутыхъ, Левшинъ оставлялъ себѣ.

Столь прекрасная мысль, до-сихъ-поръ еще не осуществилась, хотя всѣ рисунки сдѣланы, хотя части историческая, статистическая и геологическая давно составлены. Отъѣздъ Левшина изъ Одессы не далъ ему возможности исполнить лично столь дорогаго для него предпріятія, и дай Богъ чтобъ «Одесса въ 1837 году» поспѣла къ 1847 году.

Но среди блистательныхъ своихъ успѣховъ Одесса подверглась великому бѣдствію, карантинному оцѣпленію, по случаю нѣсколькихъ слѣдовъ чумы, внесенной въ городъ, быстро прекращенной, но затемнившей на

время его праздничной горизонтъ. Не здѣсь мѣсто разсказывать о причинахъ ея появленія, ни о тѣхъ подвигахъ самоотверженія, безкорыстія, которыми въ эту эпоху отличались всѣ, отъ царскаго намѣстника до часоваго на карантинной цѣпи, — ни даже о томъ порядкѣ, тишинѣ, повиновеніи, которымъ прославило себя народонаселеніе Одессы. Мы только намекнули объ этомъ событіи, чтобы назвать два полезныя сочиненія, которымъ оно дало начало. 1) С. Сафонова подъ заглавіемъ: *Описаніе чумы постигшей Одессу въ 1837 году*. Одесса, 1838, въ-8, 134 стр., съ планомъ карантина; и 2) доктора Э. Андреевскаго подъ заглавіемъ: *О чумѣ постигшей Одессу въ 1837 году, историческій взглядъ на ходъ заразы, и медицинскія надъ нею наблюденія*. Одесса, 1838, въ-8, 132 стр., съ таблицами, картою и рисунками. Оба сочиненія составляютъ рядъ официальныхъ данныхъ о нашемъ на пасть бичѣ Господнемъ и той энергіи, съ какою среди суровой зимы и прерванныхъ сообщеній, городъ отстаивалъ свое благосостояніе. О медицинскомъ достоинствѣ книги господина Андреевскаго, судить не можемъ, предоставляя это опытнымъ и ученымъ врачамъ нашимъ.

Съ начала 1838 года горизонтъ проясняется. Чума, а съ нею оцѣпленіе и отчужденіе города, исчезли какъ мрачное привидѣніе, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Между-тѣмъ торговля была блистательная, слѣдственно карманы полны денегъ, довольство въ городѣ, даже въ бѣдныхъ классахъ народа, живущихъ по-денною работою. Въ отношеніи умственной дѣятельности и образованія, Одесса получила сильнаго, усерднаго и добраго сердцемъ поборника, въ лицѣ новаго попечителя здѣшняго учебнаго округа, тайнаго совѣтника *Д. М. Кляжевича*. Не говоря здѣсь о ближайшемъ кругѣ его дѣйствія по учебной части, преобразованіи своихъ училищъ, дачѣ юношеству прекраснаго направленія и жажды къ ученію, мы должны еще сказать

въ немъ одного изъ главныхъ распространителей русскаго слова. Можно сказать, что графу Воронцову недоставало только *Д. М. Княжевима*, чтобы Одессу сдѣлать русскою и въ литературномъ отношеніи.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, одинъ изъ членовъ бывшей Императорской Россійской Академіи, и среднотрудной государственной службы, въ которой онъ занималъ почетное мѣсто, всегда былъ страстнымъ любителемъ отечественной словесности; онъ самъ пишетъ едва ли не лучше многихъ русскихъ прозаиковъ. Съ нимъ вмѣстѣ переселилась цѣлая колонія молодыхъ профессоровъ и литераторовъ: ориенталистъ *Григорьевъ*; по части философіи: *Михлевичъ*; *М. Соловьевъ* и *Линовскій* юристы; поэтъ *Деларю*, и, какъ гость, извѣстный уже въ русской литературѣ, *Н. И. Надеждинъ*. Изъ одесскихъ присоединился къ нимъ бывший ученикъ Розберга, *К. Зеленецкій*, посвятившій себя усердно русскому слову и на этомъ поприщѣ подающій уже большія надежды. Первые опыты этого послѣдняго по части философіи русскаго языка и высшей литературы были напечатаны въ Москвѣ, это 1) *Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ*, — о географіи, исторіи и физикѣ, — въ 4-хъ книгахъ, въ-8, Москва, 1835 — 1836.; 2) *Изслѣдованіе значенія, построенія и развитія слова человеческого и приложенія сего изслѣдованія къ языку русскому*, Москва, 8°, 1837. Объ нихъ еще сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Желая видимымъ образомъ, дѣйствовать на образованіе и распространеніе русскаго языка, между жителями Одессы и Новой Россіи, *Д. М. Княжевичъ* принялъ на себя главную редакцію одесскаго календаря, переданнаго графомъ Воронцовымъ въ собственность лично, и доходъ отъ изданія предоставилъ въ пользу бѣднаго учащагося юношества. Явнымъ доказательствомъ улучшенія календаря было то, что болѣе 800

экземпляровъ продано въ 1839 году и до 1000 въ 1840 году, и что въ немъ уже не нужно было дѣлать французскихъ переводовъ всякой статьи какъ это было прежде. Въ теченіи двухъ лѣтъ, по порученію Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, онъ занимался изданіемъ *Листковъ* этого общества; въ слѣдствіе его участія, въ *Листкахъ* произошла значительная перемена къ лучшему. Наконецъ рѣшился онъ сдѣлать второй опытъ альманаха, который имѣлъ удивительный успѣхъ; (*Одесскій Альманахъ на 1839 годъ*, 16°, 618 страницъ, съ прекрасными картинками). Все изданіе (1000 экземпляровъ) было разкуплено въ теченіи года и теперь нельзя достать этой книги. Всѣ русскіе журналы отозвались объ альманахѣ съ отличною похвалою, только Одесскому Вѣстнику, то есть, *фельетону* онъ не понравился; впрочемъ его запальчивость возбудила всеобщее негодованіе. Кромѣ разныхъ русскихъ литературныхъ знаменитостей, участвовали въ немъ: *Стурдза*, *Надеждинъ*, *В. Княжевичъ*, *Григорьевъ*, *Иванъ Андреевскій*, *Зеленецкій*, псевдонимъ *Рахмановъ*, и другіе въ прозѣ; а *Подольскій*, *Деларю*, *Дымчевичъ*, и другіе, въ стихахъ.

Въ 1838 году вышли въ свѣтъ: 1) *Записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ Монастырѣ*, Одесса, 1838, въ-8°, 64 страницы, съ рисунками, сочиненіе преосвященнаго *Гавріила*, архіепископа херсонскаго. Этотъ монастырь основанный Запорожцами въ 1730 годахъ, есть единственный видимый памятникъ ихъ пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ. 2) Небольшія сочиненія Зеленецкаго, занявшаго кафедру русской словесности въ Ришельевскомъ Лицѣѣ, подъ заглавіемъ: *Введеніе въ словесность*, которымъ онъ открылъ свои лекціи; оно было помѣщено въ Журналѣ Народнаго Просвѣщенія; и *Объ изящномъ въ древнемъ и новомъ мѣрѣ*, Одесса, 1838, въ-4°, 18 страницъ. Обѣ принадлежать къ высшимъ сферамъ литературы и говорятъ языкомъ уче-

наго міра, еще такъ мало обработанномъ въ нашей словесности. 3) Вторая часть моего *Хронологическаго обзорнія исторіи Новороссійскаго Края*, Одесса, 1838, въ—8, 349 и IV стр. съ картою, рисунками и медалями, доведенное до 1823 года, то есть, прибытія въ Одессу графа Воронцова.

Въ концѣ 1838 года оканчивалось первое десятилѣтіе существованія Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, (вскорѣ украшеннаго именемъ Императорскаго). Это событіе общество празновало въ день своего рожденія, то есть, двадцатаго Декабря публичнымъ засѣданіемъ, въ которомъ, кромѣ краснорѣчиваго привѣтствія сказаннаго вице-президентомъ *А. С. Стурдзою*, былъ прочитанъ отчетъ общества о его дѣйствіи съ 1828 по 1838 годъ; съ удовольствіемъ узнала вся Россія, изъ этого отчета, сколько усердныхъ трудовъ, полезныхъ предначертаній и помысловъ было совершенно обществомъ для улучшенія сельской промышленности Новороссійскаго Края, источника его богатства и благоденствія. Если не все шло съ успѣхомъ, если не все принесло плоды, то такова уже судьба всѣхъ дѣлъ человеческихъ. Не можемъ не замѣтить здѣсь что въ краѣ, въ которомъ въ 1823 году не было 500,000 штукъ тонкорунныхъ овецъ, въ 1837 считалось уже 2,050,000 головъ лучшихъ породъ мериносовъ, что въ то же время, то есть, въ четырнадцать лѣтъ до 30,000,000 виноградныхъ лозъ посажено, и 420 садовъ заведено въ одномъ городѣ Одессѣ, не упоминая уже объ огромныхъ лѣсныхъ плантаціяхъ, основанныхъ казною. Сколько тутъ вопросовъ хозяйственныхъ рѣшено и сколько людей постигнуто эту истину, что такіе результаты могутъ выходить только въ одной Россіи. Но возвратимся къ нашему предмету.

Въ это время, давній проектъ Левшина о постоянныхъ занятіяхъ исторіею здѣшняго края, и учрежде-

нія съ тою цѣлью особаго ученаго общества, приведено было въ исполненіе. Незабвенный *Кирьяковъ, Д. М. Княжевичъ, Стурдза, А. Я. Фабръ, и Мурзакевичъ*, были его основателями. Они составили проектъ устава и по утвержденіи онаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, приступили къ его открытію. Уже больной, Кирьяковъ дождался однако жъ открытія общества, но при этомъ столь сладкомъ для него торжествѣ, — бывшемъ двадцать-третьяго Апрѣля 1839, — онъ не могъ присутствовать. По этому случаю сказанныя рѣчи *Д. М. Княжевича*, и *А. С. Стурдзы*, излагавшія цѣль учрежденія и будущіе труды общества, были приняты съ величайшимъ участіемъ. Это одиѣ изъ лучшихъ страницъ одесской бібліографіи. Общество, кромѣ членовъ основателей, пригласило въ дѣйствительные члены между прочимъ: виновника многому полезному въ Одессѣ, *А. И. Левшина*, архієпископа *Гавріила*, архимандрита *Порфирія*, ориенталиста дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Негри. С. Сафонова*, *А. Спаду*, *Григорьева*, *А. О. Панайдора Нивокула*, *Н. И. Надеждина*, *Гр. Соколова*, *Д. В. Карейшу*, занимающагося разрытіемъ древнихъ кургановъ въ Керчи, *В. М. Княжевича*, *Кумани*, и другихъ также ученыхъ къ Новой Россіи непринадлежащихъ: *Френиа*, *Кеппена*, *Погодина*, *Фрейтага*, *Максимовича*, *Каченовскаго*. Графъ Воронцовъ единогласно провозглашенъ почетныхъ президентомъ общества. Должность президента по большинству голосовъ вручена *Д. М. Княжевичу*, вице-президента *А. С. Стурдзѣ*.

Такъ основалось общество любителей исторіи и вскорѣ удостоилось Монаршихъ милостей. По ходатайству графа *М. С. Воронцова*, Государь Императоръ пожаловалъ обществу ежегодно по 5000 руб., а Его Высочество Цесаревичъ Наслѣдникъ принялъ на себя званіе покровителя общества. Едва теперь прошло три года

его бытія уже многія прекрасныя страницы сочинены, а еще болѣе готовится въ будущемъ.

Здѣсь мѣсто сказать о новомъ учрежденіи, которымъ обогатилась Одесса въ 1839 году. По распоряженію дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Я. Фабра, о которомъ сказано было выше, находящійся при графѣ Воронцовѣ, горный чиновникъ *Кульшинъ*, употребилъ свои практическія познанія на пользу нашего края. По его проекту господинъ Кульшинъ обѣзжалъ съ геогностическою цѣлью все безъ исключенія части новороссійскихъ губерній и Бессарабіи, и собиралъ всевозможныя породы минераловъ, какія составляютъ почву этого края. Равнымъ образомъ сдѣланы были имъ минералогическія розысканія въ горахъ Крыма, въ уѣздахъ гдѣ существуютъ копи каменнаго угля, на рѣкахъ и рѣчкахъ нашихъ, и плодомъ этого предпріятія было довольно полное собраніе *минералогическаго музея*, единственное въ своемъ родѣ, и снискавшее одобреніе весьма многихъ ученыхъ. Къ этому собранію присоединено другое, менѣе богатое, но гораздо важнѣе и очень рѣдкое въ Европѣ, — это *Дендрологическій Кабинетъ*, то есть, собраніе образцовъ, всехъ растущихъ въ Новой Россіи и Бессарабіи деревьевъ, въ дикомъ и нѣжно отдѣланномъ видѣ. По желанію основателя, оба кабинета подъ названіемъ: *Музея естественныхъ произведеній Новой Россіи*, подарены городу Одессѣ и Новой Россіи, подъ надзоромъ особой дирекціи, которой главой самъ графъ М. С. Воронцовъ, а президентомъ одесскій военный губернаторъ. Этотъ музей есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній нашего города.

Мы упомянули уже о прибытіи въ Одессу въ числѣ профессоровъ господина *Михневича*. Онъ былъ прежде профессоромъ въ кievской духовной академіи и переселился въ Одессу по вызову Д. М. Княжевича. Мы должны отъ души поздравить Ришельевскій Лицей съ та-

кимъ приобрѣтеніемъ. Его рѣчь, читанная въ собраніи, бывшемъ 20 Іюня 1839 года, *Объ успѣхахъ греческихъ философовъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи*, написанная прекраснымъ слогомъ, и, — не смотря на трудность и глубину философическихъ вопросовъ, — понятнымъ для всехъ и всякаго; была самымъ пріятнымъ для насъ феноменомъ. Его лекціи будутъ имѣть удивительное вліяніе на высшее образованіе юношества, а его сочиненія, мы надѣемся, яркимъ свѣтомъ освѣтятъ намъ, не посвященнымъ, путь въ храмъ науки. По нашему мнѣнію его вступительная лекція, одна (которую намъ удалось читать) *О достоинствѣ философіи, ея дѣйствительномъ бытіи, содержаніи и частяхъ*, — есть образецъ ясности и простоты въ изложеніи.

По части наукъ математическихъ Одесса имѣетъ трехъ профессоровъ весьма дѣятельныхъ: *Левтеропуло* ученика Курляндцова, господинъ *Бруна*, и *Петровскаго*. Первый издалъ своего *Курса чистой математики*, часть 1, заключающую въ себѣ *арифметику*. Одесса, 1839, въ—8, 108 стр. Другой, *Собраніе задачъ и предложеній относящихся къ лиціямъ второй степени*. Третій, профессоръ *Петровскій Ueber die Bestimmten Integrale, etc.* Объ ихъ достоинствахъ не будучи математикомъ, не имѣемъ возможности дать своего мнѣнія.

Въ 1839 году издалъ я первый опытъ сравнительной статистики нашего края, такой какую мы воображали себѣ вмѣстѣ съ *Кирияковымъ* еще въ 1834 году. Это историческо-статистическій *опытъ о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы*. Одесса, 1839, 88 стр. въ—8. Мы имѣли удовольствіе видѣть, что книга эта, основанная вполнѣ на мѣстныхъ и положительныхъ фактахъ, заслужила одобреніе ученыхъ: она почти вполнѣ была перепечатана въ журналахъ: министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

Въ то же время проектъ мой объ основаніи въ Одессѣ *историческаго архива*, по примѣру существующихъ за границею, по ходатайству графа М. С. Воронцова, удостоился Высочайшаго соизволенія. Сдѣланная мною архивографическая поѣздка доставила мнѣ богатый запасъ документовъ, превзошедшій всѣ мои ожиданія. Главнымъ плодомъ изысканій моихъ было открытіе остатковъ *съчеваго запорожскаго архива*, котораго документы объемлютъ почти всю исторію *запорожскаго военнаго общества* и всей Украины. Нѣсколько отрывковъ изъ розысканій моихъ по сему предмету, было помѣщено въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1840 года № 4 и 5). Это были частицы не большаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго*, которое, въ нынѣшнемъ году, явилось въ свѣтъ и теперь уже подлежитъ суду читателей. Одесса, въ—8, 1841, 437 и VIII стр., съ картиною.

Въ 1840 году Общество Исторіи и Древностей начало уже постоянныя свои дѣйствія. Довольно исчислить главнѣйшія его предпріятія, чтобы постигнуть всю пользу этого учрежденія. 1) Предположено сдѣлать сводъ лѣтописей, въ особенности тѣхъ мѣстъ въ которыхъ говорится о нашемъ краѣ; 2) собрать восточныя рукописи и медали, для объясненія исторіи Крыма; 3) разрытіе кургановъ и древнихъ пещелищъ, на чтѣ дано и Высочайшее соизволеніе; 4) члену Н. И. Надеждину, по его проекту, дано пособіе изъ суммъ общества для совершенія вояжа въ славянскія за-дунайскія области; 5) по предложенію вице-президента А. С. Стурдзы, начались переводы древнихъ перипловъ и географовъ, особенно тѣхъ въ коихъ упоминается о здѣшнихъ мѣстахъ; 6) по проекту Д. М. Княжевича составленъ комитетъ для собранія точныхъ статистическихъ данныхъ и созданія въ будущемъ настоящей исторіи. 7) пред-

принято и исполнено обозрѣніе Острова Фидониссы на Черномъ Морѣ, и собраны на немъ возможныя остатки древностей, вѣроятно отъ храма Ахиллесова, и наконецъ 8) будутъ издаваться *Записки о трудахъ общества*.

Нѣкоторые члены уже принесли обществу свои страницы. Впереди всѣхъ идетъ краснорѣчивая и патристическая рѣчь Д. М. Княжевича подъ простымъ заглавіемъ: *О способахъ къ достиженію цѣли, предположенной уставомъ одесскаго общества исторіи и древностей*. Не входимъ въ разборъ этаго прекраснаго сочиненія, но приведемъ его мнѣніе о цѣли общества: «Общество наше, говоритъ онъ, имѣетъ двоякій предметъ занятій: съ одной стороны розысканіе по возможности древней исторіи южной Россіи, и преимущественно Новороссійскаго Края, посредствомъ археологическихъ изслѣдованій; съ другой, приготовленіе запасовъ для будущей исторіи края собраніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи въ отношеніи къ географіи и статистикѣ.» Другая равно занимательная статья, подъ заглавіемъ: *О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго Края преимущественно въ отношеніи къ исторіи и древностямъ русскимъ*, сочинена и прочитана была Н. И. Надеждинымъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Господинъ Григорьевъ, молодой ориенталистъ дѣятельно занимается исторіею и археологіею Востока и плодомъ трудовъ его было *описаніе куфическихъ монетъ*, найденныхъ въ Рязанской Губерніи и принадлежащихъ обществу. Лучшимъ ручательствомъ за прекрасное исполненіе его предпріятія есть похвала патриарха восточныхъ археологовъ, Френа, принявшаго въ этомъ трудѣ живѣйшее участіе. Для насъ важно то, что въ числѣ этихъ монетъ находятся болгарскія, принадлежащія къ первымъ временамъ ихъ существованія. Господинъ Григорьевъ напечаталъ это сочиненіе въ Петер-

бургъ ¹ подъ заглавіемъ: *Описание кубическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской Губерніи въ 1839 году.* (С. П. Б. 1841, 4°, 52 стр.) Общество изъявило желаніе взять всѣ издержки на себя. Господинъ Борзенко, по возвращеніи изъ Константинополя, занявшій должность переводчика при новороссійскомъ генераль-губернаторѣ, занимается постоянно изученіемъ восточныхъ памятниковъ оставшихся въ Новой Россіи. Съ тою цѣлю онъ во время пребывания своего въ Крыму; списалъ всѣ надписи, находившіяся въ *бахчи-сарайскомъ дворцѣ*, на стѣнахъ, фонтанахъ, мечетяхъ и гробницахъ ханскихъ, и вмѣстѣ съ своимъ переводомъ представилъ ихъ обществу. Кромѣ того онъ сдѣлалъ facsimile съ ярлыка хана золотой орды Насиръ-единъ-Тохтамыша, писаннаго въ $\frac{738}{1382}$ году. Теперь онъ занимается составленіемъ родословнаго дерева рода Гирсевъ и сколько мы видѣли, трудъ этотъ идетъ успѣшно. Общество избрало его въ свои корреспонденты. Членъ основатель А. Я. Фабръ, переводчикъ Арріана, указалъ обществу на два новые предмета археологическихъ изысканій, именно: остатки предмета греческихъ укрѣпленій въ Крыму, и на такъ называемыя *бабы*, то есть, изваянія циклопическія, находимыя нами въ степи. О первомъ сказалъ онъ свое мнѣніе въ статьѣ подъ заглавіемъ: *О цѣли древнихъ укрѣпленій въ Крыму* ¹, читанной въ 1839 году, о второмъ сообщилъ столь ясныя и новыя свѣдѣнія и гипотезы, что всѣ съ удовольствіемъ слушали его статью: *Объ остаткахъ древняго вал-*

¹ Другія сочиненія господина Григорьева суть: *Исторія Монголовъ*, переводъ съ персидскаго. (С. П. Б. 1834, 138 стр. 8°). *Обзоръ политической исторіи Хозаровъ.* (1833. С. П. Б. 8°). *О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ.* (1833. С. П. Б.) и другія.

¹ Она можетъ служить дополненіемъ къ превосходному сочиненію Кеппена подъ заглавіемъ *Крымскій сборникъ*.

нѣ въ степи, оживившую нашу степь цѣлымъ сонмомъ нимфъ и божницъ. Членъ общества, господинъ Сафоновъ, составилъ *древнюю и новую исторію города Балаклавы*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ древней Тавриды. Н. Мурзакевичъ, по порученію графа Воронцова, изготовилъ описаніе собранія монетъ одесскаго городского музея, изданнаго на счетъ общества подъ заглавіемъ: *Descriptio musei publici Odessanei*, Pars 1, (Одесса, 1841 года, 4°, 90 страницъ, съ двумя таблицами). Д. Ч. Негри сдѣлалъ выписку изъ двухъ крымскихъ татарскихъ хроникъ и въ русскомъ переводѣ представилъ ихъ обществу. Въ числѣ другихъ и я представилъ мою лепту въ небольшой статейкѣ подъ заглавіемъ: *Очаковская область въ 1790 и въ 1840 годахъ*, изъ современныхъ документовъ.

Къ числу трудящихся на поприщѣ историческомъ, мы должны еще сказать о господинѣ *Базиліусѣ Штернѣ*, директорѣ здѣшняго еврейскаго училища, который по глубокому своему знанію еврейскаго древняго и халдейскаго языка, равно и всѣхъ почти критическихъ сочиненій пѣмецкихъ философовъ и археологовъ, усердно занимался исторіею Евреевъ. Онъ полагаетъ, что *Хозары* суть Евреи, что даже Крымскіе Караймы суть остатки этого народа, только другой секты вѣрованія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія трудовъ его ¹.

Другое замѣчательное явленіе въ умственномъ или нравственномъ мірѣ Одессы, есть патріотическое стрем-

¹ Нѣтъ сомнѣнія, что въ составъ козарской или хазарской державы входили частію и Евреи; но только частію. Масса народонаселенія была не жидовская, а русская: именно, Козаре были никто иное, какъ наши древніе Козаки, что весьма удачно объясняютъ Н. В. Савельевъ и Ф. А. Морозкинъ.

леніе Болгаръ, живущихъ въ Одессѣ, къ просвѣщенію своихъ задунайскихъ братьевъ и пробужденію ихъ народнаго духа, ихъ славянизма. Ученый критикъ *Юрій Венелинъ*, своимъ путешествіемъ въ Болгарію и своимъ: *зародышемъ болгарскаго образованія*, зажегъ въ нихъ пламя неугасающее, — жажду къ изученію своего языка. Просвѣщенные и благотворительные одесскіе Болгаре, господа *Априловъ*, *Палаузовъ*, *Стефанъ Мироновъ*, *Тошковъ*, съ другими своими братьями, основали многія училища за Дунаемъ, воспитываютъ на свой счетъ юношество въ нашихъ училищахъ духовныхъ и свѣтскихъ, покупаютъ книги, печатаютъ славянскими буквами Библию болгарскую, однимъ словомъ, стараются быть свѣтильниками своей родины. Это стремленіе къ славянизму подало поводъ къ интересной полемикѣ за народность въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Господинъ *Тироль*, Сербъ, наставникъ молодаго сербскаго князя Милоша Ефремовича Обреновича въ Одессѣ, написалъ статейку о языкѣ и буквахъ сербскихъ подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о томъ пишутъ ли Сербы буквами своего изобрѣтенія?* въ которой между прочимъ сказалъ, что святыя Меоодіи и Кириллы были Сербы и перевели священное писаніе на сербскій языкъ. На это прекрасною статьею подъ заглавіемъ: *Болгарскіе книжники*, отвѣчалъ *В. Априловъ*, и въ ней очень ясно и исторически доказалъ, что Греки, окрестившіе кіевского князя и Русь, не могли съ ними говорить по-гречески, а избрали посредниками къ тому Болгаръ и отъ того священныя книги переложены были на древній болгарскій языкъ¹. Но въ порывѣ націонализма Априловъ задѣлъ Ново-Грековъ, рассказалъ ихъ нелюбовь къ Болгарамъ, отчужденіе

¹ Статья эта переведенная господиномъ Априловымъ, на болгарскій употребительный языкъ, напечатана въ Одессѣ подъ заглавіемъ: *Болгарски тип книжници или на ково словенско племе собственно принадлежи Кириловска та азбука?*

отъ славянизма (такъ, что даже въ Аѳинахъ, обязанныхъ бытомъ своимъ Россіи, доселѣ не учатъ русскому языку, даже въ университетѣ), и тѣмъ воздвигъ на себя гнѣвъ А. С. Стурдзы, жаркаго защитника новой Эллады. Въ своей пламенной защитѣ Ново-Грековъ, господинъ *Стурдза* желалъ доказать, что переводчики священныя книги были не Болгаре и не Сербы. Однако жъ, не смотря на обычное краснорѣчіе автора, это еще вовсе не доказано. По этому предмету вышло еще четвертое сужденіе профессора *Линовскаго*, который держится середины. Впрочемъ, мы сами и, конечно, большинство читателей, остаемся при болгарствѣ *Кирилла* и *Меоодія*, извѣстныхъ и донынѣ подъ именемъ болгарскихъ книжниковъ.

Говоря о трудахъ ученыхъ людей на пользу просвѣщенія и образованности здѣшняго края, мы не можемъ не упомянуть, хотя вкратцѣ, о нашихъ проповѣдникахъ, достоинство которыхъ вполнѣ оцѣнено всѣми, кто ихъ слышалъ. Первый былъ протоіерей *Несторъ Свистенко*, издавшій въ 1830 и 1834 годахъ, нѣкоторыя изъ словъ, говоренныхъ въ торжественные и праздничные дни. За нимъ слѣдуетъ архимандритъ *Порфирій*, бывшій ректоръ херсонской семинаріи, который, такъ же какъ и магистръ богословія профессоръ *Павловскій* были законоучителями лиція и проповѣдниками въ его церкви. Ихъ краснорѣчивыя поученія остались въ сердцахъ и памяти всѣхъ насъ, но мало извѣстны ученому свѣту: по скромности, проповѣдники не издали своихъ сочиненій. То же сказать можемъ о протоіерей *Николаѣ Соколовѣ*, профессорѣ греческой словесности въ семинаріи и духовникѣ института благородныхъ дѣвицъ. Его проповѣди, всегда сочиненныя для юнаго міра, въ которомъ онъ наставникомъ духовнымъ, суть верхъ наивнаго, кроткаго и самаго утѣшительнаго поученія.

Для окончанія уже и такъ обширной статьи нашей,

должно сказать еще слово о нѣкоторыхъ другихъ появленіяхъ литературныхъ, и мы нарочно упоми-
наемъ объ нихъ послѣ всего, чтобы чѣмъ-нибудь хо-
рошимъ окончить нашу библиографическую легенду. Это,
во-первыхъ, *Одесскій Альманахъ на 1840 годъ* (въ-16,
708 страницъ, съ прекрасными рисунками). Я думаю,
онъ слишкомъ извѣстенъ русскимъ читателямъ, и по-
тому считаю излишнимъ говорить объ немъ ¹. 2. *О*
переворотахъ или измѣненіяхъ на поверхности зем-
наго шара, сочиненіе барона Кювье, этого Колумба до-
потопнаго міра, прекрасный переводъ *Т. Дымчевича*.
Одесса, 1840, 8°, 225 и XII страницъ; 3. *Ирискіи ка-*
менная угля, почвагорода Одессы и его окрестностей,
и другія геологическія и минералогическія сочиненія
Навла Кульмина, который съ большею пользою зани-
мается розысками въ нашемъ краѣ; 4. *Письмъ о полку*
Иоря, сына Святославова внука Олегова, переложеніе
Михаила Де-Ларю. Одесса, въ-8, 1839, 78 страницъ съ
текстомъ прекраснѣйшій подарокъ нашей словесности. 5.
А. С. Стурдзы: *Письма о должностяхъ священнаго сана*.
Одесса, 1840—1841 года, два тома, сочиненіе достой-
ное своего автора. 6. *Система и содержаніе фило-*
софскаго языкоученія, съ приложеніемъ къ языку рус-
скому. Санктпетербургъ, 1841, въ-8, 56 стран. *К.*
Зеленецкаго, любопытный опытъ обработки этого еще
столь мало обработаннаго предмета, и наконецъ 7.
Разсужденіе о значеніи законовъ. Санктпетербургъ, 1840,
въ-8, 73 стран., и рѣчь *О развитіи русской жизни*
въ отношеніи къ законодательству. Одесса, въ-8,

¹ Лучшія прозаическія по нашему мнѣнію статьи суть: *Ишель*
и *Гастейнъ К.....а. Вл. Княжевскаго*. Развалины Мангупа, *И. С.*
Андреевскаго. Прогулка по Бессарабіи, *Надеждина* и «Литера-
турная лѣтопись Одессы, неизвѣстнаго. Въ этой послѣдней статьѣ,
особенно рекомендуемъ читателямъ сужденіе о Пушкинѣ, напи-
санное отчетливо, съ хорошою критикою.

39 стран., молодаго профессора Рипельевского *Лицея*
Михаила Соловьева. Рѣчь исполнена жаркаго патріотизма,
новыхъ прекрасныхъ мыслей, оригинальныхъ
взглядомъ, и написана свѣжимъ, живымъ русскимъ сло-
гомъ. Она была произнесена въ публичномъ собраніи
лицея двадцать-втораго Июля 1841 года. Впечатлѣніе
было неизмѣримое; чувство славянства, чувство любви
къ отечеству, заговорило во всѣхъ сердцахъ; неболь-
шое твореніе господина Соловьева было во всѣхъ го-
стинныхъ, во всѣхъ собраніяхъ, во всѣхъ рукахъ. Все
славянское пародонаселеніе Одессы, Русскіе, Сербы,
Чехи, Болгаре, были въ восторгѣ.

Теперь, кажется, мы смѣло можемъ бросить взглядъ
назадъ. Сравнимъ произведенія трехъ послѣднихъ го-
довъ, а особенно послѣднія изъ нихъ, съ слабыми на-
чатками 1828 и 1829-годовъ, и мы поймемъ всю вели-
кость успѣховъ сдѣланныхъ Одессою въ области нау-
ки, отечественной исторіи и словесности. Я думаю, те-
перь уже никто не усумнится въ услугахъ, оказан-
ныхъ Одессою на этомъ великомъ поприщѣ. Да и мог-
ло ли быть иначе, когда подъ благотворнымъ, могу-
чимъ покровительствомъ Великаго Монарха, знамени-
тый начальникъ новой Россіи, изъяснялся слѣдующи-
ми словами: «Новая Россія идетъ шагами, недостиж-
мыми для старой Европы,»—когда онъ такъ жарко лю-
битъ свой край и свою Одессу, что прощаясь съ ними
на празднествѣ данномъ его сіятельству городомъ,
9 Августа 1838 года, могъ говорить: «Во всякомъ слу-
чѣѣ, въ покоѣ и на службѣ, вблизи или вдали, чувства
«мой всегда пребудутъ съ вами. Я молю Всевышняго,
«чтобъ въ отсутствіи я слышалъ объ васъ все хоро-
«шее, все счастливое, а при возвращеніи могъ найти
«васъ здоровыми, а дѣла города и края во всемъ у-
«спѣшными.»

Подобно графу Воронцову, пожелаемъ и мы нашему городу постоянныхъ успѣховъ, счастливыхъ дней, и, слѣдственно, надежныхъ покровителей и защитниковъ.

5 Октября 1841. Одесса.

Шкальковскій.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Кривука.

—

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. Въ Университетской типографіи, 1842. Часть I. Стр. 475, 65-8. *Шка*

Господинъ Гоголь неоспоримо принадлежитъ къ числу первоклассныхъ русскихъ литераторовъ. Онъ одаренъ въ высокой степени комическимъ талантомъ, наблюдательностію и умѣньемъ подмѣчать и списывать смѣшныя черты оригиналовъ, которыхъ много существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Въ особенности отличается онъ картинами малороссійскаго міра, къ которому и самъ принадлежитъ по своему происхожденію. Нельзя однако жъ не пожалѣть, нельзя не досадовать, что нѣкоторые критики, черезъ-чуръ строгіе и явно несправедливые почти ко всѣмъ прежнимъ и нынѣшнимъ рус-

скимъ писателямъ, безусловно восхищаются всѣмъ, что ни напишетъ Гоголь, приходятъ въ восторгъ отъ каждой его строчки, безотчетно кричатъ объ его заслугахъ и ставятъ его на такую высоту, на которой самая здоровая голова закружится. Восторгъ этихъ критиковъ, постепенно воспламеняясь, обратился въ какую-то монотонию, дошелъ наконецъ до вопиющей и смѣшной нелѣпости. Мало того, что эти критики, — упрекая непрерывно всѣхъ живыхъ русскихъ писателей не своего прихода и отказывая въ заслугахъ писателямъ уже умершимъ, какъ-то Державину, Карамзину, Марлинскому, и многимъ другимъ, — провозгласили господина Гоголя громаднымъ талантомъ, гениемъ, первымъ русскимъ прозаикомъ, первымъ поэтомъ, со времени котораго началась новая эпоха словесности; они наконецъ готовы были пожаловать его въ чинъ литературнаго генерал-лессимуса; но такъ какъ этого чина не существуетъ, то эти критики, по принадлежащей имъ власти, произвели господина Гоголя за *Тараса-Бульбу*, впредь до усмотрѣнія, въ Гомеры! Скажите, пожалуйста, что это такое? Шутка или насмѣшка? Правда, что между Гомеромъ и Гоголемъ есть сходство: обѣ эти фамилии начинаются, какъ видите, съ *Го*; но сходство только тѣмъ и ограничивается. Еще подмѣчена одна непонятная странность, а именно: всѣ послѣдователи покойнаго, туманной памяти, нѣмецкаго философа Гегеля, — который всю жизнь проповѣдывалъ премудрость и самъ объявилъ, умирая, что его никто изъ смертныхъ не поймать, — всѣ Гегелисты непремѣнно и Гоголисты. Отчего это? Задача очень мудреная! Между Гегелемъ и Гоголемъ ровно ничего общаго нѣтъ. Кажется, во всей этой путаницѣ виновата буква *Г*. Въ самомъ дѣлѣ — Гоголь, Гегель, Гомеръ. Есть что-то сходное. Долго ли сбится! А если ужъ кто-нибудь имѣлъ несчастье на чемъ бы то ни было *сбиться съ палталыку*, какъ говорятъ земляки господина Гоголя, то ужъ такого че-

ловка не переспоришь. Мономанія, какъ извѣстно, бываютъ чрезвычайно странны и разнообразны.

Мы и не намѣрены спорить съ Гегелистами, Гоголистами и проч. Пускай ихъ потѣшаютъ себя, упражняясь въ гиперболическихъ, восторженныхъ похвалахъ и панегирикахъ. Упражненіе это было бы довольно невинно, если бы такіа похвалы писались по одному искреннему чувству и убѣжденію, а не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы литераторовъ *своего прихода* возвысить до небесъ, и потому всѣхъ прочихъ низвергнуть въ присподнюю. Но и безъ этого, всѣ подобныя, доведенныя до нелѣпости, похвалы, могутъ быть сами по себѣ вредны, убавлявая дарованія писателей, поселяя въ нихъ излишнюю самонадѣянность и гордость, и тѣмъ самымъ сбивая съ пути истинные таланты. И кто же сами эти критики,

Которые всемощны, какъ Зевесъ.

Свергаютъ смертныхъ въ адъ, возносятъ до небесъ!

Кто, скажите, эти критики? Вѣроятно, они люди съ умомъ и знаніями громадными, со вкусомъ твердымъ и чистымъ, какъ алмазъ? Вѣроятно, они пожалованы къ-мъ—нибудь въ критическіе генерал-лессимусы? Нѣтъ, никто еще ихъ не жаловалъ этимъ чиномъ. Они, покуда, еще ничѣмъ не доказали сами ни своего громаднаго ума, ни своего алмазнаго вкуса, а упражнялись только въ звонкихъ похвалахъ и громоподобныхъ порицаніяхъ, написанныхъ болѣею частью надутымъ, неправильнымъ, ученическимъ слогомъ.

Но вотъ еще что всего забавнѣе. Эти критики, для приданія себѣ вѣса и кредита, вздумали увѣрять всѣхъ то прямо, то намеками, что они проникнуты отъ головы до пятокъ аристократическимъ духомъ; что они проводятъ дни и чуть-чуть не ночуютъ въ лучшихъ гостиныхъ; что они люди самаго лучшаго тона; что они

— сливки человечества, самые образованные и просвѣщенные Европейцы,

Съ которыми теперь и графы и князья,
Друзья;

Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли съѣсть въ прихожей,
Играють запросто въ бостонъ.

Всѣ просвѣщенные и образованные читатели давно уже очень хорошо поняли и оцѣнили эту неумѣстную и ни на чемъ не основанную претензію на аристократизмъ, потому-что они хорошо знаютъ истинное значеніе слова: аристократъ. Такихъ читателей не проведешь никакими уловками. Но встрѣчаются и такіе, которые въ простотѣ сердца вѣрятъ, что нѣкоторые критики въ самомъ дѣлѣ люди высшаго полета, и потому считаютъ обязанностію держаться мнѣній этихъ критиковъ, воображая, что думать несогласно съ ними значить впасть въ противорѣчіе съ аристократическою сферою, съ высшимъ кругомъ общества. Не безпокойтесь! Можемъ васъ увѣрить, что аристократизмъ всѣхъ этихъ господъ заключается лишь въ томъ, что они, нерѣдко чувствуя сквозной вѣтеръ въ карманѣ, ведутъ себя важно и гордо, какъ лорды, считающіе свои доходы милліонами; что они носятъ весьма граціозно бѣлыя или желтыя перчатки, говорятъ и судятъ обо всемъ наотрѣзъ, какъ слѣдуетъ лордамъ, и, наконецъ, что они знаютъ великое и важное правило, что за обѣдомъ бѣлое вино должно быть холодно, а красное не холодно.

Всѣ эти черты, которыя выше набросаны только слегка, заключаютъ въ себѣ пребогатый запасъ для сатиры и комедіи. Если бы вздумалъ Гоголь употребить этотъ запасъ въ дѣло, то вышла бы презабавная комедія или превосходный сатирическій романъ. Его талантъ служить въ томъ порукою. Но вотъ онъ пишетъ поэму подъ заглавіемъ: *Похожденія Чичикова*

или *Мертвыя души*. Этой поэмы издана теперь первая часть. Мы ее внимательно прочитали, чуждые всякаго предубѣжденія, и выскажемъ наши впечатлѣнія и замѣчанія. Повторимъ здѣсь, что мы поставили себѣ за неизмѣнное правило не дѣлать писателей на приходы, не руководиться никакими личными отношеніями и расчетами, и отдавать каждому литератору свое. Любя русскую словесность, мы любимъ и всѣхъ русскихъ писателей. Разбирая ихъ произведенія, будемъ всегда высказывать прямо наше мнѣніе объ нихъ. Можемъ иногда ошибиться, потому-что всѣ люди подвержены ошибкамъ, но по-крайней-мѣрѣ похвалы или указанія какихъ-нибудь недостатковъ всегда будутъ согласны съ искреннимъ нашимъ чувствомъ и убѣжденіемъ.

Мы не понимаемъ: почему *Мертвыя души* названы поэмою. Насмѣшники, пожалуй, скажутъ, что авторъ повѣрилъ критикамъ, которые произвели его за *Тараса Бульбу* въ Гомеры, и назвалъ *Похожденія Чичикова* поэмою потому, что Гомерова *Иліада* называется поэмою. Вѣроятно это шутка; но намъ кажется, что шутить въ заглавіи сочиненія неумѣстно. Всякую вещь должно называть ея именемъ, говорить французская пословица. Если *Похожденія Чичикова* поэма, то мы не видимъ препятствія назвать *Ревизора* трагедіей въ пяти дѣйствіяхъ.

Разскажемъ содержаніе *Мертвыхъ душъ*, и вы сей-часъ убѣдитесь, что это сочиненіе такъ же похоже на поэму, какъ мы съ вами на китайскаго богдохана. Разскажемъ притомъ сущность новой поэмы не по европейской методѣ извѣстныхъ критиковъ, которые всегда разсказываютъ содержаніе произведеній всѣхъ писателей, не принадлежащихъ къ ихъ приходу, своимъ слогомъ, съ приличными украшеніями, прибавками

и убавками. Изложимъ содержаніе новой поэмы вѣрно, съ сохраненіемъ даже подлинныхъ словъ автора, которія вездѣ станемъ отмѣчать, для отличія, косыми буквами.

У какого-то бѣднаго дворянина родился сынъ. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко. Отецъ его былъ больной человекъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ связанныхъ хлопчатцѣхъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыжавшій, ходя по комнатѣ * и плевавшій въ стоящую въ углу песочницу. Онъ былъ человекъ безъ образованія. Когда герой поэмы, на котораго жизнь при началѣ взглянула кисло-непріятно, подростъ; то плевавшій въ песочницу почтенный его родитель повезъ сына въ городъ, сдалъ его на руки родственницѣ, дряблой старушонкѣ, и распорядился, чтобы онъ ежедневно ходилъ въ классы городского училища. Прощаясь съ сыномъ, родитель далъ ему между прочимъ слѣдующее отеческое наставленіе: *Не угощай и не подчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку, эта вещь надежнѣе всего на свѣтъ. Все съдѣлаешь и все прошибешь на свѣтъ копѣйкой.* Сказавъ такое трогательное и умное наставленіе, почтенный родитель, плевавшій въ песочницу, уѣхалъ домой и умеръ, а сынъ, герой поэмы, на котораго жизнь при началѣ взглянула какъ-то кисло-непріятно, началъ учиться, копить копѣйку, вышелъ наконецъ изъ училища и опредѣлился на службу, въ казенную палату. Послѣднія родительскія слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу. Онъ продолжалъ и въ палатѣ копить копѣйку. *Надобно ска-*

* *Вздыжавшій, ходя по комнатѣ!* Это Гомеровскій грамматическій промахъ.

зать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица точно дурно вытѣченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая въ прибавку къ тому еще и треснула. И одного чиновника, со всѣми исчисленными качествами, приискать трудно, а въ этой палатѣ посчастливилось подобрать многихъ по одной формѣ: щека на сторону, подбородокъ въ другую, верхняя губа пузыремъ, да еще въ прибавку и треснула. *Между такими чиновниками не могъ быть не замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрочностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитков.* Чичиковъ подбился къ старому рябому повѣтчику, прикинулся влюбленнымъ въ рябую его дочь, по ходатайству повѣтчика самъ сдѣлался повѣтчикомъ и потомъ обманулъ своего покровителя, не женился на рябой его дочери. Потомъ досталъ онъ хлѣбное мѣстечко и продолжалъ копить копѣйку; потомъ опредѣлился въ какую-то строительную комиссію. Тутъ только, и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Онъ завелъ повара, купилъ тонкія рубашки, тонкаго сукна, приобрѣлъ пару лошадей. Но вдругъ поступилъ новый начальникъ и выгналъ изъ службы Чичикова. Онъ началъ искать другой должности. *Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, (о! чрезвычайно пріятно!) что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себя бѣлье, а льтомъ во время жаровъ даже и всякой день: всякой скольконибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его.* Наконецъ онъ опредѣлился въ таможену, служилъ усердно, отлично ловилъ контрабандистовъ и обратилъ на себя вниманіе начальства. *Онъ получилъ чинъ и повышеніе,*

и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Начальству понравился проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ разомъ, и оно возложило этотъ подвигъ на Чичикова. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Добившись такого неограниченнаго права, онъ заключилъ условіе съ сильнымъ обществомъ контрабандистовъ, которое весьма кстати въ то время образовалось обдуманно—правильнымъ образомъ, и въ слѣдствіе этого союза Чичикова съ обществомъ приступлено было къ дѣйствіямъ. Читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешественіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на миллионъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможенѣ. Послѣ этого остроумнаго путешествія барановъ, Чичиковъ и другой его сотоварищъ, сѣдой статскій совѣтникъ, приглашенный имъ для подвига, нажили по четыреста—тысячъ капитала. У Чичикова говорятъ даже перевалило и за пять сотъ, потому что былъ побойчье. Богъ знаетъ до какой бы громадной цифры не возрасли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперегъ всему. Хотя совершенно неясно, что значить такое: какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперегъ всему, но непосредственно за тѣмъ чортъ сбился съ толку обоимъ чиновниковъ: чиновники, говоря по просту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другаго чиновника поповичемъ. Тотъ его также назвалъ поповичемъ и прибавилъ: Да, вотъ-моля что! Но недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ го-

ворятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ лдреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ въдаетъ. Авторъ предоставляетъ это досочинить читателю. Пусть лучше читатель охотникъ досочинитъ самъ. По-этому и невзвѣстно: какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались лаными. Статскій совѣтникъ хоть и самъ пропалъ, но-таки утекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли (говорятъ по-русски: отдали) подъ судъ, конфисковали, описали все что у нихъ было, и все это разрышилось вдругъ какъ громъ надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ, — поднявшій на себя руки и надѣлавшій, что все это разрышилось какъ громъ, хотя громъ никогда не разрѣшается, — гдѣ-то погибъ въ глуши, а Чичиковъ обработалъ дѣло, по-крайней-мѣрѣ, такъ, что оставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещей, ничего не осталось ему. Онъ успѣлъ только сохранить десять—тысячъ, двѣ дюжины голландскихъ рубашекъ, бричку и двухъ крѣпостныхъ челоуѣкъ, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для береженія свѣжести щекъ, вотъ и все. Вотъ какаѣ громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Герой поэмы однако жъ не потерялся съ десятью—тысячами рублей и съ пятью кусками мыла. Онъ захотѣлъ непременно опять разбогатѣть и для этого выдумалъ прекрасное средство. Героя нашего осыпала вдовольнейшая мысль, какаѣ когда-либо приходила въ челоуѣческую голову. Онъ вздумалъ накупить, на выводъ, крестьянъ, которые уже умерли, но не были еще исключены изъ ревизскихъ сказокъ,

приобрѣсти ихъ до тысячи и заложить за двѣсти-тысячъ рублей въ Опекунскій Совѣтъ, переселивъ ихъ прежде, разумѣется на бумагѣ, въ Херсонскую Губернію. *И вотъ такимъ образомъ составился въ голову нашего героя сей странный сюжетъ, за который не знаю будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно. Ибо что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.* Потомъ Чичиковъ ѣдетъ въ губернской городъ, (съ этого начинается поэма) останавливается въ гостиницѣ, знакомится съ губернскими чиновниками и нѣсколькими помѣщиками, и потомъ начинаетъ разъѣзжать по окрестностямъ города, для покупки мертвыхъ душъ. Сначала ѣдетъ къ помѣщику Манялову, потомъ къ помѣщику Собакевичу, но сбивается съ дороги и прѣѣзжаетъ къ помѣщицѣ Коробочкѣ. На пути отъ Коробочки завернулъ онъ въ трактиръ, гдѣ встрѣтился съ помѣщикомъ Ноздревымъ. Потомъ ѣдетъ онъ къ Ноздреву, отъ Ноздрева къ помѣщику Собакевичу, отъ Собакевича къ помѣщику Плюшкину. Такимъ образомъ разъѣзжалъ онъ, чтобы торговаться и скупать мертвыя души. Удалось ему уже сторговать до четырехъ-сотъ. Замѣтивъ однако жъ, что далеко еще до тысячи, и что на разъѣзды отъ помѣщика къ другому, для покупки четырехъ-сотъ душъ, употребилъ уже онъ 252 страницы поэмы, рѣшилъ наконецъ воротиться въ городъ, чтобы на остальныхъ 223 страницахъ совершить купчую крѣпость въ пала-тѣ, позавтракать у полицеймейстера, сѣздить на балъ къ губернатору, и, по случаю распространившагося слуха о купленныхъ имъ мертвыхъ душахъ, и взведенной на него клеветы, будто бы онъ хочетъ увезти дочь губернатора, уѣхать неизвѣстно куда изъ губернскаго города, чтобы опять явиться въ двухъ остальныхъ частяхъ поэмы, которыя еще не вышли, но обѣщаны.

Если нѣкоторые рецензенты укоряли Загоскина за бѣдность содержанія его превосходнаго *Мирошева*, то что должно сказать въ этомъ отношеніи о поэмѣ *Мертвыя души*? Мы рассказали очень вѣрно и довольно подробно все ея содержаніе; рассказали большею частію словами самого автора; но просимъ не выводить еще заключенія о достоинствѣ всего сочиненія по этому сокращенному разсказу. Мы уже прежде сказали, что такіе сокращенные разсказы, — даже вѣрные, безъ приличныхъ украшеній, прибавокъ и убавокъ, — ничего не доказываютъ и не составляютъ критики, которая обязана показать красоты сочиненія и его недостатки, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Признаемся откровенно, что особенной красоты въ идеѣ цѣлаго романа или, пожалуй, поэмы *Мертвыя души*, мы не видимъ. Не знаемъ, что будетъ въ остальныхъ двухъ частяхъ поэмы; но до-сихъ-поръ на первомъ шагѣ люди, злоупотребляющіе своею должностію и наживающіеся противозаконными средствами. Всѣ лица автора, начиная съ героя, или плуты, или дураки, или подлецы, или невѣжды и ничтожные люди. Одна губернаторская дочь исключена изъ этого почтеннаго собранія, но и та не обрисована нисколько, ничего почти не говорить, ничего не дѣйствуетъ. Можетъ быть, она и прекрасная дѣвушка, но это одно предположеніе. Мы слышали о ней отъ автора что-то мелькомъ, но совершенно ее не знаемъ. Завязки въ поэмѣ нѣтъ никакой. Ни одно лице не возбуждаетъ участія въ читателѣ. Интересъ поддерживается только желаніемъ узнать: для чего Чичиковъ скупаетъ мертвыя души, потому что объясненіе его цѣли авторъ помѣстилъ въ концѣ. Это не романъ и не поэма, а сатира въ лицахъ, переходящая иногда въ карикатуру. Въ жизни мы видимъ безпрерывную борьбу добра со зломъ. Это законъ земной жизни человѣчества. Сатира обличаетъ или осмѣиваетъ зло. Поэма, въ формахъ поэтическихъ, а романъ,

въ формѣ дѣйствительности, должны изображать по возможности жизнь вполнѣ, а не одну ея сторону. Изобразите одно добро — картина ваша будетъ холодна и не естественна; изобразите одно зло—и въ картинѣ вашей не будетъ настоящей жизни. Вы впадете въ ту же неестественность и однообразіе. Для всякой картины необходимо свѣтъ и тѣнь; необходимо разнообразіе цвѣтовъ. Если же художникъ возьметъ одну бѣлую или одну черную краску, что произведетъ онъ? Одинъ живописецъ, для шутки, замазалъ холстъ черною краской и подписалъ: глубокая почъ. Конечно, никто не назвалъ, и не назоветъ художественною картиною такого произведенія.

Въ частяхъ *Мертвыя души* имѣютъ много красотъ и много недостатковъ. Описанія во многихъ мѣстахъ чрезвычайно живы, комическія черты схвачены мастерски, избранные авторомъ характеры обрисованы чрезвычайно удачно.

Вотъ герой автора, коллежскій совѣтникъ Чичиковъ, на вечеринкѣ у губернатора.

Не успѣвъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Прїѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для чловѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. — Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернской городѣ. Мушоны здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ, имѣли также весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, также небрежно подсыдали къ дамамъ, также говорили по-французски, и сѣвшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мушницъ составляли толстые, или такіе же какъ Чичиковъ, то есть не такъ чтобы слишкомъ

толстые, однако жъ и не тонкіе. Эти напротивъ того косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставляя ли гдѣ губернаторскій слуга зеленого стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ, волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ чортъ меня побери, какъ говорятъ Французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ, или только числятся, и вилочутъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямые, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ, что скорѣй мѣсто затрепичитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души не заложеной въ ломбардъ; у толстаго спокойно, глядь, и явился гдѣнибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потому близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодами. Наконецъ толстый, послуживши Богу и Государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ баринномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. — А послабъ него опять тоненькіе наследники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и сдѣлствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: Прокурора съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ, какъ будто бы говорилъ: «пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу»; чловѣка впрочемъ серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго чловѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго чловѣка, которые всѣ привѣтствовали его какъ старшаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ прїятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ, и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «прошу прощенія.» Тутъ же ему

тряхиваешь ушами? Ты дуракъ слушай, коли говорятъ! я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползеть!» Здѣсь онъ опять хлынулъ его кнутомъ, примолвилъ: «у варваръ!...» Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: «эй вы любезные!» и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратился рѣчь къ чубарому: «ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошие люди. Я съ удовольствіемъ поговорю коли хорошей человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою коли хорошей человѣкъ. Хорошему человѣку всякой отлассъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякой уважаетъ потому что онъ слышь ты сполнялъ службу государственную, онъ сколѣской совѣтникъ....»

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотреть вокругъ себя. Все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую, потомъ измѣнивши образъ нападенія и сбѣжавши совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги наконецъ стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задержаться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсмотрѣніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что точно не нужно жѣлать, вытаскилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянъ изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки возжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное расслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота пробѣжалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдетъся что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то поворотивши на право, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ

онъ: «эй вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ вѣтая дорога.

Дождь однако же казался заридиалъ надолго. Ложавшая на дорогу пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошалямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно беспокоиться, не видалъ такъ долго деревни Собакевича. По рассчету его, давно бы пора было прѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая хоть глазъ выколи.

— Селифанъ! сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.
— Чтѣ баришь? отвѣчалъ Селифанъ.

— Поглядика, не видно-ли деревни?

— Нѣтъ, баришь, нигдѣ не видно! — Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительныя и побудительныя крики, которыми подчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца до другаго: прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, какъ что первое попало на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и налѣзала его пресильными толчками; это дадо ему почувствовать, что они своротили съ дороги и вѣроятно тащались по заборошенному полю. Селифанъ казался самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Чтѣ, мошеникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь? сказалъ Чичиковъ.

— Да чтѣ жъ, баришь, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма! — Сказавши это онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баришь, какъ можно, чтобы я опрокинулъ, говорилъ Селифанъ. Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину. — За тѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей однако жъ остановилъ, впрочемъ онъ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками въ то время, какъ баришь барахтался въ грязи, силась от-

туда выдѣтъ, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: Выпѣты и перекинулась! —

— Ты выпѣтъ, какъ сапожникъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Выпѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобы я выпѣтъ! Я знаю, что это нехорошее дѣло быть выпѣтымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому-что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, въ томъ выпѣтъ худаго; и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

Много и другихъ прекрасныхъ мѣстъ въ поэмѣ, которыхъ не перечисляемъ. Просвѣщенные читатели ихъ найдутъ, конечно, и оцѣнить сами.

Прочтавъ приведенныя выписки каждый, кто даже и не признавалъ бы въ Гоголѣ таланта, убѣдится, что у него талантъ необыкновенный.

И какъ послѣ этого не жалѣть, какъ не досадовать на льстецовъ автора, которые своими гиперболическими, нелѣпыми похвалами произвели въ немъ, (что будетъ ясно доказано ниже), самонадѣянность, ослабляющую автора до того, что онъ не видитъ въ произведеніяхъ своихъ явныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза каждому, безпристрастному читателю, недостатковъ, которые были бы непростительны даже самому посредственному писателю, не только Гоголю. Предвидимъ, что авторъ, не зная пастъ лично, припишетъ все сказанное нами, какимъ-нибудь разсчетомъ, какому-нибудь вліянію партій, зависти, враждъ, и другимъ подобнымъ вещамъ, которыя у насъ привыкли предполагать въ каждомъ критикѣ. Предвидимъ, что льстецы постараются утвердить его въ этой несправедливой мысли и внушить ему, если возможно, вражду къ намъ. Но пускай бранятъ они насъ, какъ хотятъ, пускай авторъ думаетъ объ насъ, какъ ему угодно. Какъ рады были бы мы, если бы онъ хоть не теперь, а когда-нибудь, увѣрился, что мы не руководимся никакими разсчетами, но однимъ искреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ принести автору пользу, высказавъ ему правду объ его недостат-

кахъ, которыхъ отсутствіе возвысило бы вдвое неоспоримое достоинство его литературныхъ произведеній. Сынъ Отечества, по своему независимому положенію, не имѣетъ надобности ни прибѣгать къ лести, ни угождать какой бы то ни было литературной партіи, какому бы то ни было автору. Онъ любитъ искренно русскую словесность, любитъ всѣхъ отечественныхъ писателей, безъ различія партій, которыхъ и знать не хочетъ.

Главный недостатокъ автора, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ, увлекаясь своимъ комическимъ направленіемъ, переходитъ часто границы чистаго вкуса и, для возбужденія смѣха, свою художническую кисть обмакиваетъ въ грязныя, недостойныя художника краски. Мы увѣрены, что всѣхъ образованныхъ читателей поражаютъ самымъ неприятнымъ образомъ мѣста въ новой поэмѣ, подобныя слѣдующимъ.

«Въ это время, стоявшій позади, лакей, утеръ посланнику (восьмилѣтнему сыну помѣщика Манилова) носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорлочная, посторонняя капля.»

По приказанію помѣщика Ноздрева, приносить слуга, безъ всякой надобности щепка

— Ты однако жъ не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и рассматривая тщательно брюхо щепка, и не подумалъ вычесать его?

— Выпѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отъ чего же блохи?

— Не могу знать. Статья можетъ, какъ нибудь изъ брочки понаглѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать, я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ.

А вотъ философическое разсужденіе, которое могло бы быть легко выражено нѣскольکو благопріетойнше:

Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной напримѣръ даже человекъ въ чинахъ, съ благородною паружиностію, со авѣдой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговариваетъ съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами и нагадитъ вамъ. И нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человекъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; такъ что стоишь только да дивишься, пожмая плечами, да и ничего болѣе.

Вотъ разговоръ между дворянами:

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право поѣду, говорилъ зять, ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу, жена будетъ въ большой претензіи, право, я долженъ ей разсказать о армаркѣ. Нужно, братъ, право нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну се жену къ...! важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

Охъ какой любопытный! ему всякую дрянъ хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и попохотать!

А вотъ опять блохи на сценѣ, безъ большой надобности, и другія подробности, столько же интересныя:

Ночь спать онъ (Чичиковъ) очень дурно. Какія-то маленькія прейбойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: а, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ! Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказавъ Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь чрезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его подружески и спросилъ, каково ему спалось?

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ, говорилъ Ноздревъ, такая мерзость дѣлала всю ночь, что гнусно разсказывать, и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь: спилось, что меня высѣкли, ей, ей! и вообрази кто? Вотъ ни зачѣмъ не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

— Да, подумалъ про себя Чичиковъ: хорошо бы, если бѣ тебя отодрали наяву.

— Ей Богу! да пребольно! Проснулся, чортъ возми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается, вѣрно вѣдлы блохи.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купить вошь тотъ каналья поваръ, что выучился у Француза, котъ, обдеретъ его, да и подастъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу! какую ты непріятность говоришь, сказала супруга Собакевича.

— А чтѣ жъ, душенька, такъ у нихъ дѣлается, я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все чтѣ ни есть ненужнаго, что Аккулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лахань, они его въ супъ! да въ супъ! туда его.

— Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь! возразила опять супруга Собакевича.

— Чтѣ жъ, душа моя, сказалъ Собакевичъ, если бѣ я самъ это дѣлалъ, по я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хотъ сахаромъ облѣпи, не возьму ее въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа.

Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который лежалъ въ креслахъ, только покрхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невпитные звуки, крестясь и закрывая номинутно его рукою.

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ, но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такія потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

Зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть,ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до намѣствія на Москву Французовъ.

Лице его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ, одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякой разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать.

Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья что стало мочи: кто идетъ? но увидѣвъ, что никто не шель, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникъ какого-то звѣря и подошелъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

Работы оставалось еще, по-крайней-мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому шенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ.

Какъ вамъ нравится все это? Мы не видимъ тутъ ничего прекраснаго и достойнаго кисти художника. Господину Гоголю, обладающему истиннымъ комическимъ талантомъ, не было вовсе нужды прибѣгать къ такой грязи и возбуждать смѣхъ блохами, щечками, звѣрями, казненными на ногтѣ, грубыми площадными выраженіями, ободранными котами, посторонними каплями попадающими въ сушь, и прочее и прочее. По нашему мнѣнію, все это низкій, балаганный комизмъ, недостойный такого художника, какъ Гоголь. Отчего же онъ допускаетъ въ своихъ произведеніяхъ подобныя недостатки? Оттого, что всѣ восторженные его почитатели донинѣ говорили ему только преувеличенныя похвалы и лесть; оттого, что они готовы и теперь доказывать, что и блохи, и ободранные коты, и всѣ прочія прелести — гениальныя, художественныя созданія, которыхъ высоты люди, отставшіе отъ вѣка, понять не въ состояніи. Мудрено, чтобы кто-нибудь изъ образованныхъ читателей не поморщился, встрѣтивъ подобную красоту въ Мертвыхъ душахъ, и не пожалѣлъ, что авторъ не удерживаетъ своего комизма въ границахъ художественной чистоты и благородства. Къ сожалѣнію,

должно сказать, что онъ убѣжденъ, какъ кажется, въ достоинствѣ подобныхъ красотъ. Вотъ что онъ самъ пишетъ на страницѣ 306 своей поэмы:

Еще нужно сказать что дамы города *** отличались подобно многимъ дамамъ петербургскимъ необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подавало намекъ на это, а говорили вѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или чтѣ нибудь въ родѣ этого.

Но кажется ни дамы петербургскія, ни дамы всѣхъ другихъ русскихъ городовъ не заслуживаютъ насмѣшекъ за то, что онѣ не говорятъ, какъ желаетъ авторъ: «я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, этотъ стаканъ или тарелка воняетъ.» О такихъ вещахъ и говорить, кажется, нѣтъ большой необходимости ни въ книгахъ, ни въ гостиницахъ. Не знаемъ также въ какой столовой могутъ вонять стаканы и тарелки. Можетъ-быть, иные критики и тутъ похвалятъ автора и скажутъ, что все это списано съ природы. Спорить не станемъ. Мы сидимъ болѣе въ кабинетѣ и не бываемъ въ тѣхъ столовыхъ и гостиницахъ, о которыхъ такъ часто говорятъ критики.

Второй недостатокъ автора состоитъ въ томъ, что слогъ его по мѣстамъ чрезвычайно небреженъ и неправиленъ, иногда же надутъ и высокопаренъ. Сравненія его иногда черезъ-чуръ длинны и не только не составляютъ красотъ, но напротивъ того кажутся неумѣстными, лишними вставками. Приведемъ нѣсколько мѣстъ, для доказательства неправильности и небрежности слога.

Не безъ радости *быль* *вдали* *узрѣтъ* *полосатый* *шлахбаумъ* (стр. 35). Манилова проговорила, нѣсколько даже картава, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ *пріѣздомъ*, и что *мужъ* *ея*, не *проходило* *дня*, чтобы не *вспоминалъ* *о* *ней*. (стр. 46). Кончить

онъ наконецъ тѣлъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не громъ, а чрезъ *посовы* поздри. (Стр. 62). Ту же, (муху), которая имѣла неосторожность полѣзть близко къ *посовой* поздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть. (Стр. 87). И навреть совершенно безъ всякой нужды: вдругъ расскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой, или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ *все отходитъ произнести*: ну братъ, ты кажется ужъ началъ пули лить. (Стр. 134). Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сбрую въ яблкахъ, другую каурюю, потомъ гиблаго жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго *Поздревъ божился*, что заплатилъ десять тысячъ. (Стр. 137). Нѣтъ, братъ, это кажется *тл сочиитель* да только *неудачно*. (Стр. 161). Лучше и съѣсть двухъ блюдъ. (Стр. 187). Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который *попалъ* гдѣ-то на дорогѣ, *претолстое бревно*, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу. (Стр. 206). Частями, сталъ выказываться господскій домъ, и наконецъ *глянулъ* весь *въ томъ листъ*, гдѣ и проч. (Стр. 213). Стѣны дома *ощеливали* мѣстами нагую штукатурную рѣшетку. (Стр. 213). Длинный, пожелтѣвшій *граверъ* какого-то сраженія. (Стр. 221). Счастливъ путникъ, который послѣ длинной, скучной дороги... видитъ наконецъ знакомую крышу, и *предстануть предъ нимъ* звонкомыя комнаты и проч. (Стр. 233). Почтмейстеръ тоже *отступилъ* (въѣзго *отступилъ*) (Стр. 324). *Теплилась* сальная свѣчка. *Пересвистывались* одали отдаленные птухи. (Стр. 338). Изъ одного разговора, который произошелъ между *одними двумя* дамами. (Стр. 340). Что обѣ дамы наконецъ рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде *предположили* только какъ одно *предположеніе*, въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. (Стр. 362).

Но, покуда, довольно выписокъ, доказывающихъ, что словъ автора бываетъ часто небреженъ и неправиленъ. Теперь докажемъ выписками же сказанное нами о сравненіяхъ автора.

Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ летятъ мухи на флоръ сіяющемъ равнадѣ въ пору жаркаго июльскаго лѣта, когда старая ключица рубить въ лѣвѣтъ его на свер-

кающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти всѣ глядятъ совравнившись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, подиленные легкимъ воздухомъ, влетаютъ смято, какъ полные хозяева, и пользуются подслѣватою старухи, гдѣ въ разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенные богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу раставляющимъ лакомья блюда, они влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучкѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крыльчиками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться и опять улѣтѣть и опять прилѣтѣть съ новыми докучными эскадронами.

Сравненіе черныхъ фраковъ, мелькавшихъ посреди блестящихъ дамскихъ платьевъ, съ мухами на рафинадѣ, очень удачно въ началѣ; но для чего авторъ не остановился, для чего растянулъ онъ свое сравненіе на цѣлую страницу. Описаніе подслѣватоі ключицы, лѣтей, которые на нее смотрятъ, мухъ, которыя трутъ одна о другую, заднія или переднія ножки, или чешутъ ими у себя подъ крыльшками, и наконецъ протягиваютъ лапки, чтобы потереть ими у себя надъ головою, — все это совершенно нейдетъ тутъ къ дѣлу и не имѣетъ ничего общаго съ черными фраками.

Вотъ другое сравненіе. Помѣщикъ Поздревъ, разсердясь на Чичикова, кликнулъ слугъ, чтобы вмѣстѣ съ ними поколотить своего гостя.

— Бейте его! кричалъ Поздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. Бейте его! кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричить своему взводу: ребята, впередъ! какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже приобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ брашній задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. Ребята, впередъ! кричитъ онъ порываясь, не думая, что вредитъ уже обдуванному плану общаго приступа,

что миллионы ружейных дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ какъ пухъ на воздухъ его бесцѣльный взводъ и что уже свистеть роковая пуля, готовая захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступившаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки.

Очевидно, какъ это сравненіе длинно и натянуто. Къ чему тутъ подробное описаніе поручика, къ чему тутъ Суворовъ, обдуманнѣйшій планъ приступа, крѣпость съ неприступными амбразурами, съ *милліонами* ружейныхъ дулъ, съ уходящими за облака стѣнами! Сравненіе неудачно и невѣрно, хотя и унеслось за облака. Вотъ еще сравненіе, сначала удачное, а потомъ испорченное отъ лишней прибавки:

Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное какъ огурецъ, и мужское круглое, широкое какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлають на Руси балаалайки, двухструнныя, легкія балаалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и шеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья.

Лицо круглое, какъ молдаванская тыква, — это понятно. Но къ чему тутъ ученое и статистическое свѣдѣніе, что ихъ называютъ горлянками, что изъ нихъ дѣлають двухструнныя балаалайки, что эти балаалайки составляютъ потѣху ухватливыхъ парней, *мигачей*, *подмигивающихъ* и посвистывающихъ на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ. Все это совершенно лишнее и совѣмъ не клеится съ круглымъ лицомъ. Притомъ: подмигивать на кого нибудь — не говорятъ по-русски.

Третій недостатокъ въ авторѣ, какъ намъ кажется, тотъ, что онъ слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ въ своей поэмѣ. Докажемъ и это выписками.

Не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирющія солнца, и передающія движенья незамѣченныхъ пасѣко-

мыхъ; не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными геролми, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримый, невѣдомый ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ обложенной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей.

Русь! чего ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таятся между нами? Чтѣ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и оиѣвила мысль предъ твоимъ пространствомъ. Чтѣ пророчить сей необъятый просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родится безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему.

Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенья... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, чтѣ скользнуло только по природѣ другихъ народовъ.... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительною трезвостью уединенія, забыватьсь подобно юношѣ.

И такъ читатели не должны негодовать на автора, если лица, дониндѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если точно падеть обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда въ началѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въездъ въ какой бы ни было городъ, хотъ даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ, сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечныя заводы да фабрики, законченные дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шести-этажныхъ домовъ, магазины,

вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всё въ колокольняхъ, колошпахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всё, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдеть дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальныя образы, какъ двинутся сокровенныя рычаги широкой повѣсти, раздѣлается далече ея горизонтъ и вся она приметъ величавое зрѣщеское теченіе, то увидитъ по- томъ.

Но есть страсти, которыхъ избраніе не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутъ и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ: все равно: въ мрачномъ ли образѣ, или провѣстись свѣтлымъ явленіемъ возрадующимъ міръ—одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И можетъ быть, въ этомъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны герои, тяжело то, что живеть въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героямъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на дѣлѣ его того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта.

И вотъ такимъ образомъ составился въ головахъ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Видѣли ли вы картину нашего великаго художника: *Послѣдній день Помпеи*? Слышали ли объ его *Осадѣ Пскова*, которую онъ готовитъ въ тишинѣ и которой всё ожидаютъ съ нетерпѣніемъ? Великій ли художникъ Брюловъ? Не найдется, конечно, ни одного голоса, который сказалъ бы: нѣтъ! Что, если бы тогда, какъ всё собиравшись толпами удивляться его картинѣ, только-что привезенной въ Петербургъ, что, если бы онъ вдругъ явился тогда передъ зрителями и сказалъ бы

что-нибудь въ этомъ родѣ: «Еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ картинѣ. Русь! Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя бжиданія очи? Уже главу осѣнило грозное облако. Инымъ ключемъ грозная выюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святѣйшій ужасъ и въ блистающія главы, и увидятъ въ смущенномъ трепетѣ величавую кисть въ другихъ твореніяхъ.»

Какое впечатлѣніе произвели бы на восхищенныхъ картиною зрителей подобныя слова, если бы художникъ произнесъ ихъ? Но Брюловъ никогда не говорилъ и никогда не скажетъ ничего подобнаго, хотя онъ неоспоримо великій художникъ. И Гоголь, неоспоримо, отличный художникъ, и потому нельзя не пожалѣть, что онъ не вычеркнулъ изъ своей поэмы приведенныхъ выше мѣстъ. Сказанныя слова, какъ бы ни было непріятно впечатлѣніе, ими произведенное, забываются, а слова написанныя остаются. Самъ авторъ въ своей поэмѣ написалъ:

Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, «смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія глгопись, что кричитъ въ ней каждая буква, «что отвсюду устремляетъ пронзительный перстъ, на него же, на «него, на текущее поколѣніе, и самонадѣянно, горло начинаетъ «рѣдъ новыхъ заблуждений, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.»

Мы смѣемся теперь надъ предками, которые, уважая Сумарокова за оказанныя въ свое время заслуги, до того его захвалили, что онъ писалъ и печаталъ: «Шествую я по стопамъ Горация, Ювенала, де-Про и Молиера. Я еще втораго своего изданія къ чести моего отечества не выпустилъ.» Мы смѣемся теперь надъ такою хвастливою самонадѣянностію. А вѣдь и мы будемъ предками. Подумайте и выведите сами изъ этихъ данныхъ заключеніе.

Теперь мы высказали откровенно все, что мѣшало намъ вполне насладиться новою поэмою господина Го-

голя. Повторяемъ: въ ней много первокласныхъ, частныхъ красотъ, которыя, можетъ быть, выкупить всѣ недостатки, выше указанныя и, кажется, доказанныя. Очень желали бы, чтобы разборъ нашъ принесъ автору пользу; чтобы онъ въ двухъ остальныхъ частяхъ своей поэмы избѣжалъ замѣченныхъ недостатковъ, и доказалъ, что онъ, какъ истинный художникъ, безотчетнымъ, громкимъ похваламъ и пошлой лестии предпочтаетъ высказанныя по убѣжденію чувства и мысли. Предвидимъ, какую грозу накликали мы на себя нашею откровенностью, напередъ знаемъ, что автора будутъ увѣрять, что его новая поэма есть верхъ совершенства, вѣнецъ художества; что въ ней нѣтъ никакихъ недостатковъ; что мы — Вадалы и варвары; что авторъ Мертвыхъ душъ — Гомеръ, Шекспиръ, Тассъ, Сервантесъ; что онъ даже выше ихъ. Сердечно желаемъ, чтобы нашъ отечественный писатель достигъ въ самомъ дѣлѣ такой высоты; но на нее не помогутъ ему взойти критики, безотчетно хвалящіе, какъ бы они громко ни восклицали. Пускай ихъ шумятъ, а мы спокойно будемъ, пока, читать басенку несравненнаго нашего Крылова:

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лезть..... и прочесъ.

==

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Смѣсь.

АФГАНИСТАНЪ ВЪ ДРЕВНОСТИ. Афганистанъ, страна, которой за нѣсколько лѣтъ едва знали названіе, теперь поглощаетъ все вниманіе Европы и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ политическихъ соображеній европейской политики. Журналы сообщаютъ новыя статьи объ этой странѣ, книгопродавцы-издатели пускаютъ въ ходъ новыя компіляции: и тѣ и другіе заимствуются изъ давно извѣстныхъ источниковъ, и только подновляютъ политическими мечтаніями, въ угоду публики. О новыхъ свѣдѣніяхъ въ этихъ разглагольствіяхъ не заботятся. Единственный существующій доселѣ авторитетъ объ Афганіи, откуда всѣ они черпаютъ, есть книга Моунтстуарта Эльфинстона «An Account of Caubul, etc.» Къ ней недавно при соединилось сочиненіе, написанное также знатокомъ дѣла, которое возбудило тѣмъ большее вниманіе, что принадлежитъ перу знаменитаго путешественника, павшаго одною изъ первыхъ жертвъ афганскаго возстанія. Мы го-

№ 6. Отд. VII. 1

воримъ о сочиненіи Александра Бериса (Burnes) подъ заглавіемъ *Кабулъ*. Но что такое былъ Афганистанъ въ древности? Для удовлетворенія ученаго любопытства въ этомъ отношеніи, профессоръ Вильсонъ, знаменитѣйшій санскритистъ Европы, издалъ недавно сочиненіе, которое назвалъ *Древняя Аріана* (*Ariana antiqua*, а *Descriptive Account of the antiquities and coins of Afghanistan*, by H. H. Wilson, Esq.). Именемъ «*Аріа* и *Аріана*», какъ читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстно, (см. Энциклопедическій Лексиконъ томъ III), древніе обозначали страны между Персією и Индією, то есть, нынѣшніе Афганистанъ и Белучистанъ. Англичане не первые Европейцы, которые являются завоевателями этого края; еще за двѣ-тысячи лѣтъ назадъ Александръ Великій проложилъ-было здѣсь путь торговли и просвѣщенію; но его гигантскіе планы рушились вмѣстѣ съ его смертію. Но какъ ни было кратко поприще македонскаго завоевателя, профессоръ Вильсонъ собралъ достовѣрные свидѣтельства тому, что вліяніе греческой цивилизаціи на Востокъ продолжалось долгое время и по его смерти, — долѣе, нежели какъ бы можно было предполагать изъ изученія классическихъ писателей. Бактріанскіе государи, хотя отрѣзанные отъ Европы Царями, долго еще употребляли греческій языкъ на своихъ монетахъ, и вѣроятно при своихъ дворахъ. Они сохраняли символы греческой мифологіи, и, слѣдовательно, держались еще ея обрядовъ; по видимому, они поощряли греческую литературу и философію, пока вторженіе варваровъ не отрѣзало ихъ государство совершенно Европы, и политическіе перевороты, столь частые на Востокъ, не истребили даже слѣдовъ ихъ европейскаго происхожденія. Греческій элементъ несомненно содѣйствовалъ развитію индійской гражданственности: это фактъ, который не очень нравится тѣмъ, которые хотѣли бы вывести все и вся изъ Индіи, и подкрѣпляетъ доводъ доктора Волла (*Wall*) о несамобытности санскритскаго языка и литературы. По мѣстонахожденіямъ бактрійскихъ монетъ можно заключать, что буддизмъ, какъ предполагалъ полковникъ Сайксъ (*Sykes*), древнѣе брахманизма. Факты, собранные въ новой книгѣ профессора Вильсона, много говорятъ въ пользу этихъ предположеній. Отъ предѣловъ древней Бак-

тріяны курганы особеннаго рода, называемые «топами» (*topes*), тянутся по Афганистану: они изъ камня или кирпича. Въ нихъ находятъ древнія утвари и монеты. Господинъ Вильсонъ предполагаетъ, что это памятники послѣдняго Будды. Значительнѣйшія и важнѣйшія находки въ этихъ курганахъ произведены господиномъ Массономъ, который также издалъ сочиненіе объ Афганистанѣ подъ заглавіемъ: *Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those countries from 1826 to 1838. By Charles Masson, Esq. London. 1842, 3 vol.*

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АФРИКУ. Лондонское Географическое Общество, издало недавно дневникъ, веденный во время путешествія въ Абиссинію миссіонерами Изенбергомъ и Крапфомъ. Сообщаемъ изъ него нѣсколько замѣчаній, въ дополненіе къ статьѣ «*Адель и Шоа*», помѣщенной въ февральской книгѣ Сына Отечества. Господа Изенбергъ и Крапфъ слѣдовали въ государство Шоа почти тѣмъ же путемъ, какъ и господинъ Рошѣ, о которомъ мы говорили въ помянутой статьѣ. Они прибыли въ Тужурру, изъ города Зейла (*Zeilah*), лежащаго къ сѣверу отъ него. *Зейла* — городишко разоренный, немногимъ лучше Тужурры. Въ немъ восемь домовъ каменныхъ и до сотни мазанокъ, а въ этихъ домахъ и мазанкахъ, до осьми-сотъ жалкихъ обитателей, бѣдныхъ и неопытныхъ, не смотря на роскошь осьми каменныхъ домовъ. Рейдъ также нехорошъ и неудобенъ, съ отмелями и многими островками. Жители красятъ себя волосы въ красный цвѣтъ, а носятъ платки синее, что придаетъ имъ видъ американскихъ попугаевъ. Языкомъ они отличаются отъ Абиссинцевъ и Арабовъ. Городъ окруженъ обрушившеюся стѣною, на которой покоятся восемь орудій, похожихъ нѣсколько на пушки. Зейла подобно Тужуррѣ, торгуетъ съ Моккою. Отсюда англійскіе миссіонеры прибыли на баркѣ въ Тужурру, изъ которой отправились, такъ же, какъ и господинъ Рошѣ, по югозападному направленію, въ Ифатъ и Шоа; впрочемъ путь ихъ, черезъ пустыни и горы, лежалъ нѣсколько сѣвернѣе нежели путь, котораго держался французскій натуралистъ. На рѣкѣ Ауашъ, господина Изенбергъ и Крапфъ останавливались въ городкѣ, который они называютъ *Мулькуджи* (его нѣтъ на картѣ, при-

ложенной къ Путешествію господина Рошэ). Первое селеніе государства Шоа, въ которое они вступили, называется *Диполами*. Показанія англійскихъ путешественниковъ о странѣ, пройденной ими между Тужуррою и Шоа, совершенно согласуются съ данными господина Рошэ, которыя мы сообщили въ статьѣ *Адель и Шоа*. «Богатство прозябенія (въ странѣ Шоа) привело насъ въ восторгъ», говоритъ Изенбергъ. Онъ также не нахвалится приемомъ царька, почтеннаго Салэ-Саласія. Сопутникъ господина Изенберга, миссіонеръ Крапфъ, досель еще находится въ Анкобарѣ и сообщить со временемъ подробныя свѣдѣнія объ этой еще недостаточно известной части Абиссиніи. По послѣднимъ извѣстіямъ въ Абиссиніи возникла междоусобная война, и только владѣніе Шоа не принимаетъ въ ней участія.

СРАВНЕНІЕ РУССКАГО И АНГЛІЙСКАГО ФЛОТОВЪ, въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, представляеть для насъ уже много утѣшительнаго. Чтобы судить вѣрно о такомъ важномъ предметѣ, надобно самому быть опытнымъ морякомъ и, слѣдственно, сперва на *дѣлѣ* доказать свои свѣдѣнія; только тако-го челоука мнѣніе можетъ имѣть авторитетъ. Вотъ почему, *Сынъ Отечества* рѣшился познакомить своихъ читателей съ статьею въ высокой степени занимательною и любопытною, которая была написана недавно С. О. Бурачкомъ и напечатана въ его «Маякѣ Современнаго Просвѣщенія». Господинъ Бурачекъ имѣеть на своей сторонѣ уже ту выгоду, что самъ принадлежитъ къ числу нашихъ опытныхъ кораблестроителей, и принесъ *существенную* пользу своему отечеству постройкою многихъ судовъ во время славныхъ походовъ знаменитаго Паскевича; голосъ знатока во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманіе. Разбирая въ своемъ журналѣ «Практическую Морскую Артиллерію», прекрасный учебникъ, составленный корпуса морской артиллеріи капитаномъ Ильинымъ (Санктпетербургъ. 1841), господинъ Бурачекъ по случаю этой книги вошелъ въ общія соображенія и высказалъ множество важныхъ мыслей, которыя должны быть пріятны каждому Русскому, истинному сыну нашего отечества. Обращая вниманіе читателей на этотъ прекрасный разборъ (Маякъ 1842, № 1), мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи

выписать оттуда сравненіе русскаго флота съ англійскимъ. Справедливое сужденіе опытнаго моряка должно разсѣять въ ошибочныя мнѣнія, которыя не рѣдко удается слышать въ обществѣ, и которыя между-тѣмъ происходятъ отъ совершеннаго невѣдѣнія силъ и средствъ нашего флота.

«Подобныхъ, вовсе несправедливыхъ мнѣній, никакъ не должно оставлять безъ вниманія. Они врастаютъ въ умы, они подавляютъ духъ народный, они вселяютъ преждевременную робость, которая столько же убійственна, какъ и ребяческая самонадѣянность. Дай Богъ, чтобъ наши дружественныя связи со всѣми, никогда не нарушались; но когда ихъ нарушать другія, — не подставлять же намъ, слава Богу, свои головы подъ ихъ пушки. Слава Богу, намъ не за чѣмъ прятать, ни прятаться: Русскіе всегда дѣйствовали открыто; и теперь мы точно также открыто, не краснѣя за свою народность, можемъ сказать и себѣ и другимъ:

— Нѣтъ, господа! флотъ необходимъ для Россіи, и флотъ хорошъ въ Россіи, артиллерія хороша въ Россіи; нашъ флотъ всегда стоялъ и постоитъ за себя передъ кѣмъ бы ни было, кому заблагоразсудится помѣрять съ нимъ свои силы. Вы сами убѣдитесь, если возьмете на себя трудъ познакомиться со всѣми основаніями русской морской силы.

Не вините меня, что по-видимому удаляюсь отъ своего предмета; напротивъ, этимъ уклоненіемъ мы ближе подойдемъ къ нему.

Для Россіи необходимы: Море Балтійское, Черное, Каспійское, Бѣлое, Охотское. Море Балтійское усѣяно морскими державами: Швеція, Голландія, Данія, Франція, Англія; — чѣмъ же Россія, безъ флота, удержитъ за собою, не говорю ужъ море, — свое балтійское побережье? Въ Черномъ, Каспійскомъ, Бѣломъ, Охотскомъ, развѣ не тоже? Подъ стражей флотовъ и флотилій нашихъ, тамъ все тихо и смирно, и таможня получаетъ свои милліоны, и ей никто не смѣетъ предписывать законы. Армія и флоты сто лѣтъ простоятъ, ничего не дѣлаютъ, да въ одинъ часъ окупаютъ столѣтній *простой*. А разверните исторію всѣхъ нашихъ войнъ съ Турками, Персіянами, Шведами, съ Французами, Англичанами, припомните, какія обширныя пособія каждый разъ

подавали флоты арміямъ, и сообразите: безъ флотовъ и флотилій — какъ бы могли мы имѣть тѣ развязки войнъ, какія мы имѣли? Не потому ли Наполеонъ не могъ еще годокъ, другой поиграть съ Европою на пушкахъ, что онъ запустилъ свой флотъ; и флотъ его въ кампаніи 1812 — 15 года въ Испаніи и Россіи, былъ безъ дѣйствія противъ союзныхъ флотовъ, которые тогда сильно содѣйствовали своимъ арміямъ.

Однимъ словомъ, у кого есть суша—у того должна быть и армія; у кого есть море—у того долженъ быть и флотъ. А въ Россіи что морей!... какъ же ей цѣлѣть безъ флотовъ.

— Да, де-сказать, у насъ нѣтъ купческаго флота, такъ зачѣмъ намъ и военный!

— Купческій флотъ вещь второстепенная: его охраняютъ два-три фрегата, — флотилія, а не флотъ; флотъ охраняетъ все государство: онъ нуженъ для всего государства, и вотъ—онъ и есть и долженъ быть; и повѣрьте: если у васъ армія добрая, да военный флотъ добрый — не тронуть вашего купческаго флота, хотя бъ онъ шелъ за тридцать земель, одинъ, только съ вашимъ грознымъ флагомъ. Но повторяю, для купческаго флота нужна военная флотилія, а не флотъ: Флотъ нуженъ для государства имѣющаго моря и морскихъ сосѣдей! и Россіи нуженъ флотъ! и въ Россіи добрый флотъ: онъ ежегодно доставляетъ ей таможи, однимъ своимъ присутствіемъ, гораздо болѣе того, сколько стоитъ все содержаніе флота; а въ придачу еще, охраняетъ государство, неприкосновенность его правъ, границъ, морей —этого, безъ него, никакъ бы вы не имѣли. Читатели газетъ очень хорошо знаютъ, что дѣлаетъ горсть Англичанъ въ Китаѣ своею флотиліей, и напередъ уже по пальцамъ пересчитываютъ, какіе таможенные законы предпишутъ они Китаю. Будь у нихъ добрый флотъ, ничего бы этого не было. «Библиотека для Чтенія» выразилась на этотъ счетъ еще рѣшительнѣе. «Нынѣшняя война Китая съ Англіей важнѣе для судьбы его, нежели какъ онъ, вѣроятно, предполагаетъ: съ ней начнется его паденіе, и оно будетъ быстро.» Позвольте же васъ познакомить съ нашимъ флотомъ покороче. Говоря по правдѣ, вы давно и сами знаете все то, что здѣсь услышите, только не глядява-

лись внимательно, и только потому и не отдавали должной справедливости. Но чтобъ устранить отъ себя и самую тѣнь подозрѣнія въ моемъ пристрастіи къ *своему*, я займствую главныя мысли изъ рукописнаго, не изданнаго еще, весьма важнаго сочиненія, которое лежитъ передо мною. Скромность сочинителя не позволяетъ мнѣ привести здѣсь его имя.

Для прочнаго существованія флота необходимы люди, которые умѣли бы: 1) его *строить* и *содержать*; 2) *водить* и *управлять* и 3) *воевать* и *побѣждать*. Гдѣ эти люди хороши, тамъ и флотъ хорошъ.

Люди всѣхъ этихъ родовъ давно уже у насъ ведутся и не переведутся, потому-что они готовятся къ своему дѣлу такъ, какъ ни въ одной изъ другихъ морскихъ державъ. Тутъ нѣтъ преувеличенія. Посмотрите.

Во-первыхъ, для *строенія* и *содержанія* флота, Корабельные инженеры. Возьмите на себя трудъ, прежде всего заглянуть въ «списки всѣмъ строителямъ судовъ въ портахъ Балтійскаго, Бѣлаго и Каспійскаго морей, съ 1703 по 1840 годъ», составленные С. Н. Навроцкимъ и напечатанные въ VI Части Маяка 1840. Тамъ вы увидите, что съ 1703 по 1840 годъ у насъ было всѣхъ кораблестроителей сто-шесть. Въ этомъ числѣ только двадцать человекъ, которые не въ Россіи воспитывались. Въ первую треть прошлаго столѣтія между двадцатью именами, только восемь русскихъ: но не забудьте же: *восемь* русскихъ кораблестроителей прямо являются уже при самомъ началѣ флота, въ годину неизбежнаго преобладанія иноземцевъ, когда еще не было никакого училища, когда каждый иноземецъ всю свою корабельную мудрость берегъ лишь для себя, и всячески таялъ отъ перемчивыхъ Русскихъ, по весьма справедливому опасенію—*сдѣлаться не нужными*. Но и тутъ русская смышленность, которая стоитъ европейской *гениальности*, съ умѣла таки пробиться сквозь всѣ преграды: эти восемь человекъ сами себя образовали, и построили двадцать-пять военныхъ кораблей кромѣ мелкихъ судовъ. Но съ 1738 года Русскіе совершенно овладѣли русскими верфями: въ числѣ осьмидесяти шести именъ только *восемь* иноземцевъ: и корабли русскіе во всѣ царствованія

прошлаго столѣтія ни разу не ударили лицомъ. Но училище корабельныхъ инженеровъ существуетъ лишь съ 1796; въ 1805 оно преобразовано и поставлено на такую степень, на какой въ Англіи вовсе нѣтъ подобныхъ училищъ. Во Франціи были нѣкогда, но и тамъ ни чѣмъ не превосходише. Въ нашемъ корабельномъ училищѣ съ самаго преобразования его, преподавался обширный кругъ наукъ, совершенно вровень съ ихъ состояніемъ во Франціи; оно славилось своими преподавателями, и порядкомъ преподаванія, къ которому призывались тогдашніе академики, лучшіе профессоры и ученые по всѣмъ частямъ. Корабельные инженеры наши всегда получали обширное образованіе теорическое и практическое; и многіе изъ нихъ посылаются за границу, — это искони такъ ведется — откуда, въ дополненіе своихъ общихъ познаній, вывозятъ тѣ частности свѣдѣній, которыхъ нельзя найти въ книгѣ. Если никто изъ нашихъ инженеровъ не извѣстенъ въ Европѣ ученостью, то все это потому только, что они по русскому обычаю, хорошо дѣлаютъ и хорошо молчатъ про свои дѣла. Въ Англіи корабельные инженеры образуются самоучкою, которая, вообще, далѣе ариометики, геометріи и черченія не заходитъ, и хотя въ 1822 (двадцать шесть лѣтъ спустя послѣ насъ; а сколько столѣтій существуетъ англійскій флотъ прежде нашего) и тамъ было учреждено корабельное училище, но около 1832 опять закрыто. Практика кораблестроенія у насъ ни чѣмъ не ниже противъ Англичанъ, а въ теорическихъ познаніяхъ наши инженеры далеко опередили англійскихъ и американскихъ мастеровъ-самоучекъ, которыхъ историческіе грубые промахи и противорѣчія истиннымъ началамъ корабельнаго зодчества, до сего часа продолжающіеся, при удобномъ случаѣ, буду имѣть честь положить на ваши праведные вѣсы.

Нашъ *Морской корпусъ*, на самомъ прочномъ основаніи существуетъ уже восемьдесятъ-восемь лѣтъ. Молодымъ людямъ преподаютъ здѣсь во всей обширности теоріи и практики все то, что морякъ долженъ знать и умѣть; съ самаго дѣтства молодые люди, въ продолженіе лѣтняго плаванія, несутъ всю службу матроса и незамѣтно сродняются

съ моремъ. Въ корпусѣ они получаютъ всѣ знанія, средства и пособія, которыя, по выходѣ на дѣйствительную службу, легко уже имъ примѣнять и совершенствовать дальнѣйшими уроками практики, чтенія и размышленія. Въ Англіи, напротивъ, каждый самъ себя готовитъ къ морской службѣ, какъ съумѣетъ или успѣетъ; бѣдный поступаетъ съ дѣтскихъ лѣтъ, мимо школы, прямо на корабль, и *доходитъ до всего самъ*; (*) можно судить, что это все и бѣдно и ограничено, какъ и все приобретаемое самоучкою; богатые изъ университета или съ паркета, мимо всякой морской теоріи и практики, прямо шагаютъ — въ капитаны; и тоже *доходятъ до всего сами*. Ниже увидимъ пагубныя слѣдствія такого неестественнаго скопленія чиновъ корабельныхъ для англійской морской службы, хотя съ виду и кажется въ чинахъ ея правильное уравненіе искусства, знанія и власти. Но именно его-то и недостаетъ: и часто у нихъ опытный подчиненный держитъ своего капитана въ рукахъ. Тогда какъ у насъ искусство, знаніе и власть растутъ вмѣстѣ постепенно: отъ кадета, гардемарина, мичмана, лейтенанта, капитана до адмирала; и практика моряка и война съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ идетъ рядомъ съ основательнымъ системнымъ изученіемъ морскихъ наукъ въ обширномъ объемѣ, приготавлиющемъ изъ моряка: корабельнаго инженера, артиллериста, штурмана, плотника, коношатчика, парусника, такелажмейстера, гидрографа, естествоиспителя, ученаго, литератора, астронома, законовѣдца, дипломата, врача, адмирала и полководца. Русскій морякъ на все это готовится.

Корпусъ для образованія *флотскихъ штурмановъ* у насъ учрежденъ на прочномъ основаніи въ одно время съ корпусомъ для корабельныхъ инженеровъ, то есть, 1796. И наши штурмана во всѣхъ отношеніяхъ выше англійскихъ мастеровъ.

У Англичанъ, *мастеръ* — тоже, что нашъ штурманъ — получаетъ это званіе послѣ долготѣйшей практики, при хорошихъ способностяхъ ума, впрочемъ неразвитыхъ правильнымъ ученіемъ.

Точно также издавна существуетъ у насъ въ Николаевѣ

(*) Школы существующія на нѣкоторыхъ англійскихъ корабляхъ, не нарушаютъ справедливости сказаннаго здѣсь.

учебное заведеніе, гдѣ готовятся морскіе артиллеристы; и хотя оно не имѣетъ такихъ обширныхъ средствъ какъ другія наши заведенія, но изъ него, кромѣ хорошихъ, дѣльныхъ знатоковъ артиллерійской службы, вышло много офицеровъ, отличившихся столько же ученостью по своей части, сколько и практическимъ искусствомъ. Смѣло можно указать на сочинителя разсматриваемой книги. Въ Англіи ничего такого нѣтъ.

Всѣ эти учебныя заведенія въ царствованіе нынѣшняго Государя Императора, расширены, обогащены новыми учебными средствами, и вообще, поставлены на такую высокую ногу, и содержатся въ такомъ зрѣло-обдуманномъ порядкѣ, что русскій флотъ никогда не можетъ нуждаться въ ученыхъ, знающихъ, опытныхъ, искусныхъ офицерахъ всѣхъ частей и званій; тѣмъ болѣе, что всѣ молодые офицеры отъ прапорщика до капитана, ежегодно подвергаются испытанію во всѣхъ частяхъ преподаваемой имъ теории и приобретенной практики; отъ экзамена зависитъ ихъ производство.

Сверхъ-того, у насъ готовятся систематическимъ образомъ свѣдущіе и обученные унтеръ-офицеры и боцмана для флота и для всѣхъ адмиралтейскихъ мастерствъ. Англіійскіе меты, боцманъ-меты, и боцмана производятся изъ отличившихся матросовъ, часто безграмотныхъ.

У насъ, ученость, знаніе, искусство и опытность, вмѣстѣ соединенныя, постепенно пролагаютъ путь ко всѣмъ отличіямъ и выгодамъ службы. Высшія должности, порученія и власть даются высшей опытности, искусству и знанію. Не такъ дѣлается въ Англіи, гдѣ болѣею частію знатность рода, и даже одно богатство даютъ перевѣсъ надъ личными достоинствами и заслугами. Словомъ, со стороны, учебныхъ средствъ теорическаго и практическаго образованія всѣхъ чиновъ русскаго флота, перевѣсъ, безъ всякаго спора, на сторонѣ Русскихъ.

У насъ есть кому *строить, сберегать, водить и управлять, воевать и побѣждать флотомъ.*

Въ самой вещи, посмотрите на постройку, оснастку, боевую силу и внутреннее устройство нашихъ кораблей, въ гавани, и на рейдъ; полюбуитесь стройными, механически

размѣренными движеніями нашихъ флотовъ въ моря: корабли наши щеголяютъ качествами, удобствами, крѣпостью и красотой; а боевая сила ихъ, по принятымъ у насъ калибрамъ и системъ вооруженія, выше чѣмъ у другихъ флотовъ. Иностранцы не любятъ хвалить ничего русскаго, но во всемъ этомъ отдаютъ справедливость нашимъ флотамъ. Начальство наше, доставляетъ корабельнымъ инженерамъ всѣ средства свѣдѣть и пользоваться всеми усовершенствованіями своего искусства и науки; а при отличномъ своемъ образованіи и непрерывно-обширной практикѣ, они всегда готовы рѣшать самыя трудныя вопросы корабельнаго водчества, какіе только могутъ представиться въ службѣ.

Составъ и уравниеніе опытности, искусства, знанія и власти чиновъ нашихъ корабельныхъ экипажей, безъ всякаго сравненія, выше чѣмъ въ Англіи. Если у нихъ удаются отличные люди, то это болѣе случай, нежели разсчитанное приобрѣтеніе. У насъ, напротивъ, все то *необходимо* приобрѣтается, какъ жатва послѣ хорошаго посева и тщательнаго обихода. Это уже отчасти понятно изъ вышесказаннаго, но для невѣрующихъ не мѣшайте войти въ нѣкоторыя подробности, начиная съ самыхъ низшихъ степеней.

Матросъ. Въ Англіи нѣтъ достаточнаго числа коронныхъ матросовъ, по числу ихъ кораблей. Во всякомъ внезапномъ случаѣ, они прибѣгаютъ для созданія своихъ экипажей къ насильственной вербовкѣ съ улицъ, площадей и съ купеческаго флота, захватывая или заманивая на корабль, безъ разбора, всякаго встрѣчнаго, кто попадется на глаза. Споры нѣтъ, въ этомъ сбродѣ можетъ найтись много людей привычныхъ къ морю; но не къ воинскому порядку, къ дисциплинѣ, къ правильному отправленію всѣхъ обязанностей на военномъ кораблѣ. Въ странѣ, гдѣ всякій свободенъ бурлить и мудрить, эти люди выросли въ необузданности, покорны только до перваго случая отклониться отъ повиновенія. Вотъ почему, на каждомъ англійскомъ кораблѣ призвано за необходимое имѣть значительный отрядъ морскихъ солдатъ, которыхъ главнѣйшая обязанность — *составлять тылохранителей особы капитана противъ матросовъ.* Не на живую ли нитку сметанъ составъ такого экипажа. Но взгляните на русскаго православнаго матроса. Онъ глубоко про-

никнуть истиной, что Богъ поставилъ надъ нимъ власть, и онъ дѣтски преданъ своему *отцу-командиру*. Отдай лишь ему все должное, да приласкай его когда онъ хорошъ, да припугни его когда онъ *проштрафился*, да покажи ему собою примѣръ, и онъ готовъ за отца-командира въ огонь и въ воду, не спрашивая, «за чѣмъ?» и «почему?» Эта дѣтская покорность нашего народа, покорность по совѣсти, по душѣ, а не изъ страха, — эта глубоко вкорененная въ немъ, ничѣмъ непоколебимая добродѣтель его, она-то, въ тяжкія минуты рыскаетъ участь корабля или победы. Про его смѣшленость и переимчивость и говорить нечего. Рекрутъ при систематическомъ руководствѣ ефрейтора, унтеръ-офицера и офицера, въ самое короткое время дѣлается отличнымъ, ловкимъ, расторопнымъ и безстрашнымъ матросомъ, хорошимъ солдатомъ, и въ теченіе долговременной службы постоянно совершенствуется и въ своемъ дѣлѣ, и въ дисциплинѣ и въ нравственныхъ качествахъ, составляющихъ душу каждаго благоустроеннаго общества; тогда какъ у англійскихъ матросовъ, большею частію, одинъ лишь призракъ порядка и дисциплины, поддерживаемый *силой* капитана, и властью его въ военное время на жизнь и смерть. Относительно порядка боевой службы на корабляхъ, должно замѣтить, что у насъ на всѣ случаи и дѣйствія постановлены самыя подробныя и облуманныя общія правила для всѣхъ судовъ безъ исключенія; на каждомъ тѣ же командныя слова, тѣ же приемы, одинаковое корабельное устройство, одно распределение времени для суточныхъ занятій. Экипажъ однажды поступившій на корабль, остается на немъ до-тѣхъ-поръ, пока существуетъ само судно, а хотя бъ и понадобилось перевести съ одного корабля на другой нѣсколько матросовъ, офицеровъ, капитана, ни чьи привычки нигдѣ не встрѣтятъ новаго порядка вещей. Напротивъ, Англичане болѣе всего жалуется на свой флотъ именно за то, что у нихъ съ каждымъ капитаномъ, и даже съ каждымъ старшимъ *лейтенантомъ* и *мастеромъ*, — новые порядки: то есть, новые безпорядки, которые, при каждомъ перемѣщеніи экипажей, сбиваютъ людей, стѣсняють ихъ привычки, ослабляютъ силу флота въ самомъ корнѣ — во внутреннемъ единодушіи и единомысліи. Причина всему этому у нихъ —

различные источники и средства *приготовленія* людей; у насъ — всѣ одинаково учатся и готовятся на службу, и потому вездѣ одинъ порядокъ, одинъ духъ, одна мысль. При наступленіи дѣла, каждый напередъ знаетъ, *что приказаютъ дѣлать*; беретъ все свои *мѣры*, и вполне готовый ждетъ лишь *приказанія*. Выгода неощущенная, только у насъ существующая и возможная!

Теперь посмотрите на *артиллериста* въ нашемъ и въ англійскомъ флотѣ. Не забудьте, артиллеристъ такой художникъ на корабль, котораго все достоинство заключается въ умѣнии попадать въ цѣль изъ даннаго орудія, на данномъ разстояніи, въ данный предметъ, во время штиля и на качкѣ. Отъ этой бездѣлицы зависитъ, можно сказать, живая сила флота, успѣхъ войны, победа и слава флота. Артиллеристъ долженъ вести въ совершенномъ порядкѣ все корабельное артиллерійское хозяйство, обучить весь экипажъ меткой стрѣльбѣ, и всѣмъ таинствамъ знанія и сноровокъ, которыми она *приобрѣтается*.

Каковы у насъ морскіе артиллеристы, можете судить по книгѣ, написанной однимъ изъ нихъ, для своихъ сослуживцевъ. А каковы артиллеристы въ англійскомъ флотѣ, можете судить изъ собственныхъ устъ капитана англійскаго королевскаго флота *Гласкока* (1):

«Изъ многихъ старинныхъ постановленій, до-сихъ-поръ уцѣлѣвшихъ въ королевскомъ флотѣ, ни одно не представляетъ столько несообразностей, какъ постановленіе, возлагающее званія артиллерійскихъ офицеровъ, на людей, которымъ это постановленіе должно казаться насмѣшкою на артиллерійское искусство. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли требовать, чтобъ человекъ, вовсе незнакомый съ составомъ пороха, чуждый самаго поверхностнаго понятія о дѣйстви артиллерійскихъ снарядовъ и о правилахъ возвышенія и пониженія орудій, — могъ бы надлежащимъ образомъ *отправлять* должность морскаго артиллериста.

«Правда, что прежде поступленія въ эту должность, каждый обязанъ выдержать экзаменъ, предъ трибуналомъ.

1 См. *Морская служба въ Англии*. соч. Гласкока, перев. Корниловъ. С. Петербургъ. 1839. Ч. II. стр. 1 и 2.

официально для того собраннымъ, и составленнымъ изъ флотскаго капитана, мастера (штурмана), и трехъ корабельныхъ артиллерійскихъ офицеровъ. Но какой экзаменъ? Президентъ этого *конклава* назначаетъ мастеру морскую часть. Мастеръ, найдя экзаменующаго совершеннымъ въ призываніи буйрепа, сплескиваніи каната, укрѣпленіи нижняго порта и ввязываніи юнферовъ, заключаетъ испытаніе вопросами о руль-таляхъ, о лотъ и маркахъ на лотъ-линь.

«Главный артиллеристъ бываетъ совершенно доволенъ, когда экзаменующійся можетъ дать ему нѣсколько удовлетворительныхъ отвѣтовъ о разсыпкѣ пороха.

«Второй артиллеристъ обыкновенно задаетъ задачу о краплени пушки нижняго дека, задачу, которую можетъ рѣшить каждый матросъ королевскаго флота; окончивъ это, онъ свидѣтельствуетъ, что экзаменующійся достаточно знаетъ и эту *отрасль артиллерійскаго искусства*.

«Наконецъ, младшій артиллеристъ, съ желаніемъ выказать свое знаніе, спрашиваетъ объ изготовленіи орудія къ подъему въ нижній корабельный декъ. Экзаменатору это гораздо извѣстнѣе, нежели полетъ ядра! Боцманъ-метъ (*) начинаетъ разсказъ, и въ пылу своего краснорѣчія забываетъ *пушечный шкентель*; но остальная часть его разсказа, то есть, объ изготовленіи фишъ-талей, найдена удовлетворительно и ему даютъ одобрительную аттестацію на званіе артиллериста.

«Кто не скажетъ, что эта картина экзаменовъ въ корабельные артиллерійскіе офицеры — вѣрна.

«Замѣчанія мои отнюдь не имѣютъ цѣлью унижить *нынѣшнихъ* артиллерійскихъ офицеровъ. Это званіе часто достается имъ, какъ награда за *примѣрное поведеніе* и за *другія* достоинства на службѣ отечеству.»

Напротивъ, у насъ артиллерійскій офицеръ, получаетъ званіе офицера послѣ строгаго испытанія, — кромѣ общихъ, вспомогательныхъ наукъ, — въ высшей математикѣ, въ теоріи и практикѣ артиллеріи и фортификаціи. Вступивъ на дѣйствительную службу нашъ артиллеристъ вполнѣ посвящается на

* Въ артиллерійскіе офицеры по большей части поступаютъ изъ боцманъ-метовъ. *Пр. соч.*; а боцманъ меты — изъ матросовъ. *Пр. изд.*

корабля боевому дѣлу; въ теченіе службы передаетъ свои свѣдѣнія нижнимъ чинамъ экипажа. Завѣдываетъ всѣмъ артиллерійскимъ корабельнымъ хозяйствомъ. Въ зимнее время, на берегу онъ упражняетъ канонировъ и матросовъ, въ ученіи примѣрномъ и въ настоящей стрѣльбѣ изъ орудій. Въ Англіи есть только люди, которыхъ *называютъ* артиллеристами; у насъ артиллеристы составляютъ особый корпусъ войска, котораго учрежденіе, составъ и постоянное содержаніе на боевой, ученой и искусственной ногѣ, доведено до высокаго совершенства, какъ нигдѣ. Въ этомъ вы сами лично убѣдитесь, когда я буду имѣть честь поближе познакомить васъ съ разсматриваемой книгой, которая есть живой портретъ съ дѣйствительнаго нынѣшняго состоянія нашей морской артиллерійской службы.

Точно также въ Англіи есть только люди, которыхъ называютъ штурманами (*мастера*), но нѣтъ ни въ службѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, съ его начальствомъ, надзоромъ, подчиненностью, членосоставомъ — тѣломъ и душой; ни учебнаго заведенія для ихъ приготовленія и образованія. Каждый капитанъ покупаетъ опытность своего мастера дорогою цѣною — сознаніемъ своей слабости по этой части. Напротивъ, у насъ особое учебное заведеніе образуетъ изъ флотскихъ штурмановъ вполнѣ морскихъ офицеровъ на все готовыхъ; они ответственны астрономы и корабледодцы, кромѣ исключительнаго назначенія для гидрографическихъ работъ и знанія лоціи тѣхъ морей, гдѣ можетъ предстоять плаваніе нашимъ флотиліямъ. Но у насъ капитанъ, вполнѣ приготовленный ко всѣмъ знаніямъ и опытности штурмана, всегда повѣряетъ и учитываетъ знанія, опытность и дѣйствія подчиненнаго себѣ штурмана, и не имѣетъ надобности допускать его до совмѣстничества въ своей власти, какъ въ Англіи, совмѣстничества, которое есть истинная чума въ порядкѣ службы, особливо на флотѣ, гдѣ малѣйшая неисполнительность, своенравіе подчиненнаго можетъ привести къ губельнымъ, ничѣмъ не вознаградимымъ послѣдствіямъ.

Старшій лейтенантъ на англійскомъ флотѣ — истинный капитанъ корабля, а *паричательный* капитанъ большею частію — только *представитель* его искусства, опытности и

знанія. Весьма рѣдки примѣры, чтобы старшій лейтенантъ достигалъ званія капитана. Бѣднякъ, посядѣвшій на морь, прошедшій сквозь морской огонь и воду, крестный братъ бурямъ, ураганамъ, большею частію онъ умираетъ въ своемъ званіи. Роль капитана ему не подъ силу, не смотря, что *власть* капитана у него въ рукахъ. Онъ составляетъ себя громкую извѣстность, становится предметомъ зависти, искательства, подкуповъ, приманокъ заботливыхъ капитановъ, которые стараются другъ у друга отбить себя *доку* старшаго лейтенанта.

И такъ на англійскомъ кораблѣ три капитана: одинъ играетъ роль, какъ представитель и тѣнь *капитана*, другой капитанъ — *старшій лейтенантъ*: онъ истинный центръ всей корабельной жизни. Третій капитанъ — *мастеръ*: на его долю приходится тоже добрая треть капитанской власти; потому-что оба эти олицетворяютъ собою ту опытность, искусство и знанія, которыхъ не достаетъ капитану. Можно себя представить положеніе корабля въ критическія минуты службы, когда власть капитана, скудная моральными силами, придетъ въ столкновеніе съ моральными силами двухъ подчиненныхъ, лишенныхъ власти, (столь вождеденной для людей-свободы), присвоенной капитану. Здѣсь родникъ безчисленныхъ безпорядковъ и гибельныхъ послѣдствій для флота. Напротивъ, если вы припомните все сказанное о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, да возьмете въ расчетъ, что у насъ никто не можетъ сдѣлаться капитаномъ, не пройдя степеней: *кадета, гардемарина, мичмана, лейтенанта, старшаго лейтенанта*, то ужъ вы и спорить не станете, что въ лицѣ нашего капитана естественно соединяются не только три раздѣльныхъ опытности, знанія и лица англійскаго флота (капитанъ, старшій лейтенантъ, и мастеръ); но и всѣ безъ исключенія власти и знанія всѣхъ разнородныхъ чиновъ корабельнаго экипажа: онъ морякъ, артиллеристъ, штурманъ, инженеръ и прочая и прочая*; ко всему этому онъ приготовленъ школою и службой самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Всѣ прочіе чины суть только исполнители, и исполнители подчиненные, его приказаній. Не довольнѣ

* Смотр. выше стр. 9.

онъ исполнительностію своего «старшаго лейтенанта», онъ можетъ назначить другаго изъ его товарищей. У насъ этотъ выборъ нисколько ни затруднителенъ, и званіе «старшаго лейтенанта» почти, не составляетъ особаго отличія отъ особы самаго капитана, который никакъ не можетъ быть въ моральной зависимости ни отъ кого изъ своихъ подчиненныхъ. Вотъ источникъ постоянныхъ успѣховъ нашего флота во всѣхъ дѣлахъ, какъ прежнихъ такъ и будущихъ.

Теперь возьмите двухъ моряковъ одинаково опытныхъ, закаленныхъ моремъ, поставьте ихъ на всы — который перетянетъ? Разумѣется тотъ, у кого, при той же опытности, болѣе систематическаго, разносторонняго образованія, и постепеннаго восхожденія отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ степеней морской службы, непременно на морь, а не на паркетъ. Да къ этому прибавьте еще: нашъ морякъ, въ одно и тоже время, и морякъ и сухопутный воинъ, и всегда — чудесный подчиненный!

По отъ чего у насъ такой, по истинѣ, прочный и мудрый членосоставъ флота и въ частяхъ и въ цѣломъ? Именно отъ прочности и мудрости коренныхъ стихій нашей народности! отъ того, что у насъ все истекаетъ всегда отъ одного Лица, чуждаго всякихъ личныхъ расчетовъ, одно присутствіе Котораго въ государствѣ устраняетъ возниканіе и расплемененіе государственныхъ партій, такъ безжалостно свирѣпствующихъ въ другихъ державахъ. Одушевленный единственною, высокою цѣлью общаго блага, Онъ этимъ благомъ примиряетъ и погашаетъ безчисленные, взаимнопротиворѣчащія требованія частныхъ корыстей и видовъ.

Въ нашихъ журналахъ и газетахъ не разъ повторялась мысль, что все могущество Англій заключается въ ея несметномъ купеческомъ флотѣ. Еслибъ это говорилось только въ торговомъ и таможенномъ отношеніи, то было бы справедливо, но въ отношеніи военномъ — это требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Надо согласиться, что если Англія захочетъ вести наступательную войну противъ которой-либо изъ большихъ морскихъ державъ, то кромѣ ежедневнаго своего флота, разбросаннаго по всему земному шару, она должна внезапно при-

готовить не менее 50-ти линейныхъ кораблей, и столько же другихъ судовъ разнаго званія. Предполагая, чего нѣтъ и быть не можетъ, что она имѣетъ во вседневномъ запасѣ въ своихъ портахъ, 50 кузововъ линейныхъ и столько же другихъ разныхъ судовъ; всѣ эти суда и корабли давно стоятъ въ запасѣ, большею частію ветхи, требуютъ большихъ исправленій; имъ не достаетъ рангоута, снастей, парусовъ, канатовъ, якорей, всякой посуды, артиллерійскихъ принадлежностей, съестныхъ припасовъ, наконецъ, у нихъ нѣтъ людей. Вдругъ весь этотъ флотъ надобно поставить на боевую ногу.

Чтобъ поставить линейный корабль на боевую ногу, на шестимѣсячную кампанію при чрезвычайномъ возвышеніи цѣны на все, потребуется отъ 2 до 3 милліоновъ рублей; а на всѣ 50 кораблей отъ 100 до 150 милліоновъ рублей. На жалованіе и прочая до 150 тысячъ рублей на каждый, а на всѣ до 7½ милліоновъ рублей. По меньшей мѣрѣ третья доля понадобится для фрегативъ, корветовъ и прочихъ судовъ; весь флотъ потребуетъ отъ 140 до 210 милліоновъ вдругъ. Еще вопросъ: достанетъ ли доковъ, верфей, рукъ и матеріаловъ, чтобы такую армаду создать почти изъ небытія, и каковы должны быть цѣны на всѣ потребности до послѣдняго сухаря и гвоздика? Но пусть Англія обладаетъ несметными средствами: армада готова. Надобны матросы, боцмана, мичмана, лейтенанты, старшіе лейтенанты, мастера и капитаны.

На каждый линейный корабль въ военное время требуется отъ 700 до 1000 человекъ: на всѣ 50 кораблей отъ 35 до 50,000. На фрегаты, корветы и прочая отъ 15 до 20,000. Всего вдругъ надобно собрать отъ 50 до 70,000 матросовъ. Разумется, по обещанію политическихъ экономовъ, ихъ возьмутъ съ купеческаго флота. Посмотримъ, къ чему это поведетъ.

На купеческихъ судахъ обыкновенно бываетъ: 6, 10, 12, 15, 20 матросовъ, смотря по величинѣ ихъ. Возьмемъ среднее 12; чтобы набрать 50-70 тысячъ матросовъ, понадобится отъ 4 до 6,000 купеческихъ кораблей оставить вовсе безъ людей, исключить изъ купеческаго флота.

Среднее судно поднимаетъ 15,000 пудовъ: (а есть суда поднимающіе 25, 50 и болѣе тысячъ пудовъ); положимъ, грузъ—жельзо; и таможня беретъ по рублю съ пуда пошлины. Это самый малый сборъ; но и тогда упразднивъ отъ 4 до 6000 ку-

печескихъ судовъ, то есть, отъ 60 до 90 милліоновъ пудовъ груза, государство лишится таможеннаго сбора въ самой малой мѣрѣ, и за одинъ только рейсъ, отъ 60 до 90 милліоновъ рублей. На дорогихъ товарахъ и на большихъ судахъ эта потеря удвоится, учетверится, и всячески превзойдетъ 100 милліоновъ рублей; да на изготовленіе флота употреблено до 200, всего потеря составитъ до 300,000,000 рублей. Этимъ откроется война вѣшняя, и опустошеніе внутреннее. Отъ 4 до 6000 судовладельцевъ, выбыли изъ купеческаго флота, и разореніе ихъ отзовется во всей торговлѣ до самыхъ банковъ, и безъ того уже приведенныхъ военными обстоятельствами въ напряженное состояніе. Остатки купеческаго флота надобно въ военное время охранять военными судами;—новыя флотиліи и расходы. Всю морскую стражу англійскихъ владѣній разбросанныхъ по земному шару, надобно усилить, а не ослабить: иначе имъ помогутъ воспользоваться развлеченіемъ силъ метрополи. Потомъ, убыль отъ 4 до 6000 англійскихъ кораблей изъ всемірной торговли, очиститъ мѣсто столькимъ же кораблямъ другихъ державъ. Это можетъ нанести, если не смертельный, то весьма болезненный ударъ англійской торговлѣ.

Но пусть Англія обладаетъ несметными силами, средствами и безсмертною торговою жизнію — ей ничего не стоитъ взять съ купеческаго флота на военный 70,000 матросовъ. Но что это за матросы? и что за экипажи, составленные изъ такого скопища людей, которые росли въ бытѣ купеческаго флота, несовмѣстный съ бытомъ военного. Поздно ихъ переучивать, когда надобно дѣйствовать. А 100 капитановъ, 100 старшихъ лейтенантовъ, 100 мастеровъ, которые прямо годились бы на военный корабль, гдѣ возьмутъ: съ берега или купеческаго корабля? Одно другаго стоитъ. Положимъ, Англичане родятся моряками; но тактики, артиллеристы, боевые экипажи, порядокъ, единодушіе, дисциплина, образуются десятками лѣтъ теорическаго и практическаго обученія.

Еще скажутъ: «англійскій купеческій флотъ, во время войны важнѣе тѣмъ, что каждый корабль его можетъ сдѣлаться корсаромъ и наносить повсемѣстное опустошеніе непріятельской торговлѣ.» На это былъ уже отвѣтъ: купеческій корабль имѣетъ 25 матросовъ, тотъ же ко-

рабль приготовленный корсаромъ, долженъ имѣть отъ 100 до 350 человекъ. Гдѣ взять людей? опять же съ купеческаго флота? И со всякъ тѣмъ военныя достоинства такого вонна-купца всё-таки будутъ ничтожны въ сравненіи съ настоящими военными судами, которые сами и экипажи ихъ вполне приспособлены къ боевому дѣлу, особенно если возьмемъ въ соображеніе то, что вообще англійскіе купеческіе суда плохіе ходоки. Судохозяева ихъ только о томъ заботятся, чтобъ корабль поднималъ какъ можно больше груза, то есть, необходимо даютъ имъ *барочную* постройку. На это сами Англичане жалуются въ Papers on Naval Architecture. Какой же корсарской быстроты движеній можно ожидать отъ такихъ барокъ?

Наконецъ, у насъ перядко повторяется мысль: «что Англичане безпрестанно въ морѣ, въ вѣчной практикѣ — великіе тактики.» Смыю увѣрить, что Англичане хорошіе мореходы, но всего меньше тактики. Имъ некогда учиться тактикѣ. Флотъ — то же что хоръ. Только тотъ хоръ и строенъ и хорошъ, который безпрестанно свѣдается, въ которомъ всѣ пѣвчіе свыкнулись другъ съ другомъ и съ своимъ уставщикомъ, а уставщикъ съ ними. Никогда Англичане не плаваютъ цѣлымъ флотомъ, рѣдко небольшими эскадрами, большую частію корабли и суда заняты каждый своимъ порученіемъ; что-нибудь одно: или дѣлать свое дѣло или учиться тактикѣ. Или эскадра спитъ на смѣну, или возвращаясь со смѣны спшитъ на починку.

Наши флоты, напротивъ, каждое лѣто выходятъ въ море, для тактическихъ упражненій; матросы, офицеры, капитаны, адмиралы необходимо свыкаются, со всеми случайностями моря, со всеми тайнами и приемами тактики, со всеми правилами и подробностями артиллерійскаго и абордажнаго боя, свыкаются и между собою. — Наши флоты, однажды учрежденные, состоя всегда въ боевой готовности, никогда, при открытіи войны, не потребуютъ отягчительныхъ денежныхъ и вещественныхъ жертвъ; тогда какъ для созданія англійской наступательной армады, почти изъ небытія, потребуются вдругъ чрезвычайныя средства и условія всѣхъ родовъ, которыя у насъ

погашаются ежегодною постепенностью; а тамъ не могутъ не отозваться смертельными ударами на коммерческой флотъ, таможенію, банки, мануфактурные округа и колоніи — эти пять жизненныхъ стихій Англій, замѣтите, случайныхъ, а не *почвенныхъ*

Спрашивается — въ чемъ же то исполненное превосходство англійскаго флота, о которомъ такъ много любятъ говорить? — Въ преданіи, въ воображеніи, и въ непростибельномъ незнаніи собственныхъ нашихъ силъ и средствъ, которыя впрочемъ постоянно проявлялись во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ флотовъ. Если кто, такъ это мы, имѣемъ полное право гордиться мудростью всѣхъ учрежденій и дѣйствій нашего правительства по флоту: намъ стоитъ только выиснить себѣ всю прочность членосостава частей, свободно срачивающихся въ одно крѣпкое цѣлое, объять всю обширность средствъ физическихъ, гражданскихъ, учебныхъ и моральныхъ, которыми несконны владѣютъ наши флоты, — чтобы совершенно убѣдиться въ дѣйствительности тѣхъ силъ и превосходствъ, которыя можетъ развернуть нашъ флотъ въ борьбѣ съ непріятельскими флотами.

Каждый Русскій съ чувствомъ высокаго своего достоинства можетъ сказать, что постоянно мудрая политика Россіи, всегда выражалась двумя словами: «ПЕ ТРОНЬ МЕНЯ!» Русскіе флоты, всегда сосредоточенные на своихъ водахъ, находятъ оборонительную силу и тысячи благопріятныхъ средствъ даже въ самой мѣстности, которая столько же пагубна всякому наступательному дѣйствію непріятельскихъ флотовъ на ея водахъ, въ ея *домъ*. Съ другой стороны, чистота намѣреній и правота дѣлъ, естественно, всегда увѣчиваетъ Русское оружіе вѣрнымъ успехомъ. Это нашъ историческій завѣтъ! это сердечный догматъ народной нашей вѣры! Спрашивается, въ чемъ же заключается магическое превосходство англійскаго флота надъ русскимъ! Если вы сообразите всѣ данныя доселѣ изложенныя, и за всѣмъ тѣмъ не отдадите еще преимуществъ себѣ, то будьте на столько справедливы и безпристрастны, — не унижайте своихъ неотъемлемыхъ, не-

оспоримыхъ превосходствъ народныхъ, не унижайте своего передъ мнимымъ чужимъ превосходствомъ, а лучше, изучайте внимательно все *свое*, взвѣсьте, оцените всѣ стихіи своей народности; узнайте, что она такое? Но довольно. Давно уже на моей душѣ лежалъ обѣтъ и долгъ, познакомить читателей Маяка, въ видахъ Русской народности, съ прочнымъ и мудрымъ основаніемъ нашего флота; не думаю, чтобы русское сердце не порадовалось всему этому, и не убѣдилось въ той несомненной истинѣ, что если перебрать такимъ образомъ все русское, одно за другимъ, и свести на очную ставку съ иноземнымъ, то мы бы изумились, сколько у насъ прекраснаго, прочнаго, прохвальнаго!

О ПОЛНОМЪ ЗАТМѢНІИ СОЛНЦА 26 ІЮНЯ 1842 ГОДА, И О ВОПРОСАХЪ НЕБЕСНОЙ ФИЗИКИ, КОТОРЫХЪ РАЗРѢШЕНІЕ СВЯЗАНО СЪ НАБЛЮДЕНІЯМИ, ПРОИЗВОДИМЫМИ НАДЪ ПОЛНЫМИ СОЛНЕЧНЫМИ ЗАТМѢНІЯМИ.
Статья господина Араю, непременнаго секретаря парижской академіи наукъ, читанная имъ въ собраніи этой академіи 6 Іюня шестидесяти года. — Затмѣнія солнца случаются только въ дни новолунія. Только въ эти дни спутникъ нашъ можетъ стать между землею и солнцемъ и скрыть отъ насъ большую или меньшую часть послѣдняго. Когда луна, во время высшей точки затмѣнія, скрываетъ только часть солнечнаго круга, то затмѣніе называется *частнымъ*. Когда она скрываетъ все солнце, то затмѣніе есть *полное*. Наконецъ, когда она вся является на солнцѣ въ видѣ чернаго круга, не закрывая однако жъ всего этого свѣтила и оставляя видимыми края солнца, въ видѣ свѣтлаго кольца, то затмѣніе называется *кольцеобразнымъ*. Иногда, хотя очень рѣдко, случается, что затмѣніе бываетъ для некоторыхъ мѣстъ земли полное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для другихъ мѣстъ, кольцеобразное. Это происходитъ тогда, когда видимые диаметры солнца и луны почти равняются другъ другу. Тогда луна находясь не въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ точекъ поверхности земли, кажется въ одномъ мѣстѣ больше, а въ другомъ

меньше, и такимъ образомъ въ одномъ мѣстѣ скрываетъ весь кругъ солнца, а въ другомъ оставляетъ около себя свѣтлое кольцо.

Луна и солнце, находятся не въ равномъ разстояніи отъ земли; отъ этого наблюдатели затмѣнія, находящіеся на разныхъ точкахъ, не могутъ видѣть ихъ на однихъ и тѣхъ же точкахъ неба. Отъ этого затмѣніе полное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, представляется частнымъ въ другихъ; а затмѣніе частное, видимое въ одномъ мѣстѣ, бываетъ невидимо въ другомъ.

Солнечныя и лунныя таблицы доказываютъ, что среднимъ числомъ бываетъ на всей землѣ 70 затмѣній въ каждыя восемнадцать лѣтъ: 29 лунныхъ, и 41 солнечное.

Въ одинъ годъ никогда не можетъ быть *болѣе семи* затмѣній, и *менше двухъ*. Когда ихъ случается только два въ годъ, то оба эти затмѣнія бываютъ солнечныя.

На всемъ земномъ шарѣ число затмѣній солнца превосходитъ число затмѣній луны, почти въ пропорціи 3 къ 2. Напротивъ того въ какомъ-нибудь одномъ известномъ мѣстѣ земнаго шара бываетъ видимо болѣе лунныхъ затмѣній чѣмъ солнечныхъ. Въ каждый восемнадцатилѣтній періодъ происходитъ, среднимъ числомъ, 28 солнечныхъ, центральныхъ затмѣній, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть кольцеобразными или полными; но такъ какъ пространство земнаго шара, на которомъ тотъ и другой родъ затмѣнія можетъ быть видимъ, очень невелико, то въ одномъ какомъ-либо известномъ мѣстѣ затмѣнія полныя или кольцеобразныя чрезвычайно рѣдки. Галлей исчислилъ въ 1715 году, что съ 20 Марта 1140 года, въ теченіе 575 лѣтъ, не было въ Лондонѣ ни одного полнаго затмѣнія солнца. Оно случилось тамъ въ 1714 году, а послѣ того не было ни разу. Въ Монпелье, котораго положеніе болѣе благопріятно въ этомъ отношеніи, мы находимъ полныя затмѣнія: 1 Января 1386; 7 Іюня 1415 12 Мая 1706 и 8 Іюля 1842 года.* Въ Парижѣ, въ

* Эти числа и всѣ прочія въ настоящей статьѣ показаны по новому стилю.

теченіе осьмнадцатаго вѣка, видѣли только одно полное затмѣніе солнца, въ 1724 году. Въ девятнадцатомъ столѣтіи не было еще тамъ такого затмѣнія и не будетъ.

Дю-Сежуръ исчислилъ въ 1777 году:

Наибольшее, возможное продолженіе солнечнаго затмѣнія.	{	Подъ экваторомъ 4 часа 29 мин. 44 сек.
		Подъ параллелью Парижа 3 — 26 — 32 —
Наибольшее, возможное продолженіе кольцеобразнаго затмѣнія.	{	Подъ экваторомъ . . . 12 — 24 —
		Подъ параллелью Парижа 9 — 36 —
Наибольшее, возможное продолженіе полного омраченія.	{	Подъ экваторомъ . . . 7 — 38 —
		Подъ параллелью Парижа 6 — 40 —

Полныя затмѣнія продолжались: 1706 года, въ Монпелье 4 минуты 10 секундъ; 1715 года, въ Лондонѣ 3 минуты 57 секундъ; 1724 года, въ Парижѣ 2 минуты 16 секундъ; 1778 года, на корабль «Испанія» 4 минуты; 1806 года, въ Киндергукъ, въ Америкѣ, 4 минуты 37 секундъ.

Древніе историки упоминаютъ о нѣкоторыхъ полныхъ солнечныхъ затмѣніяхъ. Геродотъ — о затмѣніи, случившемся во время битвы между Лидійцами и Медами, (въ 603 году до Рождества Христова. (Костаръ находитъ его сомнительнымъ и относитъ его къ 630 году). Оалесъ предсказалъ затмѣніе на 585 годъ. (Это показаніе, разнящееся во времени, о томъ же самомъ затмѣніи). Затмѣніе 480 года до Рождества Христова произвело почти возмущеніе въ войскахъ Ксеркса. (Затмѣніе сомнительное). Когда Периклъ отправился въ Пелопонезъ, то было затмѣніе въ 431 году до Рождества Христова. Также упоминается затмѣніе въ 310 году до Рождества Христова, во время похода Агаокла въ Кареагенъ.

Въ историкахъ находимъ, что послѣ Рождества Христова были полныя затмѣнія:

Въ 59 году, при кончинѣ Агриппины, въ 98, 237, 360, 484, 787, 840, 878, 957, 1133, 1187, 1191, 1241, 1415, 1485, 1544, 1560, 1567, 1605 годахъ.

Затмѣнія кольцеобразныя были, по вернымъ свѣдѣніямъ, въ 44 до Р. Х., а послѣ Р. Х., въ 334, 1567, 1598, 1601, 1737, 1748, 1764, 1820, 1836 годахъ

Будетъ кольцеобразное затмѣніе въ Парижѣ 9 Октября 1847 года.

Свидѣтельства о полныхъ затмѣніяхъ, Тихо Браге считалъ невѣрными. Онъ полагалъ, по своимъ исчисленіямъ, что діаметръ луны никогда не можетъ казаться съ земли равенъ солнечному, и въ 1600 году писалъ, что сомняется въ дѣйствительности полныхъ затмѣній. Онъ отвергалъ вѣрность извѣстія Клавія, который наблюдалъ такое затмѣніе въ Коимбрѣ, въ 1560 году, равно вѣрность описанія полнаго затмѣнія, бывшаго въ Торгау, въ 1598 году. Но черезъ нѣсколько лѣтъ открылось, какъ Тихо Браге ошибался. Въ 1605 году произошло большое затмѣніе, которое въ Неаполѣ было полнымъ. Въ послѣдствіи были полныя затмѣнія въ 1706, 1715, 1724, 1778 и 1806 годахъ, какъ я уже сказалъ выше. Затмѣніе 8 Іюля (26 Іюня) нынѣшняго года также будетъ полное во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ ему быть такимъ по астрономическому исчисленію, которое нынѣ доведено до того, что ошибки въ предсказаніяхъ начала и конца затмѣнія ограничиваются нѣсколькими секундами, тогда, какъ прежде астрономы ошибались въ этомъ случаѣ нѣсколькими минутами и даже иногда предсказывали полное затмѣніе, которое на дѣлѣ оказывалось частнымъ; такъ, напримѣръ, случилось въ Римѣ 12 Іюля 1684 года.

О лучистомъ вѣнцѣ, которымъ луна бываетъ окружена во время полнаго затмѣнія солнца.

Нѣтъ ни одного новѣйшаго, нѣсколько подробнаго, описанія солнечнаго полнаго затмѣнія, гдѣ не было бы говорено о лучистомъ вѣнцѣ, которымъ луна кажется окруженною послѣ того, когда совсемъ сокроется солнце, и который уменьшаетъ мракъ.

Не знаю, этотъ ли вѣнецъ былъ причиною света, похожаго на сумерки, о которомъ говорить въ описаніи полнаго солнечнаго затмѣнія 98 года. Плутархъ писалъ: «Луна, во время затмѣній, оставляетъ кругомъ себя видимую часть

солнца, что уменьшаетъ темноту.» Эти послѣднія слова подають поводъ думать, что онъ писалъ о затмѣнїяхъ полныхъ, а не о кольцеобразныхъ, во время которыхъ не бываетъ темноты, а только ослабленіе свѣта."

Неискусные наблюдатели причислили затмѣніе 1567 года къ кольцеобразнымъ, потому-что луна казалась окруженною свѣтлымъ кольцомъ. Кеплеръ призналъ это затмѣніе полнымъ, объяснивъ кольцо двумя способами: или воспламененіемъ эоира близъ солнца, или переломленіемъ лучей его въ атмосферѣ луны. Кеплеръ развилъ эту мысль по случаю вѣнца, замѣченнаго во время полнаго затмѣнія 1598 года въ Торгау.

Затмѣніе 1605 года было въ Неаполь, безъ сомнѣнія, полное. Луна представлялась тамъ въ видѣ чернаго облака, окруженнаго сіяніемъ, которое занимало большую часть неба.

До-сихъ-поръ въ древнихъ книгахъ мы видѣли только неточное описаніе луннаго вѣнца. Это явленіе, при затмѣніи 1765 года, описано ученымъ образомъ Плантадомъ и Клаше. Они пишутъ: «Когда солнце было совсѣмъ омрачено, то около луны появился свѣтъ чрезвычайно бѣлый, который составлялъ вокругъ нея родъ вѣнца шириною до трехъ минутъ. Потомъ свѣтъ началъ слабѣть и составилъ около луны кругъ, котораго радіусъ былъ около четырехъ градусовъ. Этотъ кругъ нечувствительно терялся во мракѣ.»

Читателямъ, думаю, приятно будетъ прочитать переводъ описанія, которое составилъ Галлей въ 1715 году.

«За вѣскольکو секундъ прежде, чѣмъ солнце совсѣмъ омрачилось, увидѣли вокругъ луны свѣтлое кольцо, равнявшееся двѣнадцатой или даже десятой части луннаго діаметра. Цвѣтъ кольца былъ блѣдно-бѣлый или, лучше сказать, жемчужный. Мнѣ показалось, что въ немъ замѣтны были слегка цвѣты радуги. Центръ его соответствовалъ центру луны, изъ чего заключилъ я, что кольцо было лунная атмосфера. Но такъ какъ высота этой атмосферы должна бы была многимъ превосходить высоту атмосферы земной; такъ какъ, съ другой стороны, наблюдатели замѣтили, что ширина кольца увеличивалась на западной части луны по мѣрѣ того, какъ приближалось появленіе края солнца изъ-за луны, то я и говорю о моемъ заключеніи не съ большою увѣ-

ренностію. Я долженъ даже признаться, что не обратилъ всего должнаго вниманія на этотъ вопросъ.»

Во время того же полнаго затмѣнія 1715 года Лувиль, членъ французской академіи наукъ, находившійся тогда въ Лондонѣ, также видѣлъ лучистый вѣнецъ. Онъ ему показался сребристаго цвѣта. Свѣтъ былъ сильнѣе около краевъ луны и постепенно слабымъ по мѣрѣ отдаленія отъ нихъ. Этотъ свѣтъ оканчивался окружностію, довольно явственно замѣтною. Лучи, расходившіеся отъ краевъ мѣсяца, были не равно сильны. Между ними видны были какъ-бы промежутки. Лувиль замѣтилъ, что центръ этого вѣнца совпадаетъ съ центромъ луны.

Напротивъ того Моральди, въ 1724 году, нашелъ противоположное. При началѣ затмѣнія вѣнецъ казался шире съ восточной стороны луны, чѣмъ съ западной, а при концѣ затмѣнія вѣнецъ сталъ шире съ западной, чѣмъ съ восточной. Еще замѣтилъ Моральди, что ширина вѣнца съ сѣверной стороны превосходила ширину его съ южной.

Въ 1778 году Антоніо де Ульоа, во время затмѣнія 24 Іюня, замѣтилъ, что вѣнецъ около луны равнялся шестой части ея діаметра, что онъ былъ красноватаго цвѣта, который переходилъ въ блѣдножелтый и наконецъ въ бѣлый, по мѣрѣ удаленія отъ круга луны.

Вѣнецъ 1778, по словамъ испанскаго адмирала, былъ почти равно блистателенъ во всю ширину его. Изъ него по мѣстамъ выходили лучи. Весь вѣнецъ съ лучами, казалось, обращался быстро около центра, подобно жейверерочному колесу.

Бовдичъ и Ферреръ наблюдали полное затмѣніе 1806 года въ Америкѣ. Второй изъ нихъ пишетъ, что центръ вѣнца совпадалъ съ центромъ солнца, что цвѣтъ этого вѣнца былъ бѣлый, жемчужный; что ширина его была въ 6 минутъ, и что съ краевъ простиралась лучи на 3 градуса разстоянія.

О явленіяхъ, которыя происходятъ во время затмѣнія на краяхъ луны, когда они находятся въ близкомъ разстояніи отъ краевъ солнца.

Въ то время, когда западный край луны, покрывшей солнце, начинать отдѣляться отъ западнаго края солнца.

то первый представляется зубчатымъ, подобно пилѣ. Зубцы быстро увеличиваются въ объемѣ, уменьшаясь въ то же время въ числѣ. Вскорѣ потомъ является нѣсколько широкихъ чертъ, паралельныхъ и совершенно черныхъ, которыя какъ бы соединяютъ край луны съ краемъ солнца, и вдругъ исчезаютъ. На восточномъ краѣ тоже явленіе происходитъ наоборотъ. Когда этотъ край луны, покрывшей солнце, приближается къ восточному его краю, то черныя, паралельныя линіи являются первыя, потомъ зубцы въ видѣ пилы и наконецъ, передъ совершеннымъ омраченіемъ солнца, край луны принимаетъ видъ четокъ, составленныхъ изъ неправильныхъ зеренъ, черныхъ и свѣтлыхъ.

Эти явленія были уже замѣчены болѣе или менѣе древними астрономами. Байлей (Baily) явственно ихъ наблюдалъ во время кольцеобразнаго затмѣнія 15 Мая 1836 года. Между тѣмъ одинъ американскій астрономъ, какъ-будто бы для того, чтобы еще болѣе затруднить изъясненіе этихъ удивительныхъ явленій, прислалъ недавно въ Европу свои замѣчанія, въ которыхъ пишетъ, что зубцы и черныя линіи становятся невидимы, когда смотришь на затмѣніе сквозь зеленое стекло, и что они, напротивъ, очень явственны, когда наблюдатель смотритъ въ стекло красное.

О сіяніяхъ и блескѣ, замѣченныхъ на поверхности луны во время нѣкоторыхъ затмѣній солнца.

Лувиль пишетъ, что во время полного омраченія солнца въ 1715 году, въ Лондонѣ, онъ замѣтилъ на поверхности луны бѣгающія, огненныя черты подобныя тѣмъ, которыя произойти бы отъ вѣспышки пороха, насыпаннаго дорожками. Эти черты являлись мгновенно и исчезали, извиваясь подобно молніи, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но болѣе около восточнаго края луны.

Галлей замѣтилъ также на лунѣ молніи во всѣхъ направленіяхъ, но въ особенности около западнаго ея края, за нѣсколько времени до появленія солнца изъ-за луны.

Одинъ астрономъ представилъ лондонскому королевскому обществу изображеніе затмѣнія 1715 года. На этомъ изображеніи молніи доходили до центра луны.

Въ 1724 году парижскіе астрономы не замѣтили на лунѣ никакого сіянія и блеска.

Въ 1778 году Ульоа, Аранда и Виптуйзенъ замѣтили на лунѣ, въ сѣверо-западной ея части, за минуту съ четвертью до появленія изъ-за луны солнца, свѣтлую точку, которая блистала, какъ звѣзда, сначала четвертой, потомъ третьей и наконецъ второй величины.

Въ 1806 году Ферреръ не замѣтилъ никакого сіянія на лунѣ. Онъ разсмотрѣлъ только столпъ дыма, поднимавшійся на западной ея сторонѣ.

О темнотѣ во время полныхъ солнечныхъ затмѣній.

Историки, описавшіе затмѣніе 1560 года, безъ сомнѣнія, преувеличили истину, сказавъ, что послѣ омраченія солнца нельзя было ничего видѣть на одинъ шагъ, и что темнота превосходила мракъ ночи.

Во время затмѣнія Агаоока, за 310 лѣтъ до Рождества Христова, по словамъ историковъ, звѣзды являлись со всѣхъ сторонъ.

Плантадъ и Клапье, въ 1706, видѣли, во время затмѣнія, простыми глазами Венеру, Меркурія, Сатурна, Альдебарана и другія звѣзды, которыхъ не называютъ.

Въ 1715 году Галлей простыми глазами замѣтилъ также нѣсколько звѣздъ. Лунный вѣнецъ свѣтилъ гораздо слабѣе, чѣмъ полный мѣсяцъ, и не производилъ никакой чувствительной тѣни; но вдали, на лондонскомъ горизонтѣ, были видны части атмосферы, освѣщенныя солнцемъ, отъ которыхъ изливался въ омраченную ея часть тусклый свѣтъ, похожій на туманъ. Этому туману должно приписать, что малыхъ звѣздъ не было видно. Но смотря въ ту сторону, гдѣ этого тумана было менѣе по расположенію конуса тѣни, падавшей отъ затмѣнія, Галлей разсмотрѣлъ до двадцати двухъ звѣздъ.

Лувиль пишетъ, что во время того же затмѣнія нельзя было читать, но можно было различать строчки. Онъ разсмотрѣлъ нѣсколько звѣздъ второй величины.

Ульоа замѣтилъ, что лунный вѣнецъ появляется чрезъ 4 или 5 секундъ послѣ полного омраченія солнца, и что онъ исчезаетъ за 4 или 5 секундъ прежде появленія края солнца навъ-за луны. При вѣницѣ Ульоа простыми глазами видѣлъ только звѣзды первой величины, а до появленія вѣнца, равно какъ и послѣ того, какъ этотъ вѣнецъ исчезъ, видны были звѣзды второй величины.

Ферреръ въ 1806 году нашелъ, что въ воздухѣ и на землѣ во время полного затмѣнія было болѣе свѣта, чѣмъ при полномъ мѣсяцѣ.

О перемѣнѣ цвѣтовъ на земныхъ предметахъ во время затмѣній.

Свидѣтели затмѣнія 840 года пишутъ, что тогда цвѣтъ земныхъ предметовъ пережѣнился.

Плангадъ и Клаше, не зная объ этомъ замѣчаніи, сдѣланномъ въ 840 году, въ своемъ описаніи полного затмѣнія, бывшаго 12 Мая 1706 года въ Монпелье, сказали: «Помѣръ усиленія и уменьшенія затмѣнія предметы измѣняли своей цвѣтъ. Когда двѣ трети солнечнаго діаметра были сокрыты, то земные предметы казались оранжеваго цвѣта. Когда же видна была только двадцать-пятая часть солнечнаго діаметра, предметы сдѣлались такого цвѣта, какой видимъ въ водѣ, смѣшанной съ краснымъ виномъ.»

Галлей, въ описаніи затмѣнія 1715 года, пишетъ: «Когда $\frac{1}{12}$ частей солнечнаго діаметра были сокрыты луною, цвѣтъ неба началъ измѣняться. Лазурь сдѣлалась мутною, смѣшанною съ пурпуровымъ отливомъ.»

О дѣйствіи, которое производитъ на животныхъ быстрый переходъ отъ свѣта къ темнотѣ

Риччіоли пишетъ, что во время полного затмѣнія 1415 года, въ Богеміи, птицы отъ страха падали мертвыя.

Тоже пишутъ очевидные свидѣтели о затмѣніи 1560 года.

«Птицы, — удивительное дѣло! — пораженныя страхомъ, падали на землю.»

Въ 1706 году, въ Монпелье, «летучія мыши летали, какъ бы при наступленіи ночи. Курицы, голуби, поспѣшно укрывались. Маленькія птицы, пѣвшія въ клѣткахъ, замолчали и спрятали голову подъ крыло. Животныя, запряженныя въ плугъ, остановились.»

Лувиль въ описаніи затмѣнія 1715 года пишетъ: «Лошади, бывшія на пашнѣ или на большихъ дорогахъ, легли и не хотѣли идти далѣе.»

На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній господинъ Араго предлагалъ астрономамъ, при наблюденіи полного затмѣнія 26 Іюня нынѣшняго года, обратить вниманіе на слѣдующее:

1.) Центръ луннаго вѣнца совпадаетъ ли съ центромъ луны или съ центромъ солнца? Рѣшеніе этого вопроса и измѣреніе самаго вѣнца могло бы показать, отчего онъ происходитъ, отъ солнечной или лунной атмосферы.

2.) Правда ли, какъ писалъ Галлей въ 1715 году, что сіяніе луннаго вѣнца не производитъ тѣни?

3.) Лучи, выходящіе изъ вѣнца, соотвѣтствуютъ ли луннымъ горамъ, или же долинамъ.

4.) Молніи, замѣченныя на лунѣ во время затмѣнія 1715 года Лувилемъ и Галлеемъ, будутъ ли нынче замѣтны? Просходятъ ли онѣ, какъ полагалъ Лувиль, отъ грозъ на лунѣ, или отъ переломленія лучей солнца въ лунной атмосферѣ, или же отъ солнечнаго свѣта, отражаемаго тѣми частями земли, которыя остаются во время затмѣнія не омраченными?

5.) Замѣтна ли будетъ и нынче, на сѣверо-западной части луны свѣтлая точка? Ульоа, видѣвшій это явленіе въ 1778 году, полагалъ, что въ лунѣ есть сквозное отверстіе, чрезъ которое видна была частичка солнца, сокрытаго луною. Лаландъ исчислилъ, что это отверстіе, если оно существуетъ, должно имѣть сто девять миль длины.

6) Во сколько секунд происходят замѣченные измѣненія пины, являющейся на краяхъ луны во время затмѣній, и превращеніе этой пины въ черныя, параллельныя черты, которыя мгновенно исчезаютъ? Отчего происходитъ это удивительное явленіе?

7.) Какое произойдетъ измѣненіе цвѣтовъ наземныхъ предметовъ при затмѣніи?

8.) Сколько звѣздъ и какой величины явится во время полного затмѣнія? Сенека написалъ, что Посидоній увидѣлъ комету во время полного затмѣнія. Событіе это отнесено къ 462 году до Рождества Христова. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ годъ было въ Аѳинахъ полное затмѣніе солнца. Въ 418 году послѣ Рождества Христова, въ царствованіе императора Θεодосія, также увидѣли комету во время полного затмѣнія. Не замѣтятъ ли и нынче подобнаго явленія?

Подождемъ отвѣта астрономовъ на всѣ эти задачи господина Араго.

ПОСТЕПЕННОЕ ВОЗВЫШЕНІЕ ЗЕМЛИ НАДЪ ПОВЕРХНОСТЮ МОРЯ. Въ Швеціи и въ Италіи поверхность земли постоянно возвышается надъ поверхностію соседственныхъ морей. Это возвышеніе происходитъ медленно и постепенно, но оно, какъ оказывается по наблюденіямъ, совершается безпрерывно. Господинъ Пикколини, неаполитанскій ученый, исчислилъ, что западный берегъ Италіи съ 1823 года по 1838 годъ, то есть, въ пятнадцать лѣтъ, возвысился, въ отношеніи къ морю, на 112 миллиметровъ. Тоже явленіе замѣчено и въ Швеціи, но тамъ не опредѣлена мѣра происходящаго возвышенія. Такъ сказано въ одномъ французскомъ журналѣ.

А вотъ весьма кстати получено извѣстіе изъ Швеціи, извлеченное изъ Kongl. Vedensk. Acad. Тамоніи ученый Альмлёфъ, въ 1839 году, посвятилъ цѣлое лѣто, чтобы отыскать и обозрѣть замѣтки, сдѣланныя въ разныхъ годахъ, для означенія высоты моря, на берегу между Гапарандой и Сѣдеркенигомъ. Онъ нашелъ, что замѣтки эти подыались надъ поверхностію моря въ слѣдующей пропорціи:

Мѣста, гдѣ сдѣланы были замѣтки, означавшія поверхность моря.	За сколько лѣтъ до 1839 года сдѣланы были замѣтки.	Высота замѣтокъ въ 1839 году надъ поверхностію моря.
---	--	--

Ледскеръ.....	44	.....	$1^{16}/_{100}$	ШВЕДСКИХЪ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ФУТОВЪ.
Ульфѣнъ Бокгареть.....	17	.....	$6^0/_{100}$	
Сѣдра Корѣгрундъ.....	18	.....	$6^5/_{100}$	
Ассиасундъ.....	19	.....	$10^0/_{100}$	
Лѣфгрундеть, Свартелланъ.....	108	.....	$3^{12}/_{100}$	
Гресѣ.....	19	.....	1	
Свартклуббенъ.....	19	.....	$6^0/_{100}$	
Лардсортъ, Остергамненъ.....	39	.....	$1^{10}/_{100}$	
Ландсортъ, Вестергамненъ.....	39	.....	$1^{20}/_{100}$	

Если нѣтъ ошибки въ этомъ измѣреніи, то ясно, что на море постепенно понижается и уходитъ отъ береговъ, какъ полагали прежде, а земля постепенно возвышается надъ моремъ. Это доказывается тѣмъ, что въ Ассиасундѣ, Гресѣ и Свартклуббенѣ въ 19 лѣтъ между поверхностію моря и замѣтками произошло неравное разстояніе, чего не могло бы случиться, по закону жидкостей, если бы море понижалось, а берега оставались неподвижны. А такъ какъ тоже самое явленіе замѣчено и въ Италіи, то и можно вывести заключеніе, что земной шаръ постепенно растетъ, подобно яблоку на деревѣ. Въ 19 лѣтъ онъ выросъ, въ Гресѣ, на 1 шведскій футъ, въ Ассиасундѣ на полфута, а въ Свартклуббенѣ на $\frac{3}{5}$ фута. Въ 108 лѣтъ, въ Лѣфгрундетѣ, выросъ онъ на $3\frac{12}{100}$ фута. Положимъ, круглымъ числомъ, что въ 25 лѣтъ земной шаръ вырастаетъ на одинъ футъ. Такимъ образомъ можно предсказать, что черезъ 25 миллионъ лѣтъ земной шаръ вырастетъ на цѣлый миллионъ футовъ, и что приморскіе города, напримѣръ, Венеція или Петербургъ, возвышающіеся теперь немногимъ надъ поверхностію моря, очутятся тогда на такихъ берегахъ, которые, разъ на семьдесятъ, будутъ выше Альпійскихъ горъ. Кто не вѣритъ нашему предсказанію, тому предоставляемъ, на берегу моря, сдѣлать замѣтку № 6 Отд. VII. 3

и поручить своимъ потомкамъ, чтобы они черезъ 25 миліоновъ лѣтъ смѣряли ея разстояніе отъ поверхности моря.

Но намъ кажется, что вопросъ: море ли понижается, или же берега растутъ? — не рѣшенъ еще удовлетворительно. Извѣстно, какъ трудно дѣлать вѣрнымъ образомъ замѣтки, означающія поверхность воды. Мы видали чергы, показывающія необыкновенную прибыль не морской, а рѣчной воды. Здѣсь, напримѣръ, у этого дома по замѣткѣ выходитъ, что вода поднялась на два аршина, а тамъ далѣе, шаговъ черезъ пять, замѣтка гласитъ, что вода поднималась на аршинъ три четверти; а еще подалѣе высота воды очень явственно означена въ два аршина съ четвертью. Невольно воскликнешь съ Голландцемъ Марлинскаго: два аршина съ четвертью! Тутъ еще дѣло идетъ о рѣчной водѣ. А извольте смѣрять съ математическою вѣрностію высоту морской, которая безпрестанно волнуется, которая то возвышается, то понижается отъ приливовъ, отливовъ, сильныхъ вѣтровъ, дующихъ то на берегъ, то отъ берега, и отъ другихъ законныхъ причинъ. Если берегъ моря растетъ, то почему же и дно морское, которое есть продолженіе берега, лишено права расти и поднимать воду на столько, чтобы не отстать отъ берега? Только то не подлежитъ сомнѣнію, что между замѣтками и поверхностью моря черезъ нѣсколько лѣтъ разстояніе постоянно увеличивается, и что даже на высотахъ горъ находятъ раковины и другіе признаки, что тамъ въ древнія времена было море. Море ли понизилось, или берега выросли? Извольте думать, какъ угодно. Мы на то и другое согласны.

ЯВЛЕНІЕ НА АДРИАТИЧЕСКОМЪ МОРЬ. На извѣстномъ разстояніи, въ особенности тамъ, гдѣ рѣка Брента впадаетъ въ Адриатическое Море, происходитъ удивительное явленіе. Во время сильныхъ жаровъ, когда плаваютъ ночью гондолы, море представляется горящимъ, въ особенности, если водѣ сообщается слегка движеніе. Къ вечеру иногда видно на поверхности моря такое сильное сіяніе, что можно его сравнить безъ преувеличенія съ чашею зажженного рома, который мѣшаютъ ложкою. Невозможно представить себѣ великолѣпнѣе этого зрѣлища. Иногда также замѣчаютъ, глядя вни-

мательно на поверхность моря съ низкаго берега, что въ великомъ множествѣ маленькіе шарики выскакиваютъ изъ воды и быстро катятся по волнамъ, какъ бы по твердому тѣлу, покрытому масломъ или пылью. Тѣже явленія замѣчены на морѣ около береговъ Ирландіи, но гораздо въ меньшей степени. Наливши въ сосудъ свѣтящейся воды, можно различать въ ней чрезвычайно мелкія животнорастенія, которыя заключаютъ въ себѣ такое сильное фосфорическое свойство, что они, плавая, производятъ даже въ водѣ сосуду сіяніе. Особенно прелестно зрѣлище, когда весла гондолы или колеса парохода, приводя въ движеніе спокойную поверхность моря, усиливаютъ его блескъ.

ГОЛУБОЕ СОЛНЦЕ. Докторъ Гарвей пишетъ, что на Бермудскихъ Островахъ солнце на нѣсколько времени превратилось въ голубое. Оно проливало голубое сіяніе, отражавшееся на всѣхъ предметахъ, въ особенности утромъ 31 Августа, послѣ ужасной ночи, когда сильный ураганъ опустошилъ городъ Барбадосъ. Господинъ Рейдъ, губернаторъ Бермудскихъ острововъ, сказалъ, что это явленіе часто тамъ случается. По-этому, нельзя на этихъ островахъ пѣть нашихъ русскихъ пѣсень, въ которыхъ солнце, какъ извѣстно, всегда бываетъ красное.

ГИГАНТСКІЙ ТЕЛЕСКОПЪ, ПОСРЕДСТВОМЪ КОТОРАГО ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ РАЗСМОТРѢТЬ ЖИТЕЛЕЙ ЛУНЫ. Въ нѣмецкомъ журналѣ Ost und West, напечатана статья, присланная изъ Йозефштадта, которую мы здѣсь помѣщаемъ въ переводѣ.

«Великіе астрономы Гершель и Шреттеръ посредствомъ огромныхъ телескоповъ изслѣдовали поверхность луны и нашли, что она имѣетъ сходство съ земною поверхностію. По этому нѣтъ сомнѣнія, что на лунѣ должны быть живыя существа. Шреттеръ даже полагаетъ, что онъ разсмотрѣлъ на лунѣ города, въ которыхъ находятся большія фабрики. Догадка эта основана на замѣченномъ дымѣ, поднимающемся надъ тѣми мѣстами, гдѣ находятся лунныя города. Въ особенности удивленъ былъ Шреттеръ обширными равнинами,

которыхъ замѣтны были озера, рѣки, лѣса и луга. На другихъ мѣстахъ являлись огромные утесы и горы, и глубокия пропасти. Онъ смотрѣлъ на все это съ изумленіемъ, потому что все это на лунѣ имѣетъ гораздо большіе размѣры, чѣмъ на землѣ. Какъ бы желательно было узнать луну поближе! Нельзя ли устроить Фраунгоферовскій телескопъ въ сто футовъ длины и отлить сообразныя съ этимъ размѣромъ стекла? Такой гигантскій телескопъ не только открылъ бы намъ тайны на лунѣ и планетахъ, но и подалъ бы возможность узнать чудеса природы въ огромномъ пространствѣ вселенной. Или человѣческому разуму не дозволено проникнуть такъ глубоко въ тайны творенія? Или ему суждено только стремиться къ познаніямъ? Принимая въ соображеніе, что искусствамъ и наукамъ нѣтъ опредѣленныхъ границъ, мы не сомнѣваемся, что желаемая нами цѣль можетъ быть достигнута, если бы составилось общество ученыхъ, которое, подъ покровительствомъ правительства, пригласило бы все образованные народы принять участіе въ устройствѣ обсерваторіи самаго огромнаго размѣра, напримѣръ, въ Мюнхенѣ или Миланѣ, который знаменитъ по своему ясному небу. Тогда безъ сомнѣнія преодолѣли бы все трудности предпріятія и достигли бы того, что устройство луны и жители ея сдѣлались бы намъ известны. Тогда можно бы было установить таксу для взиманія платы за обозрѣніе открытыхъ тайнъ и чудесъ, толпы устремились бы къ обсерваторіи, и такимъ образомъ могъ бы составиться капиталъ для вознагражденія издержекъ, употребленныхъ на устройство гигантской обсерваторіи, и для ея поддержанія на будущія времена.»

Того и смотри, что по этому предложенію составитъ за границей общество на акціяхъ. Положимъ, что на устройство обсерваторіи и гигантскаго телескопа потребуются пять-милліоновъ рублей. Для обзора луны и ея жителей, каждый Европеецъ непременно заплатитъ пять рублей ассигнаціями. Это очень недорого. Мы беремъ въ расчетъ одну Европу. Въ ней считается болѣе двухъ-сотъ-милліоновъ жителей. По-крайней-мѣрѣ одинъ изъ десяти Европеецевъ непременно захочетъ посмотреть на жителей луны и на все прочія тамошнія чудеса. Такимъ образомъ наберется двадцать-милліоновъ зрителей изъ

одной Европы. Каждый заплатитъ пять рублей, и акціонеры соберутъ съ одной Европы сто-милліоновъ и увеличатъ свой капиталъ въ двадцать разъ. Сверхъ того Африка, Азія, Америка и Австралія остаются въ запасъ. Если и эти части свѣта доставятъ, все вмѣстѣ, вдвое дохода въ сравненіи съ Европой, то капиталъ акціонеровъ увеличится въ шестьдесятъ разъ. Тотъ кто внесетъ десять-тысячъ, получитъ шестьсотъ-тысячъ рублей. Какая огромная выгода! Весьма желательно, чтобы скорѣе составилось общество на акціяхъ. Назвать его можно: Общество разсмотрѣнія луны и ея жителей. Очень можетъ случиться, что, разсмотрѣвъ луну, на которой по замчанію Шреттера все имѣетъ гораздо большіе размѣры, чѣмъ на землѣ, увидятъ тамъ нѣсколько или, по-крайней-мѣрѣ, одну обсерваторію съ огромнымъ телескопомъ, направленнымъ на земной шаръ. Жители луны, замѣтивъ нашу обсерваторію, поймутъ, что и наши ученые наконецъ ихъ увидѣли и подадутъ какой-нибудь знакъ. Ученые отвѣтятъ также знакомъ, и такимъ образомъ можно будетъ устроить телеграфическую линію между землею и луною. Потомъ можетъ завязаться по телеграфу слѣдующій разговоръ: *Лунные ученые.* Вы видите насъ, почтенные жители луны? *Земные ученые.* Давно видимъ и удивляемся, какъ вы такъ долго не могли насъ разсмотрѣть. *Земные ученые.* Да вотъ недавно только устроили обсерваторію съ гигантскимъ телескопомъ, благодаря обществу на акціяхъ. *Лунные ученые.* Ну каково идутъ ваши дѣла? *Земные ученые.* Превосходно! Капиталъ акціонеровъ увеличился въ шестьдесятъ разъ. Ну, а какъ ваши дѣла? *Лунные ученые.* Ни то, но се. Сначала наши акція шли хорошо, а потомъ все насмотрѣлись на васъ, увидѣли, что у васъ все одно и тоже, всевъ это прискучило, и акціи начали падать. Не продадите ли намъ сотни двѣ или три вашихъ акцій? *Земные ученые.* Пожалуй! Первоначальная цѣна акцій тысяча талеровъ. Теперь цѣна — семьдесятъ-пять-тысячъ. *Лунные ученые.* Чтѣ это такое значить талеръ? *Земные ученые.* Это наша монета. (Здѣсь ученые опредѣляютъ относительную цѣнность земныхъ и лунныхъ монетъ). *Лунные ученые.* Дороговато! Нельзя ли подешевле? *Земные ученые.* Невозможно! И то для васъ только, по этой цѣнѣ уступаемъ. *Лунные ученые.* Ну, ладно! Печего дѣлать съ вами! По всему

видно, что вы очень любите деньги. — И такъ, кромѣ нашихъ пяти частей свѣта, Общество разсмотрѣнія луны и ея жителей можетъ распространить свои обороты даже на лунъ, и акціи еще болѣе поднимутся. Лунные жители чрезъ своего банкира сообщать, по телеграфу, хоть Ротшильду, напримеръ, чтобы онъ выдалъ обществу слѣдующую сумму за купленные на лунѣ акціи, а съ земли сообщать, чтобы лунный банкиръ внесъ въ тамошній банкъ такую же сумму на имя Ротшильда, для выдачи по первому его требованію. Завяжется новый родъ дѣлъ, начнутся новые обороты, и это чрезвычайно оживитъ промышленность на землѣ и лунѣ, къ общей пользѣ ихъ обитателей.

Мы совершенно увѣрены въ огромныхъ выгодахъ общеста разсмотрѣнія луны и ея жителей, и напередъ объявляемъ, что по первому извѣстію объ учрежденіи этого общества обязываемся отправить за границу, къ германскимъ ученымъ, впередъ пять рублей за обзоръ чудесъ, находящихся на спутникѣ земнаго шара.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ, ОГНЕННЫЙ ФОНТАНЪ, ПОДНИМАЮЩІЙСЯ ИЗЪ РЪЧКИ. Въ Графствѣ Кларорганскомъ, въ разстояніи одной мили съ половиною отъ Пондъи-Придла, поднимается изъ середины рѣчки струя газа. Эта рѣчка вытекаетъ изъ долины, находящейся между горами Алантриссанскими и Динасскими. Она соединяетъ Таффъ съ Ньюбриджемъ. Газъ, когда его зажигаютъ, производитъ большое пламя отъ четырехъ до пяти футовъ въ высоту, распространяющее сильный жаръ. Пять другихъ струй газа поднимаются на поляхъ, прилегающихъ къ рѣчкѣ; но онѣ не такъ сильны, какъ та, которая выходитъ изъ рѣчки. Ночью эти огненные фонтаны представляютъ прекрасное зрѣлище.

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ВЪ АМЕРИКѢ. Изъ Коненгагена пишутъ, что въ засѣданіи Общества сѣверныхъ антикваріевъ, секретарь этого общества, профессоръ Рафъ, сообщилъ замѣчательное письмо члена, Генри Р. Скулькрафта (Henry R. Schoolcraft), отличнаго есте-

ствоиспытателя, находящагося въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этомъ письмѣ онъ описываетъ плоскій камень съ надписью, найденный въ большомъ курганѣ, въ Области Миссиссипи. Надпись состоитъ изъ двадцати-четырехъ буквъ и высѣчена на камнѣ между двумя параллельными линиями. Этотъ камень, вѣроятно былъ положенъ къ покойнику въ могилу, какъ талисманъ или генеалогическій памятникъ. Около скелета найдены были также другія, примѣчательныя древности. Профессоръ Рафъ прибавилъ отъ себя нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ объяснилъ сходство нѣкоторыхъ изъ означенныхъ буквъ съ древними европейскими, финикійскаго происхожденія, какъ то съ древними греческими, этрусскими, целтиберійскими, англосаксонскими, галльскими и другими. Это сходство ясно доказываетъ, что означенная надпись, найденная въ Америкѣ, сдѣлана была Европѣйцами, которые были тамъ до десятаго столѣтія, слѣдовательно гораздо прежде Колумба, — можетъ быть, потомками жителей Пиренейскаго Полуострова или Ирландцами, поселившимися въ тѣ времена въ Америкѣ, какъ свидѣлствуютъ сѣверныя саги.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ программѣ объ изданіи Сына Отечества на нынѣшній 1842 годъ, между прочимъ было сказано: наполненіе семи отдѣлений журнала потребовало бы изданія ежемѣсячно книжекъ, отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ, но, для избѣжанія излишней толщины избранъ для большей части отдѣлений убористый, четкій шрифтъ. Это дастъ возможность печатать тоже самое количество статей, въ объемѣ отъ 16 до 20 печатныхъ листовъ.

Въ шести книжкахъ Сына Отечества, изданныхъ за истекшее полугодіе, слѣдовало бы быть 120-ти печатнымъ листамъ, если принять въ расчетъ высшее число листовъ, обѣщанное программой, то есть, по 20 въ мѣсяцъ; но въ этихъ шести книжкахъ содержится 128 печатныхъ листовъ, слѣ-

довательно болѣе, чѣмъ обѣщала программа. Читатели, конечно, замѣтили, что только проза одного III-го отдѣленія журнала печатается шрифтомъ *цицерио*, всѣ же прочія шесть отдѣленій печатаются *корпусомъ*, *боргесомъ* и *петитомъ*. Изъ листа, напечатаннаго корпусомъ, выйдетъ почти полтора листа *цицерио*, изъ одного листа *боргеса* выйдетъ два, изъ *петита* еще болѣе. Если бы Сынъ Отечества захотѣлъ обратить на себя вниманіе толщиною, то егюло бы только печатать два или три отдѣленія шрифтомъ *цицерио*, а прочія корпусомъ; *боргеса* же и *петита* употреблять какъ можно менѣе или совсѣмъ не употреблять. Но неужели въ одной толщинѣ всѣ достоинства журнала?

Остальные шесть книжекъ втораго полугодія будутъ изданы въ нынѣшнемъ году непременно, согласно программѣ, безъ всякаго измѣненія плана журнала и обѣщаннаго количества листовъ. Съ начала года журналъ печатался на любской бумагѣ, но отнынѣ будетъ печататься на веленовой, которая тонше любской, а потому и книжки журнала, сохраняя прежнее количество листовъ, будутъ казаться тонѣе. Для образца, нынѣшняя, шестая книжка напечатана уже на новой бумагѣ. Благодарный пріемъ Сына Отечества, налагаетъ обязанность на Редактора изъяснить почтеннымъ читателямъ свою искреннюю благодарность, которую онъ постарается доказать на дѣлѣ, употребляя всѣ возможныя средства къ наполненію журнала статьями занимательными и стоящими вниманія просвѣщенныхъ читателей.

Условія подписки на Сынъ Отечества, наступившаго втораго полугодія, означены на внутренней сторонѣ обертки журнала. Экземпляры перваго полугодія можно получать исключительно въ конторѣ Сына Отечества.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛА СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1842 ГОДА.

=

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

—

1. РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

- О состояніи просвѣщенія въ Россіи, въ 1725 году. Сочиненіе служившаго при Петрѣ Великомъ доктора Философіи и Медицины Михаила Шенда. Переводъ съ латинскаго. . . . . 3.
- О необходимости критическаго изданія Исторіи Карамзина. Жизнь Владиміра Андреевича Старickaго. П. Савельева. . . . . 36.

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ событій за границею 55—64.

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

На новый годъ. <i>Е. Шаховой</i>	1.
Море. <i>В. Анольской</i>	3.
Родина. <i>Х. Шевцова</i>	5.
Могилы. <i>Его же</i>	—
Сонетъ. <i>Князя Д. Кропоткина</i>	6.
Завѣтный гость. <i>Его же</i>	7.
Лава. <i>А. О.</i>	8.
Прочное благо. <i>К. М.</i>	10.

Теоретическая любовь 1791 года. Повѣсть. *Маркиза Глаголя*. . . . . 11—96.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Аладдинъ, или Волшебная Лампа. Драматическая сказка датскаго поэта Эленшлегера. Переволь въ стихахъ, *В. Дерикера* . . . . . 1—128.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Знаменитый процессъ Донъ-Карлоса. Переволь съ испанскаго, *Ред. С. О.* . . . . . 1.

Открытие новаго материка въ южномъ полушаріи . . . . . 24.

Хива за сто лѣтъ назадъ. *II. Савельева*. (Съ планомъ Хивы). . . . . 33.

Латыши или Летты. Статья *Ватсона*. Переволь *Д. Языкова*. . . . . 40—58.

VI. КРИТИКА.

Вступленіе. . . . . 1—20.

VII. СМѢСЬ.

Журналы, издаваемые въ Новой Зеландіи и Австраліи.	1
Гибель корабля и британская благодарность.	—
Приказъ англійскаго вице-адмирала смотрителю русскаго маяка.	4.
Бѣдствія и ужасы, постигшіе французскаго путешественника, который пріѣхалъ изъ Германіи въ Петербургъ.	5.
Биографическая галерея. <i>Скрибъ</i>	10.
Новый физическій инструментъ, изобрѣтенный господиномъ <i>Араго</i>	18.
Полезное употребленіе сжатого воздуха.	19.
Новое искусство	20.
Подземные пласты живыхъ инфузоріевъ.	21.
Раки изъ подземнаго озера.	22.
Паровыя кареты.	—
Эмсъ, Ахенъ и Спа.	23.
Полетъ новаго рода.	27.
Парижскіе театры.	28.
Разныя извѣстія.	40.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

О мѣстѣ погребенія Ляпунова. *Н. Савельева.* 3—8.

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ событій за границею... 9—30.

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Волшебница. Идиллія Оеокрита. Переводъ *М. Л.* 1.
 Давно ль это было? *И. Гоголева.* . . . . . 6.
 Не бойся! *Дмитревскаго* . . . . . 8.
 Мечты. *Его же* . . . . . —
 Вольнка и трещетка. Басня. *Маркиза Глаголя.* . 10.

Душа на пружинкѣ. Повѣсть. *И. Чекмарева* . . 11.
 Пакетъ. Изъ разсказовъ дѣда. *П. Каменскаго.* . 62.
 Переводъ въ прозѣ стиховъ древняго вавилонскаго
 мудреца Меродахъ-Валадана. *Маркиза Гла-*
голя . . . . . 100—102.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Хитаночка. Повѣсть Сервантеса. Переводъ съ ис-
 панскаго, *П. Петровскаго.* . . . . . 1—22.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Знаменитый процессъ Донъ-Карлоса. Переводъ съ
 испанскаго, *Ред. С. О.* (Окончаніе). . . . . 1.

Адель и Шоа, страны сѣверовосточной Африки.
 Путешествіе господина Роше. *П. С.* . . . . . 29—50.

VI. КРИТИКА.

Нѣсколько словъ о томъ, пишутъ ли Сербы бук-
вами своего изобрѣтенія. Соч. *Н. Тирола.*—
Болгарскіе книжники, Соч. *В. Априлова.*—*На-*
ши, списанные съ натуры Русскими.—*Исторія*
Петра Великаго. Соч. *Н. Ламбина.*—*Стихотво-*
ренія, *А. Майкова.*—*Литературный кабинетъ.*
 Соч. *Артистовъ Императорскихъ Московскихъ*
театровъ.—*Театральный Альбомъ.* . . . . 1.—34.

VII. СМѢСЬ.

Чего добивался Колумбъ? . . . . . 1.
 Рейнъ. . . . . 11.
 Письмо Суворова, сочиненное французскимъ респу-
 бликанцемъ. . . . . 21.
 Выборъ римскихъ императоровъ. . . . . 24.
 Новое средство избѣгать дуэли. . . . . 27.
 Польза системы взаимнаго порицанія. . . . . 30.
 Жалкая участь добродѣтели. . . . . 32.
 Наука и филантропія. . . . . 33.
 Лондонская башня въ 1818 и въ 1841 году. . . . . —
 Еще попытка пробраться по Нигеру во внутрен-
 ность Африки. . . . . 43.
 Что такое во внутренности пятой части свѣта?. . 45.
 Филологическое торжество Римской Пропаганды. . 47.

Гробница царя Бориса Феодоровича Годунова.	49.
Разныя извѣстія	51.

(При этой книжкѣ приложенъ снятый съ натуры и наравированный видъ гробницы царя Бориса Годунова).

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Сказанія польскаго историка Кобѣржицкаго о походахъ короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россію. Статья первая. Событія 1611—1616 года. Переводъ съ латинскаго, <i>И. Боричевскаго</i>	3—28.
--	-------

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ событій за границу. 1—18.
--

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Два ангела. <i>Е. Шаховой</i>	1.
Морозъ. <i>В. Бенедиктова</i>	3.
Задача и премія. <i>П. Корсакова</i>	5.
Завѣтныя чувства	6.
Марціанъ. Баллада. <i>Барона Е. Розена</i>	—

Пакетъ. Изъ разказовъ дѣла. <i>П. Каменскаго</i> . (Окончаніе).	9.
--	----

Луна и стихи. Китайская комедія, доставленная въ Петербургъ изъ Кяхты, въ чайномъ ящикѣ. 99—154.
--

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Хитаночка. Повѣсть Сервантеса. Переводъ съ испанскаго, <i>П. Петровскаго</i> . (Окончаніе)	1—
--	----

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Гуцуллы, карпатскіе горы.	1.
О важности изученія исторіи, особенно въ настоящее время. <i>Н. Савельева</i>	32.
О животномъ магнитизмѣ. Статья первая. Профессора, доктора медицины <i>А. Рафаловича</i>	45—76.

VI. КРИТИКА.

<i>Военный Энциклопедическій Лексиконъ, издаваемый обществомъ военныхъ и литераторовъ.—Исторія Малой Россіи</i> Соч. <i>Д. Н. Бантыша-Каменскаго</i> .— <i>Баларскитъ книжницы</i> . Соч. <i>Априлова</i> .— <i>Козьма Петровичъ Мирошевъ, русская быль времени Екатерины II</i> . Соч. <i>М. Н. Загоскина</i> . 1—28.
--

VII. СМѢСЬ.

Ирландскія древности	1.
Биографическая галерея. Герцогъ Веллингтонъ.	6.
Памятникъ Ю. И. Венелину.	19.
Денница ново-болгарскаго образованія.	20.
Несогрѣшительность человѣческаго правосудія.	22.

Охота на тигровъ	36.
Птицы архитекторы	44.
Разныя извѣстiя	45.
Удивительная новость	46.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Сказанiя польскаго историка Кобѣржицкаго о походахъ короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россiю. Статья вторая. Событiя 1617—1618 года. Переводъ съ латинскаго, <i>И. Боричевскаго</i>	3—40.
--	-------

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣнiе современныхъ событiй за границую	1—22.
--	-------

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воздушное путешествiе на Анды. <i>П. Корсакова</i>	1.
Моя молитва. <i>Въры Анольской</i>	3.
Цвѣтокъ. <i>Х. Шевцова</i>	4.
Слава Богу. <i>Его же</i>	5.
Встрѣча въ Эгерскомъ Замкѣ. <i>Барона Е. Розена</i>	6.

Необыкновенный закладъ. Не повѣсть, а истинный казусъ, случившiйся съ коллежскимъ регистраторомъ Бѣсомыгнымъ. <i>А. Раменскаго</i>	9—30.
--	-------

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бешпо. Венеціанская повѣсть лорда Байрона. Вольный переводъ <i>Любича-Романовича</i>	1—36.
--	-------

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Сто дней. Возвращенiе Наполеона съ Острова Эльбы	1.
О животномъ магнитизмѣ. Статья вторая. Профессора, доктора медицины <i>А. Рафаловича</i>	52—104.

VI. КРИТИКА.

<i>Исторiя древней философи, приспособленная къ понятiю каждою образованнаго челоовька</i> . Соч. Карла Зедергольма	1—42.
---	-------

VII. СМѢСЬ.

Отрывокъ изъ рѣчи господина Араго, произнесенной въ Парижской Академии Наукъ, о заслугахъ профессора Вольты.	1.
Животное электричество.	3.
Наблюденiе касательно порчи рельсовъ на желѣзныхъ дорогахъ.	7.
Инструментъ изобрѣтенный для опредѣленiя: что такое солнечный свѣтъ.	—
Дождь—археологъ и естественный пытель.	8.
Исполинскiй скелетъ въ Лондонѣ.	9.
Сраженiе графа со змѣей за бѣлку.	—
Французскiй писатель Дюма на островѣ римскаго императора Тиверiя и въ волшебномъ гротѣ.	10.
Прѣвращенiе морской воды въ прѣсную.	19.

Желѣзная дорога черезъ Панамскій Перешеекъ.	19.
Лондонскій тоннель.	—
Вѣсти о Везувіи	20.

=

КНИЖКА ПЯТАЯ

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Сказанія польскаго историка Кобѣржицкаго о походахъ короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россію. Статья третья и послѣдняя. Событія 1618—1619 года. Переводъ съ латинскаго, <i>И. Боричевскаго</i>	3—24.
--	-------

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ событій за границею.	1—26.
---	-------

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрочь-монастырь. Тверское преданіе XIII столѣтія. <i>И. Третьякова</i>	1—16.
---	-------

Сваговство. Провинціальныя сцены	17—58.
--	--------

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Мануэла д'Авиллесъ. Повѣсть господина Питръ-Шевалье. Переводъ В. Д.	1—72.
---	-------

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О животномъ магнитизмѣ. Статья третья и послѣдняя. Профессора, доктора медицины <i>А. Рафаловича</i>	1.
--	----

Патріотическій взглядъ на русскую литературу. <i>И. Калашникова</i>	61—76.
---	--------

VI. КРИТИКА.

<i>Записки русскаго путешественника. Соч. князя Мещерскаго.—Парижъ въ 1858 и 1859 годах.</i> Соч. Строева.	1—28.
--	-------

VII. СМѢСЬ.

Біографическая галерея. Эспартеро.	1.
Игрушки взрослыхъ дѣтей.	15.
Піятельская услуга. Комедія	19.
Вліяніе остротъ на историческія судьбы народовъ.	27.
Разныя средства присвоивать себѣ чужое добро.	35.
Досадная ошибка Жоржа Санда.	37.
Польза воль	38.
Викторъ Гюго съ ума сошелъ.	39.
Нарядъ королевы.	40.
Кровяной дождь.	—
Берлинскій архивъ ученыхъ извѣстій касательно	

Россіи, и его отзывъ о XVII томѣ Энциклопедическаго Лексикона.	42.
Разныя извѣстія.	52.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини, въ 1565 году. Переводъ съ италіянскаго . . .	3—16.
---	-------

II. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ событій за границую. 1—	34.
--	-----

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Вѣчный огонь. <i>Барона Е. Розена</i>	1.
Цвѣтокъ. <i>Я—</i>	2.
Рыбачка. <i>Его же</i>	3.
Фавнъ. <i>И. Крешева</i>	4.
Баллада объ англійскомъ королѣ Эдгарѣ, который женился на дочери своего вассала Ричарда, Эльфридѣ. <i>И. Смирнова</i>	6.

Быль 1703 года. Разсказъ. <i>К. Масальскаго</i> . . .	9—54.
---	-------

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бубновѣй король Повѣсть Евгенія Скриба. Переводъ <i>Ред. С. О.</i>	1—26.
--	-------

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Мнѣніе самихъ Французовъ о политехническомъ ученіи и о постройкахъ во Франціи, въ послѣднія двадцать лѣтъ. <i>Гр. Ляшова</i>	1.
Желтое море. <i>Соч. З. Леонтьевскаго</i>	13.
Участіе Одессы въ подвигахъ на поприщѣ наукъ, отечественной исторіи и словесности. <i>Соч. Скальковскаго</i>	19—68.

VI. КРИТИКА.

<i>Положденія Чичикова, или Мертвыя Души</i> . Поэма Н. Гоголя	1—30.
--	-------

VII. СМѢСЬ.

Афганистанъ въ древности.	1.
Новое путешествіе въ Африку.	3.
Сравненіе русскаго и англійскаго флотовъ.	4.
О полномъ затмѣніи солнца 26 Іюня 1842 года, и о вопросахъ небесной физики, которыхъ разрѣшеніе связано съ наблюденіями, производимыми надъ полными солнечными затмѣніями.	22.
Постепенное возвышеніе земли надъ поверхностью моря.	32.
Явленіе на Адриатическомъ Морѣ.	34.
Голубое солнце.	35.

Гигантскій телескопъ, посредствомъ котораго пред-
полагается рассмотреть жителей луны. . . . . 35.
Естественный, огненный фонтанъ, поднимающій-
ся изъ рѣки. . . . . 38.
Древняя европейская надпись, найденная въ Аме-
рикѣ. . . . . —

